Сим удостоверяется...

ГЕНРИ КАТТНЕР

СИМ УДОСТОВЕРЯЕТСЯ...

Ассоциация уральских издателей

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство
1992

ББК 83.37 США
К29

Совместное издание
Средне-Уральского книжного издательства
и Ассоциации уральских издателей
Составитель В.Бугров
Редактор Г.Гломоздова

К $\frac{\mathbf{4703040100-052}}{\mathbf{M158(03)-92}}$ **Без объявл. - 92**
ISBN 5-7529-0430-7

А КАК ЖЕ ЕЩЕ?

Когда приземлилось летающее блюдце, Мигель и Фернандес стреляли друг в друга через поляну, не проявляя особой меткости. Они потратили несколько зарядов на странный летательный аппарат. Пилот вылез и направился по склону к Мигелю, который под ненадежным прикрытием кактуса, проклиная все на свете, старался поскорее перезарядить ружье. Он никогда не был хорошим стрелком, а приближение незнакомца совсем его доконало. Не выдержав, он в последний момент отбросил ружье, схватил мачете и выскочил из-за кактуса.

- Умри же, - сказал он и замахнулся. Сталь блеснула в ярких лучах мексиканского солнца. Нож отскочил от шеи незнакомца и взлетел высоко в воздух, а руку Мигеля как будто пронзило электрическим током. По-осиному свистнула пуля, посланная с другого конца поляны. Он ничком упал на землю и откатился за большой камень. Тоненько пискнула вторая пуля, и на левом плече незнакомца вспыхнул голубой огонек.

- Estoy perdido*, - пробормотал Мигель. Он уже считал себя погибшим. Прижавшись всем телом к земле, он поднял голову и зарычал на врага.

Но незнакомец не проявлял никакой враждебности. Больше того, он даже не был вооружен. Мигель зорким глазом осматривал его. Странно он одет. На голове - шапка из блестящих голубых перышек. Под ней - лицо аскета, суровое, неумолимое. Он худ и высок - футов, наверное, семь. Но никакого оружия не видно. Это придало Мигелю храбрости. Интересно, куда упало мачете?

---

*Я пропал. (Здесь и далее исп).

Впрочем, ружье валялось поблизости.

Незнакомец подошел к Мигелю.

- Вставайте, - сказал он, - давайте поговорим.

Он прекрасно говорил по-испански, только голос его раздавался как будто у Мигеля в голове.

- Я не встану, - объявил Мигель. - А то Фернандес меня убьет. Стрелок-то он никудышный, но я не такой дурак, чтобы рисковать. И потом, это нечестно. Сколько он вам заплатил?

Незнакомец строго посмотрел на Мигеля.

- Вы знаете, откуда я? - спросил он.

- А мне наплевать, откуда вы, - проворчал Мигель, стирая пот со лба. Он покосился на соседнюю скалу, за которой у него был спрятан бурдюк с вином. - Не иначе как из Los Estados Unidos*, со всякими вашими летательными машинами. Уж будьте спокойны, достанется вам от правительства.

- Разве мексиканское правительство поощряет убийство?

- А наш спор никого не касается. Главное - решить, кто хозяин воды. Вот и приходится защищаться. Этот cabron** с той стороны все старается прикончить меня. Он и вас нанял для этого. Бог накажет вас обоих. - Тут его осенило. - А сколько вы возьмете за то, чтобы убить Фернандеса? - осведомился он. - Я могу дать три песо и козленка.

- Всякие распри должны быть прекращены, - сказал незнакомец. - Понятно?

- Тогда пойдите скажите об этом Фернандесу, - сказал Мигель.

- Втолкуйте ему, что права на воду теперь мои. И пусть убирается подобру-поздорову.

Он устал глядеть на высокого незнакомца. Но стоило ему слегка повернуть затекшую шею, как в тот же миг пуля прорезала недвижный раскаленный воздух и смачно шлепнулась в кактус.

Незнакомец пригладил перышки на голове.

- Сначала я кончу разговор с вами, - сказал он. - Слушайте меня внимательно, Мигель.

- Откуда вы знаете, как меня зовут? - удивился Мигель, перекатываясь с живота на спину и осторожно усаживаясь за камнем. - Значит, я угадал: Фернандес вас нанял, чтобы меня убить.

- Я знаю, как вас зовут, потому что я умею читать ваши мысли. Хотя они у вас весьма путаные.

---

*Соединенных Штатов.
**Грубое ругательство.

- Собачий сын, - выругался Мигель.

У незнакомца слегка раздулись ноздри, но он оставил выпад без внимания.

- Я прибыл из другого мира, - сказал он, - меня зовут... - Мигелю показалось, что он сказал что-то вроде Кетзалкотл.

- Кетзалкотл? - иронически переспросил Мигель. - Ну, еще бы. А меня зовут Святой Петр, у которого ключи от неба.

Тонкое бледное лицо Кетзалкотла слегка покраснело, но он сдержался и продолжал спокойно:

- Послушайте, Мигель. Поглядите на мои губы. Они не двигаются. Мои слова раздаются у вас в голове под действием телепатии, вы сами переводите их на понятный вам язык. Мое имя оказалось слишком трудным для вас. Вы перевели его как Кетзалкотл, но меня зовут совсем по-другому.

- De veras?* - сказал Мигель. - Имя не ваше, и явились вы не с того света. Norteamericanos** никогда нельзя верить - клянитесь какими хотите святыми.

Кетзалкотл опять покраснел.

- Я пришел сюда для того, чтобы приказывать, - сказал он, - а не для того, чтобы препираться со всякими... Как вы думаете, Мигель, почему вы не смогли убить меня вашим мачете? Почему пули не причиняют мне вреда?

- А почему ваш летательный аппарат летает? - нашелся Мигель. Он достал кисет и стал скручивать сигарету. Потом выглянул из-за камня. - Фернандес может подкрасться ко мне незаметно. Лучше я возьму ружье.

- Оставьте его, - сказал Кетзалкотл, - Фернандес вас не тронет.

Мигель зло рассмеялся.

- И вы его не трогайте, - твердо добавил Кетзалкотл.

- Ага, значит, я вроде как подставлю другую щеку, а он сразу влепит мне пулю в лоб. Вот если он поднимет руки вверх да пойдет ко мне через поляну, я поверю, что он хочет покончить дело миром. Да и то близко его не подпущу, потому что за спиной у него может оказаться нож, сеньор Кетзалкотл.

Кетзалкотл снова пригладил перышки и нахмурился.

- Вы оба должны прекратить эту распрю, - сказал он. - Нам поручено следить за порядком во Вселенной и

*Неужто?
**Североамериканцам.

устанавливать мир на тех планетах, которые мы посещаем.

- Так я и думал, - с удовлетворением произнес Мигель. - Вы из los Estados Unidos. А что же вы в своей-то собственной стране не навели порядок? Я видел в ias peliculas* a los senores** - Хэмфри Богарта и Эдварда Робинсона. Подумайте, в самом Новом Йорке гангстеры ведут перестрелку на небоскребах. А вы куда смотрите? Отплясываете в это время с la senora Бетти Гребль. Знаем мы вас! Сначала установите мир, а потом нашу нефть и драгоценные металлы захватите.

Кетзалкотл сердито отшвырнул камешек блестящим металлическим носком своего ботинка.

- Поймите же. - Он поглядел на незажженную сигарету, торчащую во рту у Мигеля. И вдруг поднял руку - раскаленный луч от кольца на его пальце воспламенил кончик сигареты. Мигель отпрянул, пораженный. Потом он сделал затяжку и кивнул. Раскаленный луч исчез.

- Muchas gracias, senor***, - сказал Мигель.

Кетзалкотл усмехнулся бесцветными губами.

- Мигель, - сказал он, - как по-вашему, может norteamericano сделать такое?

- Quien sabe!****

- Никто из живущих на Земле не может этого сделать, и вы это прекрасно знаете.

Мигель пожал плечами.

- Видите вон тот кактус? - спросил Кетзалкотл. - Я могу уничтожить его в одну секунду.

- Я вам верю, сеньор.

- Могу, если хотите знать, уничтожить всю вашу планету.

- Ну да, я слыхал про атомную бомбу, - вежливо ответил Мигель.

- Но чего же вы тогда беспокоитесь? Весь спор-то из-за какого-то несчастного колодца...

Мимо просвистела пуля.

Кетзалкотл сердито потер кольцо на своем пальце.

- Всякая борьба должна теперь прекратиться, - сказал он угрожающе. - А если она не прекратится, мы уничтожим Землю.

Ничто не препятствует людям жить в мире и согласии.

- Есть одно препятствие, senor.

---

*В кино.
**Сеньоров.
***Большое спасибо, сеньор.
****Кто знает!

- Какое?

- Фернандес.

- Я уничтожу вас обоих, если вы не перестанете враждовать.

- El senor - великий миротворец, - почтительно заметил Мигель. - Я-то бы всей душой, только как мне тогда в живых остаться.

- Фернандес тоже прекратит борьбу.

Мигель снял свое видавшее виды сомбреро, нацепил на палку и осторожно приподнял ее над камнем. Раздался треск. Мигель подхватил сомбреро на лету.

- Ладно, - сказал он. - Раз сеньор настаивает, я стрелять не стану, но из-за камня не выйду. Рад бы вас послушаться, но ведь вы от меня требуете сами не знаете чего. Все равно что вы велели бы мне летать по воздуху, как ваша машина.

Кетзалкотл нахмурился еще больше. Наконец он сказал:

- Мигель, расскажите мне, с чего началась ваша вражда.

- Фернандес хотел убить меня и поработить мою семью.

- Зачем ему это было нужно?

- Потому что он плохой, - сказал Мигель.

- Откуда вы знаете, что он плохой?

- Потому, - логично заметил Мигель, - что он хотел убить меня и поработить мою семью.

Наступило молчание. Подскочил сорокопут и клюнул блестящее дуло ружья Мигеля. Мигель вздохнул.

- У меня тут припрятан бурдючок вина... - начал он, но Кетзалкотл перебил его:

- Вы что-то говорили о праве пользования водой.

- Ну да, - сказал Мигель. - У нас бедная страна, senor. Вода здесь на вес золота. Засуха была. На две семьи воды не хватает. Колодец мой. Фернандес хочет убить меня и поработить мою семью.

- Разве в этой стране нет судов?

- Для нашего брата? - Мигель вежливо улыбнулся.

- А у Фернандеса есть семья? - спросил Кетзалкотл.

- Да, бедняги, - сказал Мигель. - Когда они плохо работают, он избивает их до полусмерти.

- А вы своих бьете?

- Только если они этого заслуживают, - Мигель был слегка сбит с толку. - Жена у меня очень толстая и ленивая. А старший сын Чико дерзить любит... Мой долг - колотить их для их же блага. И мой долг - защищать наши права на воду, раз злодей Фернандес решил убить меня и...

- Мы только зря теряем время, - нетерпеливо перебил его Кетзалкотл. - Дайте-ка мне подумать.

Он снова потер кольцо и огляделся вокруг. Сорокопут нашел добычу повкуснее ружейного дула. Он удалялся с ящерицей в клюве.

Солнце ярко светило в безоблачном небе. В воздухе стоял сухой запах мескита. Безукоризненная форма и ослепительный блеск летающего блюдца были неуместны в зеленой долине.

- Подождите здесь, - произнес наконец Кетзалкотл. - Я пойду поговорю с Фернандесом. Когда я позову, приходите к моему летательному аппарату. Мы с Фернандесом будем ждать вас там.

- Как скажете, senor, - согласился Мигель, глядя в сторону.

- И не трогайте ружье, - добавил Кетзалкотл строго.

- Конечно, нет, senor, - сказал Мигель. Он подождал, пока высокий незнакомец ушел. Тогда он осторожно пополз по иссушенной земле к своему ружью. Поискав, нашел и мачете.

Только после этого Мигель припал к бурдюку - ему очень хотелось пить, но пьяницей он не был, вовсе нет; он зарядил ружье, прислонился к скале и в ожидании прикладывался время от времени к бурдюку.

Тем временем незнакомец, не обращая внимания на пули, со вспышками отскакивающие от его стального панциря, приближался к укрытию Фернандеса. Звуки выстрелов прекратились. Прошло довольно много времени, но вот высокая фигура появилась снова и поманила к себе Мигеля.

- Ia voy, senor*, - ответил Мигель. Он положил ружье на скалу и осторожно выглянул, готовый тотчас же спрятаться при малейшем признаке опасности. Но все было спокойно.

Фернандес появился рядом с незнакомцем. Мигель молниеносно нагнулся и схватил ружье, чтобы выстрелить с лета.

В воздухе что-то зашипело. Ружье обожгло Мигелю руки. Он вскрикнул и уронил его, и в тот же миг в мозгу у него произошло полное затмение.

"Я умираю с честью", - подумал он и потерял сознание.

... Когда он очнулся, он стоял в тени большого летающего блюдца. Кетзалкотл отвел руку от

*Иду, сеньор.

неподвижного лица Мигеля. Солнце сверкало на его кольце. Мигель ошалело покрутил головой.

- Я жив? - спросил он.

Но Кетзалкотл не ответил. Он повернулся к Фернандесу, который стоял позади него, и провел рукой перед его застывшим лицом. Свет от кольца Кетзалкотла блеснул в остановившиеся глаза Фернандеса. Фернандес помотал головой и что-то пробормотал. Мигель поискал глазами ружье и мачете, но они исчезли. Он сунул руку под рубашку, но любимого ножа там тоже не оказалось.

Он встретился глазами с Фернандесом.

- Погибли мы, дон Фернандес, - сказал он. - Этот senor Кетзалкотл нас обоих убьет. Мне, между прочим, жаль, что мы больше не увидимся, - ведь ты попадешь в ад, а я в рай.

- Ошибаешься, - ответил Фернандес, тщетно пытаясь найти свой нож. - Не видать тебе неба. А этого norteamericano зовут вовсе не Кетзалкотл, для своих поганых целей он назвался Кортесом.

- Да ты и самому черту соврешь - недорого возьмешь, - съязвил Мигель.

- Прекратите, вы, оба, - резко сказал Кетзалкотл-Кортес. -Вы уже видели, на что я способен. А теперь послушайте. Мы взяли на себя заботу о том, чтобы во всей солнечной системе царил мир. Мы передовая планета. Мы достигли многого, что вам и не снилось. Мы разрешили проблемы, на которые вы не находите ответа, и теперь наш долг - заботиться о всеобщем благополучии. Если хотите остаться в живых, вы должны немедленно и навсегда прекратить распри и жить в мире, как братья. Вы меня поняли?

- Я всегда этого хотел, - возмущенно ответил Фернандес, - но этот мерзавец собрался меня убить.

- Больше никто никого не будет убивать, - сказал Кетзалкотл. - Вы будете жить, как братья, или умрете.

Мигель и Фернандес поглядели друг на друга, потом на Кетзалкотла.

- Senor - великий миротворец, - пробормотал Мигель. - Я же говорил. Ясное дело, ничего нет лучше, чем жить в мире. Но для нас, senor, все это не так-то просто. Жить в мире - это здорово! Только научите нас как.

- Просто прекратите драку, - нетерпеливо сказал Кетзалкотл.

- Вам легко говорить, - заметил Фернандес. - Но жизнь в Соноре - нелегкая штука. Наверное, там, откуда вы явились...

- Ясное дело, - вмешался Мигель, - в los Estados Unidos все богатые.

- ... а у нас сложнее. Может, в нашей стране, senor, змеи не едят мышей, а птицы - змей. У вас, наверное, есть пища и вода для всех и человеку не надо драться, чтобы семья его выжила. У нас-то все не так просто.

Мигель кивнул.

- Мы тоже когда-нибудь станем братьями. И жить стараемся по божьим заветам, хоть это и нелегко, и тоже хотим быть хорошими. Только...

- Нельзя решать жизненные вопросы силой, - непререкаемо заявил Кетзалкотл. - Насилие - это зло. Помиритесь немедленно.

- А то вы нас уничтожите, - сказал Мигель. Он опять пожал плечами и взглянул на Фернандеса. - Ладно, senor. Доказательства у вас всские, против них уже не поспоришь. Al fin*, я согласен. Так что же нам делать?

Кетзалкотл повернулся к Фернандесу.

- Я тоже, сеньор, - со вздохом сказал тот. - Вы, конечно, правы. Пусть будет мир.

- Пожмите друг другу руки. - Кетзалкотл просиял. - Поклянитесь в вечной дружбе.

Мигель протянул руку. Фернандес крепко пожал ее. Они переглянулись с улыбкой.

- Видите, - сказал Кетзалкотл одобрительно. - Это совсем не трудно. Теперь вы друзья. Оставайтесь друзьями.

Он повернулся и пошел к своему летающему блюдцу. В гладком корпусе плавно открылась дверь. Кетзалкотл обернулся.

- Помните, я буду наблюдать за вами!

- Еще бы, - откликнулся Фернандес. - Adios, senor**.

- Vaya con Dios***, - добавил Мигель.

Дверь закрылась за Кетзалкотлом, как будто ее и не было, летающее блюдце плавно поднялось в воздух и мгновение спустя исчезло, блеснув, как молния.

- Так я и думал, - сказал Мигель, - полетел в направлении los Estados Unidos.

Фернандес пожал плечами.

- Ведь был момент, когда я думал, что он скажет что-нибудь толковое. Он прямо напичкан всякой мудростью - это уж точно.

Да, нелегкая штука жизнь.

- О, ему-то легко, - сказал Мигель. - Он не живет в Соноре. А мы живем. Моей семье еще повезло, у нас есть колодец. А тем, у кого нет, приходится тяжело.

---

*Здесь: покончим на этом.
**Прощайте, сеньор.
***С богом.

- Жалкий колодец, - сказал Фернандес. - Но, как он ни плох, он мой.

Разговаривая, он скручивал сигареты. Одну отдал Мигелю, другую закурил сам. Молча покурили и молча разошлись.

Мигель вернулся на холм к своему бурдюку. Он отпил большой глоток, крякнул от удовольствия и огляделся вокруг. Его нож, мачете и ружье были разбросаны по земле неподалеку. Он подобрал их и проверил, заряжено ли ружье.

Потом осторожно выглянул из своего укрытия. Пуля врезалась в камень у самого его лица. Он тоже выстрелил.

После этого наступило молчание. Мигель отпил еще глоток вина. Взгляд его упал на сорокопута: из клюва птицы торчал хвостик ящерицы. Возможно, тот самый сорокопут доедал ту же ящерицу.

Мигель тихонько окликнул его:

- Senor Птица! Нехорошо уничтожать ящериц. Очень нехорошо.

Сорокопут поглядел на него бисерным глазом и запрыгал прочь. Мигель поднял ружье.

- Перестаньте есть ящериц, senor Птица, или я убью вас.

Сорокопут бежал через линию прицела.

- Неужели вам непонятно? - ласково спросил Мигель. - Это же так просто.

Сорокопут остановился. Хвост ящерицы окончательно скрылся в его клюве.

- Вот то-то и оно, - сказал Мигель. - Как бы мне узнать, может ли сорокопут не есть ящериц и остаться в живых? Если узнаю - сообщу вам, amigo*. А пока идите с миром.

Он повернулся и снова направил ружье на ту сторону поляны.

---

*Друг.

АВЕССАЛОМ

Джоэл Локк затемно вернулся из университета, где возглавлял кафедру психодинамики. Он незаметно проскользнул в дом через боковую дверь и остановился, прислушиваясь, - высокий сорокалетний человек со стиснутыми губами; в уголках его рта затаилась язвительная усмешка, серые глаза были мрачны. До него донеслось гудение преципитрона. Это означало, что экономка Эбигейл Шулер занята своим делом. С едва заметной улыбкой Локк повернулся к нише, открывшейся в стене при его приближении.

Гравилифт бесшумно поднял его на второй этаж.

Наверху Локк передвигался с удивительной осторожностью. Он сразу подошел к последней двери в коридоре и остановился перед ней, опустив голову, с невидящими глазами. Ничего не было слышно. Чуть погодя он открыл дверь и шагнул в комнату.

Мгновенно его вновь пронизало, пригвоздило к месту ощущение неуверенности. Однако он не поддался этому ощущению, только еще крепче стиснул зубы и стал оглядываться по сторонам, мысленно приказывая себе не волноваться.

Можно было подумать, что в комнате живет двадцатилетний юноша, а не восьмилетний ребенок. Повсюду в беспорядке валялись теннисные ракетки вперемешку с грудами магнитокниг. Тиаминизатор был включен, и Локк машинально щелкнул выключателем, но тут же насторожился. Он мог поклясться, что с безжизненного экрана видеофона за ним наблюдают чьи-то глаза.

И это уже не в первый раз.

Но вот Локк оторвал взгляд от видеофона и присел на корточки, чтобы осмотреть кассеты с книгами. Одну, озаглавленную "Введение в энтропическую логику", он поднял и хмуро повертел в руках. Затем положил кассету

на место, опять пристально посмотрел на видеофон и вышел из комнаты.

Внизу Эбигейл Шулер нажимала на кнопки пульта горничной-автомата. Чопорный рот экономки был стянут так же туго, как узел седых волос на затылке.

- Добрый вечер, - сказал Локк. - Где Авессалом?

- Играет в саду, брат* Локк, - церемонно ответила Эбигейл. - Вы рано вернулись. Я еще не кончила уборку в столовой.

- Что ж, включите ионизатор, и пусть действует, - посоветовал Локк. - Это недолго. Все равно мне надо проверить кое-какие работы.

Он направился было к выходу, но Эбигейл многозначительно кашлянула.

- Что такое?

- Он осунулся.

- Значит, ему нужно побольше бывать на воздухе, - коротко заметил Локк. - Отправлю его в летний лагерь.

- Брат Локк, - сказала Эбигейл, - не понимаю, отчего вы не пускаете его в Баха-Калифорнию. Он уж так настроился! Раньше вы разрешали ему учить все, что он хочет, как бы труден ни был предмет. А теперь вдруг воспротивились. Это не мое дело, но смею вам сказать, что он чахнет.

- Он зачахнет еще скорее, если я соглашусь. У меня есть основания возражать против того, чтобы он изучал энтропическую логику. Знаете, что она за собой влечет?

- Не знаю... вы же знаете, что не знаю. Я женщина неученая, брат Локк. А только Авессалом - смышленый мальчонка.

Локк раздраженно махнул рукой.

- Удивительный у вас талант сводить все к таким вот узеньким формулам, - сказал он и передразнил: - "Смышленый мальчонка"!

Пожав плечами, Локк отошел к окну и взглянул вниз, на площадку, где его восьмилетний сын играл в мяч. Авессалом не поднял глаз. Он, казалось, был поглощен игрой. Но, наблюдая за сыном, Локк почувствовал, как в его сознании прокрадывается холодный, обволакивающий ужас, и судорожно сцепил руки за спиной.

На вид мальчику можно дать лет десять, по умственному развитию он не уступает двадцатилетним, и все же на самом деле это восьмилетний ребенок. Трудный. Теперь у многих родителей такая же проблема. Что-то

*Обращение, принятое среди квакеров. (Примеч. пер.)

происходило в последние годы с кривой рождаемости гениальных детей. Что-то лениво зашевелилось в глубинах сознания сменяющих друг друга поколений, и медленно стал появляться новый вид. Локку это было хорошо известно. В свое время он тоже считался гениальным ребенком.

Другие родители могут решать эту проблему иначе, упрямо рассуждал Локк. Но не он. Он-то знает, что полезно Авессалому. Другие родители пусть отдают одаренных детей в специальные ясли, где эти дети будут развиваться среди себе подобных.

Только не Локк.

- Место Авессалома здесь, - сказал он вслух. - Со мной, где я могу...

Он встретился взглядом с домоправительницей, опять раздраженно пожал плечами и возобновил оборвавшийся разговор:

- Конечно, смышленый. Но не настолько, чтобы уехать в Баха- Калифорнию и изучать энтропическую логику. Энтропическая логика! Она слишком сложна для ребенка. Даже вы должны это понимать. Это вам не конфета, которую можно дать ребенку, предварительно проверив, есть ли в домашней аптечке касторка. У Авессалома незрелый ум. Сейчас просто опасно посылать мальчика в университет Баха-Калифорнии, где учатся люди втрое старше его. Это связано с таким умственным напряжением, на какое он еще не способен. Я не хочу, чтобы он превратился в психопата.

Эбигейл сердито поджала губы.

- Вы же разрешили ему заниматься математическим анализом.

- Да оставьте меня в покое. - Локк снова посмотрел вниз, на мальчика, играющего на площадке. - По-моему, - медленно проговорил он, - пора провести с Авессаломом очередной сеанс.

Домоправительница устремила на хозяина проницательный взгляд, приоткрыла тонкие губы, собираясь что-то сказать, но тут же снова закрыла рот с явно неодобрительным видом. Она, конечно, не совсем понимала, как и для чего проводятся сеансы. Знала только, что теперь существуют способы принудительно подвергнуть человека гипнозу, против его воли заглядывать к нему в мозг, читать там, как в открытой книге, и выискивать запретные мысли. Она покачала головой, плотно сомкнув губы.

- Не пытайтесь вмешиваться в вопросы, в которых ничего не смыслите, - сказал Локк. - Уверяю вас, я лучше

знаю, что Авессалому на пользу. Я сам тридцать с лишним лет назад был в его положении. Кому может быть видней? Позовите его домой, пожалуйста. Я буду у себя в кабинете.

Нахмурив лоб, Эбигейл провожала его взглядом до двери. Трудно судить, что хорошо и что плохо. Современная мораль жестко требует хорошего поведения, но иногда человеку трудно решить для самого себя, что именно самое правильное. Вот в старину, после атомных войн, когда своеволию не было удержу и каждый делал что хотел, - тогда, наверно, жилось полегче. Теперь же, в дни резкого отката к пуританизму, надо два раза подумать и заглянуть себе в душу, прежде чем решиться на сомнительный поступок.

Что ж, на сей раз у Эбигейл не было выбора. Она щелкнула выключателем настенного микрофона и проговорила:

- Авессалом!

- Что, сестра Шулер?

- Иди домой. Отец зовет.

У себя в кабинете Локк секунду постоял недвижно, размышляя. Затем снял трубку домашнего селектора.

- Сестра Шулер, я разговариваю по видеофону. Попросите Авессалома подождать.

Он уселся перед своим личным видеофоном. Руки ловко и привычно набрали нужный номер.

- Соедините с доктором Райаном из Вайомингских экспериментальных яслей. Говорит Джоэл Локк.

В ожидании он рассеянно снял с полки античных редкостей архаическую книгу, отпечатанную на бумаге, и прочел:

"И разослал Авессалом лазутчиков во все колена Израилевы, сказав: когда вы услышите звук трубы, то говорите: "Авессалом воцарился в Хевроне".

- Брат Локк? - спросил видеофон.

На экране показалось славное, открытое лицо седого человека. Локк поставил книгу на место и поднял руку в знак приветствия.

- Доктор Райан, извините, что побеспокоил.

- Ничего, - сказал Райан. - Времени у меня много. Считается, что я заведую яслями, но на самом деле ими заправляют детишки - все делают по своему вкусу. - Он хохотнул. - Как поживает Авессалом?

- Всему должен быть предел, - ответил Локк. - Я дал ребенку полную свободу, наметил для него широкую программу занятий, а теперь ему вздумалось изучать энтропическую логику. Этот предмет читают только в двух

университетах, и ближайший из них находится в Баха-Калифорнии.

- Он ведь может летать туда вертолетом, не так ли? - спросил Райан, но Локк неодобрительно проворчал:

- Дорога отнимет слишком много времени. К тому же одно из требований университета - проживание в его стенах и строгий режим. Считается, что без дисциплины, духовной и телесной, невозможно осилить энтропическую логику. Это вздор. Начатки ее я самостоятельно освоил у себя дома, хоть для наглядности и пришлось воспользоваться объемными мультипликациями.

Райан засмеялся.

- Мои ребятишки проходят тут энтропическую логику. Э-э... вы уверены, что все поняли?

- Я понял достаточно. Во всяком случае, убедился, что ребенку незачем ее изучать, пока у него не расширится кругозор.

- У наших она идет как по маслу, - возразил врач. - Не забывайте: Авессалом - гений, а не заурядный мальчик.

- Знаю. Но знаю и то, какая на мне ответственность. Надо сохранить нормальную домашнюю обстановку, чтобы дать Авессалому чувство уверенности в себе, - это одна из причин, по которым пока нежелательно, чтобы ребенок жил в Баха-Калифорнии. Я хочу его оберегать.

- У нас и раньше не было единства в этом вопросе. Все одаренные дети прекрасно обходятся без присмотра взрослых, Локк.

- Авессалом - гений, но он ребенок. Поэтому у него отсутствует чувство пропорций. Ему надо избегать множества опасностей. По-моему, это ошибка - предоставлять одаренным детям свободу действий и разрешать им делать все что угодно. У меня были веские причины не отдавать Авессалома в ясли. Всех гениальных детей смешивают в одну кучу и предоставляют самим выкарабкиваться. Абсолютно искусственная среда.

- Не спорю, - сказал Райан. - Дело ваше. По-видимому, вы не желаете признать, что в наши дни кривая рождаемости гениев приобрела вид синусоиды. Через поколение...

- Я и сам был гениальным ребенком, но я-то с этим справился, - разгорячился Локк. - У меня хватало неприятностей с отцом. Это был тиран, мне просто повезло, что он не искалечил мою психику. Я все уладил, но неприятности были. Я не хочу, чтобы у Авессалома были неприятности. Поэтому я прибегаю к психодинамике.

- К наркосинтезу? К принудительному гипнозу?

- Вовсе он не принудительный, - огрызнулся Локк. - Это духовное очищение, оно многого стоит. Под гипнозом Авессалом рассказывает мне все, что у него на уме, и тогда я могу ему помочь.

- Не знал я, что вы это делаете, - медленно произнес Райан. - Я вовсе не уверен, удачная ли это затея.

- Я ведь вас не поучаю, как надо заведовать яслями.

- Да. А вот детишки поучают. Из них многие умнее меня.

- Преждевременно развившийся ум опасен. Ребенок способен разогнаться на коньках по тонкому льду, не проверив его прочности. Но не подумайте, будто я удерживаю Авессалома на месте. Я только проверяю, прочен ли лед. Я-то могу понять энтропическую логику, но Авессалом пока еще не может. Придется ему подождать.

- Так что же?

Локк колебался.

- Гм... вы не знаете, ваши ребята не сносились с Авессаломом?

- Не знаю, - ответил Райан. - Я в их дела не вмешиваюсь.

- Ну, что ж, тогда пусть они не вмешиваются в мои дела и дела Авессалома. Желательно, чтобы вы выяснили, поддерживают ли они связь с моим сыном.

Наступила долгая пауза.

Потом Райан неторопливо сказал:

- Постараюсь. Но на вашем месте, брат Локк, я бы разрешил Авессалому уехать в Баха-Калифорнию, если он хочет.

- Я знаю, что делаю. - С этими словами Локк дал отбой. Взгляд его снова обратился к Библии.

Энтропическая логика!

Когда ребенок достигнет зрелости, его соматические и физиологические показатели придут в норму, но пока что маятник беспрепятственно раскачивается из стороны в сторону. Авессалому нужна твердая рука - для его же блага.

А ведь с некоторых пор ребенок почему-то увиливает от гипнотических сеансов.

Что-то с ним неладно.

Беспорядочные мысли проносились в мозгу Локка.

Он забыл, что сын его ждет, и вспомнил, лишь услышав из настенного динамика голос Эбигейл, которая объявила, что обед подан.

За обедом Эбигейл Шулер сидела между отцом и сыном, как Атропа* - готовая обрезать разговор, едва только он примет нежелательный для нее оборот. Локк почувствовал, как в нем нарастает давнишнее раздражение: Эбигейл считает своим долгом защищать Авессалома от отца. Быть может, из-за этого ощущения Локк наконец сам затронул вопрос о Баха-Калифорнии.

- Ты, как видно, учишь энтропическую логику. - Вопрос не застал Авессалома врасплох. - Убедился ты, что она для тебя чересчур сложна?

- Нет, папа, - ответил Авессалом. - Не убедился.

- Начатки математического анализа могут показаться ребенку легкими. Но стоит ему углубиться... Я ознакомился с энтропической логикой, сын, просмотрел всю книгу, и мне было трудновато. А ведь у меня ум зрелый.

- Я знаю, что у тебя зрелый. И знаю, что у меня еще незрелый. Но все же, полагаю, мне это доступно.

- Послушай, - сказал Локк. - Если ты будешь изучать этот предмет, у тебя могут появиться психопатологические симптомы, а ты не распознаешь их вовремя. Если бы мы проводили сеансы ежедневно или через день...

- Но ведь университет в Баха-Калифорнии!

- Это меня и тревожит. Если хочешь, дождись моего саббатического года**, я поеду с тобой. А может быть, этот курс начнут читать в каком-нибудь более близком университете. Я стараюсь внимать голосу разума. Логика должна разъяснить тебе мои мотивы.

- Она и разъясняет, - ответил Авессалом. - С этой стороны все в порядке. Единственное затруднение относится к области недоказуемого, так ведь? То есть ты думаешь, что мой мозг не способен без опасности для себя усваивать энтропическую логику, а я убежден, что он способен.

- Вот именно, - подхватил Локк. - На твоей стороне преимущество: ты знаешь себя лучше, чем мне дано тебя узнать. Зато тебе мешает незрелость, отсутствие чувства пропорций. А у меня еще одно преимущество - больший опыт.

- Но ведь это твой опыт, папа. В какой мере он ценен для меня?

---

*Атропа - в древнегреческой мифологии одна из трех Мойр, богинь человеческой судьбы, ножницами перерезала нить жизни. (Примеч. пер.)

**Годичный оплаченный отпуск для повышения общеобразовательного уровня. (Примеч. пер.)

- Об этом ты лучше предоставь судить мне, сын.

- Допустим, - сказал Авессалом. - Жаль вот только, что меня не отдали в ясли для одаренных.

- Разве тебе тут плохо? - спросила задетая Эбигейл, и мальчик быстро поднял на нее теплый, любящий взгляд.

- Конечно, хорошо, Эби. Ты же знаешь.

- Тебе будет намного хуже, если ты станешь слабоумным, - язвительно вставил Локк. - Например, чтобы изучать энтропическую логику, надо овладеть темпоральными вариациями, связанными с проблемой относительности.

- От таких разговоров у меня голова разбаливается, - сказала Эбигейл. - И если вас беспокоит, что Авессалом перенапрягает мозг, не надо с ним разговаривать на эти темы. - Она нажала на кнопки, и металлические тарелки, украшенные французской эмалью, соскользнули в ящик для грязной посуды.

- Кофе, брат Локк... молоко, Авессалом... а я выпью чаю.

Локк подмигнул сыну, но тот остался серьезным. Эбигейл поднялась и, не выпуская из рук чашки, подошла к камину. Она взяла метелку, смахнула осевший пепел, раскинулась на подушках и протянула к огню тощие ноги. Локк украдкой зевнул, прикрыв ладонью рот.

- Пока мы не пришли к соглашению, сын, пусть все будет по-прежнему. Не трогай больше ту книгу об энтропической логике. И другие тоже. Договорились?

Ответа не последовало.

- Договорились? - настаивал Локк.

- Не уверен, - сказал Авессалом после паузы. - Откровенно говоря, книга уже внушила мне кое-какие идеи.

Глядя на сидящего против него сына, Локк поражался несовместимости чудовищно развитого ума с детским тельцем.

- Ты еще мал, - сказал он. - Ничего страшного, если подождешь немного. Не забудь, по закону власть над тобой принадлежит мне, хоть я и ничего не сделаю, пока ты не согласишься, что я поступаю справедливо.

- Мы с тобой по-разному понимаем справедливость, - сказал Авессалом, выводя пальцем узоры на скатерти.

Локк встал, положил руку на плечо мальчика.

- Мы еще не раз вернемся к этому, пока не выработаем наилучшего решения. А теперь мне надо проверить кое-какие работы.

Он вышел.

- Отец желает тебе добра, Авессалом, - сказала Эбигейл.

- Конечно, Эби, - согласился мальчик, но надолго задумался.

На другой день Локк провел занятия кое-как и в двенадцать часов видеофонировал доктору Райану в Вайомингские ясли для одаренных детей. Райан разговаривал уклончиво и рассеянно. Сообщил, что спрашивал детишек, поддерживают ли они связь с Авессаломом, и что все ответили отрицательно.

- Но они, разумеется, солгут по малейшему поводу, если сочтут нужным, - прибавил Райан с необъяснимым весельем.

- Что тут смешного? - осведомился Локк.

- Не знаю, - ответил Райан. - Наверное, то, как терпят меня детишки. Временами я им полезен, но... сначала предполагалось, что я здесь буду руководить. Теперь детишки руководят мною.

- Надеюсь, вы шутите?

Райан опомнился.

- Я отношусь к одаренным детям с исключительным уважением. И считаю, что по отношению к сыну вы совершаете серьезнейшую ошибку. Я был у вас в доме примерно год назад. Это именно ваш дом. Авессалому принадлежит только одна комната. Ему запрещено оставлять свои вещи в других комнатах. Вы его страшно подавляете.

- Я пытаюсь ему помочь.

- Вы уверены, что знаете, как это делается?

- Безусловно, - окрысился Локк, - даже если я не прав, это не значит, что я совершаю сыну... сыно...

- Любопытный штрих, - мимоходом обронил Райан. - Вам бы легко пришло на язык "отцеубийство" или "братоубийство". Но люди редко убивают сыновей. Этого слова сразу не выговоришь.

Локк злобно посмотрел на экран.

- Какого дьявола вы имеете в виду?

- Просто советую вам быть поосторожнее, - ответил Райан. - Я верю в теорию мутации, после того как пятнадцать лет проработал в этих яслях.

- Я сам был гениальным ребенком, - повторил Локк.

- Угу, - буркнул Райан; он пристально посмотрел на собеседника. - А вы знаете, что мутации приписывают кумулятивный эффект? Тремя поколениями раньше гениальные дети составляли два процента. Двумя поколениями раньше - пять процентов. Одним поколением... словом, синусоида, брат Локк. И соответственно растет коэффициент умственного развития. Ведь ваш отец тоже был гением?

- Был, - признался Локк. - Но он не сумел приспособиться.

- Так я и думал. Мутация - затяжной процесс. Есть теория, что в наши дни свершается превращение из homo sapiens в homo superior.

- Знаю. Это логично. Каждое мутировавшее поколение - по крайней мере доминанта - делает шаг вперед, и так до тех пор, пока не появится homo superior. Каким он будет...

- Навряд ли мы когда-нибудь узнаем, - тихо сказал Райан. - И навряд ли поймем. Интересно, долго ли это будет продолжаться? Еще пять поколений, или десять, или двадцать? Каждое делает очередной шаг, реализует новые скрытые возможности человека, и так до тех пор, пока не будет достигнута вершина. Сверхчеловек, Джоэл.

- Авессалом не сверхчеловек, - трезво заметил Локк. - И даже не сверхребенок, если на то пошло.

- Вы уверены?

- Господи! Вам не кажется, что уж я-то знаю своего ребенка?

- На это я вам ничего не отвечу, - сказал Райан. - Я уверен, что знаю далеко не все о детишках в своих яслях. То же самое говорит и Бертрэм - заведующий Денверскими яслями. Эти детишки - следующее звено в цепи мутаций. Мы с вами - представители вымирающего вида, брат Локк.

Локк переменился в лице. Не произнеся ни слова, он выключил видеофон.

Отзвучал звонок на очередное занятие, но Локк не двинулся с места, только на лбу и на щеках у него проступила испарина. Но вот его губы искривились в усмешке - зловещей до странности, он кивнул и отодвинулся от видеофона...

Локк вернулся домой в пять часов. Он незаметно вошел через боковую дверь и поднялся в лифте на второй этаж. Дверь у Авессалома была закрыта, но из-за нее чуть слышно доносились голоса. Некоторое время Локк постоял, прислушиваясь. Потом резко постучался.

- Авессалом! Спустись вниз. Мне надо с тобой поговорить.

В столовой он попросил Эбигейл удалиться и, прислонясь к камину, стал ждать Авессалома.

"Да будет с врагами господина моего царя и со всеми злоумышляющими против тебя то же, что постигло отрока!"

Мальчик вошел, не выказывая никаких признаков смущения. Он приблизился к отцу и встретился с ним

взглядом; лицо мальчика было спокойным и беззаботным.

"Выдержка у него, несомненно, есть", - подумал Локк.

- Я случайно услышал твой разговор, Авессалом, - сказал он вслух.

- Это к лучшему, - сухо ответил Авессалом. - Вечером я бы тебе все равно рассказал. Мне надо продолжить курс энтропической логики.

Локк пропустил это мимо ушей.

- С кем ты разговаривал по видеофону?

- С знакомым мальчиком. Его зовут Малколм Робертс, он из Денверских яслей для одаренных.

- Обсуждал с ним энтропическую логику, а? После того как я тебе запретил?

- Ты ведь помнишь, что я не согласился.

Локк заложил руки за спину и сцепил пальцы.

- Значит, и ты помнишь, что по закону вся полнота власти принадлежит мне.

- По закону - да, - сказал Авессалом, - но не по нормам морали.

- Мораль тут ни при чем.

- Еще как при чем. И этика. В яслях для одаренных многие ребята - куда младше меня - изучают энтропическую логику. Она им не вредит. Мне нужно уехать либо в ясли, либо в университет. Нужно.

Локк задумчиво склонил голову.

- Погоди, - сказал он. - Извини, сын. На мгновение я дал волю чувствам. Вернемся к чистой логике.

- Ладно, - согласился Авессалом, едва заметно отодвигаясь.

- Я убежден, что изучение именно этого предмета для тебя опасно. Я не хочу, чтобы ты пострадал. Я хочу, чтобы у тебя были все возможности, особенно те, которых никогда не было у меня.

- Нет, - сказал Авессалом, и в его тонком голосе прозвучала удивительно взрослая нотка. - Дело не в отсутствии возможностей. Дело в неспособности.

- Что? - переспросил Локк.

- Ты упорно не соглашаешься с тем, что я могу преспокойно изучать энтропическую логику. Я это знаю. Поговорил с другими вундеркиндами.

- О семейных делах?

- Мы с ними одной расы, - пояснил Авессалом. - А ты нет. И, пожалуйста, не говори со мной о сыновней любви. Ты сам давно нарушил ее законы.

- Продолжай, - спокойно процедил Локк сквозь зубы. - Но только оставайся в пределах логики.

- Остаюсь. Я думал, мне еще долго удастся обойтись без этого, но теперь я вынужден. Ты не даешь мне делать то, что нужно.

- Стадийная мутация. Кумулятивный эффект. Понятно.

Пламя было слишком жаркое. Локк сделал шаг вперед, чтобы отойти от камина. Авессалом слегка попятился. Локк внимательно посмотрел на сына.

- Это и есть мутация, - сказал мальчик. - Не полная, но дедушка был одним из первых. Ты - следующая ступень. А я еще следующая. Мои дети будут ближе к полной мутации. Единственные специалисты по психодинамике, которые хоть чего-то стоят, это гениальные дети твоего поколения.

- Благодарю.

- Ты меня боишься, - продолжал Авессалом. - Боишься и завидуешь.

Локк рассмеялся.

- Так где же логика?

Мальчик нервно глотнул.

- Это и есть логика. Раз уж ты убедился, что мутация кумулятивна, для тебя невыносима мысль, что я тебя вытесню. Это твой главный психический сдвиг. То же самое было у тебя с моим дедом, только наоборот. Потому-то ты и обратился к психодинамике, стал там божком и начал вытаскивать на свет тайные мысли студентов, отливать их разум по шаблону адамову. Ты боишься, что я тебя в чем-то превзойду. Так оно и будет.

- Поэтому, наверное, я и разрешал тебе изучать все, что ты хочешь? - спросил Локк. - С единственным исключением?

- Да, поэтому. Многие гениальные дети работают так усердно, что перенапрягаются и полностью теряют умственные способности. Ты бы не твердил об опасности, если бы - в нынешних обстоятельствах - она у тебя не превратилась в навязчивую идею. А подсознательно ты рассчитывал, что я **действительно** перенапрягусь и перестану быть твоим потенциальным соперником.

- Понятно.

- Ты разрешал мне заниматься алгеброй, планиметрией, математическим анализом, неевклидовой геометрией, но сам не отставал ни на шаг. Если раньше та или иная тема была тебе незнакома, ты, не жалея усилий, подучивал ее: удостоверялся, что она тебе доступна. Ты принимал меры, чтобы я тебя не превзошел, чтобы я не получил знаний, которых нет у тебя. И потому ты так упорно не разрешаешь мне учить энтропическую логику.

Лицо Локка осталось бесстрастным.

- То есть? - холодно произнес он.

- Сам ты не мог ее осилить, - пояснил Авессалом. - Ты пытался, но она тебе не дается. Ум у тебя не гибкий. Логика не гибкая. Она основывается на аксиоме, будто минутная стрелка отсчитывает шестьдесят секунд. Ты потерял способность удивляться. Слишком многое переводишь из абстрактного в конкретное. А мне дается энтропическая логика! Я ее понимаю!

- Этого ты нахватался за последнюю неделю, - заметил Локк.

- Нет. Ты думаешь о сеансах? Я уж давно научился отгораживать от твоего прощупывания некоторые участки мозга.

- Не может быть! - вскричал пораженный Локк.

- Это по-твоему. Я ведь - следующая ступень мутации. У меня много талантов, о которых ты и не подозреваешь. Но одно я знаю твердо: для своего возраста я не так уж развит. В яслях ребята меня обогнали. Их родители подчинялись законам природы: долг родителей - оберегать потомство. Только незрелые родители отстают от жизни, в том числе и ты.

Лицо Локка по-прежнему хранило бесстрастное выражение.

- Значит, я недозрел? И ненавижу тебя? Завидую? Ты уверен?

- Правда это или нет?

Локк не ответил на вопрос.

- По уму ты все же уступаешь мне, - сказал он, - и будешь уступать ближайшие несколько лет. Я готов согласиться, если хочешь, что твое превосходство - в гибкости ума и талантах **homo superior.** Какими бы ни были эти таланты. Но твое превосходство уравновешивается тем, что я взрослый, физически развитый человек и ты весишь меньше меня раза в два с лишним. По закону я - твой опекун. И я сильнее, чем ты.

Авессалом опять глотнул, но ничего не ответил. Локк приподнялся на носках, поглядел на мальчика сверху вниз. Его рука скользнула к поясу, но нащупала лишь бесполезную "молнию".

Локк направился к двери. У порога он обернулся.

- Я докажу тебе, что превосходство на моей стороне, - сказал он холодно и спокойно. - И тебе придется это подтвердить.

Авессалом промолчал.

Локк поднялся наверх. Он прикоснулся к рычажку на шифоньерке, порылся в выдвинувшемся ящике и извлек эластичный ремень. Он пропустил прохладную, глянцевую полосу сквозь пальцы. Потом снова вошел в гравилифт.

Теперь губы у него были белы и бескровны.

У двери столовой он остановился, сжимая в руке ремень. Авессалом не сдвинулся с места, но рядом с мальчиком стояла Эбигейл.

- Ступайте прочь, сестра Шулер, - приказал Локк.

- Не смейте его бить, - ответила Эбигейл, вскинув голову и поджав губы.

- Прочь!

- Не уйду. Я все слышала. И каждое его слово - истина.

- Прочь, говорю! - взревел Локк.

Он рванулся вперед, на ходу разматывая ремень.

Тут нервы Авессалома сдали. Он в ужасе вскрикнул и слепо метнулся прочь в поисках убежища, которого здесь не было.

Локк устремился за ним.

Эбигейл схватила каминную решетку и швырнула ее в ноги Локку.

Теряя равновесие, тот выкрикнул что-то невнятное. Потом взметнул одеревеневшие руки и тяжело грохнулся об пол.

Головой он ударился об угол стула и затих, недвижим.

Эбигейл и Авессалом переглянулись поверх распростертого тела.

Внезапно женщина упала на колени и расплакалась.

- Я его убила, - прорыдала она. - Убила... но я ведь не могла допустить, чтобы он тебя тронул, Авессалом! Не могла!

Мальчик прикусил губу.

Он медленно подошел к отцу, осмотрел его.

- Он жив.

Эбигейл судорожно, взахлеб перевела дыхание.

- Иди наверх, Эби, - сказал Авессалом, нахмурясь. - Я сам окажу ему первую помощь. Я умею.

- Нельзя...

- Пожалуйста, Эби, - упрашивал он. - Ты упадешь в обморок и вообще, мало ли что... Ступай, приляг. Право же, ничего страшного.

Наконец она села в лифт.

Авессалом, задумчиво посмотрев на отца, подошел к видеоэкрану.

Он вызвал Денверские ясли. Вкратце обрисовал положение.

- Что теперь делать, Малколм?

- Не отходи. - Наступила пауза. На экране появилось другое мальчишечье лицо.

- Сделай вот что, - раздался уверенный, тонкий голосок, и последовали сложные инструкции. - Ты хорошо понял, Авессалом?

- Все понял. Ему не повредит?

- Останется в живых. Психически он все равно неполноценен. Это даст ему совершенно иной уклон, безопасный для тебя. Так называемая проекция вовне. Все его желания, чувства и прочее примут конкретную форму и сосредоточатся на тебе. Удовольствие он будет получать только от твоих поступков, но потеряет над тобой власть. Ты ведь знаешь психодинамическую формулу его мозга. Обработай в основном лобные доли. Поосторожнее с извилиной Брока. Потеря памяти нежелательна. Надо его обезвредить, только и всего. Замять убийство будет трудновато. Да и навряд ли оно тебе нужно.

- Не нужно, - сказал Авессалом. - Он... он мой отец.

- Ладно, - закончил детский голос. - Не выключай. Я понаблюдаю и, если надо будет, помогу. - Авессалом повернулся к отцу, без сознания лежавшему на полу.

Мир давно стал призрачным. Локк к этому привык. Он по-прежнему справлялся с повседневными делами, а значит, никоим образом не был сумасшедшим.

Но он никому не мог рассказать всей правды. Мешал психический блок. Изо дня в день Локк шел в университет, преподавал студентам психодинамику, возвращался домой, обедал и ждал, надеясь, что Авессалом свяжется с ним по видеофону.

А когда Авессалом звонил, то иногда снисходил до рассказов о том, что он делает в Баха-Калифорнии. Что прошел. Чего достиг. Локка волновали эти известия. Только они его и волновали. Проекция осуществилась полностью.

Авессалом редко забывал подать весточку. Он был хорошим сыном. Он звонил ежедневно, хотя иной раз и комкал разговор, когда его ждала неотложная работа. Но ведь Джоэл Локк всегда мог перелистывать огромные альбомы, заполненные газетными вырезками об Авессаломе и фотоснимками Авессалома. Кроме того, он писал биографию Авессалома.

В остальном же он обитал в призрачном мире, а во плоти и крови, с сознанием своего счастья жил лишь в те минуты, когда на видеоэкране появлялось лицо Авессалома.

Однако он ничего не забыл. Он ненавидел Авессалома, ненавидел постылые неразрывные узы, навеки приковавшие его к плоти от плоти своей... но только плоть эта не совсем от его плоти, в лестнице новой мутации она - следующая ступенька.

В сумерках нереальности, разложив альбомы, перед видеофоном, стоящим наготове рядом с его креслом - только для переговоров с сыном, Джоэл Локк лелеял свою ненависть и испытывал тихое, тайное удовлетворение.

Придет день - у Авессалома тоже будет сын. Придет день. Придет день.

ДЕНЬ НЕ В СЧЕТ

Айрин вернулся в Междугодье. Для тех, кто родился до 1980 года, этот день не в счет. В календаре он стоит особняком, между последним днем старого и первым нового года, он дает вам передышку. Нью-Йорк шумел. Разноголосая реклама упорно гналась за мной и не отставала, даже когда я выбрался на скоростную трассу. А я, как на грех, забыл дома затычки для ушей.

Голос Айрин донесся из маленькой круглой сетки над ветровым стеклом. И странно - несмотря на шум, я отчетливо различал каждое слово.

- Билл, - говорила Айрин. - Где ты, Билл?

Последний раз я слышал ее голос шесть лет назад. На миг все вокруг отступило куда-то, словно я несся вперед в полной тишине, где звучали только эти слова, но тут я чуть не врезался в бок полицейской машины, и это вернуло меня к действительности - к грохоту, рекламам, сумятице.

- Впусти меня, Билл, - донеслось из сетки.

У меня мелькнула мысль, что, пожалуй, Айрин и в самом деле сейчас окажется передо мной. Тихий голосок звучал так отчетливо, казалось, стоит протянуть руку - и сетка откроется, и оттуда выйдет Айрин, крошечная, изящная, и ступит ко мне на ладонь, уколов острыми каблучками. В Междугодье что только не взбредет в голову. Все, что угодно.

Я взял себя в руки.

- Привет, Айрин, - спокойно ответил я. - Еду домой. Буду через пятнадцать минут. Сейчас дам команду и "сторож" тебя впустит.

- Жду, Билл, - отозвался тихий отчетливый голосок.

На дверях моей квартиры щелкнул микрофон, и вот я снова один в машине, и меня охватывает безотчетный страх и растерянность - я толком и не пойму, хочу ли

видеть Айрин, а сам бессознательно сворачиваю на сверхскоростную трассу, чтобы быстрее попасть домой.

В Нью-Йорке шумно всегда. Но Междугодье - самый шумный день. Никто не работает, все бросаются в погоню за развлечениями, и если кто когда-нибудь и тратит деньги, так в этот день. Рекламы безумствуют - мечутся, сотрясают воздух. Раза два по дороге я пересекал участки, на которых особые микрофоны гасили противоположные волны и наступала тишина. Раза два шум на пять минут сменялся безмолвием, машина летела вперед, как во сне, и в начале каждой минуты ласкающий голос напоминал: "Эта тишина - плод заботы о вас со стороны компании "Райские кущи". Говорит Фредди Лестер".

Не знаю, существует ли Фредди Лестер на самом деле. Быть может, его смонтировали из кинокадров. А может, и нет. Ясно одно - природе не под силу создать такое совершенство. Сейчас многие мужчины перекрашиваются в блондинов и выкладывают на лбу завитки, как у Фредди. Огромная проекция его лица скользит в круге света вверх и вниз по стенам зданий, поворачивается во все стороны, и женщины протягивают руки, чтобы коснуться ее, словно это лицо живого человека. "Завтрак с Фредди! Гипнопедия - учитесь во сне! Курс читает Фредди! Покупайте акции "Райских кущ"!" Н-да.

Дорога вырвалась из зоны молчания, и на меня обрушились слепящие огни и грохот Манхэттена. ПОКУПАЙ - ПОКУПАЙ - ПОКУПАЙ! - неустанно твердили бесчисленные разнообразные сочетания света, звука и ритма.

Она поднялась, когда я вошел. Ничего не сказала. У нее была новая прическа, по-новому подкрашено лицо, но я узнал бы ее где угодно - в тумане, в кромешной тьме, с закрытыми глазами. Потом она улыбнулась, и я увидел, что эти шесть лет ее все-таки изменили, и на миг мной вновь овладели нерешительность и страх. Я вспомнил, как сразу после развода у меня на экране телевизора появилась женщина, загримированная под Айрин, похожая на нее как две капли воды. Она уговаривала меня застраховаться от рекламы. Но сегодня, в день, которого, по сути дела-то, и нет, можно было не волноваться. Сегодня Междугодье, и денежная сделка считается законной, только если платишь наличными. Конечно, никакой закон не может защитить от того, чего сейчас опасался я, но для Айрин это неважно. И никогда не было важно. Не важно, доходило ли до нее вообще, что я живой, настоящий человек. Всерьез, глубоко - вряд ли. Айрин - дитя своего мира. Как и я, впрочем.

- Нелегкий у нас будет разговор, - сказал я.

- А разве сегодня считается? - возразила Айрин.
- Как знать, - ответил я.
Я подошел к серванту-автомату.
- Выпьешь чего-нибудь?
- 7-12-Дж, - попросила Айрин, и я набрал на диске это сочетание. В стакан полился розовый напиток. Я остановился на виски с содовой.
- Где ты пропадала? - спросил я. - Ты счастлива?
- Где? Как тебе сказать... Одним словом, жизнь вроде чему-то меня научила. Счастлива ли? Да, очень. А ты?
Я отхлебнул виски.
- Я тоже. Весел, как птица небесная. Как Фредди Лестер.
Она еле заметно улыбнулась и пригубила розового коктейля.
- Ты меня слегка ревновал к Джерому Форету, помнишь, когда он был кумиром, до Фредди Лестера, - сказала она. - Ты еще расчесывал волосы на двойной пробор, как у Форета.
- Я поумнел, - ответил я. - Видишь - волосы не подкрашиваю, не завиваюсь. Ни под кого теперь не подделываюсь. А ведь ты меня тоже ревновала. По-моему, ты причесана, как Ниобе Гей.
Айрин пожала плечами.
- Проще согласиться на это, чем уговаривать парикмахера. И может, я хотела тебе понравиться. Мне идет?
- Тебе - да. А на Ниобе Гей я особенно не засматриваюсь. И на Фредди Лестсра тоже.
- У них и имена-то ужасные, правда? - сказала она.
Я не мог скрыть удивления.
- Ты изменилась, - заметил я. - Где же ты все-таки была?
Она отвела взгляд. Пока шел этот разговор, мы все время стояли поодаль друг от друга, каждый слегка опасался другого. Айрин посмотрела в окно и проговорила:
- Билл, последние пять лет я жила в "Райских кущах".
На мгновение я замер. Потом взял свой стакан, отпил глоток и только тогда взглянул на Айрин. Теперь мне стало ясно, почему она изменилась. Я и прежде встречал женщин, которым довелось пожить в "Райских кущах".
- Тебя выселили? - спросил я.
Она отрицательно покачала головой.
- Пять лет - немало. Я получила свою порцию - и поняла, что ждала совсем другого. Теперь я сыта по горло. И вижу, я очень ошиблась, Билл. Не того мне надо.
- О "Райских кущах" я знаю из рекламы, - ответил я. - Я был уверен, что толку от них ждать нечего.

- Ты же всегда рассуждал здраво, не то что я, - кротко произнесла она. - Теперь и я поняла - это не поможет. Но реклама так все расписывала.

- Ничто в жизни легко не дается. Свои заботы на чужие плечи не переложишь, никто за тебя в них разбираться не станет.

- Я и сама понимаю. Теперь. Видно, повзрослела. Но прийти к этому не просто. Нам ведь всем с колыбели одинаково штампуют мозги.

- А что прикажешь делать? - спросил я. - Ведь как-то надо жить. Спрос на товары упал до предела, производство сокращается с каждым днем. Хоть белье друг у друга бери в стирку, а то совсем пропадешь. Без броской, солидной рекламы денег не заработаешь. А зарабатывать нужно, черт побери. Денег просто ни на что не хватает, вот в чем суть.

- А ты - ты прилично зарабатываешь? - нерешительно спросила Айрин.

- Это предложение или просьба?

- Предложение, конечно. У меня есть средства.

- Жизнь в "Райских кущах" обходится недешево.

- А я пять лет назад купила акции "Компании по обслуживанию Луны" - и разбогатела на них.

- Отлично. У меня дела тоже идут неплохо, правда, я поистратился изрядно - застраховался от рекламы. Дорогое удовольствие, но того стоит. Теперь я спокойно прохожу по Таймс-сквер, даже если там в это время крутят звукочувствокинорекламу фирмы "Дым веселья".

- В "Райских кущах" реклама запрещена, - сказала Айрин.

- Не очень-то этому верь. Сейчас изобрели нечто вроде звукового лазера, он проникает сквозь стены и шепотом внушает тебе что угодно, пока ты спишь. Даже затычки не помогают. Наши кости служат проводником.

- В "Райских кущах" ты от этого огражден.

- А здесь - нет, - сказал я. - Что же ты покинула свою обитель?

- Может быть, стала взрослой.

- Может быть.

- Билл, - проговорила Айрин. - Билл, ты женился?

Я не ответил - раздался стук в окно: там порхала маленькая искусственная птица, она пыталась распластаться на стекле. В груди у нее был диск-присосок. Вероятно, еще какой-нибудь передатчик, ибо тотчас ясный и деловитый, отнюдь не птичий голос потребовал: "... и непременно отведайте помадки, непременно..." Стекло автоматически поляризовалось и отшвырнуло рекламную пташку.

- Нет, - сказал я. - Нет, Айрин. Не женился.

Взглянув на нее, я предложил:

- Выйдем на балкон.

Дверь пропустила нас на балкон, и тут же включились защитные экраны. Денег они пожирают уйму, но их стоимость включена в мою страховую премию.

Здесь было тихо. Особые системы улавливали вопли города, визг рекламы и сводили их на нет. Ультразвуковой аппарат сотрясал воздух так, что слепящие рекламные огни Нью-Йорка превращались в зыбкий поток бессмысленных пестрых пятен.

- А почему ты спрашиваешь, Айрин?

- Вот почему, - она обняла меня за шею и поцеловала.

Потом отступила назад, ожидая, что за этим последует.

Я снова повторил:

- Почему, Айрин?

- Все прошло, Билл? - промолвила она еле слышно. - Ничего уже не вернуть?

- Не знаю, - ответил я. - Господи, ничего я не знаю. И знать не хочу - страшно.

Страх, меня терзал страх. Никакой уверенности - ни в чем. Мы выросли в мире купли и продажи, и где нам теперь знать, что настоящее, а что нет. Я внезапно протянул руку к пульту управления, и экраны отключились.

И тотчас же пестрые полосы свились в кричащие слова; выписанные нюколором, они горят одинаково ярко и ночью и днем. ЕШЬ - ПЕЙ - РАЗВЛЕКАЙСЯ - СПИ! С минуту эти призывы вспыхивали в полном безмолвии, потом отключился и звуковой барьер и в тишину ворвались вопли: ЕШЬ - ПЕЙ - РАЗВЛЕКАЙСЯ - СПИ! ЕШЬ - ПЕЙ - РАЗВЛЕКАЙСЯ - СПИ!

БУДЬ КРАСИВЫМ!

БУДЬ ЗДОРОВЫМ!

ЧАРУЙ - ТОРЖЕСТВУЙ - БОГАТЕЙ - ОЧАРОВАНИЕ - СЛАВА!

ДЫМ ВЕСЕЛЬЯ! ПОМАДКА! ЯСТВА МАРСА!

СПЕШИСПЕШИСПЕШИСПЕШИСПЕШИСПЕШИ!

НИОБЕ ГЕЙ ГОВОРИТ - ФРЕДДИ ЛЕСТЕР ПОКАЗЫВАЕТ - В "РАЙСКИХ КУЩАХ" ТЕБЯ ЖДЕТ СЧАСТЬЕ!

ЕШЬ - ПЕЙ - РАЗВЛЕКАЙСЯ - СПИ! ЕШЬ - ПЕЙ - РАЗВЛЕКАЙСЯ - СПИ!

ПОКУПАЙПОКУПАЙПОКУПАЙ!

Айрин вдруг стала меня трясти, и лишь тогда, глянув в ее побелевшее лицо, я понял, что она кричит, а вокруг в упорном, неотвязном гипнотическом вихре красок бушевало создание лучших психологов земли - сверх-

реклама, которая хватает тебя за горло и выдирает у тебя последний цент, потому что в мире больше не хватает денег.

Я обнял одной рукой Айрин, а другой снова включил экраны. Мы были оба как пьяные. Вообще-то говоря, реклама не обязательно тебя так ошарашивает. Но, если ты выведен из душевного равновесия, она представляет реальную опасность. Реклама ведь воздействует на душу, на чувства. Она всегда отыщет уязвимое место. Она избирает мишенью самые сокровенные твои желания.

- Успокойся, - сказал я. - Все хорошо, все, все хорошо. Смотри. Экраны включены. Эта дьявольщина сюда больше не прорвется. Только в детстве это очень худо. У тебя еще нет защитной реакции, и тебе на определенный лад штампуют мозги. Не плачь, Айрин. Пойдем в комнату.

Я нацедил еще по бокалу себе и Айрин. Она плакала, не в силах успокоиться, а я говорил, говорил без умолку.

- Во всем виновата система штамповки мозгов, - говорил я. - Едва подрастешь, как тебе начинают забивать голову. Фильмы, телевизор, журналы, кинокниги - все средства воздействия идут в ход. Цель одна - тебя заставляют покупать. Всеми правдами и неправдами. Прививают искусственные потребности и страхи до тех пор, пока ты уже не можешь отличить настоящего от поддельного. Ничего подлинного, даже дыхание - и то поддельное. Оно зловонно. Принимай хлорофилловые пастилки "Сладостный вздох". Черт побери, Айрин. Знаешь, почему наша семейная жизнь полетела кувырком?

- Почему? - с трудом разобрал я сквозь носовой платок.

- Ты вообразила меня Фредди Лестером. А я, наверно, решил, что ты - Ниобе Гей. Мы забыли, что мы настоящие, живые люди, с мыслями, с чувствами. Не удивительно, что из браков нынче ничего путного не получается. Думаешь, я потом не горевал, что у нас с тобой так нелепо все сложилось?

Мне стало легче. Я высказал, что было на душе, и ждал, пока она успокоится. Она взглянула на меня, не отнимая от лица носового платка.

- А как же Ниобе Гей?

- К черту Ниобе Гей!

- И ты не будешь меня попрекать Фредди Лестером?

- Зачем? Ведь он всего-навсего плод воображения, как и Ниобе Гей. Наверно, даже и в "Райских кущах".

Айрин взглянула на меня поверх носового платка, и в глазах у нее промелькнуло странное выражение. Потом

она высморкалась, прищурилась и улыбнулась мне. Я не сразу сообразил, чего она ждет.

- В тот раз, - напомнил я ей, - я наговорил всякой романтической чепухи. А теперь...

- Что теперь?

- Пойдешь за меня замуж, Айрин?

- Пойду, Билл, - ответила она.

Наступила полночь Междугодья, и через минуту после полуночи мы поженились. Айрин просила дождаться начала нового года. Междугодье, сказала она, такое насквозь выдуманное. Его и вообще-то нет. Этот день не в счет. Я порадовался за Айрин - наконец-то она рассуждает здраво. В прежние времена ей такое и в голову не приходило.

Сразу же после брачной церемонии мы включили полное ограждение. Мы знали: как только механические информаторы объявят о нашей женитьбе, нас затопит лавина рекламы, рассчитанной специально на такие случаи. Даже само бракосочетание пришлось дважды прерывать - мешали нескончаемые объявления для новобрачных.

И вот мы одни в маленькой нью-йоркской квартире, в тиши и покое, вдали от всех. За окнами вопят и вспыхивают всевозможные небылицы, - стараясь перещеголять друг друга, сулят славу и богатство всем и каждому. Каждый может стать самым богатым. Самым красивым. Источать самые благоуханные ароматы, жить дольше всех на свете. Но только мы одни можем остаться самими собой, потому что мы укрылись в тишине своего оазиса, где все было подлинным.

В ту ночь мы строили планы. Смутные, несбыточные. Пахотной земли давно нет и в помине. Мы размечтались: вот бы купить оборудование, создать плодородный участок с гидропонной установкой и питающей системой, забраться куда-нибудь подальше от городской суеты, от вездесущей рекламы... Пустые фантазии.

На следующее утро, когда я проснулся, солнце длинными полосами лежало на кровати. Айрин исчезла.

На ленте записывающего аппарата от нее не было ни слова. Я прождал до полудня. То и дело выключал ограждение - вдруг она захочет пробиться ко мне, - включал его снова, оглушенный нескончаемым потоком рекламы для новобрачных. Я чуть с ума не сошел в то утро. Я не мог понять, что же произошло. За стеклом двери, прозрачным только изнутри, рекламные агенты (я им потерял счет) обольщали меня через отключенный

микрофон заманчивыми предложениями, но лицо Айрин так ни разу и не появилось. Все утро я ходил взад и вперед по комнате, пил кофе - после десятой чашки он потерял всякий вкус - и докурился до тошноты.

В конце концов пришлось обратиться в сыскное бюро. Душа у меня к этому не лежала. После вчерашней ночи в покое и тепле нашего оазиса мне была отвратительна мысль о том, чтобы напускать на Айрин ищеек, особенно когда я представлял ее себе затерявшейся среди этих вихрей и потоков рекламы, этого немолчного грохота, что зовется Манхэттеном.

Через час из бюро сообщили, где Айрин. Я не поверил. Снова на миг мне почудилось, будто вокруг все смолкло и исчезло, словно включилось какое-то полное ограждение во мне самом, чтобы спасти меня от губительного шума жизни извне.

Я пришел в себя и уловил конец фразы, доносившейся с экрана телевизора.

- Простите, что вы сказали? - переспросил я.

Служащий бюро повторил. Я ответил, что не верю. Потом извинился, переключил телевизор и набрал номер своего банка. Так оно и есть. В банке у меня ни цента. Утром, пока я в неистовстве метался по квартире, жена сняла с моего счета восемьдесят четыре тысячи долларов. Доллар теперь, конечно, немногого стоит, но я так долго копил эти деньги - и вот остался ни с чем.

- Разумеется, сначала мы проверили, - говорил мне клерк, - и убедились, что все в полном порядке. Она - ваша законная супруга, ибо брак был заключен по истечении Междугодья. Льготы, действующие в Междугодье при совершении операций, не имели силы.

- Почему вы не согласовали это со мной?

- Все было в полном порядке, - невозмутимо повторил он. - И, поскольку была уплачена требуемая при изъятии вклада неустойка, нам ничего не оставалось, как выполнить свои обязательства.

Правильно. Неустойка. Я и забыл. Им никакого смысла не было мне сообщать. И теперь уж ничего не поделаешь.

- Ладно, - сказал я. - Спасибо.

- Если мы можем оказаться вам полезными... - На экране вслед за этими словами появилось разноцветное название банка, и я выключил телевизор. Для чего впустую тратить на меня рекламу?

Я заткнул уши и на скоростном лифте опустился на улицу третьего уровня. Быстроходный тротуар помчал меня через город к "Райским кущам". Жилые корпуса у них в основном подземные, но правление поднимается к

небесам, как грандиозный собор, и в нем царит такая тишина, что я вытащил из ушей затычки. Высоко подвешенные лампы лили голубоватый свет, а витражи наводили на мысль о покойницкой.

Меня принял один из управляющих, и я изложил ему цель своего прихода. Он, по-моему, сразу хотел позвать вышибалу, но, смерив меня оценивающим взглядом, решил, что, пожалуй, не мешает обработать возможного клиента.

- Конечно, конечно, - сказал он. - Рад служить. Сюда, пожалуйста. Вас будет сопровождать наш сотрудник, мистер Филд.

Он остановил меня у двери лифта. Я опустился на несколько сот футов и попал в теплый, светлый коридор, где меня дожидался высокий, любезный, розовощекий человек в темном костюме. Мистер Филд был сама доброжелательность.

- "Райские кущи" всегда готовы прийти на помощь, - замурлыкал он. - Ведь не секрет, насколько трудно приспособиться к жизни в эти беспокойные времена. Мы создаем все условия для счастья. С вашего позволения я постараюсь вам помочь, вас удивит, как просто мы избавим вас от всех ваших забот.

- Знаю, знаю, - сказал я. - Где моя жена?

- Сюда, пожалуйста, - и он повел меня по коридору. По обе стороны были двери, на которых поблескивали металлические пластинки, но надписей на пластинках я не разобрал. Наконец мы подошли к одной двери, которая стояла открытой. Внутри было темно.

- Входите, - пригласил мистер Филд и большой, теплой рукой легонько подтолкнул меня внутрь. Зажегся мягкий свет, и я увидел комнату, скудно, но претенциозно обставленную стандартной мебелью. Комната была безликая, бесцветная и напоминала номер в отеле - приличном, но далеко не первоклассном. Я искренне удивился.

- Ванная, - сообщил мистер Филд, открывая дверь.

- Превосходно, - ответил я, не глядя. - Теперь насчет моей жены...

- Взгляните, - невозмутимо продолжал мистер Филд, - кровать убирается в стену. Вот кнопка. - Он нажал на кнопку. - А эта кнопка возвращает ее на место. Простыни из пластика - им нет сносу. Раз в день в нише циркулирует специальная жидкость - к вечеру у вас чистая, словно только что застланная свежим бельем постель. Вы сами понимаете, как это приятно.

- Безусловно.

- Чтобы вас не беспокоили горничные, - уговаривал мистер Филд, - постель будет застилаться магнитным силовым полем. Электромагниты...

- Не утруждайте себя, - прервал я, заметив, что он снова тянется к какой-то кнопке. - Вы попусту тратите время. Проводите меня к жене.

- Мы неустанно печемся о благе своих клиентов, - отвечал он, подняв брови. - Сначала я должен разъяснить, какие именно методы приняты в "Райских кущах". Наберитесь терпения, и, я уверен, вы поймете, почему это необходимо.

Я задумался. Комнатушка произвела на меня гнетущее впечатление. Я был поражен, я не мог поверить, что этот убогий закуток и есть "Райские кущи"! Но ведь все в тот день казалось нереальным. А вдруг и голос Айрин из сетки тогда в машине, и все остальное мне просто приснилось?

Она показалась мне такой... такой изменившейся, полной раскаяния, умудренной жизнью, совсем не похожей на прежнюю легкомысленную Айрин, с которой я развелся шесть лет назад. Вот я и поверил, что теперь все будет по-иному, что Междугодье, этот день не в счет, когда и невозможное возможно, окажется нашим добрым волшебником и позволит начать новую жизнь. Я все еще не мог представить себе...

- А здесь, - мистер Филд вытянул из стены мундштук на чем-то вроде тонкого шланга, - все для курильщиков. Любые табаки. Если пожелаете, мы готовы предоставить вам даже... э-э-э... курения из дальних стран, для любителей имеется и такое. Курильницы вмонтированы во все стены через каждые пять футов, включая и ванную. Все здесь у нас огнестойкое... - он мило улыбнулся, - кроме жильца, он, пожалуй, может воспламениться, но мы не допустим, чтобы кто нибудь пострадал.

- А если свалишься с кровати?

- Полы упругие.

- Как в палате для буйных, - заметил я.

Мистер Филд снова улыбнулся и покачал головой.

- Подобные мысли вам и в голову не придут, если вы вольетесь в счастливую семью обитателей "Райских кущ", - заверил он меня. - Мы гарантируем счастливое состояние духа. Через это окошечко в стене, - он махнул пухлой рукой, - подается еда. Заказанные вами блюда доставляются пневматически. Если пожелаете что-нибудь жидкое - пожалуйста. - Мистер Филд указал на ряд маленьких кранов.

- Прекрасно, - одобрил я. - Это все?

- Не совсем.

Он провел рукой по стене. Что-то тихо щелкнуло. Послышалась нежная отдаленная мелодия.

- Посидите здесь, пожалуйста, минутку, - он слегка подтолкнул меня к креслу. Я, не сопротивляясь, сел. Неприглядная комнатушка наполнилась слабым мерцанием. Меня охватило любопытство. Я ждал, что будет дальше.

Неужели все обманываются, думал я, разглядывая в мерцающем свете белесый ковер и белесую стену. "Райские кущи" так себя разрекламировали, что, видно, люди и впрямь принимают это убожество за роскошь. Ничего удивительного.

- А теперь садитесь поудобнее и забудьте про все на свете, - ласково убеждал мистер Филд. - Помните: "Райские кущи" субсидируют и Ниобе Гей, и Фредди Лестера. Мы не забываем ни мужчин, ни женщин. У нас есть ответы на все сложные проблемы личности в наш сложный век. Судите сами, ведь человеку так нелегко приспособиться к обществу. Или мужчине - к женщине. Откровенно говоря, теперь это вообще невозможно. Но в "Райских кущах" эта проблема решена. Мы гарантируем счастье. Все человеческие запросы и потребности удовлетворяются. Здесь вас ждет счастье, дорогой друг, истинное счастье.

Голос его звучал глуше. Что-то происходило с воздухом. Он густел, а нежная мелодия становилась ритмичнее, в ней будто слышались какие-то слова. Мистер Филд говорил и говорил, все тише и тише.

- Мы - обширное предприятие. Один взнос обеспечивает все возможные требования клиента. Выписывайте нам чек на любой срок, длительный или краткий, и оставайтесь здесь. Комната считается вашей на все это время. По вашему желанию она запирается так, что до конца оплаченного срока дверь можно открыть только изнутри. Плата составляет...

Я уже с трудом разбирал, что он говорит. Голос его упал до еле слышного шепота.

Воздух сворачивался, как молоко, растекался, как рекламные краски при включенном на балконе ограждении.

Мне почудилось, будто в комнате зазвучал еще чей-то голос.

- Подумайте, - шептал мистер Филд. - Вас с детства приучили надеяться на невозможное. А здесь мы даем вам невозможное. Здесь вы обретаете счастье. И плата совсем невелика, ваши расходы окупаются сторицей. Здесь, друг мой, вы познаете жизнь, полную блаженства. Здесь - рай.

В свернувшемся воздухе передо мной стояла Ниобе Гей. Она улыбалась мне.

Самая прелестная женщина на свете. Олицетворение всех мечтаний. Богатство, слава, счастье, здоровье, удача. Много лет мне штамповали мозги, приучали стремиться к этим недосягаемым целям и верить, что все они слились воедино в образе Ниобе Гей. Но никогда прежде я не видел ее так близко, в одной комнате, ощутимую, живую и теплую; она дышала, она протягивала ко мне руки...

Разумеется, это была всего лишь проекция. Но проекция-совершенство. Полностью воссоздающая все осязаемые и зримые детали. Я вдыхал ее аромат. Я чувствовал, как она обвила меня руками, как ее волосы коснулись моего лица, губы приникли к моим губам. Я испытывал те же ощущения, что и тысячи других мужчин, целующих ее в своих подземных комнатушках.

Лишь эта мысль, а вовсе не сознание утраченной реальности заставила меня оттолкнуть ее и отступить назад. Но красавице было все равно. Она продолжала обнимать воздух.

И тут я понял, что не осталось больше средства проверить, в здравом ли ты уме, - невозможно отличить поддельное от настоящего. Ты теряешь последнее средство проверить, не лишился ли ты рассудка, если иллюзия вторгается в жизнь и можно касаться, осязать и держать в объятиях рекламное изображение, словно живую женщину. Больше нечем защищаться от мира подделок.

Я смотрел, как Ниобе Гей осыпает ласками пустоту. Видение, воплотившее все прекрасное, все самое желанное на свете, ласкало пустоту, словно живого человека.

Я открыл дверь и вышел в коридор. Мистер Филд ждал меня, изучая записи в своем блокноте. Надо полагать, глаз у него был наметанный - одного взгляда ему оказалось достаточно: он только пожал плечами и кивнул.

- Что ж, на всякий случай вот моя визитная карточка, - сказал он. - Многие, знаете, приходят снова. Хорошенько поразмыслив.

- Не все, - возразил я.

- Да, не все. - Он стал серьезным. - Некоторым, видимо, свойственна природная сопротивляемость. Быть может, вы из таких. И тогда мне вас жаль. В мире царит полная неразбериха. Винить, конечно, некого. Стараемся выжить, а по-другому не умеем. Вы все-таки подумайте. Быть может, потом...

Я спросил:

- Где моя жена?

- Вон в той комнате, - показал он. - Извините, я не буду вас ждать. Дел по горло. Лифт вы найдете сами.

Послышались его удаляющиеся шаги. Я прошел вперед, постучал в дверь, подождал. Ответа не было.

Я постучал снова, сильнее. Но стук получался слабый, глухой и в комнату, видимо, не проникал. Да, в раю неустанно пекутся о клиентах.

Тут мне бросилась в глаза металлическая пластинка на двери. Вблизи я легко разобрал надпись: "Запечатано до 30 июня 1998 г. Оплачено полностью".

Я быстро подсчитал в уме. Да, она уплатила все деньги, все восемьдесят четыре тысячи долларов. Этого ей хватит надолго.

Интересно, что она предпримет в следующий раз, подумал я.

Стучать я больше не стал. Я направился в ту же сторону, что и мистер Филд, увидел лифт, поднялся наверх и вышел на улицу.

Ступив на быстроходный тротуар, я покатил по Манхэттену. Рекламы вспыхивали и вопили. Я достал из кармана затычки и сунул их в уши. Шум прекратился. Но объявления по-прежнему вертелись, слепили глаза, бежали по фасадам домов, огибали углы, льнули к толстым стенам. И, куда ни глянь, всюду маячило лицо Фредди Лестера.

Даже когда я закрывал глаза, это лицо горело у меня под сомкнутыми веками.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ЭГО

Никлас Мартин посмотрел через стол на робота.

- Я не стану спрашивать, что вам здесь нужно, - сказал он придушенным голосом. - Я понял. Идите и передайте Сен-Сиру, что я согласен. Скажите ему, что я в восторге от того, что в фильме будет робот. Все остальное у нас уже есть. Но совершенно ясно, что камерная пьеса о сочельнике в селении рыбаков-португальцев на побережье Флориды никак не может обойтись без робота. Однако почему один, а не шесть? Скажите ему, что меньше чем на чертову дюжину роботов я не согласен. А теперь убирайтесь.

- Вашу мать звали Елена Глинская? - спросил робот, пропуская тираду Мартина мимо ушей.

- Нет, - отрезал тот.

- А! Ну, так, значит, она была Большая Волосатая, - пробормотал робот.

Мартин снял ноги с письменного стола и медленно расправил плечи.

- Не волнуйтесь! - поспешно сказал робот. - Вас избрали для экологического эксперимента, только и всего. Это совсем не больно. Там, откуда я явился, роботы представляют собой одну из законных форм жизни, и вам незачем...

- Заткнитесь! - потребовал Мартин. -Тоже мне робот! Статист несчастный! На этот раз Сен-Сир зашел слишком далеко. -Он затрясся всем телом под влиянием какой-то сильной, но подавленной эмоции. Затем его взгляд упал на внутренний телефон и, нажав на кнопку, он потребовал: - Дайте мисс Эшби! Немедленно!

- Мне очень неприятно, - виноватым тоном сказал робот. - Может быть, я ошибся? Пороговые колебания нейронов всегда нарушают мою мнемоническую норму, когда я темпорирую. Ваша жизнь вступила в критическую фазу, не так ли?

Мартин тяжело задышал, и робот усмотрел в этом доказательство своей правоты.

- Вот именно, - объявил он. - Экологический дисбаланс приближается к пределу, смертельному для данной жизненной формы, если только... гм, гм... Либо на вас вот-вот наступит мамонт, вам на лицо наденут железную маску, вас прирежут илоты, либо... Погодите-ка, я говорю на санскрите? - Он покачал сверкающей головой. - Наверно, мне следовало сойти пятьдесят лет назад, но мне показалось... Прошу извинения, всего хорошего, - поспешно добавил он, когда Мартин устремил на него яростный взгляд.

Робот приложил пальцы к своему, естественно, неподвижному рту и развел их от уголков в горизонтальном направлении, словно рисуя виноватую улыбку.

- Нет, вы не уйдете! - заявил Мартин. - Стойте, где стоите, чтобы у меня злость не остыла! И почему только я не могу осатанеть как следует и надолго? - закончил он жалобно, глядя на телефон.

- А вы уверены, что вашу мать звали не Елена Глинская? - спросил робот, приложив большой и указательный пальцы к номинальной переносице, отчего Мартину вдруг показалось, что его посетитель озабоченно нахмурился.

- Конечно, уверен! - рявкнул он.

- Так, значит, вы еще не женились? На Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

- Не женился и не женюсь! - отрезал Мартин и схватил трубку зазвонившего телефона.

- Это я, Ник! - раздался спокойный голос Эрики Эшби. - Что-нибудь случилось?

Мгновенно пламя ярости в глазах Мартина угасло и сменилось розовой нежностью. Последние несколько лет он отдавал Эрике, весьма энергичному литературному агенту, десять процентов своих гонораров. Кроме того, он изнывал от безнадежного желания отдать ей примерно фунт своего мяса - сердечную мышцу, если воспользоваться холодным научным термином. Но Мартин не воспользовался ни этим термином и никаким другим, ибо при любой попытке сделать Эрике предложение им овладевала неизбывная робость и он начинал лепетать что-то про зеленые луга.

- Так в чем дело? Что-нибудь случилось? - повторила Эрика.

- Да,- произнес Мартин, глубоко вздохнув. - Может Сен-Сир заставить меня жениться на какой-то Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

- Ах, какая у вас замечательная память! - печально вставил робот. - И у меня была такая же, пока я не начал темпорировать. Но даже радиоактивные нейроны не выдержат...

- Формально ты еще сохраняешь право на жизнь, свободу и так далее, - ответила Эрика. - Но сейчас я очень занята, Ник. Может быть, поговорим об этом, когда я приду?

- А когда?

- Разве тебе не передали, что я звонила? - вспылила Эрика.

- Конечно, нет! - сердито крикнул Мартин. - Я уже давно подозреваю, что дозвониться ко мне можно только с разрешения Сен-Сира. Вдруг кто-нибудь тайком пошлет в мою темницу слово ободрения или даже напильник! - Его голос повеселел. - Думаешь устроить мне побег?

- Это возмутительно! - объявила Эрика. - В один прекрасный день Сен-Сир перегнет палку...

- Не перегнет, пока он может рассчитывать на Диди, - угрюмо сказал Мартин.

Кинокомпания "Вершина" скорее поставила бы фильм, пропагандирующий атеизм, чем рискнула бы обидеть свою несравненную кассовую звезду Диди Флеминг. Даже Толливер Уотт, единоличный владелец "Вершины", не спал по ночам, потому что Сен-Сир не разрешал прелестной Диди подписать долгосрочный контракт.

- Тем не менее Уотт совсем не глуп, - сказала Эрика. - Я по-прежнему убеждена, что он согласится расторгнуть контракт, если только мы докажем ему, какое ты убыточное помещение капитала. Но времени у нас почти нет.

- Почему?

- Я же сказала тебе... Ах, да! Конечно, ты не знаешь. Он завтра вечером уезжает в Париж.

Мартин испустил глухой стон.

- Значит, мне нет спасения, - сказал он. - На следующей неделе мой контракт будет автоматически продлен, и я уже никогда не вздохну свободно. Эрика, сделай что-нибудь!

- Попробую, - ответила Эрика. - Об этом я и хочу с тобой поговорить... А! - вскрикнула она внезапно. - Теперь мне ясно, почему Сен-Сир не разрешил передать тебе, что я звонила. Он боится. Знаешь, Ник, что нам следует сделать?

- Пойти к Уотту, - уныло подсказал Ник. - Но, Эрика...

- Пойти к Уотту, когда он будет один, - подчеркнула Эрика.

- Сен-Сир этого не допустит.

- Именно. Конечно. Сен-Сир не хочет, чтобы мы поговорили с Уоттом с глазу на глаз, - а вдруг мы его убедим? Но все-таки мы должны как-нибудь это устроить. Один из нас будет говорить с Уоттом, а другой - отгонять Сен-Сира. Что ты предпочтешь?

- Ни то и ни другое, - тотчас ответил Мартин.

- О, Ник! Одной мне это не по силам. Можно подумать, что ты боишься Сен-Сира!

- И боюсь!

- Глупости. Ну что он может тебе сделать?

- Он меня терроризирует. Непрерывно. Эрика, он говорит, что я прекрасно поддаюсь обработке. У тебя от этого кровь в жилах не стынет? Посмотри на всех писателей, которых он обработал!

- Я знаю. Неделю назад я видела одного из них на Майн-стрит - он рылся в помойке. И ты тоже хочешь так кончить? Отстаивай же свои права!

- А! - сказал робот, радостно кивнув. - Так я и думал. Критическая фаза.

- Заткнись! - приказал Мартин. - Нет, Эрика, это я не тебе! Мне очень жаль.

- И мне тоже, - ядовито ответила Эрика. - На секунду я поверила, что у тебя появился характер.

- Будь я, например, Хемингуэем... - страдальческим голосом начал Мартин.

- Вы сказали Хемингуэй? - спросил робот. - Значит, это эра Кинси - Хемингуэя? В таком случае я не ошибся. Вы - Никлас Мартин, мой следующий объект. Мартин... Мартин? Дайте подумать... Ах, да! Тип Дизраэли, - он со скрежетом потер лоб. - Бедные мои нейронные пороги! Теперь я вспомнил.

- Ник, ты меня слышишь? - осведомился в трубке голос Эрики. - Я сейчас же еду в студию. Соберись с силами. Мы затравим Сен-Сира в его берлоге и убедим Уотта, что из тебя никогда не выйдет приличного сценариста. Теперь...

- Но Сен-Сир ни за что не согласится, - перебил Мартин. - Он не признает слова "неудача". Он постоянно твердит это. Он сделает из меня сценариста или убьет меня.

- Помнишь, что случилось с Эдом Кассиди? - мрачно напомнила Эрика. - Сен-Сир не сделал из него сценариста.

- Верно. Бедный Эд! - вздрогнув, сказал Мартин.

- Ну, хорошо, я еду. Что-нибудь еще?

- Да! - вскричал Мартин, набрав воздуха в легкие. - Да! Я безумно люблю тебя.

Но слова эти остались у него в гортани. Несколько раз беззвучно открыв и закрыв рот, трусливый драматург стиснул зубы и предпринял новую попытку. Жалкий писк

заколебал телефонную мембрану. Мартин уныло поник. Нет, никогда у него не хватит духу сделать предложение - даже маленькому, безобидному телефонному аппарату.

- Ты что-то сказал? - спросила Эрика. - Ну, пока.

- Погоди! - крикнул Мартин, случайно взглянув на робота. Немота овладевала им только в определенных случаях, и теперь он поспешно продолжал: - Я забыл тебе сказать. Уотт и паршивец Сен-Сир только что наняли поддельного робота для "Анджелины Ноэл"!

Но трубка молчала.

- Я не поддельный, - сказал робот обиженно.

Мартин съежился в кресле и устремил на своего гостя тусклый, безнадежный взгляд.

- Кинг-Конг тоже был не поддельный, - заметил он. - И не морочьте мне голову историями, которые продиктовал вам Сен-Сир. Я знаю, он старается меня деморализовать. И возможно, добьется своего. Только посмотрите, что он уже сделал из моей пьесы! Ну, к чему там Фред Уоринг? На своем месте и Фред Уоринг хорош, я не спорю. Даже очень хорош. Но не в "Анджелине Ноэл". Не в роли португальского шкипера рыбачьего судна! Вместо команды - его оркестр, а Дэн Дейли поет "Неаполь" Диди Флеминг, одетой в русалочий хвост...

Ошеломив себя этим перечнем, Мартин положил локти на стол, спрятал лицо в ладонях и, к своему ужасу, заметил, что начинает хихикать. Зазвонил телефон. Мартин, не меняя позы, нащупал трубку.

- Кто говорит? - спросил он дрожащим голосом. - Кто? Сен-Сир...

По проводу пронесся хриплый рык. Мартин выпрямился, как ужаленный, и стиснул трубку обеими руками.

- Послушайте! - крикнул он. - Дайте мне хоть раз договорить. Робот в "Анджелине Ноэл" - это уж просто...

- Я не слышу, что вы бормочете, - ревел густой бас. - Дрянь мыслишка. Что бы вы там ни предлагали. Немедленно в первый зал для просмотра вчерашних кусков. Сейчас же!

- Погодите...

Сен-Сир рыгнул, и телефон умолк. На миг руки Мартина сжали трубку, как горло врага. Что толку! Его собственное горло сжимала удавка, и Сен-Сир вот уже четвертый месяц затягивал ее все туже. Четвертый месяц... а не четвертый год? Вспоминая прошлое, Мартин едва мог поверить, что еще совсем недавно он был свободным человеком, известным драматургом, автором пьесы "Анджелина Ноэл", гвоздя сезона. А потом явился Сен-Сир...

Режиссер в глубине души был снобом и любил накладывать лапу на гвозди сезона и на известных писателей. Кинокомпания "Вершина", рычал он на Мартина, ни на йоту не отклонится от пьесы и оставит за Мартином право окончательного одобрения сценария - при условии, что он подпишет контракт на три месяца в качестве соавтора сценария. Условия были настолько хороши, что казались сказкой, и справедливо. Мартина погубил отчасти мелкий шрифт, а отчасти грипп, из-за которого Эрика Эшби как раз в это время попала в больницу. Под слоями юридического пустословия прятался пункт, обрекавший Мартина на пятилетнюю рабскую зависимость от кинокомпании "Вершина", буде таковая компания сочтет нужным продлить его контракт. И на следующей неделе, если справедливость не восторжествует, контракт будет продлен - это Мартин знал твердо.

- Я бы выпил чего-нибудь, - устало сказал Мартин и посмотрел на робота. - Будьте добры, подайте мне вон ту бутылку виски.

- Но я тут для того, чтобы провести эксперимент по оптимальной экологии, - возразил робот.

Мартин закрыл глаза и сказал умоляюще:

- Налейте мне виски, пожалуйста. А потом дайте рюмку прямо мне в руку, ладно? Это ведь нетрудно. В конце концов, мы с вами все-таки люди.

- Да нет, - ответил робот, всовывая полный бокал в шарящие пальцы драматурга. Мартин отпил. Потом открыл глаза и удивленно уставился на большой бокал для коктейлей - робот до краев налил его чистым виски. Мартин недоуменно взглянул на своего металлического собеседника.

- Вы, наверно, пьете, как губка, - сказал он задумчиво. - Надо полагать, это укрепляет невосприимчивость к алкоголю. Валяйте, угощайтесь. Допивайте бутылку.

Робот прижал пальцы ко лбу над глазами и провел две вертикальные черты, словно вопросительно поднял брови.

- Валяйте, - настаивал Мартин. - Или вам совесть не позволяет пить мое виски?

- Как же я могу пить? - спросил робот. - Ведь я робот. - В его голосе появилась тоскливая нотка. - А что при этом происходит? - поинтересовался он. - Это смазка или заправка горючим?

Мартин поглядел на свой бокал.

- Заправка горючим, - сказал он сухо. - Высокооктановым. Вы так вошли в роль? Ну, бросьте...

- А, принцип раздражения! - перебил робот. - Понимаю. Идея та же, что при ферментации мамонтового молока.

Мартин поперхнулся.

- А вы когда-нибудь пили ферментированное мамонтовое молоко? - осведомился он.

- Как же я могу пить? - повторил робот. - Но я видел, как его пили другие. - Он провел вертикальную черту между своими невидимыми бровями, что придало ему грустный вид. - Разумеется, мой мир совершенно функционален и функционально совершенен, и тем не менее темпорирование - весьма увлекательное... - Он оборвал фразу. - Но я зря трачу пространство - время. Так вот, мистер Мартин, не согласитесь ли вы...

- Ну, выпейте же, - сказал Мартин. - У меня припадок радушия. Давайте дернем по рюмочке. Ведь я вижу так мало радостей. А сейчас меня будут терроризировать. Если вам нельзя снять маску, я пошлю за соломинкой. Вы ведь можете на один глоток выйти из роли? Верно?

- Я был бы рад попробовать, - задумчиво сказал робот. - С тех пор как я увидел действие ферментированного мамонтового молока, мне захотелось и самому попробовать. Людям это, конечно, просто, но и технически это тоже нетрудно, я теперь понял. Раздражение увеличивает частоту каппа-волн мозга, как при резком скачке напряжения, но поскольку электрического напряжения не существовало в дороботовую эпоху...

- А оно существовало, - заметил Мартин, делая новый глоток. - То есть я хочу сказать - существует. А это что, по-вашему, - мамонт? - Он указал на настольную лампу.

Робот разинул рот.

- Это? - переспросил он в полном изумлении. - Но в таком случае... в таком случае все телефоны, динамо и лампы, которые я заметил в этой эре, приводятся в действие электричеством!

- А что же, по-вашему, могло приводить их в действие? - холодно спросил Мартин.

- Рабы, - ответил робот, внимательно осматривая лампу. Он включил свет, замигал и затем вывернул лампочку. - Напряжение, вы сказали?

- Не валяйте дурака, - посоветовал Мартин. - Вы переигрываете. Мне пора идти. Так будете вы пить или нет?

- Ну, что ж, - сказал робот, - не хочу расстраивать компании. Это должно сработать.

И он сунул палец в пустой патрон. Раздался короткий треск, брызнули искры. Робот вытащил палец.

- F(t)... - сказал он и слегка покачнулся. Затем его пальцы взметнулись к лицу и начертали улыбку, которая выражала приятное удивление.

- Fff(t)! - сказал он и продолжал сипло: F(t) интеграл от плюс до минус бесконечность... А, деленное на n в степени е.

Мартин в ужасе вытаращил глаза. Он не знал, нужен ли здесь терапевт или психиатр, но не сомневался, что вызвать врача необходимо, и чем скорее, тем лучше. А может быть, и полицию. Статист в костюме робота был явно сумасшедшим. Мартин застыл в нерешительности, ожидая, что его безумный гость вот-вот упадет мертвым или вцепится ему в горло.

Робот с легким позвякиванием причмокнул губами.

- Какая прелесть! - сказал он. - И даже переменный ток!

- В-в-вы не умерли? - дрожащим голосом осведомился Мартин.

- Я даже не жил, - пробормотал робот. - В том смысле, как вы это понимаете. И спасибо за рюмочку.

Мартин глядел на робота, пораженный дикой догадкой.

- Так, значит, - задохнулся он, - значит... вы - робот?!!

- Конечно, я робот, - ответил его гость. - Какое медленное мышление у вас, дороботов. Мое мышление сейчас работает со скоростью света. - Он оглядел настольную лампу с алкоголическим вожделением. - F(t)... То есть, если бы вы сейчас подсчитали каппа-волны моего радиоатомного мозга, вы поразились бы, как увеличилась частота. - Он помолчал. - F(t), - добавил он задумчиво.

Двигаясь медленно, как человек под водой, Мартин поднял бокал и глотнул виски. Затем опасливо взглянул на робота.

- F(t)... - сказал он, умолк, вздрогнул и сделал большой глоток. - Я пьян, - продолжал он с судорожным облегчением. - Вот в чем дело. Ведь я чуть было не поверил.

- Ну, сначала никто не верит, что я робот, - объявил робот. - Заметьте, я ведь появился на территории киностудии, где никому не кажусь подозрительным. Ивану Васильевичу я явлюсь в лаборатории алхимика, и он сделает вывод, что я механический человек. Что, впрочем, и верно. Далее в моем списке значится уйгур, ему я явлюсь в юрте шамана, и он решит, что я дьявол. Вопрос экологической логики - и только.

- Так, значит, вы - дьявол? - спросил Мартин, цепляясь за единственное правдоподобное объяснение.

- Да нет же, нет! Я робот! Как вы не понимаете?

- А теперь я даже не знаю, кто я такой, - сказал Мартин. - Может, я вовсе фавн, а вы - дитя человеческое! Помосму, от этого виски мне стало только хуже, и...

- Вас зовут Никлас Мартин, - терпеливо объяснил робот. - А меня ЭНИАК.

- Эньяк?

- ЭНИАК, - поправил робот, подчеркивая голосом, что все буквы заглавные. - ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

С этими словами он снял с металлического плеча сумку и принялся вытаскивать из нее бесконечную красную ленту, по виду шелковую, но отливавшую странным металлическим блеском. Когда примерно четверть мили ленты легло на пол, из сумки появился прозрачный хоккейный шлем. По бокам шлема блестели два красно-зеленых камня.

- Как вы видите, они ложатся прямо на темпоральные доли, - сообщил робот, указывая на камни. - Вы наденете его на голову вот так...

- Нет, не надену, - сказал Мартин, проворно отдергивая голову, - и вы мне его не наденете, друг мой. Мне не нравится эта штука. И особенно эти две красные стекляшки. Они похожи на глаза.

- Это искусственный эклогит, - успокоил его робот. - Просто у них высокая диэлектрическая постоянная. Нужно только изменить нормальные пороги нейронных контуров памяти - и все. Мышление базируется на памяти, как вам известно. Сила ваших ассоциаций - то есть эмоциональные индексы ваших воспоминаний - определяет ваши поступки и решения. А эклогизер просто воздействует на электрическое напряжение вашего мозга так, что пороги изменяются.

- Только и всего? - подозрительно спросил Мартин.

- Ну-у... - уклончиво сказал робот. - Я не хотел об этом упоминать, но раз вы спрашиваете... Эклогизер, кроме того, накладывает на ваш мозг типологическую матрицу. Но, поскольку эта матрица взята с прототипа вашего характера, она просто позволяет вам наиболее полно использовать свои потенциальные способности, как наследственные, так и приобретенные. Она заставит вас реагировать на вашу среду именно таким образом, какой обеспечит вам максимум шансов выжить.

- Мне он не обеспечит, - сказал Мартин твердо, - потому что на мою голову вы эту штуку не наденете.

Робот начертил растерянно поднятые брови.

- А, - начал он после паузы, - я же вам ничего не объяснил! Все очень просто. Разве вы не хотите принять

участие в весьма ценном социально-культурном эксперименте, поставленном ради блага всего человечества?

- Нет! - объявил Мартин.

- Но ведь вы даже не знаете, о чем речь, - жалобно сказал робот. - После моих подробных объяснений мне еще никто не отказывал. Кстати, вы хорошо меня понимаете?

Мартин засмеялся замогильным смехом.

- Как бы не так! - буркнул он.

- Прекрасно, - с облегчением сказал робот. - Меня всегда может подвести память. Перед тем как я начинаю темпорирование, мне приходится программировать столько языков! Санскрит очень прост, но русский язык эпохи средневековья весьма сложен, а уйгурский... Этот эксперимент должен способствовать установлению наиболее выгодной взаимосвязи между человеком и его средой. Наша цель - мгновенная адаптация, и мы надеемся достичь ее, сведя до минимума поправочный коэффициент между индивидом и средой. Другими словами, нужная реакция в нужный момент. Понятно?

- Нет, конечно! - сказал Мартин. - Это какой-то бред.

- Существует, - продолжал робот устало, - очень ограниченное число матриц-характеров, зависящих, во-первых, от расположения генов внутри хромосом, а во-вторых, от воздействия среды; поскольку элементы среды имеют тенденцию повторяться, то мы можем легко проследить основную организующую линию по временной шкале Кальдекуза. Вам не трудно следовать за ходом моей мысли?

- По временной шкале Кальдекуза - нет, не трудно, - сказал Мартин.

- Я всегда объясняю чрезвычайно понятно, - с некоторым самодовольством заметил робот и взмахнул кольцом красной ленты.

- Уберите от меня эту штуку! - раздраженно вскрикнул Мартин. - Я, конечно, пьян, но не настолько, чтобы совать голову неизвестно куда!

- Сунете, - сказал робот твердо. - Мне еще никто не отказывал. И не спорьте со мной, а то вы меня собьете и мне придется принять еще одну рюмочку напряжения. И тогда я совсем собьюсь. Когда я темпорирую, мне и так хватает хлопот с памятью. Путешествие во времени всегда создает синаптический порог задержки, но беда в том, что он очень варьируется. Вот почему я сперва спутал вас с Иваном. Но к нему я должен отправиться только после свидания с вами - я веду опыт хронологически, а тысяча

девятьсот пятьдесят второй год идет, разумеется, перед тысяча пятьсот семидесятым.

- А вот и не идет, - сказал Мартин, поднося бокал к губам. - Даже в Голливуде тысяча девятьсот пятьдесят второй год не наступает перед тысяча пятьсот семидесятым.

- Я пользуюсь временной шкалой Кальдекуза, - объяснил робот. - Но только для удобства. Ну как, нужен вам идеальный экологический коэффициент или нет? Потому что... - Тут он снова взмахнул красной лентой, заглянул в шлем, пристально посмотрел на Мартина и покачал головой. - Простите, боюсь, что из этого ничего не выйдет. У вас слишком маленькая голова. Вероятно, мозг невелик. Этот шлем рассчитан на размер восемь с половиной, но ваша голова слишком...

- Восемь с половиной - мой размер, - с достоинством возразил Мартин.

- Не может быть, - лукаво заспорил робот. - В этом случае шлем был бы вам впору, а он вам велик.

- Он мне впору, - сказал Мартин.

- До чего же трудно разговаривать с дороботами, - заметил ЭНИАК, словно про себя. - Неразвитость, грубость, нелогичность. Стоит ли удивляться, что у них такие маленькие головы? Послушайте, мистер Мартин, - он словно обращался к глупому и упрямому ребенку, - попробуйте понять: размер этого шлема восемь с половиной; ваша голова, к несчастью, настолько мала, что шлем вам не впору...

- Черт побери! - в бешенстве крикнул Мартин, от досады и виски забывая про осторожность. - Он мне впору! Вот, смотрите! - Он схватил шлем и нахлобучил его на голову. - Сидит как влитой.

- Я ошибся, - признал робот, и его глаза так блеснули, что Мартин вдруг спохватился, поспешно сдернул шлем с головы и бросил его на стол. ЭНИАК неторопливо взял шлем, положил в сумку и принялся быстро свертывать ленту. Под недоумевающим взглядом Мартина он кончил укладывать ленту, застегнул сумку, вскинул ее на плечо и повернулся к двери.

- Всего хорошего, - сказал робот, - и позвольте вас поблагодарить.

- За что? - свирепо спросил Мартин.

- За ваше любезное сотрудничество, - сказал робот.

- Я не собираюсь с вами сотрудничать! - отрезал Мартин. - И не пытайтесь меня убедить. Можете оставить свой патентованный курс лечения при себе, а меня...

- Но ведь вы уже прошли курс экологической обработки, - невозмутимо ответил ЭНИАК. - Я вернусь вече-

ром, чтобы возобновить заряд. Его хватает только на двенадцать часов.

- Что?!

ЭНИАК провел указательными пальцами от уголков рта, вычерчивая вежливую улыбку. Затем он вышел и закрыл за собой дверь.

Мартин хрипло пискнул, словно зарезанная свинья с кляпом во рту.

У него в голове что-то происходило.

Никлас Мартин чувствовал себя как человек, которого внезапно сунули под ледяной душ. Нет, не под ледяной - под горячий. И к тому же ароматичный. Ветер, бивший в открытое окно, нес с собой душную вонь - бензина, полыни, масляной краски и (из буфета в соседнем корпусе) бутербродов с ветчиной.

"Пьян, - думал Мартин с отчаянием, - я пьян или сошел с ума!"

Он вскочил и заметался по комнате, но тут же увидел щель в паркете и пошел по ней. "Если я смогу пройти по прямой, - рассуждал он, - значит, я не пьян... Я просто сошел с ума". Мысль эта была не слишком утешительна.

Он прекрасно прошел по щели. Он мог даже идти гораздо прямее щели, которая, как он теперь убедился, была чуть-чуть извилистой. Никогда еще он не двигался с такой уверенностью и легкостью. В результате своего опыта он оказался в другом углу комнаты перед зеркалом, и, когда он выпрямился, чтобы посмотреть на себя, хаос и смятение куда-то улетучились. Бешеная острота ощущений сгладилась и притупилась.

Все было спокойно. Все было нормально.

Мартин посмотрел в глаза своему отражению.

Нет, все не было нормально.

Он был трезв как стеклышко. Точно он пил не виски, а родниковую воду. Мартин наклонился к самому стеклу, пытаясь сквозь глаза заглянуть в глубины собственного мозга. Ибо там происходило нечто поразительное. По всей поверхности его мозга начали двигаться крошечные заслонки - одни закрывались почти совсем, оставляя лишь крохотную щель, в которую выглядывали глаза-бусинки нейронов, другие с легким треском открывались, и быстрые паучки - другие нейроны - бросались наутек, ища, где бы спрятаться.

Изменение порогов, положительной и отрицательной реакции конусов памяти, их ключевых эмоциональных индексов и ассоциаций... Ага!

Робот!

Голова Мартина повернулась к закрытой двери. Но он остался стоять на месте. Выражение слепого ужаса на его

лице начало медленно и незаметно для него меняться. Робот... может и подождать.

Машинально Мартин поднял руку, словно поправляя невидимый монокль. Позади зазвонил телефон. Мартин оглянулся.

Его губы искривились в презрительную улыбку.

Изящным движением смахнув пылинку с лацкана пиджака, Мартин взял трубку, но ничего не сказал. Наступило долгое молчание. Затем хриплый голос взревел:

- Алло, алло, алло! Вы слушаете? Я с вами говорю, Мартин! - Мартин невозмутимо молчал.

- Вы заставляете меня ждать! - рычал голос. - Меня, Сен-Сира! Немедленно быть в зале! Просмотр начинается... Мартин, вы меня слышите?

Мартин осторожно положил трубку на стол. Он повернулся к зеркалу, окинул себя критическим взглядом и нахмурился.

- Бледно, - пробормотал он. - Без сомнения, бледно. Не понимаю, зачем я купил этот галстук?

Его внимание отвлекла бормочущая трубка. Он поглядел на нее, а потом громко хлопнул в ладоши у самого микрофона. Из трубки донесся агонизирующий вопль.

- Прекрасно, - пробормотал Мартин, отворачиваясь. - Этот робот оказал мне большую услугу. Мне следовало бы понять это раньше. В конце концов, такая супермашина, как ЭНИАК, должна быть гораздо умнее человека, который всего лишь простая машина. Да, - прибавил он, выходя в холл и сталкиваясь с Тони Ла-Мотта, которая снималась в одном из фильмов "Вершины". - **Мужчина - это машина, а женщина**... - Тут он бросил на мисс Ла-Мотта такой многозначительный и высокомерный взгляд, что она даже вздрогнула, - **а женщина - игрушка**, - докончил Мартин и направился к первому просмотровому залу, где его ждали Сен-Сир и судьба.

Киностудия "Вершина" на каждый эпизод тратила в десять раз больше пленки, чем он занимал в фильме, побив таким образом рекорд "Метро - Голдвин - Мейер". Перед началом каждого съемочного дня эти груды целлулоидных лент просматривались в личном просмотровом зале Сен-Сира - небольшой роскошной комнате с откидными креслами и всевозможными другими удобствами. На первый взгляд там вовсе не было экрана. Если второй взгляд вы бросали на потолок, то обнаруживали экран именно там.

Когда Мартин вошел, ему стало ясно, что с экологией что-то не так. Исходя из теории, будто в дверях появился

прежний Никлас Мартин, просмотровый зал, купавшийся в дорогостоящей атмосфере изысканной самоуверенности, оказал ему ледяной прием. Ворс персидского ковра брезгливо съеживался под его святотатственными подошвами. Кресло, на которое он наткнулся в густом мраке, казалось, презрительно пожало спинкой. А три человека, сидевшие в зале, бросили на него взгляд, каким был бы испепелен орангутанг, если бы он по нелепой случайности удостоился приглашения в Бэкингемский дворец.

Диди Флеминг (ее настоящую фамилию запомнить было невозможно, не говоря уж о том, что в ней не было ни единой гласной) безмятежно возлежала в своем кресле, уютно задрав ножки, сложив прелестные руки и устремив взгляд больших томных глаз на потолок, где Диди Флеминг в серебряных чешуйках цветной кинорусалки флегматично плавала в волнах жемчужного тумана. Мартин в полутьме искал на ощупь свободное кресло. В его мозгу происходили странные вещи: крохотные заслонки продолжали открываться и закрываться, и он уже не чувствовал себя Никласом Мартином. Кем же он чувствовал себя в таком случае?

Он на мгновение вспомнил нейроны, чьи глаза-бусинки, чудилось ему, выглядывали из его собственных глаз и заглядывали в них. Но было ли это на самом деле? Каким бы ярким ни казалось воспоминание, возможно, это была только иллюзия. Напрашивающийся ответ был изумительно прост и ужасно логичен. ЭНИАК Гамма Девяносто Третий объяснил ему, - правда, несколько смутно, - в чем заключался его экологический эксперимент. Мартин просто получил оптимальную рефлекторную схему своего удачливого прототипа, человека, который наиболее полно подчинил себе свою среду. И ЭНИАК назвал ему имя этого человека, правда среди путаных ссылок на другие прототипы, вроде Ивана (какого?) и безыменного уйгура.

Прототипом Мартина был Дизраэли, граф Биконсфилд. Мартин живо вспомнил Джорджа Арлисса в этой роли. Умный, наглый, эксцентричный и в манере одеваться, и в манере держаться, пылкий, вкрадчивый, волевой, с плодовитым воображением...

- Нет, нет, нет, - сказала Диди с невозмутимым раздражением. - Осторожнее, Ник. Сядьте, пожалуйста, в другое кресло. На это я положила ноги.

- Т-т-т-т, - сказал Рауль Сен-Сир, выпячивая толстые губы и огромным пальцем указывая на скромный стул у стены. - Садитесь позади меня, Мартин. Да садитесь же, чтобы не мешать нам. И смотрите внимательно. Смот-

рите, как я творю великое из вашей дурацкой пьески. Особенно заметьте, как замечательно я завершаю соло пятью нарастающими падениями в воду. Ритм - это все, - закончил он. - А теперь - ни звука.

Для человека, родившегося в крохотной балканской стране Миксо-Лидии, Рауль Сен-Сир сделал в Голливуде поистине блистательную карьеру. В тысяча девятьсот тридцать девятом году Сен-Сир, напуганный приближением войны, эмигрировал в Америку, забрав с собой катушки снятого им миксо-лидийского фильма, название которого можно перевести примерно так: "Поры на крестьянском носу".

Благодаря этому фильму он заслужил репутацию великого кинорежиссера, хотя на самом деле неподражаемые световые эффекты в "Порах" объяснялись бедностью, а актеры показали игру, неведомую в анналах киноистории, лишь потому, что были вдребезги пьяны. Однако критики сравнивали "Поры" с балетом и рьяно восхваляли красоту героини, ныне известной миру как Диди Флеминг.

Диди была столь невообразимо хороша, что по закону компенсации не могла не оказаться невообразимо глупой. И человек, рассуждавший так, не обманывался. Нейроны Диди не знали ничего. Ей доводилось слышать об эмоциях, и свирепый Сен-Сир умел заставить ее изобразить кое-какие из них, однако все другие режиссеры теряли рассудок, пытаясь преодолеть семантическую степь, за которой покоился разум Диди - тихое зеркальное озеро дюйма в три глубиной. Сен-Сир просто рычал на нее. Этот бесхитростный первобытный подход был, повидимому, единственным, который понимала прославленная звезда "Вершины".

Сен-Сир, властелин прекрасной безмозглой Диди, быстро очутился в высших сферах Голливуда. Он, без сомнения, был талантлив и одну картину мог бы сделать превосходно. Но этот шедевр он отснял двадцать с лишним раз - постоянно с Диди в главной роли и постоянно совершенствуя свой феодальный метод режиссуры. А когда кто-нибудь пытался возражать, Сен-Сиру достаточно было пригрозить, что он перейдет в "Метро - Голдвин - Мейер" и заберет с собой покорную Диди (он не разрешал ей подписывать длительных контрактов, и для каждой картины с ней заключался новый). Даже Толливер Уотт склонял голову, когда Сен-Сир угрожал лишить "Вершину" Диди.

- Садись, Мартин, - сказал Толливер Уотт.

Это был высокий худой человек с длинным лицом, похожий на лошадь, которая голодает, потому что из гордости не желает есть сено. С неколебимым сознанием

своего всемогущества он на миллиметр наклонил припудренную сединой голову, а на его лице промелькнуло недовольное выражение.

- Будьте добры, коктейль, - сказал он.

Неизвестно откуда возник официант в белой куртке и бесшумно скользнул к нему с подносом. Как раз в эту секунду последняя заслонка в мозгу Мартина встала на свое место и, подчиняясь импульсу, он протянул руку и взял с подноса запотевший бокал. Официант, не заметив этого, скользнул дальше и, склонившись, подал Уотту сверкающий поднос, на котором ничего не было. Уотт и официант оба уставились на поднос.

Затем их взгляды встретились.

- Слабоват, - сказал Мартин, ставя бокал на поднос. - Принесите мне, пожалуйста, другой. Я переориентируюсь для новой фазы с оптимальным уровнем, - сообщил он ошеломленному Уотту и, откинув кресло рядом с великим человеком, небрежно опустился в него. Как странно, что прежде на просмотрах он всегда бывал угнетен! Сейчас он чувствовал себя прекрасно. Непринужденно. Уверенно.

- Виски с содовой мистеру Мартину, - невозмутимо сказал Уотт.- И еще один коктейль мне.

- Ну, ну, ну! Мы начинаем! - нетерпеливо крикнул Сен-Сир.

Он что-то сказал в ручной микрофон, и тут же экран на потолке замерцал, зашелестел, и на нем замелькали отрывочные эпизоды - хор русалок, танцуя на хвостах, двигался по улицам рыбачьей деревушки во Флориде.

Чтобы постигнуть всю гнусность судьбы, уготованной Никласу Мартину, необходимо посмотреть хоть один фильм Сен-Сира. Мартину казалось, что мерзостнее этого на пленку не снималось ничего и никогда. Он заметил, что Сен-Сир и Уотт недоумевающе поглядывают на него. В темноте он поднял указательные пальцы и начертил роботообразную усмешку. Затем, испытывая упоительную уверенность в себе, закурил сигарету и расхохотался.

- Вы смеетесь? - немедленно вспыхнул Сен-Сир. - Вы не цените великого искусства? Что вы о нем знаете, а? Вы что - гений?

- Это, - сказал Мартин снисходительно, - мерзейший фильм, когда-либо заснятый на пленку.

В наступившей мертвой тишине Мартин изящным движением стряхнул пепел и добавил:

- С моей помощью вы еще можете не стать посмешищем всего континента. Этот фильм до последнего метра должен быть выброшен в корзину. Завтра рано поутру мы начнем все сначала и...

Уотт сказал негромко:

- Мы вполне способны сами сделать фильм из "Анджелины Ноэл", Мартин.

- Это художественно! - взревел Сен-Сир. - И принесет большие деньги!

- Деньги? Чушь! - коварно заметил Мартин и щедрым жестом стряхнул новую колбаску пепла. - Кого интересуют деньги? О них пусть думает "Вершина".

Уотт наклонился и, щурясь в полумраке, внимательно посмотрел на Мартина.

- Рауль, - сказал он, оглянувшись на Сен-Сира, - насколько мне известно, вы приводите своих... э... новых сценаристов в форму. На мой взгляд, это не...

- Да, да, да, да! - возбужденно крикнул Сен-Сир. - Я их привожу в форму! Горячечный припадок, а? Мартин, вы хорошо себя чувствуете? Голова у вас в порядке?

Мартин усмехнулся спокойно и уверенно.

- Не тревожьтесь, - объявил он. - Деньги, которые вы на меня расходуете, я возвращаю вам с процентами в виде престижа. Я все прекрасно понимаю. Наши конфиденциальные беседы, вероятно, известны Уотту.

- Какие еще конфиденциальные беседы? - прогрохотал Сен-Сир и густо побагровел.

- Ведь мы ничего не скрываем от Уотта, не так ли? - не моргнув глазом, продолжал Мартин. - Вы наняли меня ради престижа, и престиж вам обеспечен, если только вы не станете зря разевать пасть. Благодаря мне имя Сен-Сира покроется славой. Конечно, это может сказаться на сборах, но подобная мелочь...

- Пджрзксгл! - возопил Сен-Сир на своем родном языке и, восстав из кресла, взмахнул микрофоном, зажатым в огромной волосатой лапе.

Мартин ловко изогнулся и вырвал у него микрофон.

- Остановите показ! - распорядился он властно.

Все это было очень странно. Каким-то дальним уголком сознания он понимал, что при нормальных обстоятельствах никогда не посмел бы вести себя так, но в то же время был твердо убежден, что впервые его поведение стало по-настоящему нормальным. Он ощущал блаженный жар уверенности, что любой его поступок окажется правильным, во всяком случае пока не истекут двенадцать часов действия матрицы.

Экран нерешительно замигал и погас.

- Зажгите свет! - приказал Мартин невидимому духу, скрытому за микрофоном.

Комнату внезапно залил мягкий свет, и по выражению на лицах Уотта и Сен-Сира Мартин понял, что оба они испытывают смутную и нарастающую тревогу.

Ведь он дал им немалую пищу для размышлений - и не только это. Он попробовал вообразить, какие мысли сейчас теснятся в их мозгу, пробираясь через лабиринт подозрений, которые он так искусно посеял.

Мысли Сен-Сира отгадывались без труда. Миксолидиец облизнул губы - что было нелегкой задачей, - и его налитые кровью глаза обеспокоенно впились в Мартина. С чего это сценарист заговорил так уверенно? Что это значит? Какой тайный грех Сен-Сира он узнал, какую обнаружил ошибку в контракте, что осмелился вести себя так нагло?

Толливер Уотт представлял проблему иного рода. Тайных грехов за ним, по-видимому, не водилось, но и он как будто встревожился. Мартин сверлил взглядом гордое лошадиное лицо, выискивал скрытую слабость. Да, справиться с Уоттом будет потруднее, но он сумеет сделать и это.

- Последний подводный эпизод, - сказал он, возвращаясь к прежней теме, - это невообразимая чепуха. Его надо вырезать. Сцену будем снимать из-под воды.

- Молчать! - взревел Сен-Сир.

- Но это единственный выход, - настаивал Мартин. - Иначе она окажется не в тон тому, что я написал теперь. Собственно говоря, я считаю, что весь фильм надо снимать из-под воды. Мы могли бы использовать приемы документального кино...

- Рауль, - внезапно сказал Уотт. - К чему он клонит?

- Он клонит, конечно, к тому, чтобы порвать свой контракт, - ответил Сен-Сир, наливаясь оливковым румянцем. - Это скверный период, через который проходят все мои сценаристы, прежде чем я приведу их в форму. В Миксо-Лидии...

- А вы уверены, что сумеете привести его в форму? - спросил Уотт.

- Это для меня теперь уже личный вопрос, - ответил Сен-Сир, сверля Мартина яростным взглядом. - Я потратил на этого человека почти три месяца и не намерен расходовать мое драгоценное время на другого. Просто он хочет, чтобы с ним расторгли контракт. Штучки, штучки, штучки.

- Это верно? - холодно спросил Уотт у Мартина.

- Уже нет, - ответил Мартин, - я передумал. Мой агент полагает, что мне нечего делать в "Вершине". Собственно говоря, она считает, что это плачевный мезальянс. Но мы впервые расходимся с ней в мнениях. Я начинаю видеть кое-какие возможности даже в той дряни, которой Сен-Сир уже столько лет кормит публику. Разумеется, я не могу творить чудес. Зрители привыкли ожидать от

"Вершины" помоев, и их даже приучили любить эти помои. Но мы постепенно перевоспитаем их - и начнем с этой картины. Я полагаю, нам следует символизировать ее экзистенциалистскую безнадежность, завершив фильм четырьмястами метрами морского пейзажа - ничего, кроме огромных волнующихся протяжений океана, - докончил он со вкусом.

Огромное волнующееся протяжение Рауля Сен-Сира поднялось с кресла и надвинулось на Мартина.

- Вон! Вон! - закричал он. - Назад в свой кабинет, ничтожество! Это приказываю я, Рауль Сен-Сир. Вон - иначе я раздеру тебя на клочки и...

Мартин быстро перебил режиссера. Голос его был спокоен, но он знал, что времени терять нельзя.

- Видите, Уотт? - спросил драматург громко, перехватив недоумевающий взгляд Уотта. - Он не дает мне сказать вам ни слова, наверное, боится, как бы я не проговорился. Понятно, почему он гонит меня отсюда, - он чувствует, что пахнет жареным.

Сен-Сир вне себя наклонился и занес кулак. Но тут вмешался Уотт.

Возможно, сценарист и правда пытается избавиться от контракта. Но за этим явно кроется и что-то другое. Слишком уж Мартин небрежен, слишком уверен в себе.

Уотт решил разобраться во всем до конца.

- Тише, тише, Рауль, - сказал он категорическим тоном. - Успокойтесь! Я говорю вам - успокойтесь. Вряд ли нас устроит, если Ник подаст на вас в суд за оскорбление действием. Ваш артистический темперамент иногда заставляет вас забываться. Успокойтесь и послушаем, что скажет Ник.

- Держите с ним ухо востро, Толливер! - предостерегающе воскликнул Сен-Сир. - Они хитры, эти твари, хитры, как крысы. От них всего можно...

Мартин величественным жестом поднес микрофон ко рту. Не обращая ни малейшего внимания на разъяренного режиссера, он сказал властно:

- Соедините меня с баром, пожалуйста. Да... Я хочу заказать коктейль. Совершенно особый, А... э... "Елену Глинскую".

- Здравствуйте, - раздался в дверях голос Эрики Эшби. - Ник, ты здесь? Можно мне войти?

При звуке ее голоса по спине Мартина забегали блаженные мурашки.

С микрофоном в руке он повернулся к ней, но, прежде чем он успел ответить, Сен-Сир взревел:

- Нет, нет, нет! Убирайтесь! Немедленно убирайтесь! Кто бы вы там ни были - вон!

Эрика - деловитая, хорошенькая, неукротимая - решительно вошла в зал и бросила на Мартина взгляд, выражавший долготерпеливую покорность судьбе. Она, несомненно, готовилась сражаться за двоих.

- Я здесь по делу, - холодно заявила она Сен-Сиру. - Вы не имеете права не допускать к автору его агента. Мы с Ником хотим поговорить с мистером Уоттом.

- А, моя прелесть, садитесь! - произнес Мартин громким, четким голосом и встал с кресла. - Добро пожаловать! Я заказываю себе коктейль. Не хотите ли чего-нибудь?

Эрика взглянула на него с внезапным подозрением.

- Я не буду пить, - сказала она. - И ты не будешь. Сколько коктейлей ты уже выпил? Ник, если ты напился в такую минуту...

- И, пожалуйста, поскорее, - холодно приказал Мартин в микрофон. - Он мне нужен немедленно, вы поняли? Да, коктейль "Елена Глинская". Может быть, он вам не известен? В таком случае слушайте внимательно: возьмите самый большой бокал, а впрочем, лучше даже пуншевую чашку... Наполните ее до половины охлажденным пивом. Поняли? Добавьте еще три мерки мятного ликера...

- Ник, ты с ума сошел! - с отвращением воскликнула Эрика.

- ... и шесть мерок меда, - безмятежно продолжал Мартин. - Размешайте, но не взбивайте. "Елену Глинскую" ни в коем случае взбивать нельзя. Хорошенько охладите...

- Мисс Эшби, мы очень заняты, - внушительно перебил его Сен-Сир, указывая на дверь. - Не сейчас. Извините. Вы мешаете. Немедленно уйдите.

- Впрочем, добавьте еще шесть мерок меду, - задумчиво произнес Мартин в микрофон. - И немедленно пришлите его сюда. Если он будет здесь через шестьдесят секунд, вы получите премию. Договорились? Прекрасно. Я жду.

Он небрежно бросил микрофон Сен-Сиру.

Тем временем Эрика подобралась к Толливеру Уотту.

- Я только что говорила с Глорией Иден - она готова заключить с "Вершиной" контракт на один фильм, если я дам согласие. Но я дам согласие, только если вы расторгнете контракт с Никласом Мартином. Это мое последнее слово.

На лице Уотта отразилось приятное удивление.

- Мы, пожалуй, могли бы поладить, - ответил он тотчас же (Уотт был большим поклонником мисс Иден и давно мечтал поставить с ней "Ярмарку тщеславия"). - Почему вы не привезли ее с собой? Мы могли бы...

- Ерунда! - завопил Сен-Сир. - Не обсуждайте этого, Толливер!

- Она в "Лагуне", - объяснила Эрика. - Замолчите же, Сен-Сир. Я не намерена...

Но тут кто-то почтительно постучал в дверь.

Мартин поспешил открыть ее и, как и ожидал, увидел официанта с подносом.

- Быстрая работа, - сказал он снисходительно, принимая большую запотевшую чашу, окруженную кубиками льда. - Прелесть, не правда ли?

Раздавшиеся позади гулкие вопли Сен-Сира заглушили возможный ответ официанта, который получил от Мартина доллар и удалился, явно борясь с тошнотой.

- Нет, нет, нет, нет! - рычал Сен-Сир. - Толливер, мы можем получить Глорию и сохранить этого сценариста; хотя он никуда не годится, но я уже потратил три месяца, чтобы выдрессировать его в сен-сировском подходе. Предоставьте это мне. В Миксо-Лидии мы...

Хорошенький ротик Эрики открывался и закрывался, но рев режиссера заглушал ее голос. А в Голливуде было всем известно, что Сен-Сир может реветь так часами без передышки.

Мартин вздохнул, поднял полную до краев чашу, изящно ее понюхал и попятился к своему креслу. Когда его каблук коснулся полированной ножки, он грациозно споткнулся и с необыкновенной ловкостью опрокинул "Елену Глинскую" - пиво, мед, мятный ликер и лед - на обширную грудь Сен-Сира.

Рык Сен-Сира сломал микрофон.

Мартин обдумал составные части новоявленного коктейля с большим тщанием. Тошнотворное пойло соединяло максимум элементов сырости, холода, липкости и вонючести.

Промокший Сен-Сир задрожал, как в ознобе, когда ледяной напиток обдал его ноги, и, выхватив платок, попробовал вытереться, но безуспешно. Носовой платок намертво прилип к брюкам, приклеенный к ним двенадцатью мерками меда. От режиссера разило мятой.

- Я предложил бы перейти в бар, - сказал Мартин, брезгливо сморщив нос. - Там, в отдельном кабинете, мы могли бы продолжить наш разговор вдали от этого... этого немножко слишком сильного благоухания мяты.

- В Миксо-Лидии, - задыхался Сен-Сир, надвигаясь на Мартина и хлюпая башмаками, - в Миксо-Лидии мы бросали собакам... мы варили в масле, мы...

- А в следующий раз, - сказал Мартин, - будьте так любезны не толкать меня под локоть, когда я держу в руках "Елену Глинскую". Право же, это весьма неприятно.

Сен-Сир набрал воздуха в грудь. Сен-Сир выпрямился во весь свой гигантский рост... и снова поник. Он выглядел, как полицейский эпохи немого кино после завершения очередной погони, - и знал это. Если бы он сейчас убил Мартина, даже в такой развязке все равно отсутствовал бы элемент классической трагедии. Он оказался бы в невообразимом положении Гамлета, убивающего дядю кремовыми тортами.

- Ничего не делать, пока я не вернусь! - приказал он, бросил на Мартина последний свирепый взгляд и, оставляя за собой мокрые следы, захлюпал к двери. Она с треском закрылась за ним, и на миг наступила тишина, только с потолка лилась тихая музыка, так как Диди уже распорядилась продолжать показ и теперь любовалась собственной прелестной фигурой, которая нежилась в пастельных волнах, пока они с Дэном Дейли пели дуэт о матросах, русалках и Атлантиде - ее далской родине.

- А теперь, - объявил Мартин, с величавым достоинством поворачиваясь к Уотту, который растерянно смотрел на него, - я хотсл бы поговорить с вами.

- Я не могу обсуждать вопросов, связанных с вашим контрактом, до возвращения Рауля, - быстро сказал Уотт.

- Чепуха, - сказал Мартин твердо. - С какой стати Сен-Сир будет диктовать вам ваши решения? Бсз вас он не сумел бы снять ни одного кассового фильма, как бы ни старался. Нет, Эрика, не вмешивайтесь. Я сам этим займусь, прелесть моя.

Уотт встал.

- Извините, но я не могу этого обсуждать, - сказал он. - Фильмы Сен-Сира приносят большие деньги, а вы неопыт...

- Потому-то я и вижу положснис так ясно, - возразил Мартин. - Ваша беда в том, что вы проводитс границу между артистическим гением и финансовым гением. Вы даже не замечаете, насколько необыкновенно то, как вы претворяете пластический матсриал человеческого сознания, создавая Идеального Зрителя. Вы - экологический гений, Толливер Уотт. Истинный художник контролирует свою среду, а вы с неподражаемым искусством истинного мастера постепенно преображаете огромную массу живого, дышащего человечества в единого Идеального Зрителя...

- Извините, - повторил Уотт, но уже не так резко. - У меня, право, нет времени... Э-э...

- Ваш гений слишком долго оставался непризнанным, - поспешно сказал Мартин, подпуская восхищения в свой золотой голос. - Вы считаете, что Сен-Сир вам равен, и в титрах стоит только его имя, а не ваше, но в глубине души должны же вы сознавать, что честь создания его картин наполовину принадлежит вам! Разве Фидия не интересовал коммерческий успех? А Микеланджело? Коммерческий успех - это просто другое название функционализма, а все великие художники создают функциональное искусство. Второстепенные детали на гениальных полотнах Рубенса дописывали его ученики, не так ли? Однако хвалу за них получал Рубенс, а не его наемники. Какой же из этого можно сделать вывод? Какой? - И тут Мартин, верно оценив психологию своего слушателя, умолк.

- Какой же? - спросил Уотт.

- Садитесь, - настойчиво сказал Мартин, - и я вам объясню. Фильмы Сен-Сира приносят доход, но именно вам они обязаны своей идеальной формой. Это вы, налагая матрицу своего характера на все и вся в "Вершине"...

Уотт медленно опустился в кресло. В его ушах властно гремели завораживающие взрывы дизраэлевского красноречия. Мартину удалось подцепить его на крючок. С непогрешимой меткостью он с первого же раза разгадал слабость Уотта: киномагнат вынужден был жить в среде профессиональных художников, и его томило смутное ощущение, что способность приумножать капиталы чем-то постыдна. Дизраэли приходилось решать задачи потруднее. Он подчинял своей воле парламенты.

Уотт заколебался, пошатнулся - и пал. На это потребовалось всего десять минут. Через десять минут, опьянев от звонких похвал своим экономическим способностям, Уотт понял, что Сен-Сир - пусть и гений в своей области - не имеет права вмешиваться в планы экономического гения.

- С вашей широтой видения вы можете охватить все возможности и безошибочно выбрать правильный путь, - убедительно доказывал Мартин. - Прекрасно. Вам нужна Глория Иден. Вы чувствуете - не так ли? - что от меня толку не добиться. Лишь гении умеют мгновенно менять свои планы... Когда будет готов документ, аннулирующий мой контракт?

- Что? - спросил Уотт, плавая в блаженном головокружении. - А, да... Конечно. Аннулировать ваш контракт...

- Сен-Сир будет упорно цепляться за свои прошлые ошибки, пока "Вершина" не обанкротится, - указал

Мартин. - Только гений, подобный Толливеру Уотту, кует железо, пока оно горячо - когда ему представляется шанс обменять провал на успех, какого-то Мартина на единственную Иден. - Гм-м, - сказал Уотт. - Да. Ну, хорошо. - На его длинном лице появилось деловитое выражение. - Хорошо. Ваш контракт будет аннулирован после того, как мисс Иден подпишет свой.

- И снова вы тонко проанализировали самую сущность дела, - рассуждал вслух Мартин. - Мисс Иден еще ничего твердо не решила. Если вы предоставите убеждать ее человеку вроде Сен-Сира, например, то все будет испорчено. Эрика, твоя машина здесь? Как быстро сможешь ты отвезти Толливера Уотта в "Лагуну"? Он - единственный человек, который сумеет найти правильное решение для данной ситуации.

- Какой ситуа... Ах, да! Конечно, Ник. Мы отправляемся немедленно.

- Но... - начал Уотт.

Матрица Дизраэли разразилась риторическими периодами, от которых зазвенели стены. Златоуст играл на логике арпеджио и гаммы.

- Понимаю, - пробормотал оглушенный Уотт и покорно пошел к двери. - Да, да, конечно. Зайдите вечером ко мне домой, Мартин. Как только я получу подпись Идсн, я распоряжусь, чтобы подготовили документ об аннулировании вашего контракта. Гм-м... Функциональный гений... - И, что-то блаженно лепеча, он вышел из зала.

Когда Эрика хотела последовать за ним, Мартин тронул ее за локоть.

- Одну минуту, - сказал он. - Не позволяй ему вернуться в студию, пока контракт не будет аннулирован. Ведь Сен-Сир легко перекричит меня. Но он попался на крючок. Мы...

- Ник, - сказала Эрика, внимательно вглядываясь в его лицо, - что произошло?

- Расскажу вечером, - поспешно сказал Мартин, так как до них донеслось отдаленное рыканье, которое, возможно, возвещало приближение Сен-Сира. - Когда у меня выберется свободная минута, я ошеломлю тебя. Знаешь ли ты, что я всю жизнь поклонялся тебе из почтительного далека? Но теперь увози Уотта от греха подальше. Быстрее!

Эрика успела только бросить на него изумленный взгляд, и Мартин вытолкал ее из зала. Ему показалось, что к этому изумлению примешивается некоторая радость.

- Где Толливер? - оглушительный рев Сен-Сира заставил Мартина поморщиться. Режиссер был недоволен, что брюки ему впору отыскались только в костюмерной. Он счел это личным оскорблением. - Куда вы дели Толливера? - вопил он.

- Пожалуйста, говорите громче, - небрежно кивнул Мартин. - Вас трудно расслышать.

- Диди! - загремел Сен-Сир, бешено поворачиваясь к прелестной звезде, которая по-прежнему восхищенно созерцала Диди на экране над своей головой. - Где Толливер?

Мартин вздрогнул. Он совсем забыл про Диди.

- Вы не знаете, верно, Диди? - быстро подсказал он.

- Заткнитесь! - распорядился Сен-Сир. - А ты отвечай мне, ах, ты... - И он прибавил выразительное многосложное слово на миксо-лидийском языке, которое возымело желанное действие.

Диди наморщила безупречный лобик.

- Толливер, кажется, ушел. У меня все это путается с фильмом. Он пошел домой, чтобы встретиться с Ником Мартином, разве нет?

- Но Мартин здесь! - взревел Сен-Сир. - Думай же, думай.

- А в эпизоде был документ, аннулирующий контракт? - рассеянно спросила Диди.

- Документ, аннулирующий контракт? - прорычал Сен-Сир. - Это еще что? Никогда я этого не допущу, никогда, никогда, никогда! Диди, отвечай мне: куда пошел Уотт?

- Он куда-то поехал с этой агентшей, - ответила Диди. - Или это тоже было в эпизоде?

- Но куда, куда, куда?

- В Атлантиду, - с легким торжеством объявила Диди.

- Нет! - закричал Сен-Сир. - Это фильм! Из Атлантиды была родом русалка, а не Уотт.

- Толливер не говорил, что он родом из Атлантиды, - невозмутимо прожурчала Диди. - Он сказал, что он едет в Атлантиду. А потом он вечером встретится у себя дома с Ником Мартином и аннулирует его контракт.

- Когда? - в ярости крикнул Сен-Сир. - Подумай, Диди! В котором часу он...

- Диди, - сказал Мартин с вкрадчивой настойчивостью. - Вы ведь ничего не помните, верно?

Но Диди была настолько дефективна, что не поддалась воздействию даже матрицы Дизраэли. Она только безмятежно улыбнулась Мартину.

- Прочь с дороги, писака! - взревел Сен-Сир, надвигаясь на Мартина. - Твой контракт не будет аннулирован! Или ты думаешь, что можешь зря расходовать время Сен-

Сира? Это тебе даром не пройдет. Я разделаюсь с тобой, как разделался с Эдом Кассиди.

Мартин выпрямился и улыбнулся Сен-Сиру леденящей надменной улыбкой. Его пальцы играли воображаемым моноклем. Изящные периоды рвались с его языка. Оставалось только загипнотизировать Сен-Сира, как он загипнотизировал Уотта. Он набрал в легкие побольше воздуха, собираясь распахнуть шлюзы своего красноречия.

И Сен-Сир, варвар, на которого лощеная элегантность не производила ни малейшего впечатления, ударил Мартина в челюсть.

Ничего подобного, разумеется, в английском парламенте произойти не могло.

Когда в этот вечер робот вошел в кабинет Мартина, он уверенным шагом направился прямо к письменному столу, вывинтил лампочку, нажал на кнопку выключателя и сунул палец в патрон. Раздался треск, посыпались искры. ЭНИАК выдернул палец из патрона и яростно потряс металлической головой.

- Как мне это было нужно! - сказал он со вздохом. - Я весь день мотался по временной шкале Кальдекуза. Палеолит, неолит, техническая эра... Я даже не знаю, который теперь час. Ну, как протекает ваше приспособление к среде?

Мартин задумчиво потер подбородок.

- Скверно, - вздохнул он. - Скажите, когда Дизраэли был премьер-министром, ему приходилось иметь дело с такой страной - Миксо -Лидией?

- Не имею ни малейшего представления, - ответил робот. - А что?

- А то, что моя среда размахнулась и дала мне в челюсть, - лаконично объяснил Мартин.

- Значит, вы ее спровоцировали, - возразил ЭНИАК. - Кризис, сильный стресс всегда пробуждают в человеке доминантную черту его характера, а Дизраэли в первую очередь был храбр. В минуты кризиса его храбрость переходила в наглость, но он был достаточно умен и организовывал свою среду так, чтобы его наглость встречала отпор на том же семантическом уровне. Миксо - Лидия? Помнится, несколько миллионов лет назад она была населена гигантскими обезьянами с белой шерстью. Ах, нет, вспомнил! Это государство с застоявшейся феодальной системой, не так ли?

Мартин кивнул.

- Так же как и эта киностудия, - сказал робот. - Беда в том, что вы встретились с человеком, чье приспособление

к среде совершеннее вашего. В этом все дело. Ваша киностудия только-только выходит из средневековья, и поэтому тут легко создается среда, максимально благоприятная для средневекового типа характера. Именно этот тип характера определял мрачные стороны средневековья. Вам же следует сменить эту среду на неотехнологическую, наиболее благоприятную для матрицы Дизраэли. В вашу эпоху феодализм сохраняется только в немногих окостеневших социальных ячейках, вроде этой студии, а поэтому вам будет лучше уйти куда-нибудь еще. Помериться силами с феодальным типом может только феодальный тип.

- Но я не могу уйти куда-нибудь еще! - пожаловался Мартин. - То есть пока мой контракт не будет расторгнут. Его должны были аннулировать сегодня вечером, но Сен-Сир пронюхал, в чем дело, и ни перед чем не остановится, чтобы сохранить контракт, - если потребуется, он наставит мне еще один синяк. Меня ждет Уотт, но Сен-Сир уже поехал туда...

- Избавьте меня от ненужных подробностей, - сказал робот с досадой. - А если этот Сен-Сир - средневековый тип, то, разумеется, он спасует только перед ему подобной, но более сильной личностью.

- А как поступил бы в этом случае Дизраэли? - спросил Мартин.

- Начнем с того, что Дизраэли никогда не оказался бы в подобном положении, - холодно ответил робот. - Экологизер может обеспечить вам идеальный экологический коэффициент только вашего собственного типа, иначе максимальное приспособление не будет достигнуто. В России времен Ивана Дизраэли оказался бы неудачником.

- Может быть, вы объясните это подробнее? - задумчиво попросил Мартин.

- О, разумеется! - ответил робот и затараторил: - При принятии схемы хромосом прототипа все зависит от порогово-временных реакций конусов памяти мозга. Сила активации нейронов обратно пропорциональна количественному фактору памяти. Только реальный опыт мог бы дать вам воспоминания Дизраэли, однако ваши реактивные пороги были изменены так, что восприятие и эмоциональные индексы приблизились к величинам, найденным для Дизраэли.

- А! - сказал Мартин. - Ну, а как бы вы, например, взяли верх над средневековым паровым катком?

- Подключив мой портативный мозг к паровому катку значительно больших размеров, - исчерпывающе ответил ЭНИАК.

Мартин погрузился в задумчивость. Его рука поднялась, поправляя невидимый монокль, а в глазах у него засветилось плодовитое воображение.

- Вы упомянули Россию времен Ивана. Какой же это Иван? Случайно не...

- Иван Четвертый. И он был превосходно приспособлен к своей среде. Однако это к делу не относится. Несомненно, для нашего эксперимента вы бесполезны. Однако мы стараемся определить средние статистические величины, и если вы наденете экологизср себе на...

- Это Иван Грозный, так ведь? - перебил Мартин. - Послушайте, а не могли бы вы наложить на мой мозг матрицу характера Ивана Грозного?

- Вам это ничего не даст, - ответил робот. - Кроме того, у нашего эксперимента совсем другая цель. А теперь...

- Минуточку! Дизраэли не мог бы справиться со средневековым типом, вроде Сен-Сира, на своем семантическом уровне. Но если бы у меня были реактивные пороги Ивана Грозного, то я наверняка одержал бы верх. Сен-Сир, конечно, тяжелее меня, но он все-таки хоть на поверхности, а цивилизован... Погодитека! Он же на этом играет. До сих пор он имел дело лишь с людьми настолько цивилизованными, что они не могли пользоваться его методами. А если отплатить ему его собственной монетой, он не устоит. И лучше Ивана для этого никого не найти.

- Но вы не понимаете...

- Разве вся Россия не трепетала при одном имени Ивана?

- Да, Ро...

- Ну и прекрасно! - с торжеством перебил Мартин. - Вы наложите на мой мозг матрицу Ивана Грозного, и я разделаюсь с Сен-Сиром так, как это сделал бы Иван. Дизраэли был просто чересчур цивилизован. Хоть рост и вес имеют значение, но характер куда важнее. Внешне я совсем не похож на Дизраэли, однако люди реагировали на меня так, словно я - сам Джордж Арлисс. Цивилизованный силач всегда побьет цивилизованного человска слабее себя. Однако Сен-Сир еще ни разу не сталкивался с по-настоящему нецивилизованным человеком - таким, какой готов голыми руками вырвать сердце врага. - Мартин энергично кивнул. - Сен-Сира можно подавить на время - в этом я убедился. Но, чтобы подавить его навсегда, потребуется кто-нибудь вроде Ивана.

- Если вы думаете, что я собираюсь наложить на вас матрицу Ивана, то вы ошибаетесь, - объявил робот.

- И убедить вас никак нельзя?

- Я, - сказал ЭНИАК, - семантически сбалансированный робот. Конечно, вы меня не убедите.

"Я-то, может быть, и нет, - подумал Мартин, - но вот Дизраэли... Гм-м! "Мужчина - это машина"... Дизраэли был просто создан для улещивания роботов. Даже люди были для него машинами. А что такое ЭНИАК?"

- Давайте обсудим это, - начал Мартин, рассеянно пододвигая лампу поближе к роботу.

И разверзлись золотые уста, некогда сотрясавшие империи...

- Вам это не понравится, - отупело сказал робот некоторое время спустя. - Иван не годится для... Ах, вы меня совсем запутали! Вам нужно приложить глаз к... - Он начал вытаскивать из сумки шлем и четверть мили красной ленты.

- Подвяжем-ка серые клеточки моего досточтимого мозга! - сказал Мартин, опьянев от собственной риторики. - Надевайте его мне на голову. Вот так. И не забудьте - Иван Грозный. Я покажу Сен-Сиру Миксо-Лидию!

- Коэффициент зависит столько же от среды, сколько и от наследственности, - бормотал робот, нахлобучивая шлем на Мартина. - Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности, полученной через Елену Глинскую... Ну, вот!

Он снял шлем с головы Мартина.

- Но ничего не происходит, - сказал Мартин.- Я не чувствую никакой разницы.

- На это потребуется несколько минут. Ведь теперь это совсем иная схема характера, чем ваша. Радуйтесь жизни, пока можете. Вы скоро познакомитесь с Ивано-эффектом. - Он вскинул сумку на плечо и нерешительно пошел к двери.

- Стойте, - тревожно окликнул его Мартин. - А вы уверены...

- Помолчите. Я что-то забыл. Какую-то формальность, до того вы меня запутали. Ну, ничего, вспомню после или раньше, в зависимости от того, где буду находиться. Увидимся через двенадцать часов... если увидимся!

Робот ушел. Мартин для проверки потряс головой. Затем встал и направился за роботом к двери. Но ЭНИАК исчез бесследно - только в середине коридора опадал маленький смерч пыли.

В голове Мартина что-то происходило...

Позади зазвонил телефон. Мартин ахнул от ужаса. С неожиданной, невероятной, жуткой, абсолютной уверенностью он понял, кто звонит.

- Убийцы!!!

- Да, мистер Мартин! - раздался в трубке голос дворецкого Толливера Уотта. - Мисс Эшби здесь. Сейчас она совещается с мистером Уоттом и мистером Сен-Сиром, но я передам ей ваше поручение. Вы задержались, и она должна заехать за вами... куда?

- В чулан на втором этаже сценарного корпуса, - дрожащим голосом ответил Мартин. - Рядом с другими чуланами нет телефонов с достаточно длинным шнуром, и я не мог бы взять с собой аппарата. Но я вовсе не убежден, что здесь мне не грозит опасность. Мне что-то не нравится выражение метлы слева от меня.

- Сэр?..

- А вы уверены, что вы действительно дворецкий Толливера Уотта? - нервно спросил Мартин.

- Совершенно уверен, мистер... э... мистер Мартин.

- Да, я мистер Мартин! - вскричал Мартин вызывающим, полным ужаса голосом. - По всем законам божеским и человеческим я - мистер Мартин! И мистером Мартином я останусь, как бы ни пытались мятежные собаки низложить меня с места, которое принадлежит мне по праву.

- Да, сэр. Вы сказали - в чулане, сэр?

- Да, в чулане. И немедленно. Но поклянитесь не говорить об этом никому, кроме мисс Эшби, как бы вам ни угрожали. Я буду вам защитой.

- Да, сэр. Больше ничего?

- Больше ничего. Скажите мисс Эшби, чтобы она поторопилась. А теперь повесьте трубку. Нас могли подслушивать. У меня есть враги.

В трубке щелкнуло. Мартин положил ее на рычаг и опасливо оглядел чулан. Он внушал себе, что его страхи нелепы. Ведь ему нечего бояться, верно? Правда, тесные стены чулана грозно смыкались вокруг него, а потолок спускался все ниже... В панике Мартин выскочил из чулана, перевел дух и расправил плечи.

- Ч-ч-чего бояться? - спросил он себя. - Никто и не боится!

Насвистывая, он пошел через холл к лестнице, но на полпути агорафобия* взяла верх, и он уже не мог совладать с собой. Он нырнул к себе в кабинет и тихо потел от страха во мраке, пока не собрался с духом, чтобы зажечь лампу.

Его взгляд привлекла "Британская энциклопедия" в стеклянном шкафу. С бесшумной поспешностью Мартин

*Агорафобия - боязнь пространства. (Примеч. ред.)

снял том "Иберия - Лорд" и начал его листать. Что-то явно было очень и очень не так. Правда, робот предупреждал, что Мартину не понравится быть Иваном Грозным. Но может быть, это была вовсе не матрица Ивана? Может быть, робот по ошибке наложил на него чью-то другую матрицу - матрицу отъявленного труса? Мартин судорожно листал шуршащие страницы. Иван... Иван... А, вот оно!

Сын Елены Глинской... Женат на Анастасии Захарьиной-Кошкиной... В частной жизни творил неслыханные гнусности... Удивительная память, колоссальная энергия... Припадки дикой ярости... Большие природные способности, политическое провидение, предвосхитил идеи Петра Великого...

Мартин покачал головой.

Но тут он прочел следующую строку, и у него перехватило дыхание.

Иван жил в атмосфере вечных подозрений и в каждом своем приближенном видел возможного изменника.

- Совсем как я, - пробормотал Мартин. - Но... Но Иван ведь не был трусом... Я не понимаю.

Коэффициент, сказал робот, зависит от среды, так же как и от наследственности. Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности.

Мартин со свистом втянул воздух.

Среда вносит существенную поправку. Возможно, Иван Четвертый был по натуре трусом, но благодаря наследственности и среде эта черта не получила явного развития.

Иван был царем всея Руси.

Дайте трусу ружье, и, хотя он не перестанет быть трусом, эта черта будет проявляться совсем по-другому. Он может повести себя как вспыльчивый и воинственный тиран. Вот почему Иван экологически преуспевал - в своей особой среде. Он не подвергался стрессу, который выдвинул бы на первый план доминантную черту его характера. Подобно Дизраэли, он умел контролировать свою среду и устранять причины, которые вызвали бы стресс.

Мартин позеленел.

Затем он вспомнил про Эрику. Удастся ли ей как-нибудь отвлечь Сен-Сира, пока сам он будет добиваться от Уотта расторжения контракта? Если он сумеет избежать кризиса, то сможет держать свои нервы в узде, но... ведь повсюду убийцы!

Эрика уже едет в студию... Мартин судорожно сглотнул.

Он встретит ее за воротами студии. Чулан был ненадежным убежищем. Его могли поймать там, как крысу...

- Ерунда, - сказал себе Мартин с трепетной твердостью. - Это не я, и все тут. Надо взять себя в-в-в руки - и т-т-только. Давай-давай, взбодрись. Toujours l'audace*.

Однако он вышел из кабинета и спустился по лестнице с величайшей осторожностью. Как знать... Если кругом одни враги...

Трясясь от страха, матрица Ивана Грозного прокралась к воротам студии.

Такси быстро ехало в Бел-Эйр.

- Но зачем ты залез на дерево? - спросила Эрика.

Мартин затрясся.

- Оборотень, - объяснил он, стуча зубами. - Вампир, ведьма и... Говорю тебе, я их видел. Я стоял у ворот студии, а они как кинутся на меня всей толпой!

- Но они просто возвращались в павильон после обеда, - сказала Эрика. - Ты же знаешь, что "Вершина" по вечерам внимает "Аббат и Костелло знакомы со всеми". Карлов и мухи не обидит.

- Я говорил себе это, - угрюмо пожаловался Мартин. - Но страх и угрызения совести совсем меня измучили. Видишь ли, я - гнусное чудовище, но это не моя вина. Все - среда. Я рос в самой тягостной и жестокой обстановке... А-а! Погляди сама!

Он указал на полицейского на перекрестке.

- Полиция! Предатель даже среди дворцовой гвардии!

- Дамочка, этот тип - псих? - спросил шофер.

- Безумен я или нормален, я - Никлас Мартин! - объявил Мартин, внезапно меняя тон.

Он попытался властно выпрямиться, стукнулся головой о крышу, взвизгнул: "Убийцы!" - и съежился в уголке, тяжело дыша.

Эрика тревожно посмотрела на него.

- Ник, сколько ты выпил? - спросила она. - Что с тобой?

Мартин откинулся на спинку и закрыл глаза.

- Дай я немного приду в себя, Эрика, - умоляюще сказал он. - Все будет в порядке, как только я оправлюсь от стресса. Ведь Иван...

- Но взять аннулированный контракт из рук Уотта ты сумеешь? - спросила Эрика. - На это-то тебя хватит?

- Хватит, - ответил Мартин бодрым, но дрожащим голосом.

Потом он передумал.

---

*Да здравствует отвага (франц.).

- При условии если буду держать тебя за руку, - добавил он, не желая рисковать.

Это так возмутило Эрику, что на протяжении двух миль в такси царило молчание. Эрика над чем-то размышляла.

- Ты действительно очень переменился с сегодняшнего утра, - заметила она наконец. - Грозишь объясниться мне в любви, подумать только! Как будто я позволю что-нибудь подобное! Вот попробуй!

Наступило молчание. Эрика покосилась на Мартина.

- Я сказала - вот попробуй! - повторила она.

- Ах, так? - спросил Мартин с трепещущей храбростью. Он помолчал. Как ни странно, его язык, прежде отказывавшийся в присутствии Эрики произнести хотя бы слово на определенную тему, вдруг обрел свободу. Мартин не стал тратить времени и рассуждать почему. Не дожидаясь наступления следующего кризиса, он немедленно излил Эрике все свои чувства.

- Но почему ты никогда прежде этого не говорил? - спросила она, заметно смягчившись.

- Сам не понимаю, - ответил Мартин. - Так, значит, ты выйдешь за меня?

- Но почему ты...

- Ты выйдешь за меня?

- Да, - сказала Эрика, и наступило молчание.

Мартин облизнул пересохшие губы, так как заметил, что их головы совсем сблизились. Он уже собирался завершить объяснение традиционным финалом, как вдруг его поразила внезапная мысль. Вздрогнув, он отодвинулся.

Эрика открыла глаза.

- Э... - сказал Мартин. - Гм... Я только что вспомнил. В Чикаго сильная эпидемия гриппа. А эпидемии, как тебе известно, распространяются с быстротой лесного пожара. И грипп мог уже добраться до Голливуда, особенно при нынешних западных ветрах.

- Черт меня побери, если я допущу, чтобы моя помолвка обошлась без поцелуя! - объявила Эрика с некоторым раздражением. - А ну, поцелуй меня!

- Но я могу заразить тебя бубонной чумой, - нервно ответил Мартин. - Поцелуи передают инфекцию. Это научный факт.

- Ник!

- Ну... не знаю... А когда у тебя в последний раз был насморк?

Эрика отодвинулась от него как могла дальше.

- Ах! - вздохнул Мартин после долгого молчания. - Эрика, ты...

- Не заговаривай со мной, тряпка! - сказала Эрика. - Чудовище! Негодяй!

- Я не виноват! - в отчаянии вскричал Мартин. - Я буду трусом двенадцать часов. Но я тут ни при чем. Завтра после восьми утра я хоть в львиную клетку войду, если ты захочешь. Сегодня же у меня нервы, как у Ивана Грозного! Дай я хотя бы объясню тебе, в чем дело.

Эрика ничего не ответила, и Мартин принялся торопливо рассказывать свою длинную, малоправдоподобную историю.

- Не верю, - отрезала Эрика, когда он кончил, и покачала головой. - Но я пока еще остаюсь твоим агентом и отвечаю за твою писательскую судьбу. Теперь нам надо добиться одного - заставить Толливера Уотта расторгнуть контракт. И только об этом мы и будем сейчас думать. Ты понял?

- Но Сен-Сир...

- Говорить буду я. Тебе не потребуется сказать ни слова. Если Сен-Сир начнет тебя запугивать, я с ним разделаюсь. Но ты должен быть там, не то Сен-Сир придерется к твоему отсутствию, чтобы затянуть дело. Я его знаю.

- Ну, вот, я опять в стрессовом состоянии! - в отчаянии крикнул Мартин. - Я не выдержу! Я же не русский царь!

- Дамочка,- сказал шофер, оглядываясь. - На вашем месте я бы дал ему от ворот поворот тут же на месте!

- Кому-нибудь не сносить за это головы! - зловеще пообещал Мартин.

- "По взаимному согласию контракт аннулируется..." Да, да, - сказал Уотт, ставя свою подпись на документе, который лежал перед ним на столе. - Ну, вот и все. Но куда делся Мартин? Ведь он вошел с вами, я сам видел.

- Разве? - несколько невпопад спросила Эрика. Она сама ломала голову над тем, каким образом Мартин умудрился так бесследно исчезнуть. Может быть, он с молниеносной быстротой залез под ковер?

Отогнав эту мысль, она протянула руку за бумагой, которую Уотт начал аккуратно свертывать.

- Погодите, - сказал Сен-Сир, выпятив нижнюю губу. - А как насчет пункта, дающего нам исключительное право на следующую пьесу Мартина?

Уотт перестал свертывать документ, и режиссер немедленно этим воспользовался.

- Что бы он там ни накропал, я сумею сделать из этого новый фильм для Диди. А, Диди? - Он погрозил сосискообразным пальцем прелестной звезде, которая послушно кивнула.

- Там будут только мужские роли, - поспешно сказала Эрика. - К тому же мы обсуждаем расторжение контракта, а не права на пьесу.

- Он дал бы мне это право, будь он здесь! - проворчал Сен-Сир, подвергая свою сигару невообразимым пыткам. - Почему, почему все ополчается против истинного художника? - Он взмахнул огромным волосатым кулаком. - Теперь мне придется обламывать нового сценариста. Какая напрасная трата времени! А ведь через две недели Мартин стал бы сен-сировским сценаристом! Да и теперь еще не поздно...

- Боюсь, что поздно, Рауль, - с сожалением сказал Уотт. - Право же, бить Мартина сегодня в студии вам все-таки не следовало.

- Но... но он ведь не посмеет подать на меня в суд. В Миксо-Лидии...

- А, здравствуйте, Ник! - воскликнула Диди с сияющей улыбкой. - Зачем вы прячетесь за занавеской?

Глаза всех обратились к оконным занавескам, за которыми в этот миг с проворством вспугнутого бурундука исчезло белое как мел, искаженное ужасом лицо Никласа Мартина. Эрика торопливо сказала:

- Но это вовсе не Ник. Совсем даже не похож. Вы ошиблись, Диди.

- Разве? - спросила Диди, уже готовая согласиться.

- Ну конечно, - ответила Эрика и протянула руку к документу. - Дайте его мне, и я...

- Стойте! - по-бычьи взревел Сен-Сир.

Втянув голову в могучие плечи, он затопал к окну и отдернул занавеску.

- Ага, - зловещим голосом произнес режиссер. - Мартин!

- Ложь, - пробормотал Мартин, тщетно пытаясь скрыть свой рожденный стрессом ужас. - Я отрекся.

Сен-Сир, отступив на шаг, внимательно вглядывался в Мартина. Сигара у него во рту медленно задралась кверху. Губы режиссера растянула злобная усмешка.

Он потряс пальцем у самых трепещущих ноздрей драматурга.

- А, - сказал он, - к вечеру пошли другие песни, э? Днем ты был пьян! Теперь я все понял. Черпаешь храбрость в бутылке, как тут выражаются?

- Чепуха, - возразил Мартин, вдохновляясь взглядом, который бросила на него Эрика. - Кто это сказал? Все - ваши выдумки! О чем, собственно, речь?

- Что вы делали за занавеской? - спросил Уотт.

- Я вообще не был за занавеской, - доблестно объявил Мартин. - Это вы были за занавеской, вы все. А я

был перед занавеской. Разве я виноват, что вы все укрылись за занавеской в библиотеке, точно... точно заговорщики?

Последнее слово было выбрано очень неудачно - в глазах Мартина вновь вспыхнул ужас.

- Да, как заговорщики, - продолжал он нервно. - Вы думали, я ничего не знаю, а? А я все знаю! Вы тут все убийцы и плетете злодейские интриги. Вот, значит, где ваше логово! Всю ночь вы, наемные псы, гнались за мной по пятам, словно за раненым карибу, стараясь...

- Нам пора, - с отчаянием сказала Эрика. - Мы и так еле-еле успеем поймать последнего кари... то есть последний самолет на восток.

Она протянула руку к документу, но Уотт вдруг спрятал его в карман и повернулся к Мартину.

- Вы дадите нам исключительное право на вашу следующую пьесу? - спросил он.

- Конечно, даст! - загремел Сен-Сир, опытным взглядом оценив напускную браваду Мартина. - И в суд ты на меня не подашь, не то я тебя вздую как следует. Так мы делали в Миксо-Лидии. Собственно говоря, Мартин, вы вовсе и не хотите расторгать свой контракт. Это чистое недоразумение. Я сделаю из вас сен-сировского сценариста, и все будет хорошо. Вот так. Сейчас вы попросите Толливера разорвать эту бумажонку. Верно?

- Конечно, нет! - крикнула Эрика. - Скажи ему это, Ник!

Наступило напряженное молчание. Уотт ждал с настороженным любопытством. И бедняжка Эрика тоже. В ее душе шла мучительная борьба между профессиональным долгом и презрением к жалкой трусости Мартина. Ждала и Диди, широко раскрыв огромные глаза, а на ее прекрасном лице играла веселая улыбка. Однако бой шел, бесспорно, между Мартином и Раулем Сен-Сиром.

Мартин в отчаянии расправил плечи. Он должен, должен показать себя подлинным Грозным - теперь или никогда. Уже у него был гневный вид, как у Ивана, и он постарался сделать свой взгляд зловещим. Загадочная улыбка появилась на его губах. На мгновение он действительно обрел сходство с грозным русским царем - только, конечно, без бороды и усов. Мартин смерил миксо-лидийца взглядом, исполненным монаршего презрения.

- Вы порвете эту бумажку и подпишете соглашение с нами на вашу следующую пьесу, так? - сказал Сен-Сир, но с легкой неуверенностью.

- Что захочу, то и сделаю, - сообщил ему Мартин. - А как вам понравится, если вас заживо сожрут собаки?

- Право, Рауль, - вмешался Уотт, - попробуем уладить это, пусть даже...

- Вы предпочтете, чтобы я ушел в "Метро - Голдвин" и взял с собой Диди? - крикнул Сен-Сир, поворачиваясь к Уотту. - Он сейчас же подпишет! - И, сунув руку во внутренний карман, чтобы достать ручку, режиссер всей тушей надвинулся на Мартина.

- Убийца! - взвизгнул Мартин, неверно истолковав его движение.

На мерзком лице Сен-Сира появилась злорадная улыбка.

- Он у нас в руках, Толливер! - воскликнул миксолидиец с тяжеловесным торжеством, и эта жуткая фраза оказалась последней каплей. Не выдержав подобного стресса, Мартин с безумным воплем шмыгнул мимо Сен-Сира, распахнул ближайшую дверь и скрылся за ней.

Вслед ему несся голос валькирии Эрики:

- Оставьте его в покое! Или вам мало? Вот что, Толливер Уотт: я не уйду отсюда, пока вы не отдадите этот документ. А вас, Сен-Сир, я предупреждаю: если вы...

Но к этому времени Мартин уже успел проскочить пять комнат, и конец ее речи замер в отдалении. Он пытался заставить себя остановиться и вернуться на поле брани, но тщетно - стресс был слишком силен, ужас гнал его вперед по коридору, вынудил юркнуть в какую-то комнату и швырнул о какой-то металлический предмет. Отлетев от этого предмета и упав на пол, Мартин обнаружил, что перед ним ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

- Вот вы где, - сказал робот. - А я в поисках вас обшарил все пространство-время. Когда вы заставили меня изменить программу эксперимента, вы забыли дать мне расписку, что берете ответственность на себя. Раз объект пришлось снять из-за изменения в программе, начальство из меня все шестеренки вытрясет, если я не доставлю расписку с приложением глаза объекта.

Опасливо оглянувшись, Мартин поднялся на ноги.

- Что? - спросил он рассеянно. - Послушайте, вы должны изменить меня обратно в меня самого. Все меня пытаются убить. Вы явились как раз вовремя. Я не могу ждать двенадцать часов. Измените меня немедленно.

- Нет, я с вами покончил, - бессердечно ответил робот. - Когда вы настояли на наложении чужой матрицы, вы перестали быть необработанным объектом и для продолжения опыта теперь не годитесь. Я бы сразу взял у вас расписку, но вы совсем меня заморочили вашим дизраэлевским красноречием. Ну-ка, подержите вот это у своего левого глаза двадцать секунд, - он протянул

Мартину блестящую металлическую пластинку. - Она уже заполнена и сенсибилизирована. Нужен только отпечаток вашего глаза. Приложите его - и больше вы меня нс увидите.

Мартин отпрянул.

- А что будет со мной? - спросил он дрожащим голосом.

- Откуда я знаю? Через двенадцать часов матрица сотрется и вы снова станете самим собой. Прижмите-ка пластинку к глазу.

- Прижму, если вы превратите меня в меня, - попробовал торговаться Мартин.

- Не могу - это против правил. Хватит и одного нарушения, даже с распиской. Но чтобы два? Ну, нет! Прижмите ее к левому глазу...

- Нет, - сказал Мартин с судорожной твердостью. - Не прижму.

ЭНИАК внимательно поглядел на него.

- Прижмите, - сказал робот наконец. - Не то я на вас топну ногой.

Мартин слегка побледнел, но с отчаянной решимостью затряс головой.

- Нет и нет! Ведь если я немедленно не избавлюсь от матрицы Ивана, Эрика не выйдет за меня замуж и Уотт не освободит меня от контракта. Вам только нужно надеть на меня этот шлем. Неужто я прошу чего-то невозможного?

- От робота? Разумеется, - сухо ответил ЭНИАК. - И довольно мешкать. К счастью, на вас наложена матрица Ивана и я могу навязать вам мою волю. Сейчас же отпечатайте на пластинке свой глаз. Ну?!

Мартин стремительно нырнул за диван. Робот угрожающе двинулся за ним, но тут Мартин нашел спасительную соломинку и уцепился за нее.

Он встал и посмотрел на робота.

- Погодите, вы не поняли, - сказал он. - Я же не в состоянии отпечатать свой глаз на этой штуке. Со мной у вас ничего не выйдет. Как вы не понимаете? На ней должен остаться отпечаток...

- ... рисунка сетчатки, - докончил робот. - Ну, и...

- Ну, и как же я это сделаю, если мой глаз не останется открытым двадцать секунд? Пороговые реакции у меня, как у Ивана, верно? Мигательным рефлексом я управлять не могу. Мои синапсы - синапсы труса. И они заставят меня зажмурить глаза, чуть только эта штука к ним приблизится.

- Так раскройте их пальцами, - посоветовал робот.

- У моих пальцев тоже есть рефлексы, - возразил Мартин, подбираясь к буфету. - Остается один выход. Я

должен напиться. Когда алкоголь меня одурманит, мои рефлексы затормозятся и я не успею закрыть глаза. Но не вздумайте пустить в ход силу. Если я умру на месте от страха, как вы получите отпечаток моего глаза?

- Это-то нетрудно, - сказал робот. - Раскрою веки...

Мартин потянулся за бутылкой и стаканом, но вдруг его рука свернула в сторону и ухватила сифон с содовой водой.

- Но только, - продолжал ЭНИАК, - подделка может быть обнаружена.

Мартин налил себе полный стакан содовой воды и сделал большой глоток.

- Я скоро опьянею, - обещал он заплетающимся языком. - Видите, алкоголь уже действует. Я стараюсь вам помочь.

- Ну, ладно, только поторопитесь, - сказал ЭНИАК после некоторого колебания и опустился на стул.

Мартин собрался сделать еще глоток, но вдруг уставился на робота, ахнул и отставил стакан.

- Ну, что случилось? - спросил робот. - Пейте свое... что это такое?

- Виски, - ответил Мартин неопытной машине. - Но я все понял. Вы подсыпали в него яд. Вот, значит, каков был ваш план! Но я больше ни капли не выпью, и вы не получите отпечатка моего глаза. Я не дурак.

- Винт всемогущий! - воскликнул робот, вскакивая на ноги. - Вы же сами налили себе этот напиток. Как я мог его отравить? Пейте.

- Не буду, - ответил Мартин с упрямством труса, стараясь отогнать гнетущее подозрение, что содовая и в самом деле отравлена.

- Пейте свой напиток! - потребовал ЭНИАК слегка дрожащим голосом. - Он абсолютно безвреден.

- Докажите! - сказал Мартин с хитрым видом. - Согласны обменяться со мной стаканом? Согласны сами выпить это ядовитое пойло?

- Как же я буду пить? - спросил робот. - Я... Ладно, давайте мне стакан. Я отхлебну, а вы допьете остальное.

- Ага, - объявил Мартин, - вот ты себя и выдал. Ты же робот и сам говорил, что пить не можешь! То есть так, как пью я. Вот ты и попался, отравитель! Вон твой напиток, - он указал на торшер. - Будешь пить со мной на свой электрический манер или сознаешься, что хотел меня отравить? Погоди-ка, что я говорю? Это же ничего не докажет...

- Ну конечно, докажет, - поспешно перебил робот. - Вы совершенно правы и придумали очень умно. Мы будем пить вместе, и это докажет, что ваше виски не отравлено.

И вы будете пить, пока ваши рефлексы не затормозятся. Верно?

- Да, но... - начал неуверенно Мартин, однако бессовестный робот уже вывинтил лампочку из торшера, нажал на выключатель и сунул палец в патрон, отчего раздался треск и посыпались искры.

- Ну, вот, - сказал робот. - Ведь не отравлено? Верно?

- А вы не глотаете, - подозрительно заявил Мартин. - Вы держите его во рту... то есть в пальцах.

ЭНИАК снова сунул палец в патрон.

- Ну, ладно, может быть, - с сомнением согласился Мартин. - Но ты можешь подсыпать порошок в мое виски, изменник. Будешь пить со мной, глоток за глотком, пока я не сумею припечатать свой глаз к этой твоей штуке. А не то я перестану пить. Впрочем, хоть ты и суешь палец в торшер, действительно ли это доказывает, что виски не отравлено? Я не совсем...

- Доказывает, доказывает, - быстро сказал робот. - Ну, вот смотрите. Я опять это сделаю... ft(t). Мощный постоянный ток, верно? Какие еще вам нужны доказательства? Ну, пейте.

Не спуская глаз с робота, Мартин поднес к губам стакан с содовой.

- Ffff(t)! - воскликнул робот немного погодя и начертал на своем металлическом лице глуповато-блаженную улыбку.

- Такого ферментированного мамонтового молока я еще не пивал, - согласился Мартин, поднося к губам десятый стакан содовой воды. Ему было сильно не по себе, и он боялся, что вот-вот захлебнется.

- Мамонтового молока? - сипло произнес ЭНИАК. - А это какой год?

Мартин перевел дух. Могучая память Ивана пока хорошо служила ему. Он вспомнил, что напряжение повышает частоту мыслительных процессов робота и расстраивает его память - это и происходило прямо у него на глазах. Однако впереди оставалось самое трудное...

- Год Большой Волосатой, конечно, - сказал он весело. - Разве ты не помнишь?

- В таком случае вы... - ЭНИАК попытался получше разглядеть своего двоящегося собутыльника. - Тогда, значит, вы - Мамонтобой.

- Вот именно! - вскричал Мартин. - Ну-ка, дернем еще по одной. А теперь приступим.

- К чему приступим?

Мартин изобразил раздражение.

- Вы сказали, что наложите на мое сознание матрицу Мамонтобоя. Вы сказали, что это обеспечит мне

оптимальное экологическое приспособление к среде в данной темпоральной фазе.

- Разве? Но вы же не Мамонтобой, - растерянно возразил ЭНИАК. - Мамонтобой был сыном Большой Волосатой. А как зовут вашу мать?

- Большая Волосатая, - немедленно ответил Мартин, и робот поскреб свой сияющий затылок.

- Дерните еще разок, - предложил Мартин. - А теперь достаньте экологизер и наденьте мне его на голову.

- Вот так? - спросил ЭНИАК, подчиняясь. - У меня ощущение, что я забыл что-то важное.

Мартин поправил прозрачный шлем у себя на затылке.

- Ну, - скомандовал он, - дайте мне матрицу-характер Мамонтобоя, сына Большой Волосатой...

- Что ж... Ладно, - невнятно сказал ЭНИАК. Взметнулись красные ленты, шлем вспыхнул. - Вот и все, - сказал робот. - Может быть, пройдет несколько минут, прежде чем подействует, а потом на двенадцать часов вы... погодите! Куда же вы?

Но Мартин уже исчез.

В последний раз робот запихнул в сумку шлем и четверть мили красной ленты. Пошатываясь, он подошел к торшеру, бормоча что-то о посошке на дорожку. Затем комната опустела. Затихающий шепот произнес:

- F(t)...

- Ник! - ахнула Эрика, уставившись на фигуру в дверях. - Не стой так, ты меня пугаешь.

Все оглянулись на ее вопль и поэтому успели заметить жуткую перемену, происходившую в облике Мартина. Конечно, это была иллюзия, но весьма страшная. Колени его медленно подогнулись, плечи сгорбились, словно под тяжестью чудовищной мускулатуры, а руки вытянулись так, что пальцы почти касались пола.

Наконец-то Никлас Мартин обрел личность, экологическая норма которой ставила его на один уровень с Раулем Сен-Сиром.

- Ник! - испуганно повторила Эрика.

Медленно нижняя челюсть Мартина выпятилась, обнажились все нижние зубы. Веки постепенно опустились, и теперь он смотрел на мир маленькими злобными глазками. Затем неторопливая гнусная ухмылка растянула губы мистера Мартина.

- Эрика! - хрипло сказал он. -Моя!

Раскачивающейся походкой он подошел к перепуганной девушке, схватил ее в объятия и укусил за ухо.

- Ах, Ник, - прошептала Эрика, закрывая глаза. - Почему ты никогда... Нет, нет, нет! Ник, погоди... Расторжение контракта. Мы должны... Ник, куда ты? - Она попыталась удержать его, но опоздала.

Хотя походка Мартина была неуклюжей, двигался он быстро. В одно мгновение он перемахнул через письменный стол Уотта, выбрав кратчайший путь к потрясенному кинопромышленнику. Во взгляде Диди появилось легкое удивление. Сен-Сир рванулся вперед.

- В Миксо-Лидии... - начал он. - Ха, вот так... - И, схватив Мартина, он швырнул его в другой угол комнаты.

- Зверь! - воскликнула Эрика и бросилась на режиссера, молотя кулачками по его могучей груди. Впрочем, тут же спохватившись, она принялась обрабатывать каблуками его ноги - с значительно большим успехом. Сен-Сир, менее всего джентльмен, схватил ее и заломил ей руки, но тут же обернулся на тревожный крик Уотта:

- Мартин, что вы делаете?

Вопрос этот был задан не зря. Мартин покатился по полу, как шар, по-видимому нисколько не ушибившись, сбил торшер и развернулся, как еж. На лице его было неприятное выражение. Он встал, пригнувшись, почти касаясь пола руками и злобно скаля зубы.

- Ты трогать моя подруга? - хрипло осведомился питекантропообразный мистер Мартин, быстро теряя всякую связь с двадцатым веком. Вопрос этот был чисто риторическим. Драматург поднял торшер (для этого ему не пришлось нагибаться), содрал абажур, словно листья с древесного сука, и взял торшер наперевес. Затем он двинулся вперед, держа его, как копье.

- Я, - сказал Мартин, - убивать.

И с достохвальной целеустремленностью попытался претворить свое намерение в жизнь. Первый удар тупого самодельного копья поразил Сен-Сира в солнечное сплетение, и режиссер отлетел к стене, гулко стукнувшись об нее. Мартин, по-видимому, только этого и добивался. Прижав конец копья к животу режиссера, он пригнулся еще ниже, уперся ногами в ковер и по мере сил попытался просверлить в Сен-Сире дыру.

- Прекратите! - крикнул Уотт, кидаясь в сечу. Первобытные рефлексы сработали мгновенно: кулак Мартина описал в воздухе дугу, и Уотт описал дугу в противоположном направлении.

Торшер сломался.

Мартин задумчиво поглядел на обломки, принялся было грызть один из них, потом передумал и оценивающе посмотрел на Сен-Сира. Задыхаясь, бормоча угрозы,

проклятия и протесты, режиссер выпрямился во весь рост и погрозил Мартину огромным кулаком.

- Я, - объявил он, - убью тебя голыми руками, а потом уйду в "Метро - Голдвин - Мейер" с Диди. В Миксо-Лидии...

Мартин поднес к лицу собственные кулаки. Он поглядел на них, медленно разжал, улыбнулся, а затем, оскалив зубы, с голодным тигриным блеском в крохотных глазках посмотрел на горло Сен-Сира.

Мамонтобой не зря был сыном Большой Волосатой.

Мартин прыгнул.

И Сен-Сир тоже, но в другую сторону, вопя от внезапного ужаса. Ведь он был всего только средневековым типом, куда более цивилизованным, чем так называемый человек первобытной прямолинейной эры Мамонтобоя. И как человек убегает от маленькой, но разъяренной дикой кошки, так Сен-Сир, пораженный цивилизованным страхом, бежал от врага, который в буквальном смысле слова ничего не боялся.

Сен-Сир выпрыгнул в окно и с визгом исчез в ночном мраке.

Мартина это застигло врасплох - когда Мамонтобой бросался на врага, враг всегда бросался на Мамонтобоя, - и в результате он со всего маху стукнулся лбом об стену. Как в тумане, он слышал затихающий вдали визг. С трудом поднявшись, он привалился спиной к стене и зарычал, готовясь...

- Ник! - раздался голос Эрики. - Ник, это я! Помоги! Помоги же! Диди...

- Агх? - хрипло вопросил Мартин, мотая головой. - Убивать!

Глухо ворча, драматург мигал налитыми кровью глазками, и постепенно все, что его окружало, опять приобрело четкие очертания. У окна Эрика боролась с Диди.

- Пустите меня! - кричала Диди. - Куда Рауль, туда и я!

- Диди! - умоляюще произнес новый голос.

Мартин оглянулся и увидел под смятым абажуром в углу лицо распростертого на полу Толливера Уотта.

Сделав чудовищное усилие, Мартин выпрямился. Ему было как-то непривычно ходить не горбясь, но зато это помогало подавить худшие инстинкты Мамонтобоя. К тому же теперь, когда Сен-Сир испарился, кризис миновал и доминантная черта в характере Мамонтобоя несколько утратила активность. Мартин осторожно пошевелил языком и с облегчением обнаружил, что еще не совсем лишился дара человеческой речи.

- Агх, - сказал он. - Уррг... э... Уотт!

Уотт испуганно замигал на него из-под абажура.

- Арргх... Аннулированный контракт, - сказал Мартин, напрягая все силы. - Дай.

Уотт не был трусом. Он с трудом поднялся на ноги и снял с головы абажур.

- Аннулировать контракт?! - рявкнул он. - Сумасшедший! Разве вы не понимаете, что вы натворили? Диди, не уходите от меня! Диди, не уходите, мы вернем Рауля...

- Рауль велел мне уйти, если уйдет он, - упрямо сказала Диди.

- Вы вовсе не обязаны делать то, что вам велит Сен-Сир, - убеждала Эрика, продолжая держать вырывающуюся звезду.

- Разве? - с удивлением спросила Диди. - Но я всегда его слушаюсь. И всегда слушалась.

- Диди, - в отчаянии умолял Уотт, - я дам вам лучший в мире контракт! Контракт на десять лет! Посмотрите, вот он! - И киномагнат вытащил сильно потертый по краям документ. - Только подпишите, и потом можете требовать все, что вам угодно! Неужели вам этого не хочется?

- Хочется, - ответила Диди, - но Раулю не хочется. - И она вырвалась из рук Эрики.

- Мартин! - вне себя воззвал Уотт к драматургу. - Верните Сен-Сира! Извинитесь перед ним! Любой ценой - только верните его! А не то я... я не аннулирую вашего контракта!

Мартин слегка сгорбился, может быть, от безнадежности, а может быть, и еще от чего-нибудь.

- Мне очень жалко, - сказала Диди. - Мне нравилось работать у вас, Толливер. Но я должна слушаться Рауля.

Она сделала шаг к окну.

Мартин сгорбился еще больше, и его пальцы коснулись ковра. Злобные глазки, горевшие неудовлетворенной яростью, были устремлены на Диди. Медленно его губы поползли в стороны и зубы оскалились.

- Ты! - сказал он с зловещим урчанием.

Диди остановилась, но лишь на мгновение, и тут по комнате прокатился рык дикого зверя.

- Вернись! - в бешенстве ревел Мамонтобой.

Одним прыжком он оказался у окна, схватил Диди и зажал под мышкой. Обернувшись, он ревниво покосился на дрожащего Уотта и кинулся к Эрике. Через мгновение уже обе девушки пытались вырваться из его хватки. Мамонтобой крепко держал их под мышками, а его злобные глазки поглядывали то на ту, то на другую. Затем с полным беспристрастием он быстро укусил каждую за ухо.

- Ник! - вскрикнула Эрика. - Как ты смеешь?
- Моя! - хрипло информировал ее Мамонтобой.
- Еще бы! - ответила Эрика. - Но это имеет и обратную силу. Немедленно отпусти нахалку, которую ты держишь под другой мышкой.
Мамонтобой с сожалением поглядел на Диди.
- Ну, - резко сказала Эрика, - выбирай!
- Обе! - объявил нецивилизованный драматург. - Да!
- Нет! - отрезала Эрика.
- Да! - пропыхтела Диди совсем новым тоном. Красавица свисала с руки Мартина, как мокрая тряпка, и глядела на своего пленителя с рабским обожанием.
- Нахалка! - крикнула Эрика. - А как же Сен-Сир?
- Он? - презрительно сказала Диди. - Слюнтяй! Нужен он мне очень! - И она вновь устремила на Мартина боготворящий взгляд.
- Ф-фа! - буркнул тот и бросил Диди на колени Уотта. - Твоя. Держи. - Он одобрительно ухмыльнулся Эрике. - Сильная подруга. Лучше.
Уотт и Диди безмолвно смотрели на Мартина.
- Ты! - сказал он, ткнув пальцем в Диди. - Ты оставаться у него, - он указал на Уотта.
Диди покорно кивнула.
- Ты подписать контракт?
Кивок.
Мартин многозначительно посмотрел на Уотта и протянул руку.
- Документ, аннулирующий контракт, - пояснила Эрика, вися вниз головой. - Дайте скорей, пока он не свернул вам шею.
Уотт медленно вытащил документ из кармана и протянул его Мартину.
Но тот уже направился к окну раскачивающейся походкой.
Эрика извернулась и схватила документ.
- Ты прекрасно сыграл, - сказала она Нику, когда они очутились на улице. - А теперь отпусти меня. Попробуем найти такси...
- Не играл, - проворчал Мартин. - Настоящее. До завтра. После этого... - Он пожал плечами. - Но сегодня - Мамонтобой.
Он попытался влезть на пальму, передумал и пошел дальше.
Эрика у него под мышкой погрузилась в задумчивость.
Но взвизгнула она, только когда с ним поравнялась патрульная полицейская машина.

- Завтра я внесу за тебя залог, - сказала Эрика Мамонтобою, который вырывался из рук двух дюжих полицейских.

Свирепый рев заглушил ее слова.

Последующие события слились для разъяренного Мамонтобоя в один неясный вихрь, в завершение которого он очутился в тюремной камере, где вскочил на ноги с угрожающим рычанием.

- Я, - возвестил он, вцепляясь в решетку, - убивать! Арргх!

- Двое за один вечер, - произнес в коридоре скучающий голос. - И обоих взяли в Бел-Эйре. Думаешь, нанюхались кокаина? Первый тоже ничего не мог толком объяснить.

Решетка затряслась. Раздраженный голос с койки потребовал, чтобы он заткнулся, и добавил, что ему хватит неприятностей от всяких идиотов и без того, чтобы... Тут говоривший умолк, заколебался и испустил пронзительный отчаянный визг.

На мгновение в камере наступила мертвая тишина: Мамонтобой, сын Большой Волосатой, медленно повернулся к Раулю Сен-Сиру.

ПОРОЧНЫЙ КРУГ

Тор был первым роботом, не потерявшим рассудка. Впрочем, лучше бы он последовал примеру своих предшественников.Труднее всего, конечно, создать достаточно сложную мыслящую машину, и в то же время не слишком сложную. Робот Болдер 4 удовлетворял этому требованию, но не прошло и трех месяцев, как начал вести себя загадочно: отвечал невпопад и почти все время тупо глядел в пространство. Когда он действительно стал опасен для окружающих, Компания решила принять свои меры. Разумеется, невозможно было уничтожить робота, сделанного из дюралоя: Болдера 4 похоронили в цементе. Прежде чем цементная масса застыла, пришлось бросить в нее и Марса II.

Роботы действовали, это бесспорно. Но только ограниченное время. Потом у них в мозгу что-то портилось, и они выходили из строя. Компания даже не могла использовать их детали: размягчить затвердевший сплав из пластиков было невозможно и при помощи автогена. И вот двадцать восемь обезумевших роботов покоились в цементных ямах, напоминавших главному инженеру Харнаану о Рэдингской тюрьме.

- И безыменны их могилы! - торжественно воскликнул Харнаан, растянувшись в своем кабинете на диване и выпуская кольца дыма.

Харнаан был высокий человек с усталыми глазами, вечно нахмуренный. И это не удивительно в эпоху гигантских трестов, всегда готовых перегрызть друг другу горло ради экономического господства. Борьба трестов кое-чем даже напоминала времена феодальных распрей. Если какая-нибудь компания терпела поражение, победительница присоединяла ее к себе и - "горе побежденным!".

Ван Дамм, которого, скорее всего, можно было назвать инженером аварийной службы, кусал ногти, сидя на краю

стола. Он был похож на гнома - низенький, темнокожий, с умным морщинистым лицом, таким же бесстрастным, как у робота Тора, который неподвижно стоял у стены.

- Как ты себя чувствуешь? - спросил Ван Дамм, взглянув на робота. - Твой мозг еще не испортился?

- Мозг у меня в полном порядке, - ответил Тор. - Готов решить любую задачу.

Харнаан повернулся на живот.

- О'кэй. Тогда реши вот такую: Лаксингэмская компания увела у нас доктора Сэдлера вместе с его формулой увеличения предела прочности на разрыв для заменителя железа. Этот негодяй держался за нас, потому что здесь ему больше платили. Они надбавили ему, и он перекинулся в Лаксингэм.

Тор кивнул.

- У него был здесь контракт?

- Четырнадцать Х-семь. Обычный контракт металлургов. Практически нерасторжимый.

- Суд станет на нашу сторону. Но лаксингэмские хирурги, специалисты по пластическим операциям, поторопятся изменить внешность Сэдлера и отпечатки его пальцев. Дело будет тянуться... два года. За это время Лаксингэм выжмет все, что возможно, из его формулы увеличения предела прочности на разрыв для заменителя железа.

Ван Дамм состроил страшную гримасу.

- Реши эту задачу, Тор.

Он бросил беглый взгляд на Харнаана. Оба они знали, что должно сейчас произойти. Они не зря возлагали надежды на Тора.

- Придется применить силу, - сказал Тор. - Вам нужна формула. Робот не отвечает перед законом - так было до сих пор. Я побываю в Лаксингэме.

Не успел Харнаан неохотно процедить: "О'кэй", как Тора уже и след простыл.

Главный инженер нахмурился.

- Да, я знаю, - кивнул Ван Дамм. - Он просто войдет и стащит формулу. А нас опять привлекут к ответственности за то, что мы выпускаем машины, которыми невозможно управлять.

- Разве грубая сила - это лучшее логическое решение?

- Вероятно, самое простое. Тору нет надобности изобретать сложные методы, не противоречащие законам. Ведь это неразрушимый робот. Он просто войдет в Лаксингэм и возьмет формулу. Если суд признает Тора опасным, мы можем похоронить его в цементе и сделать новых роботов. У него ведь нет своего "я", вы же знаете. Для него это не имеет значения.

- Мы ожидали большего, - проворчал Харнаан. - Мыслящая машина должна придумать многое.

- Тор может придумать многое. Пока что он не потерял рассудка, как другие. Он решал любую задачу, какую бы мы ему ни предлагали, даже эту кривую тенденций развития, которая поставила в тупик всех остальных.

Харнаан кивнул.

- Да. Он предсказал, что выберут Споумэни... это выручило компанию из беды. Он способен думать, это бесспорно. Держу пари, что нет такой задачи, которую он не смог бы решить. И все-таки Тор недостаточно изобретателен.

- Если представится случай... - Ван Дамм вдруг отклонился от темы. - Ведь у нас монополия на роботов. А это уже кое-что. Пожалуй, пришло время поставить на конвейер новых роботов типа Тора.

- Лучше немного подождем. Посмотрим, потеряет ли Тор рассудок. Пока что он самый сложный из всех, какие у нас были.

Видеотелефон, стоявший на столе, вдруг ожил. Послышались крики и ругань.

- Харнаан! Ах ты, вшивый негодяй! Бесчестный убийца! Ты...

- Я записываю ваши слова, Блейк! - крикнул инженер, вставая. - Не пройдет и часа, как против вас будет возбуждено обвинение в клевете.

- Возбуждай и будь проклят! - завопил Блейк из Лаксингэмской компании. - Я сам приду и разобью твою обезьянью челюсть! Клянусь богом, я сожгу тебя и наплюю на твой пепел!

- Теперь он угрожает убить меня, - громко сказал Харнаан Ван Дамму. - Счастье, что я записываю все это на пленку.

Багровое лицо Блейка на экране стало размываться. Однако прежде, чем оно окончательно исчезло, на его месте появилось другое - гладко выбритая, вежливая физиономия Йэйла, начальника полицейского участка. Йэйл, видимо, был озабочен.

- Послушайте, мистер Харнаан, - печально произнес он, - так не годится. Давайте рассуждать здраво, идет? В конце концов, я тут блюститель закона...

- Гм! - вполголоса хмыкнул Харнаан.

- ... и не могу допускать членовредительство. Может быть, ваш робот лишился рассудка? - с надеждой спросил он.

- Робот? - повторил Харнаан с удивлением. - Я не понимаю. О каком роботе вы говорите?

Йэйл вздохнул.

- О Торе. Конечно, о Торе. О ком же еще? Теперь я понял, вы ничего об этом не знаете. - Он даже осмелился сказать это слегка саркастическим тоном. - Тор явился в Лаксингэм и все там перевернул вверх дном.

- Неужели?

- Ну да. Он прямо прошел в здание. Охрана пыталась его задержать, но он просто всех растолкал и продолжал идти. На него направили струю огнемета, но это его не остановило. В Лаксингэме достали все защитное оружие, какое только было в арсенале, а этот ваш дьявольский робот все шел и шел. Он схватил Блейка за шиворот, заставил его отпереть дверь лаборатории и отобрал формулу у одного из сотрудников.

- Удивительно, - заметил пораженный Харнаан. - Кстати, кто этот сотрудник? Его фамилия не Сэдлер?

- Не знаю... подождите минутку. Да, Сэдлер.

- Так ведь Сэдлер работает на нас, - объяснил инженер. - У нас с ним железный контракт. Любая формула, какую бы он ни вывел, принадлежит нам.

Нэйл вытер платком блестевшие от пота щеки.

- Мистер Харнаан, прошу вас! - проговорил он в отчаянии. - Подумайте только, каково мое положение! По закону я обязан что-то предпринять. Вы не должны позволять своему роботу совершать подобные насилия. Это слишком... слишком...

- Бьет в глаза? - подсказал Харнаан. - Так я же вам объяснил, что все это для меня новость. Я проверю и позвоню вам. Между прочим, я возбуждаю обвинение против Блейка. Клевета и угроза убийства.

- О господи, - вздохнул Нэйл и отключил аппарат.

Ван Дамм и Харнаан обменялись восхищенными взглядами.

- Прекрасно, - захихикал похожий на гнома инженер аварийной службы. - Это порочный круг. Блейк не станет бомбардировать нас - и у нас и у них слишком сильная противовоздушная оборона. Так что дело пойдет в суд. В суд!

Он криво усмехнулся.

Харнаан снова улегся на диван.

- Лучшее, что мы когда-либо сделали, - это наше решение бросить все силы на таких роботов. Через десять лет Компания будет господствовать над всем миром. И над другими мирами тоже. Мы сможем запускать космические корабли, управляемые роботами.

Дверь отворилась, и появился Тор. Вид у него был обычный. Он положил на стол тонкую металлическую пластинку.

- Формула увеличения предела прочности на разрыв для заменителя железа.

- У тебя нет повреждений?

- Нет, это невозможно.

Тор подошел к картотеке, вынул оттуда конверт и снова исчез.

Харнаан встал и начал рассматривать пластинку.

- Да. Это она. - Он опустил ее в щель движущейся ленты. - Иногда все разрешается совсем просто. Пожалуй, на сегодня я кончил. Послушайте! А что это Тор сейчас замышляет?

Ван Дамм посмотрел на него.

- А?

- Зачем он полез в картотеку? Что у него на уме? - Харнаан порылся в регистраторе. - Какая-то статья по электроникс - не знаю, зачем она ему понадобилась. Наверное, собирается заняться какими-то самостоятельными исследованиями.

- Возможно, - сказал Ван Дамм. - Пойдем посмотрим.

Они спустились на лифте в подвальный этаж, в мастерскую робота, но там никого не было. Харнаан включил телевизор.

- Проверка. Где Тор?

- Одну минуту, сэр... В седьмой литейной. Соединить вас с мастером?

- Да. Айвер? Чем занимается Тор?

Айвер почесал затылок.

- Ну и дьявол! Он вбежал сюда, схватил таблицу пределов прочности на разрыв и снова выбежал. Подождите минутку. Вот он опять здесь.

- Дайте мне поговорить с ним, - попросил Харнаан.

- Пожалуйста... - Резко очерченное лицо Айвера исчезло, но тут же вновь появилось. - Не успел. Он взял кусок синтоплата и вышел.

- Гм-гм, - промычал Ван Дамм. - Вы не думаете...

- Что он лишился рассудка, как и остальные? - проворчал Харнаан. - Они себя так не вели. Но, впрочем, все возможно.

Как раз в эту минуту появился Тор. В своих резиновых руках он держал кучу всевозможных предметов.

Не замечая Харнаана и Ван Дамма, он положил все это на скамью и начал раскладывать, работая быстро и точно.

- Он в своем уме, - заметил Харнаан. - Лампочка горит.

Во лбу Тора светился красный сигнальный огонек - он зажигался, когда робот был занят решением задачи. Это новое усовершенствование позволяло проверить, не лишился ли робот рассудка. Если бы огонек мигал, это означало бы, что нужно кое о чем позаботиться - приготовить свежую порцию цемента, чтобы устроить могилу для обезумевшего робота.

- Тор! - грубо обратился к нему Ван Дамм.

Робот не ответил.

- Должно быть, трудная задача. - Харнаан нахмурился. - Интересно, что это такое?

- Любопытно, что навело его на эту мысль, - сказал инженер аварийной службы. - Наверняка какие-то недавние

события. Может, он занимается усовершенствованием процесса производства заменителя железа?

- Возможно. Гм-гм...

Несколько минут они смотрели, как трудится робот, но ни о чем не могли догадаться. В конце концов, вернувшись в кабинет Харнаана, они выпили по рюмке, рассуждая о том, что мог затеять Тор. Ван Дамм стоял на своем, считая, что это, вероятно, усовершенствование процесса производства заменителя железа, а Харнаан не соглашался с ним, но не мог придумать ничего более правдоподобного.

Они все еще спорили, когда увидели в телевизоре, что в подвальном помещении произошел взрыв.

- Атомная энергия! - одним прыжком вскочив с дивана, крикнул Харнаан. Он бросился к лифту; Ван Дамм поспешил за ним. В подвале кучка людей собралась у двери в мастерскую Тора.

Харнаан пробился к ней и, переступив порог, вошел в облако цементной пыли. Когда оно рассеялось, он увидел у своих ног разбросанные куски сплава. Это были остатки Тора. Робота, по-видимому, уже нельзя было отремонтировать.

- Забавно, - пробормотал Харнаан. - Взрыв был не очень сильный. Но если он разрушил Тора, то должен был разрушить и весь завод, во всяком случае подвал. Ведь дюралой почти расплавился.

Ван Дамм не ответил. Харнаан взглянул на него и увидел, что инженер аварийной службы смотрит на какой-то прибор, парящий в пыльном воздухе на расстоянии нескольких метров от них.

Несомненно, это был прибор. Харнаан узнал некоторые детали из тех, что Тор принес в свою мастерскую. Но разгадать, что это за агрегат и для какой цели он предназначается, было нелегко. Он походил на игрушку, составленную каким-то странным ребенком из деталей набора "Конструктор".

Это было нечто вроде цилиндра длиной сантиметров шестьдесят, диаметром - тридцать, с линзой, движущимися частями и проволочной катушкой. Прибор гудел.

Вот и все, что можно было о нем сказать.

- Что это за штука, черт побери? - спросил Харнаан.

Ван Дамм осторожно отступил к обломкам двери. Он отдал отрывистые торопливые приказания. Стенные панели плотно сдвинулись, и человек в синей форменной куртке поспешно подошел к инженеру аварийной службы.

- Все задержаны, начальник.

- Хорошо, - сказал Ван Дамм. - Загипнотизируйте этих ребят.

Он кивнул в сторону рабочих. Их было человек двадцать. Они беспокойно задвигались.

- Хотим знать причину, сэр! - крикнул кто-то из них.
Ван Дамм улыбнулся.

- Причина ясна. Вы видели, что осталось от Тора. Если распространится слух, что один из наших неразрушимых роботов может быть разрушен, другие компании начнут нам пакостить. Помните, что произошло со стальными роботами, которых мы выпускали? Их портили.

Вот почему мы стали производить роботов из дюралоя. Это единственный практически применимый тип. Мы только уберем из вашего мозга представление о том, что Тор сгорел. Тогда ни Лаксингэм, ни другие компании не смогут получить этой информации, даже если применят к вам действие скополамина.

Удовлетворенные его ответом, рабочие стали выходить один за другим.

Харнаан по-прежнему смотрел на прибор непонимающим взглядом.

- На нем нет выключателя, - заметил он. - Интересно, что приводит его в движение?

- Может быть, мысль, - предположил Ван Дамм. - Но будьте осторожны. Нельзя запускать прибор, пока мы не узнаем его назначения.

- Что ж, логично, - кивнул Харнаан и вдруг изменился в лице.

- Я только сейчас начинаю понимать, зачем создана эта машина. Предполагалось, что Тор неразрушим.

- Нет ничего абсолютно неразрушимого.

- Знаю. Но дюралой... гм-гм-гм. Посмотрите, там линза. Может быть, она здесь для того, чтобы фокусировать какие-то мощные лучи, разрушающие атомную структуру сплавов? Нет. Ведь от Тора-то остался дюралой! Значит, не в этом дело. А все-таки... Берегись!

Он пригнулся и быстро отскочил в сторону, потому что прибор, висевший в воздухе, начал медленно вращаться.

Ван Дамм нырнул в дверь.

- Вы привели его в действие! Уйдем отсюда!

Но он опоздал. Прибор пронесся у него над головой, выдернув на лету клок седых волос, и стукнулся о металлическую перегородку, разделявшую помещения подвала. Харнаан и Ван Дамм стояли в проеме двери, которая вела в мастерскую робота, и смотрели, как прибор медленно прогрызал себе путь сквозь твердую сталь.

И вот он исчез.

Харнаан взглянул на телевизор, стоявший позади него. Экран был разбит взрывной волной. Главный инженер вздрогнул.

- Нам лучше пойти вслед за ним. Не думаете ли вы...- Он осекся.

Ван Дамм испытующе посмотрел на него.

- Что?

- Нет, ничего. Пожалуй... Но... Я думаю о механической мутации.

- Вы сошли с ума, как наши роботы, - убежденно заявил Ван Дамм. - Механическая чушь!

- А все же подумайте! Когда жизнь достигает какого-то кульминационного пункта, происходит мутация. Это биологический закон. Предположите, что Тор создал робота еще более совершенного, чем он сам, и... и...

- Эта штука, - сказал Ван Дамм, указывая на дыру в стене, - может быть чем угодно, но только не роботом. Это машина. И машина мыслящая. Но она обладает силой, огромной силой. Наше дело - выяснить, как применять эту силу. - Он помолчал.

- Могли бы мы записать мысли Тора?

Харнаан покачал головой.

- Не выйдет. Его мозг сгорел. Я это проверил.

- А роботы не оставляют записей. Но ведь можем же мы как-то выяснить назначение этого прибора.

- Пока что мы знаем, что он прожигает отверстия в стали, - заметил Харнаан.

- И останавливает часы, - добавил Ван Дамм, посмотрев на свой ручной хронометр. - Мы должны поставить себя на место робота и понять, что ему могло прийти в голову.

Харнаан взглянул на инженера аварийной службы и поспешно вышел в соседнюю комнату. Там не было никаких признаков машины. Но дыра в потолке объясняла все, что здесь произошло.

Они поднялись по лестнице и на экране телевизора, стоявшего в холле, увидели, что прибор висит неподвижно в одном из цехов. Он оставался в том же положении, когда Ван Дамм и Харнаан вошли в цех. Пятьдесят металлических станков были выстроены в ряд; рабочие с удивлением смотрели на плавающий в воздухе предмет.

Подошел мастер.

- Что это такое? - спросил он. - Новая выдумка Лаксингэма? Может быть, бомба?

- Как она действует?

- Никак. Только станки не работают.

Ван Дамм взял длинный шест с металлическим наконечником и приблизился к загадочной машине. Она медленно поплыла прочь. Загнав ее в угол, он ткнул в нее шестом - никакого результата. Тон гудения не изменился.

- Теперь попробуйте включить станки, - предложил Харнаан.

Они по-прежнему не работали. Но прибор, будто почуяв, что может завоевать новые миры, скользнул к двери, прожег себе путь сквозь нее и исчез.

Теперь он вырвался из большого здания. С балкона, выступавшего над высокой, как утес, стеной, Харнаан и

Ван Дамм могли, глядя вверх, видеть, как прибор плавно поднимается к небу. Он исчез где-то в вышине; на голову им полетели осколки плексигласа. Они едва успели спрятаться.

- Он наверху, - кратко сказал Харпаан. - Чует мое сердце, что в кабинете Туилла.

Все было ясно. Джозеф Туилл был одним из совладельцев Компании, богоподобным существом, пребывавшим в разреженной атмосфере, в самых высоких башнях.

Встревоженная охрана впустила их в служебные апартаменты Туилла. Как и предполагал Харпаан, случилось самое худшее. Загадочно гудящий прибор опустился на стол к магнату. Сам Туилл, оцепенев от ужаса, скорчился в своем кресле и тупо уставился на машину.

Он то вздрагивал и бледнел как полотно, то снова приходил в себя с интервалами примерно в три минуты.

Ван Дамм выхватил пистолет.

- Дайте мне ацетиленовый резак! - крикнул он и решительно направился к прибору, который поплыл к Туиллу. Инженер аварийной службы, быстро повернувшись, выстрелил. Он промахнулся. Прибор поднялся вверх, помедлил, а потом пошел вниз сквозь письменный стол со всеми его ящиками, сквозь ковер и пол - и исчез. Гудение постепенно утихло.

Туилл вытер лицо.

- Что это было? - выговорил он. - Лаксингэм? Я думал...

Ван Дамм посмотрел на Харпаана. Тот перевел дух и сообщил шефу все, что они знали.

- Теперь мы уничтожим его, - закончил он. - Ацетиленовый резак быстро его расплавит - ведь это не дюралой.

Туилл снова напустил на себя важный вид.

- Стойте, - приказал он, когда Харпаан уже повернулся к двери. - Не уничтожайте его без надобности. Может, это все равно что взорвать алмазные россыпи. Эта штука, должно быть, стоящая, даже если это оружие.

- Она вам не причинила вреда? - спросил Ван Дамм.

- Собственно говоря, нет. Сердце у меня то сжималось и замирало, то опять начинало биться правильно.

- На меня она так не действовала, - заметил Харпаан.

- Нет? Может, и придется ее уничтожить, но помните - только в случае крайней необходимости. Тор был толковым роботом. Если мы узнаем назначение этой штуки...

Выйдя из кабинета, Ван Дамм и Харпаан посмотрели друг на друга. Разумеется, Туилл был совершенно прав. Если бы только можно было изучить возможности этого прибора! Вероятно, они неограниченны. По внешнему виду ничего нельзя было сказать. Он прожег

металлическую стену, но это можно было сделать с помощью ацетилена или термита. Его неуловимое излучение подействовало на сердце Туилла. Но это тоже ни о чем не говорило. Не был же прибор создан только для того, чтобы испортить Туиллу самочувствие.

Прибором никто не управлял, но это не значило, что им нельзя было управлять. И все-таки только Тор мог сказать, для чего он так поспешно построил эту машину.

- Попробуем проследить, какие она дает побочные эффекты; может быть, это позволит установить ее назначение, - предложил Харпаан.

Ван Даам возился в холле с телевизором.

- Подождите минутку. Я хочу выяснить...

Он резко заговорил в микрофон. Потом охнул с искренним огорчением.

Все часы на заводе остановились. Все точные инструменты пришли в негодность. Если верить показаниям сейсмографа, происходило сильное землетрясение. Если верить барометру, бушевал ураган. А если судить по действию атомного ускорителя, вся материя стала до невозможности инертной.

- Планк, - наугад сказал Харпаан, хватаясь за соломинку. - Коэффициент невероятности. Он переворачивает законы вероятности.

- Возьмите себя в руки, - посоветовал Ван Дамм. - Вы скоро начнете считать по пальцам. Мы имеем дело с логичной, лишенной эмоций наукой. Стоит только найти ключ, и все станет ясным как дважды два.

- Но мы не знаем всех возможностей робота. Он мог создать что угодно... нечто выходящее за пределы нашего понимания.

- Вряд ли, - с присущим ему здравым смыслом заметил Ван Даам. - До сих пор с точки зрения современной науки прибор не совершил ничего невозможного.

Телевизор истерически застрекотал. На глазах у них все сотрудники Исследовательского отдела В-14 превратились в скелеты, а потом и вовсе исчезли. Разумеется, там побывал прибор.

- Х-лучи, - произнес Ван Даам немного хриплым голосом. - Я все-таки схожу за резаком. Так мне будет спокойнее.

Пока они доставали это оружие, оказалось, что исчезнувшие сотрудники появились снова, причем загадочный эксперимент нисколько им не повредил. Тем временем прибор посетил Отдел личного состава, до истерики испугал секретаршу, засветил пленки и привел в состояние невесомости огромный сейф, так что тот повис на потолке, среди кусков раздавленного пластика.

- Теперь он уничтожает силу тяжести, - с горечью констатировал Харнаан. - Попробуйте свести воедино все, что

нам о нем известно. До сих пор мы знали, что прибор уничтожает силу тяжести, делает людей невидимыми, выключает электроэнергию и вызывает у Туилла сердечные приступы. Все говорит только о том, что это машина разрушения.

- Она ведет себя все хуже и хуже, - согласился Ван Даам. - Но нужно еще поймать ее, прежде чем мы сможем направить шланг на эту проклятую штуковину.

Он пошел было к лифту, но передумал и включил ближайший телевизор. Новости были отнюдь не обнадеживающие. Прибор забрался в продуктовый склад, и там скисло все молоко.

- Хотел бы я напустить его на Лаксингэм, - заметил Харнаан. - Ну и натворил бы он там делишек... Бог свидетель, нам-то он изо всех сил старается навредить! Если бы мы только знали, как им управлять!

- Телепатическим способом, - во второй раз подсказал Ван Даам. - Но нам нельзя пробовать. Судя по тому, что он уже натворил, он расщепит на нейтроны весь округ, если мы... ха-ха!.. попытаемся управлять им.

- Может быть, только робот способен им управлять, - произнес Харнаан и вдруг, просияв, щелкнул пальцами.

- Ну, что?

- Нам нужен второй робот, построенный по образцу Тора. Он совсем готов, закончен, и в его электронную память вложена целая библиотека. Остается только снабдить его энергией. Да, вот это идея. Мы не можем представить себе назначение этого прибора, но другой робот, такой же, как Тор, сможет. Ведь он обладает совершенной логикой, не так ли?

- Даже с некоторым избытком, - нерешительно сказал Ван Дамм. - А вдруг он направит прибор на нас? А что, если этот агрегат создан для того, чтобы превратить роботов в господствующую расу?

- Теперь вы рассуждаете так, будто сами спятили, - съязвил Харнаан.

Он передал по телевизору какие-то распоряжения и, улыбаясь, отошел от него. Через пятнадцать минут должен был явиться Тор II в состоянии рабочей готовности, мыслящий и способный разрешать любые задачи.

Однако эти четверть часа прошли в тревоге и волнениях. Прибор, словно подстрекаемый каким-то демоном, стремился забраться в каждый отдел гигантского предприятия. Он превратил ценную партию золотых слитков в почти ничего не стоящий свинец. Он аккуратно, полосками снял одежду с важного клиента в верхней башне. Потом снова пустил в ход все часы, но только в обратную сторону. И еще раз нанес визит несчастному мистеру Туиллу, вызвав у него новый сердечный приступ, после чего от босса стало исходить неясное красноватое

сияние, которое окончательно исчезло только через месяц после этого происшествия.

За эти пятнадцать минут нервы у всех были взвинчены еще больше, чем в последний раз, когда бомбардировщики Лаксингэма кружили над башнями Компании. Туилл пытался что-то объяснить своим компаньонам в Нью-Йорке и Чикаго и выкрикивал проклятия. Техники и аварийные монтеры налетали друг на друга в холлах. Над зданием парил вертолет, готовый сбить прибор, как только тот попытается ускользнуть. Акционеры Компании молили небеса, чтобы прибор в конце концов оставил их в покое.

А загадочный нервирующий прибор, который всегда появлялся неожиданно, весело плыл своей дорогой, пока что причинив не так уж много вреда, если не считать того, что он дезорганизовал всю Компанию. Пока подготавливали Тора II, Харнаан грыз ногти. Затем он помог быстро смонтировать робота и вместе с ним спустился в лифте, чтобы присоединиться к Ван Дамму, который запасся резаком и ожидал Харнаана на одном из нижних этажей, где в последний раз видели прибор.

Ван Дамм окинул робота испытующим взглядом.

- Ему заданы условия и он может действовать?

- Да, - кивнул Харнаан. - Ты знаешь, чего мы хотим, Тор II, не так ли?

- Да, - ответил робот. - Но, не видя аппарата, я не могу определить его назначение.

- Спору нет, - проворчал Ван Дамм, когда мимо него с визгом пронеслась какая-то блондинка. - Наверное, он в этой конторе.

Ван Дамм пошел впереди. Из конторы, конечно, все убежали, а прибор, слабо жужжа, висел в воздухе посреди комнаты. Тор II прошел вслед за Харнааном и остановился, пристально разглядывая загадочную машину.

- Он живой? - тихо спросил Харнаан.

- Нет.

- Его назначение?

- Подождите. Он создан для того, чтобы решить определенную задачу... Это несомненно. Но я не знаю, решит ли он задачу, для которой он был создан. Есть только один способ получить ответ.

Тор II шагнул вперед. Прибор плавал, и линза была нацелена на робота. Какой-то инстинкт предостерег Харнаана. Он услышал, как гудение усилилось, и в тот же миг бросился к Ван Дамму. Оба они повалились под стол, причем портативный резак, выскользнув из рук инженера аварийной службы, тяжело стукнулся о стену и ушиб ногу Харнаана.

Но он почти не почувствовал боли, так как был поглощен более важными событиями. От прибора протя-

нулся яркий розовый луч и осветил Тора II. В то же время гудение усилилось и перешло в пронзительный, действующий на нервы вой. Он длился недолго - затем раздался взрыв, который ослепил и оглушил обоих людей. На них обрушился стол.

Харнаан надрывно закашлялся и что-то пробормотал. Он почувствовал, что остался жив, и даже слегка удивился этому. Поднимаясь, он успел заметить, как Ван Дамм выскочил вперед, держа в руке резак и направляя воющее пламя на прибор, который не сделал никакой попытки ускользнуть. Он накалился докрасна и затем начал плавиться. Капли металла потекли на пол. Прибор, или, вернее, то, что от него осталось, упал с глухим стуком, теперь уже безвредный и лишенный смысла.

Ван Дамм отвел шланг. Тихое гудение прекратилось.

- Опасная штука, - сказал он, глядя на Харнаана блуждающим взглядом. - Успел как раз вовремя. Вы ранены?

- Как раз вовремя! - повторил Харнаан, указывая на робота. - Взгляните сюда!

Ван Дамм увидел Тора II, которого постигла та же участь, что и Тора I. Разбитый, расплавленный робот лежал возле двери.

Харнаан провел рукой по щеке и посмотрел на почерневший металл. Он прислонился к столу; постепенно лицо его прояснилось, и он улыбнулся. Ван Дамм в изумлении глядел на него.

- Какого черта...

Но Харнааном овладел почти истерический смех.

- Он... он выполнил свое назначение, - наконец выговорил главный инженер. - Какой... какой удар для Компании! Прибор сработал!

Ван Дамм схватил его за плечо и начал трясти. Харнаан успокоился, хотя губы его все еще кривились в улыбке.

- О'кэй, - произнес он наконец. - Я... я ничего не мог с собой поделать. Очень уж забавно!

- Что? - спросил Ван Дамм. - Если вы видите здесь что-то забавное...

Харнаан перевел дух.

- Этот... ну, этот порочный круг. Разве вы еще не догадались, зачем был создан прибор?

- Лучи смерти или что-нибудь в этом роде?

- Вы упустили из виду то, что сказал Тор II: есть только один способ узнать, может ли прибор сделать то, ради чего он был создан.

- Ну, так какой же это способ?

Харнаан фыркнул.

- Логика. Рассуждайте логически. Помните первых роботов, которых мы изготовляли? Их всех портили, и пото-

му мы стали выпускать роботов из дюралоя, которых, по идее, нельзя было разрушить. А роботы создавались для того, чтобы решать задачи, - в этом был смысл их существования. Все шло хорошо до тех пор, пока они не теряли рассудка.

- Я это знаю, - нетерпеливо произнес Ван Дамм. - Но при чем тут прибор?

- Они теряли рассудок, - сказал Харпаан, - когда перед ними вставала неразрешимая задача. Это элементарная психология. Перед Тором встала та же задача, но он разрешил ее.

По лицу Ван Дамма стало видно, что он постепенно начинает догадываться.

- Неразрушимый он или нет!

- Ну, конечно! Рано или поздно все роботы задумывались над задачей, неизбежно встававшей перед ними: как они сами могут быть разрушены. Мы конструировали их таким образом, чтобы они в большей или меньшей степени могли думать самопроизвольно. Это был единственный способ сделать их хорошими мыслящими машинами. Перед роботами, похороненными в цементе, вставала задача: каким образом разрушить самих себя; не в силах ее решить, они теряли рассудок. Тор I оказался умнее. Он нашел ответ. Но у него был единственный способ проверить правильность решения - на себе самом!

- Но... Тор II...

- То же самое. Он знал, что прибор подействовал на Тора I, но не знал, подействует ли он на него самого. Роботы обладают холодной логикой. У них нет инстинкта самосохранения. Тор II просто испытал прибор, чтобы посмотреть, сможет ли он решить ту же задачу. - Харпаан перевел дух. - Прибор решил ее.

- Что мы скажем Туиллу? - безучастно спросил Ван Дамм.

- Что мы можем ему сказать? Правду, - что мы зашли в тупик. Единственные роботы, которых нам стоит производить, - это мыслящие машины из дюралоя, а они будут уничтожать самих себя, как только начнут задавать себе вопрос, в самом ли деле их нельзя разрушить. Каждый из выпущенных нами роботов дойдет до последнего испытания - саморазрушения.

Если мы сделаем их не такими разумными, их нельзя будет применять. Если мы перестанем применять дюралой, Лаксингэм или другая компания начнет их портить. Роботы, конечно, замечательная вещь, но они родятся со стремлением к самоубийству. Ван Дамм, я боюсь, нам придется сказать Туиллу, что Компания зашла в тупик.

- Так в этом и состояло истинное назначение прибора, а? - пробормотал инженер аварийной службы. - А все остальные его проделки - это лишь побочные явления, результаты действия неуправляемой машины?

- Да...

Харнаан направился к двери, обойдя полурасплавленные останки робота. Он с грустью взглянул на свое погибшее создание и вздохнул.

- Когда-нибудь, возможно, мы и найдем выход. Но сейчас, по-видимому, получился порочный круг. Нам не следовало называть его Тором, - добавил Харнаан, выходя в холл. - Я думаю, правильнее было бы назвать его Ахиллом.

РОБОТ-ЗАЗНАЙКА

С Гэллегером, который занимался наукой не систематически, а по наитию, сплошь и рядом творились чудеса. Сам он называл себя нечаянным гением. Ему, например, ничего не стоило из обрывка провода, двух-трех батареек и крючка для юбки смастерить новую модель холодильника. Сейчас Гэллегер мучился с похмелья. Он лежал на тахте в своей лаборатории - долговязый, взъерошенный, гибкий, с непокорной темной прядкой на лбу - и манипулировал механическим баром. Из крана к нему в рот медленно текло сухое мартини.

Гэллегер хотел что-то припомнить, но не слишком старался. Что-то относительно робота, разумеется. Ну да ладно.

- Эй, Джо, - позвал Гэллегер.

Робот гордо стоял перед зеркалом и разглядывал свои внутренности. Его корпус был сделан из прозрачного материала, внутри быстро-быстро крутились какие-то колесики.

- Если уж ты ко мне так обращаешься, то разговаривай шепотом, - потребовал Джо. - Убери отсюда кошку.

- У тебя не такой уж тонкий слух.

- Именно такой. Я отлично слышу, как она разгуливает.

- Как же звучат ее шаги? - заинтересовался Гэллегер.

- Как барабанный бой, - важно ответил робот. - А твоя речь - как гром. - Голос его неблагозвучно скрипел, и Гэллегер собрался было напомнить роботу пословицу о тех, кто видит в чужом глазу соринку, а в своем... Не без усилия он перевел взгляд на светящийся экран входной двери - там маячила какая-то тень. "Знакомая тень", - подумал Гэллегер.

- Это я, Брок, - произнес голос в динамике. - Хэррисон Брок. Впустите меня!

- Дверь открыта. - Гэллегер не шевельнулся. Он внимательно оглядел вошедшего - хорошо одетого человека средних лет, - но так и не вспомнил его. Броку шел пятый десяток; на холеном, чисто выбритом лице застыла недовольная мина. Может быть, Гэллегер и знал этого человека. Он не был уверен. Впрочем, неважно.

Брок окинул взглядом большую неприбранную лабораторию, вытаращил глаза на робота, поискал себе стул, но так и не нашел. Он упер руки в боки и, покачиваясь на носках, смерил распростертого изобретателя сердитым взглядом.

- Ну? - сказал он.

- Никогда не начинайте так разговор, - пробормотал Гэллегер и принял очередную порцию мартини. - Мне и без вас тошно. Садитесь и будьте как дома. На генератор у вас за спиной. Кажется, он не очень пыльный.

- Получилось у вас или нет? - запальчиво спросил Брок. - Вот все, что меня интересует. Прошла неделя. У меня в кармане чек на десять тысяч. Нужен он вам?

- Конечно, - ответил Гэллегер и, не глядя, протянул руку. - Давайте.

- Caveat emptor* Что я покупаю?

- Разве вы не знаете? - искренне удивился изобретатель.

Брок недовольно заерзал на месте.

- О боже, - простонал он. - Мне сказали, будто вы один можете помочь. И предупредили, что с вами говорить - все равно что зуб рвать.

Гэллегер задумался.

- Погодите-ка. Припоминаю. Мы с вами беседовали на той неделе, не так ли?

- Беседовали... - Круглое лицо Брока порозовело. - Да! Вы валялись на этом самом месте, сосали спиртное и бормотали себе под нос стихи. Потом исполнили "Фрэнки и Джонни". И наконец соблаговолили принять мой заказ.

- Дело в том, - пояснил Гэллегер, - что я был пьян. Я часто бываю пьян. Особенно в свободное время. Тем самым я растормаживаю подсознание, и мне тогда лучше работается. Свои самые удачные изобретения, - продолжал он радостно, - я сделал именно под мухой. В такие минуты все проясняется. Все ясно как тень. Как тень, так ведь говорят? А вообще... - Он потерял нить рассуждений и озадаченно посмотрел на гостя. - А вообще, о чем это мы толкуем?

*Caveat emptor (лат.) - пусть покупатель будет осмотрителен. Термин гражданского права, означающий, что качество товара - на риске покупателя. (Примеч. пер.)

- Да помолчишь ли ты? - осведомился робот, не покидая своего поста перед зеркалом.

Брок так и подпрыгнул. Гэллегер небрежно махнул рукой.

- Не обращайте внимания на Джо. Вчера я его закончил, а сегодня уже раскаиваюсь.

- Это робот?

- Робот. Но, знаете, он никуда не годится. Я сделал его спьяну, понятия не имею, отчего и зачем. Стоит тут перед зеркалом и любуется сам собой. И поет. Завывает, как пес над покойником. Сейчас услышите.

С видимым усилием Брок вернулся к первоначальной теме.

- Послушайте, Гэллегер. У меня неприятности. Вы обещали помочь. Если не поможете, я - конченый человек.

- Я сам кончаюсь вот уже много лет, - заметил ученый. - Меня это ничуть не беспокоит. Продолжаю зарабатывать себе на жизнь, а в свободное время придумываю разные штуки. Знаете, если бы я учился, из меня вышел бы второй Эйнштейн. Все говорят. Но получилось так, что подсознательно я где-то нахватался первоклассного образования. Потому-то, наверно, и не стал утруждать себя учебой. Стоит мне выпить или отвлечься, как я разрешаю самые немыслимые проблемы.

- Вы и сейчас пьяны, - тоном прокурора заметил Брок.

- Приближаюсь к самой приятной стадии. Как бы вам понравилось, если бы вы, проснувшись, обнаружили, что по неизвестной причине создали робота и при этом понятия не имеете о его назначении?

- Ну, знаете ли...

- Нет уж, я с вами не согласен, - проворчал Гэллегер. - Вы, очевидно, чересчур серьезно воспринимаете жизнь. "Вино - глумливо, сикера - буйна"*. Простите меня. Я буйствую. - Он снова отхлебнул мартини.

Брок стал расхаживать взад и вперед по захламленной лаборатории, то и дело натыкаясь на таинственные запыленные предметы.

- Если вы ученый, то науке не поздоровится.

- Я Гарри Эдлер от науки, - возразил Гэллегер. - Был такой музыкант несколько веков назад. Я вроде него. Тоже никогда в жизни ничему не учился. Что я могу поделать, если мое подсознание любит меня разыгрывать?

- Вы знаете, кто я такой? - спросил Брок.

- Откровенно говоря, нет. А это обязательно?

В голосе посетителя зазвучали горестные нотки.

---

* **Библия, Книга притчей Соломоновых, гл. 20, ст. 1. (Примеч. пер.)**

- Могли бы хоть из вежливости припомнить, ведь всего неделя прошла. Хэррисон Брок. Это я. Владелец фирмы "Вокс-вью пикчерс".

- Нет, - внезапно изрек робот, - бесполезно. Ничего не поможет, Брок.

- Какого...

Гэллегер устало вздохнул.

- Все забываю, что проклятая тварь одушевлена. Мистер Брок, познакомьтесь с Джо. Джо, это мистер Брок... из фирмы "Вокс-вью".

- Э-э-э... - невнятно проговорил телемагнат, - здравствуйте.

- Суета сует и всяческая суета, - вполголоса вставил Гэллегер. - Таков уж Джо. Павлин. С ним тоже бесполезно спорить.

Робот не обратил внимания на реплику своего создателя.

- Право же, все это ни к чему, мистер Брок, - продолжал он скрипучим голосом. - Деньги меня не трогают. Я понимаю, многих осчастливило бы мое появление в ваших фильмах, но слава для меня ничто. Нуль. Мне достаточно сознавать, что я прекрасен.

Брок прикусил губу.

- Ну, вот что, - свирепо произнес он, - я пришел сюда вовсе не для того, чтобы предлагать вам роль. Понятно? Я ведь не заикнулся о контракте. Редкостное нахальство... пф-ф! Вы просто сумасшедший.

- Я вижу вас насквозь, - холодно заметил робот. - Понимаю, вы подавлены моей красотой и обаянием моего голоса - такой потрясающий тембр! Вы притворяетесь, будто я вам не нужен, надеясь заполучить меня по дешевке. Не стоит, я ведь сказал, что не заинтересован.

- Сумасшедший! - прошипел выведенный из себя Брок, а Джо хладнокровно повернулся к зеркалу.

- Не разговаривайте так громко, - предупредил он. - Диссонанс просто оглушает. К тому же вы урод, и я не желаю вас видеть. - Внутри прозрачной оболочки зажужжали колесики и шестеренки. Джо выдвинул до отказа глаза на кронштейнах и стал с явным одобрением разглядывать себя.

Гэллегер тихонько посмеивался, не вставая с тахты.

- У Джо повышенная раздражительность, - сказал он. - Кроме того, я, видно, наделил его необыкновенными чувствами. Час назад он вдруг стал хохотать до колик. Ни с того ни с сего. Я готовил себе закуску. Через десять минут

я наступил на огрызок яблока, который сам же бросил на пол, упал и сильно расшибся. Джо посмотрел на меня. "То-то и оно, - сказал он. - Логика вероятности. Причина и следствие. Еще когда ты ходил открывать почтовый ящик, я знал, что ты уронишь этот огрызок и потом наступишь на него". Какая-то Кассандра. Скверно, когда память подводит.

Брок уселся на генератор (в лаборатории их было два - один, побольше, назывался "Монстр", а другой служил скамейкой) и перевел дыхание.

- Роботы устарели.

- Ну, не этот. Этого я не перевариваю. Он создает во мне комплекс неполноценности. Жаль, что я не помню, зачем его сделал. - Гэллегер вздохнул. - Ну, черт с ним. Хотите выпить?

- Нет. Я пришел к вам по делу. Вы серьезно говорите, что всю прошедшую неделю мастерили робота, вместо того чтобы работать над проблемой, которую обязались решить?

- Оплата по выполнении, так ведь? - уточнил Гэллегер. - Мне как будто что-то такое помнится.

- По выполнении, - с удовольствием подтвердил Брок. - Десять тысяч, когда решите и если решите.

- Отчего бы не выдать мне денежки и не взять робота? Он того стоит. Покажите его в каком-нибудь фильме.

- У меня не будет никаких фильмов, если вы не додумаетесь до ответа, - обозлился Брок. - Я ведь вам все объяснил.

- Да я пьян был, - сказал Гэллегер. - В таких случаях мой мозг чист, как грифельная доска, вытертая мокрой тряпкой. Я как ребенок. И вот-вот стану пьяным ребенком. Но пока, если вы растолкуете мне все сначала...

Брок совладал с приливом злости, вытащил наудачу первый попавшийся журнал из книжного шкафа и достал из кармана авторучку.

- Ну, ладно. Мои акции идут по двадцати восьми, то есть намного ниже номинала... - Он вывел на обложке журнала какие-то цифры.

- Если бы вы схватили вон тот средневековый фолиант, что стоит рядом, это вам влетело бы в изрядную сумму, - лениво заметил Гэллегер. - Вы, я вижу, из тех, кто пишут на чем попало? Да бросьте болтать про акции и всякую чепуху. Переходите к делу. Кому вы морочите голову?

- Все напрасно, - вмешался робот, который торчал у зеркала. - Я не стану подписывать контракта. Пусть приходят и любуются мною, если им так хочется, но в моем присутствии пусть разговаривают шепотом.

- Сумасшедший дом, - пробормотал Брок, стараясь не выходить из себя. - Слушайте, Гэллегер. Все это я вам уже говорил неделю назад, но...

- Тогда еще не было Джо. Делайте вид, что рассказываете не мне, а ему.

- Э-э... Так вот... Вы по крайней мере слыхали о фирме "Вокс-вью пикчерс"?

- Само собой. Крупнейшая и лучшая телевизионная компания. Единственный серьезный соперник - фирма "Сонатон".

- "Сонатон" меня вытесняет.

Гэллегер был непритворно озадачен.

- Не понимаю, каким образом. Ваши программы лучше. У вас объемное цветное изображение, вся современная техника, первоклассные актеры, музыканты, певцы...

- Бесполезно, - повторил робот. - Не стану.

- Заткнись, Джо. Никто не может с вами тягаться, Брок. Это вовсе не комплимент. И все говорят, что вы вполне порядочный человек. Как же удалось "Сонатону" вас обскакать?

Брок беспомощно развел руками.

- Тут все дело в политике. Контрабандные театры. С ними не очень-то поборешься. Во время избирательной компании "Сонатон" поддерживал правящую партию, а теперь, когда я пытаюсь организовать налет на контрабандистов, полиция только глазами хлопает.

- Контрабандные театры? - Гэллегер нахмурился. - Я что-то такое слыхал...

- Это началось давно. Еще в добрые старые времена звукового кино. Телевидение вытеснило звуковые фильмы и крупные кинотеатры. Люди отвыкли собираться толпами перед экраном. Усовершенствовались домашние телевизоры. Считалось, что гораздо приятнее сидеть в кресле, потягивать пиво и смотреть телепрограмму. Телевидение перестало быть привилегией миллионеров. Система счетчиков снизила стоимость этого развлечения до уровня, доступного средним слоям. То, что я рассказываю, общеизвестно.

- Мне не известно, - возразил Гэллегер. - Без крайней необходимости никогда не обращаю внимания на то, что происходит за стенами моей лаборатории. Спиртное плюс избирательный ум. Игнорирую все, что меня не касается. Расскажите-ка подробнее, чтобы я мог представить себе картину целиком. Если будете повторяться - не страшно. Итак, что это за система счетчиков?

- Телевизоры устанавливаются в квартирах бесплатно. Мы ведь не продаем их, а даем напрокат. Оплата - в

зависимости от того, сколько времени они включены. Наша программа не прерывается ни на секунду - пьесы, снятые на видеомагнитопленку фильмы, оперы, оркестры, эстрадные певцы, водевили - все, что душе угодно. Если вы много смотрите телевизор, вы и платите соответственно. Раз в месяц приходит служащий и проверяет показания счетчика. Справедливая система. Держать в доме "Вокс -вью" может себе позволить каждый. Такой же системы придерживается "Сонатон" и другие компании, но "Сонатон" - это мой единственный крупный конкурент. Во всяком случае, конкурент, который считает, что в борьбе со мной все средства хороши. Остальные - мелкие сошки, но я их не хватаю за глотку. Никто еще не говорил про меня, что я подонок, - мрачно сказал Брок.

- Ну и что?

- Ну и вот, "Сонатон" сделал ставку на эффект массового присутствия. До последнего времени это считалось невозможным - объемное изображение нельзя было проецировать на большой телевизионный экран, оно двоилось и расплывалось полосами. Поэтому применяли стандартные бытовые экраны, девятьсот на тысячу двести миллиметров. С отличными результатами. Но "Сонатон" скупил по всей стране массу гнилых кинотеатров...

- Что такое гнилой кинотеатр? - прервал Гэллегер.

- Это... до того как звуковое кино потерпело крах, мир был склонен к бахвальству. Гигантомания, понимаете? Приходилось вам слышать о мюзик-холле Радио-сити? Так это еще пустяк! Появилось телевидение, и конкуренция между ним и кино шла жестокая. Театры звуковых фильмов становились все огромнее, все роскошнее. Настоящие дворцы. Гиганты. Но, когда телевидение было усовершенствовано, люди перестали ходить в кинотеатры, а снести их стоило слишком дорого. Заброшенные театры, понимаете? Большие и маленькие. Их отремонтировали. И крутят там программы "Сонатона". Эффект массового присутствия - это, доложу я вам, фактор. Билеты в театр дорогие, но народ туда валом валит. Новизна плюс стадный инстинкт.

Гэллегер прикрыл глаза.

- А кто вам мешает сделать то же самое?

- Патенты, - коротко ответил Брок. - Я, кажется, упоминал, что до последнего времени объемное телевидение не было приспособлено к большим экранам. Десять лет назад владелец фирмы "Сонатон" подписал со мной соглашение, по которому всякое изобретение, позволяющее увеличить размер экрана, может быть использовано обеими сторонами. Но потом он пошел на попятный. Зая-

вил, что документ подложный, и суд его поддержал. А он поддерживает суд - рука руку моет. Так или иначе, инженеры "Сонатона" разработали метод, позволяющий применять большие экраны. Они запатентовали свое изобретение - сделали двадцать семь заявок, получили двадцать семь патентов и тем самым приняли меры против любых вариаций этой идеи. Мои конструкторы бьются день и ночь, пытаясь найти аналогичный метод и в то же время обойти чужие патенты, но у "Сонатона" предусмотрено решительно все. Его система называется "Магна". Работает с телевизорами любого типа, но мой конкурент разрешает устанавливать ее только на телевизорах марки "Сонатон". Понимаете?

- Неэтично, но в рамках закона, - заметил Гэллегер. - А все-таки от вас за свои деньги зрители получают больше. Людям нужен хороший товар. Величина изображения роли не играет.

- Допустим, - горько сказал Брок, - но это не все. Последние известия только и твердят об ЭМП - это новомодное словечко. Эффект массового присутствия. Стадный инстинкт. Вы правы, людям нужен хороший товар... Не станете же вы покупать виски по четыре за кварту, если можно достать за полцены?

- Все зависит от качества виски. Так в чем же дело?

- В контрабандных театрах, - ответил Брок. - Они открываются по всей стране. Показывают программу "Вокс-вью", но пользуются системой увеличения "Магна", которую запатентовал "Санатон".

Плата за вход невелика - дешевле, чем обходится домашний телевизор "Вокс-вью". К тому же эффект массового присутствия. К тому же азарт нарушения закона. Все поголовно возвращают телевизоры "Вокс-вью". Причина ясна. Взамен можно пойти в контрабандный театр.

- Это незаконно, - задумчиво сказал Гэллегер.

- Так же, как забегаловки в период сухого закона. Все дело в том, налажены ли отношения с полицией. Я не могу обратиться с иском в суд. Пытался. Себе дороже. Так и прогореть недолго. И не могу снизить плату за прокат телевизоров "Вокс-вью". Она и без того ничтожна. Прибыль идет за счет количества. А теперь прибыли конец. Что же до контрабандных театров, то совершенно ясно, чье это начинание.

- "Сонатона"?

- Конечно. Непрошеный компаньон. Снимает сливки с моей продукции у себя в кассе. Хочет вытеснить меня с рынка и добиться монополии. После этого начнет показывать халтуру и платить актерам по нищенскому тарифу.

У меня все иначе. Я-то своим плачу, сколько они стоят, а это немало.

- А мне предлагаете жалкие десять тысяч, - подхватил Гэллегер. - Фи!

- Да это только первый взнос, - поспешно сказал Брок. - Назовите свою цену. В пределах благоразумия, - добавил он.

- Обязательно назову. Астрономическую цифру. А что, неделю назад я согласился принять ваш заказ?

- Согласились.

- В таком случае, должно быть, у меня мелькнула идея, как разрешить вашу проблему, - размышлял Гэллегер вслух. - Дайте сообразить. Я упоминал что-нибудь конкретное?

- Вы все твердили о мраморном столе и о своей... э-э... милашке.

- Значит, я пел, - благодушно пояснил Гэллегер. - "Больницу св. Джеймса". Пение успокаивает нервы, а бог видит, как нужен покой моим нервам. Музыка и спиртное. Дивлюсь, что продают его виноторговцы...

- Как-как?

- ...Где вещь, что ценностью была б ему равна? Неважно. Это я цитирую Омара Хайяма. Пустое. Ваши инженеры хоть на что-нибудь годны?

- Самые лучшие инженеры. И самые высокооплачиваемые.

- И не могут найти способа увеличить изображение, не нарушая патентных прав "Сонатона"?

- Ну, в двух словах - именно так.

- Очевидно, придется провести кое-какие исследования, - грустно подытожил Гэллегер. - Для меня это хуже смерти. Однако сумма состоит из нескольких слагаемых. Вам это понятно? Мне - нисколько. Беда мне со словами. Скажу что-нибудь, а после сам удивляюсь, чего это я наговорил. Занятнее, чем пьесу смотреть, - туманно заключил он. - У меня голова трещит. Слишком уж много болтовни и мало выпивки. На чем это мы остановились?

- На полпути к сумасшедшему дому, - съязвил Брок. - Если бы вы не были моей последней надеждой, я...

- Бесполезно, - заскрипел робот. - Можете разорвать контракт в клочья, Брок. Я его не подпишу. Слава для меня - ничто. Пустой звук.

- Если ты не заткнешься, - пригрозил Гэллегер, - я заору у тебя над самым ухом.

- Ну и ладно! - взвизгнул Джо. - Бей меня! Давай, бей! Чем подлее ты будешь поступать, тем скорее разрушишь мою нервную систему, и я умру. Мне все равно. У меня нет

инстинкта самосохранения. Бей. Увидишь, что я тебя не боюсь.

- А знаете, ведь он прав, - сказал ученый, подумав. - Это единственный здравый ответ на шантаж и угрозы. Чем скорее все кончится, тем лучше. Джо не различает оттенков. Мало-мальски чувствительное болевое ощущение погубит его. А ему наплевать.

- Мне тоже, - буркнул Брок. - Для меня важно только одно...

- Да-да. Знаю: Что ж, похожу, погляжу, может, что-нибудь меня и осенит. Как попасть к вам на студию?

- Держите пропуск. - Брок написал что-то на обороте визитной карточки. - Надеюсь, вы тотчас же возьметесь за дело?

- Разумеется, - солгал Гэллегер. - А теперь ступайте и ни о чем не тревожьтесь. Постарайтесь успокоиться. Ваше дело в надежных руках. Либо я очень быстро придумаю выход, либо...

- Либо что?

- Либо не придумаю, - жизнерадостно докончил Гэллегер и потрогал кнопки над тахтой на пульте управления баром. - Надоело мне мартини. И почему это я не сделал робота-бармена, раз уж взялся творить роботов. Временами даже лень выбрать и нажать на кнопку. Да, да, я примусь за дело немедля, Брок. Не волнуйтесь.

Магнат колебался.

- Ну что ж, на вас вся надежда. Само собой разумеется, если я могу чем-нибудь помочь...

- Блондинкой, - промурлыкал Гэллегер. - Вашей блистательной-преблистательной звездой, Силвер О'Киф. Пришлите ее ко мне. Больше от вас ничего не требуется.

- Всего хорошего, Брок, - проскрипел робот. - Жаль, что мы не договорились о контракте, но зато вы получили ни с чем не сравнимое удовольствие - послушали мой изумительный голос, не говоря уж о том, что увидели меня воочию. Не рассказывайте о моей красоте слишком многим. Я действительно не хочу, чтобы ко мне валили толпами. Чересчур шумно.

- Никто не поймет, что такое догматизм, пока не потолкует с Джо, - сказал Гэллегер. - Ну, пока. Не забудьте про блондинку.

Губы Брока задрожали.

Он поискал нужные слова, махнул рукой и направился к двери.

- Прощайте, некрасивый человек, - бросил ему вслед Джо.

Когда хлопнула дверь, Гэллегер поморщился, хотя сверхчувствительным ушам робота пришлось еще хуже.

- С чего это ты завелся? - спросил он. - Из-за тебя этого малого чуть кондрашка не хватила.

- Не считает же он себя красавцем, - возразил Джо.

- Нам с лица не воду пить.

- До чего ты глуп. И так же уродлив, как тот.

- А ты - набор дребезжащих зубчаток, шестеренок и поршней. Да и червяки в тебе водятся, - огрызнулся Гэллегер; он подразумевал, естественно, червячные передачи в теле робота.

- Я прекрасен. - Джо восхищенно вперился в зеркало.

- Разве что с твоей точки зрения. Чего ради я сделал тебя прозрачным?

- Чтобы мною могли полюбоваться и другие. У меня-то зрение рентгеновское.

- У тебя шарики за ролики заехали. И зачем я упрятал радиоактивный мозг к тебе в брюхо? Для лучшей сохранности?

Джо не отвечал. Невыносимо скрипучим истошным голосом он напевал какую-то песню без слов. Некоторое время Гэллегер терпел, подкрепляя силы джином из сифона.

- Да замолчи ты! - не выдержал он наконец. - Все равно что древний поезд метро на повороте.

- Ты просто завидуешь, - поддел его Джо, но послушно перешел на ультразвуковую тональность. С полминуты стояла тишина. Потом во всей округе взвыли собаки.

Гэллегер устало поднялся с тахты. Надо уносить ноги. Покоя в доме явно не будет, пока одушевленная груда металлолома бурно источает себялюбие и самодовольство. Джо издал немелодичный кудахтающий смешок.

Гэллегер вздрогнул.

- Ну, что еще?

- Сейчас узнаешь.

Логика причин и следствий, подкрепленная теорией вероятности, рентгеновским зрением и прочими перцепциями, несомненно присущими роботу. Гэллегер тихонько выругался, схватил бесформенную черную шляпу и пошел к двери. Открыв ее, он нос к носу столкнулся с толстым коротышкой, и тот больно стукнул его головой в живот.

- Ох! Ф-фу. Ну и чувство юмора у этого кретина робота. Здравствуйте, мистер Кенникотт. Рад вас видеть. К сожалению, некогда предложить вам рюмочку.

Смуглое лицо мистера Кенникотта скривилось в злобной гримасе.

- Не надо мне рюмочки, мне нужны мои кровные доллары. Деньги на бочку. И прекратите заговаривать мне зубы!

Гэллегер задумчиво посмотрел сквозь гостя.

- Собственно, если на то пошло, я как раз собирался получить деньги по чеку.

- Я продал вам бриллианты. Вы сказали, что хотите из них что-то сделать. И сразу дали мне чек. Но по нему не платят ни гроша. В чем дело?

- Он и не стоит ни гроша, - пробормотал Гэллегер себе под нос. - Я невнимательно следил за своим счетом в банке. Перерасход.

Кенникотт чуть не хлопнулся там, где стоял, - на пороге.

- Тогда гоните назад бриллианты.

- Да я их уже использовал в каком-то опыте. Забыл, в каком именно. Знаете, мистер Кенникотт, положа руку на сердце: ведь я покупал их в нетрезвом виде?

- Да, - согласился коротышка. - Налакались до бесчувствия, факт. Ну и что с того? Больше ждать я не намерен. Вы и так долго водили меня за нос. Платите-ка, или вам не поздоровится.

- Убирайтесь прочь, грязная личность, - донесся из лаборатории голос Джо. - Вы омерзительны.

Гэллегер поспешно оттеснил Кенникотта на улицу и запер входную дверь.

- Попугай, - объяснил он. - Никак не соберусь свернуть ему шею. Так вот, о деньгах. Я ведь не отрекаюсь от долга. Только что мне сделали крупный заказ, и, когда заплатят, вы свое получите.

- Нет уж, дудки! Вы что, безработный? Вы ведь служите в крупной фирме. Вот и попросите там аванс.

- Просил, - вздохнул Гэллегер. - Выбрал жалованье за полгода вперед. Ну, вот что, я приготовлю вам деньги на днях. Может быть, получу аванс у своего клиента. Идет?

- Нет.

- Нет?

- Ну, так и быть. Жду еще один день. От силы два. Хватит. Найдете деньги - порядок. Не найдете - упеку в долговую тюрьму.

- Двух дней вполне достаточно, - с облегчением сказал Гэллегер. - Скажите, а есть тут поблизости контрабандные театры?

- Вы бы лучше принимались за работу и не тратили время черт знает на что.

- Но это и есть моя работа. Мне надо написать о них статью. Как найти контрабандный притон?

- Очень просто. Пойдете в деловую часть города. Увидите в дверях парня. Он продает вам билет. Где угодно. На каждом шагу.

- Отлично, - сказал Гэллегер и попрощался с коротышкой. Зачем он купил у Кенникотта бриллианты? Такое подсознание стоило бы ампутировать. Оно проделывает самые невообразимые штуки. Работает по незыблемым законам логики, но самая эта логика совершенно чужда сознательному мышлению Гэллегера. Тем не менее результаты часто бывают поразительно удачными и почти всегда - поразительными. Нет ничего хуже положения ученого, который не в ладах с наукой и работает по наитию.

В лабораторных ретортах осталась алмазная пыль - следы какого-то неудачного опыта, поставленного подсознанием Гэллегера; в памяти сохранилось мимолетное воспоминание о том, как он покупал у Кенникотта драгоценные камни. Любопытно. Быть может... Ах, да! Они ушли в Джо! На подшипники или что-то в этом роде. Разобрать робота? Поздно - огранка наверняка не сохранилась. С какой стати бриллианты чистейшей воды - неужто не годились промышленные алмазы? Подсознание Гэллегера требовало самых лучших товаров. Оно знать не желало о масштабах цен и основных принципах экономики.

Геллегер бродил по деловой части города, как Диоген в поисках истины. Вечерело, над головой мерцали неоновые огни - бледные разноцветные полосы света на темном фоне. В небе над башнями Манхэттена ослепительно сверкала реклама. Воздушные такси скользили на разной высоте, подбирали пассажиров с крыш. Скучища.

В деловом квартале Гэллегер стал присматриваться к дверям. Нашел наконец дверь, где кто-то стоял, но оказалось, что тот просто-напросто торгует открытками. Гэллегер отошел от него и двинулся в ближайший бар, так как почувствовал, что надо подзаправиться. Бар был передвижной и сочетал худшие свойства ярмарочной карусели и коктейлей, приготовленных равнодушной рукой; Гэллегер постоял в нерешительности на пороге. Но кончилось тем, что он поймал проносившийся мимо стул и постарался усесться поудобнее. Заказал три "рикки" и осушил их один за другим. Затем подозвал бармена и справился о контрабандных кинотеатрах.

- Есть, черт меня побери, - ответил тот и извлек из фартука пачку билетов. - Сколько надо?

- Один. А где это?

- Два двадцать воссмь. По этой же улице. Спросить Тони.

- Спасибо.

Гэллсгер сунул бармену неномерно щедрые чаевые, сполз со стула и поплелся прочь. Передвижные бары были новинкой, которую он не одобрял. Он считал, что пить надо в состоянии покоя, так как все равно рано или поздно этого состояния не миновать.

Дверь с зарсшеченной панелью находилась у подножия лестницы. Когда Гэллегер постучался, на панели ожил видеоэкран, скорее всего односторонний, так как лицо швейцара не показывалось.

- Можно пройти к Тони? - спросил Гэллегер.

Дверь отворилась, появился усталый человек в пневмобрюках, но даже эта одежда не придавала внушительности его тощей фигуре.

- Билет есть? Ну-ка, покажь. Все в порядке, друг. Прямо по коридору. Представление уже началось. Выпить можно в баре, по левой стороне.

В конце недлинного коридора Гэллегер протиснулся сквозь звуконепроницаемые портьеры и очутился в фойе старинного театра постройки 1980-х годов; в ту эпоху царило повальное увлечение пластиками. Он нюхом отыскал бар, выпил дрянного виски по бешеной цене и, подкрепив таким образом силы, вошел в зрительный зал - почти полный. На огромном экране - очевидно, системы "Магна" - вокруг космолета толпились люди. "Не то приключенческий фильм, не то хроника", - подумал Гэлле-гер.

Только азарт нарушения законов мог завлечь публику в контрабандный театр. Это было заведение самого низкого пошиба. На его содержание денег не тратили, и билетсров там не было. Но театр стоял внс закона и потому хорошо посенцался. Гэллегер сосредоточсно смотрел на экран. Никаких полос, ничего не двоится. На незареги-стрированном телевизоре "Вокс-вью" стоял увеличитель "Магна", и одна из талантливейших звезд Брока уснешно волновала сердца зрителей. Просто грабеж среди бела дня. Точно.

Чуть позже, пробираясь к выходу, Гэллегер заметил, что на приставном стуле сидит полисмен в формс, и сардонически усмехнулся.

Фараон, конечно, не платил за вход. И тут политика.

На той же улице, на расстоянии двух кварталов, ослепительные огни реклам гласили: "СОНАТОН - БИЖУ". Это, разумеется, театр легальный и потому дорогой. Гэллегер безрассудно промотал целое состояние, уплатив за билет на хорошие места. Он хотел сравнить

впечатления. Насколько он мог судить, в "Бижу" и в нелегальном театре аппараты "Магна" были одинаковы. Оба работали безупречно. Сложная задача увеличения телевизионных экранов была успешно разрешена.

Все остальное в "Бижу" напоминало дворец. Лощеные билетеры склонялись в приветственном поклоне до самого ковра. В буфетах бесплатно отпускали спиртное (в умеренных количествах). При театре работали турецкие бани.Гэллегер прошел за дверь с табличкой "Для мужчин" и вышел, совершенно одурев от тамошнего великолепия. Целых десять минут после этого он чувствовал себя сибаритом.

Все это означало, что те, кому позволяли средства, шли в легализованные театры "Сонатон", а остальные посещали контрабандные притоны. Все, кроме немногочисленных домоседов, которых не захлестнула повальная мода. В конце концов Брок вылетит в трубу, потому что у него не остается зрителей. Его фирма перейдет к "Сонатону", который тут же вздует цены и начнет делать деньги. В жизни необходимы развлечения; людей приучили к телевидению. Никакой замены нет. Если в конце концов "Сонатону" удастся все же задушить соперника, публика будет платить и платить за второсортную продукцию.

Гэллегер покинул "Бижу" и поманил воздушное такси. Он назвал адрес студии "Вокс-вью" на Лонг-Айленде, безотчетно надеясь вытянуть из Брока первый чек. Кроме того, он хотел кое-что выяснить.

Здания "Вокс-вью" буйно заполняли весь Лонг-Айленд беспорядочной коллекцией разномастных домов. Безошибочным инстинктом Гэллегер отыскал ресторан, где принял горячительного в порядке предосторожности. Подсознанию предстояла изрядная работа, и Гэллегер не хотел стеснять его недостатком свободы. Кроме того, виски было отличное.

После первой же порции он решил, что пока хватит. Он же не сверхчеловек, хотя емкость у него почти невероятная. Надо лишь достигнуть объективной ясности мышления и субъективного растормаживания...

- Студия всегда открыта ночью? - спросил он у официанта.

- Конечно. Какие-то павильоны всегда работают. Это же круглосуточная программа.

- В ресторане полно народу.

- К нам приходят и из аэропорта. Повторить?

Гэллегер покачал головой и вышел. Визитная карточка Брока помогла ему пройти за ворота, и прежде всего он посетил кабинеты высшего начальства. Брока там не

было, но раздавались громкие голоса, пронзительные чисто по-женски.

Секретарша сказала: "Подождите минутку, пожалуйста" - и повернулась к внутреннему служебному видсофону. И тотчас же: "Прошу вас, проходите".

Гэллегер так и сделал. Кабинет был что надо, одновременно роскошный и деловой. В нишах вдоль стен красовались объемные фотографии виднейших звезд "Вокс-вью". За письменным столом сидела миниатюрная, хорошенькая взволнованная брюнетка, а перед ней стоял разъяренный светловолосый ангел. В ангеле Гэллегер узнал Силвер О'Киф.

Он воспользовался случаем:

- Салют, мисс О'Киф! Не нарисуете ли мне автограф на кубике льда? В коктейле?

Силвер стала похоже на кошечку.

- К сожалению, дорогой, мне приходится самой зарабатывать на жизнь. И я сейчас на службе.

Брюнетка провела ногтем по кончику сигареты.

- Давай утрясем это дело чуть позже, Силвер. Папаша велел принять этого типа, если он заскочит. У него важное дело.

- Все утрясется, - пообещала Силвер. - И очень скоро. - Она демонстративно вышла. Гэллегер задумчиво присвистнул ей вслед.

- Этот товар вам не по зубам, - сообщила брюнетка. - Она связана контрактом. И хочет развязаться, чтобы заключить контракт с "Сонатоном". Крысы покидают тонущий корабль. Силвер рвет на себе волосы с тех самых пор, как уловила штормовые сигналы.

- Вот как?

- Садитесь и закуривайте. Я Пэтси Брок. Вообще тут заправляет папаша, но, когда он выходит из себя, я хватаюсь за штурвал. Старый осел не выносит скандалов. Считает их личными выпадами.

Гэллегер сел.

- Значит, Силвер пытается дезертировать? И много таких?

- Не очень. Большинство хранят нам верность. Но, само собой, если мы обанкротимся... - Пэтси Брок пожала плечами. - То ли переметнутся к "Сонатону" зарабатывать на хлеб с маслом, то ли обойдутся без масла.

- Угу. Ну, что ж, надо повидать ваших инженеров. Хочу ознакомиться с их мыслями об увеличении экрана.

- Дело ваше, - сказала Пэтси. - Толку будет немного. Невозможно изготовить увеличитель к телевизору, не ущемляя патентных прав "Сонатона".

Она нажала на кнопку, что-то проговорила в видсофон, и из щели на письменном столе появились два высоких бокала.

- Как, мистер Гэллегер?

- Ну, раз уж это коктейль "Коллинс"...

- Догадалась по вашему дыханию, - туманно пояснила Пэтси. - Папаша рассказывал, как побывал у вас. По-моему, он немножко расстроился, особенно из-за вашего робота. Кстати, что это за чудо?

- Сам не знаю, - смешался Гэллегер. - У него масса способностей... по-видимому, какие-то новые чувства... но я понятия не имею, на что он годен. Разве только любоваться собой в зеркале.

Пэтси кивнула.

- При случае я бы не прочь на него взглянуть. Но вернемся к проблеме "Сонатона". Вы думаете, вам удастся найти решение?

- Возможно. Даже вероятно.

- Но не безусловно?

- Пусть будет безусловно. Сомневаться вообще-то не стоит, даже самую малость.

- Для меня это очень важно. "Сонатон" принадлежит Элии Тону. Это вонючий пират. К тому же бахвал. У него сын Джимми. А Джимми - хотите верьте, хотите нет - читал "Ромео и Джульетту".

- Хороший парень?

- Гнида. Здоровенная мускулистая гнида. Хочет на мне жениться.

- "Нет повести печальнее на свете..."

- Пощадите, - прервала Пэтси. - И вообще, я всегда считала, что Ромео - размазня. Если бы у меня хоть на секунду мелькнула мысль выйти за Джимми, я бы тут же взяла билет в один конец и отправилась в сумасшедший дом. Нет, мистер Гэллегер, все совсем иначе. Никакого флердоранжа. Джимми сделал мне предложение... между прочим, сделал, как умел, а умеет он сгрести девушку поборцовски в полузахвате и объяснить, как он ее осчастливил.

- Ага, - промычал Гэллегер и присосался к коктейлю.

- Вся эта идея - монополия на патенты и контрабандные театры - идет от Джимми. Голову даю на отсечение. Его отец, конечно, тоже руку приложил, но Джимми Тон - именно тот гениальный ребенок, который все начал.

- Зачем?

- Чтобы убить двух зайцев. "Сонатон" станет монополистом, а Джимми, как он себе представляет, получит меня. Он слегка помешанный. Не верит, что я ему отказала

всерьез, и ждет, что я вот-вот передумаю и соглашусь. А я не передумаю, что бы ни случилось. Но это мое личное дело. Я не могу сидеть сложа руки и допускать, чтобы он сыграл с нами такую штуку. Хочу стереть с его лица самодовольную усмешку.

- Он вам просто не по душе, да? - заметил Гэллегер. - Я вас не осуждаю, если он таков, как вы рассказываете. Что ж, буду из кожи вон лезть. Однако мне нужны деньги на текущие расходы.

- Сколько?

Гэллегер назвал цифру. Пэтси выписала чек на гораздо более скромную сумму. Изобретатель принял оскорбленный вид.

- Не поможет, - сказала Пэтси с лукавой улыбкой. - Мне о вас кое-что известно, мистер Гэллегер. Вы совершенно безответственный человек. Если дать больше, вы решите, что вам достаточно, и тут же обо всем забудете. Я выпишу новые чеки, когда потребуется... но попрошу представить детальный отчет об издержках.

- Вы ко мне не справедливы, - повеселел Гэллегер. - Я подумывал пригласить вас в ночной клуб. Естественно, не в какую-нибудь дыру. А шикарные заведения обходятся очень дорого. Так вот, если бы вы мне выписали еще один чек...

Пэтси рассмеялась.

- Нет.

- Может, купите робота?

- Во всяком случае, не такого.

- Будем считать, что у меня ничего не вышло, - вздохнул Гэллегер. - А как насчет...

В этот миг загудел видеофон. На экране выросло бессмысленное прозрачное лицо. Внутри круглой головы быстро щелкали зубчатки. Пэтси тихонько вскрикнула и отшатнулась.

- Скажи Гэллегеру, что Джо здесь, о счастливое создание, - провозгласил скрипучий голос. - Можешь лелеять память о моем облике и голосе до конца дней своих. Проблеск красоты в тусклом однообразии мира...

Гэллегер обошел письменный стол и взглянул на экран.

- Какого дьявола! Как ты ожил?

- Мне надо было решить задачу.

- А откуда ты узнал, где меня искать?

- Я тебя опространствил.

- Что-что?

- Я опространствил, что ты в студии "Вокс-вью", у Пэтси Брок.

- Что такое "опространствил"? - осведомился Гэллегер.

- Это у меня такое чувство. У тебя нет даже отдаленно похожего, так что я не могу тебе его описать. Что-то вроде смеси сагражи с предзнанием.

- Сагражи?

- Ах, да, у тебя ведь и сагражи нет. Ладно, не будем терять время попусту. Я хочу вернуться к зеркалу.

- Он всегда так разговаривает? - спросила Пэтси.

- Почти всегда. Иногда еще менее понятно. Ну, хорошо, Джо. Так что тебе?

- Ты уже не работаешь на Брока, - заявил робот. - Будешь работать на ребят из "Сонатона".

Гэллегер глубоко вздохнул.

- Говори, говори. Но учти, ты спятил.

- Кенникотта я не люблю. Он слишком уродлив. И его вибрации раздражают мое сагражи.

- Да бог с ним, - перебил Гэллегер, которому не хотелось посвящать девушку в свою деятельность по скупке бриллиантов. - Не отвлекайся от...

- Но я знал, что Кенникотт будет ходить и ходить, пока не получит свои деньги. Так вот, когда в лабораторию пришли Элия и Джеймс Тоны, я взял у них чек.

Рука Пэтси напряглась на локте Гэллегера.

- А ну-ка! Что здесь происходит? Обыкновенное надувательство?

- Нет. Погодите. Дайте мне докопаться до сути дела. Джо, черт бы побрал твою прозрачную шкуру, что ты натворил? И как ты мог взять чек у Тонов?

- Я притворился тобой.

- Вот теперь ясно, - сказал Гэллегер со свирепым сарказмом в голосе. - Это все объясняет. Мы же близнецы. Похожи как две капли воды.

- Я их загипнотизировал, - разъяснил Джо. - Внушил им, что я - это ты.

- Ты умеешь?

- Да. Я и сам немного удивился. Хотя, если вдуматься, я мог бы опространствить эту свою способность.

- Ты... Да, конечно. Я бы и сам опространствил такую штуковину. Так что же произошло?

- Должно быть, Тоны - отец и сын - заподозрили, что Брок обратился к тебе за помощью. Они предложили контракт на особо льготных условиях - ты работаешь на них и больше ни на кого. Обещали кучу денег. Вот я и прикинулся, будто я - это ты, и согласился. Подписал контракт (между прочим, твоей подписью), получил чек и отослал Кенникотту.

- Весь чек? - слабым голосом переспросил Гэллегер. - Сколько же это было?

- Двенадцать тысяч.

- И это все, что они предложили?
- Нет, - ответил робот, - они предложили сто тысяч единовременно и две тысячи в неделю, контракт на пять лет. Но мне нужно было только рассчитаться с Кенникоттом, чтобы он больше не ходил и не приставал. Я сказал, что хватит двенадцати тысяч, и Тоны были очень довольны.
В горле Гэллегера раздался нечленораздельный булькающий звук. Джо глубокомысленно кивнул.
- Я решил поставить тебя в известность, что отныне ты на службе у "Сонатона". А теперь вернусь-ка я к зеркалу и буду петь для собственного удовольствия.
- Ну, погоди, - пригрозил изобретатель, - ты только погоди. Я своими руками разберу тебя по винтику и растопчу обломки.
- Суд признает этот контракт недействительным, - сказала Пэтси, судорожно глотнув.
- Не признает, - радостно ответил Джо. - Можешь полюбоваться на меня последний раз, и я пойду.
Он ушел.

Одним глотком Гэллегер осушил свой бокал.
- Я до того потрясен, что даже протрезвел, - сказал он девушке. - Что я вложил в этого робота? Какие патологические чувства в нем развил? Загипнотизировать людей до того, чтобы они поверили, будто я - он... он - я... Я уже заговариваюсь.
- Это шуточка, - заявила Пэтси, помолчав. - Вы случайно не столковались ли с "Сонатоном" сами и не заставили робота состряпать вам алиби? Мне просто... интересно.
- Не надо так. Контракт с "Сонатоном" подписал Джо, а не я. Но... посудите сами: если подпись - точная копия моей, если Джо гипнозом внушил Тонам, что они видят меня, а не его, если есть свидетели заключения контракта... Отец и сын, конечно, годятся в свидетели, поскольку их двое... Ну и дела.
Пэтси прищурилась.
- Мы заплатим вам столько же, сколько предлагал "Сонатон". После выполнения работы. Но вы на службе у "Вокс-вью" - это решено.
- Конечно.
Гэллегер тоскливо покосился на пустой бокал. Конечно. Он на службе у "Вокс-вью". Но с точки зрения закона он подписал контракт, по которому в течение пяти лет обязан работать только на "Сонатон". И всего за двенадцать тысяч долларов! **Ну и ну!** Сколько они предлагали? Сто тысяч на кон и... и...

Дело было не в принципе, а в деньгах. Теперь Гэллегер связан по рукам и ногам, он как стреноженная лошадь. Если "Сонатон" обратится в суд с иском и выиграет дело, Гэллегер будет обязан отработать свои пять лет. Без дополнительного вознаграждения. Надо как-то выпутаться из этого контракта... и заодно разрешить проблему Брока.

А Джо на что? Своими удивительными талантами робот впутал Гэллегера в неприятность. Пусть теперь и распутывает. Иначе робот-зазнайка скоро будет любоваться металлическим крошевом, которое от него осталось.

- Вот именно, - пробормотал Гэллегер себе под нос. - Поговорю с Джо. Пэтси, налейте мне скоренько еще бокал и проводите в конструкторский отдел. Хочу взглянуть на чертежи.

Девушка подозрительно посмотрела на него.

- Ладно. Но только попробуйте нас предать...

- Меня самого предали. Продали с потрохами. Боюсь я этого робота. В хорошенькую историю он меня опространствил. Правильно, мне "Коллинс". - Гэллегер пил медленно и смачно.

Потом Пэтси отвела его в конструкторский отдел. Чтение объемных чертежей упрощал сканнер - устройство, не допускающее никакой путаницы. Гэллегер долго и внимательно изучал проекты. Были там и кальки чертежей к патентам "Сонатона"; судя по всему, "Сонатон" исследовал данную область на редкость добросовестно. Никаких лазеек. Если не открыть нового принципа...

Однако новые принципы на деревьях не растут. Да они и не помогут полностью разрешить проблему. Даже если бы "Вокс-вью" обзавелся новым увеличителем, не ущемляющим патентных прав "Магны", останутся контрабандные театры, которые отнимают львиную долю дохода. Теперь ведь главный фактор - ЭМП, эффект массового присутствия. С ним нельзя не считаться. Задача не была отвлеченной и чисто научной. В нее входили уравнения с человеческими неизвестными.

Гэллегер спрятал полезные сведения в своем мозгу, аккуратно разделенном на полочки. Позднее он воспользуется тем, что нужно. Пока же он был в тупике. И что-то сверлило мозг, не давая покоя.

Что именно?

История с "Сонатоном".

- Мне надо связаться с Тонами, - сказал он Пэтси. - Что вы посоветуете?

- Можно вызвать их по видеофону.

Гэллегер покачал головой.

- Психологический проигрыш. Им легко будет прервать разговор.

- Если это срочно, можно их найти в каком-нибудь ночном клубе. Постараюсь уточнить.

Пэтси торопливо вышла, а из-за экрана появилась Силвер О'Киф.

- Я не щепетильна, - объявила она. - Всегда подглядываю в замочную скважину. Нет-нет да услышу что-нибудь занятное. Если хотите увидеть Тонов, то они сейчас в клубе "Кастл". И я решила поймать вас на слове - помните, насчет коктейля?

Гэллегер ответил:

- Отлично. Садитесь в такси. Я только скажу Пэтси, что мы уходим.

- Ей это не придется по вкусу, - заметила Силвер. - Встречаемся у входа в ресторан через десять минут. Заодно побрейтесь.

Пэтси Брок в кабинете не было, но Гэллегер оставил ей записку. Затем он посетил салон обслуживания, где покрыл лицо невидимым кремом для бритья, выждал две минуты и вытерся особо обработанным полотенцем. Щетина исчезла вместе с кремом. Принявший чуть более благообразный вид Гэллегер встретился в условленном месте с Силвер и подозвал воздушное такси. Через десять минут оба сидели, откинувшись на подушки, дымили сигаретами и настороженно поглядывали друг на друга.

- Итак? - нарушил молчание Гэллегер.

- Джимми Тон пытался назначить мне свидание на сегодняшний вечер. Поэтому я случайно знаю, где его искать.

- Ну и что?

- Сегодня вечером я только и делала, что задавала вопросы. Как правило, посторонних в административные корпуса "Вокс-вью" не пускают. Я повсюду спрашивала: "Кто такой Гэллегер?"

- Что же вы узнали?

- Достаточно, чтобы домыслить остальное. Вас нанял Брок, верно? А зачем, я сама сообразила.

- Что отсюда следует?

- Я, как кошка, всегда падаю на все четыре лапы, - сказала Сильвер, пожимая плечами. Это у нее очень хорошо получалось. - "Вокс-вью" летит в трубу. "Сонатон" приставил ему нож к горлу. Если только...

- Если только я чего-нибудь не придумаю.

- Именно. Я должна знать, по какую сторону забора стоит падать. Может быть, подскажете? Кто победит?

- Вот как, вы всегда ставите на победителя? Разве у тебя нет идеалов, женщина? Неужто тебе не дорога истина? Ты когда-нибудь слыхала об этике и порядочности?

Сильвер просияла.

- А ты?

- Я-то слыхал. Обычно я слишком пьян, чтобы вдумываться в эти понятия. Вся беда в том, что подсознание у меня совершенно аморальное и, когда оно берет во мне верх, остается один закон - логика.

Сильвер швырнула сигарету в Ист-Ривер.

- Хоть намекни, какая сторона забора вернее?

- Восторжествует правда, - нравоучительно ответил Гэллегер. - Она неизменно торжествует. Однако правда - величина переменная, значит, мы вернулись к тому, с чего начали. Так и быть, детка. Отвечу на твой вопрос. Если не хочешь прогадать, оставайся на моей стороне.

- А ты на чьей стороне?

- Кто знает, - вздохнул Гэллегер. - Сознанием я на стороне Брока. Но, возможно, у моего подсознания окажутся иные взгляды. Поживем - увидим.

У Сильвер был недовольный вид, но она ничего не сказала. Такси спикировало на крышу "Кастла" и мягко опустилось. Сам клуб помещался под крышей, в исполинском зале, по форме напоминающем опрокинутую половинку тыквы. Столики были установлены на прозрачных площадках, которые можно было передвигать вверх по оси на любую высоту. Маленькие служебные лифты развозили официантов, доставляющих напитки. Такая архитектура зала не была обусловлена особыми причинами, но радовала новизной, и лишь самые горькие пьяницы сваливались из-за столиков вниз. Последнее время администрация натягивала под площадками предохранительную сетку.

Тоны - отец и сын - сидели под самой крышей, выпивали с двумя красотками. Силвер отбуксировала Гэллегера к служебному лифту, и изобретатель зажмурился, взлетая к небесам. Все выпитое им бурно возмутилось. Он накренился вперед, уцепился за лысую голову Элии Тона и плюхнулся на стул рядом с магнатом. Рука его нащупала бокал Джимми Тона, и он залпом проглотил содержимое.

- Какого дьявола!.. - только и выговорил Джимми.

- Это Гэллегер, - объявил Элия. - И Силвер. Приятный сюрприз. Присоединяйтесь к нам.

- Только на один вечер, - кокетливо улыбнулась Силвер.

Гэллегер, приободренный чужим бокалом, вгляделся в мужчин. Джимми Тон был здоровенный, загорелый, кра-

сивый детина с выдвинутым подбородком и оскорбительной улыбкой. Отец представлял собой помесь Нерона с крокодилом.

- Мы тут празднуем, - сказал Джимми. - Как это ты передумала, Силвер? А говорила, что будешь ночью работать.

- Гэллегер захотел с вами повидаться. Зачем - не знаю.

Холодные глаза Элии стали совсем ледяными.

- Так зачем же?

- Говорят, мы с вами подписали какой-то контракт, - ответил Гэллегер.

- Точно. Вот фотокопия. Что дальше?

- Минутку. - Гэллегер пробежал глазами документ. Подпись была явно его собственная. Черт бы побрал робота!

- Это подлог, - сказал он наконец.

Джимми громко засмеялся.

- Все понял. Попытка взять нас на пушку. Жаль мне вас, приятель, но вы никуда не денетесь. Подписали в присутствии свидетелей.

- Что же, - тоскливо проговорил Гэллегер. - полагаю, вы не поверите, если я буду утверждать, что мою подпись подделал робот...

- Ха! - вставил Джимми.

- ... который гипнозом внушил вам, будто вы видите меня.

Элия погладил себя по блестящей лысой макушке.

- Откровенно говоря, не поверим. Роботы на это не способны.

- Мой способен.

- Так докажите. Докажите это на суде. Если вам удастся, тогда, конечно... - Элия хмыкнул. - Тогда, возможно, вы и выиграете дело.

Гэллегер сощурился.

- Об этом я не подумал. Но я о другом. Говорят, вы предлагали мне сто тысяч долларов сразу, не считая еженедельной ставки.

- Конечно, предлагали, разиня, - ухмыльнулся Джимми. - Но вы сказали, что с вас и двенадцати тысяч довольно. Вы их и получили. Однако утешьтесь. Мы будем выплачивать вам премию за каждое изобретение, полезное "Сонатону".

Гэллегер встал.

- Эти рожи неприятны даже моему беспринципному подсознанию, - сообщил он Силвер. - Пошли отсюда.

- Я, пожалуй, еще побуду здесь.

- Помните о заборе, - таинственно предостерег он. - Впрочем, воля ваша. Я побегу.

Элия сказал:

- Не забывайте, Гэллегер, вы работаете у нас. Если до нас дойдет слух, что вы оказали Броку хоть малейшую любезность, то вы и вздохнуть не успеете, как получите повестку из суда.

- Да ну?

Тоны не удостоили его ответом. Гэллегер невесело вошел в лифт и спустился к выходу.

А теперь что? Джо.

Спустя четверть часа Гэллегер входил в свою лабораторию. Там были зажжены все лампы; в близлежащих кварталах собаки исходили лаем - перед зеркалом беззвучно распевал Джо.

- Я решил пройтись по тебе кувалдой, - сказал Гэллегер. - Молился ли ты на ночь, о незаконнорожденный набор шестеренок? Да поможет мне бог, я иду на диверсию.

- Ну и ладно, ну и бей, - заскрипел Джо. - Увидишь, что я тебя не боюсь. Ты просто завидуешь моей красоте.

- Красоте?

- Тебе не дано познать ее до конца - у тебя только шесть чувств.

- Пять!

- Шесть. А у меня много больше. Естественно, мое великолепие полностью открывается только мне. Но ты видишь и слышишь достаточно, чтобы хоть частично осознать мою красоту.

- Ты скрипишь, как несмазанная телега, - огрызнулся Гэллегер.

- У тебя плохой слух. А мои уши сверхчувствительны. Богатый диапазон моего голоса для тебя пропадает. А теперь - чтоб было тихо. Меня утомляют разговоры. Я любуюсь своими зубчатками.

- Предавайся иллюзиям, пока можно. Погоди, дай только мне найти кувалду.

- Ну и ладно, бей. Мне-то что?

Гэллегер устало прилег на тахту и уставился на прозрачную спину робота.

- Ну и заварил же ты кашу. Зачем подписывал контракт с "Сонатоном"?

- Я же тебе объяснял. Чтобы меня больше не беспокоил Кенникотт.

- Ах ты, самовлюбленная, тупоголовая... эх! Так вот, из-за тебя я влип в хорошенькую историю. Тоны вправе требовать, чтобы я соблюдал букву контракта, если не будет доказано, что не я его подписывал. Ладно. Теперь ты мне поможешь. Пойдешь со мной в суд и включишь свой

гипнотизм или что там у тебя такое. Докажешь судье, что умеешь представляться мною и что дело было именно так.

- И не подумаю, - отрезал робот. - С какой стати?

- Ты ведь втянул меня в этот контракт! - взвизгнул Гэллегер. - Теперь сам и вытягивай!

- Почему?

- "Почему"? Потому что... э-э... да этого требует простая порядочность!

- Человеческая мерка к роботам неприменима, - возразил Джо. - Какое мне дело до семантики? Не буду терять время, которое могу провести, созерцая свою красоту. Встану перед зеркалом на веки вечные...

- Черта лысого! - рассвирепел Гэллегер. - Да я тебя на атомы раскрошу.

- Пожалуйста. Меня это не трогает.

- Не трогает?

- Ох, уж этот мне инстинкт самосохранения, - произнес робот, явно глумясь. - Хотя вам он, скорее всего, необходим. Существа, наделенные столь неслыханным уродством, истребили бы друг друга из чистой жалости, если бы не страховка - инстинкт, благодаря которому они живы до сих пор.

- А что, если я отниму у тебя зеркало? - спросил Гэллегер без особой надежды в голосе.

Вместо ответа Джо выдвинул глаза на кронштейнах.

- Да нужно ли мне зеркало? Кроме того, я умею пространствить себя локторально.

- Не надо подробностей. Я хочу пожить еще немножко в здравом уме. Слушай ты, зануда. Робот должен что-то делать. Что-нибудь полезное.

- Я и делаю. Красота - это главное.

Гэллегер крепко зажмурил глаза, чтобы получше сосредоточиться.

- Вот слушай. Предположим, я изобрету для Брока увеличенный экран нового типа. Его ведь конфискуют Тоны. Мне нужно развязать себе руки, иначе я не могу работать...

- Смотри! - вскрикнул Джо в экстазе. - Вертятся! Какая прелесть! - Он загляделся на свои жужжащие внутренности.

Гэллегер побледнел в бессильной ярости.

- Будь ты проклят! - пробормотал он. - Уж я найду способ прищемить тебе хвост. Пойду спать. - Он встал и злорадно погасил свет.

- Неважно, - сказал робот. - Я вижу и в темноте.

За Гэллегером захлопнулась дверь. В наступившей тишине Джо беззвучно напевал самому себе.

В кухне Гэллегера целую стену занимал холодильник. Он был наполнен в основном жидкостями, требующими охлаждения, в том числе импортным консервированным пивом, с которого неизменно начинались запои Гэллегера. Наутро, невыспавшийся и безутешный, Гэллегер отыскал томатный сок, брезгливо глотнул и поспешно запил его виски. Поскольку головокружительный запой продолжался вот уже неделю, пиво теперь было противопоказано - Гэллегер всегда накапливал эффект, действуя по нарастающей. Пищевой автомат выбросил на стол герметически запечатанный пакет с завтраком, и Гэллегер стал угрюмо тыкать вилкой в полусырой бифштекс.

- Ну-с?

По мнению Гэллегера, единственным выходом был суд. В психологии робота он слабо разбирался. Однако таланты Джо, безусловно, ошеломят любого судью. Выступления роботов в качестве свидетелей законом не предусмотрены... но все же, если представить Джо как машину, способную гипнотизировать, суд может признать контракт с "Сонатоном" недействительным и аннулировать его.

Чтобы взяться за дело не мешкая, Гэллегер воспользовался видеофоном. Хэррисон Брок все еще сохранял некоторое политическое влияние и вес, так что предварительное слушание дела удалось назначить на тот же день. Однако что из этого получится, знали только бог да робот.

... Несколько часов прошли в напряженных, но бесплодных раздумьях. Гэллегер не представлял себе, как заставить робота повиноваться. Если бы хоть вспомнить, для какой цели создан Джо... но Гэллегер забыл. А все-таки... В полдень он вошел в лабораторию.

- Вот что, дурень, - сказал он, - поедешь со мной в суд. Сейчас же.

- Не поеду.

- Ладно. - Гэллегер открыл дверь и впустил двух дюжих парней в белых халатах и с носилками. - Грузите его, ребята.

В глубине души он слегка побаивался. Могущество Джо совершенно не изучено, его возможности - величина неизвестная. Однако робот был не очень-то крупный, и, как бы он ни отбивался, ни вопил, ни скрипел, его легко уложили на носилки и облачили в смирительную рубашку.

- Прекратите! Вы не имеете права! Пустите меня, понятно? Пустите!

- На улицу, - распорядился Гэллегер.

Джо храбро сопротивлялся, но его вынесли на улицу и погрузили в воздушную карету. Там он сразу утихомирился и бессмысленно уставился перед собой. Гэллегер сел на скамейку рядом с поверженным роботом. Карета взмыла в воздух.

- Ну, что?

- Делай что хочешь, - ответил Джо. - Ты меня очень расстроил, иначе я бы вас всех загипнотизировал. Еще не поздно, знаешь ли. Могу заставить вас всех бегать по кругу и лаять по-собачьи.

Гэллегер поежился.

- Не советую.

- Да я и не собираюсь. Это ниже моего достоинства. Буду просто лежать и любоваться собой. Я ведь говорил, что могу обойтись без зеркала? Свою красоту я умею пространствить и без него.

- Послушай, - сказал Гэллегер. - Ты едешь в суд, в зал суда. Там будет тьма народу. Все тобой залюбуются. Их восхищение усилится, если ты покажешь им, как гипнотизируешь. Как ты загипнотизировал Тонов, помнишь?

- Какое мне дело до того, сколько людей мною восхищаются? - возразил Джо. - Если люди меня увидят, тем лучше для них. Значит, им повезло. А теперь помолчи. Если хочешь, можешь смотреть на мои зубчатки.

Гэллегер смотрел на зубчатки робота, и в глазах его тлела ненависть. Ярость не улеглась в нем и тогда, когда карета прибыла к зданию суда. Служители внесли Джо - под руководством Гэллегера, - бережно положили на стол и после непродолжительного судебного совещания сочли "вещественным доказательством N 1".

...Зал суда был полон. Присутствовали и главные действующие лица; у Элии и Джимми Тонов вид был неприятно самоуверенный, а у Пэтси Брок и ее отца - встревоженный. Силвер О'Киф, как всегда осторожная, уселась ровнехонько посредине между представителями "Сонатона" и "Вокс-вью". Председательствующий, судья Хэнсен, отличался педантизмом, но, насколько знал Гэллегер, был человеком честным. А это уже немало.

Хэнсен перевел взгляд на Гэллегера.

- Не будем злоупотреблять формальностями. Я ознакомился с краткой пояснительной запиской, которую вы мне направили. В основе дела лежит вопрос, заключали ли вы иский контракт с корпорацией "Сонатон телевижн эмьюзмент". Правильно?

- Правильно, ваша честь.

- По данному делу вы отказались от услуг адвоката. Правильно?

- Совершенно верно, ваша честь.

- В таком случае дело будет слушаться без участия адвоката. Решение может быть обжаловано любой из сторон. Не будучи обжалованным, оно вступит в законную силу в десятидневный срок.

Позднее эта новая форма упрощенного судебного разбирательства стала популярной: она всем и каждому сберегала время, не говоря уж о нервах. Кроме того, после недавних скандальных историй адвокаты приобрели дурную славу. К ним стали относиться с предубеждением.

Судья Хэнсен опросил Тонов, затем вызвал на свидетельскую скамью Хэррисона Брока. Магнат, казалось, волновался, но отвечал без запинки.

- Восемь дней назад вы заключили с заявителем соглашение?

- Да. Мистер Гэллегер подрядился выполнить для меня работу...

- Контракт был заключен письменно?

- Нет. Словесно.

Хэнсен задумчиво посмотрел на Гэллегера.

- Заявитель был в то время пьян? С ним это, по-моему, часто случается.

Брок запнулся.

- Испытаний на алкогольные пары я не проводил. Не могу утверждать с уверенностью.

- Поглощал ли он в вашем присутствии спиртные напитки?

- Не знаю, были ли эти напитки **спиртными**...

- Если их потреблял мистер Гэллегер, значит, были. Что и требовалось доказать. Я когда-то приглашал этого джентльмена в качестве эксперта... Значит, доказательств того, что вы заключили с мистером Гэллегером соглашение, не существует. Ответчик же - "Сонатон" - представил письменный контракт. Подпись Гэллегера признана подлинной.

Хэнсон знаком отпустил Брока со свидетельской скамьи.

- Теперь вы, мистер Гэллегер. Подойдите, пожалуйста. Спорный контракт был подписан вчера, приблизительно в восемь часов вечера. Вы категорически отрицаете свою причастность. Утверждаете, будто вещественное доказательство номер один, прибегнув к гипнозу, притворилось вами и успешно подделало вашу подпись. Я консультировался с экспертами, и все они единодушно считают, что роботы на такие чудеса не способны.

- Мой робот - нового типа.

- Очень хорошо. Пусть ваш робот загипнотизирует меня так, чтобы я поверил, будто он - это вы или кто-нибудь третий. Пусть предстанет передо мной в любом облике, по своему выбору.

Гэллегер сказал: "Попытаюсь" - и покинул свидетельское место. Он подошел к столу, где лежал робот в смирительной рубашке, и мысленно прочел молитву.

- Джо!

- Да?

- Ты слышишь?

- Да.

- Загипнотизируешь судью Хэнсена?

- Уйди, - ответил Джо. - Я занят - любуюсь собой.

Гэллегер покрылся испариной.

- Послушай. Я ведь немного прошу. Все, что от тебя требуется...

Джо закатил глаза и томно сказал:

- Мне тебя не слышно. Я пространствлю.

Через десять минут судья Хэнсен напомнил:

- Итак, мистер Гэллегер...

- Ваша честь! Мне нужно время. Я уверен, что заставлю этого пустоголового Нарцисса подтвердить мою правоту, дайте только срок.

- Здесь идет справедливый и беспристрастный суд, - заметил судья. - В любое время, как только вам удастся доказать, что вещественное доказательство номер один умеет гипнотизировать, я возобновлю слушание дела. А пока что контракт остается в силе. Вы работаете на "Сонатон", а не на "Вокс-вью". Судебное заседание объявляю закрытым.

Он удалился. С противоположного конца зала Тоны бросали на противников ехидные взгляды. Потом они тоже ушли в сопровождении Силвер О'Киф, которая наконец-то смекнула, кого выгоднее держаться. Гэллегер посмотрел на Пэтси Брок и беспомощно пожал плечами.

- Что делать, - сказал он.

Девушка криво усмехнулась.

- Вы старались. Не знаю, усердно ли, но... Ладно. Кто знает, может быть, все равно вы бы ничего не придумали.

Шатаясь, подошел Брок; на ходу он утирал пот со лба.

- Я погиб. Сегодня в Нью-Йорке открылись еще шесть контрабандных театров. С ума сойти.

- Хочешь, я выйду замуж за Тона? - сардонически осведомилась Пэтси.

- Нет, черт возьми! Разве что ты обещаешь отравить его сразу же после венчания. Эти гады со мной не справятся. Что-нибудь придумаю.

- Если Гэллегер не может, то ты и подавно, - возразила девушка. - Ну, так что теперь?

- Вернусь-ка я в лабораторию, - сказал ученый. - In vino veritas*. Все началось, когда я был пьян, и, возможно, если я как следует напьюсь опять, все выяснится. Если нет, продайте мой труп не торгуясь.

- Ладно, - согласилась Пэтси и увела отца. Гэллегер вздохнул, распорядился отправкой Джо в той же карете и погрузился в безнадежное теоретизирование.

Часом позже Гэллегер валялся на тахте в лаборатории, с увлечением манипулировал механическим баром и бросал свирепые взгляды на робота, который скрипуче распевал перед зеркалом. Запой грозил стать основательным. Гэллегер не был уверен, под силу ли такая пьянка простому смертному, но решил держаться, пока не найдет ответа или не свалится без чувств.

Подсознание знало ответ. Прежде всего, на кой черт он сделал Джо? Уж наверняка не для того, чтобы потакать нарциссову комплексу! Где-то в алкогольных дебрях скрывалась другая причина, здравая и логичная.

Фактор х. Если знать этот фактор, можно найти управу на Джо. Тогда робот стал бы послушен: х - это главный выключатель. В настоящее время робот, если можно так выразиться, не объезжен и потому своенравен. Если поручить ему дело, для которого он предназначен, может наступить психологическое равновесие; х - катализатор, х низведет Джо до уровня вменяемости.

Отлично. Гэллегер хлебнул крепчайшего рому. Ух!

Суета сует; всяческая суета. Как найти фактор х? Дедукцией? Индукцией? Осмосом? Купанием в шампанском?.. Гэллегер пытался собраться с мыслями, но те стремительно разбегались. Что же было в тот вечер, неделю назад?

Он пил пиво. Брок пришел. Брок ушел. Гэллегер стал делать робота... Ага. Опьянение от пива отличается от опьянения, вызванного более крепкими напитками. Может быть, он пьет не то, что нужно? Вполне вероятно. Гэллегер встал, принял тиамин, чтобы протрезветь, извлек из кухонного холодильника несколько десятков жестянок с импортным пивом и сложил их столбиками в подоконном холодильнике возле тахты. Он воткнул в одну банку консервный нож, и пиво брызнуло в потолок.

*Истина в вине (лат.).

Фактор х. Робот-то знает, чему равен х. Но Джо ни за что не скажет. Вон он стоит, нелепо прозрачный, разглядывает вертящиеся колесики в своем чреве.

- Джо!

- Не мешай. Я погружен в размышления о прекрасном.

- Ты не прекрасен.

- Нет. Прекрасен. Разве тебя не восхищает мой тарзил?

- А что это такое?

- Ах, я и забыл, - с сожалением ответил Джо. - Твои чувства его не воспринимают, не так ли? Если на то пошло, я встроил тарзил сам, уже после того, как ты меня сделал. Он необычайно красив.

- Угу.

Пустых банок из-под пива скапливалось все больше. В мире осталась только одна фирма - какая-то европейская, - которая по-прежнему продавала пиво в жестянках, а не в вездесущих пластиколбах. Гэллегер предпочитал жестянки: они придают пиву особый вкус. Но вернемся к Джо. Джо знает, для чего создан. Или нет? Сам Гэллегер не знает, но его подсознание...

Стоп! А как насчет подсознания у Джо?

Есть ли у робота подсознание? Ведь если у него есть мозг...

Гэллегер грустно раздумывал о том, что нельзя подействовать на Джо "наркотиком правды". Черт! Как растормозить подсознание робота?

Гипнозом.

Но Джо невозможно загипнотизировать. Он слишком ловок.

Разве что...

Самогипноз?

Гэллегер поспешно долил себя пивом. К нему возвращалась ясность мышления. Предвидит ли Джо будущее? Нет. Его удивительные предчувствия основаны на неумолимой логике и на законах вероятности. Более того, у Джо есть ахиллесова пята - самовлюбленность.

Возможно - не наверняка, но возможно, - выход есть.

Гэллегер сказал:

- Мне ты вовсе не кажешься красавцем, Джо.

- Какое мне дело до тебя. Я действительно красив, и я это вижу. С меня достаточно.

- М-да. Возможно, у меня меньше чувств. Я недооцениваю твоих возможностей. Но все же теперь я вижу тебя в новом свете. Я пьян. Просыпается мое подсознание. Я сужу о тебе и сознанием, и подсознанием. Понятно?

- Тебе повезло, - одобрил робот.

Гэллегер закрыл глаза.

- Ты видишь себя полнее, чем я тебя вижу. Но все-таки не полностью, верно?

- Почему? Я вижу себя таким, каков я на самом деле.

- С полным пониманием и всесторонней оценкой?

- Ну да, - насторожился Джо. - Конечно. А разве нет?

- Сознательно и подсознательно? У твоего подсознания, знаешь ли, могут оказаться другие чувства. Или те же, но более развитые. Я знаю, что, когда я пьян, или под гипнозом, или когда подсознание как-нибудь еще берет во мне верх, мое восприятие мира количественно и качественно отличается от обычного.

- Вот как. - Робот задумчиво поглядел в зеркало. - Вот как.

- Жаль, что тебе не дано напиться.

Голос Джо заскрипел сильнее, чем когда-либо.

- Подсознание... Никогда не оценивал своей красоты с этой точки зрения. Возможно, я что-то теряю.

- Что толку об этом думать, - сказал Гэллегер, - ведь ты же не можешь растормозить подсознание.

- Могу, - заявил робот. - Я могу сам себя загипнотизировать.

Гэллегер боялся дохнуть.

- Да? А подействует ли гипноз?

- Конечно. Займусь-ка этим сейчас же. Мне могут открыться неслыханные достоинства, о которых я раньше и не подозревал. К вящей славе... Ну, поехали.

Джо выпятил глаза на шарнирах, установил их один против другого и углубился в самосозерцание. Надолго воцарилась тишина.

Но вот Гэллегер окликнул:

- Джо!

Молчание.

- Джо!

Опять молчание. Где-то залаяли собаки.

- Говори так, чтобы я мог тебя слышать.

- Есть, - откликнулся робот; голос его скрипел, как обычно, но доносился словно из другого мира.

- Ты под гипнозом?

- Да.

- Ты красив?

- Красив, как мне и не мечталось.

Гэллегер не стал спорить.

- Властвует ли в тебе подсознание?

- Да.

- Зачем я тебя создал?

Никакого ответа. Гэллегер облизал пересохшие губы и сделал еще одну попытку:

- Джо! Ты должен ответить. В тебе преобладает подсознание, - помнишь, ты ведь сам сказал? Так вот, зачем я тебя создал?

Никакого ответа.

- Припомни. Вернись к тому числу, когда я начал тебя создавать. Что тогда происходило?

- Ты пил пиво, - тихо заговорил Джо. - Плохо работал консервный нож. Ты сказал, что сам смастеришь консервный нож, побольше и получше. Это я и есть.

Гэллегер чуть не свалился с тахты.

- Что?

Робот подошел к нему, взял банку с пивом и вскрыл с неимоверной ловкостью.

Пиво не пролилось. Джо был идеальным консервным ножом.

- Вот что получается, когда играешь с наукой в жмурки, - вполголоса подытожил Гэллегер. - Сделать сложнейшего в мире робота только для того, чтобы... - Он не договорил.

Джо вздрогнул и очнулся.

- Что случилось? - спросил он.

Гэллегер сверкнул на него глазами.

- Открой вон ту банку! - приказал он.

Чуть помедлив, робот подчинился.

- Ага. Вы, значит, догадались. В таком случае я попал в рабство.

- Ты прав, как никогда. Я обнаружил катализатор - главный выключатель. Попался ты, дурень, как миленький, будешь теперь делать ту работу, для какой годен.

- Ну, что ж, - стоически ответил робот, - по крайней мере буду любоваться своей красотой в свободное время, когда вам не понадобятся мои услуги.

Гэллегер проворчал:

- Слушай, ты, консервный нож - переросток! Предположим, я отведу тебя в суд и велю загипнотизировать судью Хэнсена. Тебе ведь придется так и сделать, правда?

- Да. Я потерял свободу воли. Я ведь запрограммирован на повиновение вам. До сих пор я был запрограммирован на выполнение единственной команды - на открывание банок с пивом. Пока мне никто не приказывал открывать банок, я был свободен. А теперь я должен повиноваться вам во всем.

- Угу, - буркнул Гэллегер. - Слава богу. Иначе я бы через неделю свихнулся. Теперь по крайней мере избавлюсь от контракта с "Сонатоном". Останется только решить проблему Брока.

- Но вы ведь уже решили, - вставил Джо.

- Чего?

- Когда сделали меня. Перед тем вы беседовали с Броком, вот и вложили в меня решение его проблемы. Наверное, подсознательно.

Гэллегер потянулся за пивом.

- Ну-ка, выкладывай. Каков же ответ?

- Инфразвук, - доложил Джо. - Вы наделили меня способностью издавать инфразвуковой сигнал определенного тона, а Брок в ходе своих телепередач должен транслировать его через неравные промежутки времени...

Инфразвуки не слышны. Но они ощущаются. Сначала чувствуешь легкое необъяснимое беспокойство, потом оно нарастает и переходит в панический страх. Это длится недолго. Но в сочетании с ЭМП - эффектом массового присутствия - дает превосходные результаты.

Те, у кого телефизор "Вокс-вью" стоял дома, почти ничего не заметили. Все дело было в акустике. Визжали коты; траурно выли собаки. Семьи же, сидя в гостиных у телевизоров, считали, что все идет как полагается. Ничего удивительного - усиление было ничтожным.

Другое дело - контрабандный театр, где на нелегальных телевизорах "Вокс-вью" стояли увеличители "Магна"...

Сначала появлялось легкое, необъяснимое беспокойство. Оно нарастало. Люди устремились к дверям. Публика чего-то пугалась, но не знала, чего именно. Знала только, что пора уносить ноги.

Когда во время очередной телепередачи "Вокс-вью" впервые воспользовался инфразвуковым свистком, по всей стране началось паническое бегство из контрабандных театров. О причине никто не подозревал, кроме Гэллегера, Брока с дочерью и двух-трех техников, посвященных в тайну.

Через час инфразвуковой сигнал повторился. Поднялась вторая волна паники, люди опять бежали из зала.

Через несколько недель ничем нельзя было заманить зрителя в контрабандный театр. Куда спокойнее смотреть телевизор у себя дома! Резко повысился спрос на телевизоры производства "Вокс-вью".Контрабандные театры перестали посещать. У эксперимента оказался и другой, неожиданный результат: немного погодя все перестали посещать и легальные театры "Сонатона". Закрепился условный рефлекс. Публика не знала, отчего, сидя в контрабандных театрах, все поддаются панике.

Слепой, нерассуждающий страх люди объясняли всевозможными причинами, в частности большими скоплениями народа и боязнью замкнутого пространства. В один прекрасный вечер некая Джейн Уилсон, особа ничем не примечательная, сидела в контрабандном театре. Когда

был подан инфразвуковой сигнал, она бежала вместе со всеми.

На другой вечер Джейн отправилась в великолепный "Сонатон-Бижу".

Посреди драматического спектакля она поглядела по сторонам, увидела, что ее окружает бесчисленная толпа, перевела полные ужаса глаза на потолок и вообразила, будто он сейчас рухнет. Джейн захотела немедленно, во что бы то ни стало выйти!

Ее пронзительный крик вызвал небывалую панику.

В зале присутствовали и другие зрители, которым довелось послушать инфразвук.

Во время паники никто не пострадал: в соответствии с законом о противопожарной безопасности двери театра были достаточно широки. Никто не пострадал, но всем вдруг стало ясно, что у публики создан новый рефлекс - избегать толп в сочетании со зрелищами. Простейшая психологическая ассоциация...

Четыре месяца спустя контрабандные театры исчезли, а супертеатры "Сонатона" закрылись из-за низкой посещаемости. Отец и сын Тоны не радовались. Зато радовались все, кто был связан с "Вокс-вью".

Кроме Гэллегера. Он получил у Брока головокружительный чек и тут же по телефону заказал в Европе неимоверное количество пива в жестянках. И вот он хандрил на тахте в лаборатории и прополаскивал горло виски с содовой.

Джо, как всегда, разглядывал в зеркале крутящиеся колесики.

- Джо, - позвал Гэллегер.

- Да? Чем могу служить?

- Да ничем. В том-то и беда. - Гэллегер выудил из кармана и перечитал скомканную телеграмму. Пивоваренная промышленность Европы решила сменить тактику. Отныне, говорилось в телеграмме, пиво будет выпускаться в стандартных пластиколбах в соответствии со спросом и обычаем. Конец жестянкам.

В эти дни, в этот век ничего не упаковывают в жестянки. Даже пиво.

Какая же польза от робота, предназначенного и запрограммированного для открывания жестянок?

Гэллегер со вздохом смешал с содовой еще одну порцию виски - на этот раз побольше. Джо гордо позировал перед зеркалом.

Внезапно он выпятил глаза, устремил их один в другой и быстро растормозил свое подсознание при помощи

самогипноза. Таким образом Джо мог лучше оценить собственные достоинства.

Гэллегер снова вздохнул.

В окрестных кварталах залаяли собаки. Ну, да ладно.

Он выпил еще и повеселел.

Скоро, подумал он, запою "Фрэнки и Джонни". А что, если они с Джо составят дуэт - один баритон, одно неслышное ультразвуковое или инфразвуковое сопровождение? Будет полная гармония.

Через десять минут Гэллегср уже пел дуэт со своим консервным ножом.

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Эта история закончилась вот так. Джеймс Келвин сосредоточил все мысли на рыжеусом химике, который пообещал ему миллион долларов. Для этого просто-напросто следовало настроить свой мозг на волну мозга того ученого и поймать нужный сигнал. Недавно Келвин уже такое проделал. Однако сейчас, когда он собирался установить этот контакт в последний раз, добиться успеха было во сто крат важней, чем прежде. Он нажал на кнопку устройства, которое дал ему робот, и напряженно задумался.

На невообразимо огромном от себя расстоянии Келвин уловил сигнал.

Он принял его.

И тот унес его вдаль...

Рыжеусый мужчина поднял на него взгляд, ахнул и радостно улыбнулся.

- Наконец-то вы явились! - воскликнул он. - А я и не слышал, как вы вошли. Черт побери, я ведь разыскиваю вас уже две недели.

- Скажите мне ваше имя, да побыстрее, - выпалил Келвин.

- Джордж Бейли. Кстати, а вас как зовут?

Но Келвин не ответил. Он вдруг вспомнил кое-что еще из того, что говорил ему робот об этом устройстве, с помощью которого, нажимая на кнопку, он устанавливал раппорт. Келвин тут же нажал на нее - и ничего не произошло. Устройство бездействовало. Видимо, свою задачу оно выполнило, а это означало, что он обретет наконец здоровье, славу и богатство. Робот же предупредил его, что это устройство запрограммировано на выполнение одного-единственного задания. Как только Келвин получит желаемое, оно перестанет функционировать.

И Келвин получил свой миллион долларов.

А потом жил счастливо, не ведая ни горя, ни забот...

Вот вам середина этой истории.

Когда он откинул холщовый занавес, какой-то предмет - кажется, небрежно повешенная веревка - мазнул его по лицу, сбив набок очки в роговой оправе. В тот же миг ослепительный голубоватый свет ударил ему в незащищенные глаза.

Он почувствовал, что теряет ориентацию и все внутри и вне его как-то странно сместилось, но это ощущение почти сразу же прошло.

Предметы стали на свои места. Он отпустил занавес, который свободно повис, и на нем снова можно было прочесть выведенную масляной краской надпись: "Гороскопы. Загляните в свое будущее". А сам он оказался лицом к лицу с удивительнейшим хиромантом.

Это был... О, да ведь такое невозможно!

- Вы - Джеймс Келвин, - ровным голосом отчеканил робот. - Вы репортер. Вам тридцать лет, вы холосты, а в Лос-Анджелес приехали сегодня из Чикаго, следуя совету своего врача. Правильно?

Изумленный Келвин чертыхнулся, поправил на переносице очки и попытался вспомнить некогда написанное им expose* о шарлатанах. Есть же какой-то простой способ, которым они пользуются, творя подобные "чудеса".

Робот бесстрастно взирал на него своими фасеточными глазами.

- Прочтя ваши мысли, - педантично продолжал он, - я понял, что год сейчас 1949-й. Мне придется несколько изменить свои планы. Дело в том, что в мои намерения входило прибыть в год 1970-й. Я попрошу вас помочь мне.

Келвин сунул руки в карманы и осклабился.

- Разумеется, деньгами, так? - сказал он. - На минуту вам удалось задурить мне голову. Кстати, как вы это проделываете?

- Я не машина и не оптический обман, - заверил его робот. - Я живой организм, созданный искусственным путем в далеком будущем вашей цивилизации.

- А я не такой уж лопух, как вам кажется, - любезно заметил Келвин. - Я зашел сюда, чтобы...

- Вы потеряли квитанцию на свой багаж, - сказал робот. - А пока размышляли над тем, как быть дальше, немного приложились к спиртному и ровно... ровно в восемь тридцать пять вечера сели в автобус, направлявшийся в Уилшайр.

* Expose (фр.) - разоблачение, разоблачительная статья. (Примеч. пер.)

- Чтение мыслей оставьте при себе, - сказал Келвин. - И не пытайтесь убедить меня в том, что свой притон с этакой вывеской вы содержите с незапамятных времен. За вас давно уже взялись фараоны. Если, конечно, вы настоящий робот. Ха, ха!

- Этот притон, - сказал робот, - я содержу примерно минут пять. Мой предшественник в бессознательном состоянии лежит в углу, вон за тем шкафом. Ваш приход сюда - случайное совпадение.

Он на миг умолк, и у Келвина создалось странное впечатление, будто робот вглядывается в него, словно желая убедиться, удачно ли он пока справляется с изложением своей истории.

- Я тоже появился здесь совершенно случайно, - продолжал робот. - По ряду причин теперь требуется внести кое-какие изменения в мою аппаратуру. Придется заменить некоторые детали. А для этого, как я понял, прочтя ваши мысли, мне необходимо приноровиться к вашей весьма необычной экономической системе, основанной на товарообмене. Словом, мне нужны так называемые монеты либо свидетельство о наличии у меня золота или серебра. Вот почему я на время стал хиромантом.

- Как же, как же, - сказал Келвин. - А почему бы вам попросту не заняться грабежом? Если вы робот, совершить ограбление века для вас, что раз плюнуть: крутанете какой-нибудь там диск - и дело в шляпе.

- Это привлекло бы ко мне внимание, а для меня превыше всего полная секретность. Честно вам признаюсь, я... - робот порылся в мозгу Келвина, отыскивая нужное выражение, и закончил фразу: - Я в бегах. В мою эпоху наложен строгий запрет на перемещения во времени; даже случайность не служит оправданием. Такие перемещения осуществляют только по особому заданию правительства.

"А ведь он загибает", - подумал Келвин, но так и не сумел определить, какая именно неувязка навела его на эту мысль. Прищурившись, он вгляделся в робота, вид которого отнюдь не развеял его сомнений.

- Какие вам нужны доказательства? - спросило стоявшее перед ним существо. - Ведь стоило вам войти, и я сразу прочел ваши мысли, не правда ли? Вы не могли не почувствовать, что на секунду утратили память, когда я изъял из вашего мозга всю информацию, а потом тут же вернул ее на место.

- Так вот что тогда произошло, - промолвил Келвин. Он осторожно сделал шаг назад: - Пожалуй, мне пора.

- Погодите! - скомандовал робот. - Я вижу, вы теряете ко мне доверие. Вы явно сожалеете, что посоветовали мне заняться грабежом. Боитесь, что я претворю эту идею в

жизнь. Позвольте вас разубедить. Мне действительно ничего не стоит отнять у вас ваши деньги, а потом, чтобы замести следы, вас убить. Но мне запрещено убивать людей. Остается одно - приспособиться к вашей системе товарообмена. Исходя из этого, я могу предложить вам что-нибудь достаточно ценное в обмен на небольшое количество золота. Дайте подумать. - Взгляд фасеточных глаз обежал палатку, на миг впился в Келвина. - К примеру, возьмем гороскоп. Считается, что он обеспечивает человеку здоровье, славу и богатство. Однако я не астролог, и в моем распоряжении всего лишь разумный научно обоснованный метод, с помощью которого вы могли бы достичь тех же результатов.

- Угу, - скептическим тоном произнес Келвин. - И сколько вы с меня сдерете? Между прочим, почему бы вам самому не воспользоваться этим методом?

- Я стремлюсь к иной цели, - туманно ответил робот. - Вот, возьмите.

Раздался щелчок. На груди робота откинулась створка. Из скрывавшейся за ней ниши он извлек небольшую плоскую коробочку и вручил ее Келвину, и, когда этот кусок холодного металла оказался у него на ладони, он машинально сомкнул пальцы.

- Осторожнее! Не нажимайте на кнопку, пока...

Но Келвин нажал...

И вдруг словно бы оказался за рулем некоей воображаемой машины, которая вышла из-под контроля, и кто-то чужой расположился у него в голове. Локомотив-шизофреник, окончательно свихнувшись, неудержимо несся по рельсам, а рука Келвина, вцепившись в дроссель, ни на секунду не могла умерить скорость этого взбесившегося механизма. И штурвал его мозга сломался.

За него уже думал кто-то другой!

Существо не человеческое в полном смысле слова. Вероятно, не совсем здоровое психически, если исходить из представлений Келвина о норме. Но более чем в здравом уме по его собственным стандартам. Достаточно высокоразвитое интеллектуально, чтобы еще в детстве понять и усвоить самые сложные принципы неевклидовой геометрии.

Из взаимодействия ощущений в мозгу Келвина синтезировался своего рода язык, причем язык усовершенствованный. Одна его часть была рассчитана на слуховое восприятие, другая состояла из образов, и еще в него входили запахи, вкусовые и осязательные ощущения - порой знакомые, а иногда с совершенно чуждым оттенком. И в языке этом царил хаос.

Вот, например...

"В этом сезоне развелось слишком много Больших Ящериц... однако у ручных треварсов такие же глаза вовсе

не на Каллисто... скоро отпуск... лучше галактический... солнечная система стимулирует клаустрофобию... скоростну завтра, если квадратный корник и воскользящая тройка..."

Но то был всего лишь словесный символизм. При субъективном восприятии этот язык был намного сложней и внушал ужас. К счастью, пальцы Келвина, повинуясь рефлексу, почти мгновенно отпустили кнопку, а сам он вновь оказался в палатке. Его била мелкая дрожь.

Теперь он перепугался не на шутку.

Робот произнес:

- Вам не следовало устанавливать раппорт, пока я вас не проинструктирую. Теперь вам грозит опасность. Постойте-ка. - Его глаза изменили цвет. - Да... точно... Это Тарн. Берегитесь Тарна.

- Я не желаю с этим связываться, - быстро сказал Келвин. - Возьмите свою коробочку назад.

- Тогда ничто не защитит вас от Тарна. Оставьте это устройство себе. Оно, как я обещал, обеспечит вам здоровье, славу и богатство с большей гарантией, чем... какой-нибудь там гороскоп.

- Нет уж, благодарю. Не знаю, как вам удалось проделать такой фокус, - может, с помощью инфразвука... но я не...

- Не спешите, - сказал робот. - Нажав на эту кнопку, вы мгновенно проникли в сознание одного человека, который живет в очень далеком будущем, и возникла межвременная связь. Эту связь вы можете восстановить в любое время, стоит только нажать на кнопку.

- Избави бог, - произнес Келвин, все еще слегка потея.

- Вы только подумайте, какие это сулит возможности... Попробуйте представить, что какой-нибудь троглодит из далекого прошлого получил бы доступ к вашему сознанию. Да он смог бы удовлетворить все свои желания.

У Келвина почему-то возникло убеждение, что очень важно выдвинуть против доводов робота какое-нибудь логически обоснованное опровержение. Подобно Святому Антонию - или то был Лютер? - словом, подобно тому из них, что ввязался в спор с дьяволом, Келвин, преодолевая головокружение, попытался собрать разбегающиеся мысли.

Голова у него разболелась пуще прежнего, и он заподозрил, что перебрал спиртного. И только промямлил:

- А как смог бы троглодит понять мои мысли? Ведь без соответствующей подготовки и моего образования ему не удалось бы использовать полученную информацию в своих интересах.

- Вам в голову когда-нибудь вдруг приходили идеи, явно лишенные всякой логики? Словно кто-то извне

заставляет вас думать о каких-то неведомых вещах, что-то вычислять, решать чуждые вам проблемы? Так вот, тот человек из будущего, на котором сфокусировано мое устройство, - он не знает, что между ним и вами, Келвин, теперь установлена связь. Но он очень чувствителен и живо реагирует, если его к чему-нибудь принуждают. Вам нужно только мысленно сосредоточиться на той или иной проблеме, а затем нажать на кнопку. И тот человек решит вашу проблему, каким бы нелогичным ни было это решение, с его точки зрения. А вы тем временем прочтете его мысли. Вы сами потом разберетесь, как пользоваться этим устройством. Возможности его не безграничны - это вы тоже поймете. Но оно обеспечит вам здоровье, богатство и славу.

- Если б ваше устройство работало так на самом деле, оно б обеспечило мне все что угодно, я стал бы всемогущим. Поэтому-то я отказываюсь его купить!

- Я же сказал, что его возможности ограниченны. Как только вы успешно достигнете цели - обретете здоровье, славу и богатство, оно перестанет функционировать. Но до того, как это произойдет, вы сможете пользоваться им для решения всех своих проблем, потихоньку выуживая нужную информацию из сознания человека будущего с более высоким интеллектом. Но учтите, что крайне важно сосредоточить свои мысли на той или иной проблеме **перед тем**, как вы нажмете на кнопку. Иначе за вами увяжется кое-кто почище Тарна.

- Тарна? А кто...

- Мне думается, это... это андроид, - произнес робот, устремив взгляд в пространство. - Человеческое существо, созданное искусственным путем... Однако пора заняться моей собственной проблемой. Мне нужно небольшое количество золота.

- Так вот где собака зарыта, - проговорил Келвин, почувствовав странное облегчение. - Нет у меня никакого золота.

- А ваши часы?

Келвин резким движением поднял руку, из-под рукава пиджака показались часы.

- Ну нет. Эти часы стоят очень дорого.

- Мне нужна только позолота, - сказал робот и стрельнул из глаза бурого цвета лучом. - Благодарю вас.

Металлический корпус часов стал тускло-серым.

- Эй, вы! - вскричал Келвин.

- Если вы воспользуетесь этим устройством, предназначенным для установления контакта с человеком из будущего, вам обеспечены здоровье, слава и деньги, - быстро произнес робот. - Вы будете счастливы, насколько может быть счастлив человек этой эпохи. С помощью моего устройства вы решите все свои

проблемы... включая ваши отношения с Тарном. Минуточку.

Существо попятилось и исчезло за висевшим в палатке азиатским ковром, которому никогда не пришлось побывать восточнее Пеории*.

Стало тихо.

Келвин перевел взгляд со своих облинявших часов на загадочный плоский предмет, лежавший у него на ладони. Размером он был примерно в четыре квадратных дюйма (два на два) и не толще изящной дамской сумочки, а на одной из его боковых сторон находилось углубление с утопленной в нем кнопкой.

Он опустил этот предмет в карман и, сделав два шага вперед, заглянул за псевдоазиатский ковер, но ничего не обнаружил, кроме пустого пространства и хлопающих на ветру краев разреза в холщовой стенке палатки. Судя по всему, робот улизнул. Келвин выглянул через прорезь. Снаружи на ярко освещенной пристани Приморского парка шумела толпа гуляющих, а за пристанью, вся в серебристых искорках, колыхалась черная поверхность Тихого океана, простираясь вдаль, где за невидимым сейчас изгибом прибрежных скал мерцали огоньки Малибу.

Келвин вернулся на середину палатки и огляделся. За украшенным резьбой шкафом, на который ему несколько минут назад указал робот, спал крепким сном какой-то толстяк в костюме свами**.

Он был мертвецки пьян.

Не зная, чем еще заняться, Келвин снова чертыхнулся. Но вдруг обнаружил, что думает о ком-то по имени Тарн, который был андроидом.

Хиромантия... перемещение во времени... межвременная связь... Нет, этого быть не может! Защитное неверие словно одело его сознание в непроницаемую броню. Такого робота, с которым он только что разговаривал, создать невозможно.

Уж это Келвин знал точно. Это не прошло бы мимо его ушей... Он же репортер, верно?

Разумеется.

Затосковав по шуму и людской суете, он отправился в тир и сбил несколько уток.

Плоская коробочка жгла ему карман. Матово-серый металлический корпус его часов жег память. Воспоминание о том, как ему сперва опустошили мозг, а затем изъятую информацию вернули на место, огнем пылало в сознании.

---

* Пеория - небольшой город в штате Иллинойс (США). (Примеч. пер.)
** Свами - ученый индус, брамин. (Примеч. пер.)

Вскоре выпитое в баре виски обожгло ему желудок.

Он покинул Чикаго из-за назойливого рецидивирующего синусита. Самого что ни на есть обыкновенного синусита. А вовсе не потому, что страдал галлюцинаторной шизофренией, не под влиянием исходящих из стен голосов, которые его за что-то укоряли. Не потому, что ему мерещились летучие мыши и роботы. То существо не было роботом. У всего этого есть какое-то наипростейшее объяснение. О, несомненно.

Здоровье, слава и богатство. И если...

"Т А Р Н"!

Эта мысль молнией пронзила его мозг.

А за ней сразу же последовала другая: "Я схожу с ума!"

Ему в уши забормотал чей-то голос, настойчиво повторяя одно лишь слово: "Тарн... Тарн... Тарн... Тарн..."

Но голос рассудка полностью заглушил это бормотание.

Келвин тихой скороговоркой произнес:

- Я - Джеймс Келвин. Я репортер, пишу статьи на оригинальные темы, собираю и обрабатываю информацию. Мне тридцать лет, я не женат. Сегодня я приехал в Лос-Анджелес и потерял квитанцию на свой багаж. Я... я собираюсь еще немного выпить чего покрепче и потом снять номер в каком-нибудь отеле. Как бы там ни было, а здешний климат, кажется, уже немного подлечил мой синусит.

"Т А Р Н", - приглушенной барабанной дробью прозвучало почти за порогом его сознания. "Т А Р Н, Т А Р Н".

"Тарн".

Он заказал еще выпивку и полез в карман за мелочью. Его рука коснулась металлической коробочки. И он тут же почувствовал, как что-то слегка сдавило ему плечо.

Он инстинктивно оглянулся.

Его плечо сжимала семипалая паукообразная рука... без единого волоска и без ногтей... белая и гладкая, как слоновая кость.

Единственной, но всепоглощающей потребностью Келвина стало страстное желание до предела увеличить расстояние между собой и обладателем этой омерзительной руки.

Но как это сделать?

Он смутно сознавал, что стискивает пальцами лежащую у него в кармане плоскую коробочку, как будто бы в ней - его единственное спасение. А в мозгу билась лишь одна мысль: "Я должен отсюда бежать". И он нажал на кнопку.

Чудовищные, невыносимо чуждые мысли того существа из будущего, бешено закрутив его, вовлекли в свое течение. Не прошло и секунды, как могучий отточенный ум блестящего эрудита из невообразимо далекого буду-

щего столь необычным способом был принужден решить эту внезапно возникшую у него в мозгу проблему.

Келвин получил сведения сразу о трех способах транспортировки. От двух, как неприемлемых, он отказался: авиамотокресло человечеству, видимо, еще только предстояло изобрести, а квирление, для которого требовался сенсорный шлем с антенной, вообще оказалось выше его понимания. Но третий способ...

Суть его уже начала стираться из памяти. А та рука продолжала сжимать ему плечо. Келвин мысленно ухватился за полученную информацию, которая грозила бесследно исчезнуть, и отчаянным усилием воли заставил свое сознание и тело двинуться по тому неправдоподобному пути, который подсказало ему воображение человека из будущего.

И он, обдуваемый холодным ветром, очутился на улице, по-прежнему в сидячей позе, а между его спиной и тротуаром была пустота.

Он шлепнулся на землю.

Прохожие на углу Голливудского бульвара и Кауэнги не очень удивились, узрев сидевшего на краю тротуара смуглого худощавого мужчину. Из всех только одна женщина заметила, каким образом здесь появился Келвин, да и то полностью осознала это, когда уже была далеко.

Она сразу же поспешила домой.

С хохотом, в котором звучали истерические нотки, Келвин поднялся на ноги.

- Телепортация, - проговорил он. - И как мне удалось это проделать? Забыл... Трудновато вспомнить, когда все позади, верно? Придется снова таскать с собой записную книжку. - И чуть погодя: - А как же Тарн?

Он в страхе огляделся. Уверенность в том, что ему нечего бояться, он обрел лишь по истечении получаса, за которые больше не произошло ни одного чуда. Келвин, бдительно ко всему присматриваясь, прошелся по бульвару. Тарна нигде не было.

Он случайно сунул руку в карман и коснулся холодного металла коробочки. Здоровье, слава и богатство. Так он мог бы...

Но он не нажал на кнопку. Слишком уж свежо было воспоминание о потрясшем его и таком чуждом человеческому естеству ощущении полной дезориентации. Иная плоскость мышления, колоссальный объем знаний и навыки существа из далекого будущего действовали подавляюще. Он как-нибудь снова прибегнет к помощи этой коробочки - о да, непременно. Но незачем спешить. Сперва нужно продумать кое-какие стороны этого вопроса.

От его скептицизма не осталось и следа.

Тарн появился на следующий вечер. Репортер так и не нашел квитанций на свой багаж, и ему пришлось удовольствоваться двумя сотнями долларов, которые оказались в его бумажнике. Заплатив вперед, он снял номер в средней руки отеле и принялся обдумывать, как выкачать побольше пользы из этой скважины в будущее. Он принял разумное решение вести свой обычный образ жизни, пока не подвернется что-нибудь, заслуживающее внимания. В любом случае ему не мешает наладить связь с прессой. Он копнул "Таймс", "Икземинер", "Ньюс" и ряд других периодических изданий. Но дела такого рода требуют времени - репортеры быстро добиваются успеха только в кинофильмах.

В тот вечер, когда его посетил незваный гость, Келвин находился у себя в номере.

И разумеется, этим гостем был Тарн.

На нем был огромный белый тюрбан, примерно вдвое больше его головы. У него были щегольские черные усы с опущенными вниз концами, как у китайского мандарина или сома. И он в упор глядел на Келвина из зеркала в ванной комнате.

Келвин колебался, нужно ли ему побриться перед тем, как выйти куда-нибудь пообедать. Он в раздумье потирал подбородок, когда перед ним возник Тарн, и факт его появления дошел до сознания Келвина со значительным опозданием, потому что ему вначале показалось, что это у него самого вдруг непонятным образом выросли длинные усы. Он потрогал кожу над верхней губой. Никакой растительности. Но черные волоски в зеркальце затрепетали, когда Тарн приблизил лицо к поверхности стекла.

Это настолько потрясло Келвина, что у него из головы вылетели все мысли. Он быстро попятился и уперся ногами в край ванны, что мгновенно отвлекло его и вернуло способность мыслить - к счастъю для его психики. Когда он снова посмотрел в сторону зеркала, висевшего над раковиной умывальника, он увидел в нем только отражение своего испуганного лица. Однако через две-три секунды вокруг его головы начало проявляться облачко белого тюрбана и штрихами наметились усы китайского мандарина.

Келвин прикрыл рукой глаза и быстро отвернулся. Секунд через пятнадцать он немного раздвинул пальцы, чтобы сквозь щелку украдкой взглянуть на зеркало. Ладонь он с силой прижал к верхней губе в отчаянной надежде воспрепятствовать этим внезапному росту усов. Некто, тоже украдкой посматривавший на него из зеркала, вроде бы походил на него. Во всяком случае, тот, другой, был без тюрбана и в таких же, как у него, очках. Келвин отважился на миг убрать с лица руку, но тут же шлепком

вернул ее на место - и как раз вовремя, - чтобы помешать физиономии Тарна вновь возникнуть в зеркале.

По-прежнему прикрывая лицо, он нетвердой походкой прошел в спальню и вынул из кармана пиджака плоскую коробочку. Но он не нажал на кнопку, ибо вновь возникла бы связь между мозговыми клетками двух человек из разных эпох с несовместимым образом мышления. Он понял, что внутренне противится этому. Мысль о проникновении в столь чуждое ему сознание почему-то пугала его больше, чем то, что с ним сейчас происходило.

Он стоял перед письменным столом, а из зеркала в щель между отраженными в нем пальцами на него смотрел один глаз. У глаза, глядящего сквозь поблескивающее стекло очков, было безумное выражение, но Келвину показалось, что все-таки это его глаз. В порядке эксперимента он убрал с лица руку...

Зеркало над столом показало Тарна почти во весь рост. Келвин предпочел бы обойтись без этого. На ногах у Тарна были высокие, до колен, белые сапожки из какого-то блестящего пластика, а между ними и тюрбаном одежда отсутствовала, если не считать клочка такого же блестящего пластика в виде набедренной повязки. Тарн был очень худ, но, видно, шустрый малый. Достаточно шустрый, чтобы запросто выпрыгнуть из зеркала в номер отеля. Кожа у него была белее тюрбана, на каждой руке - по семь пальцев. Все сходилось.

Келвин стремительно отвернулся, но Тарн был находчив. Поверхности темного оконного стекла вполне хватило, чтобы отразить тощую фигуру в набедренной повязке. Оказалось, что ступни у Тарна босые и их строение еще дальше от нормы, чем его руки. А с полированного медного основания лампы на Келвина смотрело маленькое искаженное отражение лица, отнюдь не его собственного.

"Чудненько, - с горечью подумал он. - Куда ни сунешься, а он уж тут как тут. Чего хорошего ждать от этого устройства, если Тарн собирается посещать меня ежедневно? Впрочем, может, я просто-напросто свихнулся. Надеюсь, что так оно и есть".

Возникла острая необходимость что-то предпринять, иначе Келвину было уготовано прожить жизнь с закрытым руками лицом. Но самое ужасное - он не мог отделаться от ощущения, будто облик Тарна ему знаком. Келвин отверг не меньше дюжины предположений, начиная с перевоплощения и кончая феноменом deja vu*, однако...

---

* Феномен deja vu (фр.) - иногда возникающее у человека ощущение, будто он уже когда-то видел какой-то предмет, местность, интерьер и т.п. (Примеч. пер.)

Он незаметно посмотрел в просвет между руками - и вовремя: Тарн поднял какой-то предмет цилиндрической формы и навел на него, точно это был револьвер. Этот жест Тарна заставил Келвина принять решение. Он должен что-то сделать, да побыстрее. И, сосредоточившись на мысли: "Я хочу выбраться из этого помещения", он нажал на кнопку плоской коробочки.

Начисто забытый им метод телепортации мгновенно прояснился в его сознании до малейших подробностей. Однако другие особенности того чужеродного мышления он воспринял сейчас более спокойно. Например, запахи - ведь тот, из будущего, думал - они как бы дополняли... словами не выразишь, что именно... некое поразительное звуко-зрительное мышление, которое вызвало у Келвина сильное головокружение. Но оно не помешало ему узнать, что кто-то по имени Три Миллиона Девяносто Совершенств написал свой новый плоскостник. И еще было ощущение, будто он лижет двадцатичетырехдолларовую марку и наклеивает ее на почтовую открытку.

Но что самое важное - человек из будущего был (или будет?) вынужден подумать о методе телепортации, и, как только Келвин вернулся в свое время и стал мыслить самостоятельно, он тут же им воспользовался...

Он падал.

Ледяная вода встретила его враждебно. Каким-то чудом он не выпустил из пальцев плоской коробочки. Перед его глазами в ночном небе закружились звезды, сливаясь с серебристым отблеском лунного света на фосфоресцирующей поверхности моря. А морская вода жгучей струей хлынула в ноздри.

Келвин не умел плавать.

Когда он, пытаясь крикнуть и вместо этого пуская пузыри, в последний раз пошел ко дну, он буквально ухватился за соломинку: его палец снова нажал на кнопку.

Пузырьки воздуха плыли вверх мимо его лица. Келвин их не видел, только ощущал. И со всех сторон его окружала эта алчная, страшная масса холодной соленой воды...

Но он уже познал некий метод и понял механизм его действия. Мысли его заработали в том направлении, которое указал человек из будущего. Его мозг испустил какое-то излучение - для его определения более всего подошло бы слово "радиация", - и оно удивительным образом воздействовало на его легочную ткань. Кровяные клетки приспособились к окружающей среде...

Он дышал водой - она больше не душила его.

Но Келвин знал также, что эта вызванная чрезвычайными обстоятельствами адаптация продлится недол-

го. Оставалось одно - снова прибегнуть к телепортации. Теперь-то он должен вспомнить, как это делается. Ведь, удирая от Тарна, он воспользовался этим методом всего несколько минут назад.

Но он не вспомнил. Информация бесследно исчезла из его памяти. Единственный выход - снова нажать на кнопку, и Келвин крайне неохотно подчинился этой необходимости.

Промокший до нитки, он стоял на какой-то незнакомой улице. И хотя он не знал этой улицы, по всей видимости, она была на его планете и время соответствовало тому, в котором он жил. К счастью, судя по всему, телепортация имела свои границы. Дул холодный ветер. Келвин стоял в быстро увеличивающейся вокруг его ног луже. Он огляделся по сторонам.

Тут он увидел на улице вывеску, приглашавшую посетить турецкие бани, и пошлепал в том направлении. Размышлял он в основном на отвлеченные темы...

Выходит, его занесло в Нью-Орлеан. Надо же! И, не теряя времени, он здорово надрался в этом Нью-Орлеане. Его мысли разбегались кругами, а виски действовало, как универсальный бальзам, как идеальный тормоз. Необходимо подчинить их своей власти. Ведь он обладает почти сверхъестественным могуществом и хочет получить от этого реальную пользу, пока ему вновь не помешает какое-нибудь неожиданное событие. Тарн...

Келвин сидел в номере отеля и потягивал виски. Надо бы подсобраться с мыслями!

Он чихнул.

Беда в том, конечно, что очень уж мало общего между его мышлением и мышлением того человека из будущего. Да и на связь с ним он выходил только тогда, когда его припирало к стенке. А это все равно, что получать доступ к рукописям Александрийской библиотеки на пять секунд в день. За пять секунд и начать-то перевод не успеешь.

Здоровье, слава и богатство. Он снова чихнул. Робот все наврал. Его здоровье явно ухудшилось. Кстати, а что такое этот робот? Откуда он взялся? Если принять на веру его слова, он вроде как свалился в эту эпоху из будущего, но ведь роботы отъявленные лгуны. Ох, подсобраться бы с мыслями.

Видно, будущее населено существами немногим симпатичнее героев фильмов о Франкенштейне*. Всякими

* Франкенштейн - герой философско-фантастического романа английской писательницы Мэри Шелли (1797-1851) "Франкенштейн, или Современный Прометей", искусственным путем создавший человеческое существо, злодеяния которого впоследствии стали темой многих "фильмов ужасов". (Примеч. пер.)

там андроидами, роботами и так называемыми людьми, которые мыслят настолько по-иному, что оторопь берет... А п ч х и! Еще добрый глоток виски.

Робот сказал, что коробочка перестанет функционировать, когда Келвин обретет здоровье, славу и богатство. А что, если п о с л е т о г о, как он успешно достигнет столь завидной цели и обнаружит, что кнопка бездействует, вновь объявится Тарн? Нет, лучше не думать. Надо еще выпить.

В трезвом состоянии немыслимо решить вопрос, столь же безумный, как бред при белой горячке, хотя Келвин и понимал, что научные открытия, с которыми он столкнулся, вполне можно сделать. Но не сегодня и не в этом веке. А п ч х и!

Вся штука в том, чтобы суметь правильно сформулировать вопрос и использовать для его решения коробочку в такое время, когда ты не тонешь в морской пучине и тебе не угрожает усатый андроид с семипалыми руками и зловещим, похожим на жезл, оружием. Итак, продумаем вопрос.

Но до чего отвратительное мышление у того человека из будущего.

И тут Келвин в каком-то алкогольном просветлении вдруг осознал, как глубоко он погрузился в этот едва просматривающийся затененный мир будущего.

Он не мог представить себе его модель полностью, но почему-то воспринимал этот мир эмоционально. Неведомо откуда, но он знал, что то был мир п р а в и л ь н ы й, куда лучше нынешнего, в котором он жил. Если б он стал этим незнакомцем из будущего и оказался в т о м времени, все бы наладилось.

"Смиряться должно пред судьбы веленьем", - скривив рот, подумал он. "А, да ладно". Он встряхнул бутылку. Сколько же он принял? Чувствовал он себя превосходно.

Надо бы подсобраться с мыслями.

Уличные огни за окном то вспыхивали, то гасли. Неоновые сполохи разрисовали ночную тьму какими-то колдовскими письменами. Келвину это показалось чем-то чуждым, непривычным, как, впрочем, и его собственное тело. Он было захохотал, но чихнул и поперхнулся.

"Мне нужны только здоровье, слава и богатство, - подумал он. - Тогда я угомонюсь и заживу счастливо, не зная ни горя, ни забот. И мне больше не понадобится эта волшебная коробочка. Ведь все мои желания исполнятся".

Повинуясь внезапному порыву, он вынул из кармана коробочку и внимательно ее осмотрел. Попытался открыть ее, но безуспешно. Его палец в нерешительности повис над кнопкой.

"Сумею ли я..." - подумал он, и палец опустился на полдюйма...

Сейчас, когда он был пьян, все уже не казалось ему таким чужим и странным.

Того человека из будущего звали Куарра Ви. Удивительно, что он не узнал этого раньше, хотя часто ли человек вспоминает свое имя?

Куарра Ви играл в какую-то игру, чем-то напоминающую шахматы, но его противник находился в некотором отдалении - на одной из планет Сириуса. Все фигуры на доске были иной, незнакомой формы. Келвин, подключившись, слушал, как в мозгу Куарра Ви молниеносно сменяли друг друга головокружительные пространственно-временные гамбиты. Но тут в его мысли ворвалась проблема Келвина и, подобно удару, вынудила его.

Получилась некоторая путаница. На самом-то деле проблем было две. Как вылечиться от простуды, в частности от насморка. И как стать здоровым, богатым и прославиться в почти доисторическую - с точки зрения Куарра Ви - эпоху.

Но для Куарра Ви такая проблема - сущий пустяк. Он с ходу решил ее и продолжил игру с сирианином.

А Келвин снова оказался в номере отеля в Нью-Орлеане.

Не будь он пьян, он бы на такое не решился. Подсказанный ему метод заключался в настройке его мозга на мозговые волны другого человека, живущего в том же двадцатом веке, что и он сам, причем мозг этого человека должен был испускать волны определенной, нужной ему длины.

Она зависела от множества разнообразных факторов, как-то: от профессиональной квалификации, умения использовать благоприятные обстоятельства, взгляда на окружающее, эрудиции, богатства воображения, честности; но в конце концов Келвин нашел то, что ему было нужно.

После некоторого колебания он выбрал один мозг из трех - все три по сумме показателей почти полностью отвечали требованиям. Но сумма показателей одного была чуть больше - на три тысячных доли единицы.

Келвину удалось настроить свой мозг на волну этого выбранного им мозга, поймать нужный сигнал, ухватиться за него, и методом телепортации он перенесся через всю Америку в прекрасно оборудованную лабораторию, где, читая книгу, сидел неизвестный ему мужчина.

Он был лыс, на лице его топорщились жесткие рыжие усы.

При появлении Келвина он раздраженно вскинул голову.

- Эй! - воскликнул он. - Как вы сюда попали?

- Спросите у Куарра Ви, - ответил Келвин.

- У кого???

Незнакомец отложил книгу в сторону.

Келвин призвал на помощь свою память. Оказалось, что недавно полученная информация уже частично стерлась. Он на миг еще раз воспользовался коробочкой и восстановил ее. Сейчас контакт с будущим был не столь неприятен, как прежде. Он уже начал немного понимать мир Куарра Ви. И этот мир ему нравился. Впрочем, он полагал, что забудет и это.

- Усовершенствование белковых аналогов Вудворда, - сказал он рыжеусому. - С помощью простого синтеза.

- Кто вы такой, черт бы вас побрал?

- Зовите меня просто Джим, - ответил Келвин. - А теперь заткнитесь и слушайте. - И начал объяснять, словно имел дело с малолетним тупицей. (Перед ним был один из самых именитых химиков Америки.) - Белки состоят из аминокислот. А их - тридцать три вида...

- Нет, меньше.

- Тридцать три. Заткнитесь. Из аминокислот можно создать множество комбинаций. Таким образом, мы получаем почти бесконечное число разнообразных белковых соединений. А все живое является той или иной формой этих соединений. Полный синтез белка предполагает создание цепи из взаимосвязанных аминокислот, достаточно длинной, чтобы ее можно было признать молекулой белка. В этом-то вся трудность.

Рыжеусый явно заинтересовáлся.

- Фишер получил такую цепочку из восемнадцати аминокислот, - мигнув, произнес он. - Абдергальден - из девятнадцати, а Вудворд, как известно, создал цепи длиной в десять тысяч единиц. Но что касается контрольных тестов...

- Полная молекула белка состоит из последовательного набора аминокислот. Но если подвергнуть тестированию лишь один или два отрезка цепи аналога, нельзя поручиться за остальные. Минуточку, - Келвин снова прибегнул к помощи коробочки. - Ага, ясно. Итак, из синтезированного белка можно изготовить почти все. Шелк, шерсть, волосы, но что самое главное... - он чихнул, - лекарство от насморка.

- Послушайте... - начал было рыжеусый.

- Некоторые вирусы помимо прочего содержат цепи аминокислот, верно? Так измените их структуру. Сделайте их безвредными. А заодно займитесь бактсриями. И синтезируйте все антибиотики.

- О, если б я мог. Однако, мистер, э...

- Зовите меня просто Джим.

- Хорошо. Однако все это не ново.

- Хватайте карандаш, - сказал Келвин. - Отныне это будет научно обосновано и обретет реальность. Мстод

синтеза и экспериментальной проверки заключается в следующем...

И он подробно и четко объяснил, в чем именно. Ему только дважды понадобилось посредством той коробочки связаться с Куарра Ви. А когда он кончил, рыжеусый отложил в сторону карандаш и изумленно уставился на него.

- Невероятно, - проговорил он. - Если из этого что-нибудь получится...

- Мне нужно стать здоровым, богатым и прославиться, - упрямо заявил Келвин. - Значит, получится.

- Да, но... дорогой мой...

Однако Келвин настоял на своем.

К счастью для него, краткое обследование сознания рыжеусого выявило у того честность и умение пользоваться благоприятными обстоятельствами, так что в конце концов химик согласился подписать документ о совместном сотрудничестве с Келвином. С коммерческой точки зрения новый метод синтеза белковых соединений сулил безграничные возможности. Фирмы "Дюпон" или "Дженерал моторс" будут счастливы купить патент на это открытие.

- Мне нужно много денег. Целое состояние.

- Вы заработаете на этом миллион долларов, - ровным голосом сказал ему рыжеусый.

- В таком случае я желаю получить расписку. Черным по белому. Если только вы не отдадите мне мой миллион долларов прямо сейчас.

Нахмурившись, химик отрицательно покачал головой.

- Это невозможно. Мне ведь следует сперва провести ряд экспериментов, все проверить, потом начать переговоры с фирмами... но вы не беспокойтесь. Ваше открытие безусловно стоит миллион. Вдобавок вы прославитесь.

- И стану здоровым?

- Через некоторое время исчезнут все болезни, - спокойно объяснил ему химик. - Вот в чем истинное чудо.

- Пишите расписку, - потребовал Келвин, повысив голос.

- Ладно. Официальный документ о нашем сотрудничестве можно будет оформить завтра. А пока сойдет и это. Я понимаю, что на самом-то деле честь этого открытия принадлежит вам.

- Расписка должна быть написана чернилами. Карандаш не годится.

- Тогда вам придется с минуту подождать, - сказал рыжеусый и отправился на поиски чернил.

Келвин, сияя от радости, окинул взглядом лабораторию.

Тарн материализовался от него в трех футах.

В руке Тарн держал свое жезлоподобное оружие. Он поднял его...

Келвин тут же схватился за коробочку. Он показал Тарну нос и телепортировался на значительное расстояние.

Он мгновенно очутился невсдомо где, на каком-то кукурузном поле, но зерно, нс прошедшее соответствующей обработки, не представляло для него никакого интереса. Он сделал еще одну попытку. Теперь его занесло в Сиэттл.

С этого начался незабываемый двухнедельный период - запои вперемежку с бегством от охотившегося на нсго Тарна.

Его одолели безрадостные мысли.

Он был в состоянии ужасного похмелья, а в кармане - неоплаченный счет за номер в отеле и десять центов. Две недели непрерывных усилий обогнать Тарна с помощью телепортации на один прыжок в пространстве истощили его нервную систему.

Келвин застонал и тоскливо заморгал глазами. Он снял очки, протер их, но легче ему не стало.

Ну и болван.

Ведь он даже не знал имени того химика!

Здоровье, богатство и слава ждали его буквально за углом, но за каким? Быть может, в один прекрасный день, когда в прессе появится сообщение об открытии нового метода синтеза белка, он это узнает, но сколько времени ему придется ждать? А пока это произойдет, как быть с Тарном?

Да и сам химик тоже не может его разыскать. Он знает только, что Келвина якобы зовут Джим. Тогда эта выдумка показалась ему удачной, а теперь...

Келвин вытащил из кармана ту самую коробочку - устройство для связи с будущим - и уставился на нее покрасневшими глазами. Куарра Ви, да? Пожалуй, сейчас он испытывал к этому Куарра Ви теплые чувства. Но вот беда - через полчаса после сеанса связи, а то и раньше он, как правило, забывал всю полученную им информацию.

На этот раз он нажал на кнопку почти в тот же миг, как Тарн принял телесное обличье и возник в нескольких от него футах.

Снова телепортация.

Теперь он очутился в какой-то пустыне. Пейзаж оживляли только кактусы и кусты юкки.

Вдали отливала багрянцем горная цепь.

Но зато не было Тарна.

Келвина начала мучить жажда. А вдруг коробочка уже не функционирует? Нет, так больше продолжаться нс может. Некая идея, которая уже с неделю вызревала в его сознании, наконец оформилась, и он принял решение,

настолько простое, что ему захотелось выдрать себя за промедление. Это же проще простого!

Почему он не додумался до этого в самом начале?

Он сосредоточил мысли на вопросе: "Как мне избавиться от Тарна?" И нажал на кнопку...

Спустя секунду он получил ответ. Оказывается, это и в самом деле несложно.

Гнетущее ощущение необходимости все время быть начеку в миг исчезло. Это освежило его мышление. Все прояснилось.

Он ждал Тарна.

Ждать пришлось недолго. Задрожал раскаленный воздух, и белая фигура в тюрбане стала осязаемой реальностью.

На Келвина нацелилось жезлоподобное оружие.

Не желая рисковать, Келвин повторил в уме свой вопрос, нажал на кнопку и сразу убедился в том, что хорошо усвоил подсказанный ему способ. Он просто перестроил свое мышление, стал думать по-иному, на особый манер - так, как научил его Куарра Ви.

Тарна отбросило назад на несколько футов. Из его обрамленного усами широко разинутого рта вырвался крик.

- Не делайте этого! - завопил он. - Я же хотел...

Келвин еще больше сосредоточился на своей мысли. Он чувствовал, как энергия его мозга, изливаясь наружу, струей бьет в андроида.

Тарн захрипел:

- Я пытался... вы... не дали мне... возможность...

Тарн уже лежал на горячем песке, глядя вверх невидящими глазами.

Семипалые руки судорожно дернулись и застыли. Жизнь, которая стимулировала деятельность этого созданного искусственным путем существа, покинула андроида. Навсегда.

Келвин повернулся к нему спиной и глубоко, прерывисто втянул в легкие воздух.

Опасность миновала.

Он выбросил из головы все мысли, кроме одной, все проблемы, кроме той, единственной.

Как найти рыжеусого?

Он нажал на кнопку.

* * *

Началась же эта история вот с чего.

Куарра Ви и его андроид Тарн сидели в изгибе времени и проверяли, все ли до конца отлажено.

- Как я выгляжу? - спросил Куарра Ви.

- Сойдете за своего, - ответил Тарн. - В эпохе, в которой вы объявитесь, никто ничего не заподозрит. Кстати, на синтезирование вашего снаряжения ушло совсем немного времени.

- Верно. Надеюсь, что материал, из которого сделаны предметы моего одеяния, достаточно похож на шерстяную ткань и льняное полотно. Наручные часы, деньги - все в полном порядке. Часы... странно, не правда ли? Только представь, что есть люди, которые, чтобы определить время суток, нуждаются в каком-то механизме!

- Не забудьте очки, - сказал Тарн.

Куарра Ви надел их:

- Ух ты! Однако мне думается...

- С ними безопаснее. Оптические свойства линз предохранят вас от мозговых излучений, а это вам пригодится. Не снимайте их: ведь робот может попытаться какимнибудь хитрым способом надуть вас.

- Пусть лучше не пробует, - сказал Куарра Ви. - Этот беглый робот, так его разэтак. Хотел бы я знать, что он задумал? Он всегда был чем-то недоволен, но, по крайней мере, знал свое место. Как жаль, что я его создал. И не предугадаешь, что он может вытворить в эту почти доисторическую эпоху, если мы его не поймаем и не вернем в наше время.

- Он сейчас вон в той палатке хироманта, - сказал Тарн, выглянув из изгиба времени. - Только что прибыл. Вы должны захватить его врасплох. И вам понадобится вся ваша смекалка. Постарайтесь не впадать в то ваше состояние, когда, углубившись в свои мысли, вы полностью отключаетесь от действительности. Эти приступы могут навлечь на вас беду. Стоит зазеваться, и ваш робот не преминет воспользоваться одной из своих уловок. Не знаю, какие еще способности он развил в себе самостоятельно, но мне доподлинно известно, что сейчас он уже первокласный гипнотизер и специалист по стиранию памяти. Если вы не примете мер предосторожности, он в мгновение ока уберет из вашего мозга всю информацию и заменит ее ложной. В случае нежелательного развития событий я подправлю вас реабилитационным лучом, хорошо?

И он показал небольшой, похожий на жезл, лучемет.

Куарра Ви кивнул:

- Не беспокойся. Я мигом вернусь. Ведь я обещал тому сирианину, что сегодня вечером мы доиграем партию.

Это обещание он так никогда и не выполнил.

Куарра Ви вылез из изгиба времени и зашагал по дощатому настилу к палатке. Одежда казалась ему тесной, неудобной, ткань - грубой. Из-за этого он на ходу слегка поеживался. И вот уже перед ним палатка с выведенным

на ней масляной краской призывом заглянуть в свое будущее.

Он откинул холщовый занавес, и какой-то предмет - кажется, небрежно повешенная веревка - мазнул его по лицу, сбив набок очки в роговой оправе.

В тот же миг ослепительный голубоватый свет ударил ему в незащищенные глаза.

Он почувствовал, что теряет ориентацию и все внутри и вне его как-то странно сместилось, но это ощущение почти сразу же прошло.

- Вы - Джеймс Келвин, - сказал робот.

ДВУРУКАЯ МАШИНА

Еще со времен Ореста находились люди, которых преследовали фурии*. Однако только в двадцать втором веке человечество обзавелось настоящими стальными "фуриями". Оно к этому времени достигло критической точки в своем развитии и имело все основания для создания таких человекоподобных роботов - они, как собаки, шли по следу тех, кто совершил убийство. Преступление это считалось самым тяжким.

Все происходило очень просто. Убийца, полагавший, что находится в полной безопасности, вдруг слышал за собой чьи-то размеренные шаги. Обернувшись, он видел следовавшего за ним по пятам двурукого робота - человекоподобного существа из стали, которое в отличие от живого человека было абсолютно неподкупным. С этой минуты убийце становилось ясно, что всемогущий электронный мозг, наделенный способностью проникать в чужие мысли, какой не обладало ни одно человеческое существо, вынес свой приговор.

Отныне убийца постоянно слышал шаги за спиной. Словно некая движущаяся тюрьма с невидимой решеткой отгораживала его теперь от всего остального мира. С этой минуты он сознавал, что уже ни на миг не останется в одиночестве. И однажды наступит день - хотя сам он не мог предугадать, когда именно, - и робот из тюремщика превратится в палача.

В ресторане Дэннер удобно откинулся в кресле, словно отлитом по форме человеческого тела, и, прикрыв глаза, чтобы лучше насладиться букетом, смаковал каждый глоток вина. Он чувствовал себя здесь в полной

* Фурии - в римской мифологии богини мести и угрызений совести, наказывающие человека за совершенные грехи. Они отождествляются с эриниями в греческой мифологии. Героя греческой мифологии Ореста эринии преследуют за убийство матери. (Примеч. ред.)

безопасности. Да, в абсолютной безопасности. Вот уже почти час он сидит в роскошном ресторане, заказывает самые дорогие блюда, прислушиваясь к негромкой музыке и приглушенным голосам посетителей. Здесь хорошо. И еще хорошо иметь сразу так много денег.

Правда, для того чтобы получить их, ему пришлось пойти на убийство. Но чувство вины ничуть не тревожило его: не пойман - не вор. А ему, Дэннеру, гарантирована полнейшая безнаказанность, какой не обладал еще ни один человек. Он прекрасно знал, какая кара ожидает убийцу. И если бы Гарц не убедил его в абсолютной безопасности, Дэннер никогда бы не решился нажать на спусковой крючок...

Какое-то старое, давно забытое словечко на мгновение всплыло в памяти: грех... Но оно ничего не пробудило в его душе. Когда-то это слово странным образом было связано с чувством вины. Когда-то давно, но не сейчас. Человечество с тех пор далеко ушло в своем развитии. Понятие греха превратилось в бессмыслицу.

Он постарался не думать об этом и приступил к салату из сердцевины пальмы. Салат ему не понравился. Ну что ж, случается и такое. В мире нет ничего совершенного. Он отхлебнул еще вина. Ему нравилось, что бокал, словно живой, слегка подрагивает в руке. Вино превосходное. Дэннер подумал, не заказать ли еще, но потом решил, что не стоит. На сегодня, пожалуй, хватит. Ведь впереди его ждет множество разнообразных наслаждений. Ради этого стоило многое поставить на карту. Никогда раньше ему такого случая не представлялось.

Дэннер был из числа тех, кто родился не в свой век. Он прожил на свете уже достаточно много, чтобы помнить последние дни утопии, но был еще настолько молод, чтобы не ощущать в полной мере пресса новой политики, которую компьютеры ввели для своих творцов. В далекие годы его юности роскошь была доступна всем. Он хорошо помнил времена, когда был подростком: последние из эскапистских* машин тогда еще выдавали сверкающие радужными красками, утопичные, завораживающие картины, которые никогда не существовали в реальности и вряд ли могли существовать. А потом жесткая политика экономии положила конец всем удовольствиям. Теперь каждый имел лишь самое необходимое. И все обязаны были работать. А Дэннер ненавидел работу всеми фибрами души.

Когда произошел этот перелом, он был еще слишком молод и неопытен для того, чтобы выйти победителем в

* От англ. escape - бежать, спастись. Эскапизм - стремление уйти от действительности в мир иллюзий. (Примеч. ред.)

конкурентной борьбе. Богатыми могли себя считать сегодня лишь те, кто сумел прибрать к рукам предметы роскоши, которые еще производили машины. На долю же Дэннера остались только яркие воспоминания да тоскливая злоба обманутого человека. Единственное, что ему хотелось, - это вернуть былые счастливые дни, и ему было абсолютно наплевать на то, каким путем он этого достигнет.

И вот теперь он своего добился. Он провел пальцем по краю бокала, почти ощущая, как тот отозвался на это прикосновение едва слышным звоном. "Хрусталь?" - подумал Дэннер. Он был слишком мало знаком с предметами роскоши и плохо во всем этом разбирался. Но он научится. Всю оставшуюся жизнь ему предстоит этому учиться и вкусить наконец счастье.

Он посмотрел вверх и сквозь прозрачный купол крыши увидел неясные очертания небоскребов. Они обступали его со всех сторон, точно каменный лес. И это только один город. Когда он устанет от него, будут другие города. Всю страну, всю планету опутала сеть, соединяющая один город с другим, подобно огромной паутине, напоминающей загадочного полуживого монстра. И это называется обществом.

Он почувствовал, будто кресло дрогнуло под ним.

Протянув руку к бокалу с вином, он быстро осушил его. Неосознанное ощущение какого-то неудобства, словно задрожала сама земля, на которой стоял город, было чем-то новым. Причина была - ну да, конечно, - причина в этом неведомом страхе.

Страхе из-за того, что его до сих пор не обнаружили.

Пропадал смысл. Город представляет собой сложный комплекс, и, конечно, он живет спокойно в расчете на то, что машины неподкупны. Только они и удерживают людей от вырождения и стремительного превращения в вымирающих животных. И среди этого множества машин аналоговые компьютеры стали гироскопами всего живого. Они разрабатывают законы и следят за их исполнением - исполнением законов, которые необходимы человечеству, чтобы выжить. Дэннер многого не понимал в тех огромных изменениях, которые потрясли общество за годы его жизни, но для себя кое-что он все-таки уяснил.

Он чувствовал, что во всем есть определенный смысл: в том, что он презрел законы общества, в том, что сидел сейчас в роскошном ресторане, утопая в мягком, глубоком кресле, потягивая вино, слушая тихую музыку, и никакой "фурии" не было за его спиной в качестве доказательства того, что компьютеры являются ангелами-хранителями человечества...

Если даже "фурию" можно подкупить, то во что остается верить людям?

И тут она появилась.

Дэннер слышал, как внезапно смолкли все звуки вокруг. Оцепенев, он застыл с вилкой в руке и уставился в противоположный конец зала, туда, где была дверь.

"Фурия" была выше человеческого роста. На какое-то мгновение она замерла у двери, и луч послеполуденного солнца ярким зайчиком отразился от ее плеча. Глаз у робота не было, но казалось, что его взгляд неторопливо, столик за столиком, ощупывает весь ресторан. Затем робот шагнул в дверной проем, и солнечный зайчик скользнул в сторону. Похожий на закованного в стальные латы высокого мужчину, робот медленно брел между столиками.

Отложив вилку с нетронутой пищей, Дэннер подумал: "Это не за мной. Все, кто здесь сидит, теряются в догадках, но я-то твердо знаю, что он пришел не за мной".

И в памяти ясно и четко, во всех деталях, как те воспоминания, что проносятся в сознании тонущего человека, возник их разговор с Гарцем. Как в капле воды, способной отразить широкую панораму, сконцентрировать ее в крошечном фокусе, в мгновение сфокусировались сейчас в его памяти те тридцать минут, которые Дэннер провел с Гарцем в его лаборатории, где стены, если нажать кнопку, становились прозрачными.

Он снова увидел Гарца, полного блондина с печально опущенными бровями. Этот человек казался необычайно расслабленным, пока не начинал говорить, и тогда его пламенный темперамент заставлял вибрировать даже воздух. Дэннер снова вспомнил, как стоял перед столом Гарца, ощущая по дрожанию пола едва слышное гудение компьютеров. Они были хорошо видны отсюда сквозь стекло: гладкие, сверкающие, с поблескивающими, будто свечи в разноцветных лампадках, огоньками. Снизу глухо доносилось их жужжание - словно машины переваривали факты, осмысляли их и, подобно оракулам, изрекали свои выводы на загадочном языке цифр. Только такие, как Гарц, способны были понять то, что они вещают.

- У меня к тебе дело, - начал Гарц. - Я хочу, чтобы ты убрал одного человека.

- Ну уж нет! - ответил Дэннер. - Ты что, за дурака меня принимаешь?

- Подожди, не спеши. Тебе нужны деньги?

- Для чего? - с горечью спросил Дэннер. - На шикарные похороны?

- На шикарную жизнь! Я знаю - ты не дурак. Я чертовски хорошо знаю, что ты не согласишься сделать то, о чем я тебя прошу, до тех пор, пока не получишь деньги и гарантию безнаказанности.. Но именно это я и собираюсь тебе предложить. Гарантию безнаказанности.

Дэннер бросил взгляд сквозь прозрачную стену на компьютеры.

- Да уж, конечно, - сказал он.

- Послушай, я отдаю себе отчет в том, что говорю. Я... - Гарц замялся, беспокойно оглянувшись вокруг, как будто сомневался в предпринятых мерах предосторожности. - То, о чем я говорю, - нечто совершенно новое, - продолжал он. - Я могу пустить любую "фурию" по ложному следу.

- Ну, конечно... - недоверчиво бросил Дэннер.

- Правда, правда. Я покажу тебе, как это делается. Я могу отвести любую "фурию" от ее жертвы.

- Каким образом?

- Это, разумеется, тайна. Дело в том, что я нашел способ закладывать в компьютер искаженные данные, так что машины выносят неверные определения виновности или же делают неверные выводы после признания виновности.

- Но это же опасно!

- Опасно? - Гарц взглянул на Дэннера из-под своих печальных бровей. - Конечно, опасно. Я знаю это. И потому не слишком часто прибегаю к этому способу. В общем-то я проделал это только один раз. Я разработал метод теоретически и один раз проверил его на практике. Он сработал. Чтобы доказать тебе, что я говорю правду, я повторю его. Затем повторю еще раз, для того, чтобы обезопасить тебя. Вот и все. Мне не хочется вносить путаницу в работу вычислительных машин без особой необходимости. Когда ты сделаешь свое дело, мне это больше не потребуется.

- Кого я должен убить?

Гарц невольно посмотрел вверх - туда, где несколькими этажами выше располагались кабинеты наивысшего ранга.

- О'Райли, - сказал он.

Дэннер тоже посмотрел в потолок, словно мог увидеть сквозь перекрытия подошвы ботинок высокочтимого О'Райли - управляющего, Главного Контролера электронных вычислительных машин, вышагивающего по пушистому ковру где-то там, над его головой.

- Все очень просто, - сказал Гарц. - Я хочу на его место.

- Почему бы тогда тебе самому не убрать его, если ты уверен, что можно отделаться от "фурии"?

- Потому, что это выдаст меня с головой, - раздраженно сказал Гарц. - Подумай сам. У меня есть совершенно очевидный мотив для преступления. Даже калькулятор покажет, кому больше всего выгодна смерть О'Райли. И если я еще и сумею отделаться от "фурии", все начнут ломать голову, как это мне удалось. У тебя же нет никаких побудительных причин для убийства О'Райли. Никто, за

исключением компьютеров, об этом знать не будет, а уж о них я позабочусь.

- А откуда я узнаю, что ты действительно можешь это сделать?

- Очень просто. Смотри сам.

Гарц поднялся и быстро пересек комнату по мягкому пружинящему ковру, который обманчиво придавал его походке молодую стать. У дальней стены комнаты на уровне человеческой груди был расположен контрольный пульт с наклонным стеклянным экраном. Гарц нервно ткнул пальцем кнопку, и на экране появился план одного из районов города.

- Мне нужно отыскать сектор, где находится "фурия", - объяснил он.

Изображение на экране начало мерцать, и Гарц снова нажал кнопку. Нечеткая сеть городских улиц заколебалась, стала яркой, а затем погасла, пока он быстро сканировал один район за другим. Затем план района снова стал четким. Три волнистые полосы разного цвета пересеклись в одной точке неподалеку от центра. Точка медленно двигалась по экрану - соответственно скорости идущего человека, уменьшенного в масштабе, соответствующем изображению улицы, по которой он шел. Вокруг него медленно плыли цветные линии, сфокусированные в одной точке.

- Вот здесь, - сказал Гарц, наклоняясь вперед, чтобы прочесть название улицы. С его лба на стекло упала капля пота, и он неловко стер ее пальцем. - Вот идет человек в сопровождении "фурии", она следует за ним неотступно. Вот сейчас будет хорошо видно. Смотри-ка!

Над столом был расположен другой экран, побольше. Включив его, Гарц нетерпеливо ждал, когда уличная сценка появится в фокусе. Толпы людей, оживленное движение, шум - одни куда-то спешат, другие слоняются без дела. И середина толпы - словно оазис отчуждения, словно остров в людском море. А по этому находящемуся в гуще движения островку бредут неразлучные, будто Робинзон и Пятница, двое его обитателей. Первый из них - изможденный, усталый мужчина - шагает, не отрывая глаз от земли. Второй - закованный в блестящие доспехи верзила - следует за ним шаг в шаг.

Кажется, невидимые стены отделяют их от толпы, сквозь которую они движутся, ограждают пространство, которое смыкается, как только они проходят, и распахивается перед ними, делая проход. Одни прохожие с любопытством глазеют на них, другие в замешательстве отводят взгляд. А находятся и такие, кто смотрит с откровенным нетерпением, ожидая момента, когда Пятница поднимет свою стальную руку, чтобы нанести Робинзону роковой удар.

- Гляди внимательно, - взволнованно бросил Гарц. - Погоди минуту... Я хочу отвести "фурию", чтобы она перестала преследовать этого человека.

Он пересек комнату, подойдя к письменному столу, открыл ящик и низко склонился над ним, словно прятал что-то от посторонних глаз. Дэннер услышал несколько щелчков, а затем короткую дробь клавишей.

- Ну вот, сейчас, - сказал Гарц, закрывая ящик, и тыльной стороной ладони вытер лоб. - Очень жарко здесь, правда? Давай-ка посмотрим поближе. Вот увидишь, сейчас что-то произойдет.

Они снова вернулись к большому экрану. Гарц повернул рычажок, и уличная сценка заполнила весь экран. Они увидели крупным планом человека и его преследователя. На лице мужчины было такое же бесстрастное выражение, как и у робота. Словно эти двое прожили вместе долгое время и заразили один другого. Иной раз время кажется беспредельным, когда секунды тянутся необычайно долго.

- Подождем, пока они выберутся из толпы, - сказал Гарц. - Не стоит привлекать внимание. Вот сейчас он повернет.

Мужчина, который, казалось, шел наугад, свернул с аллеи в узкий, темный переулок, уводивший в сторону от оживленной улицы. Объектив следовал за ним так же упорно, как и робот.

- Значит, и в самом деле существуют камеры, которые следят за всем, что происходит на улице, - сказал Дэннер, явно заинтересованный происходящим. - Я всегда это подозревал. Как это делается? Они что же, установлены на каждом углу или это луч, который...

- Не имеет значения, - прервал его Гарц. - Это секрет фирмы. Смотри - и все. Надо подождать, пока... Нет-нет! Смотри, он сейчас попытается от него отделаться!..

Человек, обернувшись, украдкой бросил взгляд назад. Как раз в этот момент робот, следуя за ним, заворачивал за угол. Гарц стремглав бросился к своему столу и выдернул на себя ящик. Его рука замерла над ним, глаза все еще были прикованы к экрану. Было интересно смотреть, как человек в переулке, вовсе не подозревая, что за ним наблюдают, поглядел вверх и обвел глазами небо, на мгновение уставившись прямо в объектив следящей за ним скрытой камеры, точно взглянул в глаза Гарцу и Дэннеру. И вдруг они увидели, как он, глубоко втянув в себя воздух, кинулся бежать.

В ящике письменного стола раздался металлический щелчок. Как только человек побежал, робот тоже перешел на бег. Но затем он будто споткнулся обо что-то и, казалось, зашатался на своих стальных ногах. Робот

замедлил движение, а потом и вовсе остановился, точно автомобиль перед светофором. Он стоял без движения.

На самом краю экрана виднелось лицо мужчины. Он остановился, разинув рот от изумления, - видимо, понял, что свершилось невероятное. Робот стоял в переулке, делая нерешительные движения, как будто новые приказы, которые Гарц посылал в начинявшие его внутренности механизмы, приходили в конфликт с ранее заложенными в него программами. Затем он повернулся спиной к мужчине и медленно, почти умиротворенно, словно подчиняясь чьей-то команде, побрел вдоль улицы прочь, не нарушая общепринятых законов.

Надо было видеть в эту минуту лицо мужчины. На нем было одновременно и удивление, и испуг, словно он лишился лучшего друга.

Гарц выключил экран. Он снова смахнул пот со лба и, подойдя к стеклянной стене, посмотрел вниз, будто опасался, что компьютеры уже знают о том, что он натворил. Он казался сейчас таким крошечным на фоне металлических гигантов!

- Ну что скажешь, Дэннер? - бросил Гарц через плечо.

Итак, все получилось. Их переговоры потом еще продолжались, и после долгих словопрений сумма, обещанная Дэннеру, была увеличена. Но сам-то он уже заранее отлично знал, что на все согласен. Игра стоила свеч. И хорошо оплачивалась. Вот только если...

Все замерли. "Фурия", подобно светящемуся видению, спокойно прошла между столиками, ни до кого не дотрагиваясь. Лица посетителей, обращенные к ней, бледнели. Каждого сверлила мысль: "А вдруг это за мной? Может, это первая ошибка, допущенная компьютером. Ошибка ошибкой, а жаловаться-то некуда, да и ничего не докажешь". И хотя в этом мире слово "вина" давно утратило смысл, наказание осталось, и оно могло быть слепым и разящим, как молния.

Дэннер мысленно твердил, стиснув зубы: "Не за мной. Я в безопасности. Я спокоен. "Фурия" явилась не за мной". Но в то же время никак не мог отогнать неотвязную мысль: странное совпадение - под стеклянной крышей этого дорогого ресторана одновременно оказались двое убийц - он сам и тот, за кем явилась "фурия".

Дэннер положил вилку и услышал, как она звякнула о тарелку. Он взглянул на нее, на тарелку с почти не тронутой едой и почувствовал, что мозг его внезапно отключился от всего, что происходило вокруг. Ему захотелось, подобно страусу, спрятать голову. Он постарался переключить мысли на другое, ну, скажем, на овощи, что лежали перед ним на тарелке.

Интересно, как растет спаржа? И вообще, как выглядят сырые овощи, на что они похожи? Он никогда их не видел. Он получал их уже в готовом виде, из ресторанных кухонь или автоматических блоков питания. Вот, например, картофель. На что он похож? Влажная белая масса? Нет, иногда ведь бывают ломтики овальной формы, так что, по-видимому, и целая картофелина должна быть овальной. Но не круглой. А иногда картофель подают на стол разрезанным на длинные брусочки, квадратные в сечении. Наверно, это что-то длинное, овальное, что режется вдоль. Безусловно, белого цвета. Растет картофель под землей. Дэннер был почти уверен в этом. Такие длинные тонкие сцепившиеся корни, точно белые руки; он видел их среди труб и трубопроводов, когда рыли канавы при ремонте улиц. Как странно: он ест что-то похожее на человеческие руки, которые обнимают сточные трубы города, мертвенно-бледные руки, извивающиеся в земле, где обитают черви. И где окажется и он сам, если "фурия" настигнет его.

Дэннер оттолкнул от себя тарелку.

Шорохи и едва уловимое бормотание в зале заставили его против собственной воли поднять глаза. "Фурия" дошла до середины зала, и было забавно видеть, как успокаивались те, кто оставался у нее за спиной. Две или три женщины закрыли лицо руками, а один мужчина, потеряв сознание, тихо сполз со своего кресла. По мере того как "фурия" миновала очередной столик, все скрытые опасения вновь возвращались в тайники сознания.

Вот она уже почти поравнялась с его столиком. Ростом робот был около семи футов, но движения его были неожиданно плавными. Даже более плавными, чем движения человека. Однако ноги робота ступали по ковру с тяжелым, размеренным стуком: бух, бух, бух. Дэннер попытался прикинуть, сколько робот мог весить. Обычно считается, что "фурия" не издает никаких звуков, если не считать этих ввергающих в ужас шагов, но этот робот при ходьбе слегка поскрипывал. Лица у робота не было, однако человек уж так устроен, что всегда старается представить себе подобного и невольно наделяет и эту стальную поверхность глазами, которые, кажется, должны были внимательно шарить по ресторанному залу.

Робот приближался. И вот взгляды присутствующих устремились на Дэннера. "Фурия" шла прямо на него.

"Нет! - твердил себе Дэннер. - Этого не может быть". Он чувствовал себя словно в кошмарном сне. "О господи, помоги мне поскорее проснуться. Дай мне проснуться, прежде чем она доберется до меня!"

Однако это был не сон. Великан застыл перед ним, тяжелые шаги умолкли. Слышалось только легкое по-

скрипывание. "Фурия" возвышалась над его столом, обратив к нему свой гладкий лик.

Дэннер почувствовал, как невыносимо жаркая волна обдала его лицо, - волна гнева, стыда, сомнения. Сердце забилось так сильно, что ресторанный зал поплыл перед глазами, и внезапная боль молнией пронзила голову - от виска к виску.

Дэннер, вскрикнув, вскочил.

- Нет, нет! - закричал он бездушной стальной громадине. - Ты ошиблась! Ты перепутала! Пошла прочь, дура! Это ошибка, ошибка! - Не глядя, он нащупал на столе тарелку и запустил ею прямо в бронированную грудь. Тарелка разлетелась вдребезги. На гладкой стальной поверхности остались белые, зеленые и коричневые пятна от ее содержимого. Дэннер с трудом выбрался из своего кресла, обогнул стол и, минуя высокую металлическую фигуру, устремился к выходу.

Он думал сейчас только о Гарце.

Море лиц проплывало слева и справа, пока он на негнущихся ногах выбирался из ресторана. Одни смотрели на него с жадным любопытством, ловя его взгляд. Другие старались вовсе не смотреть, уставившись в тарелку или прикрыв лицо рукой. За его спиной снова раздались размеренная поступь и едва слышное ритмичное поскрипывание.

Лица исчезли, он миновал двери, даже не помня, как их открыл. Дэннер вышел на улицу. Пот лил с него ручьями; хотя день был вовсе не холодный, дыхание ветра показалось ему ледяным. Ничего не различая вокруг, он посмотрел налево и направо, а затем бросился за полквартала к телефонам-автоматам. Перед его глазами так ясно и отчетливо стояло лицо Гарца, что он натыкался на прохожих. Словно откуда-то издалека слышал он возмущенные возгласы, которые сразу же смолкли в благоговейном молчании. Люди расступались перед ним как по мановению волшебной палочки. В этом образовавшемся вокруг него вакууме он дошел до ближайшей будки.

Он закрыл за собой стеклянную дверь, лихорадочная пульсация крови в ушах, казалось, заставила вибрировать звуконепроницаемую кабину. Сквозь стекло он видел бесстрастного робота, который ожидал его, разноцветные пятна на его стальной груди были похожи на странную орденскую ленту.

Дэннер попытался набрать номер. Пальцы были как резиновые. Пытаясь взять себя в руки, он сделал несколько глубоких вдохов. Неожиданно подумалось совсем не к месту: "Забыл заплатить за обед". И еще: "Деньги мне сейчас здорово помогут. О, чертов Гарц, будь он проклят!"

Он дозвонился сразу.

На экране перед ним в четком цветном изображении вспыхнуло лицо девушки. Почти неосознанно он отметил хорошее качество дорогих экранов в будках общественных телефонов-автоматов этого района.

- Кабинет управляющего Гарца. Что вам угодно?

Только со второй попытки Дэннеру удалось произнести свое имя. Он гадал: видит ли секретарша его и того, кто стоит позади, - высокую фигуру за полупрозрачным стеклом. Он так и не смог этого понять: девушка сразу же опустила глаза, очевидно в какой-то список, лежавший перед ней на столе.

- Извините, но господина Гарца нет. И сегодня не будет.

Свет и краски исчезли с экрана.

Дэннер открыл раздвижную дверь. Колени его дрожали. Робот отступил немного, чтобы он мог выйти. Какое-то мгновение они стояли друг перед другом. Внезапно Дэннер, сам того не желая, начал глупо хихикать. Робот с пятнами, пересекающими его грудь наподобие орденской ленты, казался ему ужасно смешным. И тут Дэннер понял, что находится на грани истерики, и с изумлением обнаружил в левой руке салфетку из ресторана.

- Ну-ка, посторонись, - сказал он роботу. - Дай мне выйти. Ты что, не понимаешь, что произошла ошибка? - голос его задрожал. Робот, чуть слышно скрипнув, отошел в сторону.

- То, что ты преследуешь меня по пятам, уже не радость, - сказал Дэннер. - Должен же ты быть хотя бы чистым. Грязный робот - это уже слишком... Да-да, слишком... - Эта идиотская мысль была невыносимой, и в голосе его зазвенели слезы. Одновременно смеясь и рыдая, он вытер стальную грудь робота и отшвырнул салфетку.

И в ту самую секунду, когда Дэннер ощутил под своими пальцами твердую стальную поверхность, он понял все, что с ним произошло, и тогда прорвало наконец защитный экран истерии. Никогда в жизни он больше не будет один. До тех пор, пока не умрет. А когда пробьет его смертный час, то глаза ему закроют вот эти стальные руки, и свой последний вздох он испустит, прижимаясь к этой стальной груди, и над ним склонится металлическое бесстрастное лицо. Это будет последнее, что суждено ему увидеть перед смертью. Ни одной живой души рядом - только черный стальной череп "фурии".

Почти неделю он не мог связаться с Гарцем. За это время он изменил свое мнение о том, как долго может выдержать и не сойти с ума человек, преследуемый "фурией". Последнее, что он видел, засыпая по ночам, был свет уличного фонаря, который проникал сквозь шторы

гостиничного номера и падал на металлическое плечо его тюремщика. Без конца пробуждаясь от тревожного забытья в течение всей долгой ночи, он слышал легкое, едва различимое поскрипывание механизма, работающего под стальной броней. И каждый раз он задавал себе вопрос, удастся ли ему проснуться снова и не настигнет ли его разящий удар во время сна. Каким будет этот удар? Как "фурии" расправляются со своими жертвами? Он всегда испытывал некоторое облегчение, встречая лучи раннего утра, отражающиеся от стального одеяния стража, бодрствующего у его постели. Ну вот, и эта ночь прожита. Хотя можно ли назвать это жизнью? И стоит ли жить в таком аду?

Он продолжал занимать гостиничный номер. Возможно, администрация была бы не прочь выселить его. Но никто ничего ему не говорил. А может, просто никто не осмеливался. Жизнь становилась какой-то странной, призрачной - словно нечто видимое сквозь невидимую стену. Дэннер не мог думать ни о чем другом, кроме того, как связаться с Гарцем. Его прежние желания - жажда роскоши, развлечений, путешествий - растаяли как дым. Ему уже больше не суждено путешествовать в одиночестве.

Теперь он много времени проводил в публичной библиотеке, читая все, что там было о роботах. И именно там он впервые натолкнулся на две памятные, внушающие трепетный ужас строчки, написанные Мильтоном, когда мир еще был маленьким и простым, - мистические строки, смысл которых не мог понять ни один человек, пока люди не создали по своему образу и подобию стальных "фурий".

И эта двурукая машина у дверей
Стоит, готовая, чтоб нанести
удар,
Один-единственный - второго
уж не надо.

Дэннер поднял глаза на двурукую машину, недвижно застывшую рядом с ним, и стал думать о Мильтоне, о давно минувших днях, когда жизнь была простой и беззаботной. Он попытался нарисовать это прошлое в своем воображении.

Люди были... не такими, что ли. Но какими? Это было очень давно, и потому совершенно непонятно, какими были люди в те времена. Он так и не смог представить себе время до появления компьютеров.

Однако впервые он узнал, что действительно произошло тогда, в его молодые годы, когда блистающий всеми красками мир ярко вспыхнул в последний раз и погас и начались скучные, серые будни. Тогда-то впервые и появились человекоподобные "фурии".

До начала войн техника так далеко шагнула вперед, что компьютеры, словно живые существа, стали производить себе подобных, и на Земле вполне бы мог воцариться рай, где желания каждого были бы полностью удовлетворены. Правда, к тому времени социальные науки заметно отставали от точных. Когда же начались войны, разражавшиеся одна за другой, машины и люди вынуждены были сражаться бок о бок, сталь - против стали, люди - против людей. И люди оказались менее прочными. Войны закончились только тогда, когда исчезли последние общественные системы: некому стало воевать. И общество стало распадаться, пока не пришло в состояние, близкое к анархии.

А тем временем машины принялись зализывать свои раны и лечить друг друга, как это было заложено в их программы, и никаких социальных наук им не требовалось. Они спокойно воспроизводили себе подобных и создавали для людей новые материальные ценности, то есть делали то, для чего, собственно, они и предназначались в Золотой Век. Конечно, не все было идеально. Далеко не идеально, ибо некоторые из самовоспроизводящихся машин исчезли с лица земли. Однако большинство из них продолжало добывать в шахтах сырье, обогащать его, отливать из металла необходимые детали, добывать для себя горючее, залечивать свои раны и сохранять на Земле свое потомство с такой эффективностью, какая человеку и не снилась.

А человечество продолжало дробиться и дробиться, распадаясь на все более мелкие группы. Собственно групп больше не существовало, не осталось даже семей. Люди не очень-то нуждались друг в друге. Эмоциональные привязанности утратили всякий смысл. Люди оказались в условиях, когда они вынуждены были принимать суррогаты отношений за истинные, бегство от жизни стало почти естественным. Люди обратили все свои эмоции на спасительные машины, обогащающие их жизни веселыми и невероятными приключениями, по сравнению с которыми окружающий мир казался таким невыносимо скучным, что о нем и думать не хотелось. Рождаемость падала. Это был очень странный период. Роскошь и хаос мирно уживались друг с другом, так же как анархия и инертность. А рождаемость все сокращалась.

В конце концов стало совершенно очевидно, что род человеческий вырождается и ничто не в силах остановить этот процесс. Но в подчинении у человека оставался всесильный слуга. И вот тогда некий неведомый гений понял, что нужно делать. Нашелся человек, трезво оценивший ситуацию и заложивший новую программу в самую большую из уцелевших электронно-вычислительных машин. Он поставил перед нею следующую задачу:

"Человечество должно снова встать на собственные ноги. И пусть это станет единственной целью до тех пор, пока она не будет достигнута".

Все было бы достижимо, если бы изменения, которые произошли, не носили глобального характера, жизнь людей на всей планете уже коренным образом изменилась. В отличие от людей машины представляли собой интегрированное общество. Получив одинаковые приказы, они мгновенно переориентировались, чтобы их исполнить.

Роскошной жизни для всех пришел конец. Эскапистские машины прекратили свое существование. Чтобы выжить, людям пришлось объединяться в группы, взяться за те виды работ, которые раньше выполняли машины, и медленно, очень медленно их общие нужды и интересы вновь вызвали к жизни почти утраченное чувство человеческой общности.

Процесс этот шел очень медленно. Ни одна машина не могла вернуть человеку то, что он утратил, - моральные категории. Индивидуализм достиг такой стадии, что в течение долгого времени не было никаких средств, способных удержать людей от преступлений. После ликвидации родственных отношений не осталось даже понятия кровной мести. Совесть, как одна из категорий морали, улетучилась, поскольку человек больше не отождествлял себя с другими людьми.

На этом этапе основная задача, стоявшая перед машинами, заключалась в том, чтобы возродить в человеке чувство собственного достоинства и тем самым спасти людей от исчезновения. Несущее ответственность только перед самим собой общество станет взаимозависимо - лидеры окажутся связанными со своей общественной группировкой и реально существующее общественное сознание будет объявлять вне закона и наказывать "преступление", то есть реально наносить ущерб группе людей, с которой связан тот или иной индивидуум.

Именно тогда-то и появились "фурии".

Компьютеры вынесли решение, что при любых обстоятельствах убийство является самым тяжким преступлением против человечества. Такое решение было единственно верным, поскольку убийство представляло собою действие, которое могло невосполнимо разрушить или уничтожить ячейку общества.

"Фурии" не в силах предотвратить преступление. Наказание не способно излечить преступника. Но оно может отвратить других от совершения преступления, внушив им страх, - люди воочию увидят, как карается преступление. "Фурии" стали символом возмездия. Они открыто шествовали по улицам, неотступно преследуя свои жертвы, словно убедительное доказательство того,

что убийство всегда наказуемо и что наказание это всегда будет публичным и неотвратимым. "Фурии" действовали безупречно. Они никогда не ошибались, по крайней мере теоретически. А если учесть огромное количество информации, накопленное к тому времени аналоговыми компьютерами, казалось, машины способны выносить гораздо более справедливые решения, нежели человек.

Настанет время, когда человек вновь откроет для себя понятие преступления. Ведь лишившись этого понятия, человечество поставило под угрозу собственное существование и было уже на грани исчезновения. Если же возродится понятие преступления, человек сможет вновь обрести былую власть над себе подобными, не говоря уже о целом поколении его механических слуг, которые помогли человечеству сохраниться. Но пока не наступил этот день, "фурии", эти созданные из металла символы человеческой совести, навязанные человечеству машинами, также созданные в свое время руками людей, будут вышагивать по улицам.

Дэннер с трудом понимал, что с ним происходит. Он постоянно возвращался мыслью к прошедшим временам - временам эскапистских машин, когда еще не нормировали материальные блага. Он думал об этом с мрачной злобой, ибо просто не мог понять смысла эксперимента, начатого человечеством. Ему гораздо больше нравились старые времена. И особенно потому, что никаких "фурий" тогда не существовало.

Он много пил. Однажды опустошил свои карманы, бросив все деньги, что у него были, в шляпу безногого нищего, потому что этот человек, как и он сам, в силу роковых обстоятельств оказался вне общества. Для Дэннера таким роком была "фурия". Для нищего - сама жизнь. Лет тридцать назад он бы и жил, и умер незамеченным, все жизненные блага ему обеспечивали бы машины. А сейчас этот нищий сумел выжить только благодаря попрошайничеству - верный признак того, что люди начинают испытывать угрызения совести и в них пробуждается чувство сострадания к себе подобным. Однако для Дэннера это ровным счетом ничего не меняло. Он даже не узнает, чем закончится эта история, ибо не доживет до ее конца.

Ему захотелось поговорить с нищим, хотя тот явно пытался поскорее укатить от него на своей тележке.

- Послушай, - бормотал Дэннер, упорно шагая за нищим и роясь в карманах. - Я хочу кое-что тебе рассказать. Все не совсем так, как тебе кажется. Это...

В тот вечер он был здорово пьян и упрямо плелся за нищим до тех пор, пока тот не швырнул ему назад все деньги и не бросился от него наутек на своей тележке, а

Дэннер всем телом привалился к стене дома, словно испытывая ее прочность, и только тень "фурии" в свете уличного фонаря возвратила его к реальности.

Поздней ночью, дождавшись абсолютной темноты, он попытался избавиться от "фурии". Дэннер с трудом припомнил, как отыскал где-то кусок трубы и с размаху саданул по плечу гиганта, маячившего рядом с ним, но увидел лишь яркий сноп искр. Он бросился бежать и долго петлял по переулкам, а потом спрятался в подъезде и затаился, пока вновь не услышал размеренные шаги, громким эхом отдававшиеся в ночи.

Вконец измученный, Дэннер уснул.

Только на следующий день он добрался до Гарца.

- Что произошло? - спросил Дэннер. За эту неделю он неузнаваемо изменился. В его лице появилась одутловатость, и какое-то новое выражение обнаружило странное сходство с лишенной черт гладкой маской робота.

Гарц в сердцах ударил рукой по краю стола, так что лицо его исказила гримаса боли. Казалось, пол кабинета вибрирует не только от гула работающих внизу машин, но и от нервного возбуждения хозяина.

- Что-то не сработало в машине, - сказал он. - И я пока еще не знаю, что именно.

- Ты и не узнаешь! - Дэннер почувствовал, что теряет терпение.

- Подожди немножко. - Гарц сделал успокаивающий жест. - Еще чуть-чуть потерпи, и все будет в порядке. Ты можешь...

- Сколько времени мне еще осталось? - спросил Дэннер, оглянувшись назад, словно обращая вопрос не к Гарцу, а к безмолвному роботу, возвышающемуся за его спиной. Он задал вопрос уже не первый раз, так же напряженно всматриваясь в неподвижный стальной лик. Казалось, он будет с безнадежным отчаянием повторять его до тех пор, пока наконец не получит ответ. И не на словах...

- Никак не могу понять, что не сработало, - сказал Гарц. - Но, черт побери, Дэннер, ты же знал, что мы шли на риск.

- Однако ты уверял, что можешь контролировать компьютер. Я сам видел, как ты это делаешь. Так почему ты не выполнил своего обещания?

- Я же говорю тебе: что-то не сработало. А должно было сработать... В ту минуту, ну, когда это... случилось... я запустил в компьютер программу, которая должна была обезопасить тебя.

- Ну так в чем же дело?

Гарц поднялся с кресла и стал мерить шагами шумопоглощающий ковер.

- Просто ума не приложу. Мы иногда недооцениваем потенциальные возможности машин, вот какая штука. Я думал, что смогу с этим справиться. Но...

- Ты думал!

- Я уверен, что это в моих силах. И я не теряю надежды. Предпринимаю все возможное. Ведь для меня это тоже очень важно. Я спешу изо всех сил. Потому-то я и не мог встретиться с тобой раньше. Но я ручаюсь за успех, если мне удастся разработать собственный метод. Черт побери, это не так-то просто, Дэннер! Это тебе не фокусы с арифмометром. Ты только взгляни вниз, на мои машины...

Дэннер даже не повернулся.

- Выполни свое обещание, не то тебе не поздоровится, - сказал он. - Вот и все!

Гарц пришел в ярость.

- Не смей угрожать мне! Если ты дашь мне работать спокойно, я сделаю все, что обещал. Только, пожалуйста, избавь меня от угроз!

- Имей в виду, ты в этом тоже должен быть кровно заинтересован! - сказал Дэннер.

Гарц отошел к письменному столу и уселся на край.

- Это почему же? - поинтересовался он.

- О'Райли мертв. Ты заплатил мне, чтобы я его убил.

Гарц пожал плечами.

- "Фурия" это знает, - сказал он. - Да и компьютеры тоже. Но это ничего не значит. Ведь это ты нажал курок, а не я.

- Оба мы виноваты. И если мне приходится расплачиваться за это, то и тебе...

- Минуточку. Давай поставим все на свои места. Одно только намерение не наказуемо. Этот принцип лежит в основе правосудия. Я полагаю, тебе известно об этом? Наказывают только за совершенное деяние. Я в такой же степени ответствен за смерть О'Райли, как и пистолет, который был у тебя в руках.

- Значит, ты наврал мне! Ты обманул меня! Тогда я вот что сделаю...

- Ты будешь делать то, что я прикажу, если хочешь спасти свою шкуру! Я не обманывал тебя, просто допустил ошибку. Дай мне время, и я исправлю ее.

- Сколько времени тебе нужно?

Оба посмотрели на "фурию", казалось олицетворявшую абсолютное равнодушие.

- Я ведь не знаю, как долго мне осталось жить, - сам себе ответил Дэннер. - Вот и ты говоришь, что не знаешь. Да и никто, пожалуй, не знает, когда пробьет мой час, когда этот робот убьет меня. Я перечитал о них все, что только можно было прочесть в популярных изданиях. Это верно, что способ убийства каждый раз меняется? Чтобы

такие, как я, сидели как на иголках и мучились неизвестностью. И время, отпущенное каждому, тоже разное?

- Да, это правда. Но существует все же какой-то минимум времени - я в этом почти уверен. Ты едва ли его исчерпал. Поверь мне, Дэннер, я действительно могу отвести от тебя "фурию". Ты же сам видел, как это делается. Помнишь, я тебе показывал? Сейчас мне нужно выяснить, что же не сработало на этот раз. И чем больше ты будешь надоедать мне, тем меньше у меня останется на это времени. Давай договоримся: я сам тебя разыщу. И не пытайся встретиться со мной.

Дэннер встал. Он сделал несколько быстрых шагов навстречу Гарцу. Гнев и отчаяние, казалось, прорвались сквозь бесстрастную маску, которую крушение всех надежд уже наложило на его лицо. Но мерная поступь "фурии" снова раздалась за его спиной, и Дэннер остановился.

Мужчины в упор посмотрели друг на друга.

- Дай мне время, - сказал Гарц. - Верь мне, Дэннер.

В какой-то степени жить надеждой было еще хуже. В последнее время отчаяние как бы парализовало все его чувства, и он успокоился, ни на что уже не надеясь. Но сейчас появился шанс, появилась слабая надежда, что он сможет в конце концов спастись и вновь обрести ту новую и светлую жизнь, из-за которой все поставил на карту, - если Гарц сумеет все-таки спасти его.

А пока у него еще есть время, решил он, он поживет вволю. Дэннер полностью обновил свой гардероб. Стал много путешествовать, хотя, конечно, по-прежнему ни на миг не оставался в одиночестве. Даже попытался - и небезуспешно - завязать кое-какие контакты. Но те, кто не отказывался поддерживать знакомство с ним - с человеком, приговоренным к смертной казни, были не очень-то привлекательны. Он обнаружил, например, что женщины иной раз испытывали к нему влечение не из симпатии или даже тяги к деньгам, а из-за его компаньона. Словно их возбуждала эта постоянная близость, пусть даже безопасная для них, к орудию судьбы. Иногда он замечал, что даже в самые упоительные минуты они через его плечо не сводят глаз с "фурии". В порыве странной ревности он тут же порывал со всяким, как только ловил его откровенно заинтересованный взгляд на маячившего за его спиной робота.

Он пытался забыться в далеких путешествиях. Улетел на ракете в Африку, а оттуда - в тропические джунгли Южной Америки. Но ни ночные клубы, ни экзотика далеких краев не смогли по-настоящему увлечь его. Свет солнца всюду одинаково отражался от стального тела его попутчика - светило ли оно над саванной цвета львиной

шкуры или пробивалось сквозь зеленое кружево джунглей. Всякая новизна тут же исчезала при виде до отвращения знакомого силуэта, неизменно маячившего рядом. Ничто не радовало Дэннера.

Слышать с утра до ночи равномерную поступь за своей спиной стало для него невыносимой мукой. Дэннер пробовал закладывать уши, но звук тяжелых шагов постоянно отдавался у него в голове, точно во время приступа мучительной мигрени. Даже когда робот был недвижен, Дэннеру чудился неслышный ритм его шагов.

Он попробовал избавиться от своего мучителя с помощью оружия. Разумеется, из этого ничего не вышло.

К тому же Дэннер знал, что, если бы ему и удалось уничтожить "фурию", за нею тут же появилась бы другая. Ни алкоголь, ни наркотики не спасали. Все чаще приходила мысль о самоубийстве, но он отгонял ее, вспоминая обещание Гарца, оставившего все-таки слабую надежду.

В конце концов Дэннер решил вернуться в город, чтобы быть поближе к Гарцу. И к надежде. Снова он целыми днями просиживал в библиотеке, стараясь как можно меньше двигаться - чтобы не слышать за собой гулкое эхо шагов. И вот однажды утром, сидя в библиотеке, он нашел ответ...

Он изучил всю литературу о "фуриях", все указанные в каталоге источники, на удивление многочисленные и до сих пор не утратившие, подобно мильтоновской двурукой машине, своей актуальности. "Эти сильные ноги, которые следуют за тобой", читал он, "... неторопливо шагая в равномерном темпе, с установленной скоростью и величественной поступью...". Он перевернул страницу и прочел строки, которые характеризовали его мучителя, да и его самого лучше любой аллегории:

Потряс я времени оплоты
и искорежил свою жизнь,
покрыв себя позором,
И, глядя на руины давно
прошедших лет, -
Мне виделись в пыли мои
младые годы.

Слезы жалости к самому себе застилали глаза. Капля упала на страницу со стихами, так образно передавшими его чувства.

Затем от раздела художественной литературы он перешел к хранилищу микрофильмов, отснятых по пьесам, посвященным интересующей его теме. Перед его глазами возник семифутовый робот-"фурия", явившийся вместо полагающихся по легенде трех эриний со змеями вместо волос на голове, и эта новоявленная богиня мести гнала от Арго до Афин одетого в современное платье

Ореста. Как только появились "фурии", на эту тему было написано немало пьес. Погрузившись в полудремоту детских воспоминаний тех лет, когда еще действовали эскапистские машины, Дэннер забыл обо всем на свете.

Он до такой степени увлекся, что, когда перед ним промелькнула знакомая сцена, он почти не обратил на нее внимания. Все увиденное настолько ассоциировалось с его детством, что он вначале даже не удивился, откуда одна из сцен ему более знакома, чем другие. Но потом увиденное снова ожило в его памяти. Резко выпрямившись, он ударом кулака нажал на кнопку "стоп", прокрутил пленку назад и вновь просмотрел всю сцену.

Он увидел человека, преследуемого "фурией". Они двигались, окруженные своеобразным вакуумом, похожие на Робинзона и Пятницу на своем необитаемом острове... Вот человек свернул в переулок, бросил тревожный взгляд прямо в объектив камеры, набрал в легкие воздуха и кинулся бежать. Кинокамера запечатлела момент, когда "фурия" замешкалась, делая какие-то нерешительные движения, а затем повернулась и тихо побрела прочь, в совершенно другом направлении, и шаги ее гулко отдавались по мостовой...

Дэннер снова перекрутил назад пленку и просмотрел сцену еще раз - просто для того, чтобы лишний раз удостовериться. Руки у него дрожали так, что он едва мог управлять видеомагнитофоном.

- Ну, как тебе это нравится? - тихо проговорил он, обращаясь к "фурии", высившейся за его спиной в полутьме кабины. У него появилась странная привычка разговаривать с "фурией", он делал это вполголоса, не замечая того. - Ну, что ты на это скажешь, а? Ведь ты уже видела все это раньше, правда? Знакомая сцена, не так ли? Да отвечай же, дуреха! - И, откинувшись назад, он ударил робота кулаком в грудь так, словно перед ним был сам Гарц. Глухо прозвучал удар - единственная ответная реакция, на которую был способен робот. Когда Дэннер обернулся, он в третий раз увидел хорошо знакомую сцену, на этот раз отраженную металлической грудью робота и его лишенным черт гладким ликом, словно и робот тоже запомнил ее.

Наконец-то он все понял. Гарц никогда не обладал теми возможностями, о которых говорил. А если даже и обладал, то не имел ни малейшего желания воспользоваться ими, чтобы помочь Дэннеру. Да и зачем, собственно, это было ему нужно? Ведь сам-то он ничем больше не рисковал! Теперь понятно, почему Гарц так нервничал, когда прокручивал этот фрагмент из фильма на большом экране в своем офисе. Он был взвинчен вовсе не потому, что то, чем он занимался, было опасно, - просто синхронизация его действий с действием на экране

требовала от него невероятного напряжения. По-видимому, ему не один раз пришлось прорепетировать эту сцену: чтобы каждое движение совпадало с тем, что показывалось на экране, потребовалось рассчитать каждый свой жест! И как, должно быть, он потом смеялся!..

- Скажи, сколько времени мне еще осталось? - Дэннер яростно колотил по груди робота, извлекая звуки, которые доносились, точно из пустоты. - Сколько? Отвечай! Хватит ли мне времени?

Крушение последней надежды привело его в бешенство. Зачем было ждать? Зачем чего-то искать? Все, что ему было сейчас нужно, - это встретиться с Гарцем, и как можно быстрее, пока не кончилось его время. Дэннер с отчаянием вспоминал о потерянных днях, когда он путешествовал по свету или попросту убивал время, ибо он понял, что его последняя минута может быть уже на исходе и план Гарца успеет осуществиться.

- Пошли, - без всякой на то необходимости обратился он к "фурии". - Поторопись.

Робот двинулся за ним. Загадочный механизм внутри отсчитывал минуты, оставшиеся до того мгновения, когда двурукая машина нанесет свой роковой удар, второго уже не потребуется.

Гарц восседал за новым письменным столом. Он чувствовал себя на вершине пирамиды, состоящей из множества компьютеров, которые управляют обществом, подстегивая его, точно хлыстом. Гарц глубоко вздохнул и задумался.

Он постоянно ловил себя на мыслях о Дэннере. Тот даже снился ему. Его не терзало чувство вины, ведь это чувство предполагает наличие совести. К тому же человеческое сознание еще не освободилось от пережитков насаждаемого долгое время ярого индивидуализма. И все же на сердце было неспокойно.

Он откинулся назад и открыл небольшой ящик, который перенес сюда из старого стола. Рука скользнула внутрь, и пальцы Гарца небрежно коснулись пульта управления. Очень небрежно.

Несколько движений, и он мог спасти жизнь Дэннера. Конечно, он обманывал Дэннера с самого начала. Он легко мог управлять "фуриями". Он и сейчас мог спасти Дэннера, но делать этого не собирался. Никакой необходимости. Да и небезопасно. Стоит только один раз вмешаться в сложный механизм, контролирующий жизнь общества, и никто не сумеет предугадать, чем это обернется. Может возникнуть цепная реакция, которая дезорганизует всю систему. Нет, не стоит...

Возможно, ему самому когда-нибудь придется воспользоваться этим прибором в ящике. Правда, он надеялся, что до этого дело не дойдет. Гарц быстро задвинул ящик и услышал мягкий щелчок замка.

Итак, он стал контролером. В каком-то смысле - хранителем машин, которые намного преданнее людей, подумал Гарц. Старый вопрос, и ответ на него единственный: никого, сегодня никого. Над ним не было никого, его власть была абсолютной. Благодаря этому небольшому механизму в ящике письменного стола его никто больше не контролирует. Ни чья-либо совесть или сознание, ни его собственная. Ничто ему не грозит...

Он услышал шаги по лестнице, и на мгновение ему показалось, что он задремал. Несколько раз ему уже снилось, что он - это Дэннер, который слышит у себя за спиной тяжелые размеренные шаги. Но сейчас это был не сон.

Очень странно, что вначале он уловил далекую и едва слышную поступь металлических ног, а уж затем торопливые шаги Дэннера, который быстро взбегал по лестнице служебного входа. Все произошло так быстро, словно спрессовалось в одно мгновение. Сначала он уловил глухой, едва слышный ритм, потом внезапный шум и хлопанье дверьми внизу, а затем шаги взбегающего по лестнице Дэннера.

Дэннер широко распахнул дверь, и крики и топот снизу ворвались в тишину кабинета, словно грохот урагана, донесшийся наконец до слуха наблюдателя. Но урагана, который привиделся в кошмарном сне, ибо прорваться дальше ему уже не удастся - время остановилось.

Время остановилось вместе с Дэннером, замершим на пороге. Его лицо конвульсивно подергивалось, в руках он сжимал пистолет. Дэннера сотрясала такая дрожь, что он схватился за пистолет обеими руками.

Гарц действовал почти бессознательно, точно робот. Слишком часто подобную сцену он рисовал в своем воображении. Если бы он мог повлиять на "фурию", чтобы ускорить смерть Дэннера, он давно бы с ним покончил. Но он не знал, как это сделать. Оставалось только одно: ждать - с такой же тревогой, как и сам Дэннер, и все-таки Гарц надеялся, что возмездие свершится и его исполнитель нанесет удар прежде, чем Дэннер узнает правду. Или когда он окончательно утратит надежду.

Гарц давно был готов к этой встрече. Он не помнил, как в его руке оказался пистолет, не помнил, как открыл ящик стола. Время и в самом деле остановилось. Он был уверен, что "фурия" не допустит, чтобы Дэннер поднял на кого-либо руку. Однако Дэннер стоял перед ним в дверном проеме, сжимая дрожащими руками пистолет, и Гарц, прекрасно владевший техникой, где-то в глубине сознания

ощущал неуверенность - он понимал, что "фурии" управляемы и потому могут подвести. Он не полагался на них, особенно когда речь шла о его собственной жизни, - ведь он лучше других знал, как легко совершается предательство. Гарц не помнил, как пистолет оказался у него в руке. Курок словно сам надавил на палец, ладонь ощутила отдачу, выстрел расколол воздух.

Гарц услышал, как пуля звякнула о металл.

Время снова пришло в движение и понеслось вдвое быстрее, чтобы наверстать упущенное. "Фурия" была всего на шаг позади Дэннера, ее стальная рука обняла его и отвела пистолет Дэннера в сторону. Дэннер успел выстрелить, но на секунду замешкался, и "фурия" сумела помешать ему. Пуля Гарца первой достигла цели.

Она навылет прошила грудь Дэннера и звякнула о стальную грудь робота за его спиной. Лицо Дэннера утратило выразительность, превратилось в маску, такую же безликую, как маска робота над его головой. Дэннер отшатнулся назад, но не упал, поддерживаемый роботом. Потом медленно соскользнул на пол. Пистолет глухо стукнул о покрытый ковром пол. Из обеих ран хлынула кровь.

Робот неподвижно застыл над ним, кровавая полоса, как орденская лента, пересекала его грудь.

"Фурия" и управляющий стояли, как бы глядя друг на друга. И хотя "фурия", как всегда, безмолвствовала, Гарцу показалось, что она говорит: "Самооборона - не оправдание для убийства. Мы не наказываем за намерение, но мы преследуем деяние. Любое преступление. Любое убийство".

Гарц едва успел бросить револьвер в ящик стола, как в кабинет ворвались люди, которые подняли шум внизу. Удивительно, как он додумался вовремя спрятать пистолет. Ведь он никак не ожидал, что дело примет такой оборот.

С первого взгляда все выглядело как классическое самоубийство. Он словно со стороны слышал, как дает объяснения чуть дрожащим голосом. Все видели, как этот безумец, следом за которым неотступно шагал робот, вбежал в его кабинет. Это был уже не первый случай, когда убийца, сопровождаемый "фурией", пытался проникнуть к управляющему, умоляя отвести от него кару.

- Дело в том, - объяснял Гарц своим подчиненным уже окрепшим голосом, - что, исполняя свой долг, "фурия" помешала этому человеку выстрелить в меня. И тогда он выстрелил в себя.

Следы пороха на одежде Дэннера безоговорочно подтверждали слова Гарца.

Итак, самоубийство. Это объяснение способно удовлетворить всякого, но только не компьютер.

Труп вынесли. Гарц и "фурия" остались в кабинете, стоя друг против друга и как бы глядя друг на друга через стол. Если даже кому-то из служащих это показалось странным, то он не подал и вида.

Гарц сам не знал, как оценить эту ситуацию. Ничего подобного раньше не случалось. Ни один дурак не додумался бы совершить убийство на глазах у "фурии". И сейчас даже ему, управляющему, не известно, каким образом компьютеры изучают улики и устанавливают степень виновности. Он не знал, отзовут ли компьютеры "фурию" в данном случае. А что, если смерть Дэннера и в самом деле была самоубийством? Может, тогда его, Гарца, оставят в покое?

Он знал: машины уже начали анализировать все обстоятельства происшедшего. Правда, пока еще неясно, получила ли "фурия" приказ с этого момента следовать за ним, куда бы он ни шел, до самого его смертного часа или она останется стоять здесь, просто стоять, пока ее не отзовут...

Впрочем, сейчас это уже не имело значения. Либо эта "фурия", либо какая-нибудь другая в настоящий момент, конечно, уже получила инструкции относительно его. Оставалось прибегнуть к единственному средству. Слава богу, он еще может кое-что предпринять.

Гарц отпер ящик письменного стола и, выдвинув его, коснулся клавишей - он-то думал, что ему никогда не придется к этому прибегать. Очень тщательно, цифру за цифрой, он вложил в компьютеры закодированную информацию и посмотрел сквозь стеклянную стену. Ему показалось, что он видит, как внизу, на невидимых глазу лентах, одни данные стираются, а на их месте появляется другая, фальшивая информация.

Он взглянул на робота и едва заметно улыбнулся.

- Сейчас ты все забудешь, - сказал он. - И ты, и эти компьютеры. А теперь можешь идти, ты мне больше не нужен.

То ли оттого, что компьютеры работали очень быстро (как оно и было на самом деле), то ли в силу простого совпадения, но только "фурия" задвигалась, словно подчиняясь приказанию Гарца. С того самого момента, когда Дэннер выскользнул из ее рук, она стояла без движения. А сейчас новый приказ оживил робота, и пока одна программа сменялась другой, движения его были импульсивны. Казалось, он согнулся в неловком поклоне, так что голова его оказалась на одном уровне с головой Гарца.

Гарц увидел собственное лицо, отразившееся в гладкой физиономии "фурии". Было что-то похожее на насмешку в этом неловком поклоне робота, чью грудь украшала кроваво-красная орденская лента, делавшая его похожим

на дипломата, награжденного за заслуги. Однако заслуги эти были весьма сомнительны: этот точный механизм стал соучастником преступления. Удаляясь, робот оглядывался на Гарца, как бы унося с собой отражение его лица.

Гарц наблюдал, как "фурия" гордо шествовала к двери. Затем услышал, как ее размеренные шаги загрохотали вниз по лестнице. Всем телом ощущая эту тяжелую поступь, от которой содрогался пол, Гарц внезапно почувствовал тошноту и головокружение - он подумал, что сейчас сама структура общества сотрясается под его ногами.

Машины тоже подвержены коррупции.

Жизнь человечества все еще зависела от компьютеров, но компьютерам нельзя больше доверять. Гарц заметил, что у него дрожат руки.

Он задвинул ящик стола и услышал, как мягко щелкнул замок. Руки его дрожали, и эта дрожь, казалось, отдавалась во всем теле, и он с ужасом подумал о том, как непрочен этот мир.

Внезапно нахлынувшее чувство одиночества, как холодный порыв ветра, охватило его. Никогда еще Гарц не испытывал такой острой потребности в общении с себе подобными. Не с каким-то одним человеком, а с людьми вообще. Просто с людьми. Такое естественное и примитивное желание быть среди людей.

Схватив шляпу и пальто, он стал быстро спускаться вниз. На середине лестницы остановился, глубоко засунув руки в карманы, но никакое пальто не спасло от внутреннего озноба.

За спиной послышались шаги.

Сначала он не смел оглянуться. Он слишком хорошо знал эту поступь. Но в нем боролись два страха, и он не знал, какой из них сильнее - боязнь убедиться, что "фурия" приставлена к нему, или боязнь обнаружить, что ее нет. Если бы она действительно оказалась за его спиной, он, скорее всего, испытал бы чувство странного успокоения, ибо это означало, что он может доверять машинам. Что же касается этого ужасного чувства одиночества, то оно должно пройти.

Не оглядываясь назад, он шагнул еще на одну ступеньку. За спиной послышался зловещий отзвук, словно повторивший его шаг. Он с трудом перевел дух и оглянулся.

Лестница была пуста.

Выждав время, которое, как ему показалось, длилось бесконечно долго, Гарц, часто оглядываясь, начал спускаться вниз. И снова он слышал грохот шагов у себя за спиной. Однако "фурии" не было видно. Никакой "фурии".

Эринии снова нанесли свой тайный удар - невидимая глазу "фурия" его совести следовала за ним по пятам.

Казалось, снова возродилось понятие греха и вернулось в мир, где он был первым человеком, вновь испытавшим ощущение внутренней вины. Очевидно, компьютеры все-таки не подвели.

Гарц медленно спускался по лестнице. Он вышел на улицу, все еще слыша характерную поступь за спиной. Сейчас она уже не отдавалась металлическим звоном, но ни избавиться от нее, ни откупиться было невозможно.

Отныне она навсегда будет сопровождать его.

МАСКИРОВКА

К дому N 16 по Нобхилл-Род Толмен подошел весь в поту. Он чуть ли не насильно заставил себя коснуться пластинки электрического сигнализатора. Послышалось тихое жужжание (это фотоэлементы проверяли отпечатки пальцев), затем дверь открылась и Толмен вошел в полутемный коридор. Он покосился назад - там, за холмами, пульсировал бледный нимб огней космопорта.

Толмен спустился пандусом; в уютно обставленной комнате, вертя в руках высокий бокал-хайбол, развалился в кресле седой толстяк. Напряженным голосом Толмен сказал:

- Привет, Браун. Все в порядке?

Вислые щеки Брауна растянулись в усмешке.

- Конечно, - ответил он. - А почему бы и нет? Полиция ведь за вами не гонится, правда?

Толмен уселся и стал готовить себе коктейль. Его худое выразительное лицо было мрачно.

- Нервам не прикажешь. Да и космос на меня действует. Всю дорогу, пока добирался с Венеры, ждал, что ко мне вот-вот подойдут и скажут: "Следуйте за мной".

- Но никто не подошел.

- Я не знал, что здесь застану.

- Полиции в голову не могло прийти, что мы подадимся на Землю, - заметил Браун и бесформенной лапой взъерошил свою седую гриву. - Это вы хорошо придумали.

- Ну, да. Психолог-консультант...

- ... для преступников. Хотите выйти из игры?

- Нет, - откровенно сказал Толмен. - Прибыль уж очень соблазнительная. Большого размаха затея.

Браун ухмыльнулся.

- Это точно. Раньше никто не догадывался организовать преступление так, как мы. До нас ни одно дело гроша ломаного не стоило.

- Ну и где мы теперь? В бегах.

- Ферн нашел верное место, где можно отсидеться.

- Где?

- В Поясе Астероидов. Но нам не обойтись без одной штуки.

- Какой?

- Атомной энергостанции.

Толмен, видно, испугался. Но было ясно, что Браун не шутит. Помолчав, Толмен хмуро поставил бокал на стол.

- Это, я бы сказал, немыслимо. Слишком она велика.

- Ну, да, - согласился Браун, - но как раз такую, как нам нужно, отправляют на Каллисто.

- Налет? Нас так мало...

- Корабль поведет трансплант.

Толмен склонил голову набок.

- Так. Это не по моей части...

- Там, конечно, будет какое-то подобие команды. Но мы ее обезвредим... и займем ее место. Тогда останется пустяк: отключить трансплanты и перевести корабль на ручное управление. Это именно по вашей части. Технической стороной займутся Ферн и Каннингхэм, но сначала надо установить, насколько опасен трансплант.

- Я не инженер.

Браун не обратил внимания на эту реплику и продолжал:

- Трансплант, ответственный за рейс на Каллисто, в жизни был Бартом Квентином. Вы его знали, не так ли?

Толмен, вздрогнув, кивнул.

- Да. Давным-давно. До того как...

- В глазах полиции вы чисты. Повидайтесь с Квентином. Выжмите из него все, что можно. Выясните... Каннингхэм вам скажет, что именно надо выяснить. А после возьмемся за дело. Надеюсь.

- Не знаю. Я не...

Браун сдвинул брови.

- **Нам во что бы то ни стало нужно где-то отсидеться.** Сейчас это вопрос жизни и смерти. Иначе мы с тем же успехом можем зайти в ближайший полицейский участок и подставить руки под наручники. Мы все делаем поумному, но теперь - надо прятаться. В темпе!

- Что ж... все ясно. А вы знаете, что такое трансплант?

- Освобожденный мозг. Который может пользоваться искусственными орудиями и приборами.

- Формально - да. Но вы когда-нибудь видели, как трансплант работает на экскаваторе? Или на венериан-

ской драге? Там феноменально сложное управление, обычно с ним возятся человек десять.

- Вы считаете, что трансплант - сверхчеловек?

- Нет, - медленно произнес Толмен, - этого я не говорю. Но я бы охотнее схлестнулся с десятком людей, чем с одним трансплантом.

- Так вот, - сказал Браун, - езжайте в Квебек и повидайтесь с Квентином. Он сейчас там, это я установил. Сначала поговорите с Каннингхэмом. Мы разработаем самый подробный план. Нас интересуют возможности Квентина и его уязвимые места. И наделен ли он телепатическими способностями. Вы старый друг Квентина да к тому же психолог, значит, задача вам по плечу.

- Пожалуй.

- Энергостанция нам необходима. **Надо спрятаться**, и **поскорее!**

Толмен подозревал, что Браун все это задумал с самого начала. Хитрый толстяк, у него хватило ума сообразить, что обыкновенные преступники в век могучей техники и узкой специализации обречены. Полиция призывает на помощь науку. Связь быстра, даже между планетами, и превосходно налажена. Всевозможные приборы... Единственная надежда на успех - это совершить преступление молниеносно и мгновенно исчезнуть.

Но преступление надо тщательно подготовить. Чтобы противостоять общественному организму (а этим-то и занимается каждый уголовник), разумнее всего создать такой же организм. Дубинка ничего не стоит против ружья. По той же причине обречен на провал бандит с крепкими кулаками. Следы, что он оставит, будут исследованы; химия, психология и криминалистика помогут его задержать; его заставят сознаться. Заставят, не прибегая к допросу третьей степени. Поэтому...

Поэтому Каннингхэм - инженер, специалист по электронике. Ферн - астрофизик. Сам Толмен - психолог. Рослый блондин Далквист - охотник, охотник по призванию и профессии, с оружием управляется лихо. Коттон - математик... а сам Браун - координатор. Целых три месяца объединение успешно орудовало на Венере. Потом, как и следовало ожидать, кольцо сомкнулось и шайка просочилась назад, на Землю, готовая перейти к следующей ступени плана, продуманного на много ходов вперед. Что это за ступень, Толмен не знал до последней минуты. Но охотно признавал ее логическую неизбежность.

Если надо, в пустынных просторах Пояса Астероидов можно прятаться вечно, а когда представится удобный

случай - нагрянуть туда, где не ждут, и сорвать верный куш. Чувствуя себя в безопасности, они могут сколотить подпольную организацию преступников, раскинуть сеть осведомителей по всем планетам... да, такой путь неизбежен. Но все равно, Толмену страшновато было тягаться с Бартом Квентином. Ведь этот человек уже... собственно... не человек.

По пути в Квебек его не покидала тревога. Толмен, хоть и считал себя космополитом, не мог не предвидеть натянутости, смущения, которые он невольно выкажет при встрече с Квентином. Притворяться, что не было той... аварии, - это уж слишком. А все же... Он припомнил, что семь лет назад Квентин отличался завидным телосложением и мускулами атлета, гордился своим искусством танцевать. Что касается Линды, Толмену оставалось только гадать, где она теперь. Ведь не может быть, что она по-прежнему жена Барта Квентина, если уж так случилось. Или может?

Самолет пошел на снижение; внизу показался тусклый серебристый стержень собора святого Лоуренса. Пилотировал робот, повинуясь узкому лучу. Лишь при сильнейшем шторме управление самолетом переходит к людям. В космосе все иначе. К тому же надо выполнять и другие операции, невообразимо сложные, с ними справляется только человеческий разум. И не всякий, а разум особого типа.

Разум, как у Квентина.

Толмен потер узкий подбородок и слабо улыбнулся, пытаясь понять, что его так беспокоит. Но вот и разгадка. Обладает ли Квент в своем новом перевоплощении более чем пятью чувствами? Или реакциями, недоступными обычному человеку? Если да, Толмену определенно несдобровать.

Он покосился на соседа по креслам, Дэна Саммерса из "Вайоминг энджинирз", который помогал ему связаться с Квентином. Саммерс, молодой, светловолосый, чуть припорошенный веснушками, беззаботно улыбнулся.

- Волнуетесь?

- Может, и так, - ответил Толмен. - Я все думаю, сильно ли он изменился.

- У разных людей это по-разному.

Самолет, послушный лучу, скользил под закатным солнцем в сторону аэропорта. На горизонте неровно вырисовывались освещенные шпили Квебека.

- Значит, они все же меняются?

- Полагаю, они не могут не измениться психически. Вы ведь психолог, мистер Толмен. Что бы вы испытывали, если бы...

- Но получают они хоть что-нибудь взамен?

Саммерс рассмеялся.

- Это очень мягко сказано. Взамен... Хотя бы бессмертие!

- По-вашему, это благо? - спросил Толмен.

- Да. Он останется в расцвете сил - один бог ведает, сколько еще лет. Ему не грозит старость. Яды, вырабатываемые при усталости, автоматически удаляются иррадиацией. Мозговые клетки не восстанавливаются, конечно, не то что, например, мускулы; но мозг Квентина невозможно повредить, он заключен в очень надежный футляр. Не приходится бояться артериосклероза: мы применяем раствор плазмы, и на стенках сосудов кальций не оседает. Физическое состояние мозга автоматически контролируется. Квент может заболеть разве что душевно.

- Боязнью пространства... Нет. Вы говорили, что у него глаза-линзы. Они сообщают ему чувство расстояния.

- Если вы заметите хоть какую-то перемену, - сказал Саммерс, - не считая совершенно нормального умственного роста за семь лет, - это меня заинтересует. У меня... в общем, мое детство прошло среди трансплантов. Я не замечаю, что у них механические, взаимозаменяемые тела - точно так же ни один врач не думает о своем друге как о клубке нервов и сосудов. Главное - это способность мыслить, а она осталась прежней.

Толмен задумчиво проговорил:

- Да вы и есть врач для трансплантов. Неспециалист реагирует иначе. Особенно если он привык видеть вокруг человеческие лица.

- Я вообще не сознаю, что лиц нет.

- А Квент?

Саммерс помедлил.

- Да нет, - сказал он наконец, - Квент, я уверен, тоже не сознает. Он полностью приспособился. Транспланту на перестройку нужен примерно год. Потом все идет как по маслу.

- На Венере я издали видел работающих трансплантов. Но вообще- то на других планетах их не так уж много.

- Не хватает квалифицированных специалистов. Чтобы обучиться трансплантации, человек тратит буквально полжизни. Прежде чем начинать учебу, надо быть знающим инженером-электроником. - Саммерс засмеялся. - Хорошо еще, что большую часть расходов несут страховые компании.

Толмен удивился.

- Это как же?

- Берут на себя такое обязательство. Бессмертие стало профессиональным риском. Исследования в области ядерной физики - работа опасная, дружище!

Выйдя из самолета, они окунулись в прохладный ночной воздух. По пути к ожидающему их автомобилю Толмен сказал:

- Мы с Квентином росли вместе. Но в аварию он попал спустя два года после того, как я покинул Землю, и с тех пор я его не видел.

- В облике трансплантa? Понятно. Знаете, название никуда не годится. Его выдумал какой-то заумный болван; опытные пропагандисты предложили бы что-нибудь получше. К сожалению, это название так и прилипло... В конце концов мы надеемся привить любовь к трансплантам. Но не сразу. Мы еще только начинаем. Пока что их двести тридцать - удачных.

- Бывают неудачи?

- Теперь - нет. Вначале... Это сложно. От трепанации черепа до сообщения энергии и перестройки рефлексов - это самая изматывающая, головоломнейшая, труднейшая техническая задача, какую когда-либо разрешал человеческий мозг. Надо примирить коллоидную структуру с электронной схемой... но результат того стоит.

- Технически. А как насчет духовной жизни?

- Что ж... Про эту сторону вам расскажет Квентин. А технически вы себе и наполовину всего не представляете. Никому не удавалось создать коллоидной структуры, подобной мозгу, - до нас. И природа такой структуры не просто механическая. Это просто чудо... синтез разумной живой ткани с хрупкими, высокочувствительными приборами.

- Однако этому шедевру свойственна ограниченность и машины... и мозга.

- Увидите. Нам сюда. Мы обедаем у Квентина...

- **Обедаем?**

- Ну да. - Во взгляде Саммерса промелькнули задорные искорки. - Нет, он не ест стальную стружку. Вообще-то...

Встреча с Линдой оказалась для Толмена потрясением. Он никак не ожидал ее увидеть. Да еще при таких обстоятельствах. А она почти не изменилась - та же сердечная, дружелюбная женщина, какую он помнил, чуть постарше, но по-прежнему очень красивая и изящная. Линда всегда была обаятельной. Тоненькая и высокая, голова увенчана причудливой короной русых волос, в карих глазах нет напряженности, которой мог бы ожидать Толмен.

Он сжал руки Линды.

- Ничего не говори, - сказал он. - Сам знаю, сколько воды утекло.

- Не будем считать годы, Вэн. - Она улыбнулась, глядя на него снизу вверх. - Мы начнем с того, на чем тогда остановились. Выпьем, а?

- Я бы не отказался, - вставил Саммерс, - но мне надо явиться к начальству. Я только посмотрю на Квента. Где он?

- У себя. - Линда кивнула на дверь и снова повернулась к Толмену. - Значит, ты с самой Венеры? С тебя весь загар сошел. Расскажи, как оно там.

- Неплохо. - Он отнял у нее шейкер и стал тщательно сбивать мартини. Ему было не по себе. Линда приподняла бровь.

- Да-да, мы с Бартом все еще женаты. Ты удивлен?

- Немножко.

- Это все равно Барт, - сказала она спокойно. - Пусть выглядит он иначе, все равно это человек, за которого я выходила замуж. Так что не смущайся, Вэн.

Он разлил мартини по бокалам. Не глядя на нее, сказал:

- Если ты довольна...

- Я знаю, о чем ты думаешь. Я все равно что замужем за машиной. Сначала... да я давно преодолела это ощущение. Оба мы преодолели, хоть и не сразу. Была принужденность; ты наверняка почувствуешь ее, когда увидишь Барта. Но на самом деле это неважно. Он... все тот же Барт.

Она подвинула третий бокал Толмену, и тот посмотрел на нее в изумлении.

- Неужели...

Она кивнула.

Обедали втроем. Толмен не сводил глаз с цилиндра высотой и диаметром шестьдесят сантиметров (цилиндр возлежал против него на столе) и старался уловить проблеск разума в двойных линзах. Линда невольно представлялась ему жрицей чужеземного идола, и от этой мысли становилось тревожно. Линда как раз накладывала в металлический ящичек охлажденные, залитые соусом креветки и по сигналу усилителя вынимала ложечкой скорлупу.

Толмен ожидал услышать глухой, невыразительный голос, но система "Showвокс" придавала голосу Квентина звучность и приятный тембр.

- Креветки вполне съедобны, Вэн. Зря люди по привычке выплевывают их, едва пососав. Я тоже воспринимаю их вкус... только вот слюны у меня нет.

- Ты... воспринимаешь вкус...

Квентин усмехнулся.

- Послушай-ка, Вэн. Не прикидывайся, будто ты считаешь это в порядке вещей. Придется тебе привыкать.

- Я-то привыкала долго, - подхватила Линда. - Но прошло немного времени, и я поймала себя на мысли: да ведь это как раз в духе вечных чудачеств Барта! Помнишь, в Чикаго ты явился на совещание дирекции в рыцарских доспехах?

- И отстоял-таки свою точку зрения, - сказал Квентин. - Я уж забыл, о чем шла речь, но... мы говорили о вкусе. Я ощущаю вкус креветок, Вэн. Правда, кое-какие нюансы пропадают. Тончайшие. Но я различаю нечто большее, чем сладко-кисло, солоно-горько. Машины научились различать вкус много лет назад.

- Но ведь им не приходится переваривать пищу...

- И страдать гастритом. Теряя на утонченных удовольствиях гурмана, я наверстываю на том, что не ведаю желудочно-кишечных болезней.

- У тебя и отрыжка прошла, - заметила Линда. - Слава богу.

- И могу разговаривать с набитым ртом, - продолжал Квентин. - Но я вовсе не тот супермозг в машинном теле, какой тебе подсознательно рисуется, приятель. Я не изрыгаю смертоносных лучей.

Толмен неловко ухмыльнулся.

- Разве мне такое рисуется?

- Пари держу. Но... - тембр голоса изменился. - Я не сверхсущество. В душе я человек человеком, и не думай, что я не тоскую порой о былых денечках. Бывало, лежишь на пляже и впитываешь солнце всей кожей - вот таких мелочей не хватает. Танцуешь под музыку...

- Дорогой, - сказала Линда.

Тон голоса стал прежним.

- Ну, да. Вот такие банальные мелочи и придают жизни прелесть. Но теперь у меня есть суррогаты - параллельные факторы. Реакции, которые совершенно невозможно описать, потому что... скажем... электронные импульсы вместо привычных нервных. У меня есть органы чувств, но только благодаря механическим устройствам. Когда импульсы поступают ко мне в мозг, они автоматически преобразуются в знакомые символы. Или... - Он заколебался. - Пожалуй, на первый раз достаточно.

Линда вложила в питательную камеру кусочек балыка.

- Иллюзия величия, а?

- Иллюзия изменения... только это не иллюзия, детка. Понимаешь, Вэн, когда я превратился в трансплантата, у меня не было эталонов для сравнения, кроме ранее известных. А они годились лишь для человеческого тела. Позднее, принимая импульс от землечерпалки, я чувствовал себя так, словно выжимаю акселератор в автомобиле. Теперь старые символы меркнут. У меня теперь ощущения... более непосредственные, и уже не надо преобразовывать импульсы в привычные образы.

- Так должно получаться быстрее.

- И получается. Если я принимаю сигнал "пи", мне уже не надо вспоминать, чему равно это пи. И не надо решать уравнение. Я сразу чувствую, что они значат.

- Синтез с машиной?

- И все же я не робот. Все это не влияет на личность, на сущность Барта Квентина. - Наступило недолгое молчание, и Толмен заметил, что Линда бросила на цилиндр проницательный взгляд. Квентин продолжал прежним тоном: - Я страшно люблю решать задачи. Всегда любил. А теперь решение не остается на бумаге. Я сам осуществляю всю задачу, от постановки вопроса до претворения в жизнь. Я сам додумываюсь до практического применения и... Вэн, я сам себе машина!

- Машина? - откликнулся Толмен.

- Ты не замечал, когда вел автомобиль или управлял самолетом, как ты сливаешься с машиной? Она становится частью тебя самого. А я захожу еще дальше. И это приятно. Представь себе, что ты можешь до предела напрячь свои телепатические способности и воплотиться в своего пациента, когда ставишь ему диагноз. Это ведь экстаз.

Толмен смотрел, как Линда наливает сотерн в другую камеру.

- Ты теперь никогда не напиваешься допьяна? - спросил он.

Линда расхохоталась.

- Вином - нет... но Барт иногда пьянеет, да еще как!

- Каким образом?

- Угадай, - подзадорил Квентин не без самодовольства.

- Спирт растворяется в крови и достигает мозга - эквивалент внутривенного вливания, да?

- Скорее я ввел бы в кровь яд кобры, - отрезал трансплант. - Мой обмен веществ слишком утончен, слишком совершенен, чтобы нарушать его посторонними соединениями. Нет, я прибегаю к электрическим стимуляторам: от индуцированного высокочастотного тока становлюсь пьян как сапожник.

Толмен вытаращил глаза.

- И это тебе заменяет?..

- Да. Табак и спиртное - раздражители, Вэн. Мысли - тоже, если на то пошло! Когда я испытываю физическую потребность захмелеть, я пользуюсь особым устройством - оно стимулирует раздражение - и извлекаю из него большее опьянение, чем ты из кварты мескаля.

- Он цитирует Гаусмана, - сказала Линда. И подражает голосам животных. Барт так владеет голосом - просто чудо. - Она встала. - Вы уж извините, у меня есть кое-какие дела на кухне. Автоматика автоматикой, но должен ведь кто-то нажимать на кнопки.

- Помочь тебе? - вызвался Толмен.

- Спасибо, не надо. Посиди с Бартом. Пристегнуть тебе руки, дорогой?

- Не стоит, - отказался Квентин. - Вэн мне подольет. Поторапливайся, Линда: Саммерс говорит, что мне скоро пора возвращаться на работу.

- Корабль готов?

- Почти.

- Никак не привыкну к тому, что ты управляешь космолетом в одиночку. Особенно таким, как этот.

- Возможно, сметан он на живую нитку, но на Каллисто попадет.

- Что ж... будет хоть какая-то команда?

- Будет, - подтвердил Квентин, - но она не нужна. Это страховые компании потребовали, чтоб была аварийная команда. Саммерс хорошо поработал - переоборудовал корабль за шесть недель.

- С такими-то материалами - сплошь жевательная резинка да скрепки для бумаг, - заметила Линда. - Надеюсь, он не развалится.

Она вышла под тихий смех Квентина. Помолчали. Толмен остро, как никогда, ощутил, что его товарищ, мягко говоря, изменился. Дело в том, что он чувствовал на себе пристальный взгляд Квентина, а ведь... Квентина-то не было.

- Коньяку, Вэн, - попросил голос. - Плесни мне в этот ящичек.

Толмен было повиновался, но Квентин его остановил:

- Не из бутылки. Прошли те времена, когда у меня во рту ром смешивался с водичкой. Через ингалятор. Вот он. Давай. Выпей сам и скажи, какое у тебя впечатление.

- О чем?..

- Разве не понимаешь?

Толмен подошел к окну и стал смотреть на отражения огней, переливающиеся на соборе св.Лоуренса.

- Семь лет, Квент. Трудно привыкнуть к тебе в таком... виде.

- Я ничего не утратил.

- Даже Линду, - сказал Толмен. - Тебе повезло.

- Она не бросила меня, - ровным голосом ответил Квентин. - Пять лет назад меня искалечило в аварии. Я занимался экспериментальной ядерной физикой, и приходилось идти на известный риск. Взрывом меня искромсало, разнесло в клочья. Не думай, что мы с Линдой не предусмотрели этого заранее. Мы знали о профессиональном риске.

- И все равно...

- Мы рассчитывали, что брак не расстроится, даже если... Но потом я чуть не настоял на разводе. Это она меня убедила, что все будет как нельзя лучше. И оказалась права.

Толмен кивнул.

- Воистину.

- Это меня... поддерживало долгое время, - мягко сказал Квентин. - Ты ведь знаешь, как я относился к Линде. Мы с ней всегда были идеальными уравнениями. Пусть даже коэффициенты изменились, мы приспособились заново.

Внезапный смех Квентина заставил психолога нервно обернуться.

- Я не чудовище, Вэн. Выкинь из головы эту мысль!

- Да я этого и не думал, - возразил Толмен. - Ты...

- Кто?

Молчание. Квентин фыркнул.

- За пять лет я научился разбираться в том, как люди на меня реагируют. Дай мне еще коньяку. Мне попрежнему кажется, будто я ощущаю небом его вкус. Странно, до чего стойко держатся старые ассоциации.

Толмен налил коньяку в ингалятор.

- Значит, по-твоему, ты изменился только физически?

- А ты меня считаешь обнаженным мозгом в металлическом цилиндре? Совсем не тот парень, что пьянствовал с тобой на Третьей авеню? Да, я изменился, конечно. Но это нормальная перемена. Это всего лишь шаг вперед после вождения автомобиля. Будь я таким сверхмеханизмом, как ты подсознательно думаешь, я стал бы совершеннейшим выродком и решал бы все время космические уравнения. - Квентин ввернул крепкое словцо. - А если бы я этим занимался, то спятил бы. Потому что я не сверхчеловек. Я простой парень, хороший физик, и мне пришлось прилаживаться к новому телу. У него, конечно, есть неудобства.

- Например?

- Органы чувств. Вернее, их отсутствие. Я помогал разрабатывать уйму компенсирующей аппаратуры. Теперь я читаю эскапистские романы, пьянею от электричества, пробую все на вкус, хоть и не могу есть. Я смотрю телевизор. Стараюсь получать все чисто человеческие удовольствия, какие только можно. Они дают мне душевное равновесие, а я в нем очень нуждаюсь.

- Естественно. И получается?

- Сам посуди. У меня есть глаза - они только различают цветовую гамму. Есть съемные руки, их можно совершенствовать как угодно, вплоть до работы с микроминиатюрными приборами. Я умею рисовать - кстати, под псевдонимом я уже довольно широко известен как карикатурист. Это для меня отдушина. Настоящая работа по-прежнему физика. И она по-прежнему мне подходит. Знакомо тебе наслаждение, которое испытываешь, после того как разобрался в задаче - геометрической, электронной, психологической, любой? Теперь я решаю неизмеримо более сложные проблемы, требующие не только трезвого расчета, но и мгновенной реакции. Например, вождение космолета. Выпьем еще коньяку. В теплой комнате он хорошо испаряется.

- Ты все тот же Барт Квентин, - сказал Толмен, - но мне в это больше верится, когда я закрываю глаза. Вождение космолета...

- Я не утратил ничего человеческого, - настаивал Квентин. - В сути своей мои эмоции не изменились. Мне... не так уж приятно, что ты смотришь на меня с неподдельным ужасом, но я могу понять твое состояние. Мы ведь давно дружим, Вэн. Не исключено, что ты забудешь об этом раньше, чем я.

Толмен вдруг покрылся испариной. Но теперь он, несмотря на слова Квентина, убедился, что хоть частично узнал то, за чем пришел. У транспланта нет сверхъестественных способностей - он не телепат.

Разумеется, остались еще не выясненные вопросы.

Он подлил коньяку и улыбнулся поблескивающему цилиндру. Слышно было, как в кухне тихонько напевает Линда.

Космолет остался безымянным по двум причинам. Во-первых, ему предстоял один-единственный рейс - на Каллисто; вторая причина была не столь проста. По существу, это был не корабль с грузом, а груз с кораблем.

Атомная энергостанция - не генератор, который можно демонтировать и втиснуть в грузовой отсек. Она чудовищно велика, мощна, громоздка и тяжела. Чтобы изготовить атомную установку, нужны два года, а потом ее

пускают в действие непременно на Земле, на гигантском заводе технического контроля, занимающем территорию семи графств в штате Пенсильвания. В вашингтонской Палате мер и весов в стеклянном футляре с терморегулятором хранится полоска металла; это стандартный метр. Точно так же в Пенсильвании с бесчисленными предосторожностями хранится единственный в солнечной системе эталонный расщепитель атомов. К горючему предъявлялось только одно требование - его лучше всего просеивать в грохотах с сеткой в один меш. Размер был выбран произвольно и лишь для удобства тех, кто составлял стандарты на горючее. В остальном же атомные энергостанции поглощали все что угодно.

Немногие баловались с атомной энергией - это свирепая стихия. Экспериментаторы работали по шаткой системе осторожных проб и ошибок. Но даже при таких условиях лишь трансплантида - гарантия бессмертия - не давала профессиональному неврозу перерасти в психоз.

Предназначенная для Каллисто атомная энергостанция была слишком велика даже для самого крупного из торговых космолетов, но ее непременно надо было доставить на Каллисто. Поэтому инженеры и техники соорудили корабль вокруг энергостанции. Не то чтобы буквально сметанный на живую нитку, он, безусловно, соответствовал далеко не всем стандартам. Его конструкция во многом резко отклонялась от нормы. Специфические требования удовлетворялись искусно, подчас остроумно, по мере того как возникали. Поскольку все управление кораблем предполагалось сосредоточить в руках трансплантата Квентина, об удобствах малочисленного аварийного экипажа почти не заботились. Экипаж не должен был слоняться по всему кораблю, если только не случится где-нибудь поломки, а поломки практически исключались.

Корабль был единым живым существом. Почти, но не совсем.

У трансплантата были приставки - инструменты - решительно во всех секциях сооружения. Они предназначались для выполнения текущих работ на корабле. Искусственных органов чувств не было - только слуховые и зрительные. Квентин временно превратился в суперуправление космолетом. Саммерс принес на борт мозго-цилиндр, поместил его где-то (он один знал, где именно), подключил, и этим закончилось сотворение космолета.

В 24.00 энергостанция отправилась на Каллисто.

Когда была пройдена примерно треть пути к орбите Марса, в необъятный салон, способный привести в ужас любого инженера, вошли шестеро в скафандрах.

Из настенного динамика раздался голос Квентина:

- Что ты здесь делаешь, Вэн?

- Порядок, - сказал Браун. - Приступаем. Работать надо по-быстрому. Каннингхэм, найдите-ка штеккер. Далквист, держи пистолет наготове.

- А мне что искать? - спросил рослый блондин.

Браун посмотрел на Толмена.

- Вы уверены, что он неподвижен?

- Уверен, - ответил Толмен, у которого бегали глаза. Он чувствовал себя голым под пристальным взглядом Квентина, и это ему не нравилось.

Изможденный, морщинистый, хмурый Каннингхэм заметил:

- Здесь подвижен только привод. Я был убежден в этом еще до того, как Толмен перепроверил. Если трансплант подключен в расчете на одно задание, то он располагает только инструментами, необходимыми именно для этого задания.

- Ладно, не будем терять время на болтовню. Разомкни цепь. Каннингхэм широко раскрыл глаза под смотровым стеклом шлема.

- Минутку. Тут ведь оборудование не стандартное. Оно экспериментальное... Мне надо разобраться... ага!

Толмен украдкой пытался отыскать линзы трансплантовых глаз, но ему это не удавалось.

Откуда-то из-за лабиринта труб, соленоидов, проводов, аккумуляторных пластин и всевозможных деталей на него, он знал, смотрит Квентин. Несомненно, из нескольких точек сразу - зрение у него наверняка обзорное, глаза продуманно размещены по всему салону.

А салон - центральный салон управления - был огромен. Выкрашенный в мутновато-желтый цвет, подавляющей пустотой он напоминал причудливый, какой-то сверхъестественный собор; его громада принижала мужчин, превращала их в карликов. Модуляторы необычайных размеров, лишенные изоляции, жужжали и искрили; жутковатым пламенем вспыхивали вакуумные лампы. Вдоль стен над головами людей, на высоте шести метров, проходила металлическая площадка, огороженная металлическими поручнями, - случайное проявление заботы о технике безопасности. На площадку вели две лесенки у двух противоположных стен каюты. Сверху свисал звездный глобус, а в

хлорированном воздухе глухо отдавалась пульсация чудовищной мощности.

Динамик спросил:

- Это что, пиратский налет?

- Называйте как хотите, - небрежно ответил Браун. - И успокойтесь. Вам не причинят вреда. Возможно, мы даже отправим вас на Землю, когда изобретем безопасный способ.

Каннингхэм изучал люситовую сетку, стараясь ни к чему не прикасаться.

Квентин сказал:

- Этот груз не стоит таких усилий. Я ведь не радий везу.

- Мне нужна энергостанция, - лаконически возразил Браун.

- Как вы попали на борт?

Браун поднял было руку, чтобы отереть пот с лица, но, скорчив гримасу, воздержался.

- Что-нибудь нашел, Каннингхэм?

- Не торопите меня. Я всего лишь инженер по электронике. Схемы тут запутанные. Ферн, подсоби-ка.

Беспокойство Толмена росло. Он понял, что Квентин после первого удивленного возгласа все время игнорирует его. Какой-то безотчетный импульс побудил его закинуть голову и окликнуть Квентина.

- Да, - отозвался Квентин. - Так что? Ты, значит, в этой шайке?

- Да.

- И ты выпытывал меня в Квебеке. Хотел удостовериться, что я не опасен.

Толмен постарался ответить бесстрастным голосом:

- Нам надо было знать наверняка.

- Понятно. Как вы попали на борт? Радар автоматически отклоняет корабль от приближающейся массы. Вы не могли подобраться на другом корабле.

- Мы и не подбирались. Просто устранили аварийный экипаж и надели его скафандры.

- Устранили?

Толмен перевел взгляд на Брауна.

- А что нам оставалось? В такой крупной игре нельзя довольствоваться полумерами. Позднее эти люди стали бы живой угрозой нашим планам. Ни одна душа не должна ничего знать, кроме нас. И тебя. - Толмен опять взглянул на Брауна. - Я считаю, Квентин, что тебе лучше войти в долю.

Динамик пренебрег угрозой, скрытой в совете.

- Зачем вам энергостанция?

- Мы подыскали себе астероид, - начал объяснять Толмен, запрокинув голову и шаря взглядом по за-

громожденной полости корабля; перед глазами все плыло от ядовитых испарений. Он ожидал, что Браун оборвет его на полуслове, но толстяк промолчал. Толмен обнаружил, что очень трудно убеждать собеседника, который находится неизвестно где. - Одна беда - он лишен атмосферы. Энергостанция позволит нам создавать воздух. Найти нас в Поясе Астероидов можно будет только чудом.

- А что потом? Пиратство?

Толмен ничего не ответил. Динамик проговорил в раздумье:

- Вообще-то, пожалуй, дело верное. Во всяком случае, на первых порах. Можно будет как следует поживиться. Никто не ждет чего-нибудь подобного. Да, не исключено, что вам это сойдет с рук.

- Ну, - сказал Толмен, - если ты с нами согласен, то какой отсюда вывод?

- Не тот, что ты думаешь. Вашим пособником я не стану. Не столько из соображений морали, сколько из чувства самосохранения. Для вас я бесполезен. Транспланты нужны только высокоразвитой цивилизации. Я буду лишним грузом.

- Если я дам слово...

- Здесь решаешь не ты, - возразил Квентин.

Толмен инстинктивно бросил вопросительный взгляд на Брауна. Из настенного динамика послышался странный звук, похожий на сдавленный смешок.

- Пусть так, - пожал плечами Толмен. - Естественно, никто не требует, чтобы ты сразу переметнулся на нашу сторону. Поразмысли хорошенько. Помни, что ты уже не прежний Барт Квентин - у тебя есть кое-какие механические недочеты. Времени у нас не так уж много, но мы можем подождать - скажем, десять минут, покуда Каннингхэм осматривает твое хозяйство. А там... что ж, мы ведь не в камушки играем, Квент. - Он поджал губы. - Если ты станешь на нашу сторону и поведешь корабль по нашим указаниям, мы сохраним тебе жизнь. Только решайся немедля. Каннингхэм хочет выследить тебя и отключить от управления. После чего...

- Почему ты так уверен, что меня можно выследить? - хладнокровно спросил Квент. - Как только я высажу вас там, куда вы стремитесь, моя жизнь не будет стоить и цента. Я вам не нужен. Вы не могли бы обеспечить мне должного ухода, даже если бы захотели. Нет, меня просто отправили бы вслед за теми, кого вы уже устранили. Я предъявляю вам встречный ультиматум.

- Ты... что такое?

- Ведите себя тихо и ничего не трогайте, а я высажу вас в необитаемой зоне Каллисто и позволю скрыться, - сказал Квентин. - В противном случае - надейтесь на бога.

Браун впервые показал, что прислушивается к этому голосу. Он обернулся к Толмену.

- Блефует?

Толмен медленно склонил голову.

- Наверное. Он безвреден.

- Блефует, - поддержал Каннингхэм, не отрываясь от своего занятия.

- Нет, - спокойно возразил динамик. - Я не блефую. Кстати, поосторожнее с платой. Это часть атомного привода. Заденете не тот контакт - и все мы превратимся в плазму.

Каннингхэм отпрянул от змеевидной путаницы проводов, переплетенных в бакелите. Смуглолицый Ферн, который стоял поодаль, обернулся - взглянуть, что происходит.

- Полегче, - сказал он. - Надо твердо знать, что делаешь.

- Заткнись, - буркнул Каннингхэм. - Я-то знаю. Может быть, именно этого трансплант и боится. Я буду всячески избегать контактов нуклеоники, но... - Он помедлил, присмотрелся к паутине проводов. - Нет. Этот не нуклеонный... по-моему. Во всяком случае, не управляющий. Допустим, я разомкну этот контакт...

Его рука, защищенная перчаткой, потянулась к рубильнику.

Динамик произнес:

- Каннингхэм, лучше не надо.

Каннингхэм занес руку над рубильником. Динамик вздохнул.

- Что ж, будьте первым. Есть!

Смотровое стекло шлема больно стукнуло Толмена по носу. Огромный салон словно стал на дыбы, и Толмен, не удержавшись на ногах, кубарем покатился по полу. Он видел, как вокруг кувыркаются и падают гротескные фигуры в скафандрах. Браун потерял равновесие и тяжело рухнул на пол.

При резком ускорении корабля Каннингхэма швырнуло на провода. Он повис, как муха в паутине, его конечности, голова, все тело подергивалось в непроизвольных судорогах. Темп этой дьявольской пляски постепенно нарастал.

- Снимите его оттуда! - взвыл Далквист.

- Постойте! - вскричал Ферн. - Я отключу ток... - Но он не знал, как это делается. Толмен, у которого пересохло в горле, не отрываясь смотрел, как вытягивается,

изгибается, дрожит в агонии тело Каннингхэма. Вдруг явственно послышался хруст костей.

Теперь Каннингхэма сводили лишь редкие судороги, голова его поникла, но оказалась под необычным углом к телу.

- Снимите его, - распорядился Браун, но Ферн покачал головой.

- Каннингхэм мертв. А эта схема опасна.

- То есть как мертв?

Под щеточкой усов губы Ферна раздвинулись в мрачной усмешке.

- В эпилептическом припадке недолго свернуть себе шею.

- Пожалуй, - согласился потрясенный Далквист. - У него действительно шея сломана. Глядите, как повернута голова.

- Если через тебя пропустить переменный ток в двадцать герц, ты тоже будешь корчиться в судорогах, - одернул его Ферн.

- Нельзя же оставлять его так?

- Можно, - хмуро сказал Браун. - Держитесь-ка вы все подальше от стен. - Он злобно взглянул на Толмена. - А вы почему не...

- Все ясно. Но Каннингхэму следовало быть умнее и не прикасаться к голым проводам.

- Немного же здесь изолированных проводов, - проворчал толстяк. - А вы еще говорили, будто трансплант безвреден.

- Я говорил, что он неподвижен. И не телепат. - Толмен поймал себя на том, что как бы оправдывается.

Ферн заметил:

- Перед ускорением или торможением корабля дается звуковой сигнал. А на этот раз сигнала не было. Наверное, его отключил сам трансплант, чтобы застигнуть нас врасплох.

Они вглядывались в жужжащую, просторную, желтую пустоту. Толмена охватила боязнь замкнутого пространства. Стены, казалось, готовы были рухнуть - сомкнуться над ним, словно он стоял на разжатой ладони титана.

- Можно разбить ему глаза, - предложил Браун.

- Сначала надо их найти. - Ферн ткнул пальцем в сторону лабиринта всевозможных устройств.

- Всего и дела-то - отключить трансплланта. Разомкнуть соединение. Тогда он будет все равно что покойник.

- К сожалению, - возразил Ферн,- среди нас единственным специалистом по электронике был Каннингхэм. Я всего только астрофизик!

- Неважно. Мы выдернем одну-единственную вилку - и трансплант потеряет сознание. Это-то в наших силах!

Страсти разгорались. Утихомирил всех Коттон - маленький человечек с подслеповатыми голубыми глазками.

- Нас должна выручить математика. Геометрия. Надо разыскать трансплантата и... - Он поднял глаза вверх и оцепенел. - Мы уклонились от курса! - выговорил он наконец. - Видите индикатор?

Высоко вверху Толмен видел исполинский звездный глобус. На его черной поверхности ясно можно было различить пятнышко красного света.

Смуглое лицо Ферна искривилось в усмешке.

- Все ясно. Трансплант ищет защиты. Ближайшая планета, откуда можно ждать помощи, - это Земля. Но у нас еще много времени. Я не такой специалист, как Каннингхэм, но и не безнадежный кретин. - Он не смотрел на ритмично подрагивающее тело. - Вовсе не обязательно проверять тут все соединения.

- Вот и ладно, займитесь, - буркнул Браун.

Ферн, неуклюжий из-за скафандра, подошел к квадратному отверстию в полу и вгляделся в металлическую решетку, еле видную на глубине двадцати пяти метров.

- Точно. Сюда подается горючее. Незачем исследовать все соединения до последнего. Горючее насыпается вон из той трубы, что идет поверху. Теперь смотрите. Все, что связано с атомной энергией, явно помечено красным. Видите?

Все видели. То тут, то там на щитах и пластинах - загадочные красные метки. Еще были знаки синие, зеленые, черные и белые.

-Будем исходить из этого допущения, - закончил Ферн. - По крайней мере до поры до времени. Красное - это атомная энергия. Синее... зеленое... так.

Толмен неожиданно сказал:

- Что-то я нигде не вижу ничего похожего на футляр с мозгом Квентина.

- Неужто ты ожидал его увидеть? - саркастически спросил астрофизик. - Он вставлен в какую-нибудь нишу с амортизационной прокладкой. Мозг выдерживает большую перегрузку, чем тело, но семь g максимум во всех - случаях. Это нам, между прочим, на руку. Корабль не рассчитан на высокие скорости. Трансплант бы их не выдержал, а мы и подавно.

- Семь g, - в раздумье повторил Браун.

- При которых трансплант тоже лишился бы чувств. А ему надо быть в сознании, чтобы провести корабль сквозь земную атмосферу. Времени у нас уйма.

- Сейчас мы движемся довольно медленно, - заметил Далквист.

Ферн бросил цепкий взгляд на звездный глобус.

- Похоже на то. Пустите-ка, я займусь.

Он опоясался канатом и привязал конец к одной из центральных колонн.

- Чтоб не было несчастных случаев.

- Не так уж трудно найти нужную цепь, - сказал Браун.

- Как правило, не трудно. Но тут ведь все понамешано - атомное управление, радар, кухонный водопровод. А ярлыки эти служили только для удобства изготовителей. Ведь корабль строили не по чертежам. Он сделан смаху. Я-то найду транспланта, но для этого нужно время. Так что придержите язык и дайте мне спокойно поработать.

Браун насупился, но ничего не ответил. Лысый череп Коттона покрылся испариной. Далквист рукой обхватил металлическую колонну и стал ждать, что будет дальше. Толмен опять взглянул на галерею, что тянулась вдоль стен. На звездном глобусе заплясал диск красного света.

- Квент, - позвал Толмен.

- Да, Вэн. - Голос Квентина был далек и спокоен. Браун, будто невзначай, взялся рукой за бластер, висящий у него за поясом.

- Отчего ты не сдаешься?

- А вы?

- Тебе нас не одолеть. С Каннингхэмом ты справился по счастливой случайности. Теперь мы настороже - ты не причинишь нам вреда. Найти тебя - только вопрос времени. А тогда не жди пощады, Квент. Ты можешь избавить нас от лишних усилий: сообщи, где находишься. Мы согласны отплатить услугой за услугу. Если отыщем тебя без твоей помощи, тебе уж не придется ставить условия. Ну, как?

- Нет, - ответил Квентин просто.

Несколько минут все молчали. Толмен наблюдал за Ферном, а тот, чрезвычайно осторожно разматывая бухту каната, исследовал паутину, где повисло тело Каннингхэма.

- Разгадка вовсе не там, - сказал Квентин. - Я неплохо замаскирован.

- Но беспомощен, - тотчас нашелся Толмен.

- Вы тоже. Спроси хоть у Ферна. Стоит ему перепутать контакты - и звездолет превратится в плазму. Так что ваши дела не лучше. Я ложусь на новый курс, возвращаюсь на Землю. Если вы сейчас не сдадитесь...

Вмешался Браун:
- Старинные законы действуют и поныне. За пиратство полагается смертная казнь.
- Пиратства не было вот уже много веков. Если дойдет до суда, приговор могут и заменить.
- Тюрьмой? Изменением условных рефлексов? - уточнил Толмен. - Лучше смерть.
- Мы гасим скорость! - воскликнул Далквист, покрепче ухватившись за колонну.
Поглядев на Брауна, Толмен уже не сомневался, что толстяк понял и оценил его тактику. Там, где техника бессильна, всесильна психология. В конце концов, мозг у Квентина человеческий.
Прежде всего усыпить бдительность противника.
- Квент!
Но Квентин не отвечал. Браун, поморщась, обернулся посмотреть, как идут дела у Ферна. Физик сосредоточенно изучал схему соединений, делал пометки в блокноте, укрепленном на левом локте скафандра, и по смуглому лицу его струился пот.
Вскоре Толмен ощутил легкую дурноту. Он покачал головой, осознав, что корабль почти совсем погасил скорость, и покрепче ухватился за ближайшую колонну. Ферн чертыхнулся. Ему было трудно удерживать равновесие.
Но вот он не устоял на ногах - наступила невесомость. Пятеро в скафандрах держались кто за что мог. Ферн злобно буркнул:
- Допустим, мы в тупике, но транспланту от этого не легче. Я не могу работать в невесомости, но и он не попадет на Землю без ускорения.
- Я послал сигнал бедствия, - сообщил динамик.
Ферн рассмеялся.
- Это-то мы с Каннингхэмом угадали, да и вы сами проговорились Толмену. Имея на борту противометеоритный радар, вы не нуждаетесь в аппаратуре связи, и у вас ее нет.
Он окинул взглядом блок, от которого только что отошел.
- Впрочем, возможно, я был слишком близок к правильному решению, а? Не потому ли...
- Вы даже не начинали приближаться, - оборвал Квентин.
- Все равно... - Ферн оттолкнулся от колонны, высвободил очередную порцию каната. Он намотал петлю на левое запястье и, повиснув в воздухе, возобновил изучение схемы.

Руки Брауна не удержались на скользкой поверхности колонны, и он взмыл как воздушный шар, слишком сильно надутый. Толмен, оттолкнувшись, метнулся к площадке с поручнями. Рука в тяжелой перчатке поймала металлический брус, Толмен раскачался, наподобие воздушного гимнаста, вспрыгнул на площадку и посмотрел вниз (хотя понятия "вверху" и "внизу" исчезли), на салон управления.

- По-моему, вам лучше сдаться, - сказал Квентин.

Браун медленно плыл к Ферну.

- Никогда, - заявил он, и в тот же миг с силой парового молота на звездолет обрушилась четырехкратная перегрузка. Это не был рывок вперед. Направление было другим, заранее заданным. Ферн уцелел, отделавшись лишь вывихом кисти: петля спасла его от гибельного падения на голые провода.

Толмена швырнуло на пол площадки. Ему было видно, как внизу остальные тяжело валятся на твердые плиты. Один лишь Браун упал не на пол.

В момент резкого ускорения он как раз парил над отверстием, куда подается горючее.

Толмен увидел, как скрылось из виду массивное тело. Раздался душераздирающий крик.

Далквист, Ферн и Коттон с усилием поднялись на ноги. Они осторожно подошли к отверстию и заглянули вниз.

- Он не... - начал было Толмен.

Коттон отвернулся. Далквист не двинулся с места. "Будто зачарованный", - подумал Толмен, но потом заметил, как у того вздрагивают плечи. Ферн посмотрел вверх, на площадку.

- Прошел через грохот, - сказал он. - Металлическая сетка с ячейками один меш.

- Пробил сетку?

- Нет, - неторопливо ответил Ферн. - Не пробил. Прошел насквозь.

Четырехкратная сила тяжести и падение с двадцатипятиметровой высоты в сумме дают что-то чудовищное. Толмен закрыл глаза и окликнул:

- Квент!

- Сдаетесь?

- Никогда в жизни! - буркнул Ферн. - Не так уж мы друг от друга зависим. Обойдемся и без Брауна.

Толмен уселся на площадке, держась за поручень и свесив ноги в пустоту. Он всматривался в звездный глобус, который висел слева от него, метрах в двенадцати. Красное пятнышко - индикатор положения звездолета - не двигалось.

- По-моему, ты теперь не человек, Квснт.

- Оттого что не хватаюсь за бластер? У меня другое оружие. Я не питаю иллюзий, Вэн. Я отстаиваю свою жизнь.

- Мы еще сможем сговориться.

- Я ведь предсказывал, что ты раньше меня забудешь о нашей дружбе, - ответил Квентин. - Ты не мог не знать, что ваш налет кончится моей гибелью. Но тебе это было безразлично.

- Я не ожидал, что ты...

- Ясно, - сказал динамик. - Интересно, ты бы с такой же готовностью осуществлял ваш план, если бы я не утратил человеческого облика? А насчет дружбы... не будем брезговать психологическими методами, Вэн. Мое металлическое тело ты считаешь врагом, барьером между тобой и настоящим Бартом Квентином. Подсознательно, может быть, ненавидишь его и потому стремишься уничтожить. Несмотря на то что вместе с ним истребишь и меня. Не знаю - возможно, ты оправдываешь себя рационалистическим рассуждением, будто тем самым избавишь меня от причины, которая воздвигла между нами барьер. И забываешь, что в главном-то я не изменился.

- Мы с тобой когда-то играли в шахматы, - сказал Толмен, - но пешек и фигур не ломали.

- Пока что я под шахом, - возразил Квентин. - Защищаться могу только конями. А у тебя еще целы слоны и ладьи. Можешь уверенно двигаться к цели. Сдаешься?

- Нет! - бросил Толмен.

Глаза его были прикованы к красному пятнышку света. Он уловил легчайший трепет и отчаянно схватился за металлический поручень.

Когда корабль рванулся, Толмен повис в воздухе.

Одну руку отбросило с поручня, но другая удержалась. Звездный глобус яростно раскачивался. Толмен перекинул ногу через поручень, вернулся на узенькую площадку и глянул вниз.

Ферна по-прежнему удерживал канат. Далквист и Коттон заскользили по полу и с грохотом врезались в колонну.

Кто-то вскрикнул.

Обливаясь потом, Толмен осторожно спустился. Но, когда он подошел к Коттону, тот был уже мертв.

О том, как он умер, рассказали трещины в смотровом стекле шлема и искаженные, синюшные черты лица.

- На меня налетел, - выдавил из себя Далквист. - Разбил стекло о гребень моего шлема...

Хлорная атмосфера корабля прикончила Коттона если не безболезненно, то быстро. Далквист, Ферн и Толмен переглянулись.

Светловолосый великан сказал:

- Троих не стало. Не нравится мне это. Очень не нравится.

Ферн оскалил зубы.

- Значит, мы все еще недооцениваем противника. Привяжитесь к колоннам. Не двигайтесь без страховки. Не подходите к опасным предметам.

- Мы все еще приближаемся к Земле, - напомнил Толмен.

- Ну, да, - кивнул Ферн. - Можно открыть люк и шагнуть в пространство. А дальше что? Мы рассчитывали, что будем пользоваться кораблем. Теперь ничего другого и не остается.

- Если мы сдадимся... - начал Далквист.

- Казнь, - без обиняков сказал Ферн. - У нас еще есть время. Я разобрался в некоторых соединениях. Многие отпадают.

- Все еще надеешься на удачу?

- Пожалуй. Но только все время держитесь за что-нибудь устойчивое. Я найду ответ, прежде чем мы войдем в атмосферу.

- Мозг испускает характерные колебания, - предложил Толмен. - Может быть, направленным искателем?..

- Это хорошо посреди пустыни Мохаве. Но не здесь. На корабле полным-полно излучений и токов. Как их различать без специальной аппаратуры?

- Мы ведь кое-что взяли с собой. Да и здесь ее хватает.

- Здесь она с сюрпризами. Я ведь стараюсь не нарушать status guo.

Жаль, что Каннингхэм так бесславно погиб...

- Квентин не дурак, - сказал Толмен. - Первым убрал электроника, вторым - Брауна. Слона и ферзя. Потом на тебя покушался.

- А я тогда кто же?

- Ладья. Он и с тобой расправится при случае. - Толмен нахмурился, стараясь вспомнить что-то важное. И вдруг вспомнил.

Он склонился над блокнотом на рукаве у Ферна, телом прикрывая запись от фотоэлементов, которые могли оказаться в любой точке стен или потолка. Он написал: "Пьянеет от токов высокой частоты. Сделаешь?"

Ферн смял листок и, неловко действуя рукой в перчатке, медленно разорвал на клочки. Он подмигнул Толмену и неуловимо кивнул.

- Что ж, постараюсь, - сказал он, разматывая канат, чтобы подойти к сумке с инструментами, которую принес на борт вдвоем с Каннингхэмом.

Очутившись одни, Далквист и Толмен привязались к колоннам и стали ждать. Больше ничего не оставалось. Толмен как-то упоминал при Ферне и Каннингхэме о высокочастотном опьянении; они не сочли эту информацию ценной. А ведь в ней, возможно, ключ к ответу - надо подкрепить технику прикладной психологией.

Тем временем Толмен тосковал по сигарете. В неуклюжем скафандре он мог принять только таблетку соли и выпить несколько глотков теплой воды, и то благодаря специальному механизму.

Сердце его стучало, от тупой боли ломило в висках. В скафандре было неудобно; никогда еще Толмену не приходилось испытывать такого - как будто заточили его душу.

Через приемник он вслушивался в гудящее безмолвие, нарушаемое лишь шорохом резиновой обшивки сапог, когда передвигался Ферн.

Хаос корабельного оборудования заставил Толмена зажмуриться; безжалостное освещение, не рассчитанное на глаза человека, вызывало нервную боль в глазницах. "Где-то на корабле, - подумал он, - скорее всего в салоне, спрятан Квентин. Но замаскирован. Как?"

Принцип украденного письма? Навряд ли.

У Квентина не было оснований ждать налета. Лишь по чистой случайности трансплanту выбрали такое превосходное укрытие. По случайности, а также из-за лихорадочной спешки строителей, создавших звездолет разового назначения, удобный, как логарифмическая линейка, - ни более, ни менее.

"Вот если заставить Квентина обнаружить себя..." - подумал Толмен.

Но каким образом? Через наведенное раздражение мозга - опьянение?

Воззвать к основным схемам? Но человеческий мозг не способен на них воздействовать. У этой породы только и есть общего с человеком, что инстинкт самосохранения. Толмен жалел, что не похитил Линду. Тогда бы у него был козырь.

Будь у Квентина человеческое тело, загадка решалась бы просто. И не обязательно пыткой.

Толмена привела бы к цели непроизвольная мускульная реакция - старинное оружие профессиональных фокусников.

К сожалению, целью был Квентин - бестелесный мозг в герметизованном, изолированном металлическом цилиндре, где вместо позвоночника - провод.

Если бы Ферну удалось наладить высокочастотный генератор, колебания так или иначе ослабили бы оборону Барта Квентина. Пока же трансплант остается крайне опасным противником. И отлично замаскированным.

Ну, не то чтобы идеально. Вовсе нет. Толмен внезапно оживился: ведь Квентин не просто отсиживается, пренебрегая пиратами, и возвращается кратчайшим путем на Землю. Он повернул назад, а не продолжил полет на Каллисто, и это доказывает, что Квентину нужна подмога. А тем временем, убивая, он отвлекает незваных гостей.

Значит, Квентина явно можно найти.

Лишь бы хватило времени.

Каннингхэму это было по плечу. И даже Ферн - угроза транспланту. Это значит, что Квентин боится.

Толмен порывисто вздохнул.

- Квент, - сказал он, - есть предложение. Ты слушаешь?

- Да, - ответил далекий, до ужаса знакомый голос.

- Есть вариант, устраивающий нас всех. Ты хочешь остаться в живых. Мы хотим получить корабль. Верно?

- Правильно.

- Предположим, мы сбрасываем тебя на парашюте, когда входим в земную атмосферу. Потом принимаем управление и снова уходим в космос. Тогда...

- А Брут весьма достойный человек, - докончил Квентин. - Но только он, конечно, никогда таким не был. Я никому из вас больше не доверяю, Вэн. Психопаты и преступники слишком аморальны. Они не остановятся ни перед чем, считая, будто цель оправдывает средства. Ты психолог с неустойчивой психикой, Вэн, и именно поэтому я не верю ни единому твоему слову.

- Надолго вперед загадываешь. Помни, если мы вовремя отыщем нужную схему, переговоров не будет.

- Если отыщете.

- До Земли далеко. Теперь мы остерегаемся. Больше ты никого не убьешь. Мы попросту будем спокойно работать, пока не найдем тебя. Ну, как?

Помолчав, Квентин сказал:

- Я уж лучше загадаю вперед. Технические категории знакомы мне лучше человеческих. Завися от своей области знаний, я в большей безопасности, чем если бы попытался заняться психологией. Я разбираюсь в коэффициентах и косинусах, но не в коллоидной начинке твоего черепа.

Голова Толмена поникла, с носа на смотровое стекло шлема покатился пот.

Волной нахлынула внезапная боязнь замкнутого пространства - боязнь тесного скафандра, более просторной темницы салона и самого корабля.

- Ты скован в своих действиях, Квент, - сказал он чересчур громко. - Выбор оружия у тебя небогатый. Ты не можешь изменить здесь атмосферного давления, иначе давно сплющил бы нас в лепешку.

- А заодно и драгоценное оборудование. Кстати, ваши скафандры выдерживают практически любое давление.

- Король у тебя все еще под шахом.

- Как и у тебя, - хладнокровно ответил Квентин.

Ферн посмотрел на Толмена долгим взглядом, в котором читались одобрение и тень торжества.

Под неуклюжими перчатками, орудующими хрупкими инструментами, возникал генератор.

К счастью, надо было перемонтировать готовое оборудование, а не создать его заново - иначе времени не хватило бы.

- Наслаждайся жизнью, - сказал Квентин. - Я выжимаю все ускорение, которое мы стерпим.

- Не ощущаю перегрузок, - заметил Толмен.

- Все, которое мы стерпим, а не которое я способен развить. Давай же, развлекайся. Победить ты не можешь.

- Неужели?

- Сам посуди. Пока вы привязаны к месту, вам ничто не угрожает. А если начнете двигаться по кораблю, я вас уничтожу.

- Значит, чтобы захватить тебя, надо двигаться?

Квентин рассмеялся.

- Этого я не говорил. Я хорошо замаскирован. **Сейчас же выключите!**

Эхо от крика перекатывалось под сводчатым потолком, сотрясая янтарный воздух.

Толмен нервно дернулся. Он перехватил взгляд Ферна и увидел, что астрофизик усмехается.

- Подействовало, - сказал Ферн.

Наступило долгое молчание.

Внезапно корабль тряхнуло. Но генератор был надежно закреплен, да и людей страховали канаты.

- Выключите, - вторично потребовал Квентин. Голос его звучал не вполне уверенно.

- Где ты? - спросил Толмен.

Никакого ответа.

- Мы можем и подождать, Квент.

- Ну и ждите! Я... меня не отвлекает страх за свою шкуру. Вот одно из многих преимуществ трансплантa.

- Сильный раздражитель, - пробормотал Ферн. - Быстро его разобрало.

- Полно, Квент, - убедительно сказал Толмен. - У тебя ведь не исчез инстинкт самосохранения. Вряд ли тебе сейчас очень приятно!

- Даже... слишком приятно, - с запинкой ответил Квентин. - Но ничего не выйдет. Меня всегда было трудно подпоить.

- Это не выпивка, - возразил Ферн. - Он коснулся диска регулятора.

Трансплант рассмеялся; Толмен с удовольствием отметил про себя, что его речь стала невнятной.

- Уверяю тебя, ничего не выйдет. Я для вас слишком... хитер.

- Да ну?

- Да! Вы тоже не дураки, никоим образом. Ферн, может быть, и знающий инженер, но недостаточно знающий. Помнишь, Вэн, в Квебеке ты спросил, какие во мне... изменения? Я сказал, что никаких. Теперь я убеждаюсь, что ошибся.

- То есть?

- Меньше отвлекаюсь. - Квентин был слишком разговорчив - симптом опьянения. - В телесной оболочке мозг не может полностью сосредоточиться. Он постоянно ощущает тело. А тело - механизм несовершенный. Слишком специализированный, чтобы иметь высокий КПД. Дыхание, кровообращение - все это мешает. Отвлекают даже вдохи и выдохи. Так вот, сейчас мое тело - корабль, но это механизм идеальный. У него КПД предельно высокий. Соответственно лучше работает мой мозг.

- Сверхчеловеческий.

- Сверхдейственный. Обычно шахматную партию выигрывает более сложно организованный мозг, потому что он предвидит все мыслимые гамбиты. Так и я предвижу все, что ты можешь сделать. А у тебя серьезный гандикап.

- Отчего же?

- Ты человек.

Самомнение, подумал Толмен. Не здесь ли его ахиллесова пята? Сладость успеха, очевидно, сделала свое психологическое дело, а электронный хмель усыпил центры торможения. Логично. После пяти лет однообразной работы, как она ни необычна, внезапно изменившаяся ситуация (переход от действия к бездействию, превращение из машины в главного героя)

могла послужить катализатором. Самомнение. И сумеречное мышление.

Ведь Квентин не сверхмозг. Отнюдь нет. Чем выше коэффициент умственного развития, тем меньше нуждаешься в самооправдании, прямом или косвенном. И, как ни странно, Толмен разом избавился от неотступных угрызений совести. Настоящего Барта Квентина никто не мог обвинить в параноидном мышлении.

Значит...

Произношение Квентина осталось четким, он не глотал слов. Но ведь звуки он издает не губами, не языком, без помощи неба. А вот контроль громкости заметно ухудшился, и голос транспланта то понижался до шепота, то срывался на крик.

Толмен усмехнулся. На душе у него стало легче.

- Мы люди, - сказал он, - но мы-то пока трезвы.

- Чепуха. Посмотри на индикатор. Мы приближаемся к Земле.

- Хватит дурака валять, Квент, - устало проговорил Толмен. - Ты блефуешь, и оба мы это понимаем. Не можешь ведь ты до бесконечности терпеть высокочастотный раздражитель. Не трать время, сдавайся.

- Сам сдавайся, - сказал Квентин. - Я вижу все, что делает каждый из вас. Да и корабль - ловушка на ловушке. Мне остается только наблюдать отсюда, сверху, пока вы не очутитесь возле какой нибудь ловушки. Я свою партию продумал на много ходов вперед, все гамбиты кончаются матом одному из вас. У вас нет никакой надежды. У вас нет никакой надежды. У вас нет никакой надежды.

Отсюда, сверху, подумал Толмен. Откуда сверху? Он вспомнил реплику Коттона, что найти трансплант поможет геометрия. Конечно. Геометрия и психология. Разделить корабль на две части, потом на четыре и так далее...

Теперь уж не обязательно. **Сверху** - решающее слово. Толмен ухватился за него с пылом, ничуть не отразившим на его лице. **Сверху** - значит, зона поисков сужается вдвое. Нижние участки корабля можно исключить. Теперь надо разделить пополам верхнюю секцию - линия пройдет, допустим, через звездный глобус.

Глаза транспланта - фотоэлементы - расположены, конечно, повсюду, но Толмен решил исходить из того, что Квентин считает себя находящимся в одном каком-то пункте, а не разбросанным по всему кораблю. Местонахождение человека в его понимании соответствует местонахождению головы.

Итак, Квентину видно красное пятно на звездном глобусе, но это не значит, что он находится в стене, к которой обращено это полушарие глобуса. Надо спровоцировать трансплантa, пусть укажет свои координаты относительно тех или иных предметов на корабле, но это будет трудно: ведь в таких случаях координаты определяются на глазок; зрепис - важнейшее звено, связующее человека с его окружением. А у Квентина зрепис почти всемогущее. Он видит все.

Но можно же его как-то локализовать!

Помогла бы словесная ассоциация. Но для этого нужно содействие. Квентин не настолько пьян!

Можно узнать, что именно видит Квентин, но этим все равно ничего не определишь: его мозгу не обязательно соседствовать с одним из глаз. У трансплантa есть неуловимое, внутреннее ощущение пространства - сознание, что он, слепой, глухой, немой, если бы не разбросанные повсюду дистанционные датчики, находится в определенном месте. А как вытянуть из Квентина то, что нужно: ведь на прямые вопросы он не ответит?

Не удастся, подумал Толмен с безнадежным чувством подавленного гнева.

Гнев разрастался. Он бросил Толмена в пот, вызвал тупую, щемящую ненависть к Квентину. Во всем виноват Квентин - в том, что Толмен стал узником ненавистного скафандра и огромного смертоносного корабля. Машина виновата...

И вдруг он придумал выход.

Все, конечно, зависит от того, насколько пьян Квентин. Толмен бросил вопросительный взгляд на Ферна, а тот в ответ повернул диск и кивнул.

- Будьте вы прокляты, - шепотом произнес Квентин.

- Чепуха, - сказал Толмен. - Ты сам дал понять, что у тебя исчез инстинкт самосохранения.

- Я... не...

- Это правда, не так ли?

- Нет, - громко ответил Квентин.

- Ты забываешь, Квент, что я психолог. Мне давно следовало всесторонне охватить твою проблему. Она ведь была открытой книгой еще до того, как я тебя увидел, только читай. Стоило мне увидеть Линду.

- Помолчи о Линде!

На какой-то миг Толмену явилось тошнотворное видение пьяного, измученного мозга, скрытого где-то в стене, - сюрреалистский кошмар.

- Ясно, - сказал он, - ты и сам не хочешь о ней думать.

- Помолчи.

- Ты и о себе не хочешь думать, так ведь?
- Чего ты добиваешься, Вэн? Хочешь меня разозлить?
- Нет, - сказал Толмен, - просто я сыт по горло, надоела мне вся эта история, с души воротит. Притворяешься, будто ты Барт Квентин, будто ты еще человек, будто с тобой можно договориться на равных.
- Мы не договоримся...
- Я не о том, и ты сам это знаешь. Я только сейчас понял, кто ты такой.
Слова повисли в мутном воздухе. Толмену казалось, будто он слышит тяжелое дыхание Квентина, хоть он и понимал, что это иллюзия.
- Прошу тебя, Вэн, помолчи, - сказал Квентин.
- А кто это просит?
- Я.
- А ты кто такой?
Корабль резко остановился. Толмен чуть не потерял равновесия. Его спас канат, обмотанный вокруг колонны. Он засмеялся.
- Я бы над тобой сжалился, Квент, если бы ты был ты. Но это не так.
- Меня на удочку не поймаешь.
- Пусть это удочка, но это правда. Ты и сам над этим задумывался. Голову даю на отсечение.
- Над чем задумывался?
- Ты больше не человек, - мягко сказал Толмен. - Ты вещь. Машина. Устройство. Кусок серого губчатого мяса в ящике. Неужели ты думал, что я способен к тебе привыкнуть... теперь? Что я могу отождествить тебя с прежним Квентом? У тебя ведь лица нет!
Из динамика донеслись звуки. Металлические. Потом...
- Замолчи, - сказал Квентин почти жалобно. - Я знаю, чего ты добиваешься.
- Ты не хочешь смотреть правде в глаза. Только ведь придется, рано или поздно, убьешь ты нас или нет. Это... происшествие... случайность. А мысли в твоем мозгу будут все расти и расти. Ты будешь все больше и больше изменяться. Ты уже сильно изменился.
- Ты с ума сошел, - сказал Квентин. - Я ведь не... чудовище.
- Надеешься, да? Рассуждай логически. До сих пор ты не решался, так ведь? - Толмен поднял руку в защитной перчатке и стал загибать пальцы, отсчитывая пункты обвинения. - Ты судорожно хватаешься за то, что от тебя ускользает, - за человечность, твой удел по праву рождения. Ты дорожишь символами в надежде, что они заменяют реальность. Отчего ты притворяешься, будто

ешь? Отчего настаиваешь, чтобы коньяк тебе наливали в бокал? Знаешь ведь, что с тем же успехом его можно выдавить в тебя из масленки.

- Нет! Нет! Эстетическая...

- Вздор. Ты смотришь телевизор. Читаешь. Притворяешься до такой степени человеком, что даже стал карикатуристом. Это все притворство, отчаянное, безнадежное цепляние за то, чего у тебя уже нет. Откуда у тебя потребность в пьянстве? Ты не уравновешен психически, оттого что притворяешься человеком, а на самом деле давно уж не человек.

- Я... да я еще лучше...

- Возможно... если бы ты родился машиной. Но ты был человеком. Имел человеческий облик. У тебя были глаза, волосы, губы. Линда не может этого не помнить, Квент. Ты должен был настоять на разводе. Понимаешь, если бы тебя только искалечило взрывом, она бы о тебе заботилась. Ты бы в ней нуждался. А так - ты независимая, самостоятельная единица. Линда тщательно притворяется. Надо отдать ей должное. Она старается не представлять тебя сверхмощным вертолетом. Механизмом. Шариком сырой клетчатки. Тяжко же ей приходится. Она тебя помнит таким, каким ты был.

- Она меня любит.

- Жалеет, - беспощадно поправил Толмен.

В жужжащем безмолвии красный индикатор полз по глобусу. Ферн украдкой облизал губы. Далквист, сощурясь, спокойно наблюдал за происходящим.

- Да-да, - сказал Толмен, - смотри правде в лицо. И загляни в будущее. Есть и компенсация. Для тебя будет удовольствием пользоваться всеми своими механизмами. Постепенно ты даже забудешь, что когда-то был человеком. И ты станешь счастливее. Потому что этого не удержишь, Квент. Это отходит. Еще какое-то время можешь притворяться, но в конце концов это утратит значение. Научишься довольствоваться тем, что ты только машина. Увидишь красоту в машинах, а не в Линде. Возможно, это уже случилось. Возможно, Линда понимает, что это случилось. Знаешь, пока еще ты не обязан быть честным с собой. Ты ведь бессмертен. Но мне такого бессмертия даром не нужно.

- Вэн...

- Я-то по-прежнему Вэн. А вот ты - машина. Не стесняйся, убей нас, если хочешь и если можешь. Потом возвращайся на Землю и, когда увидишь Линду, посмотри ей в лицо. Посмотри на нее, когда она не будет знать, что ты ее видишь. Тебе ведь это легко. Вставь фотоэлемент в лампу или еще куда-нибудь.

- Вэн... Вэн!

Толмен уронил руки вдоль тела.

- Ладно. Где ты?

Молчание ширилось, а в желтом просторе жужжанием трепетал невысказанный вопрос. Вопрос, тревожащий каждого трансплanta.

Вопрос о цене. Какой ценой?

Предельное одиночество, мучительное сознание того, что старые узы рвутся одна за другой, что вместо живой, теплой души человека останется уродливый супермозг?

Да, он задумался - этот трансплант, бывший Барт Квентин. Он задумался, пока гордые, мощные машины, составляющие его тело, готовились мгновенно и энергично ожить.

Изменяюсь ли я? Остался ли прежним Бартом Квентином? Или они - люди - считают меня... Как в действительности относится ко мне Линда? Неужто я... Неужто я... неодушевленный предмет?

- Поднимись на балкон, - сказал Квентин. Его голос звучал удивительно вяло и мертво.

Толмен подал быстрый знак. Ферн и Далквист оживились.

Они полезли вверх по лестницам, находящимся у противоположных стен салона, но оба предусмотрительно прикрепили свои канаты к перекладинам.

- Где это? - вкрадчиво спросил Толмен.

- В южной стене... Ориентируйся по звездному глобусу. Ко мне подойдешь... - Голос умолк.

- Да?

Молчание.

- Ему нехорошо? - окликнул сверху Ферн.

- Квент!

- Да... Примерно в центре площадки. Я скажу, когда подойдешь.

- Осторожно, - предостерег Далквиста Ферн.

Он обмотал свой канат вокруг поручня площадки и стал бочком подвигаться вперед, глазами обшаривая стены.

- Одну руку Толмен высвободил, чтобы протереть снаружи запотевшее смотровое стекло. Пот градом лился по его лицу, по всему телу. Призрачный желтый свет, от которого мороз шел по коже, жужжащее безмолвие машин, которые должны были бы оглушительно реветь, - от всего этого невыносимо напряглись нервы.

- Здесь? - крикнул Ферн.

- Где это, Квент? - спросил Толмен. - Где ты?

- Вэн, - сказал Квентин с неотвязным страданием в голосе. - Ты ведь не всерьез это говорил. Не может так быть. Это же... Я должен знать! Я думаю о Линде!

Толмен содрогнулся. Он облизал пересохшие губы.

- Ты машина, Квент, - сказал он непреклонно. - Устройство. Сам ведь знаешь, я никогда не попытался бы убить тебя, если бы ты все еще был Бартом Квентином.

И тут Квентин рассмеялся, резким устрашающим смехом.

- Получай, Ферн! - прогремел он, и отголоски загудели, загрохотали под сводчатым потолком.

Ферн вцепился в поручень площадки.

Это была роковая ошибка. Канат, привязывающий его к поручню, оказался западней, так как Ферн не сразу увидел опасность и не успел отвязаться.

Корабль рвануло.

Все было прекрасно рассчитано. Ферна отбросило к стене, но канат его удержал. В тот же миг огромный звездный глобус маятником закачался по исполинской дуге на своей подвеске. При ударе канат Ферна мгновенно лопнул.

От вибрации загудели стены.

Толмен прижался к колонне, не сводя глаз с глобуса. А глобус все качался да качался, и амплитуда его колебаний уменьшалась, по мере того как вступало в свои права трение. С глобуса брызгала и капала жидкость.

Толмен увидел, как над поручнем показался шлем Далквиста.

Тот пронзительно закричал:

- Ферн!

Ответа не было.

- Ферн! Толмен!

- Здесь, - сказал Толмен.

- А где... - Далквист обернулся, пристально посмотрел на стену и вскрикнул.

Из его рта полилась бессвязная непристойная брань. Он выдернул из-за пояса бластер и прицелился вниз, в хитросплетения аппаратуры.

- Далквист! - воскликнул Толмен. - Не смейте!

Далквист не расслышал.

- Я разнесу корабль в щепки! - бушевал он. - Я...

Толмен выхватил свой бластер, воспользовался колонной как упором и прострелил Далквисту голову. Он следил за тем, как тело повисло над поручнем, опрокинулось и рухнуло на плиты пола. Потом упал ничком и замер, жалко поскуливая.

- Вэн, - позвал Квентин.

Толмен не ответил.

- Вэн!

- Чего?

- Отключи генератор.

Толмен поднялся, шатаясь, подошел к генератору и оборвал проводку. Он не стал утруждать себя поисками более простого способа.

Прошло много времени, но вот корабль приземлился. Затихла жужжащая вибрация. Огромный полутемный салон управления казался теперь на удивление пустым.

- Я открыл люк, - сказал Квентин. - До Денвера пятьдесят миль на север. В четырех милях отсюда шоссе, по нему доберешься.

Толмен стоял, озираясь. У него был опустошенный взгляд.

- Ты нас перехитрил, - пробормотал он. - С самого начала ты с нами играл как кот с мышами. А я-то, психолог...

- Нет, - прервал Квентин, - ты почти преуспел.

- Что...

- Но ведь ты не считаешь меня машиной. Ты удачно притворялся, да семантика выручила. Я пришел в себя, как только понял, что ты сказал.

- А что я сказал?

- Что ты никогда не попытался бы убить меня, если бы я был прежним Бартом Квентином.

Толмен медленно снимал скафандр. Ядовитую атмосферу уже сменил чистый, свежий воздух. Он изумленно покачал головой.

- Не понимаю.

Смех Квентина звенел, заполняя салон теплым трепетом человечности.

- Машину можно остановить или сломать, Вэн, - сказал он. - Но ее никак нельзя **убить.**

Толмен ничего не ответил. Он высвободился из громоздкого скафандра и нерешительно направился к дверному проему. Тут он оглянулся.

- Открыто, - сказал Квентин.

- Ты меня отпускаешь?

- Говорил же я еще в Квебеке, что ты раньше меня забудешь о нашей дружбе. Советую поторопиться, Вэн, пока есть время. Из Денвера, наверно, уже выслали вертолеты.

Толмен окинул вопросительным взглядом обширный салон. Где-то, безупречно замаскированный среди всемогущих машин, в укромном уголке покоится металлический цилиндр. Барт Квентин...

В горле у него пересохло. Толмен глотнул, открыл рот и снова закрыл. Потом круто повернулся и ушел. Постепенно его шаги затихли вдали.

Один в безмолвии корабля, Барт Квентин ждал инженеров, которые вновь подготовят его тело к рейсу на Каллисто.

РАБОТА ПО СПОСОБНОСТЯМ

Когда Денни Хольт зашел в диспетчерскую, его вызвали к телефону. Звонок не обрадовал Денни. В такую дождливую ночь подцепить пассажира ничего не стоит, а теперь гони машину на площадь Колумба.

- Еще чего, - сказал он в трубку. - Почему именно я? Пошлите кого-нибудь другого; пассажир не догадается о замене. Я ведь сейчас далеко - в Гринвич-вилледж.

- Он просил вас, Хольт. Сказал фамилию и номер машины. Может, приятель какой. Ждет у памятника - в черном пальто, с тростью.

- Кто он такой?

- Я почем знаю. Он не назвался. Не задерживайтесь.

Хольт в огорчении повесил трубку и вернулся в свое такси. Вода капала с козырька его фуражки, полосовала ветровое стекло. Сквозь дождевой заслон он едва видел слабо освещенные подъезды, слышалась музыка пианол-автоматов. Сидеть бы где-нибудь в тепле эдакой ночью. Хольт прикинул, не заскочить ли в "Погребок" выпить рюмку виски. Эх, была не была! Он дал газ и в подавленном настроении свернул на Гринвич-авеню.

В пелене дождя улицы казались мрачными и темными, как ущелья, а ведь нью-йоркцы не обращают внимания на сигналы светофоров, и в наши дни проще простого сшибить пешехода. Хольт вел машину к окраине, не слушая криков "такси". Мостовая была мокрая и скользкая. А шины поизносились.

Сырость и холод пронизывали до костей. Дребезжание мотора не вселяло бодрости. Того и гляди, эта рухлядь развалится на части. И тогда... впрочем, найти работу нетрудно, но Денни не имел охоты изнурять себя. Оборонные заводы - еще чего!

Совсем загрустив, он медленно объехал площадь Колумба, высматривая своего пассажира. Вот и он - одинокая неподвижная фигура под дождем. Пешеходы сновали через улицу, увертываясь от троллейбусов и автомобилей.

Хольт затормозил и открыл дверцу. Человек подошел. Зонта у него не было, в руке он держал трость, на черном пальто поблескивала вода. Бесформенная шляпа с опущенными полями защищала от дождя голову; черные пронзительные глаза испытующе смотрели на Хольта.

Человек был стар - на редкость стар. Глубокие морщины, обвисшая жирными складками кожа скрадывали черты лица.

- Деннис Хольт? - спросил он резко.

- Так точно, дружище. Скорей в машину и сушитесь.

Старик подчинился.

- Куда? - спросил Хольт.

- А? Поезжайте через парк.

- В сторону Гарлема?

- Как... да, да.

Пожав плечами, Хольт повернул к Центральному парку. "Тронутый. И никогда я его не видел". Он посмотрел на пассажира в зеркальце. Тот внимательно изучал фотографию Хольта и записанный на карточке номер. Видимо, успокоившись, откинулся назад и достал из кармана "Таймс".

- Дать свет, мистер?

- Свет? Да, благодарю.

Но свет горел недолго. Один взгляд в газету - и старик выключил плафон, устроился поудобнее и посмотрел на ручные часы.

- Который час? - спросил он.

- Около семи.

- Семи. И сегодня 10 января 1943 года?

Хольт промолчал. Пассажир повернулся и стал глядеть назад, в темноту. Потом наклонился вперед и снова заговорил:

- Хотите заработать тысячу долларов?

- Это что - шутка?

- Нет, не шутка, - ответил старик, и Хольт вдруг заметил, что у него странное произношение - согласные мягко сливаются, как в испанском языке. - Деньги при мне - в вашей валюте. Сопряжено с некоторым риском, так что я не переплачиваю.

Хольт не отрываясь смотрел вперед.

- Ну?

- Мне нужен телохранитель, вот и все. Меня намереваются устранить, а может быть, даже убить.

- На меня не рассчитывайте, - отозвался Хольт. - Я отвезу вас в полицейский участок. Вот куда вам нужно, мистер.

Что-то мягко шлепнулось на переднее сиденье. Хольт опустил взгляд и почувствовал, как у него напряглась спина. Держа руль одной рукой, он поднял другой пачку банкнот и полистал. Тысяча монет - целая тысяча.

От них исходил какой-то затхлый запах.

Старик сказал:

- Поверьте, Денни, мне требуется только ваша помощь. Я не могу рассказать вам суть дела - вы подумаете, что я лишился рассудка, - но я заплачу вам эти деньги за услугу, которую вы окажете мне сегодня ночью.

- Включая убийство? - набрался смелости Хольт. - Откуда вы разведали, что меня зовут Денни? Я вас отроду не видел.

- Я справлялся... знаю о вас многое. Потому-то я и выбрал вас. Ничего противозаконного в этой работе нет. Если сочтете, что я ввел вас в заблуждение, вы вольны в любую минуту отступиться и деньги оставить себе.

Хольт задумался. Чудно... но заманчиво. И, собственно, ни к чему не обязывает. А тысяча монет...

- Ладно, выкладывайте. Что надо делать?

- Я пытаюсь скрыться от своих врагов. И мне нужна ваша помощь. Вы молоды, сильны, - сказал старик.

- Кто-то хочет убрать вас с дороги?

- Убрать меня... о! Вряд ли до этого дойдет. Убийство не исключено, но только как последнее средство. Они меня выследили, я их видел. Кажется, сбил со следа. За нами не едут машины?..

- Непохоже, - сказал Хольт.

Молчание. Старик снова посмотрел назад.

Хольт криво усмехнулся.

- Хотите улизнуть, так Центральный парк неподходящее место. Мне легче потерять ваших дружков там, где большое движение. О'кей, мистер, согласен. Но я оставляю за собой право выйти из игры, если почую неладное.

- Прекрасно, Денни.

Хольт свернул влево, к 72-й стрит.

- Вы меня знаете, а я вас нет. И с чего вы вздумали наводить обо мне справки? Вы сыщик?

- Нет. Моя фамилия Смит.

- Ясно.

- А вам, Денни, двадцать лет, и вас признали негодным к военной службе из-за болезни сердца.

Хольт проворчал:

- Ну и что?

- Я не хочу, чтоб вы свалились мертвым.

- Не свалюсь. Мое сердце, как правило, о'кей. Это доктор, что осматривал, не уверен.

- Мне это известно, - подтвердил Смит. - Так вот, Денни...

- Да?

- Надо убедиться, что нас не преследуют.

- А что, если я подкачу к Военному штабу? Там не жалуют шпионов, - подчеркнуто тихо сказал Хольт.

- Как вам угодно. Я докажу им, что я не вражеский агент. Мое дело никакого касательства к войне не имеет, Денни. Я просто хочу предотвратить преступление. Если мне не удастся, сегодня ночью спалят дом и уничтожат ценную формулу.

- Это забота пожарной охраны.

- Только вы и я в состоянии с этим справиться. Не могу объяснить вам почему. Тысячу долларов - не забудьте.

Хольт не забыл. Тысяча долларов много значила для него сейчас. В жизни он не имел таких денег. Это огромная сумма; капитал, который откроет ему дорогу. Он не получил образования. Думал, что так и будет всю жизнь корпеть на нудной работе. Но при капитале... конечно, у него есть планы. Теперь времена бума. Почему бы не стать бизнесменом? Вот она - возможность делать деньги. Тысяча монет! Это же залог будущего!

Он вынырнул из парка на 72-й стрит и повернул на юг к Центральному Вест-парку. Краешком глаза заметил такси, метнувшееся навстречу. Хотят задержать... Хольт услышал невнятный крик своего пассажира. Он притормозил, увидел проскочившую мимо машину и начал бешено крутить руль, изо всех сил выжимая сцепление. Сделав крутой разворот, он понесся в северном направлении.

- Не волнуйтесь, - сказал он Смиту.

В той машине было четверо; Хольт видел их мельком. Все чисто выбритые, в черном. Может быть, вооружены; в этом он не был уверен. Они тоже повернули - хотели догнать, но помешала пробка.

При первом же удобном случае Хольт свернул налево, пересек Бродвей, у развилки выскочил на аллею Генри Гудзона и, вместо того чтобы ехать по дороге к югу, сделал полный круг и возвратился на Вест-Энд авеню. Он гнал по Вест-Энд и вскоре выехал на 80-е авеню. Здесь движение было гуще. Автомобиль преследователей исчез из виду.

- Что теперь? - спросил он Смита.

- Я... я не знаю. Надо удостовериться, что они отстали.

- О'кей, - сказал Хольт. - Они будут кружить здесь, искать нас. Лучше убраться отсюда. Положитесь на меня.

Он завернул в гараж, уплатил за стоянку и помог Смиту выбраться из машины.

- Теперь надо как-то убить время, пока ехать опасно.

- Где?

- Как насчет тихого бара? Выпить бы. Уж очень ночь муторная.

Смит, казалось, всецело отдал себя в руки Хольта. Они вышли на 42-ю стрит, с ее едва освещенными кабаре, кафешантанами, темными театральными подъездами и дешевыми аттракционами. Хольт протиснулся сквозь толпу, волоча за собой Смита. Через вертящуюся дверь они вошли в пивную, но там отнюдь не было тихо. В углу гремела пианола- автомат.

Хольт углядел свободную кабину у задней стены. Усевшись, он кивнул официанту и попросил виски. Смит нерешительно заказал то же самое.

- Мне это место знакомо, - сказал Хольт. - Тут есть запасная дверь. Если нас выследили, мы быстренько смоемся.

Смита трясло.

- Вы не бойтесь, - подбадривал Хольт. Он показал связку кастетов. - Я их таскаю с собой на всякий случай. Так что будьте спокойны. А вот и наше виски.

Он выпил рюмку одним глотком и заказал вторую. Поскольку Смит не проявил желания платить, расплатился Хольт. Когда в кармане тысяча долларов, можно себе позволить такую роскошь.

Хольт достал банкноты и, заслонив своим телом, принялся разглядывать. Вроде порядок. Не фальшивые; номера серий - о'кей. Но тот же странный, затхлый запах, что привлек его внимание раньше.

- Вы, видно, давненько бережете их, - отважился он.

Смит рассеянно сказал:

- Экспонировались шестьдесят лет... - Он осекся и отпил из своей рюмки.

Хольт нахмурился. Это не были старинные, большие бумажки. Шестьдесят лет - чепуха! Не потому, что Смит не выглядел настолько старым; морщинистое, бесполое лицо могло принадлежать человеку между девяносто и ста годами. Интересно, как он выглядел в молодости? И когда же это было? Скорее всего, в Гражданскую войну!

Хольт убрал деньги, испытывая удовольствие отнюдь не от одной только выпивки. Эти деньги для Денниса Хольта - начало. С тысячью долларов тебя примут компаньоном в любое дело, и можно обосноваться в городе. Прощай такси - уж это наверняка.

На крошечной площадке тряслись и раскачивались танцующие. Шум не смолкал, громкий разговор в баре

соперничал с музыкой пианолы. Хольт машинально вытирал бумажной салфеткой пивное пятно на столике.

- Может, все-таки скажете, что означает вся эта волынка? - спросил он наконец.

На невообразимо старом лице Смита мелькнуло что-то, но о чем он думал, трудно было сказать.

- Не могу, Денни. Вы все равно не поверите. Который час?

- Около восьми.

- Восточное поясное время, устарелое исчисление... и 10 января. Нам надо быть на месте незадолго до одиннадцати.

- А где?

Смит извлек карту, развернул и назвал адрес в Бруклине. Хольт нашел по карте.

- У берега. Глухое местечко, а?

- Не знаю. Я никогда там не был.

- А что произойдет в одиннадцать?

Смит покачал головой, уклоняясь от прямого ответа. Он разложил бумажную салфетку.

- Есть самописка?

Хольт ответил не сразу, сначала достал пачку сигарет.

- Нет... карандаш.

- Благодарю. Разберитесь в этом плане, Денни. Здесь нижний этаж дома в Бруклине, куда мы отправимся. Лаборатория Китона в подвале.

- Китона?

- Да, - помедлив, ответил Смит. - Он физик. Работает над важным изобретением. Секретным, я бы сказал.

- О'кей. Ну и что?

Смит торопливо чертил.

- Здесь, вокруг дома, - в нем три этажа, - очевидно, большой сад. Тут библиотека. Вы сможете проникнуть туда через одно из окон, а сейф где-то под шторой... - Он стукнул кончиком карандаша. - Примерно здесь.

Хольт нахмурился.

- Чую что-то подозрительное.

- А? - рука Смита дернулась. - Не перебивайте. Сейф не будет заперт. В нем вы найдете коричневую тетрадку. Я хочу, чтобы вы ее взяли...

- ... и воздушной почтой переправил Гитлеру, - закончил Хольт, криво усмехаясь.

- ... и передали в Военный штаб, - невозмутимо сказал Смит. - Это вас устраивает?

- Пожалуй... так более разумно. Но почему вы сами этим не займетесь?

- Не могу, - отозвался Смит, - не спрашивайте почему; просто не могу. У меня связаны руки. - Проницательные

глаза блестели. - Эта тетрадка хранит чрезвычайно важную тайну, Денни.

- Военную?

- Формула не зашифрована; ее легко прочитать, а также использовать. В этом-то вся прелесть. Любой может...

- Вы сказали, владельца дома в Бруклине зовут Китон. А что с ним произошло?

- Ничего... покамест, - ответил Смит и тут же поторопился замять: - Формула не должна пропасть, поэтому нам надо там быть именно около одиннадцати.

- Если уж так важно, почему мы не едем сейчас, чтоб взять тетрадку?

- Формула будет завершена только за несколько минут до одиннадцати. Сейчас Китон разрабатывает последние данные.

- Больно мудрено. - Хольт был недоволен. Он заказал еще виски. - А что, Китон - нацист?

- Нет.

- Может, ему, а не вам нужен телохранитель?

Смит покачал головой.

- Вы ошибаетесь, Денни. Поверьте, я знаю, что делаю. Очень важно, жизненно необходимо, чтобы эта формула была у вас.

- Гм-м...

- Есть опасность. Мои враги, быть может, поджидают нас там. Но я их отвлеку, и у вас будет возможность войти в дом.

- Вы сказали, они не постесняются убить вас.

- Могут, только вряд ли. Убийство - крайняя мера, хотя этаназия* не исключена. Только я для этого неподходящий объект.

Хольт не пытался понять, что такое этаназия; он решил, что это местное название и означает проглотить порошок.

- Ладно, за тысячу долларов рискну своей шкурой.

- Сколько времени понадобится, чтобы доехать до Бруклина?

- Наверно, час при эдакой тьме. - Хольт вскочил. - Скорее. Ваши дружки тут.

В черных глазах Смита отразился ужас. Казалось, он сжался в комок в своем объемистом пальто.

- Что теперь делать?

- Через заднюю дверь. Они нас еще не заметили. Если разминемся, идите в гараж, где я оставил машину.

- Да... Хорошо.

---

*Этаназия - легкая, мгновенная смерть. (Примеч. пер.)

Они протиснулись между танцующими и через кухню вышли в безлюдный коридор. Открыв дверь, Смит выскользнул в проулок. Перед ним возникла высокая фигура, неясная в темноте. Испуганный, Смит сдавленно вскрикнул.

- Удирайте! - Хольт оттолкнул старика.

Темная фигура сделала какое-то движение; Хольт быстро замахнулся в едва видимую челюсть. Кулак проскочил мимо. Противник успел увернуться.

Смит улепетывал, уже скрылся во мраке. Звук торопливых шагов замер вдали.

Хольт двинулся вперед, сердце его бешено колотилось.

- Прочь с дороги! - прохрипел он, задыхаясь.

- Извините, - сказал противник. - Вам не следует сегодня ночью ездить в Бруклин.

- Почему?

Хольт прислушался, стараясь по звукам определить, где враг. Но, кроме далеких автомобильных гудков и невнятного шума с Таймс-сквер за полквартала, ничего не было слышно.

- Вы все равно не поверите, если я скажу вам.

То же произношение, такое же испанское слияние согласных, какое Хольт заметил в речи Смита. Он насторожился, пытаясь разглядеть лицо человека. Но было слишком темно.

Хольт потихоньку сунул руку в карман - холод металлических кастетов подействовал успокаивающе.

- Если пустите в ход оружие... - начал он.

- Мы не применяем оружия. Послушайте, Деннис Хольт, формулу Китона необходимо уничтожить и его самого - тоже.

- Ну, вы...

Хольт неожиданно нанес удар. На этот раз он не промахнулся. Кастеты, тяжело звякнув, соскользнули с окровавленного, разодранного лица. Едва различимая фигура упала, крик застрял в горле. Хольт огляделся, никого не увидел и вприпрыжку понесся по улочке. Для начала недурно.

Через пять минут он уже был в гараже. Смит ждал его - подшибленный ворон в большущем пальто. Пальцы старика нервно барабанили по трости.

- Пошли, - сказал Хольт. - Надо торопиться.

- Вы...

- Я его нокаутировал. У него не было оружия... а может, не хотел применить. Мне повезло.

Смит скорчил гримасу. Хольт завел мотор и, съехав по скату, осторожно повел машину, ни на минуту не забывая

об опасности. Выследить машину проще простого. Темнота только на руку.

Он держался на юго-запад к Бовери, однако у Эссекс-стрит, возле станции метро, преследователи его нагнали. Хольт метнулся в боковую улицу. Левый локоть, упиравшийся в раму окна, застыл и совсем одеревенел.

Он вел одной правой, пока не почувствовал, что левая обрела подвижность. Через Вильямсбург-бридж доехал до Кингса. Он кружил, менял направление, то давал, то сбавлял газ, пока наконец не сбил врагов со следа. На это ушло порядочно времени. Таким окольным путем не скоро доберешься до места.

Свернув вправо, Хольт устремился на юг к Проспект-парк, потом на запад к глухому прибрежному району между Брайтон-бич и Канарси. Смит, скрючившись, безмолвно сидел позади.

- Пока что недурно, - бросил Хольт. - Хоть рукой могу шевелить.

- Что приключилось с ней?

- Должно быть, ушиб плечо.

- Нет, - сказал Смит. - Это сделал парализатор. Вот такой. - Он показал свою трость.

Хольт не понял. Он двигался вперед и вскоре почти добрался до места. На углу, возле лавки со спиртным, он затормозил.

- Прихвачу бутылочку, - сказал он. - В такую холодину и дождь требуется что-нибудь бодрящее.

- У нас мало времени.

- Хватит.

Смит закусил губу, но возражать не стал. Хольт купил виски и приложился к бутылке, после того как пассажир отрицательно мотнул головой в ответ на предложение выпить.

Виски, безусловно, пошло на пользу. Ночь была мерзкая, холод отчаянный; струи дождя заливали мостовую, текли по ветровому стеклу. От изношенного "дворника" было мало толку. Ветер визжал, как злой дух.

- Уже совсем близко, - заметил Смит. - Лучше остановимся. найдите место, где спрятать такси.

- Где? Тут все частные владения.

- В проезде... а?

- О'кей, - сказал Хольт и нашел местечко, отгороженное густыми деревьями и кустарниками. Он выключил мотор и фары и вышел, уткнув подбородок в поднятый воротник макинтоша. Дождь поливал безостановочно. Извергался мерным, стремительным потоком, звонко барабанил, капли отрывисто падали в лужи. Под ногами была скользкая грязь.

- Постойте, - сказал Хольт и вернулся в машину за фонариком. - Порядок. Что дальше?

- К дому Китона.- Смит дрожал всем телом. - Еще нет одиннадцати. Придется ждать.

Они ждали, спрятавшись в кустах сада Китона. Сквозь завесу отсыревшего мрака вырисовывались неясные контуры дома. В освещенное окно нижнего этажа был виден угол комнаты, должно быть библиотеки. Слева слышался бурный клокот воды в отводах.

Вода струйками текла Хольту за воротник. Он тихонько выругался. Нелегко достается ему эта тысяча долларов. Но Смит испытывал те же неудобства, однако не жаловался.

- Не кажется ли вам...

- Тсс! - предостерег Смит. - Они, возможно, здесь.

Хольт послушно понизил голос.

- Значит, тоже мокнут. Хотят завладеть тетрадкой? Чего же они мешкают.

Смит кусал ногти.

- Они хотят ее уничтожить.

- Верно, это самое сказал тот парень в переулке, - испуганно подтвердил Хольт. - Кто они все-таки?

- Это не имеет значения. Они издалека. Вы не забыли, о чем я говорил вам, Денни?

- Насчет тетрадки? А если сейф будет заперт?

- Не будет, - доверительно сказал Смит. - Теперь уже скоро. Китон заканчивает эксперимент в своей лаборатории.

За освещенным окном мелькнула тень. Хольт высунулся; он чувствовал, что Смит, стоявший позади, натянут как струна. Старик дышал прерывисто и шумно.

В библиотеку вошел мужчина. Он приблизился к стене, раздвинул штору и стал спиной к Хольту. Потом шагнул назад и открыл дверцу сейфа.

- Готово! - воскликнул Смит. - Теперь - все! Он записывает последние данные. Через минуту произойдет взрыв. После этого ждите еще минуту, чтобы я мог уйти и поднять тревогу, если те явились.

- Навряд ли они тут.

Смит покачал головой.

- Поступайте так, как я велел. Бегите в дом и возьмите тетрадку.

- А что потом?

- Потом удирайте что есть духу. Не дайтесь им в руки ни при каких обстоятельствах.

- А как же вы?

Глаза Смита приказывали строго и неумолимо, блестя сквозь тьму и ветер.

- Обо мне забудьте, Денни! Я вне опасности.

- Вы наняли меня телохранителем.

- В таком случае освобождаю вас от этой обязанности. Дело это первостепенной важности, важнее, чем моя жизнь. Тетрадка должна быть у вас...

- Для Военного штаба?

- Для... конечно. Так вы сделаете, Денни?

Хольт колебался.

- Если это так важно...

- Да! Да!

- Что ж, о'кей.

Мужчина в комнате писал за письменным столом. Вдруг оконная рама сорвалась с петель. Шум был заглушен, словно взрыв произошел внизу, в подвале, но Хольт почувствовал, как земля дрогнула у него под ногами. Он видел, как Китон вскочил, сделал полшага, вернулся и схватил тетрадку. Физик подбежал к сейфу, бросил ее внутрь, распахнул дверь и на миг задержался, стоя спиной к Хольту. Потом метнулся - и исчез из виду.

Смит сказал взбудораженным, срывающимся голосом:

- Он не успел запереть. Ждите, пока я подам знак, Денни, потом **берите тетрадку.**

- О'кей, - ответил Хольт, но Смита уже не было - он бежал через кустарник.

В доме раздался пронзительный крик; из дальнего окна в подвале вырвалось багровое пламя. Что-то рухнуло - кирпичная стена, подумал Хольт.

Он услышал голос Смита. Увидеть старика мешал дождь, но доносился шум схватки. Хольт колебался недолго. Синие пучки света прорывались сквозь дождь, смутные на расстоянии.

Надо помочь Смиту...

А как быть с тетрадкой - он обещал. Преследователи хотят ее уничтожить. Теперь уже несомненно, что дом горит. Китон исчез бесследно.

Хольт побежал к освещенному окну. Времени вполне достаточно, чтобы взять тетрадку, прежде чем огонь доберется до библиотеки.

Уголком глаза он увидел подкрадывавшуюся к нему темную фигуру. Хольт нащупал свои кастеты. Если у этого парня оружие - дело дрянь; а если нет - может, и выйдет.

Человек, тот самый, с которым Хольт сцепился в аллее на 42-й стрит, нацелил на него трость. Вспыхнул бледно-голубой огонек. Хольт почувствовал, что у него отнялись ноги, и тяжело рухнул на землю.

Человек бросился наутек. Хольт с огромным усилием встал и в отчаянии рванулся вперед. Но что толку...

Теперь пламя осветило ночь. Высокая темная фигура на секунду замаячила у окна библиотеки, потом взобралась на подоконник. Хольт на негнущихся ногах, с трудом удерживая равновесие, шатаясь, умудрялся передвигаться. Это была пытка: боль такая адская, словно в него втыкали тысячи иголок.

Он направился к окну и, повиснув на подоконнике, заглянул в комнату. Враг возился у сейфа. Хольт влез в окно и заковылял к незнакомцу.

Зажав в руке кастеты, он приготовился нанести удар.

Неизвестный отскочил в сторону, размахивая тростью. На подбородке у него запеклась кровь.

- Я запер сейф, - сказал он. - Уходите отсюда, Денни, пока вас не охватило пламя.

Хольт выругался. Хотел дотянуться до врага, но не сумел. Спотыкаясь, он не сделал и двух шагов, как высокая фигура легко прыгнула в окно и скрылась в дождь.

Хольт подошел к сейфу. Уже слышался треск огня. Через дверь слева просачивался дым.

Хольт осмотрел сейф - он был заперт. Комбинации цифр Денни не знал - открыть не удалось.

Однако он пытался. Пошарил на письменном столе, надеясь, что, может быть, Китон записал шифр где-нибудь на бумажке. Потом добрел до ступенек, ведущих в лабораторию, остановился и посмотрел вниз - в ад, где неподвижно лежало горящее тело Китона. Да, Хольт старался. Но его постигла неудача.

Наконец огонь выгнал его из дома. Сирены пожарных машин завывали уже совсем близко. Смита и тех людей и след простыл.

Хольт постоял в толпе ротозеев, высматривая Смита, но он и его преследователи исчезли, словно растаяли в воздухе.

- Мы схватили его, Судья, - сказал высокий мужчина; на подбородке у него запеклась кровь. - Мы только что вернулись, и я тут же явился к вам.

Судья глубоко и облегченно вздохнул.

- Обошлось без неприятностей, Ёрус?

- Все уже позади.

- Ладно, введите его, - сказал Судья. - Не будем затягивать.

Смит вошел. Его тяжелое пальто выглядело удивительно нелепо рядом с целофлексовой одеждой остальных.

Он стоял опустив голову.

Судья достал блокнот и стал читать:

- 21-е, месяца Солнца, 2016 года от рождества Христова. Суть дела: интерференция и факторы вероятности. Обвиняемого застигли в момент, когда он пытался воздействовать на вероятное настоящее путем изменения прошедшего, в результате чего настоящее стало бы альтернативным и неустойчивым. Пользование машинами времени запрещено всем, кроме лиц специально уполномоченных. Обвиняемый, отвечайте.

- Я ничего не пытался изменить, Судья... - пробормотал Смит.

Ёрус взглянул на него и сказал:

- Протестую. Некоторые ключевые отрезки времени и местности находятся под запретом. Бруклин, и в первую очередь район у дома Китона, время около 11 часов вечера 10 января 1943 года - категорически запретная зона для путешествующих по времени. Арестованный знает причину.

- Я ничего этого не знал, сэр Ёрус. Поверьте мне.

Ёрус неумолимо продолжал:

- Вот факты, Судья. Обвиняемый, выкрав регулятор времени, вручную установил его на запретный район и время. На эти пункты, как вы знаете, введено ограничение, ибо они кардинальны для будущего; интерференция в подобные узловые пункты автоматически меняет будущее и отражается на факторе вероятности. Китон в 1943 году в своей подвальной лаборатории разработал форму известной нам сейчас М-мощности. Он поспешил наверх, открыл сейф и записал формулу в тетрадку, но так, что ее легко мог прочитать и применить даже неспециалист. В эту минуту в лаборатории произошел взрыв; Китон положил тетрадку в сейф и, забыв его запереть, побежал в подвал. Китон погиб; он не знал, что соприкасание М-мощности с радием недопустимо, и синтез атома вызвал взрыв. Пожар уничтожил тетрадку Китона, хотя она и находилась в сейфе. Она обуглилась, и записанное в ней нельзя было прочитать, впрочем, никто и не подозревал ее ценности. До первого года двадцать первого столетия, когда М-мощность открыли заново.

- Я ничего этого не знал, сэр Ёрус, - сказал Смит.

- Вы лжете. Наша организация действует безошибочно. Вы натолкнулись на этот узловой район в прошедшем и решили его изменить, тем самым изменив настоящее. Если бы ваша затея удалась, Деннис Хольт в 1943 году унес бы запись из горящего дома и прочитал бы ее. Он не устоял бы перед соблазном и заглянул бы в тетрадку. Ему стал бы известен ключ к М-мощности. И в силу свойств М-мощности Деннис Хольт сделался бы самым

могущественным человеком своей эпохи. В соответстви с отклонением линии вероятности, которое вы замыслили, Деннис Хольт, окажись у него эта тетрадка стал бы диктатором вселенной. Мир, каким мы знаем его сейчас, не существовал бы больше - его место заняла бы жестокая, безжалостная цивилизация, управляемая деспотом Деннисом Хольтом, единственным обладателем М-мощности. Стремясь к подобной цели, обвиняемый совершил тяжкое преступление.

Смит поднял голову.

- Я требую этаназии, - сказал он. - Если вам угодно обвинить меня в том, что я хотел вырваться из проклятой рутины своей жизни, - что ж. Мне ни разу не представился случай, вот и все.

Судья нахмурился.

- Ваше досье свидетельствует, что у вас было сколько угодно случаев. Вы не обладаете нужными для успеха способностями; ваша работа - единственное, что вы умеете делать. Но вы совершили, как сказал Ёрус, тяжкое преступление. Вы пытались создать новое вероятное настоящее, уничтожив существующее путем воздействия на ключевой пункт в прошедшем. И, если бы ваша затея удалась, Деннис Хольт был бы теперь диктатором народа рабов. Вы не заслуживаете этаназии; вы совершили слишком тяжкое преступление. Вы должны жить и выполнять возложенные на вас обязанности, пока не умрете естественной смертью.

Смит жадно глотнул воздух.

- Это была **его** вина - если бы он успел унести тетрадку...

Ёрус иронически взглянул на него.

- **Его?** Деннис Хольт, двадцать лет, в 1943-м... его вина? Нет, ваша; вы виновны в том, что пытались изменить свое прошлое и настоящее.

- Приговор вынесен. Разбирательство закончено, - объявил Судья.

И Деннис Хольт, девяноста трех лет, в 2016 году от рождества Христова покорно вышел и вернулся к работе, от которой его освободит только смерть.

А Деннис Хольт, двадцати лет, в 1943 году от рождества Христова вел такси домой из Бруклина, недоумевая, что же все-таки все это значило. Косая завеса дождя поливала ветровое стекло. Денни хлебнул из бутылки и почувствовал, как успокоительное тепло распространяется по всему телу.

Что же все-таки все это значило?

Банкноты хрустели в кармане. Денни осклабился. Тысяча долларов! Его ставка. Капитал. С такими

деньгами многого добьешься, и он не даст маху. Парню только и нужно, что наличные деньги, и тогда он сам себе хозяин.

- Уж будьте уверены! - сказал Деннис Хольт убежденно. - Я не намерен всю жизнь торчать на этой нудной работе. С тысячью долларами в кармане - не такой я дурень!

ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ ГОДА

На рассвете погожего майского дня по дорожке к старому особняку поднимались трое. Оливер Вильсон стоял в пижаме у окна верхнего этажа и глядел на них со смешанным, противоречивым чувством, в котором была изрядная доля возмущения. Он не хотел их видеть.

Иностранцы. Вот, собственно, и все, что он знал о них. Они носили странную фамилию Санциско, а на бланке арендного договора нацарапали каракулями свои имена: Омерайе, Клеф и Клайа. Глядя на них сверху, он не мог сказать, кто из них каким именем подписался. Когда ему вернули бланк, он даже не знал, какого они пола. Он вообще предпочел бы большую национальную определенность.

У Оливера чуть зашлось сердце, пока он смотрел, как эти трое идут вверх по дорожке вслед за шофером такси. Он рассчитывал, что непрошеные жильцы окажутся не такими самоуверенными и ему без особого труда удастся их выставить. Его расчеты не очень-то оправдывались.

Первым шел мужчина, высокий и смуглый. Его осанка и даже манера носить костюм выдавали ту особую надменную самонадеянность, что дается твердой верой в правильность любого своего шага на жизненном пути. За ним шли две женщины. Они смеялись, у них были нежные мелодичные голоса и лица, наделенные каждое своей особой экзотической красотой. Однако, когда Оливер разглядел их, его первой мыслью было: здесь пахнет миллионами!

Каждая линия их одежды дышала совершенством, но не в этом была суть. Бывает такое богатство, когда уже и деньги перестают иметь значение. Оливеру, хотя и нечасто, все же доводилось встречать в людях нечто

похожее на эту уверенность - уверенность в том, что земной шар у них под ногами вращается исключительно по их прихоти.

Но в данном случае он чувствовал легкое замешательство: пока эти трое приближались к дому, ему показалось, что роскошная одежда, которую они носили с таким изяществом, была для них непривычной. В их движениях сквозила легкая небрежность, как будто они в шутку нарядились в маскарадные костюмы. Туфли на тонких "шпильках" заставляли женщин чуть-чуть семенить, они вытягивали руки, чтобы рассмотреть покрой рукава, и поеживались под одеждой, словно платья им были в новинку, словно они привыкли к чему-то совсем другому.

Одежда сидела на них с поразительной и необычной, даже на взгляд Оливера, элегантностью. Разве только кинозвезда, которая позволяет себе останавливать съемку и само время, чтобы расправить смятую складку и всегда выглядеть совершенством, могла быть такой элегантной - да и то на экране. Но поражала не только безупречная манера держаться и носить одежду, так что любая складка повторяла каждое их движение и возвращалась на свое место. Невольно создавалось впечатление, что и сама их одежда сделана не из обычного материала - или выкроена по какому-то невиданному образцу и сшита настоящим гением портновского дела: швов нигде не было видно.

Они казались возбужденными, переговаривались высокими, чистыми, очень нежными голосами, разглядывая прозрачную синеву неба, окрашенного розовым светом восхода, и деревья на лужайке перед домом. Разглядывали только-только успевшие распуститься листья, которые все еще клейко загибались по краям и просвечивали нежной золотистой зеленью.

Счастливые, оживленные, они о чем-то спросили своего спутника, он ответил, и его голос так естественно слился с голосами женщин, что казалось, они не разговаривают, а поют. Голоса отличались тем же почти невероятным изяществом, что и одежда. Оливеру Вильсону и не снилось, что человек способен так владеть своим голосом.

Шофер нес багаж - нечто красивого блеклого цвета, из материала, напоминающего кожу. Приглядевшись, можно было увидеть, что это не один предмет, а два или даже три. Для удобства их скомпоновали в идеально уравновешенный блок и так точно пригнали друг к другу, что линии стыков были едва заметны. Материал потерт, словно от частого употребления. И, хотя багажа было много, ноша не казалась водителю тяжелой. Оливер

заметил, что тот время от времени недоверчиво косится на багаж и взвешивает его на руке.

У одной из женщин были очень черные волосы, молочно-белая кожа, дымчато-голубые глаза и веки, опущенные под тяжестью ресниц. Но взгляд Оливера был прикован к другой. Ее волосы были чистого светло-золотого оттенка, а лицо нежное, как бархат. Теплый янтарный загар был темнее цвета волос.

В ту минуту, как они вступили на крыльцо, блондинка подняла голову и посмотрела наверх - прямо в лицо Оливеру. Он увидел, что глаза у нее ярко-синие и чуть-чуть насмешливые, словно она все время знала, что он торчит у окна. И еще он прочитал в них откровенный восторг.

Чувствуя легкое головокружение, Оливер поспешил к себе в комнату, чтобы одеться.

- Мы приехали сюда отдыхать, - сказал мужчина, принимая от Оливера ключи. - И хотим, чтобы нам не мешали, как я подчеркивал в переписке с вами. Вы наняли для нас горничную и повара, не так ли? В таком случае мы надеемся, что вы освободите дом от своих личных вещей и...

- Постойте, - прервал его Оливер, поеживаясь. - Тут возникли кое-какие осложнения. Я... - Он замялся, не зная, как лучше сообщить им об этом. С каждой минутой эти люди казались все более и более странными. Даже их речь - и та была странной. Они слишком тщательно выговаривали слова и произносили подчеркнуто раздельно. Английским языком они владели, как своим родным, но разговаривали на нем так, как поют певцы-профессионалы, в совершенстве овладевшие голосом и интонациями.

В голосе мужчины был холод, как будто между ним и Оливером лежала бездна, такая глубокая, что исключала всякую возможность общения.

- Что, если мне подыскать для вас в городе что-нибудь более подходящее? Тут рядом, через улицу...

- О нет! - с легким ужасом произнесла брюнетка, и все трое рассмеялись. То был холодный, далекий смех, не предназначавшийся для Оливера.

Мужчина сказал:

- Мы тщательно выбирали, пока не остановились на этом доме, мистер Вильсон. Ничто другое нас не интересует.

- Не понимаю почему, - с отчаянием ответил Оливер. - Ведь это даже не современное здание. У меня есть еще два дома с куда большими удобствами. Да что там, перейдите через дорогу - из дома на той стороне открывается

прекрасный вид на город. А здесь - здесь вообще ничего нет. Другие здания загораживают вид и к тому же...

- Мистер Вильсон, мы сняли комнаты именно здесь, - сказал мужчина решительно. - Мы собираемся жить в этом доме. Поэтому потрудитесь, пожалуйста, поскорее освободить помещение.

- Нет, - ответил Оливер, и вид у него был упрямый. - В арендном договоре ничего об этом не сказано. Раз уж вы уплатили, то можете жить здесь до следующего месяца, но выставить меня у вас нет права. Я остаюсь.

Мужчина собрался было возразить Оливеру, но, смерив его холодным взглядом, так ничего и не сказал. От этого безразличия Оливеру стало как-то неуютно. Последовало минутное молчание. Затем мужчина произнес:

- Прекрасно. В таком случае будьте любезны держаться от нас подальше.

Было немного странно, что он совсем не заинтересовался, отчего Оливер проявляет строптивость. А Оливер слишком мало знал его, чтобы пускаться в объяснения. Не мог же он, в самом деле, сказать: "После того как я подписал договор, мне предложили за дом тройную цену, если я продам его до конца мая". Не мог бы сказать и по-другому: "Мне нужны деньги, и я постараюсь досаждать вам своей персоной, пока вам не надоест и вы не решите съехать". В конце концов, почему бы им и не съехать?! Увидев их, он сразу понял, что они привыкли к неизмеримо лучшим условиям, чем мог похвастать его старый, измочаленный временем дом.

Нет, просто загадочно, почему этот дом вдруг приобрел такую ценность. И уж вовсе нелепо, что две группы каких-то таинственных иностранцев лезут вон из кожи, чтобы заполучить его на май.

Оливер в молчании повел квартирантов наверх и показал им три большие спальни, расположенные по фасаду. Присутствие блондинки он ощущал всем своим существом, знал, что она все время наблюдает за ним с плохо скрытым интересом и, пожалуй, с симпатией. Но в этом интересе проскальзывал какой-то особенный оттенок, которого он никак не мог уловить. Что-то знакомое, но не дающееся в руки. Он подумал, что с ней славно было бы поговорить с глазу на глаз, - хотя бы для того, чтобы поймать наконец этот оттенок и дать ему имя.

Затем он спустился вниз и позвонил невесте.

Голосок Сью в трубке повизгивал от возбуждения:

- Оливер, в такую рань?! Господи, ведь еще и шести нет. Ты сказал им, как я просила? Они переедут?

- Нет, еще не успел. Да и вряд ли они переедут. В конце концов, Сью, ты же знаешь, что я взял у них деньги.

- Оливер, они должны съехать! Ты обязан что-нибудь сделать!

- Я стараюсь, Сью. Но мне все это не нравится.

- Ну, знаешь, не могут они, что ли, остановиться в другом месте! А деньги за дом будут нам позарез нужны. Нет, Оливер, ты просто обязан что-нибудь придумать.

В зеркале над телефоном он поймал свой озабоченный взгляд и сердито посмотрел на собственное отражение. Его волосы цвета соломы торчали в разные стороны, а приятное, смуглое от загара лицо заросло блестящей щетиной. Обидно, что блондинка впервые увидела его таким растрепой. Но тут решительный голос Сью пробудил задремавшую было совесть, и он сказал в трубку:

- Постараюсь, милая, постараюсь. Но деньги-то у них я все-таки взял.

И правда, они заплатили огромную сумму, куда больше того, что стоила аренда даже в этот год высоких цен и высоких доходов. Страна как раз вступила в одно из тех легендарных десятилетий, о которых потом заговорят как о "веселых сороковых" или "золотых шестидесятых", - славное времечко национального подъема. Сплошное удовольствие жить в такое время, - пока ему не приходит конец.

- Хорошо, - устало пообещал Оливер. - Сделаю все, что смогу.

Но день проходил за днем, и он понимал, что нарушает свое обещание. Тому было несколько причин. Сью, а не Оливер придумала превратить его в пугало для жильцов. Прояви он чуть больше настойчивости, весь проект был бы похоронен еще в зародыше. Конечно, здравый смысл был на стороне Сью, однако...

Начать с того, что жильцы буквально околдовали его. Во всем, что они говорили и делали, был любопытный душок извращенности: как будто обычную человеческую жизнь поместили перед зеркалом и оно показало странные отклонения от нормы. Их мышление, решил Оливер, имеет совсем иную основу. Казалось, их втайне забавляли самые заурядные вещи, в которых не было решительно ничего забавного; они на все смотрели сверху вниз и держались с холодной отчужденностью, что, впрочем, не мешало им смеяться - неизвестно над чем и, по мнению Оливера, куда чаще, чем следует.

Время от времени он сталкивался с ними, когда они выходили из дому или возвращались с прогулок. Они были с ним холодно вежливы и, как он подозревал, вовсе не потому, что их раздражало его присутствие, а, напротив, потому, что он был им в высшей степени безразличен.

Большую часть времени они посвящали прогулкам. Май в этом году стоял великолепный, они самозабвенно им наслаждались, уверенные, что погода не переменится и ни дождь, ни заморозки не испортят ласковых, золотых, напоенных солнцем и душистым ароматом деньков. Их уверенность была такой твердой, что у Оливера становилось неспокойно на душе.

Дома они ели один раз в день - обедали около восьми. И никогда нельзя было сказать заранее, как они отнесутся к тем или другим блюдам. Одни встречались смехом, другие вызывали легкое отвращение. К салату, например, никто не притрагивался, а рыба, непонятно почему, вызывала за столом всеобщее замешательство.

К каждому обеду они тщательно переодевались. Мужчина (его звали Омерайе) был очень красив в своей обеденной паре, но выглядел чуть-чуть слишком надутым. Оливер два раза слышал, как женщины посмеивались над тем, что ему приходится носить черное. Непонятно откуда на Оливера вдруг нашло видение: он представил мужчину одетым в такую же яркую и изысканную одежду, что была на женщинах, - и все как будто стало на место. Даже темную пару он носил с какой-то особой праздничностью, но наряд из золотой парчи, казалось, подошел бы ему больше.

Когда время завтрака или ленча заставало их дома, они ели у себя в комнатах. Они, должно быть, захватили с собой пропасть всякой снеди из той таинственной страны, откуда приехали. Но где эта страна? Попытки догадаться лишь распаляли любопытство Оливера. Порой из-за закрытых дверей в гостиную просачивались восхитительные запахи. Оливер не знал, что это такое, но почти всегда пахло чем-то очень приятным. Правда, несколько раз запах бывал неожиданно противным, чуть ли не тошнотворным. Только настоящие знатоки, размышлял Оливер, способны оценить душок. А его жильцы наверняка были знатоками.

И что им за охота жить в этой громоздкой ветхой развалине - даже во сне Оливер не переставал думать об этом. Почему они отказались переезжать? Несколько раз ему удалось заглянуть к ним краешком глаза, и то, что он увидел, поразило его. Комнат стало почти не узнать, хотя он не мог точно назвать все перемены - рассмотреть толком не было времени. Но то представление о роскоши, что возникло с первого взгляда, подтвердилось: богатые драпировки (должно быть, тоже привезли с собой), какие-то украшения, картины по стенам и волны экзотического аромата, струящегося через полуоткрытые двери.

Женщины проплывали мимо него сквозь коричневый полумрак коридоров в одеждах таких роскошных, таких ослепительно ярких и до жути красивых, что казались видениями из другого мира. Осанка, рожденная верой в раболепие вселенной, придавала их облику олимпийское равнодушие. Однако, когда Оливер встречал взгляд той, с золотыми волосами и нежной кожей, тронутой загаром, ему чудилось, будто в синих глазах мелькает интерес. Она улыбалась ему в полумраке и проходила мимо, унося с собой волну благоуханий, - яркая, прекрасная, глазам больно, - но тепло от ее улыбки оставалось.

Он чувствовал, что она переступит через это равнодушие между ними. Он был уверен в этом с самого начала. Придет срок, и она отыщет способ остаться с ним наедине. От этой мысли его бросало то в жар, то в холод, но тут он был бессилен: приходилось только ждать, пока она сама пожелает его увидеть.

На третий день он и Сью закусывали в ресторанчике в самом центре города. Окна ресторанчика выходили на деловые кварталы, громоздящиеся далеко внизу на другом берегу реки. У Сью были блестящие каштановые волосы, карие глаза и подбородок чуть более решительный, чем это допустимо по канонам красоты. Уже в детстве Сью хорошо знала, чего она хочет и как заполучить желаемое, и сейчас Оливеру казалось, что в жизни она еще ничего так не хотела, как продать его дом.

- Такие огромные деньги за этот древний мавзолей! - говорила она, кровожадно вонзая зубы в булочку. - Другого такого случая не представится, а цены нынче так взлетели, что без денег нечего и думать заводить свое хозяйство. Неужели, Оливер, ты **ничего-ничего** не можешь сделать!

- Я стараюсь, - заверил Оливер, поеживаясь.

- А та чокнутая, которая хочет купить дом, давала о себе знать?

Оливер покачал головой.

- Ее агент опять мне вчера звонил. Ничего нового. Интересно, кто она такая.

- Этого, пожалуй, не знает даже агент. Не нравится мне, Оливер, вся эта мистика. И эти Санциско, - кстати, что они сегодня делали?

Оливер рассмеялся.

- Утром целый час названивали в кинотеатры по всему городу. Узнавали, где что идет из третьеразрядных фильмов. У них там целый список, и из каждого они хотят посмотреть по кусочку.

- По кусочку? Но зачем?

- Не знаю. Может быть... нет, не знаю. Налить еще кофе?

Но все горе было в том, что он догадывался. Однако эти догадки казались слишком дикими, чтобы он рискнул рассказать о них Сью: не видевшая Санциско в глаза и незнакомая со всеми их странностями, она бы наверняка решила, что Оливер сходит с ума. А он из их разговоров понял, что речь идет об актере, который появлялся в эпизодах в каждом из фильмов и чья игра вызывала у них едва ли не священный трепет. Они называли его Голкондой, но имя было явно ненастоящим, и Оливер не мог догадаться, кто этот безвестный статист, которым они так восторгались. Возможно, Голкондой звали персонаж, чью роль однажды сыграл - и, судя по замечаниям Санциско, сыграл блестяще - этот актер. Так или иначе, само имя ничего не говорило Оливеру.

- Чудные они, - продолжал он, задумчиво помешивая кофе ложечкой. - Вчера Омерайе - так зовут мужчину - вернулся с книжкой стихов, вышедшей лет пять назад. Так они носились с ней, как с первоизданием Шекспира. Я об авторе и слыхом не слышал, но в их стране, как она там у них называется, он, должно быть, считается кумиром или вроде того.

- А ты все еще не узнал, откуда они? Может, они хоть намекнули?

- Они не из разговорчивых, - не без иронии напомнил ей Оливер.

- Знаю, но все-таки... Впрочем, не так уж это и важно. Ну, а чем они еще занимаются?

- Утром, я уже говорил, собирались заняться Голкондой с его великим искусством, а днем, по-моему, отправятся вверх по реке на поклон к какой-то святыне. Я о ней и представления не имею, хотя она где-то совсем рядом - они хотели вернуться к обеду. Родина какого-то великого человека, должно быть; они еще обещали, если удастся, привезти оттуда сувениры. Спору нет, они похожи на заправских туристов, но все-таки за всем этим что-то кроется. А то получается сплошная бессмыслица.

- Уж если говорить о бессмыслице, так вся история с твоим домом давно в нее превратилась. Сплю и вижу...

Она продолжала говорить с обидой в голосе, но Оливер вдруг перестал ее слышать, потому что увидел на улице за стеклами знакомую фигуру. С царственной грацией выступая на каблучках-шпильках, женщина прошла мимо. Он не видел лица, но ему ли не знать этой осанки, этого божественного силуэта и грации движений!

"Прости, я на минутку", - пробормотал он, и не успела Сью возразить, как он уже был на ногах. В следующее

мгновение он очутился у дверей и одним махом выскочил на улицу. Женщина не успела пройти и нескольких метров. Он уже было начал заготовленную фразу, но тут же осекся и застыл на месте, широко раскрыв глаза.

Это была не его гостья блондинка. Эту женщину Оливер никогда не встречал - прелестное, царственное создание. Он безмолвно провожал ее взглядом, пока она не исчезла в толпе. Та же осанка, та же уверенность в себе, та же знакомая ему отчужденность, словно изысканный наряд был не просто платьем, а данью экзотике. Все другие женщины на улице казались рядом с ней неповоротливыми неряхами. Походкой королевы пройдя сквозь толпу, она растворилась в ней.

Эта женщина из их страны, подумал Оливер. Он никак не мог прийти в себя. Значит, кто-то другой поблизости тоже пустил таинственных постояльцев на этот погожий май. Значит, кто-то другой тоже ломает сейчас голову над загадкой гостей из безымянной страны.

К Сью он вернулся молчаливый.

Дверь спальни была гостеприимно распахнута в коричневый полумрак верхнего коридора. Чем ближе Оливер подходил, тем медленнее становились его шаги и чаще билось сердце. То была комната блондинки, и он решил, что дверь открыли не случайно. Он уже знал, что ее зовут Клеф.

Дверь тихонько скрипнула, и нежный голос произнес, лениво растягивая слова:

- Не желаете ли войти?

Комнату и в самом деле было не узнать. Большую кровать придвинули вплотную к стене и застелили покрывалом; оно свешивалось до самого пола, походило на какой-то мягкий мех, только блеклого сине-зеленого цвета, и так блестело, словно каждый волосок кончался невидимым кристалликом. На кровати валялись три раскрытые книжки и странного вида журнал: буквы в нем слабо светились, а иллюстрации на первый взгляд казались объемными. Рядом лежала маленькая фарфоровая трубка, инкрустированная цветами из того же фарфора, из ее чашечки вилась тонкая струйка дыма.

Над кроватью висела большая картина в квадратной раме. Морская синева на картине была совсем как настоящая; Оливеру сначала даже показалось, что по воде пробегает рябь. Ему пришлось приглядеться повнимательнее, чтобы убедиться в своей ошибке. С потолка на стеклянном шнуре свешивался хрустальный шар. Он медленно вращался, и свет из окон отражался на его поверхности изогнутыми прямоугольниками.

У среднего окна стоял незнакомый предмет, напоминающий шезлонг, что-то вроде надувного кресла. За неимением другого объяснения оставалось предположить, что в дом он попал вместе с багажом. Он был накрыт, вернее, скрыт под покрывалом из очень дорогой на вид ткани с блестящим металлическим тиснением.

Клеф неторопливо пересекла комнату и с довольным вздохом опустилась в шезлонг. Ложе послушно повторило все изгибы ее тела. Сидеть в таком кресле, должно быть, одно удовольствие, подумалось ему. Клеф немного повозилась, располагаясь поудобнее, и улыбнулась Оливеру.

- Ну, входите же. Сядьте вон там, где можно смотреть в окно. Я в восторге от вашей чудесной весны. Знаете, а ведь такого мая в цивилизованные времена еще не было.

Все это она произнесла вполне серьезно, глядя Оливеру прямо в глаза.

В ее голосе звучали хозяйские нотки, как будто этот май устроили специально по ее заказу.

Сделав несколько шагов, Оливер в изумлении остановился и посмотрел себе под ноги. У него было такое ощущение, словно он ступает по облаку. И как это он раньше не заметил, что весь пол затянут ослепительно белым, без единого пятнышка ковром, пружинящим при каждом шаге.

Тут только он увидел, что на ногах у Клеф ничего не было, вернее, почти ничего. Она носила что-то вроде котурнов, сплетенных из прозрачной паутины, плотно облегающей ступню. Босые подошвы были розовые, будто напомаженные, а ногти отливали ртутным блеском, как осколки зеркала.

Он почти и не удивился, когда, приблизившись, обнаружил, что это и в самом деле крохотные зеркальца - благодаря особому лаку.

- Садитесь же, - повторила Клеф, рукой указав ему на стул у окна. На ней была одежда из белой ткани, похожей на тонкий нежный пух, - достаточно свободная и в то же время идеально отзывающаяся на любое ее движение. И в самом ее облике было сегодня что-то необычное. Те платья, в которых она выходила на прогулку, подчеркивали прямую линию плеч и стройность фигуры, которую так ценят женщины. Но здесь, в домашнем наряде, она выглядела... не так, как обычно. Ее шея обрела лебединый изгиб, а фигура - мягкую округлость и плавность линий, и это делало ее незнакомой и вдвойне желанной.

- Не хотите ли чаю? - спросила Клеф с очаровательной улыбкой.

Рядом с ней на низеньком столике стояли поднос и несколько маленьких чашек с крышками; изящные сосуды просвечивали изнутри, как розовый кварц, свет шел густой и мягкий, словно процеженный сквозь несколько слоев какого-то полупрозрачного вещества. Взяв одну из чашек (блюдечек на столе не было), она подала ее Оливеру.

На ощупь стенки сосуда казались хрупкими и тонкими, как листок бумаги. О содержимом он мог только догадываться: крышечка не снималась и, очевидно, представляла собой одно целое с чашкой. Лишь у ободка было узкое отверстие в форме полумесяца. Над отверстием поднимался пар.

Клеф поднесла к губам свою чашку, улыбнувшись Оливеру поверх ободка. Она была прекрасна. Светло-золотые волосы были уложены в сияющие волны, а лоб украшала настоящая корона из локонов. Они казались нарисованными, и только легкий ветерок из окна порой трогал шелковые пряди.

Оливер попробовал чай. Напиток отличался изысканным букетом, был очень горяч, и во рту еще долго оставался после него запах цветов. Он, несомненно, был предназначен для женщин. Но, сделав еще глоток, Оливер с удивлением обнаружил, что напиток ему очень нравится. Он пил, и ему казалось: цветочный запах усиливается и обволакивает мозг клубами дыма. После третьего глотка в ушах появилось слабое жужжание. Пчелы снуют в цветах, подумалось ему, как сквозь туман, - и он сделал еще глоток.

Клеф с улыбкой наблюдала за ним.

- Те двое вернутся только к обеду, - сообщила она довольным тоном. - Я решила, что мы можем славно провести время и лучше узнать друг друга.

Оливер пришел в ужас, когда услышал вопрос, заданный его собственным голосом:

- Отчего вы так говорите?

Он вовсе не собирался спрашивать ее об этом. Что-то, очевидно, развязало ему язык.

Клеф улыбнулась еще обаятельнее. Она коснулась губами края чашки и как-то снисходительно произнесла:

- Что вы имеете в виду под вашим "так"?

Он неопределенно махнул рукой и с некоторым удивлением отметил, что у него на руке вроде бы выросли один или два лишних пальца.

- Не знаю. Ну, скажем, слишком точно и тщательно выговариваете слова. Почему, например, вы никогда не скажете "не знаю", а обязательно "я не знаю"?

- У нас в стране всех учат говорить точно, - объяснила Клеф. - Нас приучают двигаться, одеваться и думать с такой же точностью, с детства отучают от любых проявлений несобранности. В вашей стране, разумеется... - Она была вежлива. - У вас это не приобрело характера фетиша. Что касается нас, то у нас есть время для совершенствования. Мы это любим.

Голос ее делался все нежнее и нежнее, и сейчас его почти невозможно было отличить от тонкого букета напитка и нежного запаха цветов, заполонившего разум Оливера.

- Откуда вы приехали? - спросил он, снова поднося чашку ко рту и слегка недоумевая: напитка, казалось, нисколько не убывало.

Теперь-то уж улыбка Клеф была определенно снисходительной. Но это его не задело. Сейчас его не смогло бы задеть ничто на свете. Комната плыла перед ним в восхитительном розовом мареве, душистом, как сами цветы.

- Лучше не будем говорить об этом, мистер Вильсон.

- Но... - Оливер не закончил фразы. В конце концов, это и вправду не его дело. - Вы здесь на отдыхе? - неопределенно спросил он.

- Может быть, это лучше назвать паломничеством.

- Паломничеством?! - Оливер так заинтересовался, что на какую- то минуту его сознание прояснилось. - А... куда?

- Мне не следовало этого говорить, мистер Вильсон. Пожалуйста, забудьте об этом. Вам нравится чай?

- Очень.

- Вы, очевидно, уже догадались, что это не простой чай, а эйфориак?

Оливер не понял.

- Эйфориак?

Клеф рассмеялась и грациозным жестом пояснила ему, о чем идет речь.

- Неужели вы еще не почувствовали его действия? Этого не может быть!

- Я чувствую себя, - ответил Оливер, - как после четырех порций виски.

Клеф подавила дрожь отвращения.

- Мы добиваемся эйфории* не таким мучительным способом. И не знаем тех последствий, которые вызывал обычно ваш варварский алкоголь. - Она прикусила губу. - Простите. Я, должно быть, сама злоупотребила напитком,

*Эйфория - состояние беспричинной радости и возбуждения. (Примеч. пер.)

иначе я не позволила бы себе таких высказываний. Пожалуйста, извините меня. Давайте послушаем музыку.

Клеф откинулась в шезлонге и потянулась к стене. Рукав соскользнул с округлой руки, обнажив запястье, и Оливер вздрогнул, увидев еле заметный длинный розоватый шрам.

Его светские манеры окончательно растворились в парах душистого напитка; затаив дыхание, он подался вперед, чтобы рассмотреть получше.

Быстрым движением Клеф вернула рукав на место. Она покраснела сквозь нежный загар и отвела взгляд, точно ей вдруг стало чего-то стыдно.

Он бестактно спросил:

- Что это? Откуда?

Она все еще прятала глаза. Много позже он узнал, в чем дело, и понял, что у нее были все основания стыдиться. Но сейчас он просто не слушал ее лепета:

- Это так... ничего... прививка. Нам всем... впрочем, это неважно. Послушаем лучше музыку.

На этот раз она потянулась другой рукой, ни к чему не прикоснулась, но, когда рука оказалась в нескольких сантиметрах от стены, в воздухе возник еле слышный звук.

То был шум воды, шорохи волн на бесконечном отлогом пляже.

Клеф устремила взгляд на картину с изображением моря, и Оливер последовал ее примеру.

Картина жила, волны двигались. Больше того, перемещалась сама точка наблюдения. Морской пейзаж медленно изменялся, бег волн стремил зрителя к берегу. Оливер не отрывал глаз от картины, загипнотизированный мерным движением, и все происходящее казалось ему в эту минуту вполне естественным.

Волны росли, разбивались и ажурной пеной с шипением набегали на песок. Затем в звуках моря обозначилось легкое дыхание музыки, и сквозь синеву волн начали проступать очертания мужского лица. Человек улыбался тепло, как добрый знакомый. В руках он держал какой-то удивительный и очень древний музыкальный инструмент в форме лютни, весь в темных и светлых полосах, как арбуз, и с длинным загнутым грифом, лежащим у него на плече. Человек пел, и его песня слегка удивила Оливера. Она была очень знакомой и в то же время ни на что не похожей. С трудом одолев непривычные ритмы, он наконец нащупал мелодию - песенка "Понарошку" из спектакля "Плавучий театр". Но как она отличалась от самой себя - не меньше чем

спектакль "Плавучий театр" от какого-нибудь своего тезки, разводящего пары на Миссисипи*.

- Что это он с ней вытворяет? - спросил Оливер после нескольких минут напряженного внимания. - В жизни не слышал ничего похожего.

Клеф рассмеялась и снова потянулась к стене.

- Мы называем это горлированием, - загадочно ответила она. - Впрочем, неважно. А как вам понравится вот это?

Певец-комик был в гриме клоуна; его лицо казалось рамкой для чудовищно подведенных глаз. Он стоял на фоне темного занавеса у большой стеклянной колонны и в быстром темпе пел веселую песенку, скороговоркой импровизируя что-то между куплетами. В то же время ногтями левой руки он отбивал какой-то замысловатый ритм на стекле колонны, вокруг которой описывал круги все время, пока пел. Ритм то сливался с музыкой, то убегал куда-то в сторону, сплетая собственный рисунок, но затем вновь настигал музыку и сливался с ней.

Уразуметь, что к чему, было трудно. В самой песне было еще меньше смысла, чем в импровизированном монологе о каком-то пропавшем шлепанце. Монолог пестрел намеками, которые смешили Клеф, но ничего не говорили Оливеру. Стиль исполнения отличался не очень приятной суховатой утонченностью, хотя Клеф, судя по всему, находила в нем свою прелесть. Оливер с интересом отметил, что в манере певца пусть по-другому, но сквозит все та же свойственная Санциско крайняя и безмятежная самоуверенность. Национальная черта, подумал он.

Последовали еще несколько номеров. Некоторые явно представляли собой фрагменты, выдранные из чего-то целого. Один такой отрывок был ему знаком. Он узнал эту неповторимую, волнующую мелодию еще до того, как появилось изображение: люди, марширующие сквозь марево, над ними в клубах дыма вьется огромное знамя, а на первом плане несколько человек скандируют в такт гигантскому шагу: "Вперед, вперед, лилейные знамена!"

Звук дребезжал, изображение плыло, и краски оставляли желать лучшего, но столько жизни было в этой сцене, что она захватила Оливера. Он смотрел во все глаза и вспоминал старый фильм давно прошедших лет. Деннис Кинг и толпа оборванцев, они поют"Песню бродяг" из... как же называлась картина? "Король бродяг"?

*По Миссисипи плавают старые пассажирские колесные пароходы, превращенные в своеобразные "плавучие театры", на каждом - своя труппа. (Примеч. ред.)

- Седая древность, - извинилась Клеф. - Но мне она нравится.

Дымок опьяняющего напитка вился между картиной и Оливером. Музыка ширилась и опадала, она была повсюду - и в комнате, и в душистых парах, и в его собственном возбужденном сознании. Все казалось ему вполне реальным. Он открыл, как нужно пить этот чай. Его действие, как у веселящего газа, не зависело от количества. Человек достигал высшей точки возбуждения, и за нее уже нельзя было перешагнуть. Поэтому лучше всего подождать, пока действие напитка чуть-чуть ослабеет, и только после этого выпить снова.

В остальном по действию чай напоминал алкоголь: через некоторое время предметы расплывались в блаженном тумане, сквозь который все представлялось волшебным сном. Оливер уже ни о чем не спрашивал. После он и сам не мог отличить сна от яви.

Так, например, получилось с живой куклой. Он запомнил ее во всех подробностях: маленькая стройная женщина с длинным носом, темными глазами и острым подбородком едва доходила ему до колена. Она изящно кружилась по белому ковру, ее лицо было таким же подвижным, как и тело; она танцевала легко, и всякий раз, когда ножкой касалась пола, звук отдавался звоном колокольчика. Это был какой-то сложный танец; кукла не дышала, но, танцуя, пела в такт и забавляла зрителей потешными ужимками. Конечно, она была точной копией живого человека и в совершенстве передразнивала его голос и манеру двигаться. После Оливер решил, что она ему привиделась.

Всего остального он уж и не мог припомнить. То есть он знал, что Клеф рассказывала ему что-то очень любопытное и тогда он понимал ее, но о чем шла речь, хоть убей, не помнил. Еще в памяти всплывали блестящие карамельки на прозрачном блюде; некоторые были восхитительны, две или три - такие горькие, что даже на другой день при одном воспоминании о них начинало сводить челюсти. А от одной (Клеф с упоением набросилась на вторую такую же) его чуть не вырвало.

Что касается самой Клеф, то он едва с ума не сошел, пытаясь вспомнить, что, собственно, произошло между ними. Ему казалось, будто он припоминает нежное прикосновение ее рукавов, когда она обнимала его за шею, и ее смех, и душистый аромат чая от ее дыхания на своем лице. Но дальше в памяти был черный провал.

Впрочем, перед тем как окончательно забыться, он на минутку очнулся и, помнится, увидел двух других

Санциско, которые стояли и глядели на него сверху вниз: мужчина - сердито, а голубоглазая женщина - насмешливо-иронически.

За тридевять земель от него мужчина сказал: "Клеф, вы же знаете, что это вопиющее нарушение всех правил". Возникнув как тонкое гудение, его голос вдруг улетел куда-то высоко-высоко, за пределы слышимости. Оливеру казалось, что он помнит и брюнетку - с ее смехом, таким же далеким и тоненьким, и жужжащим голосом, похожим на гудение пчел.

- Клеф, Клеф, глупышка, неужели вас нельзя и на минуту оставить одну?

Голос Клеф произнес нечто совсем непонятное:

- Но какое значение это может иметь **здесь?**

Мужчина ответил, все так же гудя издалека:

- Очень большое значение, если учесть, что перед выездом вы обязались не вмешиваться. Вы же дали подписку в соблюдении правил...

Голос Клеф приблизился и стал более внятным:

- Но вся разница в том, что здесь... **здесь** это не имеет значения. И вы оба прекрасно это знаете. Не имеет и не может иметь!

Оливер почувствовал, как пуховый рукав ее платья задел его по щеке, но ничего не увидел, кроме дымных клубов мрака, которые, то опадая, то нарастая, лениво проплывали перед глазами. Далекие голоса продолжали мелодично пререкаться друг с другом, потом умолкли, и больше он ничего не слышал.

Он очнулся на следующее утро в своей постели. Вместе с Оливером проснулось и воспоминание о Клеф: о ее милом лице, что склонилось над ним с выражением щемящей жалости, о душистых золотых прядях, упавших на тронутые загаром щеки, о сострадании, которое он читал в ее глазах. Скорее всего, это ему приснилось. Ведь не было ровным счетом никаких причин смотреть на него с такой жалостью.

Днем позвонила Сью.

- Оливер, приехали те самые, что хотят купить дом! Чокнутая со своим муженьком. Привести их к тебе?

У Оливера с утра голова была забита смутными и какими-то бестолковыми воспоминаниями о вчерашнем. Вытесняя все остальное, перед ним снова и снова возникало лицо Клеф.

- Что? - переспросил он. - Я... Ах, да. Ну, что ж, приводи, если хочешь. Я лично не жду от этого никакого проку.

- Оливер, что с тобой? Мы же договорились, что нам нужны деньги, разве нет? Не понимаю, как ты можешь не

пошевелив пальцем упускать такую выгодную сделку! Мы могли бы сразу пожениться и купить домик. Ты ведь знаешь, нам больше никогда не дадут столько денег за эту груду старья. Да проснись же ты наконец!

Оливер попытался.

- Знаю, Сью, я все это знаю. Но...

- Оливер, ты обязан что-то придумать!

Это был приказ. Он знал, что она права. Клеф - это Клеф, но от сделки ни в коем случае не следовало отказываться, если была хоть какая-то надежда выпроводить жильцов. Интересно все-таки знать, почему это дом приобрел вдруг такую ценность, да еще в глазах стольких людей. И какое отношение имеет ко всему этому последняя неделя мая.

Вспыхнувшее любопытство пересилило даже владевшую им апатию. Последняя неделя мая... Весь вопрос о продаже дома упирается в то, кому в нем жить в это время. Значит, это очень важно. Но почему? **Почему?**

- А что такого может случиться за эту неделю? - обратился он к трубке с риторическим вопросом. - Почему бы им не потерпеть, пока комнаты освободятся? Я уступлю им одну-две тысячи, если только...

- Как бы не так, Оливер Вильсон! На эти деньги можно купить целую холодильную установку. Разбейся в лепешку, но очисть дом к началу будущей недели, это мое последнее слово! Слышишь?!

- Спи спокойно, крошка, - ответил Оливер деловым тоном. - Я всего лишь простой смертный, но я попробую.

- Так мы сейчас приедем, - сказала Сью, - пока этих Санциско нет дома. А ты, Оливер, пораскинь мозгами и что-нибудь придумай. - Она помолчала и задумчиво добавила: - Они... очень уж они чудные.

- Чудные?

- Сам увидишь.

Немолодая женщина и молодой человек, почти юноша, - вот кого Сью привела с собой. Оливер сразу понял, чем они поразили Сью. Но его почему-то нисколько не удивило, что оба носили одежду с той элегантной самоуверенностью, которую он успел изучить. И точно так же осматривались кругом с несколько снисходительным видом, явно наслаждаясь прекрасным солнечным днем. Они еще не успели заговорить, а Оливер уже знал, какими мелодичными окажутся их голоса и как тщательно будут они выговаривать каждое слово.

Да, тут не могло быть двух мнений. Таинственные соотечественники Клеф начали прибывать сюда потоком. Зачем? Чтобы провести здесь последнюю неделю мая? Он недоумевал. Пока нельзя было догадаться. Пока. Но одно

можно было сказать с уверенностью: все они приезжают из той неизвестной страны, где каждый владеет своим голосом лучше любого певца и одевается, как актер, который готов остановить само время, чтобы расправить смятую складку.

Пожилая дама сразу взяла инициативу в свои руки. Они встретились на шатких некрашеных ступеньках парадного, и Сью даже не успела их познакомить.

- Молодой человек, я - госпожа Холлайа, а это мой муж. - В ее голосе звучала суховатая резкость, что, вероятно, было вызвано возрастом. Лицо казалось затянутым в корсет: каким-то невидимым способом, о котором Оливер и понятия не имел, обвисшую плоть удалось загнать в некое подобие твердой формы. Грим был наложен так искусно, словно его и не было, но Оливер мог бы побиться об заклад, что она значительно старше, чем выглядит. Нужно было очень долго, целую жизнь командовать, чтобы в этом резком, глубоком и звучном голосе накопилось столько властности.

Молодой человек помалкивал. Он был удивительно красив красотой того типа, на который не влияют ни страна, ни уровень культуры. На нем был отлично сшитый костюм, в руке - предмет из красной кожи, формой и размерами напоминающий книгу.

Тем временем госпожа Холлайа продолжала:

- Я понимаю ваши трудности в вопросе о доме. Вы хотели бы мне его продать, но юридически связаны контрактом с Омерайе и его друзьями. Я не ошиблась?

Оливер утвердительно кивнул.

- Но...

- Позвольте мне договорить. Если до конца недели Омерайе удастся заставить выехать, вы примете мое предложение. Так? Отлично. Хара! - Она кивнула молодому человеку, который весь превратился во внимание, сказал: "Да, Холлайа" - и с легким поклоном опустил затянутую в перчатку руку в карман пиджака.

С видом императрицы госпожа Холлайа простерла длань и приняла маленький предмет, услужливо поднесенный ей на ладони.

- Вот, - сказала она, - вещица, которая может нам помочь. Дорогая моя, - она протянула предмет Сью, - если вам удастся спрятать это где-нибудь в доме, то, полагаю, нежелательные жильцы не станут слишком долго надоедать вам.

Сью с любопытством взяла "вещицу". Это была маленькая серебряная коробочка, не больше дюйма в диаметре, с насечкой поверху и совершенно гладкими

стенками, так что, судя по всему, открыть ее было нельзя.

- Погодите, - неловко вмешался Оливер, - а что это такое?

- Смею вас уверить, это никому не причинит вреда.

- Тогда зачем...

Госпожа Холлайа одним властным жестом приказала ему замолчать, а Сью - делать что требуется:

- Ну же, дорогая моя! Поспешите, а то вернется Омерайе. Уверяю вас, это совсем не опасно.

Но Оливер решительно воспротивился:

- Госпожа Холлайа, я должен знать, что вы задумали. Я...

- Оливер, прошу тебя! - Сью зажала серебряную коробочку в кулак. - Ты только не волнуйся. Уверяю тебя, госпожа Холлайа знает, что делает. Разве ты не **хочешь**, чтобы они съехали?

- Конечно, хочу. Но не хочу, чтобы дом взлетел на воздух или...

Госпожа Холлайа снисходительно засмеялась своим грудным смехом:

- Что вы, мистер Вильсон, мы действуем куда тоньше. К тому же нс забывайте, этот дом нужен нам самим. Так поторопитесь, дорогая моя!

Сью кивнула и быстро скользнула в дом мимо Оливера. Он оказался в меньшинстве, и ему поневоле пришлось уступить. Пока они ждали, молодой человек по имени Хара любовался видом, рассеянно постукивая ногой о ступеньку. День был погожий, как и весь этот месяц, - прозрачно-золотой, полный мягкой прохлады, которая медлила уходить, словно для того, чтобы люди еще острее прочувствовали разницу между весной и наступающим летом. Он поглядывал по сторонам с самодовольством человека, который по достоинству оценил возведенные специально для него декорации. Он даже взглянул на небо, когда в высоте послышалось далекое гудение моторов, и проводил глазами трансконтинентальный лайнер, едва заметный в золотистом солнечном мареве.

- Занятно, - пробормотал он с удовлетворением.

Вернулась Сью и, взяв Оливера под руку, возбужденно сжала его локоть.

- Готово, - сказала она. - Сколько теперь ждать, госпожа Холлайа?

- Это, дорогая моя, зависит от обстоятельств. Но не очень долго. А сейчас, мистер Вильсон, мне бы хотелось кое-что сказать вам лично. Вы ведь здесь живете, не так

ли? Если вы дорожите собственным покоем, последуйте моему совету и...

Откуда-то из глубины дома донеслось хлопанье двери и переливы мелодии, которую выводил без слов высокий чистый голос. Затем послышались шаги на лестнице и единственная строчка какой-то песни: "Как сладко нам вдвоем..."

Хара вздрогнул, едва не выронив красный кожаный футляр.

- Клеф, - прошептал он. - А может быть, и Клайа. Я знаю, они обе только что возвратились из Кентербери. Но я думал...

- Ш-ш-ш! - Лицо госпожи Холлайа изменило выражение, и теперь на нем нельзя было прочитать ничего, кроме властности, лишь в трепете ноздрей угадывалось торжество. Она вся подобралась и повернулась к дверям своим внушительным фасадом.

На Клеф было мягкое пуховое платье, которое Оливер уже видел, только на этот раз не белого, а чистого светло-голубого цвета, который придавал ее загару абрикосовый оттенок. Она улыбалась.

- Да ведь это Холлайа! - произнесла она с самыми мелодичными модуляциями, на какие была способна. - Мне показалось, что я слышу знакомые голоса. Я рада вас видеть. Никто не знал, что вы собираетесь отправиться в ... - Она прикусила губу, украдкой бросив взгляд на Оливера. - И Хара с вами, - продолжала она. - Какая приятная неожиданность.

- А вы-то когда успели вернуться? - решительно спросила Сью.

Клеф одарила ее улыбкой.

- Вы, должно быть, и есть та самая крошка мисс Джонсон. Дело в том, что я вообще никуда не ходила. Мне надоело осматривать достопримечательности, и я спала у себя в комнате.

Сью не то вздохнула, не то недоверчиво фыркнула. Они с Клеф обменялись молниеносными взглядами, но это мгновение длилось, кажется, целую вечность. За короткую паузу, не более секунды, они без слов все сказали друг другу.

В улыбке Клеф, адресованной Сью, Оливер прочитал ту же спокойную уверенность, которая, как он видел, была свойственна всем этим странным людям. Он заметил, как Сью мигом дала ей оценку от головы до кончиков туфель, а сама выпрямила плечи, подняла голову и провела ладонями по плоским бедрам, расправляя складки своего летнего платья. Она посмотрела на Клеф сверху вниз,

надменно, подчеркнуто. С вызовом. Ничего не понимая, он перевел взгляд на Клеф.

Линия ее плеч образовывала мягкий наклон, а платье, стянутое поясом на узкой талии, ниспадало глубокими складками, подчеркивая округлость форм. У Сью была модная фигурка, - но Сью уступила первой.

Клеф продолжала улыбаться. Ни слова не было сказано, но они внезапно поменялись местами. Эта переоценка ценностей была вызвана одной лишь безграничной самоуверенностью Клеф, ее спокойной, властной улыбкой. Вдруг стало очевидно, что мода не стоит на месте. Странная и, казалось бы, давно устаревшая плавность линий, свойственная Клеф, неожиданно превратилась в эталон. Рядом с ней Сью выглядела смешным угловатым существом неопределенного пола.

Оливер не мог понять, как это произошло. Просто в какую-то долю секунды власть перешла из рук в руки. Красота почти целиком зависит от моды: что прекрасно сегодня, было бы нелепым поколения за два до этого и покажется нелепым через сто лет. Да что там нелепым, хуже - старомодным, а потому немного комичным.

Именно так и выглядела теперь Сью. Для того чтобы все присутствующие убедились в этом, Клеф понадобилось лишь чуть-чуть больше самоуверенности, чем обычно. Как-то сразу и бесспорно Клеф оказалась красавицей в полном соответствии с модой, а гибкая и худенькая Сью, ее прямые плечи стали, напротив, до смешного старомодными, каким-то анахронизмом во плоти. Сью было не место здесь. Среди этих странно совершенных людей она выглядела просто нелепо.

Провал был полным. Пережить его Сью помогли только гордость да, пожалуй, еще замешательство. Скорее всего, до нее так и не дошло, в чем дело. Она наградила Клеф взглядом, полным жгучей ненависти, а затем подозрительно уставилась на Оливера.

Припоминая впоследствии эту сцену, Оливер решил, что именно тогда перед ним впервые отчетливо забрезжила истина. Но в то время он не успел додумать все до конца, потому что после короткой вспышки враждебности трое из ниоткуда заговорили все разом, как будто, спохватившись, попытались что-то скрыть от чужих глаз.

- Такая чудесная погода... - начала Клеф.

- Вам так повезло с домом... - произнесла госпожа Холлайа, но Хара перекрыл их голоса:

- Клеф, это вам от Сенбе. Его последняя работа, - сказал он, поднимая над головой красный кожаный футляр.

Клеф нетерпеливо потянулась за ним, и пуховые рукава скользнули вниз. Оливер успел заметить тот самый таинственный шрам, и ему показалось, что у Хары под манжетом тоже мелькнул едва заметный след, когда он опустил руку.

- Сенбе! - радостно воскликнула Клеф. - Как замечательно! Из какой эпохи?

- Ноябрь 1664 года, - ответил Хара. - Разумеется, Лондон, хотя в одной теме, по-моему, возникает ноябрь 1347-го. Финал еще не написан, как вы можете догадаться. - Он бросил беспокойный взгляд в сторону Оливера и Сью. - Прекрасное произведение, - быстро продолжал он. - Чудо! Но, разумеется, для тех, кто понимает в этом толк.

Госпожа Холлайа с деликатным отвращением пожала плечами.

- Уж этот мне Сенбе! - изрекла она. - Очаровательно, не спорю, - он великий человек. Но - такой авангардист!

- Чтобы оценить Сенбе, нужно быть знатоком, - слегка подколола ее Клеф. - Это все признают.

- Ну, конечно, мы все перед ним преклоняемся, - уступила Холлайа. - Но признаюсь, дорогая, этот человек порой внушает мне ужас. Не собирается ли он к нам присоединиться?

- Надеюсь, - ответила Клеф. - Поскольку его... хм... работа еще не закончена, то наверняка присоединится. Вы же знаете его вкусы.

Холлайа и Хара одновременно рассмеялись.

- В таком случае я знаю, когда его можно будет найти, - заметила Холлайа. Она взглянула на Оливера - он внимательно слушал - и на умолкшую, но все еще очень сердитую Сью. Затем, взяв бразды правления в свои руки, она вернула разговор к той теме, которая ее интересовала.

- Вам так повезло с этим домом, Клеф, дорогая моя, - многозначительно объявила она. - Я видела его в объемном изображении - позднее, - и он все еще оставался великолепным. Подумать только, какое удачное совпадение. Не желали бы вы аннулировать ваш договор, разумеется, за соответствующее вознаграждение? Скажем, за местечко на коронации...

- Нас ничем не купить, Холлайа, - весело оборвала ее Клеф, прижимая к груди красный футляр.

Холлайа смерила ее холодным взглядом.

- Вы можете и передумать, дорогая моя, - сказала она. - Еще есть время. Тогда свяжитесь со мной через мистера Вильсона, тем более что он сам здесь присутствует. Мы сняли комнаты выше по улице, в "Монтгомери хаус". Конечно, они не чета вашим, но тоже неплохи. Для вас, во всяком случае, сойдут.

Оливер не поверил собственным ушам. "Монтгомери хаус" считался самым роскошным отелем в городе. По сравнению с его древней развалюхой это был настоящий дворец. Нет, понять этих людей решительно невозможно. Все у них наоборот.

Госпожа Холлайа величественно поплыла к ступенькам.

- Я была счастлива повидаться с вами, дорогая, - бросила она через плечо (у нее были отлично набитые искусственные плечи). - Всего хорошего. Передайте привет Омерайе и Клайе. Мистер Вильсон! - она кивком указала ему на дорожку. - Могу я сказать вам два слова?

Оливер проводил ее до шоссе. На полпути госпожа Холлайа остановилась и тронула его за руку.

- Я хочу дать вам совет, - сипло прошептала она. - Вы говорили, что ночуете в этом доме? Так рекомендую вам перебраться в другое место, молодой человек. И сделайте это сегодня же вечером.

Оливер занимался довольно-таки бессистемными поисками тайника, куда Сью упрятала серебряную коробочку, когда сверху, через лестничный пролет, до него донеслись первые звуки. Клеф закрыла дверь в свою комнату, но дом был очень старый; ему показалось даже, будто он видит, как странные звуки просачиваются сквозь ветхое дерево и пятном расплываются по потолку.

Это была музыка - в известном смысле. И в то же время нечто неизмеримо большее, чем музыка. Звук ее внушал ужас. Она рассказывала о страшном бедствии и о человеке перед лицом этого бедствия. В ней было все - от истерики до смертной тоски, от дикой, неразумной радости до обдуманного смирения.

Бедствие было единственным в своем роде. Музыка не стремилась объять все скорби рода человеческого, но крупным планом выделила одну; эта тема развивалась до бесконечности. Основные созвучия Оливер распознал довольно быстро. Именно в них было существо музыки; нет, не музыки, а того грандиозного, страшного, что впилось в мозг Оливера с первыми услышанными звуками.

Но только он поднял голову, чтобы прислушаться, как музыка утратила всякий смысл, превратилась в беспорядочный набор звуков. Попытка понять ее безнадежно размыла в сознании все контуры музыкального рисунка, он больше не смог вернуть того первого мгновения интуитивного восприятия.

Едва ли понимая, что делает, он, как во сне, поднялся наверх, рывком отворил дверь в комнату Клеф и заглянул внутрь...

То, что он увидел, впоследствии припоминалось ему в очертаниях таких же смутных и размытых, как представления, рожденные музыкой в его сознании. Комната наполовину исчезла в тумане, а туман был не чем иным, как трехмерным экраном. Изображения на экране... Для них не нашлось слов. Он не был даже уверен, что это зрительные изображения. Туман клубился от движений и звуков, но не они приковывали внимание Оливера. Он видел целое.

Перед ним было произведение искусства. Оливер не знал, как оно называется. Оно превосходило, вернее, сочетало в себе все известные ему формы искусства, и из этого сочетания возникали новые формы, настолько утонченные, что разум Оливера отказывался их принимать. В основе своей то была попытка великого мастера претворить важнейшие стороны огромного жизненного опыта человечества в нечто такое, что воспринималось бы мгновенно и всеми чувствами сразу.

Видения на экране сменялись, но это были не картины, а лишь намек на них; точно найденные образы будоражили ум и одним искусным прикосновением будили в памяти длинную вереницу ассоциаций. Очевидно, на каждого зрителя это производило разное впечатление: ведь правда целого заключалась в том, что каждый видел и понимал его по-своему. Не нашлось бы и двух человек, для которых эта симфоническая панорама могла бы прозвучать одинаково, но перед взором каждого разворачивался, в сущности, один и тот же ужасный сюжет.

Беспощадный в своем искусстве гений обращался ко всем чувствам. Краски, образы, движущиеся тени сменялись на экране; намекая на что-то важное, они извлекали из глубин памяти горчайшие воспоминания. Но ни одно зрительное изображение не смогло бы так разбередить душу, как запахи, струившиеся с экрана. Порой будто холодная рука прикасалась к коже - и по телу пробегал озноб. Во рту то появлялась оскомина, то текли слюнки от сладости.

Это было чудовищно. Симфония безжалостно обнажала потаенные уголки сознания, бередила давно зарубцевавшиеся раны, извлекала на свет секреты и тайны, замурованные глубоко в подвалах памяти. Она принуждала человека вновь и вновь постигать ее ужасный смысл, хотя разум грозил сломиться под непосильным бременем.

И в то же время, несмотря на живую реальность всего этого, Оливер не мог понять, о каком бедствии идет речь. Что это было настоящее, необозримое и чудовищное

бедствие - он не сомневался. И оно когда-то произошло на самом деле - это тоже было совершенно очевидно. В тумане на миг возникали лица, искаженные горем, недугом, смертью, - лица реальных людей, которые были когда-то живыми, а теперь предстали перед ним в смертельной агонии.

Он видел мужчин и женщин в богатых одеждах; они крупным планом появлялись на фоне тысяч и тысяч мятущихся, одетых в лохмотья бедняков, что громадными толпами проносились по экрану и исчезали в мгновение ока. Он видел, как смерть равно настигала тех и других.

Он видел прекрасных женщин; они смеялись, встряхивая кудрями, но смех превращался в истерический вопль, а вопль - в музыку. Он видел мужское лицо. Оно появлялось снова и снова - удлиненное, смуглое, мрачное, в глубоких морщинах; исполненное печали лицо могущественного человека, умудренного в земных делах; лицо благородное и - беспомощное. Некоторое время оно повторялось как главная тема, и каждый раз все большая мука и беспомощность искажали его.

Музыка оборвалась в нарастании хроматической гаммы. Туман пропал, и комната вернулась на место. Какое-то мгновение на всем вокруг Оливеру еще виделся отпечаток смуглого, искаженного болью лица - так яркая картина долго стоит перед глазами, когда опустишь веки. Оливер знал это лицо. Он видел его раньше, не так уж часто, но имя человека обязательно должно было быть ему знакомо.

- Оливер, Оливер... - Нежный голос Клеф донесся откуда-то издалека. Оливер стоял ослабевший, привалившись спиной к косяку, и смотрел ей в глаза. Она казалась опустошенной, как и он сам. Жуткая симфония все еще держала их в своей власти. Но даже в смутную эту минуту Оливер понял, что музыка доставила Клеф огромное наслаждение.

Он чувствовал себя совсем больным. Человеческие страдания, которым его только что заставили сопереживать, вызвали тошноту и дрожь, и от этого все кружилось у него перед глазами. Но Клеф - ее лицо выражало одно восхищение. Для нее симфония была прекрасной и только прекрасной.

Непонятно почему Оливер вдруг вспомнил о вызывающих тошноту карамельках, которые так нравились Клеф, и об отвратительном запахе странных кушаний, что просачивался иногда в коридор из ее комнаты.

О чем это говорила она тогда на крыльце? О знатоках, вот о чем. Только настоящий знаток способен оценить такого... такого авангардиста, как некто по имени Сенбе.

Опьяняющий аромат поднялся тонкой струйкой к его лицу.

Он почувствовал в руке что-то прохладное и гладкое на ощупь.

- Оливер, умоляю вас, простите меня, - в тихом голосе Клеф звучало раскаяние. - Вот, выпейте, и вам сразу станет лучше. Ну, пейте же, я прошу вас!

И только когда язык ощутил знакомую сладость горячего душистого чая, до него дошло, что он исполнил ее просьбу. Пары напитка окутали разум, напряжение спало, и через минуту мир снова обрел свою надежность. Комната приняла обычный вид, а Клеф...

Ее глаза сияли. В них было сочувствие к нему, Оливеру, но сама она была переполнена радостным возбуждением от только что пережитого.

- Пойдемте, вам нужно сесть, - мягко сказала она, потянув его за руку. - Простите - мне не следовало ее проигрывать, пока вы в доме. Нет, у меня даже нет оправданий. Я совсем забыла, какое впечатление она может произвести на человека, незнакомого с музыкой Сенбе. Мне так не терпелось узнать, как он воплотил... воплотил свою новую тему. Умоляю вас, Оливер, простите меня!

- Что это было? - Его голос прозвучал тверже, чем он рассчитывал: чай давал себя знать. Он сделал еще глоток, радуясь аромату, который не только возбуждал, но и приносил утешение.

- Ком... комбинированная интерпретация... ах, Оливер, вы же знаете, что мне нельзя отвечать на вопросы!

- Но...

- Никаких "но". Потягивайте чай и забудьте о том, что видели. Думайте о другом. Сейчас мы с вами послушаем музыку - не такую, конечно, а что-нибудь веселое...

Все было, как в прошлый раз. Она потянулась к стене, и Оливер увидел, что синяя вода на заключенной в раму картине пошла рябью и стала выцветать. Сквозь нее пробились иные образы - так постепенно проступают очертания предмета, всплывающего из глубины моря.

Он различил подмостки, занавешенные черным, а на них - человека в узкой темной тунике и чулках, который мерил сцену нетерпеливыми шагами, двигаясь как-то боком. На темном фоне лицо и руки казались поразительно бледными. Он был хром и горбат и произносил знакомые слова. Оливеру однажды посчастливилось увидеть Джона Бэрримора в роли

горбуна Ричарда, и то, что на эту трудную роль посягнул какой-то другой актер, показалось ему немного оскорбительным. Этого актера он не знал. Человек играл с завораживающей вкрадчивостью, совершенно по-новому трактуя образ короля из рода Плантагенетов. Такая трактовка, пожалуй, и не снилась Шекспиру.

- Нет, - сказала Клеф, - не то. Хватит мрачности!

И она снова протянула руку. Безыменный новоявленный Ричард исчез с экрана, уступив место другим голосам и картинам. Они мелькали и сливались друг с другом, пока наконец изображение не стало устойчивым: на большой сцене танцовщицы в пастельно-синих балетных пачках легко и непринужденно выполняли фигуры какого-то сложного танца. И музыка была такая же легкая и непринужденная. Чистая, струящаяся мелодия наполнила комнату.

Оливер поставил чашку на стол. Теперь он чувствовал себя куда увереннее; напиток, видимо, сделал свое дело. Оливер не хотел, чтобы его рассудок опять затуманился. Он собирался кое-что выяснить, и выяснить сейчас же. Немедленно. Он обдумывал, как бы приступить к этому.

Клеф наблюдая за ним.

- Эта женщина, Холлайа, - сказала она неожиданно. - Она хочет купить у вас дом?

Оливер кивнул.

- Она предлагает много денег. Для Сью это будет форменным ударом, если...

Он запнулся. В конце концов, возможно, обойдется и без удара. Он вспомнил маленькую серебряную коробочку с загадочным предназначением и подумал, не рассказать ли о ней Клеф. Но напиток не успел еще обезоружить мозг - он помнил о своих обязанностях перед Сью и промолчал.

Клеф покачала головой и посмотрела ему прямо в глаза теплым взглядом. А может быть, и сочувственным?

- Поверьте мне, - сказала она, - в конечном счете все это покажется не таким уж важным. Обещаю вам, Оливер.

Оливер с удивлением воззрился на нее.

- Не могли бы вы объяснить почему?

Клеф рассмеялась, скорее печально, чем весело, и Оливер вдруг осознал, что в ее голосе не было больше снисходительных ноток. Она перестала смотреть на него как на забавный курьез. Ее поведение как-то незаметно утратило ту холодную отчужденность, с какой обращались с ним Омерайе и Клайа. Вряд ли она притворялась: изменения были слишком тонкими и неуловимыми, чтобы разыграть их сознательно. Они наступали самопроизвольно либо не наступали совсем. По причинам,

в которые Оливер не желал вдаваться, ему вдруг стало очень важно, чтобы Клеф не снисходила до общения с ним, чтобы она испытывала к нему те же чувства, что он к ней. Он не хотел размышлять над этим.

Оливер посмотрел на прозрачно-розовую чашку, на струйку пара, которая поднималась над отверстием в форме полумесяца. Может быть, подумал он, на этот раз чай послужит его целям. Этот напиток развязывает языки, а ему нужно было многое узнать. Догадка, осенившая его на крыльце, когда Сью и Клеф сошлись в безмолвной схватке, казалась сейчас не столь уж невероятной. Ведь есть же какое-то объяснение всему этому.

Клеф сама предоставила ему удобный случай.

- Мне сегодня нельзя пить много чаю, - сказала она, улыбаясь ему из-за розовой чашки. - От него мне захочется спать, а у нас вечером прогулка с друзьями.

- Еще друзья? - спросил Оливер. - И все ваши соотечественники?

Клеф кивнула.

- Очень близкие друзья. Мы ждали их всю неделю.

- Скажите мне, - напрямик начал Оливер, - что это за страна, откуда вы приехали? Ведь вы не здешние. Ваша культура слишком не похожа на нашу, даже имена...

Он замолчал, увидев, что Клеф отрицательно качает головой.

- Я сама хотела бы рассказать вам об этом, но мне запрещают правила. Даже то, что я сижу здесь и разговариваю с вами, уже нарушение правил.

- Каких правил?

Клеф беспомощно махнула рукой.

- Не нужно меня спрашивать, Оливер. - Она нежно улыбнулась ему, откинувшись на спинку шезлонга, который услужливо приспособился к ее новой позе. - Нам лучше не говорить о таких вещах. Забудьте об этом, слушайте музыку и, если можете, развлекайтесь в свое удовольствие... - Она прикрыла веки и запрокинула голову на подушки, мурлыча про себя какую-то мелодию. Не открывая глаз, она напела ту самую строчку, что он слышал утром: "Как сладко нам вдвоем..."

Яркое воспоминание вдруг озарило память Оливера. Он никогда не слышал странной, тягучей мелодии, но слова песни как будто узнал. Он вспомнил, что сказал муж госпожи Холлайа, услышав эту строчку, и весь подался вперед. На прямой вопрос она, конечно, не станет отвечать, но если попробовать...

- А что, в Кентербери было так же тепло? - спросил он и затаил дыхание. Клеф промурлыкала другую строчку песни и покачала головой, по-прежнему не поднимая век:

- Там была осень. Но такая чудесная, ясная. Знаете, у них даже одежда... все пели эту новую песенку, и она запала мне в голову.

Она пропела еще одну строчку, но Оливер не разобрал почти ни слова. Язык был английский и в то же время какой-то совсем непонятный.

Он встал.

- Постойте, - сказал он. - Мне нужно кое-что выяснить. Я сейчас вернусь.

Она открыла глаза и улыбнулась ему туманной улыбкой, не переставая напевать. Он спустился на первый этаж - быстро, но не бегом, потому что лестница чуть-чуть качалась под ногами, хотя в голове уже прояснилось, - и прошел в библиотеку. Книга была старой и потрепанной, в ней еще сохранились карандашные пометки университетских лет. Он довольно смутно помнил, где искать нужный отрывок, начал быстро листать страницы и по чистой случайности почти сразу на него наткнулся. Он опять поднялся наверх, чувствуя какую-то странную пустоту в желудке: теперь он был почти уверен.

- Клеф, - сказал он твердо, - я знаю эту песню. Я знаю, в каком году она была новинкой.

Она медленно подняла веки; ее взгляд был затуманен напитком. Вряд ли его слова дошли до ее сознания. Целую минуту она смотрела на него остановившимся взглядом, затем вытянула перед собой руку в голубом пуховом рукаве, распрямила смуглые от загара пальцы и потянулась к Оливеру, засмеявшись низким, грудным смехом.

"Как сладко нам вдвоем", - сказала она.

Он медленно пересек комнату и взял ее за руку, ощутив теплое пожатие пальцев. Она заставила его опуститься на колени у шезлонга, тихо засмеялась, закрыла глаза и приблизила лицо к его губам.

Их поцелуй был горячим и долгим. Он ощутил аромат чая в ее дыхании, ему передалось ее опьянение. Но он вздрогнул, когда кольцо ее рук вдруг распалось и он почувствовал на щеке учащенное дыхание. По лицу ее покатились слезы, она всхлипнула.

Он отстранился и с удивлением посмотрел на нее. Она всхлипнула еще раз, перевела дыхание и тяжело вздохнула.

- Ах, Оливер, Оливер... - Затем покачала головой и высвободилась, отвернувшись, чтобы спрятать лицо. - Я... мне очень жаль, - сказала она прерывающимся голосом. -

Пожалуйста, простите меня. Это не имеет значения... я знаю, что не имеет... и все-таки...

- Что случилось? Что не имеет значения?

- Ничего... Ничего... Пожалуйста, забудьте об этом. Ровным счетом ничего.

Она взяла со стола носовой платок, высморкалась и лучезарно улыбнулась ему сквозь слезы.

Внезапно им овладел гнев. Хватит с него всех этих уловок и таинственных недомолвок! Он грубо сказал:

- Вы что, и в самом деле считаете меня таким дурачком? Теперь я знаю вполне достаточно, чтобы...

- Оливер, я прошу вас! - она поднесла ему свою чашку, над которой вился душистый дымок. - Прошу вас, не надо больше вопросов. Эйфория - вот что вам нужно, Оливер. Эйфория, а не ответы.

- Какой был год, когда вы услышали в Кентербери эту песенку? - потребовал он, отстраняя чашку.

Слезы блестели у нее на ресницах. Она прищурилась:

- Ну... а сами вы как думаете?

- Я знаю, - мрачно ответил Оливер. - Я знаю, в каком году все пели эту песенку. Я знаю, что вы только что побывали в Кентербери, муж Холлайа проболтался об этом. Сейчас у нас май, но в Кентербери была осень, и вы только что там побывали, поэтому и песенка, что вы там слышали, все еще у вас в голове. Эту песенку пел Чосеров Продавец индульгенций где-то в конце четырнадцатого века. Вы встречали Чосера, Клеф? Какой была Англия в то далекое время?

С минуту Клеф молча смотрела ему прямо в глаза. Затем плечи ее опустились и вся она как-то покорно сникла под своим одеянием.

- Какая же я дурочка, - спокойно сказала она. - Должно быть, меня легко было поймать. Вы и вправду верите тому, что сказали?

Оливер кивнул.

Она продолжала тихим голосом:

- Немногие способны поверить в это. Таково одно из правил, которыми мы руководствуемся, когда путешествуем. Нам не грозит серьезное разоблачение - ведь до того, как Путешествие Во Времени было открыто, люди в него просто не верили.

Ощущение пустоты под ложечкой резко усилилось. На какой-то миг время показалось Оливеру бездонным колодцем, а Вселенная потеряла устойчивость. Он почувствовал тошноту, почувствовал себя нагим и беспомощным. В ушах звенело, комната плыла перед глазами.

Ведь он сомневался - по крайней мере до этой минуты. Он ждал от нее какого-нибудь разумного объяснения, способного привести его дикие догадки и подозрения в некую стройную систему, которую можно хотя бы принять на веру. Но только не этого!

Клеф осушила глаза светло-синим платочком и робко улыбнулась.

- Я понимаю, - сказала она. - Примириться с этим, должно быть, страшно трудно. Все ваши представления оказываются вывернутыми наизнанку... Мы, разумеется, привыкли к этому с детства, но для вас... Вот, выпейте, Оливер! Эйфориак даст вам облегчение.

Он взял чашку - ободок все еще хранил бледные следы ее помады - и начал пить. Напиток волнами поднимался к голове, вызывая сладкое головокружение, - мозг словно слегка перемещался в черепной коробке, - изменяя его взгляд на вещи, а заодно и понятие о ценностях.

Ему становилось лучше. Пустота начала понемногу наполняться, ненадолго вернулась уверенность в себе, на душе потеплело, и он уже не был больше песчинкой в водовороте неустойчивого времени.

- На самом деле все очень просто, - говорила Клеф. - Мы... путешествуем. Наше время не так уж страшно удалено от вашего. Нет. Насколько - этого я не имею права говорить. Но мы еще помним ваши песни, и ваших поэтов, и кое-кого из великих актеров вашего времени. У нас очень много досуга, а занимаемся мы тем, что развиваем искусство удовольствий.

Сейчас мы путешествуем - путешествуем по временам года. Выбираем лучшие. По данным наших специалистов, та осень в Кентербери была самой великолепной осенью всех времен. Вместе с паломниками мы совершили поездку к их святыне. Изумительно, хотя справиться с их одеждой было трудновато.

А этот май - он уже на исходе - самый прекрасный из всех, какие отмечены в анналах времени. Идеальный май замечательного года. Вы, Оливер, даже не представляете себе, в какое славное, радостное время вы живете. Это чувствуется в самой атмосфере ваших городов - повсюду удивительное ощущение всеобщего счастья и благополучия, и все идет как по маслу. Такой прекрасный май встречался и в другие годы, но каждый раз его омрачала война, или голод, или что-нибудь еще. - Она замялась, поморщилась и быстро продолжала:

- Через несколько дней мы должны собраться на коронации в Риме. Если не ошибаюсь, это будет в 800 году от рождества Христова. Мы...

- Но почему, - перебил ее Оливер, - вы так держитесь за этот дом? И почему другие стараются его у вас оттягать?

Клеф пристально посмотрела на него. Он увидел, что на глазах у нее опять выступают слезы, собираясь в маленькие блестящие полумесяцы у нижних век. На милом, тронутом загаром лице появилось упрямое выражение. Она покачала головой.

- Об этом вы не должны меня спрашивать. - Она подала ему дымящуюся чашку. - Вот, выпейте и забудьте о том, что я рассказала. Больше вы от меня ничего не услышите. Нет, нет и нет.

Проснувшись, он некоторое время не мог понять, где находится. Он не помнил, как попрощался с Клеф и вернулся к себе. Но сейчас ему было не до этого. Его разбудило чувство всепоглощающего ужаса.

Оно наполняло темноту. Волны страха и боли сотрясали мозг. Оливер лежал неподвижно, боясь пошевелиться от страха. Какой-то древний инстинкт приказывал ему затаиться, пока он не выяснит, откуда угрожает опасность.

Приступы слепой паники снова и снова обрушивались на него с равномерностью прибоя, голова раскалывалась от их неистовой силы, и сама темнота вибрировала им в такт.

В дверь постучали, и раздался низкий голос Омерайе:

- Вильсон! Вильсон! Вы не спите?

После двух неудачных попыток Оливеру удалось выдавить:

- Не-ет, а что?

Брякнула дверная ручка, замаячил смутный силуэт Омерайе. Он нащупал выключатель, и комната вынырнула из мрака.

Лицо Омерайе было искажено, он сжимал голову рукой; очевидно, боль набрасывалась на него с теми же интервалами, что и на Оливера.

Прежде чем Омерайе успел что-нибудь произнести, Оливер вспомнил. Холлайа предупреждала его: "Рекомендую вам перебраться в другое место, молодой человек. И сделайте это сегодня же вечером". Он исступленно спрашивал себя, что именно грозит им в этом темном доме, который сотрясали спазмы слепого ужаса.

Сердитым голосом Омерайе ответил на его невысказанный вопрос:

- Кто-то установил в доме субсонорный излучатель, слышите, Вильсон! Клеф считает, что вы знаете где.

- С-субсонорный?..

- Есть такое устройство, - нетерпеливо пояснил Омерайе. - Скорее всего, небольшая металлическая коробочка, которая...

- А-а, - протянул Оливер таким тоном, что это выдало его с головой.

- Где она? - потребовал Омерайе. - Быстро! Нужно поскорее с ней разделаться.

- Не знаю, - ответил Оливер, с трудом заставив себя не стучать зубами. - В-вы хотите сказать, что все, все это наделала одна маленькая коробочка?

- Конечно. Теперь подскажите, где ее искать, не то все мы здесь сойдем с ума от страха.

Весь дрожа, Оливер выбрался из постели и неверной рукой нащупал халат.

- Я д-думаю, она спрятала ее где-то внизу. Она отлучалась с-совсем ненадолго.

Несколькими короткими вопросами Омерайе все из него вытянул. Когда Оливер кончил, тот заскрипел зубами в бессильной ярости.

- Эта идиотка Холлайа...

- Омерайе! - донесся из коридора жалобный голос Клеф. - Омерайе, пожалуйста, поскорее! Я больше не выдержу! Ох, Омерайе, умоляю вас!

Оливер вскочил на ноги. От резкого движения непонятная боль с удвоенной силой захлестнула его сознание; он покачнулся и вцепился в столбик кровати.

- Сами ищите ее, - услышал он свой дрожащий голос. - Я не могу и шагу ступить.

Нервы Омерайе начинали сдавать под страшным гнетом. Он схватил Оливера за плечо и принялся трясти, приговаривая сквозь зубы:

- Вы впутали нас в эту историю - так будьте добры помочь нам из нее выпутаться, иначе...

- Это устройство придумали в вашем мире, а не в нашем! - в бешенстве бросил ему Оливер.

И вдруг он почувствовал, что в комнате стало тихо и холодно. Даже боль и бессмысленная паника отпустили на минуту. Прозрачные, холодные зрачки мгновенно впились в него с таким выражением, что Оливеру почудилось, будто в глазах Омерайе лед.

- Что вам известно о нашем... мире? - потребовал он.

Оливер не ответил, да в этом и не было необходимости: его лицо говорило само за себя. Он был не способен притворяться под этой пыткой ночным ужасом, который все еще оставался для него загадкой.

Омерайе ощерил свои белые зубы. Он произнес три непонятных слова, шагнул к двери и отрывисто бросил:

- Клеф!

Оливер различил в коридоре женщин, которые жались друг к другу, - их била дрожь. Клайа, в длинном светящемся платье зеленого цвета, ценой огромного напряжения держала себя в руках, но Клеф даже и не пыталась совладать с собой. Ее пуховый наряд отливал сейчас мягким золотом, тело вздрагивало, и по лицу струились слезы, которых она уже не могла унять.

- Клеф! - спросил Омерайе голосом, не предвещавшим ничего хорошего. - Вы вчера снова злоупотребили эйфориаком?

Клеф испуганно покосилась на Оливера и виновато кивнула.

- Вы слишком много болтали. - Это был целый обвинительный акт в одной фразе. - Вам, Клеф, известны правила. Если об этом случае будет доложено властям, вам запретят путешествовать.

Ее красивое лицо неожиданно скривилось в упрямую гримасу.

- Я знаю, что поступила плохо. Я жалею об этом. Но вам не удастся запретить, если Сенбе будет против.

Клайа всплеснула руками в бессильном гневе. Омерайе пожал плечами.

- В данном случае, очевидно, большой беды не произошло, - сказал он, как-то загадочно посмотрев на Оливера. - Но ведь могло получиться и хуже. В следующий раз так оно и будет. Придется поговорить с Сенбе.

- Прежде всего нужно отыскать субсонорный излучатель, - напомнила Клайа, не переставая дрожать. - Если Клеф боится оставаться в доме, ей лучше пойти погулять. Признаюсь, сейчас общество Клеф меня только раздражает.

- Мы могли бы отказаться от дома! - исступленно закричала Клеф. - Пусть Холлайа забирает его себе! Чтобы искать, нужно время, а вы столько не выдержите...

- Отказаться от дома? - переспросила Клайа. - Да вы с ума сошли! Отменить все разосланные приглашения?!

- В этом не будет нужды, - сказал Омерайе. - Мы найдем излучатель, если все примемся за поиски. Вы в состоянии помочь? - он вопросительно посмотрел на Оливера.

Усилием воли Оливер заставил себя преодолеть бессмысленный, панический ужас, который волнами распространялся по комнате.

- Да,- ответил он. - Но как же я? Что вы сделаете со мной?

- Разве не ясно? - сказал Омерайе. - Заставим сидеть дома до нашего отъезда. Как вы понимаете, поступить иначе мы просто не можем. В данном случае, однако, у нас нет и оснований идти на более радикальные меры. Документы, что мы подписали перед путешествием, требуют от нас сохранения тайны, не больше.

- Постойте... - Оливер попытался нащупать какой-то просчет в рассуждениях Омерайе. Но это было бесполезно. Он не мог собраться с мыслями. Мозг захлебывался в безумном ужасе, который был везде, даже в воздухе.

- Ладно, - сказал он. - Давайте искать.

Коробочку нашли только под утро. Она была спрятана в диванной подушке, куда ее заткнули через разошедшийся шов. Не говоря ни слова, Омерайе взял ее и отнес к себе. Минут через пять напряжение исчезло и благодатный покой снизошел на дом.

- Они не остановятся на этом, - сказал Омерайе, задержав Оливера у дверей его спальни. - Нам следует быть настороже. Что касается вас, моя обязанность - позаботиться, чтобы вы до пятницы не выходили из дому. Если Холлайа попробует еще что-нибудь выкинуть, то советую немедленно поставить меня в известность. Это в ваших собственных интересах. Должен признаться, я не совсем ясно представляю себе, как заставить вас сидеть дома. Я мог бы сделать это крайне неприятным для вас способом, но мне хотелось бы ограничиться честным словом.

Оливер колебался. После того как спало напряжение, он почувствовал себя опустошенным, сознание притупилось, и он никак не мог уразуметь, что ответить.

Выждав с минуту, Омерайе добавил:

- Здесь есть и наша вина - нам следовало специально обусловить в договоре, что дом поступает в наше полное распоряжение. Поскольку вы жили вместе с нами, вам, конечно, было трудно удержаться от подозрений. Что, если в виде компенсации за обещание я частично возмещу вам разницу между арендой и продажной стоимостью дома?

Оливер взвесил предложение. Пожалуй, это немножко успокоит Сью. Да и речь идет всего о двух днях. И вообще, допустим, он удерет - какая от этого польза? Что бы он ни сказал в городе, его прямым ходом отправят в психиатрическую лечебницу.

- Ладно, - устало согласился он. - Обещаю.

Наступила пятница, а Холлайа все еще не напоминала о себе. В полдень позвонила Сью. Оливер узнал трескучий звук ее голоса, хотя разговаривала с ней Клеф. Судя по

звуку, Сью была в истерике: выгодная сделка безнадежно уплывала из ее цепких пальчиков.

Клеф пыталась ее успокоить.

- Мне жаль, - повторяла она каждый раз, когда Сью на минутку переставала трещать. - Мне действительно очень жаль. Поверьте мне, вы еще поймете, что это неважно... Я знаю... Мне очень жаль...

Наконец она положила трубку.

- Девушка говорит, что Холлайа уступила, - сообщила она остальным.

- Никогда не поверю, - решительно сказала Клайа.

Омерайе пожал плечами.

- У нее почти не осталось времени. Если она намерена действовать, то попытается уже сегодня вечером. Надо быть начеку.

- Нет, только не сегодня! - В голосе Клеф прозвучал ужас. - Даже Холлайа не пойдет на это.

- Дорогая моя, по-своему Холлайа так же неразборчива в средствах, как и вы, - с улыбкой заметил Омерайе.

- Но... неужели она станет нам пакостить только за то, что не может сама жить в этом доме?

- А вы думаете нет? - спросила Клайа.

Оливеру надоело прислушиваться. Пытаться понять их разговоры - дело безнадежное. Но он знал, что, какая бы тайна ни крылась за всем этим, сегодня вечером она наконец выплывет наружу. Он твердо решил дождаться заветного часа.

Два дня весь дом и трое новых жильцов пребывали в состоянии все нараставшего возбуждения. Даже прислуга нервничала, утратив обычную невозмутимость. Оливер прекратил расспросы - от них не было никакой пользы, они только вызывали замешательство у жильцов - и выжидал.

Стулья из всех комнат перенесли в три парадные спальни. Остальную мебель передвинули, чтобы освободить больше места. На подносах приготовили несколько дюжин накрытых чашечек. Среди прочих Оливер заметил сервиз из розового кварца, принадлежащий Клеф.

Над узкими отверстиями не поднималось дымка, хотя чашки были полны. Оливер взял одну в руки и почувствовал, как тяжелая жидкость вяло переливается внутри, словно ртуть.

Все говорило о том, что ждут гостей. Однако в девять сели обедать, как обычно, а гостей все не было. Затем встали из-за стола и прислуга разошлась по домам. Санциско пошли к себе переодеваться, и напряжение, казалось, еще возросло.

После обеда Оливер вышел на крыльцо, тщетно ломая голову над вопросом: чего это ждут - так нетерпеливо, что весь дом словно застыл в ожидании? На горизонте в легком тумане качался месяц, но звезды, от которых все майские ночи в этом году были ослепительно прозрачны, сегодня что-то потускнели. На западе собирались тучи; похоже, что безупречная погода, которая держалась целый месяц, собиралась наконец испортиться.

Дверь за спиной Оливера приоткрылась и захлопнулась. Еще не успев обернуться, он уловил аромат, присущий Клеф, и слабый запах ее любимого напитка. Она подошла, встала рядом, и он почувствовал, как ее рука проскользнула в его ладонь. В темноте она подняла к нему лицо.

- Оливер, - произнесла она очень тихо, - пообещайте мне одну вещь. Обещайте не выходить сегодня из дому.

- Я уже обещал, - ответил он с ноткой раздражения в голосе.

- Я знаю. Но сегодня - сегодня у меня есть особая причина просить вас посидеть дома.

На мгновение она опустила голову ему на плечо, и он, сам того не желая, невольно смягчился. С того памятного вечера, когда она все ему рассказала, они ни разу не оставались вдвоем. Он думал, что так и не удастся побыть с ней наедине, разве только урывками, на несколько минут. Но он понимал, что никогда не забудет двух странных вечеров, проведенных с ней. Теперь он знал и другое - она слабовольна и вдобавок легкомысленна. Но она оставалась все той же Клеф, которую он держал в объятиях. И это, пожалуй, навсегда врезалось ему в память.

- Вас могут... ранить, если вы сегодня отправитесь в город, - продолжала она приглушенным голосом. - Я знаю, что в конечном счете это не имеет значения, но... Помните, Оливер, вы обещали.

Прежде чем с языка его успел сорваться бесполезный вопрос, она исчезла и дверь закрылась за ней.

Гости начали собираться за несколько минут до полуночи. С верхней площадки Оливеру было видно, как они входят по двое и по трое, и он поразился, сколько этих пришельцев из будущего стеклось сюда за последнюю неделю. Теперь он абсолютно отчетливо понял, чем они отличаются от людей его времени. В первую очередь бросалось в глаза совершенство их внешнего облика - изящество одежд и причесок, изысканные манеры и идеальная постановка голоса. Но так как все они вели

праздную жизнь и на свой лад гнались за острыми ощущениями, то ухо улавливало в их голосах неприятные, визгливые нотки, особенно когда они говорили все разом. Внешний лоск не мог скрыть капризной раздражительности и привычки потакать собственным прихотям. А сегодня над всем этим еще царило возбуждение.

К часу ночи все собрались в парадных комнатах. После двенадцати чашки, по всей видимости сами собой, задымились и по комнатам расползся едва уловимый тонкий аромат, который смешивался с запахом чая и, попадая в легкие, вызывал что-то вроде слабого опьянения.

От этого запаха Оливеру стало легко и захотелось спать. Он твердо решил дождаться, пока не уйдет последний гость, но, видимо, незаметно задремал у себя в комнате, у окна, с нераскрытой книжкой на коленях.

Вот почему, когда это произошло, он несколько минут никак не мог понять, спит он или бодрствует.

Страшный, невероятной силы удар был сильнее, чем грохот. Оливер в полусне почувствовал, как весь дом заходил под ним, почувствовал (именно почувствовал, а не услышал), как бревна, словно переломанные кости, со скрежетом трутся друг о друга. Когда он стряхнул с себя остатки сна, оказалось, что он лежит на полу среди осколков оконного стекла.

Он не знал, сколько времени так провалялся. То ли весь мир был еще оглушен чудовищным грохотом, то ли у него заложило уши, но только вокруг стояла абсолютная тишина.

Первые звуки просочились к нему в коридоре, на полпути к парадным комнатам. Сперва это было нечто глухое и неописуемое, и сквозь него резко пробивались бесчисленные вопли, отдаленные на расстоянии. Барабанные перепонки ломило от чудовищного удара звуковой волны, такой сильной, что слух не воспринимал ее. Но глухота понемногу отпускала и, не успев еще ничего увидеть, он услышал первые голоса пораженного бедствием города.

Дверь в комнату Клеф поддалась с трудом. Дом немного осел от... взрыва? - и дверную раму перекосило. Справившись наконец с дверью, он застыл на пороге, бестолково моргая: в комнате было темно - лампы потушены, но со всех сторон доносился напряженный шепот.

Перед широкими окнами, выходившими на город, полукругом стояли стулья - так, чтобы всем было видно. В

воздухе колыхался дурман опьянения. Снаружи в окна проникало достаточно света, и Оливер заметил, что несколько зрителей все еще зажимают уши. Впрочем, все сидели, подавшись вперед с видом живейшего любопытства.

Как во сне, город с невыносимой ясностью проступил перед ним сквозь марево за окнами. Он прекрасно знал, что здания напротив загораживают вид, - и в то же время собственными глазами видел весь город, который расстилался бескрайней панорамой от окон до самого горизонта. Посредине, там, где должны были стоять дома, не было ничего.

На горизонте вздымалась сплошная стена пламени, окрашивая низкие облака в малиновый цвет. Небо отбрасывало это огненное сияние обратно на город, и оно высвечивало бесконечные кварталы расплющенных домсв - кое-где языки пламени уже лизали стены, - а дальше начиналась бесформенная груда того, что несколько минут назад тоже было домами, а теперь превратилось в ничто.

Город заговорил. Рев пламени заглушал все остальные звуки, но сквозь него, как рокот дальнего прибоя, прорывались голоса, отрывистые крики сплетались в повторяющийся узор. Вопли сирен прошивали все звуки волнистой нитью, связывая их в чудовищную симфонию, отмеченную своеобразной, жуткой, нечеловеческой красотой.

Оливер отказывался верить: в его оглушенном сознании на миг всплыло воспоминание о той, другой симфонии, что Клеф проиграла однажды в его доме, о другой катастрофе, воплотившейся в музыку, движения, формы.

Он хрипло позвал:

- Клеф...

Живая картина распалась. Все головы повернулись к Оливеру, и он заметил, что чужестранцы внимательно его разглядывают. Некоторые - таких было мало - казались смущенными и избегали его взгляда, но большинство, напротив, пытались поймать выражение его глаз с жадным, жестоким любопытством толпы на месте уличной катастрофы. Все эти люди - до одного - сошлись здесь заранее, чтобы полюбоваться на грандиозное бедствие, будто его подготовили специально к их приезду.

Клеф встала, пошатываясь, и едва не упала, наступив на подол своего бархатного вечернего платья. Она поставила чашку и нетвердой походкой направилась к двери.

- Оливер... Оливер... - повторяла она нежно и неуверенно.

Оливер понял: она была все равно что пьяна. Катастрофа до такой степени взвинтила ее, что она вряд ли отдавала себе отчет в своих действиях.

Оливер услышал, как его голос, ставший каким-то тонким и совершенно чужим, произнес:

- Что... Что это было, Клеф? Что случилось? Что...

Но слово "случилось" так не соответствовало чудовищной панораме за окнами, что он с трудом удержался от истерического смешка и невысказанный вопрос повис в воздухе. Он смолк, пытаясь унять бившую его дрожь.

Стараясь удержать равновесие, Клеф нагнулась и взяла дымящуюся чашку. Она подошла к нему, покачиваясь, и протянула напиток - свою панацею от всех зол.

- Выпейте, Оливер. Здесь мы все в безопасности, в полной безопасности.

Она прижала чашку к его губам, и он машинально сделал несколько глотков. Душистые пары сразу же обволокли сознание, за что он был им благодарен.

- Это был метеор, - говорила Клеф. - Маленький такой метеорик, честное слово. Здесь мы в полной безопасности, и с домом все в порядке.

Из глубины подсознания всплыл вопрос, и Оливер услышал свое бессвязное бормотание:

- Сью... Сью... Она...

Он не мог выговорить остального.

Клеф снова подсунула ему чашку.

- Я полагаю, она может ничего не бояться - пока. Пожалуйста, Оливер, забудьте обо всем и пейте!

- Но ведь вы же **знали**! - Эта мысль дошла наконец до его оглушенного сознания. - Вы могли предупредить или...

- Разве в наших силах изменять прошлое? - спросила Клеф. - Мы знали - но смогли бы мы остановить метеор? Или предупредить жителей? Отправляясь в путешествие, мы даем клятву никогда и ни во что не вмешиваться...

Голоса в комнате незаметно стали громче и теперь перекрывали шум, нараставший снаружи. Треск пламени, вопли и грохот разрушения сливались над городом в сплошной рев. Комнату заливало зловещим светом, по стенам и на потолке плясали красные отблески и багровые тени.

Внизу хлопнула дверь и кто-то засмеялся визгливым, хриплым, злым смехом. У кого-то в комнате перехватило дыхание, потом раздались крики испуга, целый хор криков. Оливер попытался сосредоточиться на окнах и на

жуткой картине, которая расстилалась за ними, - и обнаружил, что это ему не удается.

Некоторое время он еще напряженно щурился и только потом понял, что зрение изменило не ему одному. Тихонько всхлипывая, Клеф прижалась к нему. Оливер машинально обнял ее и почувствовал облегчение оттого, что рядом было теплое, живое человеческое тело. Оно было настоящим, к нему хотя бы можно было прикоснуться - все остальное больше походило на дурной сон. Ее аромат, смешанный с одуряющим запахом чая, ударил ему в голову, и на короткое мгновение, пока он сжимал ее в объятиях (он понимал, что в последний раз), он совершенно забыл о том, что даже внешний вид комнаты как-то уродливо изменился.

Он ослеп, но не совсем. Слепота набегала чередой, быстрыми, расходящимися волнами мрака: в промежутках глаза успевали выхватить отдельные лица в неверном, мерцающем свете, идущем из окон, - недоверчивые, напряженные.

Волны набегали все чаще. Теперь зрение возвращалось только на миг, и этот миг становился все короче, а промежутки мрака - длиннее.

Снизу опять донесся смех. Оливеру показалось, что он узнал голос. Он открыл рот, чтобы сказать об этом, но где-то рядом хлопнула дверь и, прежде чем он обрел дар речи, Омерайе уже кричал в пролет лестницы.

- Холлайа? - его голос поднялся над ревом города. - Холлайа, это вы?

Она снова рассмеялась, в ее смехе было торжество.

- Я предупреждала вас! - раздался ее хриплый резкий голос. - А теперь спускайтесь к нам на улицу, если хотите увидеть, что будет дальше.

- Холлайа! - с отчаянием выкрикнул Омерайе. - Прекратите это, иначе...

Ее смех прозвучал издевкой.

- Что вы будете делать, Омерайе? На этот раз я спрятала его получше. Спускайтесь на улицу, если хотите досмотреть до конца.

В доме воцарилось угрюмое молчание. Оливер ощущал на щеке учащенное дыхание Клеф, чувствовал под руками мягкие движения ее тела. Усилием воли он попытался остановить это мгновение, продлить его до бесконечности. Все произошло так быстро, сознание удерживало лишь то, что можно было тронуть и взять в руки. Он обнимал Клеф легко и свободно, хотя ему хотелось сжать ее в отчаянном порыве: он знал, что больше им не придется обнимать друг друга.

От безостановочного чередования тьмы и света ломило глаза. Издалека, снизу, докатывался рев охваченного пожаром города, пронизанный долгими, низкими, петляющими гудками сирен, которые сшивали какофонию звуков.

Затем с первого этажа сквозь непроглядную тьму донесся еще один голос - мужской, очень низкий и звучный:

- Что здесь творится? А вы что тут делаете? Холлайа, вы ли это?

Оливер почувствовал, как Клеф окаменела в его объятиях. Она перевела дыхание, но не успела ничего сказать, потому что человек уже поднимался по лестнице тяжелыми шагами. Его твердая, уверенная поступь сотрясала старый дом.

Клеф вырвалась из рук Оливера. Она радостно закричала: "Сенбе! Сенбе!" - и бросилась навстречу вошедшему сквозь волны тьмы и света, которые захлестнули пошатнувшееся здание.

Оливер немного потоптался на месте, пока не наткнулся на стул. Он опустился на него и поднес к губам чашку, с которой не расставался все это время. В лицо пахнуло теплым и влажным паром, но различить отверстие было почти невозможно.

Он вцепился в чашку обеими руками и начал пить.

Когда он открыл глаза, в комнате было совсем темно.. И тихо, если не считать тонкого мелодичного жужжания на таких высоких тонах, что оно почти не касалось слуха. Оливер попытался освободиться от чудовищного наваждения. Он решительно выбросил его из головы и сел, чувствуя, как чужая кровать скрипит и покачивается под тяжестью его тела.

Это была комната Клеф. Нет, уже не Клеф. Исчезли сияющие драпировки, белый эластичный ковер, картины - ничего не осталось. Комната выглядела, как прежде, - за одним исключением.

В дальнем углу стоял стол - кусок какого-то полупрозрачного материала, который излучал мягкий свет. Перед ним на низком табурете сидел человек, он наклонился вперед, и льющийся свет четко обрисовывал его могучие плечи. На голове у него были наушники, он делал быстрые и как будто бессистемные пометки в блокноте, что лежал у него на коленях, и чуть-чуть раскачивался, словно в такт слышной ему одному музыке.

Шторы были спущены, но из-за них доносился глухой отдаленный рев, который запомнился Оливеру из кошмарного сна. Он провел рукой по лицу и понял, что у

него жар и комната плывет перед глазами. Голова болела, во всем теле ощущалась противная слабость.

Услышав скрип кровати, человек у стола обернулся и опустил наушники, которые охватывали его шею наподобие воротничка. У него было властное чувственное лицо и коротко подстриженная черная бородка. Оливер видел его впервые, но сразу узнал эту отчужденность - ощущение непреодолимой пропасти времени, которая разделяла их.

Человек заговорил, в голосе его была безличная доброта.

- Вы злоупотребили эйфориаком, Вильсон, - сказал он равнодушно-сочувственным тоном. - Вы долго спали.

- Сколько времени? - спросил Оливер, с трудом разжав слипшиеся губы.

Человек не ответил. Оливер потряс головой, чтобы собраться с мыслями.

- Клеф, помнится, говорила, что никакого похмелья... - начал он, но тут ему в голову пришла новая мысль, и он перебил самого себя: - Где Клеф?

Он смущенно покосился на дверь.

- Сейчас они, вероятно, уже в Риме, на коронации Карла Великого в соборе святого Петра, на рождество, около тысячи лет назад.

С этой новостью было не так-то легко освоиться. Его больной разум отказывался от нее. Оливеру почему-то вообще было трудно думать. Не спуская глаз с человека, он мучительным усилием заставил себя додумать до конца.

- Значит, они отправились дальше. Но вы-то остались? Зачем? Вы... вы Сенбе? Я слышал вашу... Клеф называла ее симфонией.

- Вы слышали только часть. Она пока не закончена. Мне требовалось еще вот это. - Сенбе кивком показал на шторы, за которыми стоял приглушенный рев.

- Вам требовался метеор? - Истина с трудом пробивалась сквозь притупленное сознание, пока не наткнулась на какой-то участок мозга, еще не затронутый болью и способный к умозаключениям. - Метеор? Но...

Сенбе поднял руку, и этот жест, полный безотчетной властности, казалось, снова уложил Оливера на подушку. Сенбе терпеливо продолжал:

- Самое страшное уже позади, хотя бы на время. Если можете, постарайтесь забыть об этом. После катастрофы прошло уже несколько дней. Я же сказал вам, что вы долго спали. Я дал вам отдохнуть. Я знал, что дом не пострадает - по крайней мере от огня.

- Значит, случится что-то еще? - пробормотал Оливер.

Уверенности в том, что ему так уж нужен ответ, у него не было. Столько времени его мучило любопытство, но сейчас, когда он узнал почти все, какая-то часть его существа решительно отказывалась выслушивать остальное. Может быть, эта слабость, это лихорадочное головокружение пройдут вместе с действием напитка...

Голос Сенбе звучал ровно, успокаивающе, как будто он тоже хотел отвлечь Оливера от тяжелых мыслей. Проще всего было лежать так и спокойно слушать.

- Я композитор, - говорил Сенбе. - Переложение некоторых форм бедствий на язык моего искусства - вот что меня занимает. Поэтому я и остался. Все прочие - дилетанты. Они приехали наслаждаться погодой и зрелищем. Последствия катастрофы - к чему они им? Но я - другое дело. Я считаю себя знатоком. И на мой взгляд, эти последствия не лишены известного интереса. Больше того, они мне нужны. Мне необходимо лично проследить их - на это у меня есть свои основания.

На мгновение его острый взгляд задержался на Оливере с тем безразлично-изучающим выражением, какое свойственно врачам. Он рассеянно потянулся за пером и блокнотом, и на внутренней стороне крепкого смуглого запястья Оливер увидел знакомую отметину.

- У Клеф был такой же шрам, - услышал он собственный шепот. - И у других - тоже.

Сенбе кивнул.

- Прививка. В данных обстоятельствах это было необходимо. Мы не хотим, чтобы эпидемия распространилась на наше время.

- Эпидемия?

Сенбе пожал плечами.

- Название вам ничего не скажет.

- Но раз вы можете предупреждать ее...

Оливер с усилием приподнялся на руках. У него промелькнула догадка, и он уцепился за нее изо всех сил. Напряжение как будто помогло мысли пробиться сквозь все возрастающее помрачнение разума. С неимоверным трудом он продолжал:

- Кажется, я начинаю понимать. Постойте! Я пытался разобраться, что к чему. Вы можете изменять историю? Конечно, можете! Я знаю, что можете. Клеф говорила, что она дала обещание не вмешиваться. Вам всем пришлось обещать то же самое. Значит, вы и в самом деле могли бы изменить свое собственное прошлое - наше время?

Сенбе отложил блокнот в сторону. Он смотрел на Оливера из-под тяжелых бровей - задумчиво, мрачно, пристально.

- Да, - сказал он. - Да, прошлое можно изменить, но это нелегко. И будущее соответственно тоже изменится. Линии вероятности переключаются в новое сочетание - только это безумно сложно, и никому еще не позволяли сделать этого. Пространственно-временной поток всегда стремится вернуться в исходное русло. Вот почему так трудно произвести любое изменение. - Он пожал плечами. - Теоретическая наука. Мы не меняем истории, Вильсон. Если мы изменим свое прошлое, то и наше настоящее также изменится. А мир, каков он в наше время, нас вполне устраивает. Конечно, и у нас бывают недовольные, но им не разрешены путешествия во времени.

Оливер повысил голос, чтобы его не заглушил шум за окнами:

- Но у вас есть власть над временем! Если б вы только захотели, вы смогли бы изменить историю - уничтожить всю боль, страдания и трагедии...

- Все это давным-давно ушло в прошлое, - сказал Сенбе.

- Но не **сейчас**! Не **это**!

Некоторое время Сенбе загадочно смотрел на Оливера. Затем произнес:

- И это тоже.

И вдруг Оливер понял, с какого огромного расстояния наблюдал за ним Сенбе: расстояние это измеряется только временем. Сенбе был композитором, гением, он неизбежно должен был отличаться обостренной впечатлительностью, но его душа принадлежала той, далекой, эпохе. Город, умирающий за окнами, весь мир **сейчас** и **здесь** были для него не совсем настоящими. В его глазах им не хватало реальности из-за коренного расхождения во времени. Мир Оливера был всего лишь одной из плит в фундаменте пьедестала, на котором возвышалась цивилизация Сенбе - цивилизация туманного, неведомого, ужасного будущего.

Да, теперь оно казалось Оливеру ужасным. Даже Клеф... да что там Клеф - все они были заражены мелочностью, тем особым даром, который позволил Холлайе самозабвенно пускаться на подленькие, мелкие уловки, чтобы захватить удобное местечко в "партере", в то время как метеор неуклонно приближался к Земле. Все они были "дилетантами" - и Клеф, и Омерайе, и остальные. Они путешествовали во времени, но только как сторонние наблюдатели. Неужели они устали от нормальной человеческой жизни, пресытились ею?

Пресытились... однако не так, чтобы желать перемен. В их время мир превратился в воплощенное совершенство,

созданное для того, чтобы служить их потребностям. Они не смели трогать прошлое - они боялись подпортить себе настоящее.

Его передернуло от отвращения. Во рту появился вкус тошнотворной кислятины: ему вспомнились губы Клеф. Она умела завлечь человека - ему ли не знать об этом! Но похмелье...

Раса из будущего, в них было что-то... Тогда он начал было смутно догадываться, но близость Клеф усыпила чувство опасности, притупила подозрения. Использовать путешествие во времени, для того чтобы забыться в развлечениях, - это отдавало святотатством. Раса, наделенная таким могуществом...

Клеф бросила его, бросила ради варварской роскоши коронации в Риме тысячелетней давности. Кем он был для нее? Живым человеком с теплой кровью? Нет. Безусловно, нет. Раса Клеф была расой зрителей.

Но сейчас он читал в глазах Сенбе нечто большее, чем случайный интерес. В них было жадное внимание и ожидание, они завороженно блестели. Сенбе снова надел наушники. Ну, конечно, он - это другое дело. Он был знатоком. Лучшее время года кончилось. Пришло похмелье - и вместе с ним пришел Сенбе.

Он наблюдал и ждал. Перед ним мягко мерцала полупрозрачная поверхность стола, пальцы застыли над блокнотом. Знаток высшего класса, он готовился смаковать редчайшее блюдо, оценить которое мог только истинный гурман.

Тонкие, приглушенные ритмы - звуки, похожие на музыку, - снова пробились сквозь далекий треск пламени. Оливер слушал и вспоминал. Он улавливал рисунок симфонии, какой запомнил ее, - звуки, мгновенная смена лиц, вереницы умирающих...

Он лежал на кровати, закрыв глаза, а комната кружилась, проваливаясь куда-то во тьму под раскаленными веками. Боль завладела всем его существом, она превратилась в его второе "я", могучее, настоящее "я", и по-хозяйски располагалась на отвоеванных позициях.

И зачем, тупо подумал он, Клеф понадобилось его обманывать. Она говорила, что напиток не оставляет последствий. Не оставляет... Откуда же тогда это мучительное наваждение, такое сильное, что оно вытеснило его из самого себя?

Нет, Клеф не обманывала. Напиток был ни при чем. Он понял это, но телом и умом уже овладело безразличие. Он тихо лежал, отдавая себя во власть болезни - тяжкого похмелья, вызванного чем-то куда более могущест-

венным, чем самый крепкий напиток. Болезни, для которой пока не было даже названия.

Новая симфония Сенбе имела грандиозный успех. Первое исполнение транслировалось из "Антарес-холла", и публика устроила овацию. Главным солистом, разумеется, была сама История; прелюдией - метеор, возвестивший начало великой чумы в XIY веке, финалом - кризис, который Сенбе удалось застать на пороге новейшего времени. Но никто, кроме Сенбе, не смог бы передать это с такой тонкостью - и могучей силой.

Критики отмечали гениальность в выборе лейтмотива для монтажа чувств, движений и звуков. Этим лейтмотивом было лицо короля из династии Стюартов. Но были и другие лица. Они появлялись и исчезали в рамках грандиозной композиции, подготавливая приближение чудовищной развязки. Одно лицо на миг приковало жадное внимание зрителей. Оно заполнило весь экран - лицо человека, ясное до мельчайшей черточки. Критики единодушно признали, что Сенбе еще никогда не удавалось так удачно "схватить" агонию чувства. В этих глазах было все.

После того как Сенбе ушел, он долго лежал неподвижно. Мысль лихорадочно работала.

Нужно, чтобы люди как-то узнали. Если бы я узнал раньше, может, еще успели бы что-нибудь сделать. Мы бы заставили их рассказать, как изменить эти линии вероятности. Успели бы эвакуировать город.

Если бы мне удалось предупредить...

Пусть даже и не нынешнее поколение, а другие. Они путешествуют по всем временам. Если их где-нибудь, когда-нибудь удастся опознать, схватить и заставить изменить неизбежное...

Нелегко было подняться с постели. Комната раскачивалась не переставая. Но он справился. Он нашел карандаш и бумагу и, отстранив дергающиеся тени, написал все, что мог. Вполне достаточно. Вполне достаточно, чтобы предупредить. Вполне достаточно, чтобы спасти.

Он положил листки на стол, на видном месте, прижал их, чтобы не сдуло, и только после этого дотащился до кровати. Со всех сторон на него навалилась тьма.

Дом взорвали через шесть дней - одна из тщетных попыток помешать неумолимому наступлению Синей Смерти.

ШОК

Когда Грегг, подняв глаза от книги, увидел, что сквозь стену к нему в квартиру лезет какой-то человек, он на мгновение подумал, что сошел с ума. С такими явлениями обычно не сталкиваются ученые-физики средних лет, подчинившие свою жизнь определенному распорядку. А все-таки в стене сейчас было отверстие, и в эту дыру протискивалось какое-то полуголое существо с ненормально увеличенным черепом.

- Кто вы такой, черт побери? - спросил Грегг, когда к нему вернулся дар речи.

Человек говорил на каком-то странном английском языке: слова сливались, интонации звучали необычно, но понять его все-таки было можно.

- Я - важная персона, - объявил он, покачивая плечами и грудью. - Моя персона сейчас в 1953 году, а?.. а моя важность... у-у-у!

Он сделал судорожное усилие и, протиснувшись в отверстие, тяжело дыша, пополз по ковру.

- А стачно меня зажало. Дыра еще недостаточно расширилась. Повсегда.

В этих словах был какой-то смысл, но не очень ясный. Лицо Мэннинга Грегга, с крупными чертами, напоминающими львиные, помрачнело. Он протянул руку, схватил тяжелую книгу и встал.

- Я - Хэлисон, - объявил незнакомец, поправляя свою тогу. - Это, вероятно, 1953 год. Нечудо одинако.

- Что?

- Смысловые трудности языка, - сказал Хэлисон. - Я живу в будущем... примерно за несколько тысяч лет вперед, в будущем. В вашем будущем.

Грегг пристально посмотрел на отверстие в стене.

- Но ведь вы говорите по-английски.

- Выучил его в 1970 году. Я не впервые путешествую в прошлое. Уже много раз бывал в нем. Ищу одну вещь.

Что-то важное, ургентно важное. Я использую силу мысли, чтобы деформировать фэррон пространства и времени, вот отверстие и открывается. Не можете ли вы одолжить мне одежду?

Все еще держа в руке книгу, Грегг подошел к стене и заглянул в круглую брешь, в которую могло пройти тело худощавого человека. Он смог увидеть лишь голую голубую стену, по-видимому, на расстоянии нескольких метров. Смежная квартира? Невероятно.

- Отверстие потом станет больше, - объявил Хэлисон. - Ночью оно открыто, днем закрыто. Я должен вернуться к четвергу. По четвергам ко мне приходит Рэнил-Менс. А сейчас могу я попросить у вас одежду? Мне нужно найти одну вещь... Я ищу ее во времени уже долгие веколетия. Прошу вас!

Он все еще сидел на корточках на полу. Грегг не сводил глаз со своего необыкновенного посетителя. Хэлисон, конечно, не принадлежал к числу homo sapiens образца 1953 года. У него было очень румяное лицо с острыми чертами, огромные блестящие глаза, ненормально развитый и совершенно лысый череп. На руках у него было по шести пальцев, а пальцы на ногах срослись вместе. И он беспрерывно трясся от нервной дрожи, как будто обмен веществ у него никуда не годился.

- Боже милостивый! - воскликнул Грегг, вдруг сообразив что-то. - А это не розыгрыш? Нет? - Он повысил голос.

- Розыгрыш, розыгрыш. Это что, новецкий голлаундов рече? Важная персона что-то напутала? Трудно догадаться, что нужно сказать в новом для тебя мире другой эпохи. Мне очень жаль, но вы не имеете представления о степени развития нашей культуры. Нам трудно спуститься до вашего уровня. После вашего столетия цивилизация пошла вперед быстро, быстро. Но времени у меня мало. После поговорим, а сейчас необходимо, чтобы вы одолжили мне одежду.

Грегг ощутил, как вдоль его позвоночника пробежал какой-то неприятный холодок.

- Хорошо, только... подождите. Если это не какое-то...

- Простите, - перебил его Хэлисон. - Я ищу одну вещь; очень спешу. Скоро вернусь. Во всяком случае, к четвергу, мне нужно видеть Рэнил-Менса. От него я набираюсь мудрости. А теперь простите преладно.

Он прикоснулся ко лбу Грегга.

- Говорите немного медленнее, пож... - пробормотал физик.

Хэлисон исчез.

Грегг повернулся кругом, оглядывая комнату. Ничего. Разве что дыра в стене увеличилась вдвое. Что за дьявольщина!

Он посмотрел на часы. Они показывали ровно восемь. А ведь только что было около семи. Значит, целый час прошел с тех пор, как Хэлисон протянул руку и коснулся его лба!

Если это гипноз, то он действовал чертовски сильно.

Грегг не спеша достал сигарету и закурил. Затянувшись, он поглядел на отверстие в стене и стал размышлять. Посетитель из будущего, каково? Ну, что ж, посмотрим...

Вдруг сообразив что-то, он пошел в спальню и обнаружил, что исчез один из его костюмов - из коричневого твида, от Гарриса. Не хватало рубашки, галстука и пары ботинок. Но дыра в стене опровергала его предположение о том, что это была умно организованная кража. К тому же и бумажник Грегга остался при нем, в кармане его брюк.

Он снова заглянул в дыру и по-прежнему не увидел ничего, кроме голубой стены. Очевидно, эта стена не имела отношения к смежной квартире, принадлежавшей Томми Мак Ферсону, стареющему повесе, который бросил посещать ночные клубы, чтобы по совету своего врача предаться более спокойным занятиям. Но Грегг все-таки вышел на площадку и нажал кнопку электрического звонка возле двери Мак Ферсона.

- Послушайте, Мак, - сказал он, когда перед ним появилось круглое бледное лицо и заспанные глаза заморгали из-под старательно выкрашенных в каштановый цвет волос. - Вы заняты? Я бы хотел зайти к вам на минутку.

Мак Ферсон с завистью покосился на сигарету Грегга.

- Конечно. Будьте как дома. Я просматривал кое-какие инкунабулы, которые мне прислал мой агент из Филадельфии, и мечтал о том, чтобы выпить. Хотите виски с содовой?

- Если вы составите мне компанию.

- Кабы я мог, - проворчал Мак Ферсон. - Но мне еще рано умирать. Так что же случилось?

Он пошел за Греггом в кухню и стал наблюдать, как тот внимательно осматривает стену.

- Муравьи?

- У меня в стене образовалась дыра, - пояснил Грегг. - Однако же она не проходит насквозь.

Это доказывало, что отверстие определенно "сбилось с пути". Оно должно было выйти или в кухню Мак Ферсона, или... куда-то совсем уж в другое место.

- Дыра в стене? Откуда она взялась?

- Я вам покажу.

- Не такой уж я любопытный, - заметил Мак Ферсон. - Позвоните домовладельцу. Быть может, он заинтересуется.

Грегг нахмурился.

- Для меня это важно, Мак. Я бы хотел, чтобы вы взглянули. Это... забавно. И я желал бы иметь свидетеля.

- Или дыра есть, или ее нет, - просто сказал Мак Ферсон. - А ваши великолепные мозги случайно не задурманены алкоголем? Как бы я хотел, чтобы это произошло с моими!

Он тоскливо посмотрел на портативный бар.

- Вы мне ничем не можете помочь, - заметил Грегг. - Но все-таки вы лучше, чем никто. Пошли!

Он потащил упиравшегося Мак Ферсона к себе в квартиру и показал ему дыру. Мак подошел к ней, бормоча что-то о зеркале, и заглянул в отверстие. Он тихонько свистнул. Потом просунул туда руку, вытянул ее, насколько было возможно, и попытался дотронуться до голубой стены. Ему это не удалось.

- Дыра увеличилась, - спокойно проговорил Грегг, - даже по сравнению с тем, какой она была несколько минут назад. Вы тоже это заметили?

Мак Ферсон отыскал стул.

- Давайте выпьем, - проворчал он. - Мне это необходимо. Ради такого случая нельзя не выпить. Только немного, - добавил он, в последнюю минуту вспомнив об осторожности.

Грегг смешал в двух бокалах виски с содовой и подал один из них Мак Ферсону. За выпивкой он рассказал обо всем происшедшем. Мак не знал, что и думать.

- Из будущего? Рад, что это случилось не со мной. Я бы тут же отдал концы.

- Все совершенно логично, - пояснял Грегг, главным образом самому себе. - Этот малый, Хэлисон, конечно, не может быть человеком, живущим в 1953 году.

- Он, наверное, выглядит, как помесь Пого* с Карловым**.

- Послушайте, ведь вы-то не выглядите, как неандерталец или пильтдаунский человек, нет? У Хэлисона такой череп... наверное, у него потрясающий мозг. Ну, коэффициент умственной одаренности.

---

*Пого - колдун, герой произведений американской литературы для детей. (Примеч. пер.)

**Борис Карлов - американский киноактер, прославившийся исполнением ролей мистических злодеев. (Примеч. пер.)

- Какой во всем этом толк, если он не пожелал разговаривать с вами? - резонно заметил Мак Ферсон.

Грегг почему-то почувствовал, что к его лицу медленно подступает теплая волна.

- Я, наверное, показался ему чем-то вроде человекообразной обезьяны, - уныло заметил он. - Я с трудом понимал его - и не удивительно. Но он еще вернется.

- В четверг? А кто этот Рэнилпэнтс?

- Рэнил-Менс, - поправил его Грегг. - Я думаю, его друг. Может быть, учитель. Хэлисон сказал, что набирается от него мудрости. Наверное, Рэнил-Менс - профессор какого-нибудь университета будущего. Я не совсем способен рассуждать здраво.

Вы представляете себе значение всего этого, а, Мак?

- Не очень-то мне это интересно, - ответил Мак Ферсон, пробуя свое виски. - Меня что-то страх одолевает.

- А вы прогоните его силой разума, - посоветовал Грегг.

- Я так собираюсь это сделать. - Он снова посмотрел на стену. - Дыра здорово увеличилась. Интересно, смогу я пролезть в нее?

Он подошел к самому отверстию. Голубая стена все еще была на прежнем месте, и немного ниже уровня серого ковра Грегга виднелся голубой пол.

Приятная, чуть терпкая струя воздуха проникала в комнату из неведомого мира, странным образом подбадривая физика.

- Лучше не лазайте, - предупредил Мак Ферсон. - Вдруг дыра закроется за вами.

Вместо ответа Грегг исчез в кухне и вернулся с куском тонкой веревки. Он обвязал ею себя вокруг пояса, подал другой конец Мак Ферсону и бросил свою сигарету в пепельницу.

- Она не закроется, пока не вернется Хэлисон. Или, во всяком случае, закроется не слишком быстро. Я надеюсь. А все-таки крикните мне, Мак, если увидите, что она начинает закрываться.Я сразу же нырну обратно.

- Сумасшедший, безумец! - сказал Мак Ферсон.

Грегг переступил порог будущего - при этом губы его довольно сильно побелели. Отверстие уже достигло почти полутора метров в диаметре, его нижний край был на полметра выше уровня ковра. Греггу пришлось нагнуться. Потом он выпрямился, вспомнил, что нужно перевести дух, и посмотрел назад, в дыру, на бледное лицо Мак Ферсона.

- Все о'кэй, - объявил он.

- Ну, что там?

Грегг прижался к голубой стене. Под ногами его был мягкий пол. Круг диаметром в полтора метра был словно вырезанный из стены диск, словно мольберт, висящий в воздухе, или кадр из кинофильма. Грегг мог видеть в нем Мак Ферсона и свою комнату.

Но сам находился теперь в другой комнате, просторной, освещенной прохладным лучистым светом и совершенно не похожей на все, что ему приходилось видеть до сих пор.

Прежде всего его внимание привлекли окна, овальные высокие отверстия в голубых стенах, прозрачные в центре, ближе к краям полупрозрачные и у самых краев лазурно-матовые. Сквозь них он увидел огни, движущиеся разноцветные огни. Он шагнул вперед и, не решаясь идти дальше, посмотрел назад, где его ждал Мак Ферсон.

- На что это похоже?

- Сейчас посмотрим, - сказал Грегг и обошел отверстие. С этой стороны оно было невидимо. Возможно, световые лучи огибали его. Грегг не смог бы этого объяснить. Слегка испуганный, он быстро вернулся, чтобы снова взглянуть на Мак Ферсона, и, успокоившись, стал продолжать свои исследования.

Комната была примерно в восемьдесят квадратных метров, потолок высокий, в форме купола; источник света сначала было трудно обнаружить. Все в комнате слегка светилось. "Поглощение солнечных лучей, - подумал Грегг, - вроде светящейся краски".

Это казалось рациональным.

Собственно, смотреть было не на что. Низкие диваны, мягкие удобные пастелевых тонов кресла, по-видимому какого-то специального назначения, и несколько каучуковых столиков. Четырехугольный стекловидный блок величиной с маленький саквояж, сделанный из какого-то пластика, стоял на голубом полу. Грегг не мог понять его назначения. Когда он осторожно поднял его, в нем заиграли фосфоресцирующие краски.

На одном из столиков лежала книга, и Грегг сунул ее в карман как раз в тот момент, когда Мак Ферсон окликнул его.

- Мэннинг? Ну, как там, о'кэй?

- Да, подождите минутку.

Где же тут двери? Грегг криво усмехнулся. Он был слегка обескуражен тем, что у него нет даже самых основных технических знаний, необходимых в этом неведомом мире. Двери могли открываться от давления, от света, от звука. Или даже от запаха, откуда он мог это знать? Быстрый осмотр ничего не подсказал. Но его тревожила дыра. Если она вдруг закроется..

"Ну, что ж, ничего страшного не случится, - подумал Грегг. - Этот мир будущего населен человеческими существами, в достаточной мере похожими на нас. И у них хватит ума, чтобы отправить человека в его собственную эпоху, - доказательством этому служило самое появление Хэлисона". И все-таки Грегг предпочитал иметь открытый путь к отступлению.

Он подошел к ближайшему окну и посмотрел в него. За несколько тысячелетий созвездия на пурпурном небе слегка изменились, но не слишком. Здесь и там мелькали радужные огни. Это летели самолеты. Внизу неясно виднелись темные массы зданий, окутанные мглой. Луны не было. Несколько башен поднималось до уровня этого окна, и Грегг мог различить округлые очертания их верхушек.

Один из огней метнулся к нему. Прежде чем Грегг успел отпрянуть от окна, он заметил маленький кораблик, - антигравитация, подумал Грегг, - с юношей и девушкой в открытой кабине. У корабля не было ни пропеллера, ни крыльев.

Парочка напоминала Хэлисона - такие же большие черепа и острые черты лица, хотя у обоих на голове были волосы. Одежда их тоже походила на тогу.

И все-таки они не казались странными. Не было такого ощущения, будто они с другой планеты. Девушка смеялась, и, несмотря на то, что у нее был выпуклый лоб и худощавое лицо, Грегг подумал, что она необыкновенно привлекательна. Конечно, этот народ никому не мог причинить вреда. Неясный страх перед холодной жестокостью бесчеловечной суперрасы стал постепенно исчезать.

Они пронеслись мимо, на расстоянии не более шести метров, глядя прямо на Грегга... и не видя его. Удивленный физик протянул руку, чтобы дотронуться до гладкой, чуть теплой поверхности стекла. Странно!

Но окна других зданий были темные. Они, вероятно, пропускали свет только в одну сторону, чтобы не мешать уединению людей у себя дома. Изнутри можно было смотреть в окно, но снаружи ничего не было видно.

- Мэннинг?

Грегг торопливо обернулся, закрутил вокруг себя веревку и вернулся к дыре. Его встретила нахмуренная физиономия Мак Ферсона.

- Я бы хотел, чтобы вы вернулись. У меня нервы не выдерживают.

- Хорошо, - любезно ответил Грегг и пролез в дыру. - Но там не опасно. Я стащил книжку. Вот вам настоящая инкунабула будущего.

Мак Ферсон взял книгу, но раскрыл ее не сразу. Его тусклые глаза были устремлены на Грегга.

- Что вы там видели?

Грегг стал рассказывать во всех подробностях.

- Вы знаете, по-видимому, это просто замечательно! Тоненький ломтик будущего. Когда я был там, внутри, все это не казалось мне таким странным, но теперь это меня поражает. А виски-то мое стало совсем теплым. Выпьем еще?

- Нет. Впрочем, ладно. Немного.

Пока Грегг ходил на кухню за виски, Мак Ферсон рассматривал книгу. Потом он взглянул на дыру. "Она стала немного шире, - подумал он. - Немного. Вероятно, она уже почти достигла своего максимального размера".

Грегг вернулся.

- Можете прочесть? Нет? Ну, что же, я этого и ожидал. Хэлисон сказал, что ему нужно изучить наш язык. Интересно, что он ищет... в прошлом?

- Интересно, кто этот Рэнил-Менс.

- Хотел бы я с ним встретиться, - заметил Грегг. - Слава богу, у меня есть кое-какие знания. Если бы Хэлисон... или кто-нибудь другой... объяснил мне некоторые вещи, я бы, наверно, мог постигнуть основы техники будущего. Вот было бы здорово. Мак!

- Если только он согласится.

- Ведь вы его не видели, - сказал Грегг. - Он был настроен дружески, хотя и загипнотизировал меня. А это что такое?

Он схватил книгу и начал внимательно рассматривать картинку.

- Осьминог, - подсказал Мак Ферсон.

- Карта. Интересно. Она выглядит совсем как структурная формула, но я никогда не встречал такого вещества. Как бы я хотел прочесть эти чертовы завитушки! Они похожи на комбинацию бирманского и питмэновского письма. Даже система цифр отличается от арабской. Да здесь целая сокровищница, а ключа к ней нет!

- Гм-м-м. Возможно. Все-таки мне кажется, что это немного опасно.

Грегг взглянул на Мак Ферсона.

- Не думаю. Нет никаких причин ожидать неприятностей. Это был бы сюжет для дешевого бульварного романа.

- А что такое жизнь, как не бульварный роман? - угрюмо спросил Мак Ферсон, порядочно захмелевший - он уже успел отвыкнуть от спиртного.

- Это просто вы смотрите на нее под таким углом зрения. И в соответствии с этим и живете. - Грегг говорил недовольным тоном, главным образом потому, что не выносил безнадежной философии Мак Ферсона, которую тот периодически проповедовал. - Попробуйте для разнообразия рассуждать логически. Человечество идет вперед, несмотря на диктаторов и профессиональных политиканов. Промышленная революция ускоряет социальные изменения. Биологическая мутация тесно с ними связана. Она прогрессирует. За последующие пятьсот лет мы пройдем такой же путь, какой прошли за последние десять тысяч. Это как лавина, низвергающаяся с горы.

- Ну, и что же?

- А то, что в будущем настанет царство логики, - пояснил Грегг, - и не хладнокровной бесчеловечной логики. Логики человеческой, которая принимает во внимание эмоции и психологию. То есть будет принимать. Там обойдутся без Великого Мозга, стремящегося завоевать миры или поработить остатки человечества. Этакое мы уже видели. Хэлисон... хотел поговорить со мной, но он тогда очень торопился. Он сказал, что все объяснит потом.

- Я знаю только одно: что в стене есть дыра, - заметил Мак Ферсон. - Такое обычно не случается. А теперь случилось. Жаль, что я подвыпил.

- Таким способом вы поддерживаете свой эмоциональный баланс, - произнес Грегг. - А я предпочитаю делать это, следуя математическим законам. Решаю уравнение, исходя из имеющихся данных. Индуктивный метод дает немногое, но позволяет судить о том, каким потрясающим должно быть целое. Совершенный мир будущего...

- Откуда вы знаете?

Грегг замялся.

- Ну, мне так показалось. Через несколько тысячелетий человечество сможет применять технику достаточно широко и будет учитывать все тонкости. И в теории, и на практике. Но самое лучшее, что люди от этого не станут зазнаваться. Это просто не будет им свойственно. Во всяком случае, этот Хэлисон вовсе не зазнавался.

- Смотрите, дыра больше не увеличивается, - заметил Мак Ферсон. - Я это вижу по пятнышку на обоях.

- Но и не уменьшается, - неуверенно проговорил Грегг. - Хотел бы я знать, как там открываются двери. Сам я не могу разобраться в этой чертовщине.

- Выпейте-ка еще. Должно помочь.

Но это не очень помогло. Грегг не отважился снова пролезть в дыру, боясь, что она может неожиданно закрыться, и, сидя с Мак Ферсоном, курил, пил виски и разговаривал. Медленно проходила ночь. Время от времени они снова принимались разглядывать книгу, но она им ни о чем не говорила.

Хэлисон не появлялся. В три часа утра отверстие начало уменьшаться. Грегг вспомнил, что сказал человек из будущего: брешь будет открыта ночью и закрыта днем. Вероятно, она опять откроется. Если же нет, значит, он прозевал случай, выпадающий один раз за сто человеческих жизней.

Через полчаса дыра совершенно закрылась, не оставив никакого следа на обоях. Мак Ферсон, смотря перед собой остекленевшим взором, вернулся домой. Грегг запер книгу в ящик письменного стола и лег в постель, чтобы поспать несколько часов, прежде чем беспокойство поднимет его на ноги.

На другой день, одеваясь, Грегг позвонил в Хэверхилскую исследовательскую лабораторию - сообщить, что сегодня он не придет на работу. Он хотел быть дома на случай, если появится Хэлисон. Но Хэлисон не пришел. Грегг провел все утро, бросая в пепельницу недокуренные сигареты и перелистывая книгу.

После полудня он отправил ее с посыльным в университет профессору Кортнею, приложив короткую записку с просьбой сообщить сведения об этом языке. Кортней, который собаку съел на языках, позвонил и сказал, что он в недоумении.

Разумеется, его разбирало любопытство. Греггу пришлось пережить несколько неприятных минут, пока он не отделался от профессора. В следующий раз Грегг решил быть осторожнее. Ему вовсе не хотелось разглашать свою тайну всему свету. Даже и Мак Ферсону... Ну, тут уж ничего не поделаешь. Ведь открытие принадлежало Мэннингу Греггу, и это только справедливо, если он будет иметь на него все права.

Эгоизм Грегга был совершенно бескорыстным. Если бы он проанализировал его причины, то понял бы, что его существо жаждало интеллектуального опьянения - самый подходящий термин для такого случая. Грегг и вправду обладал необыкновенно острым умом, и ему доставляло глубокую радость применять его на деле. Он мог испытывать настоящее опьянение, разрабатывая технические проблемы, и получал при этом такое же удовольствие, как инженер при взгляде на красиво выполненный чертеж или пианист, разбирающий сложную композицию. Он любил все совершенное. И

теперь, если он будет обладать ключом от совершенного мира будущего...

Разумеется, он не был так уж уверен в совершенстве этого мира, но постепенно его уверенность крепла. Особенно после того, как в шесть тридцать вечера отверстие начало медленно открываться.

На этот раз Грегг сунулся в дыру, едва лишь она увеличилась настолько, что он смог пролезть в нее. У него в запасе была уйма времени. Сколько он ни искал дверей, он так и не нашел их, но сделал другое открытие: голубые стены оказались в действительности дверцами огромных шкафов, наполненных необыкновенными предметами. Прежде всего, конечно, книгами - но он не мог прочесть ни одной. Из-за некоторых чертежей он буквально претерпел танталовы муки: они были ему почти понятны, он почти мог подогнать их под свой образ мышления- и все-таки не совсем. Раскрашенные картинки в трех измерениях смутными проблесками чарующе намекали ему на жизнь в будущем.

Ему казалось, что это счастливая жизнь.

Шкафы...

В них хранились чертовски интересные вещи. Все они, без сомнения, были очень хорошо известны Хэлисону, но Грегг не знал, что делать, например, с куклой высотой больше полуметра, созданной по образу и подобию человека будущего, которая декламировала на неведомом языке что-то похожее на стихи. Насколько он мог понять, рифмы были замечательные, а ритм - сложный, необыкновенный - оказывал определенное эмоциональное воздействие даже на незнакомом языке.

В шкафах были и каучуковые прозрачные блоки с движущимися огоньками внутри, и металлические конструкции (в одной из них Грегг узнал модель солнечной системы), и садик, выращенный гидропонным способом; он мог изменять цвет, как хамелеон, и фигурки из пластика, возможно изображавшие мифических животных; соединяясь, они могли производить других животных - гибриды или биологические разновидности (поразительная демонстрация чистой генетики); все это и еще многое, многое другое! У Грегга закружилась голова. Он подошел к окну, чтобы немного прийти в себя.

Радужные огни все еще мерцали во мраке. Глубоко внизу Грегг заметил прерывистые вспышки лучистого света - будто взрывались осветительные ракеты. На мгновение он замер: у него мелькнула мысль о войне. Но еще одна вспышка, фонтаном поднявшаяся вверх, успокоила его. Вытянув шею, он смог разглядеть крошечные фигурки, принимавшие разные позы и

танцевавшие в воздухе среди бушующего моря красок - что-то вроде балета в состоянии невесомости. Нет, это был совершенный мир.

Вдруг его охватило непреодолимое желание вырваться из этой безмолвной комнаты в сверкающую радостную суматоху за окнами. Но он не мог понять, как открываются окна. И не нашел кнопок, управляющих дверями. Грегг вспомнил, как нелегко было обнаружить скрытые кнопки, при помощи которых открывались шкафы.

Он со злорадством подумал о старом Даффи из Нэверхилла и о том, что бы тот стал делать, если бы увидел все это. Ну да ладно, к черту Даффи. Пусть потом пьет весь мир, но сейчас Грегг хотел сделать то, что заслужил, - первым вне себя от восторга хлебнуть из этой бутылки с чудесным вином.

Он надеялся, что кто-нибудь войдет в эту комнату, к Хэлисону, может быть, Рэнил-Менс. Сначала Грегг, возможно, поймет не все, - если только посетитель не изучал архаический английский язык, что было маловероятно, - но потом уж он как-нибудь преодолеет трудности. Только бы Рэнил-Менс появился и показал ему, как работают приборы, спрятанные в шкафах! Это ведь золотые россыпи для физика!

Однако никто так и не появился, и Грегг, нагруженный трофеями, возвратился в свою эпоху, где обнаружил Мак Ферсона. Откинувшись в кресле, тот пил виски с содовой и скептически посматривал на дыру.

- Как вы попали в квартиру? - спросил Грегг.

- Очень просто, - ответил Мак Ферсон. - Дверь была открыта. В комнате стоял Хэлисон, и мне захотелось выяснить, в чем дело. Он вполне реальный, все в порядке.

В его бокале звенели кубики льда.

- Хэлисон был здесь? Мак, какая...

- Не расстраивайтесь. Я вошел и спросил его, кто он такой. - Хэлисон, - ответил он. - Я просто зашел на минутку, или что-то в этом роде. - Грегг хочет вас видеть, - сказал я. - Пока у меня нет времени, - ответил он. - Я ищу одну вещь. Вернусь в четверг, чтобы повидаться с Рэнил-Менсом. Тогда и скажу Греггу все, что он хочет знать. Я могу рассказать ему о многом... я ведь отношусь к категории гениев. - То, что он говорил, было довольно двусмысленно, но я каким-то образом умудрился все понять. После этого он вышел. Я побежал за ним, закричал: "Где Грегг?" Он помахал рукой, показав... на отверстие, и побежал вниз по лестнице. Я просунул голову в дыру, увидел вас и почувствовал себя как-то странно. Тогда я приготовил виски с содовой и сел, чтобы

подождать вас. От этого малого у мсня мороз по коже подирает.

Грегг положил свою ношу на диван.

- Вот проклятие! Значит, я прозевал его. Ну, ничего, он еще вернется, это единственное утешение. Почему, черт побери, у вас от него мороз по коже подирает?

- Он совсем не похож на нас, - просто сказал Мак Ферсон.

- Ничто человеческое нам не чуждо. Вы же не можете утверждать, что он не человеческое существо.

- Конечно, человеческое, а как же, но это совсем другой вид человеческого. Даже его глаза. Он смотрит, будто насквозь пронизывает, будто видит тебя в четвертом измерении.

- Может быть, и видит, - рассуждал Грегг. - Я бы хотел... гм-м-м. Он скажет мне все, что я хочу знать, а? За это стоит выпить. Вот повезло-то! И он действительно гений, даже для своего века. Я думаю, только гений мог устроить эту шутку с пространством и временем.

- Это его мир, Мэннинг, а не ваш, - спокойно заметил Мак Ферсон. - Я бы на вашем месте не совался туда.

Грегг засмеялся, глаза его ярко заблестели.

- При других обстоятельствах я согласился бы с вами. Но теперь я уже знаю кое-что об этом мире. По картинкам в книжках, например. Это, несомнсnúmer, совершенный мир. Только пока еще он за пределами моего понимания. Эти люди ушли далеко вперсд во всех отношениях, Мак. Сомневаюсь, сможем ли мы понять там все. Но я же не совсем умственно отсталый. Я буду учиться. Мой опыт поможет мне. Я все-таки техник и физик.

- Ну и прекрасно. Поступайте, как вам нравится. Я сейчас напился потому, что сидел и все время смотрел на эту дыру в стене и боялся, не захлопнется ли она навсегда.

- Чепуха, - сказал Грегг.

Мак Ферсон встал, покачиваясь.

- Пойду лягу. Позовите меня, если я зачем-нибудь вам понадоблюсь. Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, Мак. Да, послушайте. Вы никому обо всем этом не говорили, а?

- Нет, и не собирался. А глаза Хэлисона испугали меня, хотя в них и было что-то дружелюбное. Человек и сверхчеловек. Б-р-р!

Мак Ферсон выплыл из передней, окутанный парами виски. Грегг усмехнулся и старательно запер за ним дверь.

Кем бы ни был Хэлисон, но сверхчеловеком он быть не мог. Эволюция не привела его к этой крайности, или, может быть, homo sapiens и не мог путем эволюции превратиться в homo superior. Многое в человеке будущего

казалось таинственным, например его загадочные поиски в глубинах времени... но в четверг - Грегг на это надеялся - можно будет получить ответ хотя бы на некоторые из вопросов. Только бы ему дотерпеть до четверга!

На следующий день, во вторник, Грегг опять не пошел на работу. Он провел много времени, размышляя над предметами, принесенными из будущего, и находя в этом какое-то слабое утешение.

Он ждал до тех пор, пока его не начал мучить голод. Тогда Грегг решил выйти, чтобы купить за углом сэндвич. Но тут же передумал и пошел напротив, через улицу, в грязную закусочную, откуда можно было наблюдать за его домом.

Он увидел, как в дом вошел Хэлисон.

С полным ртом, чуть не подавившись, Грегг бросил официанту горсть монет и вылетел из закусочной. Он едва не споткнулся о ступеньку и удержался на ногах лишь благодаря тому, что крепко вцепился в удивленного швейцара. Лифт...

Грегг проклинал его медленный ход. Дверь квартиры была открыта. Из нее выходил Хэлисон.

- Премильно хэлло, - приветствовал его Хэлисон. - Я забегал за чистой рубашкой.

- Подождите, - с отчаянием сказал Грегг. - Я хочу поговорить с вами.

- Пока еще некогда. Я до сих пор ищу полеон энтар... еще не нашел...

- Хэлисон! Когда вы поговорите со мной?

- В ночь со среды.Завтра. Я должен буду вернуться, чтобы в четверг увидеть Рэнил-Менса. А он, кстати, еще умнее меня.

- А дыра не закроется совсем?

- Конеш нет. До тех пор пока поступает сила мысли. Она закроется не раньше, чем занито примерно через две недели.

- Я боялся, что останусь на другой стороне, как в ловушке.

- Слуги-роботы каждый день приносят пищу; вы бы не проголодались. Вы можете вернуться этой ночью, когда отверстие опять откроется поленто. Безопасно. В моем мире никто не приносит вреда другим. Помогать и лечить для общего блага... Плохой перевод. От вашего языка... разит сакраментом.

- Но...

Хэлисон выскользнул за дверь, как призрак, и уже спускался по лестнице. Грегг помчался за ним, но тот легко оставил его позади. Помрачнев, он вернулся к себе. А все-таки завтра ночью...

Завтра ночью!

Ладно, сейчас он, во всяком случае, может потратить время на хороший обед. Утешенный этой мыслью, Грегг пошел в свой любимый ресторан и съел телячий эскалоп. Потом он встретился с Мак Ферсоном и передал ему свой разговор с Хэлисоном. Мак Ферсон выслушал его без особой радости.

- Никто в его мире не приносит вреда другим, - процитировал Грегг.

- Все равно... не знаю. А все-таки я боюсь.

- Я пролезу туда опять и посмотрю, что там еще есть интересного. Грегг так и сделал. Он даже не подождал, пока дыра станет достаточно широкой, и бросился головой вперед. При этом он оттолкнулся от стены и стукнулся лбом о стол, но так как стол был из довольно упругого материала, это не имело значения. У будущего были свои удобства.

Эта ночь была повторением предыдущей. Грегг сгорал от любопытства. Его окружали тайны культуры, далеко обогнавшей его собственную, и ключ к этим тайнам был так близко, что Грегг почти мог ощутить его кончиками пальцев. Ждать теперь стало совсем уж невмоготу.

Но ему приходилось ждать. Он до сих пор не разгадал, как открывалась дверь, и забыл спросить об этом Хэлисона. Если здесь и существовали телефон или телевизор, то они были запрятаны в каком-то тайнике, и Грегг не мог их обнаружить.

Ну, да ладно.

В среду Грегг пошел на работу, но вернулся домой рано и не находил себе места от нетерпения. Ненадолго заглянул Мак Ферсон. Но Грегг выпроводил его: ему не хотелось разговоров втроем. Он начал записывать на бумаге вопросы, которые собирался задать Хэлисону.

В шесть тридцать пять отверстие начало открываться.

В полночь Грегг места себе не находил от нетерпения.

В два часа он разбудил Мак Ферсона и попросил, чтобы тот с ним выпил.

- Он забыл про меня, - беззвучно проговорил Грегг, закурив сигарету и тут же бросив ее в пепельницу. - Или с ним что-нибудь случилось. Проклятие!

- Времени у вас сколько угодно, - проворчал Мак Ферсон. - Не расстраивайтесь. Я-то надеюсь, что он не появится.

Они ждали долго. Отверстие начало медленно суживаться. Грегг в сердцах бубнил монотонно проклятия. Зазвонил телефон. Грегг ответил и после короткого

разговора положил трубку. Когда он повернулся к Мак Ферсону, лицо у него было расстроенное.

- Хэлисон убит. На него наехал грузовик. В кармане его пиджака нашли мою визитную карточку.

- Откуда вы знаете, что это Хэлисон?

- Мне его описали. Подумайте, Мак, как не повезло! И нужно же было этому... чтоб его... ходить по улицам, лезть под грузовик. Черти бы его разорвали!

- На то была воля провидения, - тихонько сказал Мак Ферсон, но Грегг его все-таки услышал.

- Остается все же Рэнил-Менс.

- Еще неизвестно, кто он такой.

- Конечно, друг Хэлисона! - Грегг говорил резким тоном. - Завтра - в четверг - он придет в квартиру Хэлисона. Вот вам первая возможность вступить в контакт с человеком из того мира, Мак. Я ведь был там еще этой ночью. И не мог выйти из его комнаты. Не мог найти дверь. Но если я буду там завтра, когда придет Рэнил-Менс...

- А что, если отверстие больше не откроется?

- Хэлисон сказал, что откроется... Это вполне логично. Энергия мысли, как и всякая другая, должна тратиться постепенно, если только она не выключена. А смерть Хэлисона, очевидно, не выключила ее.- Грегг кивнул в сторону отверстия, которое медленно закрывалось.

- Говоря словами пророка, отойди от зла, - предупредил Мак Ферсон.

Он вышел и приготовил себе бокал почти не разбавленного шотландского виски. По спине его струйкой пополз холодный, расслабляющий страх.

Они еще немного поговорили, не решив ничего определенного. В конце концов, Грегг полез в дыру, потом выглянул из нее, как портрет из круглой рамы.

- Пока все идет хорошо, - объявил он. - Завтра увидимся, Мак. И я смогу рассказать вам многое.

Мак Ферсон сжал кулаки, так что ногти впились ему в ладони.

- Не лучше ли вам передумать? Я бы хотел...

Грегг усмехнулся.

- Не выйдет. Я мальчик, который на этот раз хочет получить ответы на свои вопросы. И наконец, зарубите себе на носу, Мак, что никакой опасности здесь нет.

- О'кэй.

- Дайте мне бокал. На той стороне нет виски... спасибо. Желаю счастья!

- Желаю счастья! - повторил Мак Ферсон.

Он сидел и ждал. Отверстие сужалось.

- Через минуту будет слишком поздно, Мэннинг.

- И сейчас уже слишком поздно. Скоро увидимся, дружище. Завтра в шесть тридцать. И может быть, я приведу с собой Рэнил-Менса.

Грегг поднял бокал. Отверстие постепенно уменьшилось до размеров десятицентовой монеты. И исчезло.

Мак Ферсон не шевелился. Он сидел на месте и ждал. Он был во власти страха, холодного, безотчетного и неодолимого, хотя, разумеется, противоречащего всякой логике.

И тогда, не оборачиваясь, он почувствовал, что в комнате кто-то есть.

В поле его зрения появился Хэлисон.

- Безназванно опоздал, - объявил он. - Ну, ладно, вернусь завтра ночью. Жаль только, что пропущу Рэнил-Менса.

Пары алкоголя, казалось, вихрем закружились в голове Мак Ферсона.

- Грузовик, - проговорил он. - Грузовик. Несчастный случай... Хэлисон пожал плечами.

- У меня совсем иной обмен веществ. И со мной часто бывает столбняк. От нервного шока я как раз и пришел в это септольное состояние. Я проснулся в этом... как его?.. морге, объяснил там приблизительно, что со мной произошло, и прибежал сюда. Но слишком поздно. Я до сих пор не нашел того, что искал.

- А что же вы искали? - спросил Мак Ферсон.

- Я ищу Хэлисона, - пояснил Хэлисон, - потому что он был потерян в прошлом, а Хэлисон не может вновь обрести свою целостность, пока я не найду его. Я работал много, много, и однажды Хэлисон ускользнул и ушел в прошлое. И вот теперь я должен искать.

Мак Ферсон похолодел как ледышка: он понял, чсм объяснялось странное выражение глаз Хэлисона.

- Рэнил-Менс, - проговорил он. - Значит... о господи!

Хэлисон протянул дрожащую шестипалую руку.

- Убийно. Так вы знаете, что они сказали. Но они ошибались. Я был изолирован, для лечения. Это тоже было неправильно, но это дало мне время открыть дверь в прошлое и искать Хэлисона там, где он потерялся. Слуги-роботы давали мне пищу, и меня оставили в покое, который был мне полноместно необходим. Но игрушки, те, что они положили ко мне в комнату, не были мне нужны, и я ими почти не пользовался.

- Игрушки...

- Зан, зан, зан. Далекно тайничный... но слова ведь меняются. Даже для гения этот способ очень мучительный.

Я не то, что они думают. Рэнил-Менс понимал. Рэнил-Менс - это робот. Все наши врачи - роботы, обученные в совершенстве выполнять свои обязанности. Но вначале было тяжело. Лечение... зан, зан, зан, дантро. Нужен сильный мозг, чтобы выдержать лечение, которое Рэнил-Менс применял ко мне каждую неделю. Даже для меня, гения, это было... зан, зан, зан, и они, быть может, хватили через край, вихревым способом навсегда изгоняя из меня побочные сигналы...

- Что же это было? - спросил Мак Ферсон. - Что это было, черт вас побери?

- Нет, - внезапно повалившись на ковер и закрыв лицо руками, проговорил Хэлисон. - Финтакольцевое и... нет, нет...

Мак Ферсон подался вперед; он весь покрылся потом; рюмка выскользнула у него из пальцев.

- Что?!

Хэлисон поднял на него блестящие невидящие глаза.

- Лечение шоком от безумия, - сказал он. - Новое, ужасное, долгое, долгое, бесконечно долгое лечение, которое Рэнил-Менс применял ко мне раз в неделю, но теперь я не против этого лечения, и оно мне нравится, и Рэнил-Менс будет применять его к Греггу вместо меня, зан, зан, зан и вихревым способом...

Все теперь стало на свое место. Мягкая мебель, отсутствие дверей, окна, которые не открывались, игрушки.Палата в больнице для умалишенных.

Чтобы помочь им и вылечить их.

Шокотерапия.

Хэлисон встал и пошел к открытой двери.

- Хэлисон! - позвал он.

Его шаги замерли в передней. Тихонько доносился его голос.

- Хэлисон в прошлом. Зан, зан, зан, а я должен найти Хэлисона, чтобы Хэлисон снова стал цельным. Хэлисон, зан, зан, зан...

В окна заглянули первые лучи солнца. Наступило утро четверга.

ПРОФЕССОР НАКРЫЛСЯ

Мы - Хогбены, других таких нет. Чудак прохвессор из большого города мог бы это знать, но он разлетелся к нам незваный, так что теперь, по-моему, пусть пеняет на себя. В Кентукки вежливые люди занимаются своими делами и не суют нос куда их не просят.

Так вот, когда мы шугали братьев Хейли самодельным ружьем (до сих пор не поймем, как оно стреляет), тогда все и началось - с Рейфа Хейли, он крутился возле сарая да вынюхивал, чем там пахнет, в оконце, - норовил поглядеть на Крошку Сэма. После Рейф пустил слух, будто у Крошки Сэма три головы или еще кой-что похуже.

Ни единому слову братьев Хейли верить нельзя. Три головы! Слыханное ли дело, сами посудите? Когда у Крошки Сэма всего-навсего две головы, больше сроду не было.

Вот мы с мамулей смастерили то ружье и задали перцу братьям Хейли. Я же говорю, мы потом сами в толк не могли взять, как оно стреляет. Соединили сухие батареи с какими-то катушками, проводами и прочей дребеденью, и эта штука как нельзя лучше прошила Рейфа с братьями насквозь.

В вердикте коронер записал, что смерть братьев Хейли наступила мгновенно; приехал шериф Эбернати, выпил с нами маисовой водки и сказал, что у него руки чешутся проучить меня так, чтобы родная мама не узнала. Я пропустил это мимо ушей. Но, видно, какой-нибудь чертов янки-репортеришка жареное учуял, потому как вскорости заявился к нам высокий, толстый, серьезный дядька и ну выспрашивать всю подноготную.

Наш дядя Лес сидел на крыльце, надвинул шляпу чуть ли не до самых зубов.

- Убирались бы лучше подобру-поздорову обратно в свой цирк, господин хороший, - только и сказал он. - Нас Барнум самолично приглашал, и то мы наотрез отказались. Верно, Сонк?

- Точно, - подтвердил я. - Не доверял я Финеасу. Он обозвал Крошку Сэма уродом, надо же!

Высокий и важный дядька - прохвессор Томас Гэлбрейт - посмотрел на меня.

- Сколько тебе лет, сынок? - спросил он.

- Я вам не сынок, - ответил я. - И лет своих не считал.

- На вид тебе не больше восемнадцати, - сказал он, - хоть ты и рослый. Ты не можешь помнить Барнума.

- А вот и помню. Будет вам трепаться. А то как дам в ухо.

- Никакого отношения к цирку я не имею, - продолжал Гэлбрейт. - Я биогенетик.

Мы давай хохотать. Он вроде бы раскипятился и захотел узнать, что тут смешного.

- Такого слова и на свете-то нет, - сказала мамуля.

Но тут Кроп1ка Сэм зашелся криком. Гэлбрейт побелел как мел и весь затрясся. Прямо рухнул наземь. Когда мы его подняли, он спросил, что случилось.

- Это Кроп1ка Сэм, - объяснил я. - Мамуля его успокаивает. Он уже перестал.

- Это ультразвук, - буркнул прохвессор. - Что такое "Крошка Сэм" - коротковолновый передатчик?

- Крошка Сэм - младенец, - ответил я коротко. - Не смейте его обзывать всякими именами. А теперь, может, скажете, чего вам нужно?

Он вынул блокнот и стал его перелистывать.

- Я у-ученый, - сказал он. - Наш институт изучает евгенику, и мы располагаем о вас кое-какими сведениями. Звучат они неправдоподобно. По теории одного из наших сотрудников, в малокультурных районах естественная мутация может остаться нераспознанной и... - Он приостановился и в упор посмотрел на дядю Леса.

- Вы действительно умеете летать? - спросил он.

Ну, об этом-то мы не любим распространяться. Однажды проповедник дал нам хороший нагоняй. Дядя Лес назюзюкался и взмыл над горами - до одури напугал охотников на медведей.

Да и в Библии нет такого, что людям положено летать. Обычно дядя Лес делает это исподтишка, когда никто не видит.

Как бы там ни было, дядя Лес надвинул шляпу еще ниже и прорычал:

- Это уж вовсе глупо. Человеку летать не дано. Взять хотя бы эти новомодные выдумки, о которых мне все уши

прожужжали: между нами, они вообще не летают. Просто бредни, вот и все.

Гэлбрейт хлопнул глазами и снова заглянул в блокнот.

- Но тут с чужих слов есть свидетельства о массе необычных качеств, присущих вашей семье. Умение летать - только одно из них. Я знаю, теоретически это невозможно - если не говорить о самолетах, - но...

- Хватит трепаться!

- В состав мази средневековых ведьм входил аконит, дающий иллюзию полета, разумеется совершенно субъективную.

- Перестанете вы нудить? - Взбешенного дядю Леса прорвало, я так понимаю - от смущения. Он вскочил, швырнул шляпу на крыльцо и взлетел. Через минуту стремительно опустился, подхватил свою шляпу и скорчил рожу прохвессору. Потом опять взлетел и скрылся за ущельем, мы его долго не видели.

Я тоже взбесился.

- По какому праву вы к нам пристаете? - сказал я. - Дождетесь, что дядя Лес возьмет пример с папули, а это будет чертовски неприятно. Мы папулю в глаза не видели, с тех пор как тут крутился один тип из города. Налоговый инспектор, кажется.

Гэлбрейт ничего не сказал. Вид у него был какой-то растерянный. Я дал ему выпить, и он спросил про папулю.

- Да папуля где-то здесь, - ответил я. - Только его теперь не увидишь. Он говорит, что так ему больше нравится.

- Ага, - сказал Гэлбрейт и выпил еще рюмочку. - О господи. Сколько, говоришь, тебе лет?

- А я про это ничего не говорю.

- Ну, какое воспоминание у тебя самое первое?

- Что толку запоминать? Только голову себе зря забиваешь.

- Фантастика, - сказал Гэлбрейт. - Не ожидал, что отошлю в институт такой отчет.

- Не нужно нам, чтобы тут лезли всякие, - сказал я. - Уезжайте отсюда и оставьте нас в покое.

- Но помилуй! - Он выглянул за перила крыльца и заинтересовался ружьем. - Это еще что?

- Такая штука, - ответил я.

- Что она делает?

- Всякие штуки, - ответил я.

- Угу. Посмотреть можно?

- Пожалуйста, - ответил я. - Да я вам отдам эту хреновину, только бы вы отсюда уехали.

Он подошел и осмотрел ружье. Папуля встал (он сидел рядом со мной), велел мне избавиться от чертового янки и вошел в дом. Вернулся прохвессор.

- Потрясающе! - говорит. - Я кое-что смыслю в электронике, и, по моему мнению, это нечто выдающееся. Каков принцип действия?

- Чего-чего? - отвечаю. - Она дырки делает.

- Стрелять патронами она никак не может. В казенной части у нее две линзы вместо... как, говоришь, она действует?

- Откуда я знаю.

- Это ты ее сделал?

- Мы с мамулей.

Он давай сыпать вопросами.

- Откуда я знаю, - говорю. - Беда с ружьями в том, что их надо каждый раз перезаряжать. Вот мы и подумали: смастерим ружье по-своему, чтоб его никогда не заряжать. И верно, не приходится.

- А ты серьезно обещал мне его подарить?

- Если отстанете.

- Послушай, - сказал он, - просто чудо, что вы, Хогбены, так долго оставались в тени.

- На том стоим.

- Должно быть, теория мутации верна! Вас надо обследовать. Это же одно из крупнейших открытий после... - И пошел чесать в том же духе. Я мало что понял.

В конце концов я решил, что есть только два выхода, а после слов шерифа Эбернати мне не хотелось убивать, пока шерифов гнев не остынет. Не люблю скандалов.

- Допустим, я поеду с вами в Нью-Йорк, раз уж вам так хочется, - сказал я. - Оставите вы мою семью в покое?

Он вроде бы пообещал, правда нехотя. Но все же уступил и забожился: я пригрозил, что иначе разбужу Крошку Сэма. Он-то, конечно, хотел повидать Крошку Сэма, но я объяснил, что это все равно без толку. Как ни верти, не может Крошка Сэм поехать в Нью-Йорк. Он должен лежать в цистерне, без нее ему становится худо.

В общем, прохвессор остался мной доволен и уехал, когда я пообещал встретиться с ним наутро в городке. Но все же на душе у меня, по правде сказать, было паскудно. Мне не доводилось еще ночевать под чужой крышей после той заварушки в Старом Свете, когда нам пришлось в темпе уносить ноги.

Мы тогда, помню, переехали в Голландию. Мамуля всегда неравнодушна была к человеку, который помог нам выбраться из Лондона. В его честь дала имя Крошке Сэму. А фамилию того человека я уж позабыл. Не то Гвинн, не

то Стюарт, не то Пипин - у меня в голове все путается, когда я вспоминаю то, что было до войны Севера с Югом.

Вечер прошел, как всегда, нудно. Папуля, конечно, сидел невидимый, и мамуля все злилась, подозревая, что он тянет маисовой больше чем положено, но потом сменила гнев на милость и налила ему настоящего виски. Все наказывали мне вести себя прилично.

- Этот прохвессор ужас до чего умный, - сказала мамуля. - Все прохвессора такие. Не морочь ему голову. Будь паинькой, а не то я тебе покажу где раки зимуют.

- Буду паинькой, мамуля, - ответил я.

Папуля дал мне затрещину, что с его стороны было нечестно: ведь я-то его не мог видеть!

- Это чтоб ты лучше запомнил, - сказал он.

- Мы люди простые, - ворчал дядя Лес. - И нечего прыгать выше головы, никогда это к добру не приводит.

- Я и не пробовал, честно! - сказал я. - Только, я так считаю...

- Не наделай бед! - пригрозила мамуля, и тут мы услышали, как в мезонине дедуля заворочался. Порой дедуля не двигается неделями, но в тот вечер он был прямо-таки живчик.

Мы, само собой, поднялись узнать, чего он хочет.

Он заговорил о прохвессоре.

- Чужак-то, а? - сказал дедуля. - Продувная бестия! Редкостные губошлепы собрались у моего ложа, когда я сам от старости слабею разумом! Один Сонк не без хитрости, да и тот, прости меня, господи, дурак дураком.

Я только поерзал на месте и что-то пробормотал, лишь бы не смотреть дедуле в глаза - я этого не выношу. Но он на меня не обратил внимания. Все бушевал:

- Значит, ты собрался в этот Нью-Йорк? Кровь Христова, да разве ты запамятовал, что мы как огня стережемся Лондона и Амстердама - да и Нью-Амстердама* - из боязни дознания? Уж не хочешь ли ты попасть в ярмарочные уроды? Хоть это и не самое страшное.

Дедуля у нас старейший и иногда вставляет в разговор какие-то допотопные словечки. Наверное, жаргон, к которому привыкнешь в юности, прилипает на всю жизнь. Одного у дедули не отнимешь: ругается он лучше всех, кого мне довелось послушать.

- Ерунда, - сказал я. - Я ведь хотел как лучше!

- Так он еще речет супротив, паршивый неслух! - возмутился дедуля. - Во всем виноват ты, ты и твоя

*Старинное название Нью-Йорка. (Примеч. пер.)

родительница. Это вы пресечению рода Хейли споспешествовали. Когда б не вы, ученый бы сюда и не пожаловал.

- Он прохвессор, - сообщил я. - Звать его Томас Гэлбрейт.

- Знаю. Я прочитал его мысли через мозг Крошки Сэма. Опасный человек. Все мудрецы опасны. Кроме разве Роджера Бэкона, и того мне пришлось подкупить, дабы... неважно. Роджер был незаурядный человек. Внимайте же: никто из вас да не едет в Нью-Йорк. Стоит нам только покинуть сию тихую заводь, стоит кому-то нами заинтересоваться - и мы пропали. Вся их волчья стая вцепится и разорвет нас в клочья. А твои безрассудные полеты, Лестер, помогут тебе как мертвому припарки - ты внемлешь?

- Но что же нам делать? - спросила мамуля.

- Да чего там, - сказал папуля. - Я этого прохвессора угомоню. Спущу в цистерну, и дело с концом.

- И испортишь воду? - взвилась мамуля. - Попробуй только!

- Что за порочное племя вышло из моих чресел? - сказал дедуля, рассвирепев окончательно. - Ужли не обещали вы шерифу, что убийства прекратятся... хотя бы на ближайшее время? Ужли и слово Хогбена - ничто? Две святыни пронесли мы сквозь века - нашу тайну и честь Хогбенов! Посмейте только умертвить этого Гэлбрейта - вы мне ответите!

Мы все побледнели. Крошка Сэм опять проснулся и захныкал.

- Что же теперь делать? - спросил дядя Лес.

- Наша великая тайна должна остаться нерушимой, - сказал дедуля. - Поступайте как знаете, только без убийств. Я тоже обмозгую сию головоломку.

Тут он, казалось, заснул, хотя точно про него никогда ничего не знаешь.

На другой день мы встретились с Гэлбрейтом в городке, как и договорились, но еще раньше я столкнулся на улице с шерифом Эбернати, который, завидев меня, зло сверкнул глазами.

- Лучше не нарывайся, Сонк, - сказал он. - Помни, я тебя предупреждал.

Очень неудобно получилось.

Как бы там ни было, я увидел Гэлбрейта и рассказал ему, что дедуля не пускает меня в Нью-Йорк. Гэлбрейт не очень-то обрадовался, но понял, что тут уж ничего не поделаешь.

Его номер в отеле был забит научной дребеденью и мог напугать всякого. Ружье стояло тут же, и Гэлбрейт как будто ничего в нем не менял. Он стал меня переубеждать.

- Ничего не выйдет, - отрезал я. - Нас от этих гор не оттащишь. Вчера я брякнул сдуру, никого не спросясь, вот и все.

- Послушай, Сонк, - сказал я. - Я расспрашивал в городке о Хогбенах, но почти ничего не узнал. Люди здесь скрытные. Но все равно, их свидетельство было бы только лишним подтверждением. Я не сомневаюсь, что наши теории верны. Ты и вся твоя семья - мутанты, вас надо обследовать!

- Никакие мы не мутанты, - ответил я. - Вечно ученые обзывают нас какими-то кличками. Роджер Бэкон окрестил нас гомункулами, но...

- **Что?!** - вскрикнул Гэлбрейт. - Что ты сказал?

- Э... издольщик один из соседнего графства, - тут же опомнился я, но видно было, что прохвессора не проведешь. Он стал расхаживать по номеру.

- Бесполезно, - сказал он. - Если ты не поедешь в Нью-Йорк, я попрошу, чтобы институт выслал сюда комиссию. Тебя надо обследовать во славу науки и ради прогресса человечества.

- Этого еще не хватало, - ответил я. - Воображаю, что получится. Выставите нас, как уродов, всем на потеху. Крошку Сэма это убьет. Уезжайте-ка отсюда и оставьте нас в покое.

- Оставить вас в покое? Когда вы умеете создавать такие приборы? - Он махнул рукой в сторону ружья. - Как же оно работает? - спросил он ни с того ни с сего.

- Да не знаю я... Смастерили, и дело с концом. Послушайте, прохвессор. Если на нас глазеть понаедут, быть беде. Большой беде. Так говорит дедуля.

Гэлбрейт стал теребить собственный нос.

- Что ж, допустим... а ответишь мне на кое-какие вопросы, Сонк?

- Не будет комиссии?

- Посмотрим.

- Нет, сэр. Не стану...

Гэлбрейт набрал побольше воздуху.

- Если ты расскажешь все, что мне нужно, я сохраню ваше местопребывание в тайне.

- А я-то думал, у вас в институте знают, куда вы поехали.

- А-а, да, - спохватился Гэлбрейт. - Естественно, знают. Но про вас там ничего не известно.

Он подал мне мысль. Убить его ничего не стоило, но тогда дедуля стер бы меня в порошок, да и с шерифом

приходилось считаться. Поэтому я сказал: "Ладно уж!" - и кивнул.

Господи, о чем только этот тип не спрашивал! У меня аж круги поплыли перед глазами. А он распалялся все больше и больше.

- Сколько лет твоему дедушке?

- Понятия не имею.

- Гомункулы, гм... Говоришь, он когда-то был рудокопом?

- Да не он, его отец, - сказал я. - На оловянных копях в Англии. Только дедуля говорит, что в то время она называлась Британия. На них тогда еще навели колдовскую чуму. Пришлось звать лекарей... друнов? Друдов?

- Друидов?

- Во-во. Эти друиды, дедуля говорит, были лекарями. В общем, рудокопы мерли как мухи по всему Корнуэллу, и копи пришлось закрыть.

- А что за чума?

Я объяснил ему, как запомнил из рассказов дедули, и прохвессор страшно разволновался, пробормотал что-то, насколько я понял, о радиоактивном излучении. Ужас какую околесицу он нес.

- Искусственная мутация, обусловленная радиоактивностью! - говорит, а у самого глаза и зубы разгорелись. - Твой дед родился мутантом! Гены и хромосомы перестроились в новую комбинацию. Да ведь вы, наверно, сверхлюди!

- Нет уж, - возразил я. - Мы Хогбены. Только и всего.

- Доминанта, типичная доминанта. А у тебя вся семья... э-э... со странностями?

- Эй, легче на поворотах! - пригрозил я.

- В смысле - все ли умеют летать?

- Сам-то я еще не умею. Наверно, мы какие-то уроды. Дедуля у нас - золотая голова. Всегда учил, что нельзя высовываться.

- Защитная маскировка, - подхватил Гэлбрейт. - На фоне косной социальной культуры отклонения от нормы маскируются легче. В современном цивилизованном обществе вам было бы так же трудно утаиться, как шилу в мешке. А здесь, в глуши, вы практически невидимы.

- Только папуля, - уточнил я.

- О боже, - вздохнул он. - Скрывать такие невероятные природные способности... Представляете, что вы могли бы совершить?

Вдруг он распалился пуще прежнего, и мне не очень-то понравился его взгляд.

- Чудеса, - повторял он. - Все равно что лампу Аладдина найти.

- Хорошо бы вы от нас отвязались, - говорю. - Вы и ваша комиссия.

- Да забудь ты о комиссии. Я решил пока что заняться этим самостоятельно. При условии, если ты будешь содействовать. В смысле - поможешь мне. Согласен?

- Не-а, - ответил я.

- Тогда я приглашу сюда комиссию из Нью-Йорка, - сказал он злорадно.

Я призадумался.

- Ну, - сказал я наконец, - чего вы хотите?

- Еще не знаю, - медленно проговорил он. - Я еще не полностью охватил перспективы.

Но он готов был ухватить все в охапку. Сразу было видать. Знаю я такое выражение лица.

Я стоял у окна, смотрел на улицу, и тут меня вдруг осенило. Я рассудил, что, как ни кинь, чересчур доверять прохвессору - вовсе глупо. Вот я и подобрался, будто ненароком, к ружью и кое-что там подправил.

Я прекрасно знал, чего хочу, но если бы Гэлбрейт спросил, почему я скручиваю проволочку тут и сгибаю какую-то чертовщину там, я бы не мог ответить. В школах не обучался. Но твердо знал одно: теперь эта штучка сработает как надо.

Прохвессор строчил что-то в блокноте. Он поднял глаза и заметил меня.

- Что ты делаешь? - спросил он.

- Тут было что-то неладно, - соврал я. - Не иначе как вы тут мудрили с батарейками. Вот сейчас испытайте.

- Здесь? - возмутился он. - Я не хочу возмещать убытки. Испытывать надо в безопасных условиях.

- Видите вон там, на крыше, флюгер? - Я показал пальцем. - Никто не пострадает, если мы в него нацелимся. Можете испытывать не отходя от окна.

- Это... это не опасно? - Ясно было, что у него руки чешутся испытать ружье. Я сказал, что все останутся в живых, он глубоко вздохнул, подошел к окну и неумело взялся за приклад.

Я отодвинулся в сторонку. Не хотел, чтобы шериф меня увидел. Я-то его давно приметил - он сидел на скамье возле продуктовой лавки через дорогу.

Все вышло, как я и рассчитывал. Гэлбрейт спустил курок, целясь в флюгер на крыше, и из дула вылетели кольца света. Раздался ужасающий грохот. Гэлбрейт повалился навзничь, и тут началось такое столпотворение, что передать невозможно. Вопль стоял по всему городку.

Ну, чувствую, самое время сейчас превратиться в невидимку. Так я и сделал.

Гэлбрейт осматривал ружье, когда в номер ворвался шериф Эбернати. А с шерифом шутки плохи. У него был пистолет в руке и наручники наготове; он отвел душу, изругав прохвессора последними словами.

- Я вас видел! - орал он. - Вы, столичные, думаете, что вам здесь все сойдет с рук. Так вот, вы ошибаетесь!

- Сонк! - вскричал Гэлбрейт, озираясь по сторонам. Но меня он, конечно, увидеть не мог.

Тут они сцепились. Шериф Эбернати видел, как Гэлбрейт стрелял из ружья, а шерифу палец в рот не клади. Он поволок Гэлбрейта по улице, а я, неслышно ступая, двинулся следом. Люди метались как угорелые. Почти все прижимали руки к щекам.

Прохвессор продолжал ныть, что ничего не понимает.

- Я все видел! - оборвал его Эбернати. - Вы прицелились из окна - и тут же у всего города разболелись зубы! Посмейте только еще раз сказать, будто вы не понимаете!

Шериф у нас умница. Он с нами, Хогбенами, давно знаком и не удивляется, если иной раз творятся чудные дела. К тому же он знал, что Гэлбрейт - ученый. Так вот, получился скандал, люди доискались, кто виноват, и я оглянуться не успел, как они собрались линчевать Гэлбрейта.

Эбернати его увел. Я немножко послонялся по городку. На улицу вышел пастор посмотреть на церковные окна - они его озадачили. Стекла были разноцветные, и пастор никак не мог понять, с чего это они вдруг расплавились. Я бы ему подсказал. В цветных стеклах есть золото - его добавляют, чтобы получить красный тон.

В конце концов я подошел к тюрьме. Меня все еще нельзя было видеть. Поэтому я подслушал разговор Гэлбрейта с шерифом.

- Все Сонк Хогбен, - повторял профессор. - Поверьте, это он перестроил проектор!

- Я вас видел, - отвечал Эбернати. - Вы все сделали сами. Ой! - Он схватился рукой за челюсть. - Прекратите-ка, да поживее! Толпа настроена серьезно. В городе половина людей сходит с ума от зубной боли.

Видно, у половины городских в зубах были золотые пломбы. То, что сказал на это Гэлбрейт, меня не очень-то удивило.

- Я ожидаю прибытия комиссии из Нью-Йорка; сегодня же вечером позвоню в институт, там за меня поручатся.

Значит, он всю дорогу собирался нас продать. Я как чувствовал, что у него на уме.

- Вы избавите меня от зубной боли - и всех остальных тоже, а не то я открою двери и впущу линчевателей! - простонал шериф. И ушел прикладывать к щеке пузырь со льдом.

Я прокрался обратно в коридор и стал шуметь, чтобы Гэлбрейт услыхал. Я подождал, пока он не кончит ругать меня на все корки. Напустил на себя глупый вид.

- Видно, я маху дал, - говорю. - Но могу все исправить.

- Да ты уж наисправлял достаточно. - Тут он остановился. - Погоди. Как ты сказал? Ты можешь вылечить эту... что это?

- Я осмотрел ружье, - говорю. - Кажется, я знаю, где напорол. Оно теперь настроено на золото, и все золото в городе испускает тепловые лучи или что-то в этом роде.

- Наведенная избирательная радиоактивность, - пробормотал Гэлбрейт очередную бессмыслицу. - Слушай. Вся эта толпа... у вас когда-нибудь линчуют?

- Не чаще раза-двух в год, - успокоил я. - И эти два раза уже позади, так что годовую норму мы выполнили. Жаль, что я не могу переправить вас к нам домой. Мы бы вас запросто спрятали.

- Ты бы лучше что-нибудь предпринял! - говорит. - А не то я вызову из Нью-Йорка комиссию! Ведь тебе это не очень-то по вкусу, а?

Никогда я не видел, чтобы человек с честным лицом так нагло врал в глаза.

- Дело верное, - говорю. - Я подкручу эту штуковину так, что она в два счета погасит лучи. Только я не хочу, чтобы люди связывали нас, Хогбенов, с этим делом. Мы любим жить спокойно. Вот что, давайте я пойду в ваш отель и налажу все как следует, а потом вы соберете тех, кто мается зубами, и спустите курок.

- Но... да, но...

Он боялся, как бы не вышло еще хуже. Но я его уговорил. На улице бесновалась толпа, так что долго уговаривать не пришлось. В конце концов я плюнул и ушел, но вернулся невидимый и подслушал, как Гэлбрейт уславливается с шерифом.

Они между собой поладили. Все, у кого болят зубы, соберутся и рассядутся в мэрии. Потом Эбернати приведет прохвессора с ружьем и попробует всех вылечить.

- Прекратится зубная боль? - настаивал шериф. - Точно?

- Я... вполне уверен, что прекратится.

Эбернати уловил его нерешительность.

- Тогда уж лучше испробуйте сначала на мне. Я вам не доверяю.

Видно, никто никому не доверял.

Я прогулялся до отеля и кое-что изменил в ружье. И тут я попал в переплет. Моя невидимость истощилась. Вот ведь как скверно быть подростком.

Когда я стану на сотню-другую лет постарше, то буду оставаться невидимым сколько влезет. Но пока я еще не очень-то освоился.

Главное, теперь я не мог обойтись без помощи, потому что должен был сделать одно дело, за которое никак нельзя браться у всех на глазах.

Я поднялся на крышу и мысленно окликнул Крошку Сэма. Когда настроился на его мозг, попросил вызвать папулю и дядю Леса.

Немного погодя с неба спустился дядя Лес; летел он тяжело, потому что нес папулю. Папуля ругался: они насилу увернулись от коршуна.

- Зато никто нас не видел, - утешил его дядя Лес. - Помоему.

- У городских сегодня своих хлопот полон рот, - ответил я. - Мне нужна помощь. Прохвессор обещал одно, а сам затевает напустить сюда комиссию и всех нас обследовать.

- В таком случае ничего не поделаешь, - сказал папуля. - Нельзя же кокнуть этого типа. Дедуля запретил.

Тогда я сообщил им свой план. Папуля невидимый, ему все это будет легче легкого. Потом мы провертели в крыше дырку, чтобы подсматривать, и заглянули в номер Гэлбрейта. И как раз вовремя. Шериф уже стоял там с пистолетом в руке (так он ждал), а прохвессор, позеленев, наводил на Эбернати ружье. Все прошло без сучка, без задоринки.

Гэлбрейт спустил курок, из дула выскочило пурпурное кольцо света, и все. Да еще шериф открыл рот и сглотнул слюну.

- Ваша правда! Зуб не болит!

Гэлбрейт обливался потом, но делал вид, что все идет по плану.

- Конечно, действует, - сказал он. - Естественно. Я же говорил.

- Идемте в мэрию. Вас ждут. Советую вылечить всех, иначе вам не поздоровится.

Они ушли. Папуля тайком двинулся за ними, а дядя Лес подхватил меня и полетел следом, держась поближе к крышам, чтобы нас не заметили. Вскоре мы расположились у одного из окон мэрии и стали наблюдать.

Таких страстей я еще не видел, если не считать лондонской чумы. Зал был битком набит, люди катались от боли, стонали и выли. Вошел Эбернати с прохвессором - прохвессор нес ружье, - и все завопили еще громче.

Гэлбрейт установил ружье на сцене, дулом к публике, шериф снова вытащил пистолет, велел всем замолчать и обещал, что сейчас у всех зубная боль пройдет.

Я папулю, ясное дело, не видел, но знал, что он на сцене. С ружьем творилось что-то немыслимое. Никто не замечал, кроме меня, но я-то следил внимательно. Папуля, - конечно, невидимый - вносил кое-какие поправки. Я ему все объяснил, но он и сам не хуже меня понимал, что к чему. И вот он скоренько наладил ружье как надо.

А что потом было - конец света. Гэлбрейт прицелился, спустил курок, из ружья вылетели кольца света - на этот раз желтые. Я попросил папулю выбрать такую дальность, чтобы за пределами мэрии никого не задело. Но внутри...

Что ж, зубная-то боль у них прошла. Ведь не может человек страдать от золотой пломбы, если никакой пломбы у него и в помине нет.

Теперь ружье было налажено так, что действовало на все неживое. Дальность папуля выбрал точка в точку. Вмиг исчезли стулья и часть люстры. Публика сбилась в кучу, поэтому ей худо пришлось. У колченогого Джеффа пропала не только деревянная нога, но и стеклянный глаз. У кого были вставные зубы, ни одного не осталось. Многих словно наголо обрили.

И платья ни на ком я не видел. Ботинки ведь неживые, как и брюки, рубашки, юбки. В два счета все в зале оказались в чем мать родила. Но это уж пустяк, зубы-то у них перестали болеть, верно?

Часом позже мы сидели дома - все, кроме дяди Леса, - как вдруг открывается дверь и входит дядя Лес, а за ним, шатаясь, - прохвессор. Вид у Гэлбрейта был самый жалкий. Он опустился на пол, тяжело, с хрипом, дыша и тревожно поглядывая на дверь.

- Занятная история, - сказал дядя Лес. - Лечу это я над окраиной городка и вдруг вижу: бежит прохвессор, а за ним - целая толпа, и все замотаны в простыни. Вот я его и прихватил. Доставил сюда, как ему хотелось.

И мне подмигнул.

- О-о-о-х! - простонал Гэлбрейт. - А-а-а-х! Они сюда идут?

Мамуля подошла к двери.

- Вон сколько факелов лезут в гору, - сообщила она. - Не к добру это.

Прохвессор свирепо глянул на меня.

- Ты говорил, что можешь меня спрятать! Так вот, теперь прячь! Все из-за тебя!

- Чушь, - говорю.

- Прячь, иначе пожалеешь! - завизжал Гэлбрейт. - Я... я вызову сюда комиссию.

- Ну, вот что, - сказал я. - Если мы вас укроем, обещаете забыть о комиссии и оставить нас в покое?

Прохвессор пообещал.

- Минуточку, - сказал я и поднялся в мезонин к дедуле. Он не спал.

- Как, дедуля? - спросил я.

С секунду он прислушивался к Крошке Сэму.

- Прохвост лукавит, - сказал он вскоре. - Желает всенепременно вызвать ту шелудивую комиссию, вопреки всем своим посулам.

- Может, не стоит его прятать?

- Нет, отчего же, - сказал дедуля. - Хогбены дали слово - больше не убивать. А укрыть беглеца от преследователей - право же, дело благое.

Может быть, он подмигнул. Дедулю не разберешь. Я спустился по лестнице. Гэлбрейт стоял у двери - смотрел, как в гору взбираются факелы.

Он в меня так и вцепился.

- Сонк! Если ты меня не спрячешь...

- Спрячу, - ответил я. - Пшли.

Отвели мы его в подвал...

Когда к нам ворвалась толпа во главе с шерифом Эбернати, мы прикинулись простаками. Позволили перерыть весь дом. Крошка Сэм и дедуля на время стали невидимыми, их никто не заметил. И, само собой, толпа не нашла никаких следов Гэлбрейта. Мы его хорошо укрыли, как и обещали.

С тех пор прошло несколько лет. Прохвессор как сыр в масле катается. Но только нас он не обследует. Порой мы вынимаем его из бутылки, где он хранится, и обследуем сами.

А бутылочка-то ма-ахонькая!

КОТЕЛ С НЕПРИЯТНОСТЯМИ

Лемюэла мы прозвали Горбун; потому что у него три ноги. Когда Лемюэл подрос (как раз в войну Севера с Югом), он стал поджимать лишнюю ногу внутрь штанов, чтобы никто ее не видел и зря язык не чесал. Ясное дело, вид у него при этом был самый что ни на есть верблюжий, но ведь Лемюэл не любитель форсить. Хорошо, что руки и ноги у него сгибаются не только в локтях и коленях, но и еще в двух суставах, иначе поджатую ногу вечно сводили бы судороги.

Мы не видели Лемюэла годков шестьдесят. Все Хогбены живут в Кентукки,но он - в южной части гор, а мы - в северной. И, надо полагать, обошлось бы без неприятностей, не будь Лемюэл таким безалаберным. Одно время мы уж подумали - каша заваривается не на шутку. Нам, Хогбенам, доводилось хлебнуть горя и раньше, до того как мы переехали в Пайнервилл: бывало, люди все поглядывают за нами да подслушивают, норовят дознаться, с чего это в округе собаки лаем исходят. До того дошло - совсем невозможно стало летать. В конце концов дедуля рассудил, что пора смотать удочки, перебраться южнее, к Лемюэлу.

Терпеть не могу путешествий. Последний раз, когда мы плыли в Америку, меня аж наизнанку выворачивало. Летать - и то лучше. Но в семье верховодит де дуля.

Он заставил нас нанять грузовик, чтобы переправить пожитки. Труднее всего было втиснуть малыша; в нем-то самом весу кило сто сорок, не больше, но цистерна уж больно здоровая. Зато с дедулей никаких хлопот: его просто увязали в старую дерюгу и запихнули под сиденье. Всю работу пришлось делать мне. Папуля насосался маисовой водки и совершенно обалдел. Знай ходил на руках да песню горланил - "Вверх тормашками весь мир".

Дядя вообще не пожелал ехать. Он забился под ясли в хлеву и сказал, что соснет годиков десять. Там мы его и оставили.

- Вечно они скачут! - все жаловался дядя. - И чего им на месте не сидится? Пятисот лет не пройдет, как они опять - хлоп! Бродяги бесстыжие, перелетные птицы ! Ну и езжайте, скатертью дорога!

Ну и уехали.

Лемюэл, по прозванию Горбун, - наш родственник. Аккурат перед тем, как мы поселились в Кентукки, там, говорят, пронесся ураган. Всем пришлось засучить рукава и строить дом, один Лемюэл - ни в какую. Ужас до чего никудышный. Так и улетел на юг. Каждый год или через год он ненадолго просыпается, и мы тогда слышим его мысли, но остальное время он бревно бревном.

Решили пожить у него.

Сказано - сделано.

Видим, Лемюэл живет в заброшенной водяной мельнице, в горах неподалеку от города Пайпервилл. Мельница обветшала, на честном слове держится. На крыльце сидит Лемюэл. Когда-то он сел в кресло, но кресло под ним давно уж развалилось, а он и не подумал проснуться и починить. Мы не стали будить Лемюэла. Втащили малыша в дом, и дедуля с папулей начали вносить бутылки с маисовой.

Мало-помалу устроились. Сперва было не ахти как удобно. Лемюэл, непутевая душа, припасов в доме не держит. Он проснется ровно настолько, чтобы загипнотизировать в лесу какого-нибудь енота, и, глядишь, тот уже скачет, пришибленный, согласный стать обедом. Лемюэл питается енотами, потому что у них ловкие лапы, прямо как руки. Пусть меня поцарапают, если этот лодырь Лем гипнозом не заставляет енотов разводить огонь и зажариваться. До сих пор не пойму, как он их свежует. А может, просто выплевывает шкурку? Есть люди, которым лень делать самые немудреные вещи.

Когда ему хочется пить, он насылает дождь себе на голову и открывает рот. Позор, да и только.

Правда, никто из нас не обращал на Лемюэла внимания. Мамуля с ног сбилась в хлопотах по хозяйству. Папуля, само собой, удрал с кувшином маисовой, и вся работа свалилась на меня. Ее было немного. Главная беда - нужна электроэнергия. На то, чтобы поддерживать жизнь малыша в цистерне, току уходит прорва, да и дедуля жрет электричество, как свинья - помои. Если бы Лемюэл сохранил воду в запруде, мы бы вообще забот не знали, но ведь это же Лемюэл! Он преспокойно дал ручью высохнуть. Теперь по руслу текла жалкая струйка.

Мамуля помогла мне смастерить в курятнике одну штуковину, и после этого у нас электричества стало хоть отбавляй.

Неприятности начались с того, что в один прекрасный день по лесной тропе к нам притопал костлявый коротышка и словно бы обомлел, увидев, как мамуля стирает во дворе. Я тоже вышел во двор - любопытства ради.

- День выдался на славу, - сказала мамуля. - Хотите выпить, гостенек?

Он сказал, что ничего не имеет против, я принес полный ковш, коротышка выпил моисовой, судорожно перевел дух и сказал, - мол, нет уж, спасибо, больше не хочет, ни сейчас, ни потом, никогда в жизни. Сказал, что есть уйма более дешевых способов надсадить себе глотку.

- Недавно приехали? - спросил он.

Мамуля сказала, что да, недавно, Лемюэл нам родственник. Коротышка посмотрел на Лемюэла - тот все сидел на крыльце, закрыв глаза, - и сказал:

- По-вашему, он жив?

- Конечно, - ответила мамуля. - Полон жизни, как говорится.

- А мы-то думали, он давно покойник, - сказал коротышка. - Поэтому ни разу не взимали с него избирательного налога. Я считаю, вам лучше и за себя заплатить, если уж вы сюда въехали. Сколько вас тут?

- Примерно шестеро, - ответила мамуля.

- Все совершеннолетние?

- Да вот у нас папуля, Сонк, малыш...

- Лет-то сколько?

- Малышу уже годочков четыреста, верно, мамуля? - сунулся было я, но мамуля дала мне подзатыльник и велела помалкивать. Коротышка ткнул в меня пальцем и сказал, что про меня-то и спрашивает. Черт, не мог я ему ответить. Сбился со счета еще при Кромвеле. Кончилось тем, что коротышка решил собрать налог со всех, кроме малыша.

- Не в деньгах счастье, - сказал он, записывая что-то в книжечку. - Главное, в нашем городе голосовать надо по всем правилам. Против избирательной машины не попрешь. В Пайпервилле босс только один, и зовут его Илай Гэнди. С вас двадцать долларов.

Мамуля велела мне набрать денег, и я ушел на поиски. У дедули была одна-единственная монетка, про которую он сказал, что это, во-первых, динарий, а во-вторых, талисман: дедуля прибавил, что свистнул эту монетку у какого-то Юлия где-то в Галлии. Папуля был пьян в стельку. У малыша завалялись три доллара. Я обшарил

карманы Лемюэла, но добыл там только два яичка иволги.

Когда я вернулся к мамуле, она поскребла в затылке, но я ее успокоил:

- К утру сделаем, мамуля. Вы ведь примете золото, мистер?

Мамуля влепила мне затрещину. Коротышка посмотрел как-то странно и сказал, что золото примет, отчего бы и нет. Потом он ушел лесом и повстречал на тропе енота, который нес охапку прутьев на растопку, - как видно, Лемюэл проголодался. Коротышка прибавил шагу.

Я стал искать металлический хлам, чтобы превратить его в золото.

На другой день нас упрятали в тюрьму.

Мы-то, конечно, все знали заранее, но ничего не могли поделать. У нас одна линия: не задирать нос и не привлекать к себе лишнего внимания. То же самое наказал нам дедуля и на этот раз. Мы все поднялись на чердак (все, кроме малыша и Лемюэла, который никогда не почешется), и я уставился в угол, на паутину, чтобы не смотреть на дедулю. От его вида у меня мороз по коже.

- Ну их, холуев зловонных, не стоит мараться, - сказал дедуля. - Лучше уж в тюрьму, там безопасно. Дни инквизиции навеки миновали.

- Нельзя ли спрятать ту штуковину, что в курятнике?

Мамуля меня стукнула, чтобы не лез, когда старшие разговаривают.

- Не поможет, - сказала она. - Сегодня утром приходили из Пайпервилла соглядатаи, видели ее.

- Прорыли вы погреб под домом? - спросил дедуля. - Вот и ладно. Укройте там меня с малышом. - Он опять сбился на старомодную речь. - Поистине досадно прожить столь долгие годы и вдруг попасть впросак, осрамиться перед гнусными олухами. Надлежало бы им глотки перерезать. Да нет же, Сонк, ведь это я для красного словца. Не станем привлекать к себе внимания. Мы и без того найдем выход.

Выход нашелся сам. Всех нас выволокли (кроме дедули с малышом, они к тому времени уже сидели в погребе). Отвезли в Пайпервилл и упрятали в каталажку. Лемюэл так и не проснулся. Пришлось тянуть его за ноги.

Что до папули, то он не протрезвел. У него свой коронный номер. Он выпьет маисовой, а потом, я так понимаю, алкоголь попадает к нему в кровь и превращается в сахар или еще во что-то. Волшебство, не иначе. Папуля старался мне растолковать, но до меня туго доходило. Спиртное идет в желудок: как может оно попасть оттуда в кровь и превратиться в сахар? Просто

глупость. А если нет, так колдовство. Но я-то к другому клоню: папуля уверяет, будто обучил своих друзей, которых звать Ферменты (не иначе как иностранцы, судя по фамилии), превращать сахар обратно в алкоголь и потому умеет оставаться пьяным сколько душе угодно. Но все равно он предпочитает свежую маисовую, если только подвернется. Я-то не выношу колдовских фокусов, мне от них страшно делается.

Ввели меня в комнату, где народу было порядочно, и приказали сесть на стул. Стали сыпать вопросами. Я прикинулся дурачком. Сказал, что ничего не знаю.

- Да не может этого быть! - заявил кто-то. - Не сами же они соорудили... неотесанные увальни-горцы! Но, несомненно, в курятнике у них урановый котел!

Чепуха какая.

Я все прикидывался дурачком. Немного погодя отвели меня в камеру. Она кишела клопами. Я выпустил из глаз что-то вроде лучей и поубивал всех клопов - на удивление занюханному человечку со светло-рыжими баками, который спал на верхней койке: я и не заметил, как он проснулся, а когда заметил, было уже поздно.

- На своем веку в каких только чудных тюрьмах я не перебывал, - сказал занюханный человечек, часто-часто помаргивая, - каких только необыкновенных соседей по камере не перевидал, но ни разу еще не встречал человека, в котором заподозрил бы дьявола. Я Армбрестер, Хорек Армбрестер, упекли меня за бродяжничество. А тебя в чем обвиняют, друг? В том, что скупал души по взвинченным ценам?

Я ответил, что рад познакомиться. Нельзя было не восхититься его речью. Просто страсть какой образованный был.

- Мистер Армбрестер, - сказал я, - понятия не имею, за что сижу. Нас сюда привезли ни с того ни с сего - папулю, мамулю и Лемюэла. Лемюэл, правда, все еще спит, а папуля пьян.

- Мне тоже хочется напиться допьяна, - сообщил мистер Армбрестер. - Тогда меня бы не удивляло, что ты повис в воздухе между полом и потолком.

Я засмущался. Вряд ли кому охота, чтобы его застукали за такими делами. Со мной это случилось по рассеянности, но чувствовал я себя круглым идиотом. Пришлось извиниться.

- Ничего, - сказал мистер Армбрестер, переваливаясь на живот и почесывая баки. - Я этого уж давно жду. Жизнь я прожил в общем и целом весело. А такой способ сойти с ума не хуже всякого другого. Так за что тебя, говоришь, арестовали?

- Сказали, что у нас урановый котел стоит, - ответил я. - Спорим, у нас такого нет. Чугунный, я знаю, есть, сам в нем воду кипятил. А уранового сроду на огонь не ставил.

- Ставил бы, так запомнил бы, - отозвался он. - Скорее всего, тут какая-то политическая махинация. Через неделю выборы. На них собирается выступить партия реформ, а старикашка Гэнди хочет раздавить ее, прежде чем она сделает первый шаг.

- Что ж, пора нам домой, - сказал я.

- А где вы живете?

Я ему объяснил, и он задумался.

- Интересно. На реке, значит? То есть на ручье? На Медведице?

- Это даже не ручей, - уточнил я.

Мистер Армбрестер засмеялся.

- Гэнди величал его рекой Большой Медведицы, до того как построил недалеко от вас Гэнди-плотину. В том ручье нет воды уже полвека, но лет десять назад старикашка Гэнди получил ассигнования - один бог знает на какую сумму. Выстроил плотину только благодаря тому, что ручей назвал рекой.

- А зачем ему это было надо? - спросил я.

- Знаешь, сколько шальных денег можно выколотить из постройки плотины? Но против Гэнди не попрешь, по-моему. Если у человека собственная газета, он сам диктует условия. Ого! Сюда кто-то идет.

Вошел человек с ключами и увел мистера Армбрестера. Спустя еще несколько часов пришел кто-то другой и выпустил меня. Отвел в другую комнату, очень ярко освещенную. Там был мистер Армбрестер, были мамуля с папулей и Лемюэлом и еще какие-то дюжие ребята с револьверами. Был там и тощий сухонький тип с лысым черепом и змеиными глазками; все плясали под его дудку и величали его мистером Гэнди.

- Парнишка - обыкновенный деревенский увалень, - сказал мистер Армбрестер, когда я вошел. - Если он и угодил в какую-то историю, то случайно.

Ему дали по шее и велели закрыться. Он закрылся. Мистер Гэнди сидел в сторонке и кивал с довольно подлым видом. У него был дурной глаз.

- Послушай, мальчик, - сказал он мне. - Кого ты выгораживаешь? Кто сделал урановый котел в вашем сарае? Говори правду, или тебе не поздоровится.

Я только посмотрел на него, да так, что кто-то стукнул меня по макушке. Чепуха. Ударом по черепу Хогбенов не проймешь. Помню, наши враги Адамсы схватили меня и давай дубасить по голове, пока не выбились из сил, - даже не пикнули, когда я побросал их в цистерну.

Мистер Армбрестер подал голос.

- Вот что, мистер Гэнди, - сказал он. - Я понимаю, будет большая сенсация, если вы узнаете, кто сделал урановый котел, но ведь вас и без того переизберут. А может быть, это вообще не урановый котел.

- Кто его сделал, я знаю, - заявил мистер Гэнди. - Ученые ренегаты. Или беглые военные преступники нацисты. И я намерен их найти!

- Ого, - сказал мистер Армбрестер. - Понял вашу идею. Такая сенсация взволнует всю страну, не так ли? Вы сможете выставить свою кандидатуру на пост губернатора, или в сенат, или... в общем, диктовать любые условия.

- Что тебе говорил этот мальчишка? - спросил мистер Гэнди. Но мистер Армбрестер заверил его, что я ничего такого не говорил.

Тогда принялись колошматить Лемюэла.

Это занятие утомительное. Никто не может разбудить Лемюэла, если уж его разморило и он решил вздремнуть, а таким размореным я никого никогда не видел. Через некоторое время его сочли мертвецом. Да он и вправду все равно что мертвец: до того ленив, что даже не дышит, если крепко спит.

Папуля творил чудеса со своими приятелями Ферментами, он был пьянее пьяного. Его пытались отхлестать, но ему это вроде щекотки. Всякий раз, как на него опускали кусок шланга, папуля глупо хихикал. Мне стало стыдно.

Мамулю никто не пытался отхлестать. Когда кто-нибудь подбирался к ней достаточно близко, чтобы ударить, он тут же белел как полотно и пятился, весь в поту, дрожа крупной дрожью. Один наш знакомый прохвессор как-то сказал, что мамуля умеет испускать направленный пучок инфразвуковых волн. Прохвессор врал. Она всего-навсего издает никому не слышный звук и посылает его куда хочет. Ох, уж эти мне трескучие слова! А дело-то простое, все равно что белок бить. Я и сам так умею.

Мистер Гэнди распорядился водворить нас обратно, он, мол, с нами еще потолкует. Поэтому Лемюэла выволокли, а мы разошлись по камерам сами. У мистера Армбрестера на голове осталась шишка величиной с куриное яйцо. Он со стонами улегся на койку, а я сидел в углу, поглядывая на его голову и вроде бы стреляя светом из глаз, только этого света никто не мог увидеть. На самом деле такой свет... эх, образования не хватает. В общем, он помогает не хуже примочки. Немного погодя шишка на голове у мистера Армбрестера исчезла и он перестал стонать.

- Попал ты в переделку, Сонк, - сказал он (к тому времени я ему назвал свое имя). - У Гэнди теперь грандиозные планы. И он совершенно загипнотизировал жителей Пайпервилла. Но ему нужно больше - загипнотизировать весь штат или даже всю страну. Он хочет стать фигурой национального масштаба. Подходящая новость в газетах может это устроить. Кстати, она же гарантирует ему переизбрание на той неделе, хоть он в гарантиях и не нуждается. Весь городок у него в кармане. У вас и вправду был урановый котел?

Я только посмотрел на него.

- Генди, по-видимому, уверен, - продолжал он. - Выслал нескольких физиков, и они сказали, что это явно уран-235 с графитовыми замедлителями. Сонк, я слышал их разговор. Для твоего же блага - перестань укрывать других. К тебе применят наркотик правды - пентатол натрия или скополамин.

- Вам надо поспать, - сказал я, потому что услышал у себя в мозгу зов дедули. Я закрыл глаза и стал вслушиваться. Это было нелегко: все время вклинивался папуля.

- Пропусти рюмашку, - весело предложил папуля, только без слов, сами понимаете.

- Чтоб тебе сдохнуть, клейменая вошь, - сказал дедуля совсем не так весело. - Убери отсюда свой неповоротливый мозг. Сонк!

- Да, дедуля, - сказал я мысленно.

- Надо составить план...

Папуля повторил:

- Пропусти рюмашку, Сонк.

- Да замолчи же, папуля, - ответил я. - Имей хоть каплю уважения к старшим. Это я про дедулю. И вообще, как я могу пропустить рюмашку? Ты же далеко, в другой камере.

- У меня личный трубопровод, - сказал папуля. - Могу сделать тебе... как это называется... переливанис. Телепортация, вот это что. Я просто накоротко замыкаю пространство между твоей кровеносной системой и моей, а потом перекачиваю алкоголь из своих вен в твои. Смотри, это делается вот так.

Он показал мне как - вроде картинку нарисовал у меня в мозгу.

Действительно легко. То есть легко для Хогбена.

Я осатанел.

- Папуля, - говорю, - пень ты трухлявый, не заставляй своего любящего сына терять к тебе больше уважения, чем требует естество. Я ведь знаю, ты книг сроду не читал. Просто подбираешь длинные слова в чьем-нибудь мозгу.

- Пропусти рюмашку, - не унимался папуля и вдруг как заорет. Я услыхал смешок дедули.

- Крадешь мудрость из умов людских, а? - сказал дедуля. - Это я тоже умею. Сейчас я в своей кровеносной системе мгновенно вывел культуру возбудителя мигрени и телепортировал ее к тебе в мозг, пузатый негодник! Чумы нет на изверга! Внемли мне, Сонк. Ближайшее время твой ничтожный родитель не будет нам помехой.

- Есть, дедуля, - говорю. - Ты в форме?

- Да.

- А малыш?

- Тоже. Но действовать должен ты. Это твоя задача, Сонк. Вся беда в той... все забываю слово... в том урановом котле.

- Значит, это все-таки он, - сказал я.

- Кто бы подумал, что хоть одна душа в мире может его распознать? Делать такие котлы научил меня мой прародитель; они существовали еще в его времена. Поистине благодаря им мы, Хогбены, стали мутантами. Господи, твоя воля, теперь я сам должен обворовать чужой мозг, чтобы внести ясность. В городе, где ты находишься, Сонк, есть люди, коим ведомы нужные мне слова... вот погоди.

Он порылся в мозгу у нескольких человек. Потом продолжил:

- При жизни моего прародителя люди научились расщеплять атом. Появилась... гм... вторичная радиация. Она оказала влияние на гены и хромосомы некоторых мужчин и женщин... у нас, Хогбенов, мутация доминантная. Вот потому мы и мутанты.

- То же самое говорил Роджер Бэкон, точно? - припомнил я.

- Так. Но он был дружелюбен и хранил молчание. Кабы в те дни люди дознались о нашем могуществе, нас сожгли бы на костре. Даже сегодня открываться небезопасно. Под конец... ты ведь знаешь, что воспоследует под конец, Сонк.

- Да, дедуля, - подтвердил я, потому что и в самом деле знал.

- Вот тут-то и заковыка. По-видимому, люди вновь расщепили атом. Оттого и распознали урановый котел. Его надлежит уничтожить; он не должен попасть на глаза людям. Но нам нужна энергия. Не много, а все же. Легче всего получить ее от уранового котла, но теперь им нельзя пользоваться. Сонк, вот что надо сделать, чтобы нам с малышом хватило энергии.

Он растолковал мне, что надо сделать.

Тогда я взял да и сделал.

Стоит мне глаза скосить, как я начинаю видеть интересные картинки. Взять хоть решетку на окнах. Она дробится на малюсенькие кусочки, и все кусочки бегают взад-вперед как шальные. Я слыхал, это атомы. До чего же они веселенькие - суетятся, будто спешат к воскресной проповеди. Ясное дело, ими легко жонглировать, как мячиками. Посмотришь на них пристально, выпустишь что-то такое из глаз - они сгрудятся, а это смешно до невозможности. По первому разу я ошибся и нечаянно превратил железные прутья в золотые. Пропустил, наверное, атом. Зато после этого я научился и превратил прутья в ничто. Выкарабкался наружу, а потом обратно превратил их в железо. Сперва удостоверился, что мистер Армбрестер спит. В общем, легче легкого.

Нас поместили на седьмом этаже большого здания - наполовину мэрии, наполовину тюрьмы. Дело было ночью, меня никто не заметил. Я и улетел. Один раз мимо меня прошмыгнула сова - думала, я в темноте не вижу, а я в нее плюнул. Попал, между прочим.

С урановым котлом я справился. Вокруг него полно было охраны с фонарями, но я повис в небе, куда часовые не могли досягнуть, и занялся делом. Для начала разогрел котел так, что штуки, которые мистер Армбрестер называет графитовыми замедлителями, превратились в ничто, исчезли. После этого можно было без опаски заняться... ураном-235, так, что ли? Я и занялся, превратил его в свинец. В самый хрупкий. До того хрупкий, что его сдуло ветром. Вскорости ничего не осталось.

Тогда я полетел вверх по ручью. Воды в нем была жалкая струйка, а дедуля объяснил, что нужно гораздо больше. Слетал я к вершинам гор, но и там ничего подходящего не нашел. А дедуля заговорил со мной. Сказал, что малыш плачет. Надо было, верно, сперва найти источник энергии, а уж потом рушить урановый котел.

Оставалось одно - наслать дождь.

Насылать дождь можно по-разному, но я решил просто заморозить тучу. Пришлось спуститься на землю, побыстрому смастерить аппаратик, а потом лететь высоко вверх, где есть тучи; времени убил порядком, зато довольно скоро грянула буря и хлынул дождь. Но вода не пошла вниз по ручью. Искал я, искал, обнаружил место, где у ручья дно провалилось. Видно, под руслом тянулись подземные пещеры. Я скоренько законопатил дыры. Стоит ли удивляться, что в ручье столько лет нет воды, о которой можно говорить всерьез? Я все уладил.

Но ведь дедуле требовался постоянный источник, я и давай кругом шарить, пока не разыскал большие родники. Я их вскрыл. К тому времени дождь лил как из ведра. Я завернул проведать дедулю.

Часовые разошлись по домам - надо полагать, малыш их вконец расстроил, когда начал плакать. По словам дедули, все они заткнули уши пальцами и с криком бросились врассыпную. Я, как велел дедуля, осмотрел и кое-где починил водяное колесо. Ремонт там был мелкий. Сто лет назад вещи делали на совесть, да и дерево успело стать мореным. Я любовался колесом, а оно вертелось все быстрее - ведь вода в ручье прибывала... да что я - в ручье! Он стал рекой.

Но дедуля сказал, это что, видел бы я Апписву дорогу, когда ее прокладывали.

Его и малыша я устроил со всеми удобствами, потом улетел назад в Пайпервилл. Близился рассвет, а я не хотел, чтобы меня заметили. На обратном пути плюнул в голубя.

В мэрии был переполох. Оказывается, исчезли мамуля, папуля и Лемюэл. Я-то знал, как это получилось. Мамуля в мыслях переговорила со мной, велела идти в угловую камеру, там просторнее. В той камере собрались все наши. Только невидимые.

Да, чуть не забыл: я ведь тоже сделался невидимым, после того как пробрался в свою камеру, увидел, что мистер Армбестер все еще спит, и заметил переполох.

- Дедуля мне дал знать, что творится, - сказала мамуля. - Я рассудила, что не стоит пока путаться под ногами. Сильный дождь, да?

- Будьте уверены, - ответил я. - А почему все так волнуются?

- Не могут понять, что с нами сталось, - объяснила мамуля. - Как только шум стихнет, мы вернемся домой. Ты, надеюсь, все уладил?

- Я сделал все, как дедуля велел... - начал было я, и вдруг из коридора послышались вопли. В камеру вкатился матерый жирный енот с охапкой прутьев. Он шел прямо, прямо, пока не уперся в решетку. Тогда он сел и начал раскладывать прутья, чтоб разжечь огонь. Взгляд у него был ошалелый, поэтому я догадался, что Лемюэл енота загипнотизировал.

Под дверью камеры собралась толпа. Нас-то она, само собой, не видела, зато глазела на матерого енота. Я тоже глазел, потому что до сих пор не могу сообразить, как Лемюэл сдирает с енотов шкурку. Как они разводят огонь, я и раньше видел (Лемюэл умеет их заставить), но почему-то ни разу не был рядом, когда еноты раздевались

догола - сами себя свежевали. Хотел бы я на это посмотреть.

Но не успел енот начать, один из полисменов цап его в сумку - и унес; так я и не узнал секрета. К тому времени рассвело. Откуда-то непрерывно доносился рев, а один раз я различил знакомый голос.

- Мамуля, - говорю, - это, похоже, мистер Армбрестер. Пойду погляжу, что там делают с бедолагой.

- Нам домой пора, - уперлась мамуля. - Надо выпустить дедулю и малыша. Говоришь, вертится водяное колесо?

- Да, мамуля, - говорю. - Теперь электричества вволю.

Она пошарила в воздухе, нащупала папулю и стукнула его.

- Проснись!

- Пропусти рюмашку, - завел опять папуля.

Но она его растолкала и объявила, что мы идем домой. А вот разбудить Лемюэла никто не в силах. В конце концов мамуля с папулей взяли Лемюэла за руки и за ноги и вылетели с ним в окно (я развеял решетку в воздухе, чтоб они пролезли).

Дождь все лил, но мамуля сказала, что они не сахарные, да и я пусть лечу следом, не то мне всыплют пониже спины.

- Ладно, мамуля, - поддакнул я, но на самом деле и не думал лететь. Я остался выяснить, что делают с мистером Армбрестером.

Его держали в той же ярко освещенной комнате. У окна, с самой подлой миной, стоял мистер Гэнди, а мистеру Армбрестеру закатали рукав, вроде бы стеклянную иглу собирались всадить. Ну, погодите! Я тут же сделался видимым.

- Не советую, - сказал я.

- Да это же младший Хогбен! - взвыл кто-то. - Хватай его!

Меня схватили. Я позволил. Очень скоро я уже сидел на стуле с закатанным рукавом, а мистер Гэнди щерился на меня по-волчьи. - Обработайте его наркотиком правды, - сказал он. - А бродягу теперь не стоит допрашивать.

Мистер Армбрестер, какой-то пришибленный, твердил:
- Куда делся Сонк, я не знаю! А знал бы - не сказал бы...

Ему дали по шее.

Мистер Гэнди придвинул лицо чуть ли не к моему носу.

- Сейчас мы узнаем всю правду об урановом котле, - объявил он. - Один укол, и ты все выложишь. Понятно?

Воткнули мне в руку иглу и впрыснули лекарство. Щекотно стало.

Потом начали расспрашивать. Я сказал, что знать ничего не знаю. Мистер Гэнди распорядился сделать мне еще один укол. Сделали.

Совсем невтерпеж стало от щекотки.

Тут кто-то вбежал в комнату - и в крик.

- Плотину прорвало! - орет. - Гэнди-плотину! В Южной долине затоплена половина ферм!

Мистер Гэнди попятился и завизжал:

- Вы с ума сошли! Не может быть! В Большой Медведице уже сто лет нет воды!

Потом все сбились в кучку и давай шептаться. Что-то насчет образчиков. И внизу уже толпа собралась.

- Вы должны их успокоить, - сказал кто-то мистеру Гэнди. - Они кипят от возмущения. Посевы загублены...

- Я их успокою, - заверил мистер Гэнди. Доказательств никаких. Эх, как раз за неделю до выборов!

Он выбежал из комнаты, за ним бросились остальные. Я встал со стула и почесался. Лекарство, которым меня накачали, дико зудело под кожей. Я обозлился на мистера Гэнди.

- Живо! - сказал мистер Армбрестер. - Давай уносить ноги. Сейчас самое время.

Мы унесли ноги через боковой вход. Это было легко. Подошли к парадной двери, а там под дождем куча народу мокнет. На ступенях суда стоит мистер Гэнди, все с тем же подлым видом, лицом к лицу с рослым, плечистым парнем, который размахивает обломком камня.

- У каждой плотины свой предел прочности, - объяснял мистер Гэнди, но рослый парень взревел и замахнулся камнем над его головой.

- Я знаю, где хороший бетон, а где плохой! - прогремел он. - Тут сплошной песок! Да эта плотина и галлона воды не удержит!

Мистер Гэнди покачал головой.

- Возмутительно! - говорит. - Я потрясен не меньше, чем вы. Разумеется, мы целиком доверяли подрядчикам. Если строительная компания "Эджекс" пользовалась некондиционными материалами, мы взыщем с нее по суду.

В эту минуту я до того устал чесаться, что решил принять меры. Так я и сделал.

Плечистый парень отступил на шаг и ткнул пальцем в мистера Гэнди.

- Вот что, - говорит. - Ходят слухи, будто строительная компания "Эджекс" принадлежит вам. Это правда?

Мистер Гэнди открыл рот и снова закрыл. Он чуть заметно вздрогнул.

- Да, - говорит, - я ее владелец.

Надо было слышать вопль толпы.

Плечистый парень аж задохнулся.

- Вы сознались? Может быть, сознаетесь и в том, что знали, что плотина никуда не годится, а? Сколько вы нажили на строительстве?

- Одиннадцать тысяч долларов, - ответил мистер Гэнди. - Это чистая прибыль, после того как я выплатил долю шерифу, олдермену* и...

Но тут толпа двинулась вверх по ступенькам и мистера Гэнди не стало слышно.

- Так, так, - сказал мистер Армбрестер. - Редкое зрелище. Ты понял, что это означает, Сонк? Гэнди сошел с ума. Не иначе. Но на выборах победит партия реформ, она прогонит мошенников, и для меня снова настанет приятная жизнь в Пайпервилле. Пока не подамся на юг. Как ни странно, я нашел у себя в кармане деньги. Пойдем выпьем, Сонк?

- Нет, спасибо, - ответил я. - Мамуля рассердится: она ведь не знает, куда я делся. А больше не будет неприятностей, мистер Армбрестер?

- В конце концов когда-нибудь будут, - сказал он, - но очень не скоро. Смотри-ка, старикашку Гэнди ведут в тюрьму! Скорее всего, хотят защитить от разъяренной толпы. Это надо отпраздновать, Сонк. Ты не передумал... Сонк! Ты где?

Но я стал невидимым.

Ну, вот и все. Под кожей у меня больше не зудело. Я улетел домой и помог наладить гидроэлектростанцию на водяном колесе. Со временем наводнение схлынуло, но с тех пор по руслу течет полноводная река, потому что в истоках ее я все устроил как надо. И зажили мы тихо и спокойно, как любим. Для нас такая жизнь безопаснее. Дедуля сказал, что наводнение было законное. Напомнило ему то, про которое рассказывал еще его дедуля. Оказывается, при жизни дедулиного дедули были урановые котлы и многое другое, но очень скоро все это вышло из повиновения и случился настоящий потоп. Дедулиному дедуле пришлось бежать без оглядки. С того дня и до сих пор про его родину никто и слыхом не слыхал; надо понимать, в Атлантиде все утонули. Впрочем, подумаешь, важность, какие-то иностранцы.

Мистера Гэнди упрятали в тюрьму. Так и не узнали, что заставило его во всем сознаться; может, в нем совесть заговорила. Не думаю, чтоб из-за меня. Навряд ли. А все же...

---

*Член городского управления. (Примеч. ред.)

Помните тот фокус, что показал мне папуля, - как можно коротнуть пространство и перекачать маисовую из его крови в мою? Так вот, мне надоел зуд под кожей, где толком и не почешешься, и я сам проделал такой фокус. От впрыснутого лекарства, как бы оно ни называлось, меня одолел зуд. Я маленько искривил пространство и перекачал эту пакость в кровь к мистеру Гэнди, когда он стоял на ступеньках суда. У меня зуд тут же прошел, но у мистера Гэнди, он, видно, начался сильный. Так и надо подлецу!

Интересно, не от зуда ли он всю правду выложил?

ДО СКОРОГО!

Старый Енси, пожалуй, самый подлый человечишка во всем мире. Свет не видел более наглого, закоренелого, тупого, отпетого, гнусного негодяя. То, что с ним случилось, напомнило мне фразу, услышанную однажды от другого малого, - много воды с тех пор утекло. Я уж позабыл, как звали того малого, кажется, Людовик, а может, и Тамерлан; но он как-то сказал, что, мол, хорошо бы у всего мира была только одна голова, тогда ее легко было бы снести с плеч.

Беда Енси в том, что он дошел до ручки: считает, что весь мир ополчился против него, и разрази меня гром, если он не прав. С этим Енси настали хлопотные времена даже для нас, Хогбенов.

Енси-то типичный мерзавец. Вообще вся семейка Тарбеллов не сахар, но Енси даже родню довел до белого каления. Он живет в однокомнатной хибарке на задворках у Тарбеллов и никого к себе не подпускает, разве только позволит всунуть продукты в полукруглую дырку, выпиленную в двери.

Лет десять назад делали новое межевание, что ли, и вышло так, что из-за какой-то юридической заковыки Енси должен был заново подтвердить свои права на землю. Для этого ему надо было прожить на своем участке с год. Примерно в те же дни он поругался с женой, выехал за пределы участка и сказал, что, дескать, пусть земля достается государству, пропади все пропадом, зато он проучит всю семью. Он знал, что жена пропускает иногда рюмочку-другую на деньги, вырученные от продажи репы, и трясется, как бы государство не отняло землицу.

Оказалось, эта земля вообще никому не нужна. Она вся в буграх и завалена камнями, но жена Енси страшно

переживала и упрашивала мужа вернуться, а ему характер не позволял.

В хибарке Енси Тарбелл обходился без элементарных удобств, но он ведь тупица и к тому же пакостник. Вскорости миссис Тарбелл померла: она кидалась камнями в хибарку из-за бугра, а один камень ударил в бугор и рикошетом попал ей в голову. Остались восемь Тарбеллов сыновей да сам Енси. Но и тогда Енси с места не сдвинулся.

Может, там бы он и жил, пока не превратился бы в мощи и не вознесся на небо, но только его сыновья затеяли с нами склоку. Мы долго терпели - ведь они не могли нам повредить. Но вот гостивший у нас дядя Лес разнервничался и заявил, что устал перепелом взлетать под небеса всякий раз, как в кустах хлопнет ружье. Шкурато у него после ран быстро заживает, но он уверял, что страдает головокружениями, оттого что на высоте двух-трех миль воздух разреженный.

Так или иначе травля все продолжалась, и никто из нас от нее не страдал, что особенно бесило восьмерых братьев Тарбеллов. И однажды на ночь глядя они гурьбой вломились в наш дом с оружием в руках. А нам скандалы были ни к чему.

Дядя Лем - он близнец дяди Леса, но только родился намного позже - давно впал в зимнюю спячку где-то в дупле, так что его все это не касалось. Но вот малыша, дай ему бог здоровья, стало трудновато таскать взад-вперед, ведь ему уже исполнилось четыреста лет и он для своего возраста довольно крупный ребенок - пудов восемь будет.

Мы все могли попрятаться или уйти на время в долину, в Пайпервилл, но ведь в мезонине у нас дедуля, да и к прохвессору, которого мы держим в бутылке, я привязался. Не хотелось его оставлять - ведь в суматохе бутылка, чего доброго, разобьется, если восьмеро братьев Тарбеллов налижутся как следует.

Прохвессор славный, хоть в голове у него винтика не хватает. Все твердит, что мы мутанты (ну и словечко!), и треплет языком про каких-то своих знакомых, которых называет хромосомами. Они как будто попали, по словам прохвессора, под жесткое облучение и народили потомков, не то доминантную мутацию, не то Хогбенов, но я вечно это путаю с заговором круглоголовых - было такое у нас в Старом Свете. Ясное дело, не в **настоящем** Старом Свете, тот давно затонул.

И вот, раз уж дедуля велел нам молчать в тряпочку, мы дождались, пока восьмеро братьев Тарбеллов высадят дверь, а потом все сделались невидимыми, в том числе и

малыш. И стали ждать, чтобы все прошло стороной, но не тут-то было.

Побродив по дому и вдоволь натешась, восьмеро братьев Тарбеллов спустились в подвал. Это было хуже, потому что застигло нас врасплох. Малыш-то стал невидимым, и цистерна, где мы его держим, тоже, но ведь цистерна не может тягаться с нами проворством.

Один из восьмерки Тарбеллов со всего размаху налетел на цистерну и как следует расшиб голень. Ну и ругался же он! Нехорошо, когда ребенок слышит такие слова, но в ругани наш дедуля кому угодно дает сто очков вперед, так что я-то ничему новому не научился.

Он, значит, ругался на чем свет стоит, прыгал на одной ноге, и вдруг ни с того ни с сего дробовик выстрелил. Там, верно, курок на волоске держался. Выстрел разбудил малыша, тот перепугался и завопил. Такого вопля я еще не слыхал, а ведь мне приходилось видеть, как мужчины бледнеют и начинают трястись, когда малыш орет. Наш прохвессор как-то сказал, что малыш издает инфразвуки. Надо же!

В общем, семеро братьев Тарбеллов из восьми тут же отдали богу душу, даже пикнуть не успели. Восьмой только начинал спускаться вниз по ступенькам; он затрясся мелкой дрожью, повернулся - и наутек. У него, верно, голова пошла кругом, и он не соображал, куда бежит. Окончательно сдрейфив, он очутился в мезонине и наткнулся прямехонько на дедулю.

И вот ведь грех: дедуля до того увлекся, поучая нас уму-разуму, что сам напрочь забыл стать невидимым. По-моему, один лишь взгляд, брошенный на дедулю, прикончил восьмого Тарбелла. Бедняга повалился на пол, мертвый как доска. Ума не приложу, с чего бы это, хоть и должен признать, что в те дни дедуля выглядел не лучшим образом. Он поправлялся после болезни.

- Ты не пострадал, дедуля? - спросил я, слегка встряхнув его. Он меня отчехвостил.

- А я-то при чем, - возразил я.

- Кровь Христова! - воскликнул он, разъяренный. - И этот сброд, эти лицемерные олухи вышли из моих чресел! Положи меня обратно, юный негодяй.

Я снова уложил его на дерюжную подстилку, он поворочался с боку на бок и закрыл глаза. Потом объявил, что хочет вздремнуть и пусть его не будят, разве что настанет судный день. При этом он нисколько не шутил.

Пришлось нам самим поломать голову над тем, как теперь быть. Мамуля сказала, что мы не виноваты, в наших силах только погрузить восьмерых братьев Тарбеллов в тачку и отвезти их домой, что я и исполнил.

Только в пути я застеснялся, потому что не мог придумать, как бы повежливее рассказать о случившемся. Да и мамуля наказывала сообщить эту весть осторожно. "Даже хорек способен чувствовать", - повторяла она.

Тачку с братьями Тарбеллами я оставил в кустах, сам поднялся на бугор и увидел Енси: он грелся на солнышке, книгу читал. Я стал медленно прохаживаться перед ним, насвистывая "Янки-Дудл". Енси не обращал на меня внимания.

Енси - маленький, мерзкий, грязный человечишка с раздвоенной бородой. Росту в нем метра полтора, не больше. На усах налипла табачная жвачка, но, может, я несправедлив к Енси, считая его простым неряхой. Говорят, у него привычка - плевать себе в бороду, чтобы на нее садились мухи: он их ловит и обрывает им крылышки.

Енси не глядя поднял камень и швырнул его, чуть не угодив мне в голову.

- Заткни пасть и убирайся, - сказал он.

- Воля ваша, мистер Енси, - ответил я с облегчением и совсем было собрался. Но тут же вспомнил, что мамуля, чего доброго, отхлещет меня кнутом, если я не выполню ее наказа, тихонько сделал круг, зашел Енси за спину и заглянул ему через плечо - посмотреть, что он там читает. Потом я еще капельку передвинулся и встал с ним лицом к лицу.

Он захихикал себе в бороду.

- Красивая у вас картинка, мистер Енси, - заметил я.

Он все хихикал и, видно, на радостях подобрел.

- Уж это точно! - сказал он и хлопнул себя кулаком по костлявому заду. - Ну и ну! С одного взгляда захмелеешь!

Он читал не книгу. Это был журнал (такие продаются у нас в Пайпервилле), раскрытый на картинке. Художник, который ее сделал, умеет рисовать. Правда, не так здорово, как тот художник, с которым я когда-то водился в Англии. Того звали Крукшенк* или Крукбек, если не ошибаюсь.

Так или иначе, у Енси тоже была стоящая картинка. На ней были нарисованы люди, много-много людей, все на одно лицо и выходят из большой машины, которая - мне сразу стало ясно - ни за что не будет работать. Но все люди были одинаковые, как горошины в стручке. Еще там красное пучеглазое чудище хватало девушку - уж не знаю зачем. Красивая картинка.

- Хорошо бы такое случалось в жизни, - сказал Енси.

---

*Джордж Крукшенк - иллюстратор Диккенса. (Примеч. пер.)

- Это не так уж трудно, - объяснил я. - Но вот эта штука неправильно устроена. Нужен только умывальник да кое-какой металлический лом.

- А?

- Вот эта штука, - повторил я. - Аппарат, что превращает одного парня в целую толпу парней. Он неправильно устроен.

- Ты, надо понимать, умеешь лучше? - окрысился он.

- Приходилось когда-то, - ответил я. - Не помню, что там папуля задумал, но он был обязан одному человеку, по имени Кадм. Кадму срочно потребовалось много воинов, и папуля устроил так, что Кадм мог разделиться на целый полк солдат. Подумаешь! Я и сам так умею.

- Да что ты там бормочешь? - удивился Енси. - Ты не туда смотришь. Я-то говорю об этом красном чудище. Видишь, что оно собирается сделать? Откусить этой красотке голову, вот что. Видишь, какие у него клыки? Хс-хс-хе. Жаль, что я сам не это чудище. Уж я бы тьму народу сожрал.

- Вы бы ведь не стали жрать свою плоть и кровь, бьюсь об заклад, - сказал я, почуяв способ сообщить весть осторожно.

- Биться об заклад грешно, - провозгласил он. - Всегда плати долги, никого не бойся и не держи пари. Азартные игры - грех. Я никогда не бился об заклад и всегда платил долги. - Он умолк, почесал в баках и вздохнул. - Все, кроме одного, - прибавил он хмуро.

- Что же это за долг?

- Да задолжал я одному малому. Беда только, с тех пор никак не могу его разыскать. Лет тридцать тому будет. Я тогда, помню, налакался вдрызг и сел в поезд. Наверно, еще и ограбил кого-то, потому что у меня оказалась пачка денег - коню пасть заткнуть хватило бы. Как поразмыслить, этого-то я и не пробовал. Вы держите лошадей?

- Нет, сэр, - ответил я. - Но мы говорили о вашей плоти и крови.

- Помолчи, - оборвал меня старый Енси. - Так вот, и повеселился же я! - Он слизнул жвачку с усов. - Слыхал о таком городе - Нью-Йорк? Речь там у людей такая, что слова не разберешь. Там-то я и повстречал этого малого. Частенько я жалею, что потерял его из виду. Честному человеку, вроде меня, противно умирать, не разделавшись с долгами.

- А у ваших восьмерых сыновей были долги? - спросил я.

Он покосился на меня, хлопнул себя по тощей ноге и кивнул.

- Теперь понимаю, - говорит. - Ты сын Хогбенов?

- Он самый. Сонк Хогбен.

- Как же, слыхал про Хогбенов. Все вы колдуны, точно?

- Нет, сэр.

- Уж я что знаю, то знаю. Мне о вас все уши прожужжали. Нечистая сила, вот вы кто. Убирайся-ка отсюда подобру-поздорову, живо!

- Я-то уже иду. Хочу только сказать, что, к сожалению, вы бы не могли сожрать свою плоть и кровь, даже если бы стали таким чудищем, как на картинке.

- Интересно, кто бы мне помешал!

- Никто, - говорю, - но все они уже в раю.

Тут старый Енси расхихикался. Наконец, переведя дух, он сказал:

- Ну, нет! Эти ничтожества попали прямой наводкой в ад, и поделом им. Как это произошло?

- Несчастный случай, - говорю. - Семерых, если можно так выразиться, уложил малыш, а восьмого - дедуля. Мы не желали вам зла.

- Да и не причинили, - опять захихикал Енси.

- Мамуля шлет извинения и спрашивает, что делать с останками. Я должен отвезти тачку домой.

- Увози их. Мне они не нужны. Туда им и дорога, - отмахнулся Енси. Я сказал "ладно" и собрался в путь. Но тут он заорал, что передумал. Велел свалить трупы с тачки. Насколько я понял из его слов (разобрал я немного, потому что Енси заглушал себя хохотом), он намерен был попинать их ногами.

Я сделал, как велено, вернулся домой и все рассказал мамуле за ужином - были бобы, треска и домашняя настойка. Еще мамуля напекла кукурузных лепешек. Ох, и вкуснотища! Я откинулся на спинку стула, рассудив, что заслужил отдых, и задумался, а внутри у меня стало тепло и приятно. Я старался представить, как чуйствует себя боб в моем желудке. Но боб, наверно, вовсе бесчуйственный.

Не прошло и получасу, как на дворе завизжала свинья, как будто ей ногой наподдали, и кто-то постучался в дверь.

Это был Енси. Не успел он войти, как выудил из штанов цветной носовой платок и давай шмыгать носом. Я посмотрел на мамулю круглыми глазами. Ума, мол, не приложу, в чем дело. Папуля с дядей Лесом пили маисовую водку и сыпали шуточками в углу. Сразу видно было, что им хорошо: стол между ними так и трясся. Ни папуля, ни дядя не притрагивались к столу, но он все равно ходил ходуном - старался наступить то папуле, то дяде на ногу. Папуля с дядей раскачивали стол мысленно. Это у них такая игра.

Решать пришлось мамуле, и она пригласила старого Енси посидеть, отведать бобов. Он только всхлипнул.

- Что-нибудь не так, сосед? - вежливо спросила мамуля.

- Еще бы, - ответил Енси, шмыгая носом. - Я совсем старик.

- Это уж точно, - согласилась мамуля. - Может, и помоложе Сонка, но все равно на вид вы дряхлый старик.

- А? - вытаращился на нее Енси. - Сонка? Да Сонку от силы семнадцать, хоть он и здоровый вымахал.

Мамуля смутилась.

- Разве я сказала Сонк? - быстро поправилась она. - Я имела в виду дедушку Сонка. Его тоже зовут Сонк.

Дедулю зовут вовсе не Сонк; он и сам не помнит своего настоящего имени. Как его только не называли в старину - пророком Илией и по-всякому. Я даже не уверен, что в Атлантиде, откуда дедуля родом, вообще были в ходу имена. По-моему, там людей называли цифрами. Впрочем, неважно.

Старый Енси, значит, все шмыгал носом, стонал и охал, прикидывался, - мол, мы убили восьмерых его сыновей и теперь он один-одинешенек на свете. Правда, получасом раньше его это не трогало, я ему так и выложил. Но он заявил, что не понял тогда, о чем это я толкую, и приказал мне заткнуться.

- У меня семья могла быть еще больше, - сказал он. - Было еще двое ребят, Зеб и Робби, да я их как-то пристрелил. Косо на меня посмотрели. Но все равно, вы, Хогбены, не имели права убивать моих ребятишек.

- Мы не нарочно, - ответила мамуля. - Просто несчастный случай вышел. Мы будем рады хоть как-нибудь возместить вам ущерб.

- На это-то я и рассчитывал, - говорит старый Енси. - Вам уж не отвертеться после всего, что вы натворили. Даже если моих ребят убил малыш, как уверяет Сонк, а ведь он у вас враль. Тут в другом дело: я рассудил, что все вы, Хогбены, должны держать ответ. Но, пожалуй, мы будем квиты, если вы окажете мне одну услугу. Худой мир лучше доброй ссоры.

- Все что угодно, - сказала мамуля, - лишь бы это было в наших силах.

- Сущая безделица, - заявляет старый Енси. - Пусть меня на время превратят в целую толпу.

- Да ты что, Медеи наслушался? - вмешался папуля, спьяну не сообразив, что к чему. - Ты ей не верь. Это она с Пелеем злую шутку сыграла. Когда его зарубили, он так и остался мертвым; вовсе не помолодел, как она ему сулила.

- Чего? - Енси вынул из кармана старый журнал и сразу раскрыл его на красивой картинке. - Вот это самое. Сонк

говорит, что вы так умеете. Да и все кругом знают, что вы, Хогбены, колдуны. Сонк сказал, вы как-то устроили такое одному голодранцу.

- Он, верно, о Кадме, - говорю.

Енси помахал журналом. Я заметил, что глаза у него стали масленые.

- Тут все видно, - сказал он с надеждой. - Человек входит в эту штуковину, а потом только знай выходит оттуда десятками, снова и снова. Колдовство. Уж я-то про вас, про Хогбенов, все знаю. Может, вы и дурачили городских, но меня вам не одурачить. Все вы до одного колдуны.

- Какое там, - вставил папуля из своего угла. - Мы уже давно не колдуем.

- Колдуны, - упорствовал Енси. - Я слыхал всякие истории. Даже видал, как он, - и в дядю Леса пальцем тычет, - летает по воздуху. Если это не колдовство, то я уж ума не приложу, что тогда колдовство.

- Неужели? - спрашиваю. - Нет ничего проще. Это когда берут чуточку...

Но мамуля велела мне придержать язык.

- Сонк говорит, вы умеете, - продолжал Енси. - А я сидел и листал этот журнал, картинки смотрел. Пришла мне в голову хорошая мысль. Спору нет, всякий знает, что колдун может находиться в двух местах сразу. А может он находиться сразу в трех местах?

- Где два, там и три, - сказала мамуля. - Да только никаких колдунов нет. Точь-в-точь как эта самая хваленая наука, о которой кругом твердят. Все досужие люди из головы выдумывают. На самом деле так не бывает.

- Так вот, - заключил Енси, откладывая журнал, - где двое или трое, там и целое скопище. Кстати, сколько всего народу на Земле?

- Два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать, - говорю.

- Тогда...

- Стойте, - говорю, - теперь два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать. Славный ребеночек, оторва.

- Мальчик или девочка? - полюбопытствовала мамуля.

- Мальчик, - говорю.

- Так пусть я окажусь сразу в двух миллиардах и сколько-то там еще местах сразу. Мне бы хоть на полминутки. Я не жадный. Да и хватит этого.

- Хватит на что? - поинтересовалась мамуля.

Енси хитренько посмотрел на меня исподлобья.

- Есть у меня забота, - ответил он. - Хочу разыскать того малого. Только вот беда: не знаю, можно ли его теперь найти. Времени уж прошло порядком. Но мне это позарез нужно. Мне земля пухом не будет, если я не рассчитаюсь со всеми долгами, а я тридцать лет, как хожу у того малого в должниках. Надо снять с души грех.

- Это страсть как благородно с вашей стороны, сосед, - похвалила мамуля.

Енси шмыгнул носом и высморкался в рукав.

- Тяжкая будет работа, - сказал он. - Уж очень долго я ее откладывал на потом. Я-то собирался при случае отправить восьмерых моих ребят на поиски того малого, так что, сами понимаете, я вконец расстроился, когда эти никудышники вдруг сгинули ни с того ни с сего. Как мне теперь искать того малого?

Мамуля с озабоченным видом пододвинула Енси кувшин.

- Ух, ты! - сказал он, отхлебнув здоровенную порцию. - На вкус - прямо адов огонь. Ух, ты! - Налил себе по новой, перевел дух и хмуро глянул на мамулю.

- Если человек хочет спилить дерево, а сосед сломал его пилу, то сосед, я полагаю, должен отдать ему взамен свою. Разве не так?

- Конечно, так, - согласилась мамуля. - Только у нас нет восьми сыновей, которых можно было бы отдать взамен.

- У вас есть кое-что получше, - сказал Енси. - Злая черная магия, вот что у вас есть. Я не говорю ни да, ни нет. Дело ваше. Но, по-моему, раз уж вы убили этих бездельников и теперь все мои планы летят кувырком, вы должны хоть как-то мне помочь. Пусть я только найду того малого и рассчитаюсь с ним, больше мне ничего не надо. Так вот, разве не святая правда, что вы можете размножить меня, превратить в целую толпу моих двойников?

- Да, наверно, правда, - подтвердила мамуля.

- А разве не правда, что вы можете устроить, чтобы каждый из этих прохвостов двигался так быстро, что увидел бы всех людей во всем мире?

- Это пустяк, - говорю.

- Уж тогда бы, - сказал Енси, - я бы запросто разыскал того малого и выдал бы ему все, что причитается. - Он шмыгнул носом. - Я честный человек. Не хочу помирать, пока не расплачусь с долгами. Черт меня побери, если я согласен гореть в преисподней, как вы, грешники.

- Да полно, - сморщилась мамуля. - Пожалуй, сосед, мы вас выручим, если вы это так близко к сердцу принимаете. Да, сэр, мы все сделаем так, как вам хочется.

Енси заметно приободрился.

- Ей-богу? - спросил он. - Честное слово? Поклянитесь.

Мамуля как-то странно на него посмотрела, но Енси снова вытащил платок, так что нервы у нее не выдержали и она дала торжественную клятву. Енси повеселел.

- А долго надо произносить заклинание? - спрашивает.

- Никаких заклинаний, - говорю. - Я же объяснял, нужен только металлолом да умывальник. Это недолго.

- Я скоро вернусь. - Енси хихикнул и выбежал, хохоча уже во всю глотку. Во дворе он захотел пнуть ногой цыпленка, промазал и захохотал пуще прежнего. Видно, хорошо у него стало на душе.

- Иди же, смастери ему машинку, пусть стоит наготове, - сказала мамуля. - Пошевеливайся.

- Ладно, мамуля, - говорю, а сам застыл на месте, думаю. Мамуля взяла в руки метлу.

- Знаешь, мамуля...

- Ну?

- Нет, ничего. - Я увернулся от метлы и ушел, а сам все старался разобраться, что же меня грызет. Что-то грызло, а что, я никак не мог понять. Душа не лежала мастерить машинку, хотя ничего зазорного в ней не было.

Я, однако, отошел за сарай и занялся делом. Минут десять потратил - правда, не очень спешил. Потом вернулся домой с машинкой и сказал: "Готово". Папуля велел мне заткнуться.

Что ж, я уселся и стал разглядывать машинку, а на душе у меня кошки скребли. Загвоздка была в Енси. Наконец я заметил, что он позабыл свой журнал, и начал читать рассказ под картинкой - думал, может, пойму что-нибудь. Как бы не так.

В рассказе описывались какие-то чудные горцы, они будто бы умели летать. Это-то не фокус, непонятно было, всерьез ли писатель все говорит или шутит. По-моему, люди и так смешные, незачем выводить их еще смешнее, чем в жизни.

Кроме того, к серьезным вещам надо относиться серьезно. По словам прохвессора, очень многие верят в эту самую науку и принимают ее всерьез. У него-то всегда глаза разгораются, стоит ему завести речь о науке. Одно хорошо было в рассказе: там не упоминались девчонки. От девчонок мне становится как-то не по себе.

Толку от моих мыслей все равно не было, поэтому я спустился в подвал поиграть с малышом. Цистерна ему становится тесна. Он мне обрадовался. Замигал всеми четырьмя глазками по очереди. Хорошенький такой.

Но что-то в том журнале я вычитал, и теперь оно не давало мне покоя.

По телу у меня мурашки бегали, как давным-давно в Лондоне, перед большим пожаром. Тогда еще многие вымерли от страшной болезни.

Тут я вспомнил, как дедуля рассказывал, что его точно так же кинуло в дрожь, перед тем как Атлантиду затопило. Правда, дедуля умеет предвидеть будущее, хоть в этом нет ничего хорошего, потому что оно то и дело меняется. Я еще не умею предвидеть. Для этого надо вырасти. Но я нутром чуял что-то неладное, пусть даже ничего пока не случилось.

Я совсем было решился разбудить дедулю, так встревожился. Но тут у себя над головой я услышал шум. Поднялся в кухню, а там Енси распивает кукурузный самогон (мамуля поднесла). Только я увидел старого хрыча, как у меня опять появилось дурное предчувствие. Енси сказал: "Ух ты", поставил кувшин и спросил, готовы ли мы. Я показал на свою машинку и ответил, что вот она, как она ему нравится.

- Только и всего? - удивился Енси. - А сатану вы не призовете?

- Незачем, - отрезал дядя Лес. - И тебя одного хватит, галоша ты проспиртованная.

Енси был страшно доволен.

- Уж я таков, - откликнулся он. - Скользкий, как галоша, и насквозь проспиртован. А как она действует?

- Да просто делает из одного тебя много-много Енси, вот и все, - ответил я.

До сих пор папуля сидел тихо, но тут он, должно быть, подключился к мозгу какого-нибудь прохвессора, потому что вдруг понес дикую чушь. Сам-то он длинных слов сроду не знал.

Я тоже век бы их не знал, от них даже самые простые вещи запутываются.

- Человеческий организм, - заговорил папуля важно-преважно, - представляет собой электромагнитное устройство, мозг и тело испускают определенные лучи. Если изменить полярность на противоположную, то каждая ваша единица, Енси, автоматически притянется к каждому из ныне живущих людей, ибо противоположности притягиваются. Но прежде вы войдете в аппарат Сонка и вас раздробят...

- Но-но! - взвыл Енси.

- ... на базовые электронные матрицы, которые затем можно копировать до бесконечности, точно так же как можно сделать миллионы идентичных копий одного и того же портрета - негативы вместо позитивов.

Поскольку для электромагнитных волн земные расстояния ничтожны, каждую копию мгновенно притянет каждый из остальных жителей Земли, - продолжал папуля как заведенный. - Но два тела не могут иметь одни и те же координаты в пространстве - времени, поэтому каждую Енси-копию отбросит на расстояние полуметра от каждого человека.

Енси беспокойно огляделся по сторонам.

- Вы забыли очертить магический пятиугольник, - сказал он. - В жизни не слыхал такого заклинания. Вы ведь вроде не собирались звать сатану?

То ли потому, что Енси и впрямь похож был на сатану, то ли еще по какой причине, но только невмоготу мне стало терпеть - так скребло на душе. Разбудил я дедулю. Про себя, конечно, ну, и малыш подсобил - никто ничего не заметил. Тотчас же в мезонине что-то заколыхалось: это дедуля проснулся и приподнялся в постели. Я и глазом моргнуть не успел, как он давай нас распекать на все корки.

Брань-то слышали все, кроме Енси. Папуля бросил выпендриваться и закрыл рот.

- Олухи царя небесного! - гремел разъяренный дедуля. - Тунеядцы! Да будет вам ведомо: мне снились дурные сны, и надлежит ли тому дивиться? В хорошенькую ты влип историю, Сонк. Чутья у тебя нет, что ли? Неужто не понял, что замышляет этот медоточивый проходимец? Берись-ка за ум, Сонк, да поскорее, а не то ты и после совершеннолетия останешься сосунком. - Потом он прибавил что-то на санскрите. Дедуля прожил такой долгий век, что иногда путает языки.

- Полно, дедуля, - мысленно сказала мамуля, - что такого натворил Сонк?

- Все вы хороши! - завопил дедуля. - Как можно не сопоставить причину со следствием? Сонк, вспомни, что узрел ты в том бульварном журнальчике. С чего это Енси изменил намерения, когда чести в нем не больше, чем в старой сводне? Ты хочешь, чтобы мир обезлюдел раньше времени? Спроси-ка Енси, что у него в кармане штанов, черт бы тебя побрал!

- Мистер Енси, - спрашиваю, - что у вас в кармане штанов?

- А? - Он запустил лапу в карман и вытащил оттуда здоровенный ржавый гаечный ключ. - Ты об этом? Я его подобрал возле сарая. - А у самого морда хитрая-прехитрая.

- Зачем он вам? - быстро спросила мамуля.

Енси нехорошо так на нас посмотрел.

- Не стану скрывать, - говорит. - Я намерен трахнуть по макушке всех и каждого, до последнего человека в мире, и вы обещали мне помочь.

- Господи помилуй, - только и сказала мамуля.

- Вот так! - прыснул Енси. - Когда вы меня заколдуете, я окажусь везде, где есть хоть кто-нибудь еще, и буду стоять у человека за спиной. Уж тут-то я наверняка расквитаюсь. Один человек непременно будет тот малый, что мне нужен, и он получит с меня должок.

- Какой малый? - спрашиваю. - Про которого вы рассказывали? Которого встретили в Нью-Йорке? Я думал, вы ему деньги задолжали.

- Ничего такого я не говорил, - огрызнулся Енси. - Долг есть долг, будь то деньги или затрещина. Пусть не воображает, что мне можно безнаказанно наступить на мозоль, тридцать там лет или не тридцать.

- Он вам наступил на мозоль? - удивился папуля. - Только и всего?

- Ну да. Я тогда надравшись был, но помню, что спустился по каким-то ступенькам под землю, а там поезда сновали в оба конца.

- Вы были пьяны.

- Это точно, - согласился Енси. - Не может же быть, что под землей и вправду ходят поезда! Но тот малый мне не приснился, и как он мне на мозоль наступил - тоже, это ясно как божий день. До сих пор палец ноет. Ох, и разозлился я тогда. Народу было столько, что с места не сдвинуться, и я даже не разглядел толком того малого, который наступил мне на ногу.

Я было замахнулся палкой, но он был уже далеко. Так я и не знаю, какой он из себя. Может, он вообще женщина, но это неважно. Ни за что не помру, пока не уплачу все долги и не рассчитаюсь со всеми, кто поступал со мной по-свински. Я в жизни не спускал обидчику, а обижали меня почти все, знакомые и незнакомые.

Совсем взбеленился Енси. Он продолжал, не переводя духа:

- Вот и я подумал, что все равно не знаю, кто мне наступил на мозоль, так уж лучше бить наверняка, никого не обойти, ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка.

- Легче на поворотах, - одернул я его. - Тридцать лет назад нынешние дети еще не родились, и вы это сами знаете.

- А мне все едино, - буркнул Енси. - Я вот думал-думал, и пришла мне в голову страшная мысль: вдруг тот малый взял да и помер? Тридцать лет - срок немалый. Но потом я прикинул, что даже если и помер, мог ведь он сначала

жениться и обзавестись детьми. Если не суждено расквитаться с ним самим, я хоть с детьми его расквитаюсь. Грехи отцов... это из священного писания. Дам раза всем людям мира - тут уж не ошибусь.

- Хогбенам вы не дадите, - заявила мамуля. - Никто из нас не ездил в Нью-Йорк с тех пор, как вас еще на свете не было. То есть я хочу сказать, что мы там вообще не бывали. Так что нас вы сюда не впутывайте. А может, лучше возьмите миллион долларов? Или хотите стать молодым, или еще что-нибудь? Мы можем вам устроить, только откажитесь от своей злой затеи.

- И не подумаю, - ответил упрямый Енси. - Вы дали честное слово, что поможете.

- Мы не обязаны выполнять такое обещание, - начала мамуля, но тут дедуля с мезонина вмешался.

- Слово Хогбенов свято, - сказал он. - На том стоим. Надо выполнить то, что мы обещали этому психу. Но только то, что обещали, больше у нас нет перед ним никаких обязательств.

- Ага! - сказал я, смекнув, что к чему. - В таком случае... Мистер Енси, а что именно мы вам обещали, слово в слово?

Он повертел гаечный ключ у меня перед носом.

- Вы превратите меня ровно в стольких людей, сколько жителей на земле, и я встану рядом с каждым из них. Вы дали честное слово, что поможете мне. Не пытайтесь увильнуть.

- Да я и не пытаюсь, - говорю. - Надо только внести ясность, чтобы вы были довольны и ничему не удивлялись. Но есть одно условие. Рост у вас будет такой, как у человека, с которым вы стоите рядом.

- Чего?

- Это я устрою запросто. Когда вы войдете в машинку, в мире появятся два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать Енси. Теперь представьте, что один из этих Енси очутится рядом с двухметровым верзилой. Это будет не очень-то приятно, как по-вашему?

- Тогда пусть я буду трехметровый, - говорит Енси.

- Нет уж. Какого роста тот, кого навещает Енси, такого роста будет и сам этот Енси. Если вы навестили малыша ростом с полметра, в вас тоже будет только полметра. Надо по справедливости. Соглашайтесь, иначе все отменяется. И еще одно - сила у вас будет такая же, как у вашего противника.

Он, видно, понял, что я не шучу. Прикинул на руку гаечный ключ.

- Как я вернусь? - спрашивает.

- Это уж наша забота, - говорю. - Даю вам пять секунд. Хватит, чтобы опустить гаечный ключ, правда?

- Маловато.

- Если вы задержитесь, кто-нибудь успеет дать вам сдачи.

- И верно. - Сквозь корку грязи стало заметно, что Енси побледнел. - Пяти секунд с лихвой хватит.

- Значит, если мы это сделаем, вы будете довольны? Жаловаться не прибежите?

Он помахал гаечным ключом и засмеялся.

- Ничего лучшего не надо, - говорит. - Ох, и размозжу я им голову. Хе-хе-хе.

- Ну, становитесь сюда, - скомандовал я и показал, куда именно. - Хотя погодите. Лучше я сам сперва попробую, выясню, все ли в исправности.

Мамуля хотела было возразить, но тут ни с того ни с сего в мезонине дедуля зашелся хохотом. Наверно, опять заглянул в будущее.

Я взял полено из ящика, что стоял у плиты, и подмигнул Енси.

- Приготовьтесь, - сказал я. - Как только вернусь, вы в ту же минуту сюда войдете.

Я вошел в машинку, и она сработала как по маслу. Я и глазом моргнуть не успел, как меня расщепило на два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать Сонков Хогбенов.

Одного, конечно, не хватило, потому что я пропустил Енси, и, конечно, Хогбены ни в одной персписи паселения не значатся. Но вот я очутился перед всеми жителями всего мира, кроме семьи Хогбенов и самого Енси. Это был отчаянный поступок.

Никогда я не думал, что на свете столько разных физиономий! Я увидел людей всех цветов кожи, с бакенбардами и без, одетых и в чем мать родила, ужасно длинных и самых что ни на есть коротышек, да еще половину я увидел при свете солнца, а половину в темноте. У меня прямо голова кругом пошла.

Какой-то миг мне казалось, что я узнаю кое-кого из Пайпервилла, включая шерифа, но тот слился с дамой в бусах, которая целилась в кенгуру, а дама превратилась в мужчину, разодетого в пух и в прах, - он толкал речугу где-то в огромном зале.

Ну и кружилась же у меня голова.

Я взял себя в руки, да и самое время было, потому что все уже успели меня заметить. Им-то, ясное дело, показалось, что я с неба свалился, мгновенно вырос перед

ними, и... в общем, было с вами такое, чтобы два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать человск уставились вам прямо в глаза? Это просто тихий ужас. У меня из головы вылетело, что я задумал. Только я вроде будто слышал дедулин голос - дедуля велел пошевеливаться.

Вот я сунул полено, которое держал (только теперь это было два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать поленьев), в столько же рук, а сам его выпустил. Некоторые люди тоже сразу выпустили полено из рук, но большинство вцепились в него, ожидая, что будет дальше. Тогда я стал припоминать речь, которую собрался произнести, - сказать, чтобы люди ударили первыми, не дожидаясь, пока Енси взмахнет гаечным ключом.

Но уж очень я засмущался. Чудно как-то было. Все люди мира смотрели на меня в упор, и я стал такой стеснительный, что рта не мог раскрыть. В довершение всего дедуля завопил, что у меня осталась ровно секунда, так что о речи уже мечтать не приходилось. Ровно через секунду я вернусь в нашу кухню, а там старый Енси уже рвется в машинку и размахиваст гаечным ключом. А я никого не предупредил. Только и успел, что каждому дал по полену.

Боже, как они на меня глазели! Словно я нагишом стою. У них аж глаза на лоб полезли. И только я начал истончаться по краям, на манер блина, как я... даже не знаю, что на меня нашло. Не иначе как от смущения. Может, и не стоило так делать, но...

Я это сделал!

И тут же снова очутился в кухне.

В мезонине дедуля помирал со смеху. По-моему, у старого хрыча странное чувство юмора. Но у меня не было времени с ним объясняться, потому что Енси шмыгнул мимо меня - и в машинку. Он растворился в воздухе, так же как и я. Как и я, он расщепился в стольких же людей, сколько в мире жителей, и стоял теперь перед всеми ними.

Мамуля, папуля и дядя Лес глядели на меня очень строго.

Я заерзал на месте.

- Все устроилось, - сказал я. - Если у человека хватает подлости бить маленьких детей по голове, он заслуживает того, что... - я остановился и посмотрел на машинку, - ... что получил, - закончил я, когда Енси опять появился с ясного неба. Более разъяренной гадюки я еще в жизни не видал. Ну и ну!

По-моему, почти все население мира приложило руку к мистеру Енси. Так ему и не пришлось замахнуться гаечным ключом. Весь мир нанес удар первым.

Уж поверьте мне, вид у Енси был самый что ни на есть жалкий.

Но голоса Енси не потерял. Он так орал, что слышно было за целую милю. Он кричал, что его надули. Пусть ему дадут попробовать еще разок, но только теперь он прихватит с собой ружье и финку. В конце концов мамуле надоело слушать, она ухватила Енси за шиворот и так встряхнула, что у него зубы застучали.

- Ибо сказано в священном писании! - возгласила она исступленно. - Слушай ты, паршивец, плевок политурный! В Библии сказано - око за око, так ведь? Мы сдержали слово, и никто нас ни в чем не упрекнет.

- Воистину, точно, - поддакнул дедуля с мезонина.

- Ступайте-ка лучше домой и полечитесь арникой, - сказала мамуля, еще раз встряхнув Енси. - И чтобы вашей ноги тут не было, а то малыша на вас напустим.

- Но я же не расквитался! - бушевал Енси.

- Вы, по-моему, никогда не расквитаетесь, - ввернул я. - Просто жизни не хватит, чтобы расквитаться со всем миром, мистер Енси.

Постепенно до Енси все дошло, и его как громом поразило. Он побагровел, точно борщ, крякнул и ну ругаться. Дядя Лес потянулся за кочергой, но в этом не было нужды.

- Весь чертов мир меня обидел! - хныкал Енси, обхватив голову руками. - Со свету сживают! Какого дьявола они стукнули первыми? Тут что-то не так!

- Заткнитесь. - Я вдруг понял, что беда вовсе не прошла стороной, как я еще недавно думал. - Ну-ка, из Пайпервилла ничего не слышно?

Даже Енси унялся, когда мы стали прислушиваться.

- Ничего не слыхать, - сказала мамуля.

- Сонк прав, - вступил в разговор дедуля. - Это-то и плохо.

Тут все сообразили, в чем дело, - все, кроме Енси. Потому что теперь в Пайпервилле должна была бы подняться страшная кутерьма. Не забывайте, мы с Енси посетили весь мир, а значит, и Пайпервилл; люди не могут спокойно относиться к таким выходкам. Уж хоть какие-нибудь крики должны быть.

- Что это вы все стоите, как истуканы? - разревелся Енси. - Помогите мне сквитаться!

Я не обратил на него внимания. Подошел к машинке и внимательно ее осмотрел. Через минуту я понял, что в ней не в порядке. Наверно, дедуля понял это так же быстро,

как и я. Надо было слышать, как он смеялся. Надеюсь, смех пошел ему на пользу. Ох, и особливое же чувство юмора у почтенного старикана.

- Я тут немножко маху дал с этой машинкой, мамуля, - признался я. - Вот отчего в Пайпервилле так тихо.

- Истинно так, клянусь богом, - выговорил дедуля сквозь смех. - Сонку следует искать убежище. Смываться надо, сынок, ничего не попишешь.

- Ты нашалил, Сонк? - спросила мамуля.

- Все "ля-ля-ля" да "ля-ля-ля"! - завизжал Енси. - Я требую того, что мне по праву положено! Я желаю знать, что сделал Сонк такого, отчего все люди мира трахнули меня по голове? Неспроста это! Я так и не успел...

- Оставьте вы ребенка в покое, мистер Енси, - обозлилась мамуля. - Мы свое обещание выполнили, и хватит. Убирайтесь-ка прочь отсюда и остыньте, а не то еще ляпнете что-нибудь такое, о чем сами потом пожалеете.

Папуля мигнул дяде Лесу, и, прежде чем Енси облаял мамулю в ответ, стол подогнул ножки, будто в них колени были, и тихонько шмыгнул Енси за спину. Папуля сказал дяде Лесу: "Раз, два - взяли", стол распрямил ножки и дал Енси такого пинка, что тот отлетел к самой двери.

Последним, что мы услышали, были вопли Енси, когда он кубарем катился с холма. Так он прокувыркался полпути к Пайпервиллу, как я узнал позже. А когда добрался до Пайпервилла, то стал глушить людей гаечным ключом по голове.

Решил поставить на своем, не мытьем, так катаньем.

Его упрятали за решетку, чтоб пришел в себя, и он, наверно, очухался, потому что в конце концов вернулся в свою хибарку. Говорят, он ничего не делает, только знай сидит себе да шевелит губами - прикидывает, как бы ему свести счеты с целым миром. Навряд ли ему это удастся.

Впрочем, тогда мне было не до Енси. У меня своих забот хватало. Только папуля с дядей Лесом поставили стол на место, как в меня снова вцепилась мамуля.

- Объясни, что случилось, Сонк, - потребовала она. - Я боюсь, не нашкодил ли ты, когда сам был в машинке. Помни, сын, ты - Хогбен. Ты должен хорошо себя вести, особенно если на тебя смотрит весь мир. Ты не опозорил нас перед человечеством, а, Сонк?

Дедуля опять засмеялся.

- Да нет пока, - сказал он. Тут я услышал, как внизу, в подвале, у малыша в горле булькнуло, и понял, что он тоже в курсе. Просто удивительно. Никогда не знаешь, чего еще ждать от малыша. Значит, он тоже умеет заглядывать в будущее.

- Мамуля, я только немножко маху дал, - говорю. - Со всяким может случиться. Я собрал машинку так, что расщепить-то она меня расщепила, но отправила в будущее, в ту неделю. Поэтому в Пайпервилле еще не подняли тарарама.

- Вот те на! - сказала мамуля. - Дитя, до чего ты небрежен!

- Прости, мамуля, - говорю. - Вся беда в том, что в Пайпервилле меня многие знают. Я уж лучше дам деру в лес, отыщу себе дупло побольше. На той неделе оно мне пригодится.

- Сонк, - сказала мамуля. - Ты ведь набедокурил. Рано или поздно я сама все узнаю, так что лучше признавайся сейчас.

А, думаю, была не была, ведь она права. Вот я и выложил ей всю правду, да и вам могу. Так или иначе, вы на той неделе узнаете. Это просто доказывает, что от всего не убережешься. Ровно через неделю весь мир здорово удивится, когда я свалюсь как будто с неба, вручу всем по полену, а потом отступлю на шаг и плюну прямо в глаза.

По-моему, два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать - это все население Земли!

Все население!

По моим подсчетам, на той неделе.

До скорого!

ПЧХИ-ХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Глава 1

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПУ

В жизни не видывал никого уродливее Младшего Пу. Вот уж действительно неприятный малый, чтобы мне провалиться! Как маленькая горилла, вот какой он был. Жирное лицо и глаза, сидящие так близко, что оба можно выбить одним пальцем. Его па, однако, мнил о нем невесть что. Еще бы, крошка Младший - вылитый папуля.

- Последний из Пу, - говаривал старик, расплываясь в улыбке своей маленькой горилле. - Наираспрекраснейший парень из всех, ступавших по этой земле.

У меня, бывало, кровь в жилах стыла, когда я глядел на эту парочку.

Мы, Хогбены, люди маленькие. Живем себе тише воды и ниже травы в укромной долине, где никто не появится до тех пор, пока мы того не захотим. Соседи из деревни к нам уже привыкли.

Если па насосется, как на прошлой неделе, и начнет летать в своей красной майке над Главной Улицей, они делают вид, будто ничего не замечают, чтобы не смущать па.

Ведь когда он трезв, благочестивее христианина не сыщешь.

Сейчас па набрался из-за Крошки Сэма, нашего младшенького, которого мы держим в цистерне в подвале. У него снова режутся зубки. Впервые после Войны между Штатами.

Прохвессор, живущий у нас в бутылке, как-то сказал, будто Крошка Сэм испускает какие-то инфразвуки. Ерунда. Просто нервы у нас начинают дергаться. Па не может этого выносить. На сей раз проснулся даже деда, а он с Рождества не шелохнулся. Продрал глаза и сразу накинулся на па.

- Я вижу тебя, нечестивец! - ревел он. - Снова летаешь, олух небесный?! О, позор на мои седины! Ужель не приземлю тебя я?..

Послышался отдаленный удар.

- Я падал добрых десять футов! - завопил па. - Так не честно! Запросто мог что-нибудь раздолбать!

- Ты нас всех раздолбаешь, пьяный губошлеп, - оборвал деда. - Летать среди бела дня! В мое время сжигали за меньшее. А теперь замолкни и дай мне успокоить Крошку.

Деда завсегда находил общий язык с Крошкой. Сейчас он пропел ему маленькую песенку на санскрите, и вскорости оба уже мирно похрапывали.

Я мастерил одну штуковину, чтоб молоко для пирогов у ма скорей скисало. У меня ничего не было, кроме старых саней и двух проволочек, да мне и немного надо. Только я пристроил один конец проволочки на северо-северо-восток, как заметил промелькнувшие в зарослях клетчатые штаны.

Это был дядюшка Лем. Я слышал, как он думал: "Это вовсе не я, - твердил он, по-настоящему громко, прямо у меня в голове. - Между нами миля с гаком. Твой дядя Лем славный парень и не станет врать. Думаешь, я обману тебя, Сонки, мальчик?"

"Ясное дело! - ответил я ему. - Если б только мог. Что стряслось?"

Тогда он остановился и заметался в разные стороны.

"О, просто мне пришло в голову, что твоя ма захочет чернички... Но если кто-нибудь спросит, говори, что меня не видел. Ты не совретшь. Ведь не видишь?"

"Дядя Лем, - подумал я, тоже по-настоящему громко. - Я дал ма честное слово, что никуда тебя не отпущу, после того случая, когда ты..."

"Ладно, ладно, мальчуган, - быстро отозвался дядюшка Лем. - Кто старое помянет, тому глаз вон".

"Ты же никому не можешь отказать, - напомнил я, закручивая проволоку спиралькой. - Подожди, вот только заквашу молоко, и пойдем вместе куда ты там намылился".

Клетчатые штаны в последний раз мелькнули в зарослях, и, виновато улыбаясь, дядюшка Лем появился собственной персоной. Наш Лем и мухи не обидит - до того он безвольный. Каждый может вертеть им, как хочет, вот нам и приходится за ним хорошенько присматривать.

- Как ты это сварганишь? - поинтересовался он, глядя на молоко. - Заставишь этих крошек работать быстрее?

- Дядя Лем! - возмутился я. - Стыдись! Представляешь, как они вкалывают, сквашивая молоко?!

Когда па насосется, то косеет от тех же самых трудяг, которых кличет Ферментами.

- Вот эта штука, - гордо объяснил я, - отправит молоко в следующую неделю. При нынешних жарких деньках этого за глаза хватит. Потом назад - хлоп - готово, скисло.

- Ну и хитрюга! - восхитился дядюшка Лем, загибая крестом одну проволочку. - Только здесь надо поправить, а не то помешает гроза в следующий вторник. Ну, давай.

Ну я и дал. А вернул - будь спок! Все скисло так, что хоть мышь бегай. В крынке копошился шершень из той недели, и я его щелкнул.

Эх, опростоволосился. Все штучки дядюшки Лема!

Он юркнул назад в заросли, от удовольствия притопывая ногой.

- Надул я тебя, молокосос! - закричал он. - Посмотрим, как ты вытащишь палец из середины следующей недели!

Ни про какую грозу он и не думал, закручивая ту проволочку. Минут десять я угробил на то, чтобы освободиться, - все из-за одного малого по имени Инерция, который вечно ошивается где ни попадя. Вообще сам-то я не слишком в этом кумекаю. Не дорос еще. Дядюшка Лем говорит, что уже забыл больше, чем я когда-нибудь буду знать.

Я так завозился, что не успел переодеться в городское платье, а вот дядюшка Лем чего-то выфрантился, как твой индюк.

А уж волновался он!.. Я бежал по следу его вертлявых мыслей. Толком в них было не разобраться, но чего-то он там натворил. Это всякий бы понял. Вот какие были мысли.

"Ох, ох, - зачем я это сделал? - да помогут мне небеса, если об этом проведает деда - ох, эти гнусные Пу, какой я болван! Ох, ох, - такой бедняга, хороший парень, чистая душа, никого пальцем не тронул, а посмотрите на меня сейчас! Этот Сонк, паршивец зеленый, ха-ха, как я его проучил. Ох, ох, ничего, держи хвост пистолетом, ты отличный парень, господь тебе поможет, Лемуэль".

Его клетчатые штаны то и дело мелькали среди веток, потом выскочили на поле, тянувшееся до города, и вскоре дядюшка Лем уже стучал в билетное окошко испанским дублоном, стянутым из дедулиного сундука.

То, что он попросил билет до Столицы Штата, меня совсем не удивило. О чем-то он заспорил с молодым человеком за окошком, наконец обшарил свои штаны и выудил серебряный доллар, на чем они и порешили.

Паровоз уже вовсю пускал дым, когда подскочил дядюшка Лем. Я еле-еле поспел. Последнюю дюжину

ярдов пришлось пролететь, но, по-моему, никто не заметил.

Однажды, когда у меня еще молоко на губах не обсохло, случилась в Лондоне, где мы в ту пору жили, Великая Чума, и всем нам, Хогбенам, пришлось выметаться. Я помню тогдашний гвалт, но куда ему до того, который стоял в Столице Штата, куда пришел наш поезд!

Свистки свистят, гудки гудят, машины ревут, радио орет что-то кошмарное - похоже, что каждое изобретение за последние две сотни лет шумнее предыдущего. У меня аж голова затрещала, пока я не установил то, что па как-то обозвал повышенным слуховым порогом - попросту, заглушку.

Дядя Лем чесал во все лопатки. Я едва не летел, поспевая за ним. Хотел связаться со своими на всякий случай, но ничего не вышло. Ма оказалась на церковном собрании, а она еще в прошлый раз дала мне взбучку за то, что я заговорил с ней как бы с небес прямо перед преподобным отцом Джонсом. Тот все никак не может к нам, Хогбенам, привыкнуть.

Па был мертвецки пьян. Его буди - не буди. А окликнуть дедулю я боялся, мог разбудить малыша.

Дядюшка мчал вперед на всех парах. Вскоре я увидел большую толпу, запрудившую всю улицу, грузовик и человека на нем, размахивающего какими-то бутылками.

По-моему, он бубнил про головную боль. Я слышал его еще из-за угла. С двух сторон грузовик украшали плакаты: "СРЕДСТВО ПУ ОТ ГОЛОВНОЙ БОЛИ".

"Ох, ох! - думал дядюшка Лем. - О горе, горе! Что делать мне, несчастному? Я и вообразить не мог, что кто-нибудь женится на Лили Лу Матц. Ох, ох!"

Ну, скажу я вам, мы все были порядком удивлены, когда Лили Лу Матц выскочила замуж, с той поры еще десяти годков не минуло. Но при чем тут дядюшка Лем, не могу взять в толк.

Безобразнее Лили Лу нигде не сыскать, страшна, как смертный грех. Уродливая - не то слово для нее, бедняжки. Дедуля сказал как-то, что она напоминает ему одну семейку по фамилии Горгоны, которую он знавал. Жила Лили Лу одна, на отшибе, и ей, почитай, уж сорок стукнуло, когда откуда-то с той стороны гор явился один малый и, представьте, предложил выйти за него замуж. Чтоб мне провалиться! Сам-то я не видел этого друга, но, говорят, и он не писаный красавец.

"А если припомнить, - думал я, глядя на грузовик, - если припомнить, фамилия его была Пу".

Глава

2

ДОБРЫЙ МАЛЫЙ

Дядюшка Лем заметил кого-то у фонарного столба и засеменил туда. Казалось, две гориллы, большая и маленькая, стояли рядышком и глазели на малого с бутылками в руках.

- Подходите, - взывал тот, - и получайте свою бутыль Надежного Средства Пу от Головной Боли!

- Ну, Пу, вот и я, - произнес дядюшка Лем, обращаясь к большой горилле. - Привет, Младший, - добавил он, взглянув на маленькую.

Я заметил, как дядюшка поежился.

Ничего удивительного. Более мерзких представителей рода человеческого я не видел со дня своего рождения. Старший был одет в воскресный сюртук с золотой цепочкой на пузе, а уж важничал и задавался!..

- Привет, Лем, - бросил он. - Младший, поздоровайся с мистером Лемом Хогбеном. Ты многим ему обязан, сынуля. - И гнусно рассмеялся.

Младший и ухом не повел. Его маленькие глазки-бусинки вперились в толпу по ту сторону улицы. Было ему лет семь.

- Сделать мне сейчас, па? - спросил он скрипучим голосом. - Дай я им сделаю, па. А, па? - Судя по его тону, будь у него под рукой пулемет, он бы всех укокошил.

- Чудный парень, не правда ли, Лем? - ухмыляясь, спросил Пу-старший. - Если бы его видел дедушка!.. Вообще, замечательная семья - мы, Пу. Подобных нам нет. Беда лишь в том, что Младший - последний. Дошло, зачем я связался с вами, Лем?

Дядюшка Лем снова поежился.

- Да, - сказал он, - дошло. Но вы зря сотрясаете воздух. Я не собираюсь ничего делать.

Юному Пу не терпелось.

- Дай я им устрою, - проскрипел он. - Сейчас, па. А?

- Заткнись, сынок, - ответил старший и съездил своему отпрыску по лбу. А уж ручищи у него были - будь спок!

Другой бы от такого шлепка перелетел через дорогу, но Младший был коренастый такой пацан. Только пошатнулся, потряс головой и покраснел.

- Па, я предупреждал тебя! - закричал он своим скрипучим голосом. - Когда ты стукнул меня в последний

раз, я предупреждал тебя! Уж теперь-то ты у меня получишь!

Он набрал полную грудь воздуха, и его крошечные глазки вдруг засверкали и так выпучились, что чуть не сошлись у переносицы.

- Хорошо, - быстро отозвался Пу-старший. - Толпа готова - не стоит тратить силы на меня, сынок.

Тут кто-то вцепился в мой локоть, и тоненький голос произнес - очень вежливо:

- Простите за беспокойство, могу я задать вам вопрос?

Это оказался худенький типчик с блокнотом в руке.

- Что ж,- ответил я столь же вежливо, - валяйте, мистер.

- Меня интересует, как вы себя чувствуете, вот и все.

- О, прекрасно, - сказал я. - Как это любезно с вашей стороны. Надеюсь, что вы тоже в добром здравии, мистер.

Он с недоумением кивнул:

- В том-то и дело. Просто не могу понять. Я чувствую себя превосходно.

- Почему бы и нет? - удивился я. - Чудесный день.

- Здесь все чувствуют себя хорошо, - продолжал он, будто не слыша. - Не считая естественных отклонений, народ собрался вполне здоровый. Но, думаю, не пройдет и пары минут...

Он взглянул на свои часы.

И тут кто-то гвозданул меня молотком прямо по макушке.

Нас, Хогбенов, хоть целый день по башке молоти - уж будь спок. Попробуйте - убедитесь. Коленки, правда, дрогнули, но через секунду я уже был в порядке и обернулся, чтобы посмотреть, кто же меня стукнул.

И ни души. Но, боже, как мычала и стонала толпа! Обхватив головы руками, все они, отпихивая друг друга, рвались к грузовику. А тот приятель раздавал бутылки с такой скоростью, что только поспевал хватать деньги.

Глаза у худенького полезли на лоб, что у селезня в грозу.

- О, моя голова! - стонал он.- Ну, что я вам говорил?! О, моя голова!

И он заковылял прочь, роясь в карманах.

У нас в семье я считаюсь тупоголовым, но провалиться мне на этом месте, если я тут же не сообразил, что дело не чисто! Я не простофиля, что бы там ма ни говорила.

- Колдовство, - подумал я совершенно спокойно. - Никогда бы не поверил, но это настоящее заклятье. Каким образом...

Тут я вспомнил Лили Лу Матц. И мысли дядюшки Лема. И передо мной - как это говорят? - задребезжал свет.

Проталкиваясь вперед, я решил, что больше помогать дядюшке Лему не буду; уж слишком мягкое у него сердце - и мозги тоже.

- Нет-нет, - твердил он. - Ни за что!

- Дядя Лем, - окликнул я.

- Сонк!

Он покраснел, и позеленел, и вообще всячески выражал свое негодование, но я-то чувствовал, что ему полегчало.

- Сказано тебе было - не ходи за мной! - прохрипел он.

- Ма велела мне не спускать с тебя глаз, - ответил я. - Я пообещал, а мы, Хогбены, никогда не нарушаем обещаний. Что здесь происходит, дядя Лем?

- Ах, Сонк, все идет совершенно не так! - запричитал дядюшка Лем. - Взгляни на меня - вот стою я, с сердцем из чистого золота, а нет мне ни вздоха, ни продыха. Познакомься с мистером Эдом Пу, Сонк. Он меня хочет сгубить.

- Послушайте, Лем, - вмешался Эд Пу. - Вы же знаете, что это неправда. Я добиваюсь осуществления своих прав, вот и все. Рад познакомиться с вами, молодой человек. Еще один Хогбен, я полагаю. Может быть, вы могли бы уговорить вашего дядю...

- Простите, что перебиваю, мистер Пу, - сказал я по-настоящему вежливо, - но лучше объясните по порядку.

Он прокашлялся и важно выпятил грудь. Видать, в охотку ему было поговорить об этом. Должно быть, чувствовал себя большой шишкой.

- Не знаю, были ль вы знакомы с моей незабвенной покойной женой, ах, Лили Лу Матц, - начал он. - Вот наше дитя, Младший. Прекрасный малый. Как жаль, что не было у нас еще восьмерых или десятерых таких же. - Он глубоко вздохнул. - Что ж, жизнь есть жизнь. Мечтал я рано жениться и украсить старость заботами детей... А Младший - последний из славной линии. И я не хочу, чтобы она оборвалась.

Тут Пу эдак взглянул на дядюшку Лема. Дядюшка Лем поежился.

- Не собираюсь, - все же петушился он. - Вы не сможете меня заставить.

- Посмотрим, - угрожающе проговорил Эд Пу. - Возможно, ваш юный родственник окажется благоразумнее. Должен предупредить, что я мало-помалу набираю силу в этом штате, и все будет так, как я скажу.

- Па, - квакнул вдруг Младший, - они стихают, па. Дай, я им двойную закачу, а, па? Спорим, что смогу уложить парочку. А, па?

Эд Пу собрался снова погладить своего шалопая, но вовремя передумал.

- Не перебивай старших, сынок, - сказал он. - Папочка занят. Занимайся своим делом и умолкни. - Он оглядел стонущую толпу. - Добавь-ка тем, у грузовика, чтоб поживее покупали. Береги силы, Младший. У тебя растущий организм.

Он снова повернулся ко мне.

- Одаренный парень, - заметил он по-настоящему гордо. - Сам видишь. Унаследовал от дорогой нашей усопшей мамочки, Лили Лу. Я уже говорил о ней. Да, так вот, хотел я жениться молодым, но как-то все дело до женитьбы не доходило, и довелось уже в расцвете сил. Никак не мог найти женщину, которая посмотрела бы, то есть никак не мог найти подходящую пару до того дня, как повстречал Лили Лу Матц.

- Понимаю.

Действительно, я понимал. Немало, должно быть, исколесил он в поисках той, которая согласилась бы взглянуть на него второй раз. Даже Лили Лу, несчастная душа, небось долго думала, прежде чем сказать "да".

- Вот тут-то, - продолжал Эд Пу, - и замешан ваш дядюшка. Вроде бы он научил Лили Лу ворожить.

- Никогда! - завопил дядюшка Лем. - А если и так, откуда я знал, что она выйдет замуж и родит ребенка?! Кто мог подумать...

- Он наделил ее колдовством, - повысил голос Эд Пу. - Да только она мне в этом призналась, лежа на смертном одре, год назад. Ух, поколотил бы я ее за то, что держала меня в неведении все это время! - Я хотел лишь защитить ее, - быстро вставил дядюшка Лем. - Ты же знаешь, что я не вру, Сонки, мальчик. Бедняжка Лили Лу была так страшна, что люди подчас кидали в нее чем попало, прежде чем успевали взять себя в руки. Мне было так ее жаль! Эх, Сонки, как долго я сдерживал добрые намерения! Но из-за своего золотого сердца я вечно попадаю в передряги. Однажды я так растрогался, что научил ее накладывать заклятья. Так поступил бы каждый, Сонк!

- Как это ты сделал? - Мне было действительно интересно. Кто знает, может, пригодится иной раз.

Он объяснял страшно туманно, но я сразу усек, что все устроил один его приятель по имени Ген Хромосом. А эти альфа-волны, про которые дядюшка распространялся, - так кто ж про них не знает? Небось каждый видел: махонькие волночки, мельтешащие туда-сюда. У деды порой по шесть сотен разных мыслей бегают - по

узеньким таким извилинам, где мозги находятся. У меня аж в глазах рябит, когда он размыслится.

- Вот так, Сонк, - закруглился дядюшка Лем. - А этот змееныш получил все в наследство.

- А что б тебе не попросить этого друга, Хромосома, перекроить Младшего на обычный лад? - спросил я. - Это же очень просто.

Я сфокусировал на Младшем глаза, по-настоящему резко, и сделал эдак... ну, знаете, так, когда надо заглянуть в кого-нибудь.

Ясное дело, я сообразил, что имсл в виду дядюшка Лем. Крохотулечки-махотулечки лемовы приятели, цепочкой держащиеся друг за дружку, и тоненькие малюсенькие палочки, шныряющие в клетках, из которых сделаны все - кроме, может быть, Крошки Сэма, нашего младшенького.

- Дядя Лем, - сказал я, - ты тогда засунул вот те палочки в цепочку вот так. Почему бы сейчас не сделать наоборот?

Дядюшка Лем укоризненно покачал головой.

- Дубина ты стоеросовая, Сонк. Ведь я же при этом убью его, а мы обещали деду - больше никаких убийств!

- Но дядюшка Лем! - не выдержал я. - Кошмар! Этот змееныш всю свою жизнь будет околдовывать людей!

- Хуже, Сонк, - проговорил бедный дядюшка, чуть не плача. - Эту способность он передаст своим детям!

Уж будьте уверены - мрачноватая перспектива. Но потом я рассмеялся.

- Успокойся, дядя Лем. Не стоит волноваться. Взгляни на эту жабу. Ни одна женщина к нему и близко не подойдет. Чтоб он женился?! Да ни в жисть!

- А вот тут ты ошибаешься, - оборвал Эд Пу по-настоящему громко. Он весь прямо кипел. - Не думайте, что я ничего не слышал. И не думайте, что я забуду, как вы отзывались о моем рсбеночке. Это вам с рук не сойдет. Мы с ним далеко пойдем. Я уже олдермен, а на той неделе откроется вакансия в сенате штата - если только один старый плсшак не крспче, чем кажется. Я предупреждаю тебя, юный Хогбен, ты и вся твоя семья будете отвечать за оскорбления! Нас, Пу, трудно понять. Души наши слишком глубоки, я полагаю. Но у нас есть своя честь. Я в лепешку разобьюсь, но не позволю исчезнуть фамильной линии. Вы слышите, Лемуэль?

Дядюшка Лем лишь плотно закрыл глаза и быстро закачал головой.

- Нет, - выдавил он, - я не соглашусь. Никогда, никогда, никогда...

- Лемуэль, - дурным тоном произнес Эд Пу. - Лемуэль, вы хотите, чтобы я спустил на вас Младшего?

- О, это бесполезно, - заверил я. - Хогбена нельзя околдовать.

- Ну... - замялся он, не зная, что придумать, - хм-м... вы мягкосердечны, да? Пообещали своему дедуленьке, что никого не убьете? Лемуэль, откройте глаза и посмотрите на улицу. Видите эту симпатичную старушку с палочкой? Что вы скажете, если благодаря Младшему она сейчас откинет копыта?

Дядюшка Лем еще крепче сжал глаза.

- Или вон та фигуристая дамочка с младенцем на руках. Взгляните-ка, Лемуэль. Ах, какой прелестный ребенок. Младший, приготовься. Нашли для начала на них бубонную чуму. А потом...

- Дядюшка Лем, - неуверенно промолвил я, - не знаю, что скажет деда. Может быть...

Дядюшка Лем внезапно выпучил глаза и безумным взглядом уставился на меня.

- Что же делать, если у меня сердце из чистого золота?! - воскликнул он. - Я такой хороший, и все этим пользуются. Так вот - мне наплевать. Мне на все наплевать!

Тут он весь вытянулся, окостенел и шлепнулся лицом на асфальт, твердый, как кочерга.

Глава 3

НА ПРИЦЕЛЕ

Как я ни волновался, нельзя было не улыбнуться. Я-то понял, что дядюшка Лем просто заснул: он всегда так поступает, стоит лишь запахнуть жареным. Па, кажись, называет это кота-ле-пснией, но коты и псы спят не так крепко.

Когда дядюшка Лем грохнулся на асфальт, Младший испустил вопль радости и, подбежав к нему, ударил ногой по голове. Просто не мог спокойно смотреть на лежащего и беспомощного.

Ну, я уже говорил: мы, Хогбены, крепки головой. Младший взвизгнул и затанцевал на одной ноге, обхватив другую руками.

- И заколдую же я тебя! - завопил он дядюшке Лему. - Ну я тебе - я тебе!..

Он набрал воздуха, побагровел и...

Па потом пытался мне объяснить, что произошло, и понес какую-то ахинею о дезоксирибонуклеиновой кислоте, каппа-волнах и микровольтах. Надо знать па. Ему же лень рассказать все на обычном языке, знай крадет эти дурацкие слова из чужих мозгов.

А на самом деле случилось вот что. Вся ярость этого гаденыша, припасенная для толпы, жахнула дядюшку Лема прямо, так сказать, в темечко. Он позеленел буквально на наших глазах.

Одновременно наступила гробовая тишина. Я удивленно огляделся и понял, что произошло.

Стенания и рыдания прекратились. Люди прикладывались к своим бутылочкам, облегченно потирали лбы и слабо улыбались. Все колдовство Младшего ушло на дядюшку Лема, и, натурально, головная боль исчезла.

- Что здесь случилось? - раздался знакомый голос. - Этот человек потерял сознание? Почему вы не оказываете ему помощь? Эй, позвольте, я доктор...

Это был тот самый худенький добряк. Он тоже посасывал из бутылки, пробиваясь к нам сквозь толпу, но блокнот уже спрятал. Заметив Эда Пу, он вспыхнул.

- Это вы, олдермен Пу? Как получается, что вы вечно оказываетесь замешанным в странных делах? И что вы сделали с этим человеком? По-моему, на сей раз вы зашли слишком далеко.

- Ничего я ему не делал, - прогнусавил Эд Пу. - Пальцем его не тронул. Последите за своим языком, доктор Браун, а не то пожалеете. Я не последний человек в здешних краях.

- Вы только посмотрите! - вскричал доктор Браун, вглядываясь в дядюшку Лема. - Он умирает! Эй, кто-нибудь, вызовите"скорую помощь", быстро!

Дядюшка Лем снова менялся в цвете. Я знал, что происходит, и даже посмеялся немного про себя. В каждом из нас постоянно копошатся целые орды микробов, вирусов и прочих разных крохотулечек. Заклятье Младшего страшно раззадорило всю эту ораву, и пришлось взяться за работу другой компании, которую па обзывает антителами. Они вовсе не такие хилые, как кажутся, просто очень бледные от рождения.

Когда в ваших внутренностях заваривается какая-нибудь каша, эти друзья сломя голову летят туда, на поле боя. И такие там драки разгораются - вам и привидеться не может!

Наши, хогбеновские, крошки кого хошь одолеют. Они так яро бросились на врага, что дядюшка Лем прошел все цвета, от зеленого до бордового, а большие желтые и

синие пятна показывали на очаги сражений. Дядюшке Лему хоть бы хны, но вид у него был - нездоровый, будь спок!

Худенький доктор присел и прощупал пульс.

- Итак, вы своего добились, - произнес он, подняв глаза на Эда Пу. - Не знаю, как вас угораздило, но у бедняги, похоже, бубонная чума. Теперь вы с вашей обезьяной так не отделаетесь.

Эд Пу только рассмеялся. Но я видел, как он бесится.

- Не беспокойтесь обо мне, доктор Браун, - процедил он. - Когда я стану губернатором - а мои планы всегда сбываются, - ваша любимая больница, которой вы так гордитесь, не получит ни гроша из федеральных денег! Хорошенькое дельце! Нечего валяться без толку, вставай и иди! Вот что я вам скажу. Мы, Пу, никогда не болеем. Я найду лучшее применение деньгам в своем штате!

- Где же "скорая помощь"? - как будто ничего не слыша, поинтересовался доктор.

- Если вы имеете в виду большую длинную машину, производящую много шума, - ответил я, - то она в трех милях отсюда, но быстро приближается. Однако дядюшке Лему не нужна никакая помощь. Это у него просто приступ. Чепуха.

- Боже всемогущий! - воскликнул док, глядя вниз на дядюшку Лема. - Вы хотите сказать, что с ним **такое** случалось раньше, и он выжил?! - Тогда он посмотрел вверх на меня и неожиданно улыбнулся. - А, понимаю, боитесь больницы? Не волнуйтесь, мы не сделаем ему ничего плохого.

Я малость соврал, потому что больница - не место для Хогбенов. Надо что-то предпринимать.

"Дядя Лем! - заорал я, только про себя, а не вслух. - Дядя Лем, быстро проснись! Деда спустит с тебя шкуру и приколотит к двери амбара, если ты позволишь увезти себя в больницу! Или ты хочешь, чтобы у тебя нашли второе сердце?! Или то, как скрепляются у тебя кости? Дядя Лем! Вставай!!"

Напрасно... он и ухом не повел.

Вот тогда я по-настоящему начал пугаться. Дядюшка Лем впутал меня в историю. Понятия не имею, как тут быть. Я в конце концов еще совсем молодой. Стыдно сказать, но раньше Великого пожара в Лондоне ничего не помню.

- Мистер Пу, - заявил я, - вы должны отозвать Младшего. Нельзя допустить, чтобы дядюшку Лема упекли в больницу.

- Давай, Младший, вливай дальше, - сказал Эд Пу, гнусно ухмыляясь. - Мне надо потолковать с юным Хогбеном.

Желтые и синие пятна на дядюшке Леме позеленели по краям. Доктор аж рот раскрыл, а Эд Пу ухватил меня за руку и отвел в сторону.

- По-моему, ты понял, чего мне надо, Хогбен. Я хочу, чтобы Пу были всегда. Я хочу быть уверен, что мой род не вымрет. У меня у самого была масса хлопот с женитьбой, и сынуле моему будет не легче. У женщин в наши дни совсем нет вкуса. Сделай так, чтобы наш род имел продолжение, и я заставлю Младшего снять заклятье с Лемуэля.

- Но если не вымрет ваша семья, - возразил я, - тогда вымрут все остальные, как только наберется достаточно Пу.

- Ну и что? - усмехнулся Эд Пу. - И мы не лыком шиты. - Он поиграл бицепсом. - Не беда, если такие славные люди заселят землю. И ты нам в этом поможешь, юный Хогбен!

- О, нет, - забормотал я. - Нет! Даже если бы я знал как...

Из-за угла раздался страшный вой, и толпа расступилась, давая дорогу машине. Из нее выскочила пара типов в белых халатах с какой-то койкой на палках. Доктор Браун с облегчением поднялся.

- Я уж думал, вы никогда не приедете, - сказал он. - Этого человека необходимо поместить в карантин. Одному богу известно, что мы обнаружим, начав его обследовать. Дайте-ка мне стетоскоп. У него что-то не то с сердцем...

Скажу вам прямо, у меня душа в пятки ушла. Мы пропали - все мы, Хогбены. Как только эти доктора и ученые про нас пронюхают - не будет нам ни житья, ни покоя до скончания века нашего!

А Эд Пу смотрит на меня с гнусной усмешкой.

- Беспокоишься? - говорит он. - И не зря. Знаю я вас, Хогбенов. Все вы колдуны. А попадет он в больницу?.. Нет такого закону, чтоб ведьмаком быть. Тебе на раздумье меньше минуты, юный Хогбен. Ну, что скажешь?

А что я мог сказать? Ведь не мог я пообещать выполнить его просьбу, правда? У нас, Хогбенов, есть кое-какие важные планы на будущее, когда все люди станут такими, как мы. Но если к тому времени на Земле будут одни Пу, то и жить не стоит. Я не мог сказать "да".

Но я не мог сказать и "нет". Как ни верти, дело, похоже, швах. Оставалось только одно. Я вздохнул поглубже, закрыл глаза и отчаянно закричал, внутри головы.

"Де-да!!!" - звал я.

"Да, мой мальчик?" - отозвался глубокий голос у меня внутри. Деда был в доброй сотне миль от меня и спал. Но когда Хогбен зовет **так**, он имеет полное право получить ответ, причем быстро. И я его получил.

Вообще-то деда имеет обыкновение битых полчаса задавать пространные вопросы и, не слушая ответов, читать длиннющие морали на разных мертвых языках. Но тут он сразу понял, что дело нешуточное.

"Да, мой мальчик?" - все, что он сказал.

Времени почти не оставалось, и я просто широко распахнул перед ним свой мозг. Доктор уже вытаскивал какую-то штуковину, чтобы прослушать дядюшку Лема, а стоит ему услышать бьющиеся в разнобой сердца, как всем нам, Хогбенам, каюк.

Молчание тянулось ужасно долго. Док вставлял в уши маленькие черные трубочки. Эд Пу пожирал меня глазами, как коршун. Младший багровел и надувался все больше, постреливая злыми глазками в поисках новой жертвы.

Деда вздохнул у меня в голове.

"Мы у них в руках, Сонк. - Я даже удивился, что деда может выражаться на обычном языке, если захочет. - Скажи, что мы согласны".

"Но, деда..."

"Делай, как я велел! - У меня аж в голове зашумело, так твердо он приказал. - Быстро, Сонк! Скажи Пу, что мы принимаем его условия".

Я не посмел ослушаться. Но впервые усомнился в правоте дедули. Возможно, и Хогбены в один прекрасный день повыживают из ума, и деда подошел к этому возрасту. Но вслух я сказал:

- Хорошо, мистер Пу, ваша взяла. Снимайте заклятье. Живо, пока еще не поздно.

Глава

4

ПУ ГРЯДУТ

У мистера Пу был длинный желтый автомобиль с открытым верхом. Он шел ужасно быстро. И ужасно шумно.

Господи, сколько я с ними возился, уговаривая поехать к нам! Так велел деда.

- Откуда мне знать, что вы не прикончите нас в вашей дикой глуши? - волновался мистер Пу.

- Я могу прикончить вас, где захочу, - успокоил я. - И прикончил бы, да деда запретил. Вы в безопасности, мистер Пу. Слово Хогбена никогда не нарушалось.

Дядюшку Лема после долгих споров с доктором погрузили в багажник. Этот упрямец так и не проснулся, когда Младший снял с него заклятье, но кожа его мгновенно порозовела. Док никак не мог поверить, хотя все произошло у него на глазах. Мистеру Пу пришлось чертовски долго ругаться и угрожать, прежде чем мы уехали. А док так и остался сидеть на мостовой, что-то бормоча и ошарашенно потирая лоб.

Когда мы подъехали к дому, вокруг не было ни души. Я слышал, как ворчит и ворочается деда в своем мешке на чердаке, а па сделался невидимым и даже не отозвался, до того был пьян. Малыш спал. Ма была еще в церкви, и деда велел ее не трогать.

"Мы управимся вдвоем, Сонк, - сказал он, как только я вылез из машины. - Я тут пораскинул мозгами. Ну-ка, тащи те сани, на которых ты нынче молоко сквашивал!"

Я сразу усек, что он в виду имеет.

- О нет, деда! - выпалил я по-настоящему вслух.

- С кем это ты болтаешь? - подозрительно спросил Эд Пу, выбираясь из машины. - Я никого не вижу... Это твой дом? Порядочное дерьмо. Держись ближе ко мне, Младший. Этому народу доверять нельзя.

"Бери сани! - прикрикнул деда. - Я все продумал. Зашвырнем их подальше, в самое прошлое".

"Но деда, - взвыл я, только теперь про себя. - Надо все обсудить. Давай посоветуемся с ма. Да и па, когда трезв, неплохо соображает. Может, подождем, пока он очухается?"

Больше всего меня беспокоило, что деда говорит на обычном языке, чего в нормальном состоянии никогда с ним не случалось. Я думал, что, может быть, годы берут свое и деда повредился головой.

"Неужели ты не видишь, - продолжал я, стараясь говорить спокойно, - если мы забросим их сквозь время и выполним обещание, все будет в миллион раз хуже. Или мы их обманем?"

"Сонк!"

"Знаю. Если мы обещали, что род Пу не исчезнет, то уж будь спок. Они будут размножаться с каждым поколением.

Через пять секунд после того, как мы зашвырнем их в прошлое, весь мир превратится в Пу!"

"Умолкни, паскудный нечестивец! Ты предо мной, что червь несчастный, копошащийся во прахе! - взревел деда. - Немедленно веление мое исполни, неслух!"

Я почувствовал себя немного лучше и вытащил сани. Мистер Пу по этому поводу затеял перебранку.

- Сызмальства не ездил на санях, - сварливо сказал он. - Чего это вдруг? Здесь что-то не так. Нет, не пойдет.

Младший попытался меня укусить.

- Мистер Пу, - заявил я. - Делайте, что скажу, иначе у вас ничего не получится. Садитесь. Младший, здесь и для тебя есть местечко. Вот так.

- А где твой старый хрыч? - засомневался Пу. - Ты ведь не собираешься все делать сам? Такой неотесанный чурбан... Мне это не нравится. А если ты ошибешься?

- Мы дали слово, - напомнил я ему. - А теперь сидите тихо и не отвлекайте меня. Может быть, вы уже не желаете продолжения рода Пу?

- Да-да, вы обещали, - бормотал он, устраиваясь, - а теперь выполняйте...

"Ну хорошо, Сонк, - произнес деда с чердака. - Смотри и учись. Сфокусируй глаза и выбери ген. Любой ген".

Хоть и чувствовал я себя не в своей тарелке, а все ж меня любопытство заело. Уж коли за дело берется деда...

Так вот, значит, там было полным-полно страшно маленьких изогнутых шмакодявок - генов. Они прямо-таки неразлучны со своими корешами, жуть какими худющими - хромосомами зовутся. Куда бы вы ни взглянули, всюду увидите эту парочку - если, конечно, прищурите глаза, как я.

"Достаточно хорошей дозы ультрафиолета, - пробормотал деда. - Сонк, ты ближе".

Я сказал: "Хорошо" - и как бы эдак повернул свет, падающий на Пу сквозь листья. Ультрафиолет - это на другом конце линии, где цвета не имеют названий для большинства людей.

Гены начали шебуршиться в такт световым волнам. Младший проквакал:

- Па, мне щекотно.

- Заткнись, - буркнул Эд Пу.

Деда что-то бормотал сам себе. Готов биться об заклад, что такие мудреные слова он стащил из головы прохвессора, которого мы держим в бутылке. А впрочем, кто его знает. Может, он первый их и придумал.

- Наследственность, мутации... - бурчал он. - Гм-м. Примерно шесть взрывов гетерозиготной активности... Готово, Сонк, кончай.

Я развернул ультрафиолет назад.

- Год Первый, деда? - спросил я, все еще сомневаясь.

- Да, - изрек деда. - Не медли боле, отрок.

Я нагнулся и дал им необходимый толчок.

Последнее, что я услышал, был крик мистера Пу.

- Что ты делаешь? - свирепо орал он. - Что ты задумал? Смотри мне, юный Хогбен... что это! Хогбен, предупреждаю, если это какой-то фокус, я напущу на тебя Младшего! Я наложу такое заклятье, что даже ты-ы-ы!..

Вой перешел в писк, не громче комариного, все тише, все тоньше, и исчез.

Я весь напрягся, готовый, если смогу, не допустить своего превращения в Пу. Эти крохотные гены - продувные бестии!

Ясно, что деда совершил кошмарную ошибку. Знать не знаю, сколько лет назад был Год Первый, но времени предостаточно, чтобы Пу заселили всю планету. Я приставил два пальца к глазам, чтобы растянуть их, когда они начнут выпучиваться и сближаться, как у Пу...

- Ты еще не Пу, сынок, - произнес деда, посмеиваясь. - Видишь их?

- Не-а, - ответил я. - А что там происходит?

- Сани останавливаются... Остановились. Да, это Год Первый. Взгляни на этих мужчин и женщин, высыпавших из своих пещер, чтобы приветствовать новых товарищей. Ой-ой-ой, какие широкие плечи у этих мужчин... И ох! Только посмотри на женщин. Да Младший просто красавчиком среди них ходить будет! За такого любая пойдет.

- Но, деда, это же ужасно! - воскликнул я.

- Не прерывай старших, Сонк, - закудахтал деда. - А вот Младший пускает в ход свои способности. Какой-то ребенок схватился за свою голову. Мать ребенка посылает Младшего в нокдаун. А теперь папаша взялся за Пу-старшего. О-го-го, какая схватка!.. Да, о семействе Пу позаботятся!

- А как насчет нашего семейства? - взмолился я, чуть не плача.

- Не беспокойся. О нем позаботится время. Подожди... Гм-м. Поколение - вовсе не много, когда знаешь, как смотреть. Ай-ай-ай, что за мерзкие уродины, эти десять отпрысков Пу! Почище своего папули. А вот каждый из них вырастает, обзаводится семьей и, в свою очередь, имеет десять детей. Приятно видеть, как выполняется мое обещание, Сонк.

Я лишь простонал.

- Ну, хорошо, - решил деда, - давай перепрыгнем через пару столетий. Да, они здесь и усиленно размножаются.

Фамильное сходство превосходное! Еще тысячу лет. Древняя Греция! Нисколько не изменились! Помнишь, я говорил, что Лили Лу напоминает мою давешнюю приятельницу по имени Горгона? Не удивительно!

Он молчал минуты три, а потом рассмеялся.

- Бах! Первый гетерозиготный взрыв. Начались изменения.

- Какие изменения, деда? - упавшим голосом спросил я.

- Изменения, доказывающие, что твой старый дедушка не такой уж осел, как ты думал. Я знаю, что делаю. Смотри, какие мутации претерпевают эти маленькие гены!

- Так, значит, я не превращусь в Пу? - обрадовался я. - Но, деда, мы обещали, что их род продлится.

- Я сдержу свое слово, - с достоинством молвил деда. - Гены сохранят их фамильные черты тютелька в тютельку. Вплоть... - Тут он рассмеялся. - Отбывая в Год Первый, они собирались наложить на тебя заклятье. Готовься.

- О, боже! - воскликнул я. - Их же будет миллион, когда они попадут сюда. Деда! Что мне делать?

- Держись, Сонк, - без сочувствия ответил деда. - Миллион, говоришь? Что ты, гораздо больше!

- Сколько же? - спросил я.

Он начал говорить.

Вы можете не поверить, но он **до сих пор говорит**. Вот их сколько!

В общем, гены поработали на совесть. Пу остались Пу и сохранили способность наводить порчу. Пожалуй, можно с уверенностью сказать, что они в конце концов завоевали весь мир.

Но могло быть и хуже. Пу могли сохранить свой рост. А они становились все меньше, и меньше, и меньше. Гены Пу получили такую взбучку от гетерозиготных взрывов, подстроенных дедулей, что вконец спятили и думать позабыли о размере. Этих Пу можно назвать вирусами - что-то вроде гена, только порезвее.

И тут они до меня добрались.

Я чихнул и услышал, как чихнул сквозь сон дядюшка Лем, лежащий в багажнике желтой машины.

Деда все бубнил, сколько именно Пу взялось за меня в эту минуту, и обращаться к нему было бесполезно. Я по-особому прищурил глаза и посмотрел прямо в свой чих, чтобы узнать, что меня щекотало...

Вы никогда в жизни не видели столько Пу! Да, это настоящая порча. По всему свету эти Пу насылают порчу на людей, на всех, до кого только могут добраться.

Говорят, что даже в микроскоп нельзя рассмотреть некоторых вирусов. Представляю, как переполошатся все

эти прохвессоры, когда наконец увидят крошечных злобных дьяволов, уродливых, как смертный грех, с близко посаженными выпученными глазами, околдовывающих всех, кто окажется поблизости.

Деда с Геном Хромосомом все устроили наилучшим образом. Так что Младший Пу уже не сидит, если можно так выразиться, занозой в шее.

Зато, должен признаться, от него страшно дерет горло.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС

Джеклин говорила, что в клетке под чехлом - канарейка, а я стоял на том, что там два попугайчика. Одной канарейке не под силу поднять столько шума. Да и забавляла меня сама мысль, будто старый, сварливый мистер Генчард держит попугаев, - уж очень это с ним не вязалось. Но, кто бы там ни шумел в клетке у окна, наш жилец ревниво скрывал это от нескромных глаз. Оставалось лишь гадать по звукам.

Звуки тоже было не так-то просто разгадать. Из-под кретоновой скатерти доносились шорохи, шарканье, изредка слабые, совершенно необъяснимые хлопки, раза два-три - мягкий стук, после которого таинственная клетка ходуном ходила на подставке красного дерева. Должно быть, мистер Генчард знал, что нас разбирает любопытство. Но, когда Джеки заметила, мол, как приятно, если в доме птицы, он только и сказал:

- Пустое! Держитесь от клетки подальше, ясно?

Это нас, признаться, разозлило. Мы вообще никогда не лезем в чужие дела, а после такого отпора зареклись даже смотреть на клетку под кретоновым чехлом. Да и мистера Генчарда не хотелось упускать. Заполучить жильца было на удивление трудно. Наш домик стоял на береговом шоссе; весь городишко - десятка два домов, бакалея, винная лавка, почта, ресторанчик Терри. Вот, собственно, и все. Каждое утро мы с Джеки прыгали в автобус и целый час ехали на завод. Домой возвращались измотанные. Найти прислугу было немыслимо (слишком высоко оплачивался труд на военных заводах), поэтому мы оба засучивали рукава и принимались за уборку. Что до стряпни, то у Терри не было клиентов более верных, чем мы.

Зарабатывали мы прекрасно, но перед войной порядком влезли в долги и теперь экономили, как могли. Вот почему мы сдали комнату мистеру Генчарду. В

медвежьем углу, где так плохо с транспортом да еще каждый вечер затемнение, найти жильца нелегко. Мистера Генчарда, казалось, сам бог послал. Мы рассудили, что старый человек не будет безобразничать.

В один прекрасный день он зашел к нам, оставил задаток и вскоре вернулся, притащив большой кожаный саквояж и квадратный брезентовый баул с кожаными ручками. Это был маленький сухонький старичок, по краям лысины у него торчал колючий ежик жестких седых волос, а лицом он напоминал папашу Лупоглаза - дюжего матроса, которого вечно рисуют в комиксах. Мистер Генчард был не злой, а просто раздражительный. По-моему, он всю свою жизнь провел в меблированных комнатах: старался не быть навязчивым и попыхивал бесчисленными сигаретами, вставляя их в длинный черный мундштук. Но он вовсе не принадлежал к числу тех одиноких старичков, которых можно и нужно жалеть, - отнюдь нет! Он не был беден и отличался независимым характером. Мы полюбили его. Один раз, в приливе теплых чувств, я назвал его дедом... и весь пошел пятнами, такую выслушал отповедь.

Кое-кто рождается под счастливой звездой. Вот и мистер Генчард тоже. Вечно он находил деньги на улице. Изредка мы играли с ним в бридж или покер, и он, совершенно не желая, объявлял малые шлемы и выкладывал флеши. Тут и речи не могло быть о том, что он нечист на руку, - просто ему везло.

Помню, раз мы втроем спускались по длинной деревянной лестнице, что ведет со скалы на берег. Мистер Генчард отшвырнул ногой здоровенный камень с одной из верхних ступенек. Камень упал чуть ниже и неожиданно провалился сквозь ступеньку. Дерево совсем прогнило. Мы нисколько не сомневались, что если бы мистер Генчард, который возглавлял процессию, шагнул на гнилой участок, то обвалилась бы вся лестница.

Или вот случай в автобусе. Едва мы сели и отъехали, забарахлил мотор; водитель откатил автобус к обочине. Навстречу нам по шоссе мчался какой-то автомобиль, и только мы остановились, как у него лопнула передняя шина. Его занесло юзом в кювет. Если бы наш автобус не остановился в тот миг, мы столкнулись бы лбами. А так никто не пострадал.

Мистер Генчард не чувствовал себя одиноким; днем он, видимо, куда-то уходил, а вечерами по большей части сидел в своей комнате у окна. Мы, конечно, стучались, когда надо было у него убрать, и он иногда отвечал: "Минуточку". Раздавался торопливый шорох - это наш жилец набрасывал кретоновый чехол на птичью клетку.

Мы ломали себе голову, какая там птица, и прикидывали, насколько вероятно, что это феникс. Во всяком случае, птица никогда не пела. Зато издавала звуки. Тихие, странные, не всегда похожие на птичьи. Когда мы возвращались домой с работы, мистер Генчард неизменно сидел у себя в комнате. Он оставался там, пока мы убирали. По субботам и воскресеньям никуда не уходил.

А что до клетки...

Как-то вечером мистер Генчард вышел из своей комнаты, вставил сигарету в мундштук и смерил нас с Джеки взглядом.

- Пф-ф, - сказал мистер Генчард. - Слушайте, у меня на севере кое-какое имущество, и мне надо отлучиться по делам на неделю или около того. Комнату я буду оплачивать по-прежнему.

- Да что вы, - возразила Джеки. - Мы можем...

- Пустое, проворчал он. - Комната моя. Хочу - оставляю за собой. Что скажете, а?

Мы согласились, и он с одной затяжки искурил сигарету ровно наполовину.

- М-м-м... Ну, ладно, вот что. Раньше у меня была своя машина. Я всегда брал клетку с собой. Теперь я еду автобусом и не могу взять клетку. Вы славные люди - не подглядываете, не любопытствуете. Вам не откажешь в здравом уме. Я оставлю клетку здесь, но не **смейте трогать чехол!**

- А канарейка?.. - захлебнулась Джеки. - Она же помрет с голоду.

- Канарейка, вот оно что... - Мистер Генчард покосился на нее маленьким, блестящим, недобрым глазом. - Не беспокойтесь. Канарейке я оставил много корму и воды. Держите руки подальше. Если хотите, можете убирать в комнате, но не смейте прикасаться к клетке. Что скажете?

- По рукам, - ответил я.

- Только учтите то, что я вам говорил, - буркнул он.

На другой вечер, когда мы пришли домой, мистера Генчарда уже не было. Мы вошли в его комнату и увидели, что к кретоновому чехлу приколота записка: "Учтите!" Внутри клетки что-то шуршало и жужжало. Потом раздался слабый хлопок.

- Черт с ней, - сказал я. - Ты первая принимаешь душ?

- Да, - ответила Джеки.

"В-ж-ж", - донеслось из клетки. Но это были не крылья. **"Бах!"**

На третий вечер я сказал:

- Корму там, может быть, и хватит, но вода кончается.

- Эдди! - воскликнула Джеки.

- Ладно, ты права, я любопытен. Но не могу же я допустить, чтобы птица погибла от жажды.

- Мистер Генчард сказал...

- Ты опять права. Пойдем-ка к Терри, выясним, как у него с отбивными.

На третий вечер... Да что там говорить. Мы сняли чехол. Мне и сейчас кажется, что нас грызло не столько любопытство, сколько тревога.

Джеки твердила, будто она знает одного типа, который истязал свою канарейку.

- Наверно, бедняжка закована в цепи, - заметила Джеки, махнув тряпкой по подоконнику, за клеткой. Я выключил пылесос. **"У-и-ш-шш... топ-топ-топ"**, - донеслось из-под кретона.

- Н-да, - сказал я. - Слушай, Джеки. Мистер Генчард - неплохой человек, но малость тронутый. Может, пташка пить хочет. Я погляжу.

- Нет. То есть... да. Мы оба поглядим, Эдди. Разделим ответственность пополам.

Я потянулся к чехлу, а Джеки нырнула ко мне под локоть и положила свою руку на мою.

Тут мы приподняли краешек скатерти. Раньше в клетке что-то шуршало, но стоило нам коснуться кретона, как все стихло. Я-то хотел одним глазком поглядеть. Но вот беда - рука поднимала чехол все выше. Я видел, как движется моя рука, и не мог ее остановить. Я был слишком занят - смотрел внутрь клетки.

Внутри оказался такой... ну, словом, домик. По виду он в точности походил на настоящий, вплоть до последней мелочи. Крохотный домик, выбеленный известкой, с зелеными ставнями - декоративными, их никто и не думал закрывать, коттедж был строго современный. Как раз такие дома, комфортабельные, добротные, всегда видишь в пригородах. Крохотные оконца были задернуты ситцевыми занавесками; на первом этаже горел свет.

Как только мы приподняли скатерть, огоньки во всех окнах внезапно исчезли. Света никто не гасил, просто раздраженно хлопнули жалюзи. Это произошло мгновенно. Ни я, ни Джеки не разглядели, кто (или что) опускал жалюзи.

Я выпустил чехол из рук, отошел в сторонку и потянул за собой Джеки.

- К-кукольный домик, Эдди!

- И там внутри куклы?

Я смотрел мимо нее, на закрытую клетку.

- Как ты думаешь, можно выучить канарейку опускать жалюзи?

- О господи! Эдди, слушай.

Из клетки доносились тихие звуки. Шорохи, почти неслышный хлопок. Потом царапанье.

Я подошел к клетке и снял кретоновую скатерть. На этот раз я был начеку и наблюдал за окнами. Но не успел глазом моргнуть, как жалюзи опустились.

Джеки тронула меня за руку и указала куда-то пальцем.

На шатровой крыше возвышалась миниатюрная кирпичная труба. Из нее валили клубочки бледного дыма. Дым все шел да шел, но такой слабый, что я даже не чувствовал запаха.

- К-канарейки г-готовят обед, - пролепетала Джеки.

Мы постояли еще немного, ожидая чего угодно. Если бы из-за двери выскочил зеленый человечек и пообещал нам исполнить любые три желания, мы бы нисколечко не удивились. Но только ничего не произошло.

Теперь из малюсенького домика, заключенного в птичью клетку, не слышалось ни звука.

И окна были затянуты шторами. Я видел, что вся эта поделка - шедевр точности. На маленьком крылечке лежала циновка - вытирать ноги. На двери звонок.

У клеток, как правило, днище вынимается. Но у этой не вынималось. Внизу, там, где его припаивали, остались пятна смолы и наплавка темно-серого металла. Дверца тоже была припаяна, не открывалась. Я мог просунуть указательный палец сквозь решетку, но большой палец уже не проходил.

- Славный коттеджик, правда? - дрожащим голосом спросила Джеки. - Там, должно быть, очень маленькие карапузы.

- Карапузы?

- Птички. Эдди, кто-кто в этом доме живет?

- В самом деле, - сказал я, вынул из кармана автоматический карандаш, осторожно просунул его между прутьями клетки и ткнул в открытое окно, где тотчас жалюзи взвились вверх. Из глубины дома мне в глаза ударило что-то вроде узкого, как игла, луча от миниатюрного фонарика. Я со стоном отпрянул, ослепленный, но услышал, как захлопнулось окно и жалюзи снова опустились.

- Ты видела?

- Нет, ты все заслонял головой. Но...

Пока мы смотрели, всюду погас свет. Лишь тоненькая струйка дыма из трубы показывала, что в доме кто-то есть.

- Мистер Генчард - сумасшедший ученый*, - пробормотала Джеки.

- Он уменьшает людей.

- У него нет уранового котла, - возразил я. - Сумасшедшему ученому прежде всего нужен урановый котел - иначе как он будет метать искусственные молнии?

Я опять просунул карандаш между прутьями, тщательно нацелился, прижал грифелем звонок на двери и позвонил. Раздалось слабое звяканье.

Кто-то торопливо приподнял жалюзи в окне возле входной двери и, вероятно, посмотрел на меня. Не могу утверждать наверняка. Не успел заметить. Жалюзи встали на место, и больше ничто не шевелилось. Я звонил и звонил, пока мне не надоело. Тогда я перестал звонить.

- Можно разломать клетку, - сказал я.

- Ох, нет! Мистер Генчард...

- Что же, - сказал я, - когда он вернется, я спрошу, какого черта он тут вытворяет. Нельзя держать у себя эльфов. Этого в жилищном договоре не было.

- Мы с ним не подписывали жилищного договора, - парировала Джеки.

Я все разглядывал домик в птичьей клетке. Ни звука, ни движения. Только дым из трубы.

В конце концов, мы не имеем права насильно вламываться в клетку. Это все равно что вломиться в чужую квартиру. Мне уже мерещилось, как зеленые человечки, размахивая волшебными палочками, арестуют меня за квартирную кражу. Интересно, есть у эльфов полиция? Какие у них бывают преступления?

Я водворил покрывало на место. Немного погодя тихие звуки возобновились. **Царап. Бух. Шурш - шурш - шурш. Шлеп.** И далеко не птичья трель, которая тут же оборвалась.

- Ну и ну, - сказала Джеки. - Пойдем-ка отсюда, да поживей.

Мы сразу легли спать. Мне приснились полчища зеленых человечков в костюмах опереточных полисменов - они отплясывали на желтой радуге и весело распевали.

Разбудил меня звонок будильника. Я принял душ, побрился и оделся, не переставая думать о том же, что и Джеки. Когда мы надевали пальто, я заглянул ей в глаза и спросил:

---

*Сумасшедший ученый - традиционный персонаж голливудских "фильмов ужаса", делающий вредные, преступные открытия. (Примеч. пер.)

- Так как же?
- Конечно. Ох, боже мой, Эдди! Т-ты думаешь, они тоже идут на работу?
- Какую еще работу? - запальчиво осведомился я. - Сахарницы разрисовывать?
На цыпочках мы прокрались в комнату мистера Генчарда; из-под кретона - ни звука. В окно струилось ослепительное утреннее солнце. Я рывком сдернул чехол. Дом стоял на месте. Жалюзи одного окна были подняты; остальные плотно закрыты. Я приложил голову вплотную к клетке и сквозь прутья уставился на распахнутое окно, где легкий ветерок колыхал ситцевые занавески.
Из окна на меня смотрел огромный страшный глаз.
На сей раз Джеки не сомневалась, что меня смертельно ранили. Она так и ахнула, когда я отскочил как ошпаренный и проорал что-то о жутком, налитом кровью, нечеловеческом глазе. Мы долго жались друг к другу, потом я снова заглянул в то окно.
- Ба, - произнес я слабым голосом, - да ведь это зеркало.
- Зеркало? - захлебнулась Джеки.
- Да, огромное, во всю противоположную стену. Больше ничего не видно. Я не могу подобраться вплотную к окну.
- Посмотри на крыльцо, - сказала Джеки.
Я посмотрел. Возле двери стояла бутылка молока - сами представляете, какой величины. Она была пурпурного цвета. Рядом с ней лежала сложенная почтовая марка.
- Пурпурное молоко? - удивился я.
- От пурпурной коровы. Или бутылка такого цвета. Эдди, а это что, газета?
Это действительно была газета. Я прищурился, пытаясь различить хотя бы заголовки. "В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС", - гласили исполинские красные буквы высотой чуть ли не в полтора миллиметра. "В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС: ФОЦПА НАСТИГАЕТ ТЭРА". Больше мы ничего не разобрали.
Я мягко набросил кретон на клетку. Мы пошли завтракать к Терри - все равно надо было еще долго ждать автобуса.
Когда мы вечером ехали домой, то знали, чем займемся прежде всего.
Мы вошли в дом, установили, что мистер Генчард еще не вернулся, зажгли в его комнате свет и стали вслушиваться в звуки, доносящиеся из птичьей клетки.
- Музыка, - сказала Джеки.
Музыку мы едва слышали, да и вообще она была какая-то ненастоящая. Не знаю, как ее описать. И она

тотчас смолкла. **Бух, царап, шлеп, в-ж-ж.** Потом наступила тишина, и я стянул с клетки чехол.

В домике было темно, окна закрыты, жалюзи опущены. С крыльца исчезла газета и бутылка молока. На двери висела табличка с объявлением, которое предостерегало (я прочел через лупу): "КАРАНТИН! МУШИНАЯ ЛИХОРАДКА!"

- Вот лгунишки, - сказал я. - Пари держу, что никакой лихорадки там нет.

Джеки истерически захохотала.

- Мушиная лихорадка бывает только в апреле, правда?

- В апреле и на рождество. Ее разносят свежевылупившиеся мухи. Где мой карандаш?

Я надавил на кнопку звонка. Занавеска дернулась в сторону, вернулась на место; мы не увидели... руки, что ли, которая ее отогнула. Тишина, дым из трубы не идет.

- Боишься? - спросил я.

- Нет. Как ни странно, не боюсь. Карапузы-то нас чураются. Кэботы беседуют лишь с...*

- Эльфы беседуют лишь с феями, ты хочешь сказать, - перебил я. - А чего они нас, собственно, отваживают? Ведь их дом находится в нашем доме - ты понимаешь мою мысль?

- Что же нам делать?

Я приладил карандаш и с неимоверным трудом вывел "ВПУСТИТЕ НАС" на белой филенке двери. Написать что-нибудь еще не хватило места. Джеки укоризненно зацокала языком.

- Наверно, не стоило этого писать. Мы же не просимся внутрь. Просто хотим на них поглядеть.

- Теперь уж ничего не поделаешь. Впрочем, они догадаются, что мы имеем в виду.

Мы стояли и всматривались в домик, а он угрюмо, досадливо всматривался в нас. Мушиная лихорадка... Так я и поверил!

Вот и все, что случилось в тот вечер.

Наутро мы обнаружили, что с крохотной двери начисто смыли карандашную надпись, что извещение о карантине висит по-прежнему и что на пороге появилась еще одна газета и бутылка зеленого молока. На этот раз заголовок был другой: "В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС: ФОЦПА ОБХОДИТ ТЭРА!"

---

*"Кэботы беседуют лишь с богом" - строчка из четверостишия-тоста американского поэта Джона Коллинса Боссиди (1860-1928); тост посвящен Гарвардскому университету. Кэботы - одно из старейших родовитых американских семейств. (Примеч. пер.)

Из трубы вился дым. Я опять нажал на кнопку звонка. Никакого ответа. На двери я заметил почтовый ящик - этакую костяшку домино - только потому, что сквозь щель виднелись письма. Но ящик был заперт.

- Вот бы прочесть, кому они адресованы, - размечталась Джеки.

- Или от кого они. Это гораздо интереснее.

В конце концов мы ушли на работу. Весь день я был рассеян и чуть не приварил к станку собственный палец. Когда вечером мы встретились с Джеки, мне стало ясно, что и она озабочена.

- Не стоит обращать внимания, - говорила она, пока мы тряслись в автобусе. - Не хотят с нами знаться - и не надо, верно?

- Я не допущу, чтобы меня отваживала какая-то... тварь. Между прочим, мы оба тихо помешаемся, если не выясним, что же там в домике. Как по-твоему, мистер Генчард - волшебник?

- Паршивец он, - горько сказала Джеки. - Уехал и оставил на нас каких-то подозрительных эльфов!

Когда мы вернулись с работы, домик в клетке, как обычно, подготовился к опасности, и не успели мы сдернуть чехол, как отдаленные тихие звуки прекратились. Сквозь опущенные жалюзи пробивался свет. На крыльце лежал только коврик. В почтовом ящике был виден желтый бланк телеграммы.

Джеки побледнела.

- Это последняя капля, - объявила она. - Телеграмма!

- А может, это никакая не телеграмма.

- Нет, она, она, я знаю, что она. "Тетя Путаница умерла". Или "К вам в гости едет Иоланта".

- Извещение о карантине сняли, - заметил я. - Сейчас висит другое. "Осторожно - окрашено".

- Ну, так не пиши на красивой, чистой двери.

Я набросил на клетку кретон, выключил в комнате свет и взял Джеки за руку. Мы стояли в ожидании. Прошло немного времени, и где-то раздалось **тук-тук-тук**, а потом загудело, словно чайник на огне. Я уловил тихий звон посуды.

Утром на крохотном крылечке появились двадцать шесть бутылок желтого - ярко-желтого - молока, а заголовок лилипутской газеты извещал: "В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС: ТЭР ДЕЛАЕТ РЫВОК!" В почтовом ящике лежали какие-то письма, но телеграмму уже вынули.

Вечером все шло как обычно. Когда я снял чехол, наступила внезапная, зловещая тишина. Мы чувствовали, что из-под отогнутых уголков штор за нами наблюдают. Наконец мы легли спать, но среди ночи я встал взглянуть

еще разок на таинственных жильцов. Конечно, я их не увидел. Но они, должно быть, давали бал: едва я заглянул, как смолкло бешеное топанье и цоканье и тихая, причудливая музыка.

Утром на крылечке была красная бутылка и газета. Заголовок был такой: "В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС: ФОЦПА - ПИШИ ПРОПАЛО!"

- Работа у меня летит к чертям собачьим, - сказал я. - Не могу сосредоточиться - все думаю об этой загадке и диву даюсь...

- Я тоже. Непременно надо как-то разузнать.

Я заглянул под чехол. Жалюзи опустились так быстро, что едва не слетели с карнизов.

- Как по-твоему, они обижаются? - спросил я.

- По-моему, да, - ответила Джеки. - Мы же пристаем к ним - просто спасу нет. Знаешь, я готова побиться об заклад, что они сидят сейчас у окон и кипят от злости, ждут не дождутся, чтоб мы ушли. Может, пойдем? Все равно нам пора на автобус.

Я взглянул на домик, а домик, я чувствовал, смотрел на меня - с обидой, раздражением и злостью. Ну да ладно. Мы уехали на работу.

Вернулись мы в тот вечер усталые и голодные, но, даже не сняв пальто, прошли в комнату мистера Генчарда. Тишина. Я включил свет, а Джеки тем временем сдернула с клетки кретоновый чехол.

Я услышал, как она ахнула. В тот же миг я подскочил к ней, ожидая увидеть на нелепом крыльце зеленого человечка, да и вообще что угодно ожидая. Но не увидел ничего выдающегося. Из трубы не шел дым.

А Джеки показывала пальцем на дверь. Там висела новая табличка. Надпись была степенная, краткая и бесповоротная: "СДАЕТСЯ ВНАЕМ".

- Ой-ой-ой! - сказала Джеки.

Я судорожно глотнул. На крохотных окнах были подняты все жалюзи, а ситцевые занавески исчезли. Впервые мы могли заглянуть внутрь домика. Он был совершенно пуст, удручающе пуст.

Мебели нигде нет. Нет вообще ничего, лишь кое-где царапины на паркетном полу с лаковым покрытием. Обои - они выдержаны в мягких тонах и выбраны с хорошим вкусом - безукоризненно чистые. Жильцы оставили дом в безупречном порядке.

- Съехали, - сказал я.

- Да, - пробормотала Джеки. - Съехали.

На душе у меня вдруг стало прескверно. Дом - не тот, крохотный, что в клетке, а наш - ужасно опустел. Знаете,

так бывает, когда вы съездили в гости и вернулись в квартиру, где нет никого и ничего.

Я сгреб Джеки в объятия, крепко прижал ее к себе. У нее тоже было плохое настроение. Никогда бы не подумал, что крохотная табличка "СДАЕТСЯ ВНАЕМ" может так много значить.

- Что скажет мистер Генчард? - воскликнула Джеки, глядя на меня большими глазами.

Мистер Генчард вернулся к вечеру на третьи сутки. Мы сидели у камина, как вдруг он вошел с саквояжем в руках, черный мундштук торчал из-под носа.

- Пф-ф, - поздоровался он с нами.

- Привет, - сказал я слабым голосом. - Рад вас видеть.

- Пустое! - непреклонно заявил мистер Генчард и направился в свою комнату. Мы с Джеки переглянулись.

Мистер Генчард ураганом вырвался из своей комнаты, совершенно разъяренный. В дверях гостиной показалось его искаженное лицо.

- Ротозеи наглые! - зарычал он. - Ведь просил же вас...

- Погодите минутку, - сказал я.

- Съезжаю с квартиры! - взревел мистер Генчард. - Сейчас же!

Его голова скрылась из виду; хлопнула дверь, щелкнул ключ в замке. Мы с Джеки так и ждали, что старик нас отшлепает.

Мистер Генчард опрометью выбежал из своей комнаты, держа в руке саквояж. Он вихрем пронесся мимо нас к двери.

Я попытался остановить его.

- Мистер Генчард...

- Пустое!

Джеки повисла у него на одной руке, я завладел другой. Вдвоем мы ухитрились удержать его на месте.

- Постойте, - сказал я. - Вы забыли свою... э-э... птичью клетку.

- Это по-вашему, - ощерился он. - Можете взять себе. Нахалы! Я убил несколько месяцев, чтобы сделать этот домик по всем правилам, а потом еще несколько месяцев уговаривал их поселиться. Теперь вы все испортили. Они не вернутся.

- Кто"они"? - выпалила Джеки.

Недобрые глаза-бусинки пригвоздили нас к месту.

- Мои жильцы. Придется теперь строить им новый дом... ха! Но уж на этот раз я не оставлю его в чужих руках.

- Погодите, - сказал я. - Вы... вы в-волшебник?

Мистер Генчард фыркнул.

- Я мастер. Вот и весь секрет. Поступайте с ними порядочно - и они с вами будут поступать порядочно. А

все же... - и он засветился гордостью, - ... не всякий может выстроить такой дом, как им нужно!

Он, казалось, смягчился, но следующий мой вопрос его снова ожесточил.

- Кто они такие? - отрывисто сказал он. - Да Маленький Народец, конечно. Называйте как угодно. Эльфы, гномы, феи, тролли... у них много имен. Но они хотят жить в тихом, респектабельном квартале, не там, где вечно подслушивают да подглядывают. От таких штучек дом приобретает дурную славу. Нечего удивляться, что они съехали! А они-то... пф-ф!.. они всегда вносили плату в срок. Правда, Маленький Народец всегда платит исправно, - прибавил он.

- Какую плату? - прошептала Джеки.

- Удачу, - пояснил мистер Генчард. - Удачу. А чем они, по-вашему, платят - деньгами, что ли? Теперь придется делать новый дом, чтобы моя удача вернулась.

На прощание он окинул нас сердитым взглядом, рывком открыл дверь и с топотом выскочил из дома. Мы смотрели ему вслед.

К бензозаправочной колонке, что внизу, у подножия холма, подъезжал автобус, и мистер Генчард пустился бегом.

Он сел-таки в автобус, но сначала основательно пропахал носом землю.

Я обнял Джеки.

- О господи, - сказала она. - Он уже стал невезучий.

- Не то что невезучий, - поправил я. - Просто обыкновенный. Кто сдает домик эльфам, у того удачи хоть отбавляй.

Мы сидели молча, смотрели друг на друга. Наконец, ни слова не говоря, пошли в освободившуюся комнату мистера Генчарда. Птичья клетка была на месте. Как и домик. Как и табличка "Сдается внаем".

- Пойдем к Терри, - предложил я.

Мы задержались там дольше, чем обычно. Можно было подумать, будто нам не хочется идти домой, потому что дом заколдован. На самом деле все было как раз наоборот. Наш дом перестал быть заколдованным. Он стоял покинутый, холодный, заброшенный. Ужасно!

Я молчал, пока мы пересекали шоссе, поднимались вверх по холму, отпирали входную дверь. Сам не знаю зачем, последний раз пошли взглянуть на опустевший домик. Клетка была покрыта (я сам накинул на нее скатерть), но... **бах, шурш, шлеп!** В домике снова появились жильцы!

Мы попятились и закрыли за собой дверь, а уж потом решились перевести дух.

- Нет, - сказала Джеки. - Не надо подсматривать. Никогда, никогда не будем заглядывать под чехол.

- Ни за что, - согласился я. - Как по-твоему, кто...

Мы различили едва слышное журчание - видно, кто-то залихватски распевал. Отлично. Чем им будет веселее, тем дольше они здесь проживут. Мы легли спать, и мне приснилось, будто я пью пиво с Рип Ван Винклем и карликами. Я их всех перепил, они свалились под стол, а я держался молодцом.

Наутро шел дождь, но это было неважно. Мы не сомневались, что в окна льется яркий солнечный свет. Под душем я мурлыкал песенку. Джеки что-то болтала - невнятно и радостно. Мы не стали открывать дверь в комнату мистера Генчарда.

- Может, они хотят выспаться, - сказал я.

В механической мастерской всегда шумно, поэтому, когда проезжает тележка, груженная необработанными обшивками для цилиндров, вряд ли грохот и лязг становятся намного сильнее. В тот день, часа в три пополудни, мальчишка-подручный катил эти обшивки в кладовую, а я ничего не слышал и не видел, отошел от строгального станка и, сощурясь, проверял наладку.

Большие строгальные станки - все равно что маленькие колесницы Джаггернаута. Их замуровывают в бетоне на массивных рамах высотой с ногу взрослого человека, и по этим рамам ходит взад и вперед тяжелое металлическое чудище - строгальный станок, как таковой.

Я отступил на шаг, увидел приближающуюся тележку и сделал грациозное па вальса, пытаясь уклониться. Подручный круто повернул, чтобы избежать столкновения; с тележки посыпались цилиндры, я сделал еще одно па, но потерял равновесие, ударился бедром о кромку рамы и проделал хорошенькое самоубийственное сальто. Приземлился я на металлической раме - на меня неудержимо двигался строгальный станок. В жизни не видел, чтобы неодушевленный предмет передвигался так стремительно.

Я еще не успел осознать, в чем дело, как все кончилось. Я барахтался, надеясь соскочить, люди кричали, станок ревел торжествующе и кровожадно, вокруг валялись рассыпанные цилиндры. Затем раздался треск, мучительно заскрежетали шестерни передач, разваливаясь вдребезги. Станок остановился. Мое сердце забилось снова.

Я переоделся и стал поджидать, когда кончит работу Джеки.

По пути домой, в автобусе, я ей обо всем рассказал.

- Чистейшая случайность. Или чудо. Один из цилиндров попал в станок, и как раз куда надо. Станок

пострадал, но я-то нет. По-моему, надо написать записку, выразить благодарность...э-э... жильцам.

Джеки убежденно кивнула.

- Они платят за квартиру везением, Эдди. Как я рада, что они уплатили вперед!

- Если не считать того, что я буду сидеть без денег, пока не починят станок, - сказал я.

По дороге домой началась гроза. Из комнаты мистера Генчарда слышался стук - таких громких звуков из птичьей клетки мы еще не слышали. Мы бросились наверх и увидели, что там открылась форточка. Я ее закрыл. Кретоновый чехол наполовину соскользнул с клетки, и я начал было водворять его на место. Джеки встала рядом со мной. Мы посмотрели на крохотный домик - моя рука не довершила начатого было дела.

С двери сняли табличку "Сдается внаем". Из трубы валил жирный дым.

Жалюзи, как водится, были наглухо закрыты, но появились кое-какие перемены.

Слабо тянуло запахом стряпни - подгорелое мясо и тухлая капуста, очумело подумал я. Запах, несомненно, исходил из домика эльфов. На когда-то безупречном крыльце красовалось битком набитое помойное ведро, малюсенький ящик из-под апельсинов, переполненный немытыми консервными банками, совсем уж микроскопическими, и пустыми бутылками, явно из-под горячительных напитков. Возле двери стояла и молочная бутылка - жидкость в ней была цвета желчи с лавандой. Молоко еще не вносили внутрь, так же как не вынимали еще утренней газеты.

Газета была, безусловно, другая. Устрашающая величина заголовков доказывала, что это бульварный листок.

От колонны крыльца к углу дома протянулась веревка; правда, белье на ней пока не висело.

Я нахлобучил на клетку чехол и устремился вслед за Джеки на кухню.

- Боже правый! - сказал я.

- Надо было потребовать у них рекомендации, - простонала Джеки. - Это вовсе не наши жильцы.

- Не те, кто жили у нас прежде, - согласился я. - То есть не те, кто жили у мистера Генчарда. Видала мусорное ведро на крыльце?

- И веревку для белья, - подхватила Джеки. - Какое... какая неряшливость!

- Джуки, Калликэки и Джитеры Лестеры. Тут им не "Табачная дорога"*.

Джеки нервно глотнула.

- Знаешь, ведь мистер Генчард предупреждал, что они не вернутся.

- Да, но сама посуди...

Она медленно кивнула, словно начиная понимать. Я сказал:

- Выкладывай.

- Не знаю. Но вот мистер Генчард говорил, что Маленькому Народцу нужен тихий, респектабельный квартал. А мы их выжили. Пари держу, мы создали птичьей клетке - району - дурную репутацию. Перворазрядные эльфы не станут тут жить. Это... о господи... это теперь, наверное, притон.

- Ты с ума сошла, - сказала я.

- Нет. Так оно и есть. Мистер Генчард говорил то же самое. Говорил ведь он, что теперь придется строить новый домик. Хорошие жильцы не поедут в плохой квартал. У нас живут сомнительные эльфы, вот и все.

Я разинул рот и уставился на жену.

- Угу. Те, что привыкли ютиться в трущобах. Пари держу, у них в кухне живет эльфовская коза, - выпалила Джеки.

- Что ж, - сказал я, - мы этого не потерпим. Я их выселю. Я... я им в трубу воды налью. Где чайник?

Джеки вцепилась в меня.

- Не смей! Не надо их выселять, Эдди. Нельзя. Они вносят плату, - сказала она.

И тут я вспомнил.

- Станок...

- Вот именно. - Для пущей убедительности Джеки даже впилась ногтями в мою руку. - Сегодня ты бы погиб, не спаси тебя счастливый случай. Наши эльфы, может быть, и неряхи, но все же платят за квартиру.

До меня дошло.

- А ведь мистеру Генчарду везло совсем по-другому. Помнишь, как он подкинул ногой камень на лестнице у берега и ступенька провалилась? Мне-то тяжко достается. Правда, когда я попадаю в станок, за мной туда же летит цилиндр и останавливает всю махину, это так, но я

---

*"Табачная дорога" - роман американского писателя Эрскина Колдуэлла; книга была экранизирована, и одноименный фильм прославленного режиссера Джона Форда получил мировое признание. Герой рассказа Каттнера имеет в виду оборванцев - персонажей книги и фильма. (Примеч. пер.)

остался без работы, пока не починят станок. С мистером Генчардом ни разу не случалось ничего подобного.

- У него жильцы были не того разряда, - объяснила Джеки с лихорадочным блеском в глазах. - Если бы в станок угодил мистер Генчард, там бы пробка перегорела. А у нас живут сомнительные эльфы, вот и удача у нас сомнительная.

- Ну и пусть живут, - сказал я. - Мы с тобой - содержатели притона. Пошли отсюда, выпьем у Терри.

Мы застегнули дождевики и вышли; воздух был свежий и влажный. Буря ничуть не утихла, завывал порывистый ветер. Я забыл взять с собой фонарик, но возвращаться не хотелось. Мы стали спускаться по холлу туда, где слабо мерцали огни Терри.

Было темно. Сквозь ливень мы почти ничего не видели. Наверно, поэтому и не заметили автобуса, пока он не наехал прямо на нас, - во время затемнения фары почти не светили.

Я хотел было столкнуть Джеки с дороги, на обочину, но поскользнулся на мокром бетоне, и мы оба шлепнулись. Джеки повалилась на меня, и через мгновение мы уже забарахтались в чавкающей грязи кювета, а автобус с ревом пронесся мимо и был таков.

Мы выбрались из кювета и пошли к Терри. Бармен выпучил на нас глаза, присвистнул и налил нам по рюмке, не дожидаясь просьбы.

- Без сомнения, - сказал я, - они спасли нам жизнь.

- Да, - согласилась Джеки, оттирая уши от грязи. - Но с мистером Генчардом такого бы не случилось.

Бармен покачал головой.

- Упал в канаву, Эдди? И вы тоже? Не повезло!

- Не то чтоб не повезло, - слабо возразила Джеки. - Повезло. Но повезло сомнительно. - Она подняла рюмку и посмотрела на меня унылыми глазами. Мы чокнулись.

- Что же, - сказал я. - За удачу!

ЖЕЛЕЗНЫЙ СТАНДАРТ

Вовсе не обязательно, чтобы инопланетяне были настроены по отношению к пришельцам либо дружелюбно, либо враждебно; они могут доставить им немало неприятностей, заняв строго нейтральную позицию.

- А денежки-то нам отсыпят только через год, - произнес Тиркелл, с отвращением зачерпнув ложкой холодные бобы.

Капитан Руфус Мэн на минуту отвлекся от выуживания из супа бобов, которые смахивали на тараканов.

- По-моему, для нас это сейчас не так уж важно. Кстати, год плюс четыре недели, Стив. Ведь полет с Венеры на Землю займет не меньше месяца.

Круглое пухлое лицо Тиркелла помрачнело.

- А до тех пор что? Будем жить впроголодь, питаясь холодными бобами?

Мэн вздохнул, переводя взгляд на затянутый прозрачной пленкой открытый люк космолета "Гудвилл". И промолчал. Бетон Андерхилл, который был включен в состав экипажа благодаря несметному богатству своего папаши и выполнял на корабле обязанности подручного, натянуто улыбнулся и сказал:

- А на что ты, собственно, претендуешь? Мы ведь не можем тратить горючее. Его только и хватит, чтобы доставить нас на Землю. Поэтому - или холодные бобы, или ничего.

- Скоро будет одно "ничего", - угрюмо произнес Тиркелл. - Мы промотались. Ухлопали свое состояние на разгульную жизнь.

- На разгульную жизнь! - прорычал Мэн. - Мы же отдали почти все наши харчи венерианам.

- Так они же кормили нас... один месяц, - напомнил Андерхилл. - Увы, все в прошлом. Теперь у них и кусочка не выманишь. Чем же мы им не угодили, а?

Он умолк - снаружи кто-то расстегнул клапан прозрачного экрана. Вошел приземистый широкоскулый мужчина с крючковатым носом на бронзово-красном лице.

- Что-нибудь нашел, Краснокожий? - спросил Андерхилл.

Майк Парящий Орел швырнул на стол полиэтиленовый мешок.

- Шесть грибов. Не удивительно, что венериане используют гидропонику. У них ведь нет другого выхода. Только грибы могут расти в этой проклятой сырости, да и те в большинстве ядовитые.

Мэн сжал губы.

- Ясно. Где Бронсон?

- Просит милостыню. Но ему не подадут ни одного фала. - Навахо кивнул в сторону входа. - А вот и он сам.

Спустя минуту послышались медленные шаги Бронсона. Лицо вошедшего инженера своим багровым цветом не уступало его шевелюре.

- Ни о чем не спрашивайте, - прошептал он. - Никто ни слова. Подумать только! Я, ирландец из Керри, выклянчиваю вонючий фал у какого-то шагреневокожего ублюдка с железным кольцом в носу. Позор на всю жизнь!

- Сочувствую, - сказал Тиркелл. - Но тебе все-таки удалось раздобыть хоть два-три фала?

Бронсон испепелил его взглядом.

- Неужели я взял бы его поганые деньги, даже если б он мне их предложил?! - взревел инженер, и глаза его налились кровью.

Тиркелл переглянулся с Андерхиллом.

- Он не принес ни фала, - заметил последний.

Бронсон передернулся и фыркнул.

- Он спросил, принадлежу ли я к гильдии нищих! На этой планете даже бродяги обязаны состоять в профсоюзе!

- Нет, Бронсон, это не профсоюзы и тем более не организации типа средневековых гильдий. Местные таркомары гораздо могущественней и куда менее принципиальны.

- Верно, - согласился Тиркелл. - И если мы не состоим в каком-нибудь таркомаре, нас никто не наймет на работу. А членами таркомара мы можем стать, только уплатив вступительный взнос - тысячу софалов.

- Не очень-то налегайте на бобы, - предупредил Андерхилл. У нас осталось всего десять банок.

- Нам позарез нужно что-то предпринять, - сказал Мэн, раздав сигареты. - Венериане не хотят снабжать нас пищевыми продуктами. Одно в нашу пользу: они не имеют права отказаться эти продукты продать. Это же незаконно - не принять от покупателя законное средство платежа.

Майк Парящий Орел с унылым видом перебирал свои шесть грибов.

- Да-а. Остается только раздобыть это законное средство платежа. Мы же здесь хуже нищих. Эх, придумать бы что-нибудь...

"Гудвилл" был на Венере первым посланцем Земли. Перед отлетом на корабль погрузили запас продовольствия на год с лишним, но, как оказалось, у венериан пищи было предостаточно. Продуктами питания их обеспечивали гидропонные установки, размещенные под городами. Но на поверхности планеты не росло ни одного съедобного растения. Животных и птиц было крайне мало, поэтому, даже если б у землян не отобрали оружие, на охоту рассчитывать не приходилось. Вдобавок после трудного космического полета жизнь здесь вначале показалась настоящим праздником в условиях чужой цивилизации, которая на первых порах землян очаровала.

Чужой она была, это точно. Венериане отличались крайней консервативностью. Их вполне устраивало то, что годилось для их отдаленных предков. У людей создалось впечатление, что венериане упрямо противятся любым переменам.

А из-за прилета землян что-то могло измениться.

Поэтому землянам был объявлен бойкот в форме пассивного неприятия. Впрочем, первый месяц все шло без сучка и задоринки. Капитану Мэну вручили ключи от столичного города Вайринга, вблизи которого сейчас стоял "Гудвилл", и венериане щедро снабжали их пищей - непривычными, но вкусными кушаньями из растений, произрастающих в гидропонных садах. В обмен на эти деликатесы земляне бездумно раздавали собственные продукты, угрожающе истощив свои запасы.

Но пищевые продукты венериан быстро портились, и дело кончилось тем, что в распоряжении людей оказался запас продовольствия всего на несколько недель (жалкие остатки того, что они привезли с Земли) да гора гниющих экзотических блюд, от аромата которых еще недавно текли слюнки.

А венериане перестали приносить свои скоропортящиеся фрукты, овощи и грибы, по вкусу напоминающие мясо. Теперь они действовали по принципу "деньги на бочку - и никакого кредита". Большой мясной гриб, который мог насытить четырех голодных мужчин, стоил десять фалов.

Но поскольку у землян не было никаких фалов, мясные грибы были для них недоступны, как, впрочем, и все остальное.

Сперва земляне не придавали этому особого значения - пока не спустились с заоблачных высот и всерьез не призадумались над тем, как раздобыть пищу.

Положение оказалось безвыходным.

Проблема была проста и примитивна. Они, представители могущественной земной цивилизации, хотели есть. Скоро они проголодаются еще больше.

И у них не было никаких ценностей, кроме золота, серебра и бумажных денег. А здесь все это ничего не стоило. На корабле имелся нужный металл, но не в чистом виде, а как составная часть сплавов.

Денежным стандартом Венеры было железо.

- ... Обязательно должен быть какой-то выход, - упрямо заявил Мэн, и его лицо с твердыми резкими чертами потемнело. - Я намерен снова обратиться к Главе Совета. Джораст - баба неглупая.

- А что это даст? - поинтересовался Тиркелл. - Тут выручат только деньги.

Мэн смерил его взглядом, кивком поманил Майка Парящего Орла и направился к выходному клапану. Андерхилл живо вскочил.

- Можно мне с вами?

- Пойдем, если тебе так уж неймется. Только пошевеливайся.

Трое землян вошли в клубящийся туман, погрузившись по щиколотку в липкую грязь, и молча потащились к городу.

- А я-то думал, что индейцы умеют использовать дары природы, - чуть погодя сказал Андерхилл, обращаясь к навахо.

Майк Парящий Орел с усмешкой взглянул на него.

- Я же не венерианский индеец, - возразил он. - Допустим, я сумел бы сделать лук и стрелу и подстрелить какого-нибудь венерианина. Нам ведь не станет от этого легче - разве что его кошелек будет набит софалами.

- Мы могли бы его съесть, - мечтательно прошептал Андерхилл. - Любопытно, какой вкус у жареного венерианина.

- Выясни это и, вернувшись домой, напиши бестселлер, - посоветовал Мэн. - При том условии, конечно, что ты домой вернешься. В Вайринге есть полиция, приятель.

Андерхилл переменил тему:

- А вот и Водяные Ворота. Черт возьми, запахло чьим-то ужином!

- Верно, - проворчал навахо, - но я надеялся, что у тебя хватит ума промолчать. Заткнись, и пошли дальше.

Вайринг окружала стена типа каменной ограды. Вместо улиц в нем были каналы, а вдоль каналов

тянулись скользкие от слякоти тропинки, но тот, кто имел хоть один фал, никогда не ходил пешком.

Яростно чертыхаясь, земляне шлепали по грязи. Никто не обращал на них внимания.

Вдруг к берегу подплыло водяное такси и водитель, к одежде которого был приколот голубой значок его таркомара, окликнул их.

Андерхилл показал ему серебряный доллар.

Земляне, обладавшие большими лингвистическими способностями, быстро выучили язык венериан. Впрочем, понять, что таксист им отказал, было проще простого.

- Так это же серебро, - небрежно произнес тот и указал на вычурную серебряную филигрань, которая украшала нос его суденышка. - Хлам!

- Отличное местечко для Бенджамина Франклина, - заметил Майк Парящий Орел. - Его вставные зубы были сделаны из железа, не так ли?

- Если это правда, то, по представлениям венериан, у него во рту был целый капитал, - проговорил Андерхилл.

Тем временем таксист, презрительно хмыкнув, отчалил от берега и отправился искать пассажиров побогаче. Мэн, продолжая упрямо шагать вдоль канала, вытер со лба пот. "Отличное местечко этот Вайринг, - подумал он. - Отличное местечко для голодной смерти".

Полчаса тяжелой ходьбы постепенно довели Мэна до тупого озлобления. И если еще Джораст откажется их принять!.. Ему казалось, что сейчас он способен разорвать Вайринг зубами. И проглотить его самые съедобные куски.

К счастью, Джораст их приняла, и землян провели в ее кабинет. Джораст передвигалась по комнате в высоком кресле на колесиках, которое приводилось в движение мотором. Вдоль стен тянулась наклонная полка, похожая на конторку и, видимо, того же назначения.

Джораст была стройной седовласой венерианкой с живыми черными глазами, которые сейчас смотрели настороженно. Она сошла с кресла, указала мужчинам на стулья и на один из них опустилась сама.

- Будьте достойны имен ваших отцов, - вежливо сказала она, в знак приветствия вытянув в их сторону свою шестипалую руку. - Что вас привело ко мне?

- Голод, - резко ответил Мэн. - Я думаю, что пора поговорить откровенно.

Джораст наблюдала за ним с непроницаемым выражением лица.

- Я вас слушаю.

- Нам не нравится, когда нас берут за горло.

- Разве мы причинили вам какое-нибудь зло?

Мэн в упор посмотрел на нее.

- Давайте играть в открытую. Нам созданы невыносимые условия. Вы здесь занимаете высокий пост, значит, либо мы страдаем из-за вас, либо вы знаете, в чем причина. Так или нет?

- Нет, - после недолгого молчания произнесла Джораст. - Я не столь могущественна, как вам, видимо, кажется. Я ведь не издаю законы. Я только слежу за точностью их исполнения. Поверьте, мы вам не враги.

- Это еще нужно доказать, - мрачно сказал Мэн. - А если с Земли прилетит другая экспедиция и найдет наши трупы...

- Мы вас не убьем. Это у нас не принято.

- Но вы можете уморить нас голодом.

Джораст прищурилась.

- Так покупайте себе пищу. На это имеет право каждый.

- Но чем мы будем платить? Какими деньгами? Вы же отказываетесь от нашей валюты. А вашей у нас нет.

- Ваша валюта не имеет никакой ценности, - сказала Джораст. - Мы добываем золото и серебро в большом количестве - у нас это самые заурядные металлы. А за один дифал - двенадцать фалов - можно купить много еды. За софал - еще больше.

Еще бы! Софал был равен тысяче семистам двадцати восьми фалам.

- А где, по-вашему, мы возьмем эти железные деньги? - рявкнул Мэн.

- Там же, где и мы, - заработайте их. Тот факт, что вы - пришельцы с другой планеты, не избавляет вас от обязанности трудиться.

- Прекрасно, - не сдавался Мэн. - Мы горим желанием трудиться. Дайте нам работу.

- Какую?

- Ну, хотя бы по расчистке и углублению каналов! Любую!

- А вы состоите в таркомаре чистильщиков каналов?

- Нет, - сказал Мэн. - Как это я забыл в него вступить?

Сарказм последней фразы не произвел на Джораст никакого впечатления.

- У нас каждая профессия имеет свой таркомар.

- Одолжите мне тысячу софалов, и я стану членом таркомара.

- Вы уже пытались занять деньги, - сказала Джораст. - Наши ростовщики сообщили, что имущество, которое вы предлагаете в обеспечение долга, не стоит ни фала.

- Вы хотите сказать, что на нашем корабле нет ничего, за что ваши соплеменники могли бы выложить тысячу софалов? Да ведь один только наш водоочиститель стоит для вас в шесть раз больше.

Джораст явно оскорбилась.

- Вот уже целое тысячелетие мы очищаем воду с помощью древесного угля. Сменив этот метод на другой, мы поставим под сомнение уровень интеллекта наших предков. А их образ жизни и принципы с честью выдержали испытание временем. Зачем же их менять? Будьте достойны имен ваших отцов.

- Послушайте... - начал было Мэн.

Но Джораст уже сидела в своем высоком кресле, давая этим понять, что аудиенция окончена.

- Дело дохлое, - сказал Мэн, когда они спускались в лифте. - Ясно, что Джораст приговорила нас к голодной смерти.

Андерхилл с ним не согласился.

- Она тут ни при чем. Джораст всего лишь исполнитель приказов свыше. Политику здесь делают таркомары, которые пользуются огромным влиянием.

- И фактически правят планетой. - Мэн скривил губы. - По всему видно, что венериане - ярые противники каких бы то ни было перемен. А мы для них как бы олицетворяем эти самые перемены. Поэтому-то они решили сделать вид, будто нас вообще не существует. Нет такого закона, который обязывал бы венериан поддерживать отношения с землянами. Венера не расстилает перед гостями ковровые дорожки.

Когда они вышли на берег канала, Майк Парящий Орел нарушил затянувшееся молчание:

- Если мы не придумаем какой-нибудь способ заработать деньги, нам крышка - подохнем от голода. Что касается наших профессий, то при таких обстоятельствах толку от них, как от козла молока. - Он запустил камень в канал. - Ты, капитан, - физик, я - естествоиспытатель, Бронсон - инженер, а Стив Тиркелл - костоправ. Ты же, мой юный бесполезный друг Бертон, - сын миллионера.

Андерхилл смущенно улыбнулся.

- Уж отец-то знал, как делать деньги. А нас сейчас интересует именно это, верно?

- Каким же способом он ухитрился набить карман?

- Биржевые операции.

- Это как раз для нас, - съязвил Мэн. - Мне кажется, самое подходящее - это разработать какой-нибудь технологический процесс, в котором они остро нуждаются, и продать им идею.

- По-моему, венериане слабовато разбираются в генетике, - сказал Майк Парящий Орел. - А что, если б мне удалось путем скрещивания вывести некое новое съедобное растение?..

- Посмотрим, - сказал Мэн. - Там видно будет.

Пухлое лицо Стива Тиркелла было обращено ко входу в корабль. Остальные сидели за столом и, прихлебывая жидкий кофе, делали записи в блокнотах.

- У меня идея, - сказал Тиркелл.

Мэн хмыкнул.

- Знаю я твои идеи. Что ты нам преподнесешь на этот раз?

- Все очень просто. Предположим, у венериан вспыхивает какая-нибудь эпидемия, а я нахожу антивирус, который спасает их жизнь. Они преисполнены благодарности...

- ... а ты женишься на Джораст и правишь планетой, - докончил Мэн. - Ха!

- Не совсем так, - ничуть не обидевшись, возразил Тиркелл. - Если они окажутся неблагодарными, мы придержим этот антитоксин до тех пор, пока они за него не заплатят.

- В твоей гениальной идее есть одно-единственное слабое место - что-то не похоже, чтобы венериане страдали от какой-нибудь эпидемии, - заметил Майк Парящий Орел. - В остальном она совершенна.

- Я боялся, что вы к этому придеретесь, - вздохнул Тиркелл. - А как бы она нас выручила, такая эпидемия.

- Моя идея - это использование гидроэнергии, - сказал Бронсон. - Или плотины. Здесь что ни дождь, то наводнение.

- Пожалуй, это мысль, - признал Мэн.

- А я займусь скрещиванием в гидропонных садах, - сказал Майк Парящий Орел. - Попробую вывести грибы-бифштексы с привкусом вурчестерского сыра или какими-нибудь еще в том же роде. Ставка на чревоугодников...

- Годится. Стив?

Тиркелл взъерошил себе волосы.

- Я еще помозгую. Не торопи меня.

Мэн взглянул на Андерхилла.

- А у тебя, приятель, есть что предложить?

Андерхилл поморщился.

- Пока нет. Мне в голову лезут одни только биржевые махинации.

- Без денег?

- В том-то и беда.

Мэн кивнул.

- Лично я подумываю о рекламе. Поскольку я физик, это по моей части. Как ни странно, здесь не знают рекламы, хотя торгуют вовсю. Надеюсь подцепить на этот крючок розничных торговцев. Местное телевидение прямо создано для броской рекламы. Для той трюковой аппаратуры, которую я мог бы изобрести. Чем плохо?

- Построю-ка я рентгеновский аппарат, - внезапно объявил Тиркелл. - Ты мне поможешь, командир?

Мэн согласился.

- У нас есть все необходимое для этого и чертежи. Завтра же приступим. Сейчас, пожалуй, уже поздновато.

И квинтет отправился спать. Всем им приснился обед из трех блюд, всем, кроме Тиркелла, который во сне ел жареного цыпленка, а тот вдруг превратился в венерианина и начал пожирать самого Тиркелла. Он проснулся весь в поту, выругался, принял снотворное и заснул снова.

На следующее утро они разбрелись кто куда. Майк Парящий Орел, прихватив с собой микроскоп, отправился в ближайший гидропонный центр и принялся за работу. Венериане запретили ему уносить споры на "Гудвилл", но против его экспериментов в самом Вайринге не возражали. Он выращивал культуры, применяя ускоряющие рост комплексные препараты, и пока не терял надежды на успех.

Пэт Бронсон нанес визит Скоттери, старшему гидроэнергетику. Скоттери, высокий, унылого вида венерианин, хорошо разбирался в технике.

- Сколько у вас электростанций? - спросил Бронсон.

- Четыре дюжины на двенадцать в третьей степени. Сорок две дюжины в этом районе.

- А сколько из них сейчас действуют? - продолжал допытываться Бронсон.

- Дюжин семнадцать.

- Стало быть, триста, то есть двадцать пять дюжин - на простое. А расходы на содержание и ремонт?

- Это весьма существенный фактор, - признал Скоттери. - Рельеф быстро меняется. Сами знаете, эрозия почвы. Стоит нам выстроить электростанцию в ущелье, как на следующий год река меняет русло.

И тут Бронсона озарило.

- Предположим, вы строите плотины, чтобы создать водохранилища. У вас тогда будет постоянный источник энергии и вам понадобится всего лишь несколько больших электростанций, которые будут работать бесперебойно. А горы засадите вывезенными с Земли деревьями.

Скоттери поразмыслил над его предложением.

- Количество энергии, которое мы получаем, полностью удовлетворяет наши потребности.

- Но во сколько эта энергия вам обходится?

- Этот расход покрывается прибылью, которая, как и сумма чистого дохода, не меняется вот уже триста лет. А раз у нас есть все необходимое, нам не нужно больше ни одного фала.

- А вдруг мой план заинтересует ваших конкурентов?

- Их всего трое, и он заинтересует их не больше, чем меня. Рад, что вы посетили меня. Будьте достойны имени вашего отца.

- Ах ты бездушная рыба! - вскричал Бронсон, потеряв самообладание. Он с силой ударил кулаком по ладони. - Да я посрамлю имя старого Сеймаса Бронсона, если сейчас не вмажу в твое мерзкое рыло...

Скоттери нажал кнопку. Вошли два высоченных венерианина. Старший гидроэнергетик указал на Бронсона.

- Выведите его, - приказал он.

Капитан Руфус Мэн и Берт Андерхилл находились в одной из телестудий. Рядом с ними сидел Хэккапай, владелец предприятий "Витси", что в вольном переводе означало "Колючая влага". Их взоры были устремлены вверх на висевший почти под потолком экран. Шла коммерческая телепередача - реклама продукции предприятий Хэккапая.

На экране возникло изображение венерианина - руки в боки, ноги широко расставлены. Он поднял руку с шестью растопыренными пальцами.

- Все пьют воду. Вода полезна. Вода необходима для жизни. Напиток "Витси" тоже полезен. Бутылка "Витси" стоит четыре фала. Все.

Изображение исчезло. По экрану побежала пестрая рябь и зазвучала своеобразного ритма музыка. Мэн повернулся к Хэккапаю.

- Это же не реклама. Так не привлекают покупателей.

- У нас так принято испокон веков, - неуверенно возразил Хэккапай.

Из лежавшего у его ног свертка Мэн вытащил высокий стеклянный бокал и попросил бутылку "Витси". Получив ее, он вылил в бокал зеленую жидкость, бросил в него с полдюжины разноцветных шариков и кусок искусственного льда, который опустился на дно. Шарики быстро запрыгали.

Хэккапая это явно заинтересовало, но тут вошел толстый венерианин и произнес:

- Да будете вы достойны имен ваших предков.

Хэккапай представил его, назвав Лоришем.

- Я решил, что это нужно показать Лоришу. Вас не затруднит проделать все снова?

- Нисколько, - сказал Мэн.

Когда он кончил, Хэккапай взглянул на Лориша.

- Нет, - произнес тот.

Хэккапай выпятил губы.

- С такой рекламой можно продать больше "Витси".

- И тем самым нарушить экономический баланс. Нет. Как представитель таркомара рекламодателей я это не

разрешаю. Хэккапай доволен суммой получаемой им прибыли. Не так ли, Хэккапай?

- Пожалуй...

- Уж не ставите ли вы под сомнение мотивы, которыми руководствуются таркомары?

Хэккапай судорожно глотнул.

- Нет, нет! - поспешно сказал он. - Вы абсолютно правы.

Лориш пристально посмотрел на него.

- То-то же. А вам, землянам, впредь лучше не тратить время на осуществление своей... программы.

Мэн побагровел.

- Это угроза?

- Что вы! Я просто хочу поставить вас в известность, что ни один рекламодатель не примет ваши предложения без предварительной консультации с моим таркомаром. А мы наложим на это запрет.

- Понятно, - сказал Мэн. - Вставай, Берт. Пошли отсюда.

Обмениваясь впечатлениями, они побрели по берегу канала.

- Так мы ничего не добьемся, - заявил Андерхилл. - Впрочем, кое-что нам на руку.

- Что именно?

- Их законы.

- Так они же направлены против нас, - возразил Мэн.

- В принципе - да, но они основаны на традициях и поэтому лишены гибкости и не поддаются свободному толкованию. Если б нам удалось найти в их законодательстве какую-нибудь лазейку, оно перестало бы быть для нас помехой.

- Вот и ищи эту лазейку, - раздраженно сказал Мэн. - А я пойду на корабль и помогу Стиву смонтировать рентгеновский аппарат.

Через неделю рентгеновский аппарат был готов. Мэн и Тиркелл ознакомились с законами Вайринга и почерпнули из них, что с некоторыми незначительными ограничениями имеют право продать сконструированный ими механизм, не состоя в таркомаре. Были отпечатаны и разбросаны по городу рекламные листовки, и венериане пришли поглазеть, как Мэн и Тиркелл демонстрируют свое детище.

Майк Парящий Орел прервал на день работу и от волнения выкурил одну за другой дюжину сигарет из своего скудного запаса. Его опыты с гидропонными культурами потерпели неудачу.

- Идиотизм какой-то! - пожаловался он Бронсону. - Будь на моем месте Лютер Бербанк, у него от этого ум за разум зашел бы. Каким образом, черт возьми, я могу

опылять эти не поддающиеся классификации образчики венерианской флоры?

- Выходит, ты так ничего и не добился? - спросил Бронсон.

- О, я добился многого, - с гордостью сказал Майк Парящий Орел. - Я вывожу самые разнообразные гибриды. Но, к сожалению, они нестойки. Я получаю гриб с запахом рома, а из его спор вырастает нечто непонятное, отдающее скипидаром. Такие вот дела.

Бронсон был само сочувствие.

- А ты не можешь за их спиной стащить немного харчей? Будет хоть какой-то толк от твоей работы.

- Они меня обыскивают, - сказал навахо.

- Грязные вонючки! - взвизгнул Бронсон. - За кого они нас принимают? За жуликов?..

- М-м... Там что-то происходит. Давай-ка посмотрим.

Они вышли из "Гудвилла" и увидели, что Мэн отчаянно спорит с Джораст, которая собственной персоной явилась взглянуть на рентгеновский аппарат. Толпа венериан с жадным любопытством наблюдала за ними. Лицо Мэна было цвета спелой малины.

- Я ознакомился с вашими законами, - говорил он. - На этот раз, Джораст, вам не удастся мне помешать. Строительство какого-нибудь механизма и продажа его за пределами городской черты - действия совершенно правомерные.

Женщина сделала знак рукой, и из толпы вперевалку вышел жирный венерианин.

- Патент за светочувствительную пленку за номером тридцать шесть дюжин в квадрате, - забубнил он. - Выдан Метси-Стангу из Милоша в двенадцатом в четвертой степени году.

- Это еще что такое? - спросил Мэн.

- Патент, - объяснила Джораст. - Не так давно он был выдан одному нашему изобретателю по имени Метси-Станг. Таркомар купил патент и приостановил производство, однако этот патент остается в силе.

- Вы хотите сказать, что у вас кто-то уже изобрел такой вот аппарат?

- Нет. Всего лишь светочувствительную пленку. Но поскольку она является частью вашего аппарата, вы не имеете права его продать...

Тиркелл круто повернулся и ушел на корабль, где налил себе виски с содовой и погрузился в сладострастные мечты о какой-нибудь эпидемии. Вскоре с огорченными лицами ввалились остальные.

- А все они - таркомары, - сказал Андерхилл. - Стоит им пронюхать про какой-нибудь новый технологический процесс или изобретение, которое, по их мнению, может

повлечь за собой хоть малейшие перемены, как они тут же покупают авторские права на них и закрывают производство.

- Они действуют в рамках своего закона, - произнес Мэн. - Поэтому спорить с ними бесполезно. Мы подчиняемся их законодательству.

- Бобы уже на исходе, - гробовым голосом объявил Тиркелл.

- Как и все остальное, - заметил капитан. - Есть какие-нибудь предложения?

- Должно же у них быть хоть одно уязвимое место! - в сердцах воскликнул Андерхилл. - Ручаюсь, что оно есть. - И прикрыл глаза. - Нашел! Человеко-часы! Это ведь постоянная величина. Стоимость продукции, которую человек может выработать за один час, представляет собой произвольную постоянную - два доллара, дюжина дифалов и так далее. По ней мы и должны нанести удар. Культ предков, власть таркомаров - явления чисто внешние, поверхностные. Стоит пошатнуть основу системы, и их как не бывало.

- А нам-то что с того? - спросил Тиркелл.

- Нужно добиться, чтобы человеко-часы стали переменной величиной, - объяснил Андерхилл. - Тогда может произойти все что угодно.

- Не мешало бы, чтобы наконец что-то произошло, - сказал Бронсон. - И поскорее. У нас еды кот наплакал.

- Хватит ныть, - произнес Мэн. - По-моему, Берт подал интересную мысль. А каким образом можно изменить постоянную величину человеко-часов?

- Вот если б удалось заставить их работать быстрее, - задумчиво проговорил Андерхилл.

- Из хорошей дозы кофеина и комплекса витаминов я берусь состряпать отличный стимулятор, - предложил Тиркелл.

Мэн медленно кивнул.

- Только не для инъекций, а в виде таблеток. Если это себя оправдает, мы втихую займемся их изготовлением.

- А что мы выгадаем, черт побери, если венериане будут работать быстрее? - спросил Бронсон.

Андерхилл прищелкнул пальцами.

- Неужели непонятно? Венериане ультраконсервативны. Тут такое начнется!..

- Чтобы заинтересовать венериан, прежде всего нужна реклама, - сказал Мэн. - Он остановил взгляд на Майке Парящем Орле. - Пожалуй, ты, Краснокожий, подходишь для этого больше всех. По результатам тестов ты у нас самый выносливый.

- Ладно, - согласился навахо. - А что я должен делать?

- Работать! - ответил Мэн. - Работать, пока не свалишься.

Это началось ранним утром следующего дня на главной площади Вайринга. Чтобы избежать неприятностей, Мэн предварительно навел справки и выяснил, что на этой площади венериане со временем намереваются выстроить нечто вроде клуба.

- Строительство начнется еще не скоро, - сказала ему Джораст. - А в чем дело?

- Мы хотим вырыть на этом месте яму, - ответил Мэн. - Мы не нарушим никакой закон?

Венерианка улыбнулась.

- Нет, конечно. Только вряд ли вам поможет публичная демонстрация вашей физической силы. Это же неквалифицированный труд.

- Реклама всегда себя окупает.

- Дело ваше. По закону вы имеете на это право. Однако вы не можете растянуть эту работу надолго, не состоя в таркомаре.

- Иногда мне кажется, что без таркомаров на вашей планете жилось бы куда лучше, - резко сказал Мэн.

Джораст повела плечами.

- Между нами, мне самой это не раз приходило в голову. Но я ведь всего-навсего администратор. Я поступаю так, как мне указывают. Если б мне разрешили, я бы с радостью одолжила вам деньги, в которых вы так нуждаетесь... Однако это запрещено. Традиции не всегда исполнены мудрости, но тут я бессильна. Мне очень жаль...

После этого разговора Мэну как-то стало легче на душе: оказывается, не все венериане были врагами.

На площади его уже ждали остальные члены экипажа "Гудвилла". Бронсон смонтировал табло для текстов на венерианском языке и привез сюда на тачке мотыгу, кирку, лопату и доски. Это зрелище привлекло внимание, и у берега канала остановилось несколько лодок.

Мэн взглянул на часы.

- Все готово, Краснокожий. Поехали. Стив может начинать...

Андерхилл забил в барабан. Бронсон укрепил на табло цифры 4:03:00 по вайрингскому времени. Тиркелл подошел к стоявшему неподалеку легкому складному столику, сплошь заставленному какими-то пузырьками и медицинскими инструментами, вытряс из бутылочки тонизирующую таблетку и вручил ее Майку Парящему Орлу. Индеец проглотил таблетку, взял мотыгу и принялся за работу. Число остановившихся лодок росло.

Прошел час. Другой. Майк Парящий Орел все рыл и рыл. Сперва он рыхлил землю мотыгой, потом лопатой набрасывал ее на тачку, по дощатому настилу отвозил тачку в сторону и вываливал свой груз на растущую кучу

земли. Три часа. Четыре... Майк сделал перерыв и быстро перекусил. Бронсон продолжал отмечать на табло время.

Андерхилл сидел за пишущей машинкой. Он уже отпечатал целую гору листов, так как начал работать одновременно с Майком Парящим Орлом. Бронсон вспомнил свой давно забытый талант и жонглировал каким-то подобием индейских дубинок и разноцветными шариками. Он тоже трудился уже не один час.

Капитан Руфус Мэн строчил на швейной машине. Работа требовала большой точности и потому значила немало для успеха их замысла. Только Тиркелл не был занят физическим трудом - он с важным видом разносил таблетки, добросовестно изображая из себя алхимика.

Время от времени он подходил к Мэну и Андерхиллу, подбирал листы бумаги и аккуратно сшитые кусочки материи и складывал это в стоявшие на берегу канала ящики с надписью: "Возьмите одну штуку". На каждом квадратике ткани была вышита машиной фраза: "Сувенир с Земли". Толпа росла.

А земляне все работали. Бронсон жонглировал, иногда останавливаясь, чтобы подкрепиться. Майк Парящий Орел копал яму. Мэн строчил на швейной машине. Андерхилл продолжал стучать по клавишам, и венериане читали текст, отпечатанный его порхающими пальцами.

"Бесплатно! Бесплатно! Бесплатно! - стояло в листовках. - Вышитые наволочки с Земли - на память! Бесплатное представление! Понаблюдайте за четырьмя землянами - каждый из них, выполняя свою трудовую операцию, демонстрирует исключительную выносливость, ловкость и точность. Долго ли они продержатся в такой форме?! "ПИЛЮЛИ СИЛЫ" неограниченно расширяют их возможности! "ПИЛЮЛИ СИЛЫ" удваивают производительность труда и вдвое повышают его качество! Это земной медицинский препарат. Каждый, кто его принимает, ценится на вес железа!"

Венериане не устояли. Содержание листовки передавалось из уст в уста. Толпа густела. Долго ли земляне выдержат этот темп?

А земляне не сдавались. Тонизирующие таблетки и комбинированные инъекции, которые этим утром Тиркелл вкатил своим товарищам, по всей видимости, оказывали свое действие. Майк Парящий Орел рыл землю, как крот. Пот ручьями стекал по его блестящему бронзово-красному туловищу. Он невероятно много пил и глотал таблетки соли.

Мэн все шил, не пропуская ни одного стежка. Он знал, что его изделия изучают самым тщательным образом. Бронсон, ни разу не сбившись, жонглировал. Андерхилл ноющими от боли пальцами стучал по клавишам пишущей машинки.

Пять часов. Шесть. Труд изнурительный, даже с перерывами для отдыха. Семь часов. Восемь. Тьма лодок запрудила каналы, и на них приостановилось движение. Откуда-то вынырнул полицейский и устроил скандал Тиркеллу, который отослал его к Джораст. Должно быть, она как следует прочистила полицейскому мозги, потому что, вернувшись, он присоединился к зрителям и больше ни во что не вмешивался.

Девять часов. Десять. Люди были вымотаны до предела, но продолжали работать. Десять часов геркулесова труда.

Однако к этому времени они уже добились своего: к Тиркеллу подошли несколько венериан и стали расспрашивать про "Пилюли Силы". Что это такое? Правда ли, что, принимая их, работаешь быстрее? Можно ли купить?..

Рядом с Тиркеллом возник полицейский.

- Я получил распоряжение от таркомара фармакологов, - объявил он. - Если вы продадите хоть одну пилюлю, сядете в тюрьму.

- А мы ими не торгуем, - возразил Тиркелл. - Мы раздаем пилюли бесплатно. Бери, друг. - Он запустил руку в мешок и бросил "Пилюлю Силы" венерианину, который стоял к нему ближе других. - С ней ты удвоишь свою дневную норму выработки. Приходи завтра, получишь еще. И тебе, приятель? Пожалуйста. Тебе тоже? Лови!

- Постойте... - начал полицейский.

- Сперва получи ордер на арест, - прервал его Тиркелл. - Закон не запрещает делать подарки.

Появилась Джораст в обществе дородного венерианина, которого она представила как главу всех таркомаров Вайринга.

- Прошу прекратить это безобразие, - потребовал венерианин.

Тиркелл знал, что на это ответить.

Его товарищи продолжали делать свое дело, но он чувствовал, что они краем глаза наблюдают за этой сценой и навострили уши.

- Что вы хотите нам пришить?

- Э... э, торговлю в разнос.

- Так ведь я ничего не продаю. Эта площадь - общественное владение, и мы устроили на ней бесплатное представление.

- А эти... как их... "Пилюли Силы"?

- Подарки, - объяснил Тиркелл. - По закону мы имеем полное право делать подарки. Есть возражения?

В глазах Джораст блеснул огонек, но она поспешно опустила веки.

- Боюсь, он прав. Закон на его стороне. В их действиях нет вреда.

Глава таркомаров густо позеленел, в нерешительности потоптался на месте и, круто повернувшись, зашагал прочь. Джораст бросила на землян загадочный взгляд, повела плечами и отправилась вслед за ним.

- До сих пор никак не приду в себя - мышцы точно свинцом налиты, - сказал через неделю Майк Парящий Орел, сидя в "Гудвилле". - И есть хочется до чертиков. Когда у нас наконец появится еда?

Тиркелл у входа выдал какому-то венерианину "Пилюлю Силы" и подошел к остальным, с улыбкой потирая руки.

- Терпение. Только терпение. Как дела, командир?

Мэн кивнул на Андерхилла.

- Спроси у этого парня. Он только что вернулся из Вайринга.

Андерхилл хихикнул.

- Там такое делается! За неделю все пошло вверх тормашками. Сейчас каждый венерианин, который вырабатывает штучные изделия, прямо-таки жаждет получить наши таблетки, чтобы ускорить процесс производства и заработать побольше фалов.

- А как на это смотрят их заправилы? - спросил Бронсон.

- Да у них просто глаза на лоб лезут. К примеру, до настоящего времени один венерианин зарабатывал в неделю десять софалов, штампуя пять тысяч крышек для бутылок. Принимая таблетки Стива, он изготовляет восемь, а то и десять тысяч и соответственно зарабатывает больше. Работяга, сидящий рядом, не может с этим смириться и бежит к нам за "Пилюлями Силы" для себя. Цепная реакция. И самое пикантное, что принцип сдельщины, естественно, применим не ко всем видам труда. Скажем, работа синоптиков измеряется часами, а не количеством выпавших за день дождевых капель.

Мэн кивнул.

- Ты к тому, что это порождает зависть?

- Вот послушай, - продолжал Андерхилл. - Предположим, синоптик получает в неделю десять софалов - столько же, сколько рабочий, штампующий крышечки для бутылок. И вдруг этот рабочий начинает зарабатывать двадцать софалов. Синоптик в недоумении. Он тоже решает попринимать "Пилюли Силы", но это не сказывается на производительности его труда. Тогда он просит повысить ему зарплату. Если ему идут навстречу, это еще больше нарушает экономический баланс. Если же ему отказывают, он обсуждает это с другими синоптиками, и все они приходят к выводу, что с ними обошлись несправедливо.

- Таркомары запретили работать всем венерианам, принимающим "Пилюли Силы", - сказал Майк Парящий Орел.

- Однако аборигены по-прежнему за ними приходят. Подумаешь, запретили! Интересно, как можно определить, кто их принимает? Понятно, что этот рабочий дает больше продукции, но не могут же таркомары уволить каждого, у кого повышается производительность труда.

- Великолепная идея - это наше показательное выступление, - проговорил Тиркелл. - Оно их просто загипнотизировало. Последнее время я вынужден был снизить тонизирующее действие таблеток: мои запасы на исходе. Но это компенсируется силой внушения.

Андерхилл ухмыльнулся.

- Итак, человеко-час начал выписывать вензеля. Маленькая палочка, вставленная в самое важное колесо. И это не только в Вайринге. Слухи расползаются по всей планете, и рабочие других городов уже интересуются, с какой это стати труд половины рабочих Вайринга оплачивается выше, чем их. Сейчас валютный стандарт - единая для всей Венеры денежная система - работает на нас. Номинальная стоимость товаров ни разу не менялась здесь уже несколько веков. А теперь...

- Теперь все пойдет кувырком, - сказал Мэн. - Таркомары разучились приспосабливаться к переменам.

- Это только начало, - уверенно сказал Андерхилл. - Стив, к тебе еще один клиент.

Андерхилл ошибся. Вошли Джораст и глава таркомаров Вайринга.

- Будьте достойны имен ваших предков, - вежливо сказал Мэн. - Присаживайтесь и угощайтесь. У нас еще осталось несколько банок пива.

Джораст приняла приглашение, а венерианин остался стоять, переминаясь с ноги на ногу и сердито глядя исподлобья.

- Мэлси очень огорчен, - сказала венерианка. - Из-за этих "Пилюль Силы" возникли неприятности.

- Но почему? - удивился Мэн. - Ведь они повышают производительность труда.

У Мэлси перекосилось лицо.

- Это обман! Хитрый ход! Вы злоупотребляете нашим гостеприимством!

- Каким таким гостеприимством? - полюбопытствовал Бронсон.

- Вы поставили под угрозу всю нашу систему! - не унимался Мэлси. - На Венере не должно происходить никаких перемен. Так должно быть и впредь.

- Это почему? - спросил Андерхилл. - Впрочем, на то есть одна-единственная причина, и вам она хорошо

известна. Прогресс в любой области может расстроить планы таркомаров - он грозит им потерей власти. Вы, мошенники и вымогатели, веками правили планетой. Вы клали под сукно изобретения, культивировали застой, пытались задушить инициативу народа - и все для того, чтобы удержаться наверху. Зря старались. Перемены неотвратимы.

Мэлси вперил в него злобный взгляд.

- Вы должны прекратить раздачу этих "Пилюль Силы".

- Приведите закон, - тихо сказал Тиркелл. - Укажите прецедент.

- Закон, дающий право делать подарки, - один из самых древних наших законов, - произнесла Джораст. - В него можно внести изменения, Мэлси, но народ вряд ли это одобрит.

Мэн усмехнулся.

- Безусловно. Это вызовет недовольство, и главы таркомаров утратят репутацию правителей, желающих добра своему народу.

Мэлси позеленел еще гуще.

- Мы можем применить силу...

- Джораст, вы представляете исполнительную власть. Скажите, находимся ли мы под защитой ваших законов? - спросил Андерхилл.

Джораст шевельнула плечами.

- Да, конечно. Законы священны.

Мэлси бросился к ней.

- Вы что, на стороне землян?

- Ах, Мэлси, разумеется, нет. Просто я слежу за точным исполнением законов. В чем я присягнула при вступлении на должность.

- Если вам так хочется, мы перестанем раздавать "Пилюли Силы", - сказал Мэн. - Но уверяю вас, что это только отсрочит события. Вы не в силах остановить прогресс.

- Значит, вы прекратите раздачу этих пилюль?

- Да, при условии, что вы нам за это заплатите.

- Мы не можем вам заплатить ни фала, - заупрямился Мэлси. - Вы же не состоите ни в одном таркомаре.

Джораст прошептала:

- Вы могли бы подарить им, ну, тысяч десять софалов.

- Десять тысяч! - вскричал Мэлси. - Да вы что, смеетесь?

- Только так, - сказал Андерхилл. - Впрочем, нас больше устроит пятьдесят тысяч. На эти деньги мы сможем беззаботно прожить год.

- Нет!

Снаружи к входу в корабль подошел какой-то венерианин, просунул голову в отверстие клапана и сказал:

- Сегодня я заработал вдвое больше, чем прежде. Не дадите ли вы мне еще одну "Пилюлю Силы"?

Тут он увидел Мэлси и, охнув, исчез.

Мэн пожал плечами.

- Выбирайте. Или вы нам заплатите, или мы попрежнему будем раздавать "Пилюли Силы".

Джораст прикоснулась к руке Мэлси.

- У нас нет другого выхода.

- Я... - К этому времени глава таркомаров уже почти почернел от бессильной злобы. - Ладно, - сдался он. - Я вам этого не забуду, Джораст, - процедил он сквозь зубы.

- Но ведь мой долг - блюсти закон, - сказала венерианка.

Мэлси промолчал. Он быстро нацарапал чек на пятьдесят тысяч софалов, подписал его и сунул листок Мэну. Потом он с ненавистью оглядел внутренность кабины космолета и двинулся к выходу.

- Живем! - воскликнул Бронсон. - Пятьдесят косых! Уж сегодня-то мы наедимся до отвала!..

- Да будете вы достойны имен ваших отцов, - тихо сказала Джораст. У выходного клапана она задержалась. - Боюсь, вы очень огорчили Мэлси. А Мэлси - глава всех таркомаров...

- Чем он может нам напакостить? - спросил Андерхилл.

- Ничем. Ему не позволят законы. Однако... приятно сознавать, что у таркомаров есть свое слабое место.

Джораст многозначительно подмигнула Мэну и удалилась.

- Ну и ну! - воскликнул Мэн. - Как это понимать? Не значит ли это, что правлению таркомаров приходит конец?

- Все может быть, - сказал Бронсон. - Только мне на это наплевать. Я голоден и хочу гриб-бифштекс. Где здесь можно обратить в наличность чек на пятьдесят косых?

"ВСЕ ТЕНАЛИ БОРОГОВЫ..."

Нет смысла описывать ни Унтахорстена, ни его местонахождение, потому что, во-первых, с 1942 года нашей эры прошло немало миллионов лет, а во-вторых, если говорить точно, Унтахорстен был не на Земле. Он занимался тем, что у нас называется экспериментированием, в месте, которое мы бы назвали лабораторией. Он собирался испытать свою машину времени.

Уже подключив энергию, Унтахорстен вдруг вспомнил, что Коробка пуста. А это никуда не годилось. Для эксперимента нужен был контрольный предмет - твердый и объемный, в трех измерениях, чтобы он мог вступить во взаимодействие с условиями другого века. В противном случае по возвращении машины Унтахорстен не смог бы определить, где она побывала. Твердый же предмет в Коробке будет подвергаться энтропии и бомбардировке космических лучей другой эры, и Унтахорстен сможет по возвращении машины замерить изменения как качественные, так и количественные. Затем в работу включатся Вычислители и определят, где Коробка побывала в 1000000 году Новой эры, или в 1000 году, или, может быть, в 0001 году.

Не то чтобы это было кому-нибудь интересно, кроме самого Унтахорстена. Но он во многом был просто ребячлив.

Времени оставалось совсем мало. Коробка уже засветилась и начала содрогаться. Унтахорстен торопливо огляделся и направился в соседнее помещение. Там он сунул руку в контейнер, где хранилась всякая ерунда, и вынул охапку каких-то странных предметов. Ага, старые игрушки сына Сновена. Мальчик захватил их с собой, когда, овладев необходимой техникой, покидал Землю. Ну, Сновену этот мусор больше не нужен. Он перешел в

новое состояние и детские забавы убрал подальше. Кроме того, хотя жена Унтахорстена и хранила игрушки из сентиментальных соображений, эксперимент был важнее.

Унтахорстен вернулся в лабораторию, швырнул игрушки в Коробку и захлопнул крышку. Почти в тот же момент вспыхнул контрольный сигнал. Коробка исчезла. Вспышка при этом была такая, что глазам стало больно.

Унтахорстен ждал. Он ждал долго.

В конце концов он махнул рукой и построил новую машину, но результат получился точно такой же. Поскольку ни Сновен, ни его мать не огорчились пропажей первой порции игрушек, Унтахорстен опустошил контейнер и остатки детских сувениров использовал для второй Коробки.

По его подсчетам, эта Коробка должна была попасть на Землю во второй половине XIX века Новой эры. Если это и произошло, то Коробка осталась там.

Раздосадованный, Унтахорстен решил больше не строить машин времени. Но зло уже свершилось. Их было две, и первая...

Скотт Парадин нашел ее, когда прогуливал уроки.

К полудню он проголодался, и крепкие ноги принесли его к ближайшей лавке. Там он пустил в дело свои скудные сокровища, экономно и с благородным презрением к собственному аппетиту. Затем отправился к ручью поесть.

Покончив с сыром, шоколадом и печеньем и опустошив бутылку содовой, Скотт наловил головастиков и принялся изучать их с некоторой долей научного интереса. Но ему не удалось углубиться в исследования. Что-то тяжелое скатилось с берега и плюхнулось в грязь у самой воды, и Скотт, осторожно осмотревшись, заторопился поглядеть, что это такое.

Это была Коробка. Та самая Коробка. Хитроумные приспособления на ее поверхности Скотту ни о чем не говорили, хотя, впрочем, его удивило, что вся она оплавлена и обуглена. Высунув кончик языка из-за щеки, он потыкал Коробку перочинным ножом - хм! Вокруг никого, откуда же она появилась? Наверно, ее кто-нибудь здесь оставил, из-за оползня она съехала с того места, где прежде лежала.

- Это спираль, - решил Скотт, и решил неправильно. Эта штука была спиралевидная, но она не была спиралью из-за пространственного искривления.

Но ни один мальчишка не оставит Коробку запертой, разве что его оттащить насильно. Скотт ковырнул поглубже. Странные углы у этой штуки. Может, здесь было короткое замыкание, поэтому? Фу-ты! Нож соскользнул. Скотт пососал палец и длинно, умело выругался.

Может, это музыкальная шкатулка?

Скотт напрасно огорчался. Эта штука вызвала бы головную боль у Эйнштейна и довела бы до безумия Штайнмеца. Все дело было, разумеется, в том, что Коробка еще не совсем вошла в тот пространственно-временной континуум, в котором существовал Скотт, и поэтому открыть ее было невозможно. Во всяком случае, до тех пор, пока Скотт не пустил в ход подходящий камень и не выбил эту спиралевидную неспираль в более удобную позицию.

Фактически он вышиб ее из контакта с четвертым измерением, высвободив пространственно-временной момент кручения. Раздался резкий щелчок, Коробка слегка содрогнулась и лежала теперь неподвижно, существуя уже полностью. Теперь Скотт открыл ее без труда.

Первое, что попалось ему на глаза, был мягкий вязаный шлем, но Скотт отбросил его без особого интереса. Ведь это была всего-навсего шапка. Затем он поднял прозрачный стеклянный кубик, такой маленький, что он уместился на ладони - слишком маленький, чтобы вмещать какой-то сложный аппарат. Моментально Скотт разобрался, в чем дело. Стекло было увеличительным. Оно сильно увеличивало то, что было в кубике. А там было нечто странное. Например, крохотные человечки...

Они двигались. Как автоматы, только более плавно. Как будто смотришь спектакль. Скотта заинтересовали их костюмы, а еще больше то, что они делали. Крошечные человечки ловко строили дом. Скотту подумалось, хорошо бы дом загорелся, он бы посмотрел, как тушат пожар.

Недостроенное сооружение вдруг охватили языки пламени. Человечки с помощью множества каких-то сложных приборов ликвидировали огонь.

Скотт очень быстро понял, в чем дело. Но его это слегка озадачило. Эти куклы слушались его мыслей! Когда он сообразил это, то испугался и отшвырнул кубик подальше. Он стал было взбираться вверх по берегу, но передумал и вернулся. Кубик лежал наполовину в воде и сверкал на солнце. Это была игрушка. Скотт чувствовал это безошибочным инстинктом ребенка. Но он не сразу поднял кубик. Вместо этого он вернулся к коробке и стал исследовать то, что там оставалось.

Он спрятал находку в своей комнате наверху, в самом дальнем углу шкафа. Стеклянный кубик засунул в карман, который уже и так оттопыривался, - там был шнурок, моток проволоки, два пенса, пачка фольги, грязная марка и обломок полевого шпата. Вошла вперевалку двухлетняя сестра Скотта, Эмма, и сказала: "Привет!"

- Привет, пузырь, - кивнул Скотт с высоты своих семи лет и нескольких месяцев. Он относился к Эмме крайне покровительственно, но она принимала это как должное.

Маленькая, пухленькая, большеглазая, она плюхнулась на ковер и меланхолически уставилась на свои башмачки.

- Завяжи, Скотти, а?

- Балда, - сказал Скотт добродушно, но завязал шнурки. - Обед скоро?

Эмма кивнула.

- А ну-ка покажи руки. - Как ни странно, они были вполне чистые, хотя, конечно, не стерильные. Скотт задумчиво поглядел на свои собственные ладони и, гримасничая, отправился в ванную, где совершил беглый туалет, так как головастики оставили следы.

Наверху в гостиной Деннис Парадин и его жена Джейн пили предобеденный коктейль. Деннис был среднего роста, волосы чуть тронуты сединой, но моложавый, тонкое лицо, с поджатыми губами. Он преподавал философию в университете. Джейн - маленькая, аккуратная, темноволосая и очень хорошенькая. Она отпила мартини и сказала:

- Новые туфли. Как тебе?

- Да здравствует преступность! - пробормотал Парадин рассеянно. - Что? Туфли? Не сейчас. Дай закончить коктейль. У меня был тяжелый день.

- Экзамены?

- Ага. Пламенная юность, жаждущая обрести зрелость. Пусть они все провалятся. Подальше, в ад. Аминь!

- Я хочу маслину, - сказала Джейн.

- Знаю, - сказал Парадин уныло. - Я уж и не помню, когда сам ее ел. Я имею в виду, в мартини. Даже если я кладу в твой стакан полдюжины, тебе все равно мало.

- Мне нужна твоя. Кровные узы. Символ. Поэтому.

Парадин мрачно взглянул на нее и скрестил длинные ноги:

- Ты говоришь, как мои студенты. Честно говоря, не вижу смысла учить этих мартышек философии. Они уже не в том возрасте. У них уже сформировались и привычки, и образ мышления. Они ужасно консервативны, хотя, конечно, ни за что в этом не признаются. Философию могут постичь совсем зрелые люди либо младенцы вроде Эммы и Скотта.

- Ну, Скотти к себе в студенты не вербуй, - попросила Джейн, - он еще не созрел для доктора философии. Мне вундеркинды ни к чему, особенно если это мой собственный сын. Дай свою маслину.

- Уж Скотти-то, наверное, справился бы лучше, чем Бетти Доусон, - проворчал Парадин.

- И он угас пятилетним стариком, выжив из ума, - продекламировала Джейн торжественно. - Дай свою маслину.

- На. Кстати, туфли мне нравятся.

- Спасибо. А вот и Розали. Обедать?

- Все готово, мисс Парадин, - сказала Розали, появляясь на пороге. - Я позову мисс Эмму и мистера Скотти.

- Я сам. - Парадин высунул голову в соседнюю комнату и закричал:

- Дети! Сюда, обедать!

Вниз по лестнице зашлепали маленькие ноги. Показался Скотт, приглаженный и сияющий, с торчащим вверх непокорным вихром. За ним Эмма, которая осторожно передвигалась по ступенькам. На полпути ей надоело спускаться прямо, она села и продолжала путь по-обезьяньи, усердно пересчитывая ступеньки маленьким задиком.

Парадин, зачарованный этой сценой, смотрел не отрываясь, как вдруг почувствовал сильный толчок. Это налетел на него сын.

- Здорово, папка! - завопил Скотт.

Парадин выпрямился и взглянул на сына с достоинством.

- Сам здорово. Помоги мне подойти к столу. Ты мне вывихнул минимум одно бедро.

Но Скотт уже ворвался в соседнюю комнату, где в порыве эмоций наступил на туфли, пробормотал извинение и кинулся к своему месту за столом. Парадин, идя за ним с Эммой, крепко уцепившейся короткой пухлой ручкой за его палец, поднял бровь.

- Интересно, что у этого шалопая на уме?

- Наверно, ничего хорошего, - вздохнула Джейн. - Здравствуй, милый. Ну-ка, посмотрим твои уши.

Обед проходил спокойно, пока Парадин не взглянул случайно на тарелку Скотта.

- Привет, это еще что? Болен? Или за завтраком объелся?

Скотт задумчиво посмотрел на стоящую перед ним еду.

- Я уже съел сколько мне было нужно, пап, - объяснил он.

- Ты обычно ешь сколько в тебя влезет и даже больше, - сказал Парадин. - Я знаю, мальчики, когда растут, должны съедать в день тонны пищи, а ты сегодня не в порядке. Плохо себя чувствуешь?

- Н-нет. Честно, я съел столько, сколько мне нужно.

- Сколько хотелось?

- Ну да. Я ем по-другому.

- Этому вас в школе учили? - спросила Джейн.

Скотт торжественно покачал головой.

- Никто меня не учил. Я сам обнаружил. Мне плевотина помогает.

- Попробуй объяснить снова, - предложил Парадин. - Это слово не годится.

- Ну... слюна. Так?

- Ага. Больше пепсина? Что, Джейн, в слюне есть пепсин? Я что-то не помню.

- В моей есть яд, - вставила Джейн. - Опять Розали оставила комки в картофельном пюре.

Но Парадин заинтересовался.

- Ты хочешь сказать, что извлекаешь из пищи все, что можно - без отходов, - и меньше ешь?

Скотт подумал.

- Наверно, так. Это не просто плев... слюна. Я вроде бы определяю, сколько положить в рот за один раз и чего с чем. Не знаю, делаю , и все.

- Хм-м, - сказал Парадин, решив позднее это проверить, - довольно революционная мысль. У детей часто бывают нелепые идеи, но эта могла быть не такой уж абсурдной. - Он поджал губы: - Я думаю, постепенно люди научатся есть совершенно иначе - я имею в виду, как есть, а не только что именно. То есть какую именно пищу. Джейн, наш сын проявляет признаки гениальности.

- Да?

- Он сейчас высказал очень интересное соображение о диетике. Ты сам до него додумался, Скотт?

- Ну конечно, - сказал мальчик, сам искренне в это веря.

- А каким образом?

- Ну, я... - Скотт замялся. - Не знаю. Да это ерунда, наверно.

Парадин почему-то был разочарован.

- Но ведь...

- Плюну! Плюну! - вдруг завизжала Эмма в неожиданном приступе озорства и попыталась выполнить свою угрозу, но лишь закапала слюной нагрудник.

Пока Джейн с безропотным видом увещевала и приводила дочь в порядок, Парадин разглядывал Скотта с удивлением и любопытством. Но дальше события стали развиваться только после обеда, в гостиной.

- Уроки задали?

- Н-нет, - сказал Скотт, виновато краснея. Чтобы скрыть смущение, он вынул из кармана один из предметов, которые нашел в Коробке, и стал расправлять его. Это оказалось нечто вроде четок с нанизанными бусами. Парадин сначала не заметил их, но Эмма увидела. Она захотела поиграть с ними.

- Нет. Отстань, пузырь, - приказал Скотт. - Можешь смотреть.

Он начал возиться с бусами, послышались странные мягкие щелчки. Эмма протянула пухлый палец и тут же пронзительно заплакала.

- Скотти, - предупреждающе сказал Парадин.

- Я ее не трогал.

- Укусили. Они меня укусили, - хныкала Эмма.

Парадин поднял голову. Взглянул, нахмурился. Какого еще...

- Это что, абак?* - спросил он. - Пожалуйста, дай взглянуть.

Несколько неохотно Скотт принес свою игрушку к стулу отца. Парадин прищурился. Абак в развернутом виде представлял собой квадрат не менее фута в поперечнике, образованный тонкими твердыми проволочками, которые местами переплетались. На проволочки были нанизаны цветные бусы. Их можно было двигать взад и вперед с одной проволочки на другую, даже в местах переплетений. Но ведь сквозную бусину нельзя передвинуть с одной проволочки на другую, если они переплетаются...

Так что, очевидно, бусы были несквозные. Парадин взглянул внимательнее. Вокруг каждого маленького шарика шел глубокий желобок, так что шарик можно было одновременно и вращать, и двигать вдоль проволоки. Парадин попробовал отсоединить одну бусину. Она держалась как намагниченная. Металл? Больше похоже на пластик.

Да и сама рама... Парадин не был математиком. Но углы, образованные проволочками, были какими-то странными, в них совершенно отсутствовала Эвклидова логика. Какая-то путаница. Может, это так и есть? Может, это головоломка?

- Где ты взял эту штуку?

- Мне дядя Гарри дал, - мгновенно придумал Скотт, - в прошлое воскресенье, когда он был у нас.

Парадин попробовал передвинуть бусы и ощутил легкое замешательство. Углы были какие-то нелогичные. Похоже на головоломку. Вот эта красная бусина, если ее передвинуть по этой проволоке в том направлении, должна попасть вот сюда - но она не попадала. Лабиринт. Странный, но наверняка поучительный. У Парадина появилось ясное ощущение, что у него на эту штуку терпения не хватит.

У Скотта, однако, хватило. Он вернулся в свой угол и, что-то ворча, стал вертеть и передвигать бусины. Бусы действительно кололись, когда Скотт брался не за ту бусину или двигал ее в неверном направлении. Наконец он с торжеством завершил работу.

- Получилось, пап!

- Да? А ну-ка посмотрим. - Эта штука выглядела точно так же, как и раньше, но Скотт улыбался и что-то показывал.

* Абак - вид счетов.

- Я добился, чтобы она исчезла.
- Но она же здесь.
- Вон та голубая бусина. Ее уже нет.

Парадин этому не поверил и только фыркнул. Скотт опять задумался над рамкой. Он экспериментировал. На этот раз эта штука совсем не кололась. Абак уже подсказал ему правильный метод. Сейчас он уже мог делать все по-своему.

Причудливые проволочные углы сейчас почему-то казались уж не такими запутанными.

Это была на редкость поучительная игрушка...

"Она, наверно, действует, - подумал Скотт, - наподобие этого стеклянного кубика". - Вспомнив о нем, он вытащил его из кармана и отдал абак Эмме, онемевшей от радости.

Она немедленно принялась за дело, двигая бусы и теперь не обращая внимания на то, что они колются, да и кололись они только чуть-чуть, и поскольку она хорошо все перенимала, ей удалось заставить бусину исчезнуть почти так же быстро, как Скотту. Голубая бусина появилась снова, но Скотт этого не заметил.

Он предусмотрительно удалился в угол между диваном и широким креслом и занялся кубиком.

Внутри были маленькие человечки, крошечные куклы, сильно увеличенные в размерах благодаря увеличительным свойствам стекла, и они двигались по-настоящему. Они построили дом. Он загорелся, и пламя выглядело как настоящее, а они стояли рядом и ждали. Скотт нетерпеливо выдохнул: "Гасите!"

Но ничего не произошло. Куда же девалась эта странная пожарная машина с вращающимися кранами, та, которая появлялась раньше? Вот она. Вот вплыла в картинку и остановилась. Скотт мысленно приказал ей начать работу.

Это было забавно. Как будто ставишь пьесу, только более реально. Человечки делали то, что Скотт мысленно им приказывал. Если он совершал ошибку, они ждали, пока он найдет правильный ответ. Они даже предлагали ему новые задачи...

Кубик тоже был очень поучительной игрушкой. Он обучал Скотта подозрительно быстро и очень развлекал при этом. Но он не давал ему пока никаких по-настоящему новых сведений. Мальчик не был к этому готов. Позднее... Позднее...

Эмме надоел абак, и она отправилась искать Скотта. Она не могла его найти, и в его комнате его тоже не было, но, когда она там очутилась, ее заинтересовало то, что лежало в шкафу.

Она обнаружила Коробку. В ней лежало сокровище без хозяина - кукла, которую Скотт видел, но пренебрежительно отбросил.

С громким воплем Эмма снесла куклу вниз, уселась на корточках посреди комнаты и начала разбирать ее на части.

- Милая! Что это?

- Мишка!

Это был явно не ее мишка, мягкий, толстый и ласковый, без глаз и ушей. Но Эмма всех кукол называла мишками.

Джейн Парадин помедлила.

- Ты взяла это у какой-нибудь девочки?

- Нет. Она моя.

Скотт вышел из своего убежища, засовывая кубик в карман.

- Это - э-э-э... Это от дяди Гарри.

- Эмма, это дал тебе дядя Гарри?

- Он дал ее мне для Эммы, - торопливо вставил Скотт, добавляя еще один камень в здание обмана. - В прошлое воскресенье.

- Ты разобьешь ее, маленькая.

Эмма принесла куклу матери.

- Она разнимается. Видишь?

- Да? Это... ох! - Джейн ахнула. Парадин быстро поднял голову.

- Что такое?

Она подошла к нему и протянула куклу, постояла, затем, бросив на него многозначительный взгляд, пошла в столовую.

Он последовал за ней и закрыл дверь. Джейн уже положила куклу на прибранный стол.

- Она не очень-то симпатичная, а, Денни?

- Хм-м. - На первый взгляд кукла выглядела довольно неприятно. Можно было подумать, что это анатомическое пособие для студентов-медиков, а не детская игрушка...

Эта штука разбиралась на части - кожа, мышцы, внутренние органы - все очень маленькое, но, насколько Парадин мог судить, сделано идеально. Он заинтересовался.

- Не знаю. У ребенка такие вещи вызывают совсем другие ассоциации...

- Посмотри на эту печень. Это же печень?

- Конечно. Слушай, я... странно.

- Что?

- Оказывается, анатомически она не совсем точна, - Парадин придвинул стул. - Слишком короткий пищеварительный тракт. Кишечник маленький. И аппендикса нет.

- Зачем Эмме такая вещь?

- Я бы сам от такой не отказался, - сказал Парадин. - И где только Гарри ухитрился ее раздобыть? Нет, я не вижу в ней никакого вреда. Это у взрослых внутренности

вызывают неприятные ощущения. А у детей нет. Они думают, что внутри они целенькие, как редиски. А с помощью этой куклы Эмма хорошо познакомится с физиологией.

- А это что? Нервы?

- Нет, нервы вот тут. А это артерия, вот вены. Какая-то странная аорта... - Парадин был совершенно сбит с толку. - Это... как по-латыни "сеть"? Во всяком случае... А? Ретана? Ратина?

- Респирация? - предложила Джейн наугад.

- Нет. Это дыхание, - сказал Парадин уничтожающе. - Не могу понять, что означает вот эта сеть светящихся нитей. Она пронизывает все тело, как нервная система.

- Кровь.

- Да нет. Не кровообращение и не нервы - странно. И вроде бы связано с легкими.

Они углубились в изучение загадочной куклы. Каждая деталь в ней была сделана удивительно точно, и это само по себе было странно, если учесть физиологические отклонения от нормы, которые подметил Парадин.

- Подожди-ка, я притащу Гоулда, - сказал Парадин, и вскоре он уже сверял куклу с анатомическими схемами в атласе. Это мало чем ему помогло и только увеличило его недоумение.

Но это было интереснее, чем разгадывать кроссворд.

Тем временем в соседней комнате Эмма двигала бусины на абаке. Движения уже не казались такими странными. Даже когда бусины исчезали. Она уже почти почувствовала куда. Почти...

Скотт пыхтел, уставившись на свой стеклянный кубик, и мысленно руководил постройкой здания. Он делал множество ошибок, но здание строилось - оно было немножко посложнее того, что уничтожило огнем. Он тоже обучался - привыкал...

Ошибка Парадина, с чисто человеческой точки зрения, состояла в том, что он не избавился от игрушек с самого начала. Он не понял их назначения, а к тому времени, как он в этом разобрался, события зашли уже довольно далеко. Дяди Гарри не было в городе, и у него проверить Парадин не мог. Кроме того, шла сессия, а это означало дополнительные нервные усилия и полное изнеможение к вечеру; к тому же Джейн в течение целой недели неважно себя чувствовала. Эмма и Скотт были предоставлены сами себе.

- Папа, - обратился Скотт к отцу однажды вечером, - что такое "исход"?

- Поход?

Скотт поколебался.

- Да нет... не думаю. Разве "исход" неправильное слово?

- "Исход" - это по-научному "результат". Годится?

- Не вижу в этом смысла, - пробормотал Скотт и хмуро удалился, чтобы заняться абаком. Теперь он управлялся с ним крайне искусно. Но, следуя детскому инстинкту избегать вмешательства в свои дела, они с Эммой обычно занимались игрушками, когда рядом никого не было. Ненамеренно, конечно, но самые сложные эксперименты проводились, только если рядом не было взрослых.

Скотт обучался быстро. То, что он видел сейчас в кубике, мало было похоже на те простые задачи, которые он получал там вначале. Новые задачи были сложные и невероятно увлекательные. Если бы Скотт сознавал, что его обучением руководят и направляют его, пусть даже чисто механически, ему, вероятно, стало бы неинтересно. А так его интерес не увядал.

Абак, и кукла, и кубик - и другие игрушки, которые дети обнаружили в Коробке...

Ни Парадин, ни Джейн не догадывались о том воздействии, которое оказывало на детей содержимое машины времени.

Да и как можно было догадаться? Дети - прирожденные актеры из самозащиты. Они еще не приспособились к нуждам взрослого мира, нуждам, которые для них во многом необъяснимы. Более того, их жизнь усложняется неоднородностью требований. Один человек говорит им, что в грязи играть можно, но, копая землю, нельзя выкапывать цветы и разрушать корни. А другой запрещает возиться в грязи вообще. Десять заповедей не высечены на камне. Их толкуют по-разному, и дети всецело зависят от прихотей тех, кто рождает их, кормит, одевает. И тиранит. Молодое животное не имеет ничего против такой благожелательной тирании, ибо это естественное проявление природы. Однако это животное имеет индивидуальность и сохраняет свою целостность с помощью скрытого, пассивного сопротивления.

В поле зрения взрослых ребенок меняется. Подобно актеру на сцене, если только он об этом не забывает, он стремится угодить и привлечь к себе внимание. Такие вещи свойственны и взрослым. Но у взрослых это менее заметно - для других взрослых.

Трудно утверждать, что у детей нет тонкости. Дети отличаются от взрослых животных тем, что они мыслят иным образом. Нам довольно легко разглядеть их притворство, но и им наше тоже. Ребенок способен безжалостно разрушить воздвигаемый взрослыми обман. Разрушение идеалов - прерогатива детей.

С точки зрения логики ребенок представляет собой пугающе идеальное существо. Вероятно, младенец - существо еще более идеальное, но он настолько далек от взрослого, что критерии сравнения могут быть лишь поверхностными. Невозможно представить себе мысли-

тельные процессы у младенца. Но младенцы мыслят даже еще до рождения. В утробе они двигаются, спят, и не только всецело подчиняясь инстинкту. Мысль о том, что еще не родившийся эмбрион может думать, нам может показаться странной. Это поражает, и смешит, и приводит в ужас. Но ничто человеческое не может быть чуждым человеку.

Однако младенец еще не человек. А эмбрион - тем более. Вероятно, именно поэтому Эмма больше усвоила от игрушек, чем Скотт. Разве что он мог выражать свои мысли, а она нет, только иногда, загадочными обрывками. Ну вот, например, эти ее каракули...

Дайте маленькому ребенку карандаш и бумагу, и он нарисует нечто такое, что для него выглядит иначе, чем для взрослого. Бессмысленная мазня мало чем напоминает пожарную машину, но для крошки это и есть пожарная машина. Может быть, даже объемная, в трех измерениях. Дети иначе мыслят и иначе видят.

Парадин размышлял об этом однажды вечером, читая газету и наблюдая Эмму и Скотта. Скотт о чем-то спрашивал сестру. Иногда он спрашивал по-английски. Но чаще прибегал к помощи какой-то тарабарщины и жестов. Эмма пыталась отвечать, но у нее ничего не получалось.

В конце концов Скотт достал бумагу и карандаш. Эмме это понравилось. Высунув язык, она тщательно царапала что-то.

Скотт взял бумагу, посмотрел и нахмурился.

- Не так, Эмма, - сказал он.

Эмма энергично закивала. Она снова схватила карандаш и нацарапала что-то еще. Скотт немного подумал, потом неуверенно улыбнулся и встал. Он вышел в холл.

Эмма опять занялась абаком.

Парадин поднялся и заглянул в листок - у него мелькнула сумасшедшая мысль, что Эмма могла вдруг освоить правописание. Но это было не так. Листок был покрыт бессмысленными каракулями - такими, какие знакомы всем родителям. Парадин поджал губы.

Скотт вернулся, и вид у него был довольный. Он встретился с Эммой взглядом и кивнул. Парадина кольнуло любопытство.

- Секреты?

- Не-а. Эмма... ну, попросила для нее кое-что сделать.

Возможно, Парадин и Джейн высказали слишком большой интерес к игрушкам. Эмма и Скотт стали прятать их и играли с ними, только когда были одни. Они никогда не делали этого открыто, но кое-какие неявные меры предосторожности принимали. Тем не менее это тревожило, и особенно Джейн.

- Денни, Скотти очень изменился. Миссис Бернс сказала, что он до смерти напугал ее Френсиса.

- Полагаю, что так, - Парадин прислушался. Шум в соседней комнате подсказал ему местонахождение сына. - Скотти!

- Ба-бах! - сказал Скотт и появился на пороге, улыбаясь. - Я их всех поубивал. Космических пиратов. Я тебе нужен, пап?

- Да. Если ты не против отложить немного похороны пиратов. Что ты сделал Френсису Бернсу?

Синие глаза Скотти выразили беспредельную искренность.

- Я?

- Подумай. Я уверен, что ты вспомнишь.

- А-ах. Ах это! Не делал я его.

- Ему, - машинально поправила Джейн.

- Ну, ему. Честно. Я только дал ему посмотреть свой телевизор, и он... он испугался.

- Телевизор?

Скотт достал стеклянный кубик.

- Ну, это не совсем телевизор. Видишь?

Парадин стал разглядывать эту штуку, неприятно пораженный увеличительными стеклами. Однако он ничего не видел, кроме бессмысленного переплетения цветных узоров.

- Дядя Гарри...

Парадин потянулся к телефону. Скотт судорожно глотнул.

- Он... он уже вернулся?

- Да.

- Ну, я пошел в ванную. - И Скотт направился к двери. Парадин перехватил взгляд Джейн и многозначительно покачал головой.

Гарри был дома, но он совершенно ничего не знал об этих странных игрушках. Довольно мрачно Парадин приказал Скотту принести из его комнаты все игрушки. И вот они все лежат в ряд на столе: кубик, абак, шлем, кукла и еще несколько предметов непонятного назначения. Скотту был устроен перекрестный допрос.

Какое-то время он героически лгал, но наконец не выдержал и с ревом и всхлипываниями выложил свое признание.

После того как маленькая фигурка удалилась наверх, Парадин подвинул к столу стул и стал внимательно рассматривать Коробку. Задумчиво поковырял оплавленную поверхность. Джейн наблюдала за ним.

- Что это, Денни?

- Не знаю. Кто мог оставить Коробку с игрушками у ручья?

- Она могла выпасть из машины.

- Только не в этом месте. К северу от железнодорожного полотна ручей нигде не пересекает дорога. Там везде пустыри, и больше ничего. - Парадин закурил сигарету. - Налить тебе чего-нибудь, милая?

- Я сама. - Джейн принялась за дело, глаза у нее были тревожные. Она принесла Парадину стакан и стала за его спиной, теребя пальцами его волосы.

- Что-нибудь не так?

- Разумеется, ничего особенного. Только вот откуда взялись эти игрушки?

- У Джонсов никто не знает, а они получают свои товары из Нью-Йорка.

- Я тоже наводил справки, - признался Парадин. - Эта кукла... - он ткнул в нее пальцем, - она меня тревожит. Может, это дело таможни, но мне хотелось бы знать, кто их делает.

- Может, спросить психолога? Абак - кажется, они устраивают тесты с такими штуками:

Парадин прищелкнул пальцами:

- Точно! И слушай, у нас в университете на следующей неделе будет выступать один малый, Холовей, он детский психолог. Он фигура, с репутацией. Может быть, он что-нибудь знает об этих вещах?

- Холовей? Я не...

- Рекс Холовей. Он... хм-м-м! Он живет недалеко от нас. Может, это он сам их сделал?

Джейн разглядывала абак. Она скорчила гримаску и выпрямилась.

- Если это он, то мне он не нравится. Но попробуй выяснить, Денни.

Парадин кивнул.

- Непременно.

Нахмурясь, он выпил коктейль. Он был слегка встревожен. Но не напуган - пока.

Рекса Холовея Парадин привел домой к обеду неделю спустя. Это был толстяк с сияющей лысиной, над толстыми стеклами очков, как мохнатые гусеницы, нависали густые черные брови. Холовей как будто и не наблюдал за детьми, но от него ничего не ускользало, что бы они ни делали и ни говорили. Его серые глаза, умные и проницательные, ничего не пропускали.

Игрушки его обворожили. В гостиной трое взрослых собрались вокруг стола, на котором они были разложены. Холовей внимательно их разглядывал, выслушивая все то, что рассказывали ему Джейн и Парадин. Наконец он прервал свое молчание:

- Я рад, что пришел сюда сегодня. Но не совсем. Дело в том, что все это внушает тревогу.

- Как? - Парадин широко открыл глаза, а на лице Джейн отразился ужас. То, что Холовей сказал дальше, их отнюдь не успокоило.

- Мы имеем дело с безумием. - Он улыбнулся, увидев, какое воздействие произвели его слова. - С точки зрения взрослых, все дети безумны. Читали когда-нибудь "Ураган на Ямайке" Хьюза?

- У меня есть. - Парадин достал с полки маленькую книжку. Холовей протянул руку, взял книгу и стал перелистывать страницы, пока не нашел нужного места. Затем стал читать вслух: - "Разумеется, младенцы еще не являются людьми - это животные, со своей древней и разветвленной культурой, как у кошек, у рыб, даже у змей. Они имеют сходную природу, только сложнее и ярче, ибо все-таки из низших позвоночных это самый развитый вид. Короче говоря, у младенцев есть свое собственное мышление, и оно оперирует понятиями и категориями, которые невозможно перевести на язык понятий и категорий человеческого мышления".

Джейн попыталась было воспринять его слова спокойно, но ей это не удалось.

- Вы что, хотите сказать, что Эмма...

- Способны ли вы думать так, как ваша дочь? - спросил Холовей. - Послушайте: "Нельзя уподобиться в мыслях младенцу, как нельзя уподобиться в мыслях пчеле".

Парадин смешивал коктейли. Он сказал через плечо:

- Не слишком ли много теории? Насколько я понимаю, вы хотите сказать, что у младенцев есть своя собственная культура и даже довольно высокий интеллект?

- Не обязательно. Понимаете, это вещи несоизмеримые. Я только хочу сказать, что младенцы размышляют совсем иначе, чем мы. Не обязательно лучше - это вопрос относительных ценностей. Но это просто различный способ развития... - В поисках подходящего слова он скорчил гримасу.

- Фантазии, - сказал Парадин довольно пренебрежительно, но с раздражением из-за Эммы. - У младенцев точно такие же ощущения, как у нас.

- А кто говорит, что нет? - возразил Холовей. - Просто их разум направлен в другую сторону, вот и все. Но этого вполне достаточно.

- Я стараюсь понять, - сказала Джейн медленно, - но у меня аналогия только с моей кухонной машиной. В ней можно взбивать тесто и пюре, но можно и выжимать сок из апельсинов.

- Что-то в этом роде. Мозг - коллоид, очень сложной организации. О его возможностях мы пока знаем очень мало, мы даже не знаем, сколько он способен воспринять. Но зато доподлинно известно, что, по мере того как человеческое существо созревает, его мозг приспо-

сабливается, усваивает определенные стереотипы, и дальше мыслительные процессы базируются на моделях, которые воспринимаются как нечто само собой разу-мееющееся. Вот взгляните, - Холовей дотронулся до абака, - вы пробовали с ним упражняться?

- Немного, - сказал Парадин.

- Но не так уж, а?

- Ну...

- А почему?

- Бессмысленно, - пожаловался Парадин. - Даже в головоломке должна быть какая-то логика. Но эти дурацкие углы...

- Ваш мозг приспособился к Эвклидовой системе, - сказал Холовей. - Поэтому эта... штуковина вас утомляет и кажется бессмысленной. Но ребенку об Эвклиде ничего не известно. И иной вид геометрии, отличный от нашего, не покажется ему нелогичным. Он верит тому, что видит.

- Вы что, хотите сказать, что у этой чепухи есть четвертое измерение? - возмутился Парадин.

- На вид, во всяком случае, нет, - согласился Холовей. - Я только хочу сказать, что наш разум, приспособленный к Эвклидовой системе, не может увидеть здесь ничего, кроме клубка запутанной проволоки. Но ребенок - особеннно маленький - может увидеть и нечто иное. Не сразу. Конечно, и для него это головоломка. Но только ребенку не мешает предвзятость мышления.

- Затвердение мыслительных артерий, - вставила Джейн.

Но Парадина это не убедило.

- Тогда, значит, ребенку легче справиться с дифференциальными и интегральными уравнениями, чем Эйнштейну?

- Нет, я не это хотел сказать. Мне ваша точка зрения более или менее ясна. Только...

- Ну хорошо. Предположим, что существуют два вида геометрии - ограничим число видов, чтобы облегчить пример. Наш вид, Эвклидова геометрия, и еще какой-то, назовем X. X никак не связан с Эвклидовой геометрией, он основан на иных теоремах. В нем два и два не обязательно должны быть равны четырем, они могут быть равны У2, а могут быть даже вовсе не равны ничему. Разум младенца еще ни к чему не приспособился, если не считать некоторых сомнительных факторов наследственности и среды. Начните обучать ребенка принципам Эвклида...

- Бедный малыш, - сказала Джейн.

Холовей бросил на нее быстрый взгляд.

- Основам Эвклидовой системы. Начальным элементам. Математика, геометрия, алгебра - это все идет гораздо позже. Этот путь развития нам знаком. А теперь пред-

ставьте, что ребенка начинают обучать основным принципам этой логики X.

- Начальные элементы? Какого рода?

Холовей взглянул на абак.

- Для нас в этом нет никакого смысла. Мы приспособились к Эвклидовой системе.

Парадин налил себе неразбавленного виски.

- Это прямо-таки ужасно. Вы не ограничиваетесь одной математикой.

- Верно! Я вообще ничего не хочу ограничивать. Да и каким образом? Я не приспособлен к логике X.

- Вот вам и ответ, - сказала Джейн со вздохом облегчения.

- А кто к ней приспособлен? Ведь чтобы сделать вещи, за которые вы, видимо, принимаете эти игрушки, понадобился бы именно такой человек.

Холовей кивнул, глаза его щурились за толстыми стеклами очков.

- Может быть, такие люди существуют.

- Где?

- Может быть, они предпочитают оставаться в неизвестности.

- Супермены?

- Хотел бы я знать! Видите ли, Парадин, все опять упирается в отсутствие критериев. По нашим нормам, эти люди в некоторых отношениях могут показаться сверхумниками, а в других - слабоумными.

Разница не количественная, а качественная. Они поиному мыслят. И я уверен, что мы способны делать коечто, чего они не умеют.

- Может быть, они бы и не захотели, - сказала Джейн.

Парадин постучал пальцем по оплавленным приспособлениям на поверхности Коробки.

- А как насчет этого? Это говорит о...

- О какой-то цели, разумеется.

- Транспортация?

- Это прежде всего приходит в голову. Если это так, Коробка могла попасть сюда откуда угодно.

- Оттуда... где... все по-другому? - медленно спросил Парадин.

- Именно. В космосе или даже во времени. Не знаю. Я психолог. И, к счастью, я тоже приспособлен к Эвклидовой системе.

- Странное, должно быть, место, - сказала Джейн. - Денни, выброси эти игрушки.

- Я и собираюсь.

Холовей взял в руки стеклянный кубик.

- Вы подробно расспрашивали детей?

Парадин ответил:

- Ага, Скотт сказал, что, когда он впервые заглянул в кубик, там были человечки. Я спросил его, что он видит там сейчас.

- Что он сказал? - Психолог перестал хмуриться.

- Он сказал, что они что-то строят. Это его точные слова. Я спросил: кто, человечки? Но он не смог объяснить.

- Ну да, понятно, - пробормотал Холовей, - это, наверное, прогрессирует. Как давно у детей эти игрушки?

- Кажется, месяца три.

- Вполне достаточно. Видите ли, совершенная игрушка механическая, но она и обучает. Она должна заинтересовать ребенка своими возможностями, но и обучать, желательно незаметно. Сначала простые задачи. Затем...

- Логика X, - сказала бледная как мел Джейн.

Парадин ругнулся вполголоса.

- Эмма и Скотт совершенно нормальны!

- А вы знаете, как работает их разум сейчас?

Холовей не стал развивать свою мысль. Он потрогал куклу.

- Интересно было бы знать, каковы критерии там, откуда появились эти вещи? Впрочем, метод индукции мало что даст. Слишком много неизвестных факторов. Мы не можем представить себе мир, который основан на факторе X, - среда, приспособленная к разуму, мыслящему неизвестными категориями X.

- Это ужасно, - сказала Джейн.

- Им так не кажется. Вероятно, Эмма быстрее схватывает X, чем Скотт, потому что ее разум еще не приспособился к нашей среде.

Парадин сказал:

- Но я помню многое из того, что я делал ребенком. Даже когда был совсем маленьким.

- Ну и что?

- Я... был тогда... безумен?

- Критерием вашего безумия является как раз то, чего вы не помните, - возразил Холовей, - но я употребляю слово "безумие" только как удобный символ, обозначающий отклонение от принятой человеческой нормы. Произвольную норму здравомыслия.

Джейн опустила стакан.

- Вы сказали, господин Холовей, что методом индукции здесь действовать трудно. Однако мне кажется, что вы именно этим и занимаетесь, а фактов у вас очень мало. Ведь эти игрушки...

- Я прежде всего психолог, и моя специальность - дети. Я не юрист. Эти игрушки именно потому говорят мне так много, что они не говорят почти ни о чем.

- Вы можете и ошибаться.

- Я хотел бы ошибиться. Мне нужно проверить детей.
- Я позову их, - сказал Парадин.
- Только осторожно. Я не хочу их спугнуть.
Джейн кивком указала на игрушки. Холовей сказал:
- Это пусть останется, ладно?
Но когда Эмму и Скотта позвали, психолог не сразу приступил к прямым расспросам. Незаметно ему удалось вовлечь Скотта в разговор, то и дело вставляя нужные ему слова. Ничего такого, что явно напоминало бы тест по ассоциации - ведь для этого нужно сознательное участие второй стороны.
Самое интересное произошло, когда Холовей взял в руки абак.
- Может быть, ты покажешь мне, что с этим делать?
Скотт заколебался.
- Да, сэр. Вот так... - Бусина в его умелых руках скользнула по запутанному лабиринту так ловко, что никто из них не понял, что она в конце концов исчезла. Это мог быть просто фокус. Затем опять...
Холовей попробовал сделать то же самое. Скотт наблюдал, морща нос.
- Вот так?
- Угу. Она должна идти вот сюда...
- Сюда? Почему?
- Ну, потому что иначе не получится.
Но разум Холовея был приспособлен к Эвклидовой системе. Не было никакого очевидного объяснения тому, что бусина должна скользить с этой проволочки на другую, а не иначе. В этом не видно было никакой логики.
Ни один из взрослых как-то не понял точно, исчезала бусина или нет. Если бы они ожидали, что она должна исчезнуть, возможно, они были бы гораздо внимательнее.
В конце концов так ни к чему и не пришли. Холовею, когда он прощался, казалось, было не по себе.
- Можно мне еще прийти?
- Я бы этого хотела, - сказала Джейн. - Когда угодно. Вы все еще полагаете...
Он кивнул.
- Их умы реагируют ненормально. Они вовсе не глупые, но у меня очень странное впечатление, что они делают выводы совершенно непонятным нам путем. Как если бы они пользовались алгеброй там, где мы пользуемся геометрией. Вывод такой же, но достигнут другим методом.
- А что делать с игрушками? - неожиданно спросил Парадин.
- Уберите их подальше. Если можно, я хотел бы их пока взять.
В эту ночь Парадин плохо спал. Холовей провел неудачную аналогию. Она наводила на тревожные раз-

мышления. Фактор X. Дети используют в рассуждениях алгебру, там, где взрослые пользуются геометрией. Пусть так. Только... Алгебра может дать такие ответы, каких геометрия дать не может, потому что в ней есть термины и символы, которые нельзя выразить геометрически. А что, если логика X приводит к выводам, непостижимым для человеческого разума?

- Ч-черт! - прошептал Парадин. Рядом зашевелилась Джейн.

- Милый! Ты тоже не спишь?

- Нет. - Он поднялся и пошел в соседнюю комнату. Эмма спала, безмятежная, как херувим, пухлая ручка обвила мишку. Через открытую дверь Парадину была видна темноволосая голова Скотта, неподвижно лежавшая на подушке.

Джейн стояла рядом. Он обнял ее.

- Бедные малыши, - прошептала она. - А Холовей назвал их ненормальными. Наверное, это мы сумасшедшие, Деннис.

- Нда-а. Просто мы нервничаем.

Скотт шевельнулся во сне. Не просыпаясь, он пробормотал что-то - это явно был вопрос, хотя вроде бы и не на каком-либо языке. Эмма пропищала что-то, звук ее голоса резко менял тон.

Она не проснулась. Дети лежали не шевелясь. Но Парадину подумалось, и от этой мысли неприятно засосало под ложечкой, что это было, как будто Скотт спросил Эмму о чем-то, и она ответила.

Неужели их разум изменился настолько, что даже сон - и тот был у них иным?

Он отмахнулся от этой мысли.

- Ты простудишься. Вернемся в постель. Хочешь чего-нибудь выпить?

- Кажется, да, - сказала Джейн, наблюдая за Эммой. Рука ее потянулась было к девочке, но она отдернула ее.

- Пойдем. Мы разбудим детей.

Вместе они выпили немного бренди, но оба молчали. Потом, во сне, Джейн плакала.

*

Скотт не проснулся, но мозг его работал, медленно и осторожно выстраивая фразы, вот так:

- Они заберут игрушки. Этот толстяк... может быть листава опасен. Но направления Горика не увидеть... им дун уванкрус у них нет... Интрадикция... яркая, блестящая. Эмма. Она сейчас уже гораздо больше копранит, чем... Все-таки не пойму, как... тавирарить миксер дист...

Кое-что в мыслях Скотта можно было еще разобрать. Но Эмма перестроилась на логику X гораздо быстрее. Она тоже размышляла.

Не так, как ребенок, не так, как взрослый. Вообще не так, как человек. Разве что, может быть, как человек совершенно иного типа, чем homo sapiens.

Иногда и Скотту трудно было поспеть за ее мыслями. Постепенно Парадин и Джейн опять обрели нечто вроде душевного равновесия. У них было ощущение, что теперь, когда причина тревог устранена, дети излечились от своих умственных завихрений.

Но иногда все-таки что-то было не так.

Однажды в воскресенье Скотт отправился с отцом на прогулку, и они остановились на вершине холма. Внизу перед ними расстилалась довольно приятная долина.

- Красиво, правда? - заметил Парадин.

Скотт мрачно взглянул на пейзаж.

- Это все неправильно, - сказал он.

- Как это?

- Ну, не знаю.

- Но что здесь неправильно?

- Ну... - Скотт удивленно замолчал. - Не знаю я.

В этот вечер, однако, Скотт проявил интерес, и довольно красноречивый, к угрям.

В том, что он интересовался естественной историей, не было ничего явно опасного. Парадин стал объяснять про угрей.

- Но где они мечут икру? И вообще, они ее мечут?

- Это все еще неясно. Места их нереста неизвестны. Может быть, Саргассово море или же где-нибудь в глубине, где давление помогает их телам освобождаться от потомства.

- Странно, - сказал Скотт в глубоком раздумье.

- С лососем происходит более или менее то же самое. Для нереста он поднимается вверх по реке. - Парадин пустился в объяснения. Скотт слушал, завороженный.

- Но ведь это правильно, пап. Он рождается в реке и, когда научится плавать, уплывает вниз по течению к морю. И потом возвращается обратно, чтобы метать икру, так?

- Верно.

- Только они не возвращались бы обратно, - размышлял Скотт, - они бы просто посылали свою икру...

- Для этого нужен был бы слишком длинный яйцеклад, - сказал Парадин и отпустил несколько осторожных замечаний относительно размножения.

Сына его слова не удовлетворили. Ведь цветы, возразил он, отправляют свои семена на большие расстояния.

- Но ведь они ими не управляют. И совсем немногие попадают в плодородную почву.

- Но ведь у цветов нет мозгов. Пап, почему люди живут здесь?

- В Глендале?

- Нет, здесь. Вообще здесь. Ведь, спорим, это еще не все, что есть на свете.

- Ты имеешь в виду другие планеты?

Скотт помедлил.

- Это только... часть... чего-то большого. Это как река, куда плывет лосось. Почему люди, когда вырастают, не уходят в океан?

Парадин сообразил, что Скотт говорит иносказательно. И на мгновение похолодел. Океан?

Потомство этого рода не приспособлено к жизни в более совершенном мире, где живут родители. Достаточно развившись, они вступают в этот мир. Потом они сами дают потомство. Оплодотворенные яйца закапывают в песок, в верховьях реки. Потом на свет появляются живые существа.

Они познают мир. Одного инстинкта совершенно недостаточно. Особенно когда речь идет о таком роде существ, которые совершенно не приспособлены к этому миру, не могут ни есть, ни пить, ни даже существовать, если только кто-то другой не позаботится предусмотрительно о том, чтобы им все это обеспечить.

Молодежь, которую кормят и о которой заботятся, выживет. У нее есть инкубаторы, роботы. Она выживет, но она не знает, как плыть вниз по течению, в большой мир океана.

Поэтому ее нужно воспитывать. Ее нужно ко многому приучить и приспособить.

Осторожно, незаметно, ненавязчиво. Дети любят хитроумные игрушки. И если эти игрушки в то же время обучают...

Во второй половине XIX столетия на травянистом берегу ручья сидел англичанин. Около него лежала очень маленькая девочка и глядела в небо. В стороне валялась какая-то странная игрушка, с которой она перед этим играла. А сейчас она мурлыкала песенку без слов, а человек прислушивался краем уха.

- Что это такое, милая? - спросил он наконец.

- Это просто я придумала, дядя Чарли.

- А ну-ка спой еще раз. - Он вытащил записную книжку.

Девочка спела еще раз.

- Это что-нибудь означает?

Она кивнула.

- Ну да. Вот как те сказки, которые я тебе рассказывала, помнишь?

- Чудесные сказки, милая.

- И ты когда-нибудь напишешь про это в книгу?

- Да, только нужно их очень изменить, а то никто их не поймет. Но я думаю, что песенку твою я изменять нс буду.

- И нельзя. Если ты что-нибудь в ней изменишь, пропадет весь смысл.

- Этот кусочек, во всяком случае, я не изменю, - пообещал он. - А что он обозначает?

- Я думаю, что это путь туда, - сказала девочка неуверенно. - Я пока точно не знаю. Это мои волшебные игрушки мне так сказали.

- Хотел бы я знать, в каком из лондонских магазинов продаются такие игрушки?

- Мне их мама купила. Она умерла. А папе дела нет.

Это была неправда. Она нашла эти игрушки в Коробке как-то раз, когда играла на берегу Темзы. И игрушки были поистине удивительные.

Эта маленькая песенка - дядя Чарли думает, что она не имеет смысла. (На самом деле он ей не дядя, вспомнила она, но он хороший.) Песенка очень даже имеет смысл. Она указывает путь. Вот она сделает все, как учит песенка, и тогда...

Но она была уже слишком большая. Пути она так и не нашла.

Скотт то и дело приносил Эмме всякую всячину и спрашивал ее мнение. Обычно она отрицательно качала головой. Иногда на ее лице отражалось сомнение. Очень редко она выражала одобрение. После этого она обычно целый час усердно трудилась, выводя на клочках бумаги немыслимые каракули, а Скотт, изучив эти записи, начинал складывать и передвигать свои камни, какие-то детали, огарки свечей и прочий мусор. Каждый день прислуга выбрасывала все это, и каждый день Скотт начинал все сначала.

Он снизошел до того, чтобы кое-что объяснить своему недоумевающему отцу, который не видел в игре ни смысла, ни системы.

- Но почему этот камешек именно сюда?

- Он твердый и круглый, пап. Его место именно здесь.

- Но ведь и этот вот тоже твердый и круглый.

- Ну, на нем есть вазелин. Когда доберешься до этого места, отсюда иначе не разберешь, что это круглое и твердое.

- А дальше что? Вот эта свеча?

Лицо Скотта выразило отвращение. Она в конце. А здесь нужно вот это железное кольцо.

Парадину подумалось, что это как игра в следопыты, как поиски вех в лабиринте. Но опять тот самый произвольный фактор. Объяснить, почему Скотт располагал свою дребедень так, а не иначе, логика - привычная логика - была не в состоянии.

Парадин вышел. Через плечо он видел, как Скотт вытащил из кармана измятый листок бумаги и карандаш

и направился к Эмме, на корточках размышляющей над чем-то в уголке.

Ну-ну...

Джейн обедала с дядей Гарри, и в это жаркое воскресное утро, кроме газет, нечем было заняться. Парадин с коктейлем в руке устроился в самом прохладном месте, какое ему удалось отыскать, и погрузился в чтение комиксов.

Час спустя его вывел из состояния дремоты топот ног наверху.

Скотт кричал торжествующе:

- Получилось, пузырь! Давай сюда...

Парадин, нахмурясь, встал. Когда он шел к холлу, зазвенел телефон. Джейн обещала позвонить...

Его рука уже прикоснулась к трубке, когда возбужденный голосок Эммы поднялся до визга. Лицо Парадина исказилось.

- Что, черт побери, там, наверху, происходит?

Скотт пронзительно вскрикнул:

- Осторожней! Сюда!

Парадин забыл о телефоне. С перекошенным лицом, совершенно сам не свой, он бросился вверх по лестнице. Дверь в комнату Скотта была открыта.

Дети исчезали.

Они таяли постепенно, как рассеивается густой дым на ветру, как колеблется изображение в кривом зеркале. Они уходили, держась за руки, и Парадин не мог понять куда, и не успел он моргнуть, стоя на пороге, как их уже не было.

- Эмма, - сказал он чужим голосом, - Скотти!

На ковре лежало какое-то сооружение - камни, железное кольцо - мусор. Какой принцип у этого сооружения - произвольный?

Под ноги ему попался скомканный лист бумаги. Он машинально поднял его.

- Дети. Где вы? Не прячьтесь...

ЭММА! СКОТТИ!

Внизу телефон прекратил свой оглушительно-монотонный звон.

Парадин взглянул на листок, который был у него в руке.

Это была страница, вырванная из книги. Непонятные каракули Эммы испещряли и текст и поля. Четверостишие было так исчеркано, что его почти невозможно было разобрать, но Парадин хорошо помнил "Алису в Зазеркалье". Память подсказала ему слова:

Часово - жиркие товы.
И джикали, и джакали в исходе.
Все тенали бороговы.
И гуко свитали оводи.

Ошалело он подумал: Шалтай-Болтай у Кэрролла объяснил Алисе, что это означает. "Жиркие" - значит смазанные жиром и гладкие. Исход - основание у солнечных часов. Солнечные часы. Как-то давно Скотт спросил, что такое исход. Символ?

"Часово гукали..."

Точная математическая формула, дающая все условия, и в символах, которые дети поняли. Этот мусор на полу. "Товы" должны быть "жиркие" - вазелин? - и их надо расположить в определенной последовательности, так, чтобы они "джикали" и "джакали".

Безумие!

Но для Эммы и Скотта это не было безумием. Они мыслили по-другому. Они пользовались логикой X. Эти пометки, которые Эмма сделала на странице, - она перевела слова Кэрролла в символы, понятные ей и Скотту.

Произвольный фактор для детей перестал быть произвольным. Они выполнили условия уравнения времени-пространства. "И гуко свитали оводи..."

Парадин издал какой-то странный гортанный звук. Взглянул на нелепое сооружение на ковре. Если бы он мог последовать туда, куда оно ведет, вслед за детьми... Но он не мог. Для него оно было бессмысленным. Он не мог справиться с произвольным фактором. Он был приспособлен к Эвклидовой системе. Он не сможет этого сделать, даже если сойдет с ума... Это будет совсем не то безумие.

Его мозг как бы перестал работать. Но это оцепенение, этот ужас через минуту пройдут... Парадин скомкал в пальцах бумажку.

- Эмма, Скотти, - слабым, упавшим голосом сказал он, как бы не ожидая ответа.

Солнечные лучи лились в открытые окна, отсвечивая в золотистом мишкином меху. Внизу опять зазвенел телефон.

СИМ УДОСТОВЕРЯЕТСЯ...

Дьявол выжал из себя улыбку.

- Знаете, - сказал он, - это как-то не принято... Я даже и не уверен...

- Короче, нужна вам моя душа или нет? - напрямик спросил Джеймс Фенвик.

- Нужна, конечно, - был ответ. - Но придется еще подумать. При данных обстоятельствах я что-то не представляю, как я ее получу...

- Ну, разве я так уж много прошу? - заметил Фенвик, потирая руки. - Всего-навсего бессмертия. Ума не приложу, почему до этого раньше никто не додумался. По-моему, дело верное. Ну, смелей же, смелей решайтесь. Или захотелось на попятную?

- Да нет, - поспешил заверить дьявол. - Просто... Знаете, Фенвик, я не уверен, отдаете ли вы себе отчет... Ведь бессмертие - это довольно долго...

- Вот именно. И весь вопрос - будет ему конец или нет. Если да, вы получаете мою душу. Если нет... - Фенвик легонько махнул рукой. - Тогда выигрываю я.

- О, конец-то будет, - заявил дьявол мрачно, даже зловеще. - Просто в настоящее время я как-то не хотел бы брать на себя такое долгосрочное обязательство. Ведь вам не понравится быть бессмертным, Фенвик, поверьте мне...

- Ха, - сказал Фенвик.

- Не понимаю. И чего вам так приспичило с этим бессмертием?.. - Дьявол раздраженно постукивал кончиком хвоста по ковру.

- Мне? Ничуть, - изрек Фенвик. - По сути дела, бессмертие - это просто попутно... Главное, мне хотелось бы кое-что предпринять, не опасаясь последствий...

- Я мог бы это для вас устроить, - тут же нашелся дьявол.

- Но тогда, - Фенвик поднял руку, чтобы его не перебили, - договор на том, естественно, и кончался бы. А так я приобретаю не только запас всевозможных иммунитетов, но вдобавок еще и бессмертие. Принимаете мои условия - хорошо, не хотите - не надо...

Дьявол встал и принялся, нахмурившись, мерить комнату шагами. Прошло какое-то время, прежде чем он поднял голову.

- Ладно, - сказал он деловым тоном. - Я согласен.

- Правда?.. - Фенвик вдруг почувствовал известное разочарование. Час пробил, пора ставить точку, но, может статься... Он посмотрел неуверенно на зашторенное окно. - А как... как же вы это сделаете?..

- Биохимия, - сказал дьявол. Теперь он решился и, казалось, был совершенно уверен в себе. - И квантовая механика. Ваш организм получит способность к регенерации, а кроме того, придется осуществить кое-какие пространственно-временные изменения. Вы приобретете полную независимость от внешней среды. Среда - нередко самый фатальный фактор...

- А я? Я останусь таким же, как был, видимым, осязаемым, без обмана?

- Какой еще обман! - дьявол принял оскорбленный вид. - Если уж говорить об обмане, так, мне сдается, это вы пытаетесь надуть меня, а не наоборот. Нет, нет, Фенвик! Обещаю вам, вы получите по договору сполна. Станете закрытой системой, как Ахилл. Совсем закрытой, за исключением пятки. Понимаете сами, должна же быть какая-то уязвимая точка...

- Нет, - быстро вставил Фенвик, - так я не согласен.

- Боюсь, тут уж ничего не попишешь. Закрытая система обезопасит вас от любых внешних воздействий. А внутри системы будете только вы. Система - это же и есть вы. И это в ваших собственных интересах оставаться хотя бы чуточку уязвимым... - Дьявол махнул хвостом по ковру. Фенвик встревожился и пристально глядел на него. - Ведь если со временем вы сами решите прекратить свою жизнь, даже я не смогу защитить вас. Подумайте, в самом деле, ведь через несколько миллионов лет вам, может, и захочется умереть.

- Как не вспомнить Титона! - воскликнул Фенвик. - Я сохраню и молодость, и здоровье, и внешность, и все способности...

- Конечно, конечно. Я сам не заинтересован в том, чтобы вас обманывать, условия меня устраивают. Я имел в виду, что вас, быть может, одолеет самая обыкновенная скука...

- А вы - вы скучаете?

- Бывало, - признался дьявол.
- Вы бессмертны?
- Естественно.
- Тогда почему же вы себя не убили? Или не смогли?
- Смог, - ответил дьявол уныло, - в том-то и дело, что смог... Давайте лучше поговорим об условиях нашего контракта. Бессмертие, молодость, здоровье... неуязвимость во всем, за единственным исключением самоубийства. В обмен я получу вашу душу после вашей смерти.
- Зачем? - неожиданно полюбопытствовал Фенвик.
Дьявол взглянул на него угрюмо.
- Ваше падение, как и падение каждой новой души, заставляет меня на минутку забыть о своей... - Он сделал нетерпеливое движение. - Однако все это софистика. Вот... - Он выхватил из воздуха свиток пергамента и гусиное перо. - Вот наше соглашение.
Фенвик прочел весь свиток с полным вниманием. В одном месте он поневоле остановился и поднял глаза на дьявола.
- Это еще что? - спросил он. - Я не знал, что надо оставлять залог...
- Разумеется, мне нужен своего рода залог. Или вы представите поручителя?
- Нет, конечно, - признался Фенвик. - Боюсь, такого не сыщешь даже в камере смертников. Какой же это залог?
- Кое-что из ваших воспоминаний. Все они, к вашему сведению, подсознательные.
Фенвик задумался.
- Стало быть, амнезия... А если мне нужны мои воспоминания?
- Но не эти. Амнезия - это когда исчезают сознательные воспоминания. А отсутствия той их части, которую я хочу, вы даже и не заметите...
- Это душа?
- Нет, - хладнокровно ответил дьявол. - Это лишь часть души, нужная часть, конечно, иначе она не представляла бы для меня никакой ценности. Но основная часть души останется при вас до той поры, пока вы сами не пожелаете передать мне ее посмертно. Вот тогда я соединю все вместе и завладею вашей душой. Однако это, безусловно, будет очень не скоро, а вы тем временем не испытаете никаких неудобств...
- Если я внесу оговорку такого рода в контракт, вы его подпишете?
Дьявол кивнул.
Фенвик сделал на полях небрежную приписку и сразу же, покуда на острие пера не просохла кровь, поставил под договором свое имя.

- Вот, готово...

Дьявол изобразил на лице бесконечное долготерпение и подписался сам. Потом он взмахнул свитком, и тот растворился в воздухе.

- Ну что ж, - сказал дьявол, - превосходно. Теперь, пожалуйста, встаньте. Нужно произвести некоторые изменения в железах... - Лапы его безболезненно вошли Фенвику в грудь и совершили одно за другим несколько мелких быстрых движений. - Щитовидка... другие эндокринные... все эти железы можно переустроить так, чтобы ваш организм бесконечно регенерировал. Повернитесь, пожалуйста...

В зеркале над камином Фенвик увидел, как лапа страшного гостя тихонько влезла ему в затылок. На мгновение закружилась голова.

- Зрительный бугор, шишковидное тело... - бормотал дьявол. - Пространственно-временное восприятие субъективно... Так... Вот вы уже и независимы от внешней среды... Нет, еще минуточку. Осталось только...

Он крутанул кистью и быстро выдернул лапу - нет, кулак, плотно сжатый кулак, - из головы Фенвика. В ту же секунду Фенвик ощутил странную приподнятость.

- Что это вы сделали? - спросил он, оборачиваясь.

Рядом никого не было. Дьявол исчез.

А вдруг - а вдруг это был просто-напросто сон? Что ж тут удивительного - после таких событий кто угодно засомневается, не бредит ли он наяву. Галлюцинации редки, но ведь случаются... Выходит, он теперь бессмертен и неуязвим. Однако если верить здравому смыслу, все это психоз, да и только. Доказательства - какие у него доказательства?

Ну а сомнения - какие есть основания для сомнений? Бессмертие - это же не пустяк, это ощутимо. Внутренняя уверенность в безграничном благополучии. Переустройство желез, вот так штука! Мой организм теперь функционирует как никогда раньше, как никогда еще не функционировал ничей организм. Я теперь закрытая, самовосстанавливающая система, над которой ничто не властно, даже время...

Им овладело неведомое, все нарастающее ощущение счастья. Он закрыл глаза и вызвал в памяти самые ранние, самые первые свои впечатления. Солнечный зайчик дрожит на полу веранды... Муха жужжит... А его, утонувшего в тепле, качает, качает... Память не осознавала потери, мысль свободно путешествовала в прошлом. Равномерные взмахи и скрип качелей на детской площадке, а в церкви - гулкая, пугающая тишина.

Дощатый ящик сельского клуба. Шершавая мокрая губка, обтирающая ему лицо, и голос матери...

Неуязвимый и бессмертный, он пересек комнату, открыл дверь, прошел по короткому коридору. Каждое движение наполняло его чувством удивительной легкости, полнейшей радости бытия. Он приоткрыл тихонько другую дверь и заглянул за нее. Мать спала, откинувшись на груду подушек.

Фенвик был так счастлив, так счастлив...

Он подошел поближе, обогнул на цыпочках креслокаталку, постоял у кровати, глядя на мать. Потом осторожно высвободил одну подушку, поднял ее и прижал - сперва легонько - двумя руками к лицу спящей.

Поскольку этот рассказ - отнюдь не хроника грехов Джеймса Фенвика, очевидно, нет и необходимости во всех деталях расписывать, по каким ступеням он прошагал, чтобы за какие-нибудь пять лет добиться звания Худшего Человека на Земле. Желтые газеты упивались им. Были, конечно, люди и похуже его, но все они были смертны, уязвимы, а потому скрытны.

В основе его поведения лежала и крепла с каждым днем уверенность, что он, Фенвик, есть единственная постоянная в этом скоротечном мире. "Дни их как трава", - размышлял он, наблюдая за людьми - своими братьями во сатане, когда те собирались толпами у алтарей, таких отталкивающе-никчемных. Это было еще на заре его карьеры, он тогда исследовал собственные ощущения, следуя традиционным представлениям и предрассудкам; позже он отверг подобное занятие как мальчишество.

Он был свободен в своих поступках, идеально свободен, его наполняла непрестанная и восхитительная уверенность в собственном благополучии, и он экспериментировал со многими сторонами бытия. Путь его был устлан посрамленными присяжными и недоумевающими адвокатами. "Современный Калигула! - восклицала газета "Нью-Йорк ньюс", объясняя своим читателям на примерах, кто такой был Калигула. - Неужели ужасные обвинения, выдвинутые против Джеймса Фенвика, реальны?"

Но по той ли, по другой ли причине осудить его никогда не удавалось. Обвинения проваливались одно за другим. Дьявол не обманывал - Фенвик действительно представлял собой закрытую систему, независимую от окружающей среды, и свою независимость он продемонстрировал на множестве процессов. Сам он так и не сумел понять, каким же образом дьявол всякий раз

добивается успеха. Надобность в настоящем чуде если и являлась, то чрезвычайно редко.

Однажды некий разорившийся банкир, полагавший - и на редкость справедливо, - что виновник краха Фенвик, выпустил пять пуль прямехонько ему в сердце. Пули срикошетировали. Свидетелей этому было только двое - Фенвик и банкир. Тот решил, наверное, что противник невредим благодаря какой-нибудь стальной жилетке, и последнюю, шестую пулю направил Фенвику в голову. Результат был тот же. Банкир попробовал еще раз, теперь ножом. Фенвика заело любопытство - он решил не защищаться: что получится? Получилось то, что банкир в конце концов сошел с ума.

Прямо и недвусмысленно присвоив подвернувшееся состояние, Фенвик принялся приумножать его. Обвинения, как и прежде, сыпались со всех сторон, но из этого по-прежнему ничего не выходило. Требовались особые усилия, чтобы каждое очередное преступление непременно относилось к разряду караемых смертной казнью, но не так уж сложно оказалось разработать на сей счет свою методику, и богатство Фенвика и власть умножались час от часу.

Слава про него шла самая дурная. Однако вскоре он решил, что славы еще мало, и возжаждал восхищения. Добиться восхищения было несколько труднее - Фенвик не собрал еще таких богатств, которые поставили бы их владельца вне морали, сделали бы его неподсудным общественному мнению. Впрочем, это было поправимо. Через десять лет после сделки с дьяволом Фенвик, может, и не был еще могущественнейшим человеком на Земле, но, безусловно, был могущественнейшим в Соединенных Штатах. Он добился того восхищения и той известности, о которых, как ему казалось, мечтал.

И все-таки чего-то недоставало. Высказывал же дьявол предположение, что через несколько миллионов лет Фенвику самому захочется умереть со скуки. Но прошло всего десять лет, и в один прекрасный летний день Фенвик был слегка шокирован открытием - он не знал, он просто не знал, что же ему делать дальше.

Со всей возможной тщательностью он исследовал свое состояние. "Это и есть скука?" - спросил он себя. Если так, то даже скука не была неприятной. Проступала в ней некая восхитительная расслабленность, словно он лежал на плаву в теплой океанской воде. Пожалуй, расслабленность была даже слишком явной.

"Если это и все, что дает бессмертие, - говорил он себе, - стоило ли копья ломать? Состояние, конечно, приятное,

но продать ради него душу?.. Должно же найтись что-нибудь такое, что вывело бы меня из этой дремоты!.."

Он опять экспериментировал. Не прошло и пяти лет, как он опять лишился благосклонности общества, растерял ее оттого, что все более и более судорожно пытался выкарабкаться из удушливой безмятежности. Пытался - и не мог. Самые чудовищные, ужасающие ситуации не производили на него ровно никакого впечатления. Других они обратили бы в камень, повергли бы в трепет - Фенвик не ощущал ничего, кроме полного безразличия.

С чувством глухого отчаяния - но и оно не могло нарушить его спокойствия - Фенвик обнаруживал, что начинает терять контакт с родом человеческим. Люди были смертны, и они, казалось, уходят от него в какую-то нереальную даль. Ведь даже земля под ногами уже не была для него незыблемой - со временем, думал он, ему придется наблюдать движение геологических приливов...

Наконец он обратился к области интеллекта. Он стал рисовать и пописывать и помаленьку заниматься науками. Это было интересно, но лишь до известного предела. Рано или поздно он неизбежно наталкивался на некий барьер, на запертую в сознании дверь, и за ней, за дверью, не было ничего, кроме все того же убаюкивающего спокойствия, и в этом спокойствии растворялся без следа былой интерес. В нем, в нем самом чего-то явно не хватало.

Постепенно зрело подозрение. Оно то всплывало к самой поверхности, то опять, под нажимом нового увлечения, пряталось в глубине. Но в конце концов оно прорвалось из подсознания в сознание.

Однажды утром Фенвик очнулся от сна и сразу же сел в кровати, будто его подтолкнула чья-то невидимая рука.

- Чего-то во мне не хватает, - сказал он про себя. - Это факт. Но чего?..

Он задумался.

Как давно не хватает этого - того, чего не хватает? Ответа не было - сперва не было. Глубокая неодолимая безмятежность не отпускала, укачивала его, не давала сосредоточиться. Эта-то безмятежность и была важной частью его беды. Как давно она овладела им? Очевидно, со дня заключения договора. Чем она вызвана? Ну, все эти годы он считал, что просто-напросто благополучием в каждом уголке, в каждой клеточке его организма, функционирующего идеально и вечно. А если это на самом деле нечто большее? Если его сознание нарочито притуплено, чтобы он и не заподозрил, что совершена кража?..

Кража?.. Сидя в кровати среди тяжелых шелковых простыней, глядя на бледный июньский рассвет за окном, Джеймс Фенвик вдруг узрел всю возмутительную правду. Под одеялом он звонко стукнул себя по колену.

- Моя душа! - крикнул он невозмутимому восходу. - Он обманул меня! Он украл у меня душу!

Стоило лишь ухватиться за эту мысль, и она показалась Фенвику настолько очевидной, что оставалось диву даваться, как же он не заметил подвоха сразу. Дьявол хитер и бесчестен, он предвосхитил расплату - и отнял у Фенвика душу немедля. Если и не всю, то, по крайней мере, главную ее часть. И Фенвик, стоя перед зеркалом, сам наблюдал за тем, как дьявол это проделал. Тут не могло оставаться, видимо, и тени сомнения. Ибо в нем определенно чего-то недоставало. Сколько раз он будто останавливался перед запертой в сознании дверью, и дверь не могла перед ним открыться потому лишь, что в нем не хватало главного - утраченной, украденной души...

Какой же прок в бессмертии без этого загадочного нечто, которое и придает бессмертию самый смак? Он не в силах вкусить от возможностей вечной жизни по той причине, что у него отобрали самый ключ к бытию...

- Кое-что из воспоминаний, а? - усмехнулся он, осмысливая заново, что сказал тогда дьявол и как подчеркнуто небрежен был, когда дошло до залога. - И я даже не замечу их отсутствия, а?.. А на деле-то это самая что ни на есть сердцевина моей души!..

Он стал припоминать фольклор и мифологию, персонажей, у которых не было души. Маленькая русалочка, девушка-тюлень, кто-то там из "Сна в летнюю ночь" - оказывается, в мифологии это было вполне обыкновенное явление. И те, кто лишился души, страстно желали заполучить ее снова любой ценой. Дело тут, понимал теперь Фенвик, вовсе не в пережитках язычества в сознании ряда авторов. Нынешнее его положение было, что ни говори, уникально - он-то узнал, что по душе можно искренне тосковать.

Теперь он понял, как много потерял, и им завладело мучительное, непереносимое чувство утраты. Такое же, наверное, чувство мучило русалочку и всех остальных. Как и он, все они были бессмертны. Людьми они, правда, не были, но, по-видимому, тоже познали этот странный мир полнейшей свободы, легкомысленной и беспечной; ведь даже сейчас между Фенвиком и его потерей иной раз вырастала стена крайнего ко всему безразличия... Разве боги, по преданию, не проводили дни свои в нескончаемом бездумном веселье? Они смеялись и пели,

танцевали и пили - и никогда не ведали ни усталости, ни тоски...

До каких-то пор это было просто замечательно. Но раз уже заподозрил неладное, то теряешь вкус к олимпийской жизни и жаждешь заполучить свою душу обратно, чего бы это ни стоило. Почему? Дать логичное объяснение Фенвик не смог бы. Он знал, что не ошибается, знал - и все...

В тот же миг прохладный летний восход всколыхнулся, и между Фенвиком и окном вырос дьявол. Фенвик поневоле вздрогнул.

- Договор был на вечность, - сказал он.

- Да, был, - сказал дьявол. - Но этот пункт можно и аннулировать...

- Я ничего аннулировать не намерен, - заявил Фенвик резко. - И как это, собственно, получилось, что вы объявились именно здесь и сейчас?

- Мне показалось, вы меня звали, - сказал дьявол. - Вы хотели поговорить со мной? Мне показалось, я уловил в вашем сознании нотку отчаяния. Как вы себя чувствуете? Скука не одолела еще? Не хотите ли разом все прекратить?..

- Конечно, нет. А если бы и хотел, так разве потому, что вы меня обманули. Не откажитесь объяснить: что это вы забрали у меня из головы в день нашего договора?

- Мне не хотелось бы вдаваться в подробности, - ответил дьявол, слегка помахивая хвостом.

- А мне хотелось бы! - вскричал Фенвик. - Вы мне сказали, что это только воспоминания, отсутствия которых я и не замечу...

- Так оно и было, - усмехнулся дьявол.

- Это была душа! Моя душа!.. - Фенвик зло хватил рукой по одеялам. - Вы надули меня. Забрали у меня душу авансом, и я не могу теперь наслаждаться бессмертием, которое я за нее купил. Вопиющее нарушение контракта!..

- Что же вас беспокоит? - спросил дьявол.

- Мне кажется, есть довольно много вещей, которые принесли бы мне удовольствие, заполучи я обратно душу. Будь у меня душа, я мог бы заняться музыкой и стать великим музыкантом. Музыку я всегда любил, а теперь передо мной - вечность... Или, допустим, я мог бы взяться за математику. Или заняться ядерной физикой - с моими-то возможностями в смысле времени и денег, и все ученые мира к моим услугам; пожалуй, нет и предела тому, чего бы я мог достигнуть. Мог бы даже взорвать весь мир и лишить вас всех будущих душ. Как бы вам это понравилось?..

Дьявол хмыкнул и почистил когти о рукав.

- Не смейтесь, - продолжал Фенвик. - Это сущая правда. Я мог бы изучить медицину и продлить человеческую жизнь. Мог бы изучить политику и экономику и положить конец всем войнам и страданиям. Мог бы изучить криминалистику и заполнить ад новообращенными душами. Мог бы сделать все что угодно, обладай я вновь своей душой. А без нее, без души, ну... все слишком... слишком спокойно. - Он печально опустил плечи. - Словно я отрезан от человечества. Что я ни делаю - ни к чему. А я все равно спокоен и беззаботен. Я даже не несчастлив. И все же не представляю себе, что делать дальше. Я...

- Другими словами, вас одолела скука, - сказал дьявол. - Извините, что не могу вам по этому случаю посочувствовать...

- Другими словами, вы надули меня, - сказал Фенвик. - Отдайте мне мою душу!

- Я ведь сказал вам, что я у вас взял, и сказал совершенно точно...

- Мою душу!

- Вовсе нет, - заверил его дьявол. - Боюсь, что сейчас мне придется вас оставить...

- Мошенник! Отдай мне мою душу!..

- Попробуйте заставьте меня, - осклабился дьявол. Первый луч восходящего солнца ворвался в прохладу спальни, и дьявол, будто того и ждал, растворился в нем и исчез.

- Ну хорошо, - сказал Фенвик в пространство. - Очень хорошо. Я попробую.

Он не стал терять времени. Во всяком случае потерял его не больше, чем заставляло это нелепое, не признающее забот спокойствие.

"Как же мне на него нажать? - спрашивал себя Фенвик. - Устроить ему обструкцию? Не вижу как. Тогда, быть может, лишить его чего-то, что он ценит? Что же он ценит? Души. Всякие души. Мою вот, в частности. Гм-м... - Он задумчиво нахмурился. - Я бы мог, например, покаяться..."

Фенвик размышлял об этом весь день. Мысль увлекла его, но в то же время она каким-то образом сама себя опровергала. Предсказать последствия подобного поступка было совершенно невозможно. Да и неясно было, как приняться за дело. Уж слишком скучной представлялась идея посвятить всю жизнь свою добрым делам.

Вечером он вышел из дому и бродил один по сумеречным улицам, погруженный в тяжкие раздумья. Прохожие скользили мимо зыбкими тенями, отраженными на экране времени. Воздух был покоен и свеж, и если бы не эта гнетущая несправедливость, если бы не бесцельность, не никчемность бессмертия, за которое он так дорого заплатил, он, наверное, ощутил бы полное умиротворение.

Но вот звуки музыки вторглись в сознание, он поднял голову и увидел себя у входа в собор. Призрачные люди поднимались и спускались по ступеням. Изнутри накатывались, волна за волной, звуки органа, слышалось пение, и в воздухе носился слабый запах ладана. Все это, бесспорно, производило впечатление.

"Я мог бы зайти туда, пасть перед алтарем и во всеуслышание крикнуть, что каюсь", - подумал Фенвик. Он поставил даже ногу на ступеньку, но затем помедлил, рассудив, что все равно не решится. Собор был слишком уж впечатляющим. Он бы чувствовал себя круглым идиотом. И все же...

В нерешительности он побрел дальше. Он брел и брел, покуда его размышления опять не прервала музыка. На сей раз он оказался у незастроенного участка, где раскинула свои крылья палатка странствующего проповедника. Изнутри доносился изрядный шум. Музыка неистово билась в парусиновые стенки. В нее вплеталось пение, крики мужчин и женщин...

Фенвик остановился, подчиняясь вспыхнувшей вдруг надежде. Здесь его покаяние, надо полагать, не привлечет к себе почти ничьего внимания. Он помедлил секунду и вошел.

В палатке было шумно, тесно и суматошно. Но прямо перед Фенвиком меж скамейками тянулся проход к подобию алтаря, у подножия которого толпились люди, взвинченные, казалось, до предела. Над толпой распростер свои руки оратор, он стоял за импровизированной кафедрой, взвинченный еще сильнее, чем его паства.

Фенвик бросил взгляд вдоль прохода.

"Как же мне это сформулировать? - думал он, потихоньку продвигаясь вперед. - Просто: я каюсь? Или что-нибудь вроде: я продал душу дьяволу и настоящим расторгаю договор? Нужна ли тут какая-нибудь специальная терминология?.."

Он почти уже добрался до алтаря, когда перед ним возникло слабое мерцание и сквозь мерцание проступили красноватые контуры дьявола - этакий трехмерный набросок в пыльном воздухе.

- Я на вашем месте не стал бы этого делать, - вымолвило видение.

Фенвик усмехнулся и прошел сквозь него. Тогда, собравшись с духом, дьявол явился перед Фенвиком в истинном своем обличье и загородил собой дорогу.

- Ну зачем устраивать такие сцены? - сказал он раздраженно. - Не могу вам передать, насколько мне здесь неуютно. Будьте любезны, Фенвик, не валяйте дурака...

Несколько человек в толпе глянули на дьявола с любопытством, но никто из них не выказал чрезмерного интереса. Большинство, вероятно, приняли его за переодетого служителя, а те, кому доводилось видывать его во плоти, то ли попривыкли к зрелищу, то ли посчитали данное явление при данных обстоятельствах вполне уместным. Никого оно в общем-то особенно не взволновало.

- Прочь с дороги! - сказал Фенвик. - Я решился.

- Вы мухлюете, - жалостно пробормотал дьявол. - Я вам этого позволить не могу.

- Сам смухлевал, - напомнил ему Фенвик. - Попробуй останови меня...

- И остановлю, - заявил дьявол, вытянув свои когтистые лапы.

Фенвик расхохотался.

- Я же теперь закрытая система. Ты мне ничего не можешь сделать. Вспоминаешь?..

Дьявол заскрежетал зубами. Фенвик оттолкнул зловещую фигуру и двинулся вперед. За своей спиной он услышал:

- Ну ладно, Фенвик. Вы победили.

Фенвик обернулся и облегченно вздохнул:

- Так вы вернете мне мою душу?

- Я верну вам то, что взял в качестве залога, только вам это наверняка не понравится...

- Давайте ее сюда, - сказал Фенвик. - Я не верю ни единому вашему слову.

- Я отец лжи, - заметил дьявол, - но на этот раз...

- Нечего, нечего, - перебил его Фенвик. - Отдавайте мою душу!

- Только не здесь. Здесь мне очень неудобно. Следуйте за мной. Да не бойтесь вы, я просто хочу перенести вас в вашу собственную квартиру. Мы должны остаться одни...

Он поднял лапы и очертил вокруг себя и Фенвика коробочку - четыре стены в эскизе. В тот же миг исчезли напирающая толпа, шум, крики и вокруг поднялись стены роскошной квартиры. Слегка запыхавшись, Фенвик пересек знакомую комнату и выглянул в окно. Не оставалось сомнений, он был дома.

- Это ловко, - поздравил он дьявола. - А теперь отдавайте мою душу...

- Я отдам лишь то, что забрал. Никакого нарушения контракта не было, но раз уж мы условились... Но предупреждаю вас по чести: вам это вовсе не понравится.

- Нечего тут темнить, - отрезал Фенвик. - Вы же нипочем не сознаетесь, что смухлевали...

- Я вас предупредил, - сказал дьявол.

- Давайте ее сюда!

Дьявол пожал плечами. Потом он засунул лапу себе в грудь, пошарил там, приговаривая: "Я эту штуку спрятал, чтоб не испортилась", вынул плотно сжатый кулак.

- Повернитесь, - приказал дьявол.

Фенвик повернулся. Он почувствовал, будто прохладный ветерок повеял от затылка через голову...

- Стойте спокойно! - прикрикнул дьявол у него за спиной. - Это займет минуту-другую. Знаете, Фенвик, вы дурак. Я рассчитывал на лучшее развлечение, а то ни за что не стал бы тратить время на этот фарс. Мой бедный глупенький друг, не душу я у вас забрал, а, как и говорил вам, лишь некоторые подсознательные воспоминания...

- Тогда почему же, - спросил раздраженно Фенвик, - я не в состоянии наслаждаться своим бессмертием? Что же это за капкан, останавливающий меня на пороге всего, что бы я ни задумал? Мне надоело быть божеством, если бессмертие остается единственным моим достоянием, если я не получаю настоящего от него удовольствия...

- Да не шевелитесь вы! - сказал дьявол. - Ну, так вот. Дорогой мой Фенвик, никакой вы не бог. Вы самый обыкновенный ограниченный человек. Собственная ограниченность - вот и все, что стоит у вас на пути. Да вы и за миллион лет не стали бы ни великим музыкантом, ни великим политиком и никаким другим великим из ваших грез! Нету в вас этого, просто нет, и бессмертие тут совершенно ни при чем. Как ни странно... - Дьявол сокрушенно вздохнул. - Как ни странно, те, кто заключает сделки со мной, никогда не способны воспользоваться тем, что я им даю. Наверное, все дело в том, что это свойство посредственности - надеяться получить что-нибудь за так, задаром. Вы, дорогой мой, совершеннейшая посредственность...

Прохладный ветерок прекратился.

- Ну вот и все, - заметил дьявол. - Вот я и вернул вам все, что взял. По фрейдистской терминологии, это всего лишь ваше супер-эго, ваше "сверх-я"...

- Мое "сверх-я"? - откликнулся Фенвик, оборачиваясь. - Я что-то не...

- Не понимаю? - закончил за него дьявол и вдруг широко осклабился. - Еще поймете. Это структура раннего познания, встроенная в ваше подсознание. Она направляет ваши импульсы по каналам, приемлемым для общества. Другими словами, мой бедный Фенвик, я только что вернул вам вашу совесть. Отчего же, как вы считаете, вам было так легко и беспечно все эти годы?..

Фенвик сделал вдох, собирался ответить - и не успел.

Дьявол испарился. Он, Фенвик, был в комнате один.

Впрочем, нет, не совсем один. Над камином висело зеркало, и в этом зеркале он увидел свои испуганные глаза. Какое-то мгновение - и "сверх-я" возобновило в его сознании прерванную на многие годы работу.

Подобно карающей деснице, на Фенвика обрушилась, потрясая и сокрушая, память обо всем, что он совершил. Он вспомнил все свои преступления. Все до единого. Каждый свой непростительный шаг, каждый бесчеловечный поступок за последние двадцать лет.

Ноги под ним подкосились. Мир померк с заунывным воем. Вина свалилась ему на плечи грузом, под которым он еле мог устоять. Все, что он наблюдал, все, что совершил за годы, когда беззаботно сеял зло, собралось в жуткие образы, сокрушало мозг громами, испепеляло молниями. Нестерпимые муки совести клокотали в душе, разрывали ее на части. Он поднял руки к глазам, чтобы отогнать видения, но не мог, не мог отогнать память...

Он повернулся и, шатаясь, ринулся к дверям спальни. Рванул их на себя. Чуть не падая, вбежал в комнату, сунул руку в ящик. Вытащил пистолет. Поднял к виску...

И за его спиной вырос дьявол.

Содержание

Каттнер Г.

К 29 Сим удостоверяется... : Рассказы. - Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1992. - 448 с.

ISBN 5-7529-0430-7

С 52. 300 000 экз.

Книга, которую вы держите в руках, принадлежит перу известного американского писателя-фантаста Генри Каттнера (1914-1958). В нее включены лучшие рассказы автора, переведенные на русский язык и выходившие в различных сборниках. Впервые полностью публикуется знаменитый цикл рассказов о мутантах Хогбенах.

Многие произведения написаны Каттнером в соавторстве с женой - Кэтрин Мур.

К $\frac{4703040100-052}{М158(03)-92}$ Без объявл. - 92 ББК 83.37 США

Составитель
**Виталий Иванович
Бугров**

СИМ УДОСТОВЕРЯЕТСЯ ...

Редактор Г.И.Гломоздова
Художник А.В.Мохин
Художественный редактор В.С.Солдатов
Техническое редактирование и компьютерная верстка
И.Ш.Трушниковой
Оператор компьютерного набора И.Б.Волненкова
Корректоры М.Ф.Худякова, Н.И.Тунгусова

ИБ № 2195
Подписано в печать 09.02.92.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 2.
Гариитура Таймс. Печать офсетиая.
Усл. печ. л. 23,5.
Усл. кр.-отт. 23,5. Уч.-изд. л. 26,5.
Тираж 300 000 экз.
(1-й завод: 1—200 000 экз.).
Заказ № 37. С 52.

Средне-Уральское книжиое издательство,
620219, Екатеринбург, ГСП-351, Малышева, 24.
Отпечатаио с готовых диапозитивов в типографии
изд-ва «Уральский рабочий»,
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.